ВЕКА И ДНИ МОСКВЫ МОЕЙ

Александр Торопцев

МОСКВА. ПУТЬ К ИМПЕРИИ 1147-1709



ВЕКА И ДНИ МОСКВЫ МОЕЙ

Александр Торопцев

МОСКВА. ПУТЬ К ИМПЕРИИ 1147-1709



Александр ТОРОПЦЕВ

Москва. Путь к империи

ТВЕРСКАЯ, 13
Москва
2000

Scan, processing, ocr: waleriy; 2015

ББК 63.3 (2) 44
Т 61

Торопцев А. П.
Москва. Путь к империи. — М.: Тверская, 13, 2000. — 640 с.; иллюстраций — 38.

Книга А. П. Торопцева «Москва. Путь к империи» рассказывает о московском периоде в истории Русского государства, о возникновении города, об образовании вокруг него Московского княжества, о собирании русских земель Москвой, о возвышении и об укреплении Москвы. Уникальность книги в том, что впервые государственные, социальные и правовые проблемы молодого государства за продолжительный период времени нанизываются автором на судьбы московских правителей, их сподвижников и противников, что делает повествование занимательным и поучительным.

Книга снабжена таблицами, хронологическим и литературным указателями.

ББК 63.3 (2) 44

© Торопцев А. П., 1999
© Редакция «Тверская, 13», 1999

ISBN 5-89328-012-1

От издателя

Дорогой наш друг-читатель!

Предлагаем вам свою новую книгу. В ее основе — напряженная работа автора в архивах, его неустанный поиск. В соответствии с распоряжением мэра Москвы «О первоочередных мерах по изучению истории московской администрации» в декабре 1994 г. в газете «Тверская, 13» была открыта рубрика «Из истории московской власти», под которой публиковались очерки о главных начальниках Москвы. Книгой А. П. Торопцева «Москва. Путь к империи» мы продолжаем издание серии книг «Века и дни Москвы моей», в которой будут рассмотрены взаимоотношения москвичей с властью города на протяжении всей его истории.

Книги издательства «Тверская, 13», такие как «Улочки-шкатулочки, московские дворы», «Арбатский архив», «Юрий Лужков. Хронология успеха» и другие, рекомендованы столичным Комитетом образования как дополнительная литература по курсу «Москвоведение». Издательство готовит очередные книги серии «Века и дни Москвы моей», в которых будут отражены разные периоды истории города. Надеемся, они помогут вам не только лучше узнать прошлое Москвы, но и доставят эстетическое наслаждение при чтении.

Будем вместе!

Михаил ПОЛЯТЫКИН,
главный редактор «Тверской, 13»

Вступление

Решив бегло ознакомиться с нашей книгой, читатель может предположить, что она повествует не об истории города Москвы, а об истории Русского государства. Это предположение справедливо частично, ровно настолько, насколько жизнь столичного города может влиять на жизнь страны. Эта книга о московском периоде русской истории, когда по воле московских правителей создавалось новое, мощное евразийское государство — Российская империя. Подчеркнем, по воле, а не по прихоти.

Организующая воля князей и царей московских рассматривается в книге как исторический феномен. Исследованием этого феномена автор предлагает заняться и читателю.

Отцом-основателем города считается князь суздальский и великий князь киевский Юрий Владимирович Долгорукий. Но с еще большим правом основателями Москвы можно считать Степана Ивановича Кучку, обитателей Красных сел, а также вятичей и кривичей, которые начали прибывать в эту глухомань еще во времена Великого переселения народов.

Часть первая «Основатели» повествует о том, как в долине Москвы-реки, в глуши, удаленной от битв «великих переселенцев», проходило формирование нового народа, берегущего как зеницу ока возможность жить без кровавых потрясений, созидающего в необжитом междуречье Оки и Волги новые очаги жизни.

В долетописные времена это была общность людей, вырабатывающая совместно самобытные понятия о жизни и о счастье. У Юрия Долгорукого понятия о жизни и о счастье были иными, чем у сына его — Андрея Боголюбского. Столкновение различных взглядов на самые важные вопросы бытия не могло не закончиться трагически. Драма, начавшаяся на Боровицком холме в апреле (марте) 1147 года, потому и была запечатлена летописцами, что до той поры жизнь в здешних местах шла гладко, как в колыбели.

В книге дается характеристика этой своеобразной колыбели Москвы-народа* — Московского пространства, организующим ядром которого стал город на Боровицком холме. Факт существования этого пространства как единого социального, экономического и политического организма вплоть до восьмидесятых годов XIII века не замечал ни один летописец. И даже ордынцы хана Батыя, грабившие Москву зимой 1237/38 года, не догадывались, что именно Москва-город и Москва-народ сокрушат Орду.

Часть вторая «Удел или крепость?» освещает столетие, полное междоусобных войн русских князей, столетие упорной борьбы за выживание,

* Выражение историка И. Е. Забелина. *(Прим. ред.)*

о котором не осталось свидетельств летописцев. Глава не только знакомит читателей с точками зрения разных историков на это время, но и предлагает авторскую трактовку событий, происходивших в этот период в окрестностях Боровицкого холма.

В третьей части книги «Московское княжество» рассказывается о том, как во второй половине XIII века из великого княжества Владимирского выделилось — тогда совсем небольшое — Московское княжество. Вместе с его укреплением и усилением росло у народа, попавшего в жестокую зависимость от Орды, желание избавиться от нее. Нередко оно становилось настолько непреодолимым, что самые несдержанные, самые яростные сердцем расправлялись с ордынскими баскаками. Ответом ханов на эти выражения протеста были карательные походы ордынцев.

Московские князья избрали другой путь одоления супостата — путь компромиссов, долгий путь собирания русских земель под крылом Москвы, путь терпеливого накопления духовных сил и материальных средств для борьбы с Ордой.

В четвертой части «Возвышение Москвы» показано, как менялась обстановка в русских землях с 1359-го по 1462 год. За эти сто лет история не раз давала москвичам возможность проявить свои лучшие качества: готовность к самопожертвованию, склонность к соучастию в решении государственных дел и упрямство знающих себе цену тружеников. Победа на поле Куликовом придала москвичам столько сил, что они не сникли даже после опустошительного нашествия Тохтамыша, не разуверились в себе. Москва вновь окрепла и продолжила собирание русских земель в единое государство.

Часть пятая «Русское государство» повествует о том, как происходило становление централизованного государства благодаря Москве и москвичам. Утверждение это, может быть, звучит вызывающе, но попробуем доказать его правомочность. Москву-народ во все времена и почти во всех ситуациях отличало удивительное умение терпеливо ждать своего часа. Московские князья, духовные владыки, да и большинство бояр и простолюдинов пережили, перебороли ордынский гнет, скинули его окончательно в 1480 году, преодолели моральные и политические последствия этой напасти, как и всех последующих, включая польскую интервенцию в 1612 году.

В части шестой «Век боярского правления» анализируется российский вариант ограничения абсолютной власти монарха — не только Боярской думой, но и периодически созываемыми соборами. Земский собор 1613 года избрал нового монарха — шестнадцатилетнего Михаила Романова, родственника Рюриковичей по женской линии, сына много претерпевшего от старой династии боярина, ставшего впоследствии патриархом Филаретом. С этого времени и вплоть до правления Петра Алексеевича Романова все серьезные государственные проблемы решались на соборах. В царствование Федора Алексеевича Романова, царя, явно недооцененного историками, возможности соборного правления проявились в наибольшей степени.

Ни один правитель Москвы, начиная с Даниила Александровича, не пытался опередить время. Всему свой черед — таков был внутренний

строй московской жизни. Но вот перед нами уже великая страна, империя, которая имеет тенденцию к росту и развитию и управлять которой, опираясь на Боярскую думу и соборы, становится все труднее.

Петр монаршей волей объявляет себя императором и задает развитию страны такое ускорение, инерцию которого ощущали в России еще не одно десятилетие.

Здесь изложена авторская концепция истории Москвы, роли Москвы в жизни страны. А раскрывается эта концепция через судьбы московских правителей, через психологические портреты героев книги, через характеристику других персонажей из окружения великих мира сего, через описание дворцовых интриг, которые подчас становились «движущими силами развития общества», через характеристику средств влияния на властителей и средств ограничения свободы их действий, через эволюцию взаимоотношений власти и народа «на Москве». Для старшеклассников и студентов в конце каждого очерка — хронологический указатель основных событий в жизни персонажей и таблица природных явлений, эпидемий, которым в те времена зачастую придавалось почти мистическое, судьбоносное значение.

Главная задача автора — вернуть человека в историю родного города. Насколько удалось ее решить — судить читателю.

Часть первая

Основатели

Долетописная история Москвы

Рассказ о Москве и москвичах нужно начинать с эпохи Великого переселения народов (IV — VII вв. н. э.), на завершающем этапе которой, в VI — VII веках, славянские племена стали осваивать лесную и лесостепную зоны Восточной Европы. Об этом очень важном периоде мировой истории до наших дней дошло немало литературных памятников, исторических произведений, философских и религиозных трудов. Кроме того, с каждым годом ученые получают все новые и новые данные благодаря археологическим раскопкам. Картина той бурной эпохи постоянно проясняется, хотя тайн и загадок IV — VII века хранят еще много. Суть содеянного «великими переселенцами» состоит в том, что они, во-первых, добили и разрушили практически все одряхлевшие к тому времени государства древнего мира, во-вторых, создали новые державы, в-третьих, сыграли важную роль в распространении монорелигий по земному шару. В IV веке, как известно, христианство одержало победу над язычеством в Риме. В VI веке на Аравийском полуострове возник ислам. В том же веке буддизм достиг Китая. Так что эпоху Великого переселения народов можно считать временем напряженного труда и не менее напряженного духовного поиска.

Проследив маршруты движения племен и народов за четыре столетия, мы убедимся, что почти вся Евразия и Северная Африка были исхожены вдоль и поперек неспокойными «переселенцами». Только в самые труднодоступные области не доходили неугомонные люди: не забрались они на Джомолунгму, не освоили Заполярье или, скажем, пустыню Гоби, впрочем, по легко объяснимым и понятным причинам.

Одним из центров спокойствия и стабильности в эпоху Великого переселения народов в Евразии было междуречье Оки и Волги, куда во второй половине I тысячелетия н. э., как свидетельствуют данные археологических раскопок, стали прибывать славянские племена — ильменские славяне, вятичи и кривичи. Но междуречье в корне отличалось от других подобных центров тем, что здесь можно было жить безбедно и счастливо всегда, в том числе и в IV — VII веках, для чего, правда, приходилось упорно и постоянно работать. Таких людей среди «переселенцев» было очень мало: большинство устремилось на дележ остатков богатств древних держав. Все эти скитающиеся от Бирмы до Альбиона и от Кореи до Гибралтара искатели приключений бились друг с другом за добычу, теряли в боях родных и близких,

родителей и детей, захватывая ухоженные другими земли, создавали свои собственные государства.

Отличительной чертой тех, кто прибывал в междуречье Оки и Волги, была невоинственность. Некоторые ученые, например С. Ф. Платонов, называют процесс обживания славянскими племенами Восточной Европы колонизацией. Не вдаваясь в терминологическую полемику с видным историком, нужно, однако, подчеркнуть, что освоение славянами новых территорий уже в те века носило, если так можно выразиться, диффузионный характер. В полном смысле слова колоний они не создавали, как это делали, скажем, греки в Причерноморье. Славяне не сгоняли с родной земли аборигенов, не превращали их в рабов или подданных. Полное отсутствие письменных свидетельств о первых веках совместной жизни в Заокской земле славянских и угро-финских племен только подтверждает мысль о мирном, диффузионном характере проникновения сюда славян.

В конце VIII века в Европе «забурлили» северяне: норманны, викинги, варяги. Дерзкие разбойники в течение двух веков терроризировали народы и племена, большие и малые государства, ходя в беспримерные походы на север Восточной Европы, на Каспий по Волге, в Черное море по Днепру, в Центральную и Западную Европу, в Северную Африку, в Средиземноморье, в Ирландию и даже в Америку. Они буквально переворошили всю средневековую Ойкумену, а когда приняли христианство, то сделались верными пособниками католической церкви в христианизации народов, не отказываясь тем не менее и от роли банальных наемников.

В Восточной Европе люди севера создали государство — Киевскую Русь. Пришли они сюда в IX веке по приглашению славянских вождей — факт известный, хотя интерпретируемый не всегда верно. Это приглашение говорит прежде всего о государственной мудрости славянских вождей, ведь сила у людей севера была огромная, и рано или поздно ворвались бы они сюда обязательно, только в другом качестве: разорили бы, разграбили землю, поубивали бы невинных, а так, получив приглашение, первые варяги явились сюда служить, и предстояло им долгое внедрение в обычный уклад славянской жизни.

Рюрик, вождь варяжской дружины, подрядившейся на службу к Гостомыслу, а следом и его потомки — Рюриковичи — создали в Восточной Европе мощное государство. Оно довольно часто воевало, потому и удостоилось внимания историков и хронистов. Но нет в памятниках этой эпохи и намека на существование городка на Боровицком холме, нет ничего даже о той территории, которую мы назвали Московское пространство: она оставалась до поры до времени, а точнее, до первого вооруженного конфликта Рюриковичей с местными жителями, центром европейского спокойствия, не видимым, но существующим маяком, притягивающим к себе тех, кто не хотел и не любил воевать и кто не боялся много работать.

***

Город Москва впервые упомянут в летописи, датированной 1147 годом. Но перед тем как перейти к рассказу о драматичной истории

взаимоотношений основателя города Юрия Владимировича Долгорукого, его сына Андрея Боголюбского, с одной стороны, и владельца многочисленных сел в окрестностях Боровицкого холма Степана Ивановича Кучки, его детей — с другой, необходимо вернуться по дороге времени в XI век. И дело даже не в том, что именно тогда, по мнению некоторых авторитетных ученых, возникло первое укрепление на Боровицком холме, а в самом духе той сложной эпохи, в уникальности Московского пространства, в сложившейся здесь социально-политической ситуации.

Если попытаться коротко охарактеризовать XI век, то с большой степенью достоверности можно сказать, что это была эпоха, когда народы мира, в частности Восточной Европы, оказались заложниками междоусобиц феодалов, князей и царей. В самом деле, к середине столетия образованные во время и после Великого переселения народов державы средневековья уже пали: в 745 году — Тюркский каганат, в 843-м — империя Карла Великого, в 918-м — империя Тан, в 945-м — Арабский халифат, в конце X века — Хазарский каганат.

Русское государство, которое основали в IX веке варяги, в XI веке этот процесс тоже затронул. Экономической основой державы на Восточно-Европейской равнине были две могучие реки — Днепр и Волга. Волга еще на рубеже X — XI веков утратила экономическую роль по следующим причинам. После падения империи Тан и крушения Арабского халифата на территориях этих стран образовались небольшие, постоянно конфликтующие между собой княжества. Следствием политической нестабильности во многих районах мира стало сокращение товарооборота на одном из крупнейших мировых «базаров» того времени — в Хазарском каганате, что, в свою очередь, подорвало жизнеспособность и этого, недавно еще мощного, государства.

С крушением империи Тан, Арабского халифата и Хазарского каганата упало и значение Волги как торговой магистрали, как важной составляющей экономики Киевской Руси, поэтому Днепр оставался долгое время единственной экономической опорой Киевского государства.

Во время правления Ярослава Мудрого Русское государство достигло наивысшего расцвета. Ярослав умер в 1054 году. А в 1056-м в Византийской империи рухнула македонская династия, существовавшая с 867 года. Во время правления этой династии Византия пережила величайший подъем во всех сферах жизни, а Константинополь вернул себе славу «мастерской великолепия». Недаром годы царствования одного из представителей этой династии — Константина VII Багрянородного — названы историками македонским ренессансом. Именно на период правления этой династии приходится, во-первых, расцвет Киевской Руси, во-вторых, взлет активности людей севера: викингов, варягов, норманнов. Именно эффективные экономические, торговые, да и духовные связи между Скандинавскими странами, пережившими бурную эпоху викингов, Киевской Русью и Византией

возвысили города Поднепровья и особенно Киев, расположенный в центре пути «из варяг в греки».

После падения македонской династии дела в империи резко ухудшились. И в Скандинавии тоже. Буйная эпоха «бродяг моря», приносившая Скандинавии громадную прибыль от военных походов в страны Европы, Африки, Азии и даже Америки, закончилась неудачным походом Харальда Хардероде (Сурового) на Альбион в 1066 году. Последний «король моря», как называли Харальда, конунга Норвегии, погиб. Поток товаров по Днепру катастрофически уменьшился, на что оказала влияние и дестабилизация в восточноевропейской степи, куда уже вошли из-за Волги сильные половцы, оттеснив на запад одряхлевших печенегов. А значит, ухудшилось и экономическое положение, а лучше сказать, экономические возможности сильно раздутых варяжским ветром громоздких городов Поднепровья. Пришлось искать другие возможности, другие земли, другие дороги, что и стало причиной кардинальной перекройки экономической и политической карты Восточной Европы, междоусобиц русских князей.

Распря между Рюриковичами, надо отметить, вспыхивала и раньше, еще в IX веке, но до 1077 года она носила локальный характер. Могущественным князьям киевским удавалось относительно быстро гасить огонь братоубийственных войн. Разразившаяся в 1077 году распря между внуками Ярослава Мудрого в корне отличалась от прочих тем, что борьба теперь шла не за киевский великокняжеский престол, а за господство новых княжеств, новых городов над старыми, над Русью, быстро меняющей не только экономическую географию, но и политические приоритеты.

Согласно упоминаниям в летописях, в XI веке в Восточной Европе было основано 62 города. В XII веке на Руси возникло уже 134 города. Стремительный рост городов и укрепленных поселений происходил в то время, когда роль варяжской опоры в экономике страны практически сошла на нет. Основатели новых городов решали задачи, по сути своей резко отличающиеся от тех задач, которые жизнь ставила перед князьями, боярами и простолюдинами Киевской Руси до смерти Ярослава Мудрого, а центр политической жизни восточноевропейского государства стал медленно, но неуклонно перемещаться в Северо-Восточную Русь. Именно здесь, в Заокской земле, рождались новые взаимоотношения князей и народа. «В самом деле, на севере князь часто первым занимал местность и искусственно привлекал в нее посельников, ставя им город или указывая пашню. В старину на юге (в Киевской Руси. — *А. Т.*) было иначе: пришельцем в известном городе был князь, исконным же владельцем городской земли — вече; теперь на севере пришельцем оказывалось население, а первым владельцем земли — князь. Роли переменились, должны были измениться и отношения. Как политический владелец, князь на севере по старому обычаю управлял и законодательствовал; как первый заимщик земель, он считал себя и свою семью, сверх того, вотчинниками — хозяевами данного места. В лице князя произошло соединение двух категорий прав на землю: прав политического

владельца и власти частного собственника. Власть князя стала шире и полнее»[1].

Из процитированной мысли С. Ф. Платонова можно сделать опрометчивый вывод, что проникновение Рюриковичей в Северо-Восточную Русь шло как бы само собой, без борьбы. Но это не совсем так, а если учесть, что большинство новых городов, особенно в Залесье, основывалось на месте старых поселений, у которых были свои владельцы, своя история, свои обычаи и свои представления о жизни и власти, то можно предположить, что процесс этот не обходился без борьбы.

Первый упоминаемый летописцами эпизод из истории Москвы подтверждает вышесказанное. Смелость и дерзость боярина Степана Ивановича Кучки имели веские причины, корнями уходящие в древность, когда складывались основные правовые и имущественные представления обитателей Красных сел.

Московское пространство в XII веке представляло собой пограничную область, где столкнулись два славянских потока: кривичи и ильменские славяне, с одной стороны, вятичи — с другой. Граница между теми и другими уже детально прослежена археологами. Река Москва служила примерной границей между ареалом расселения вятичей и кривичей. Однако в районе Москвы поселения вятичей переходили речную границу и вторгались в кривическую зону большим «мешком». По заключению А. В. Арциховского, «Московский уезд, за исключением небольшого куска на севере, был вятическим»[2].

Это пограничное положение Московского пространства сказалось на всей его истории, на формировании города и характере его жителей. Пограничье — очень интересное место. Поезжайте на стык Тульской, Московской и Рязанской областей... Даже в скоростном XX веке в пограничных районах, селах, деревнях нет городского шума, люди живут степенно, размеренно, славы не ищут, к труду относятся, как к волшебному целительному средству от всех недугов душевных и телесных, как к единственному способу жить достойно. Психология жителей пограничных районов бесхитростна и может показаться даже чрезмерно простой. Но вот что интересно — в этих пограничных районах, в российской глухомани рождаются удивительно сильные люди!

Москва тоже прошла стадию становления в глухомани, на пограничье нескольких княжеств: Ростово-Суздальского, Рязанского, Новгородского, Смоленского, Полоцкого, более того, Москва родилась на пограничье мировых эпох, когда, с одной стороны, практически все народы Евразии были поражены междоусобицей, а с другой — в Забайкалье уже родился Чингисхан (1155 год). Между прочим, очень символично, что через год после рождения Тэмуджина Юрий Долгорукий повелел возвести крепостные стены на Боровицком холме.

---

[1] *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. Спб.: Кристалл, 1997. С. 121.

[2] Цит. по кн.: *Тихомиров М. Н* Средневековая Москва. М.: Книжный сад, 1997. С. 59.

Пограничье наложило отпечаток на характер московского люда, на выбор им своего пути в истории, отличного от путей других народов в ту эпоху. Медленно, неторопливо, спокойно и твердо копил силы народ в этих местах, собирал вокруг себя земли и всех желающих присоединиться к своему сообществу.

Власть, город и люди

Точных сведений о том, что собой представляли Красные села Степана Ивановича Кучки, как и кем они управлялись, какими были взаимоотношения власти, городка на Боровицком холме и сельчан, наука пока не имеет. Поэтому полезно было бы напомнить читателю о политическом устройстве Киевской Руси в XI — XII веках. В это время в городах одновременно функционировали две власти: княжеская и городская — вечевая. За три предыдущих столетия князья Рюриковичи, во-первых, создали крепкое государство, своими победами и мудрой внутриполитической деятельностью завоевали громадный авторитет далеко за пределами Восточной Европы. Но даже такие крупные государственные мужи, какими были Ярослав Мудрый и Владимир Мономах, не решились посягнуть на вече, упразднить вечевой строй, который в этих краях существовал издревле, задолго до того, как варяги прибыли сюда. Кроме того, вечевой строй восточноевропейских племен и народов был похож на тинг — средневековое народное собрание у скандинавов, так что он не был чем-то чужеродным, непривычным для варягов, пришедших на Русь. Рюриковичи потому-то и смирились с вечевой властью, что вече было старше князей, а старшинство они почитали: власть и у них передавалась по старшинству.

С другой стороны, вече часто добровольно отдавало князю свои полномочия. Надо подчеркнуть, что в целом эти две власти мирно сосуществовали на Руси в течение многих веков, хотя и вече, и князья всегда мечтали о «самодержавии».

Князья Киевской Руси исполняли несколько функций: являлись одновременно законодателями, военными вождями, верховными судьями и верховными администраторами, то есть обладали высшей политической властью. Дружина поддерживала князей полностью. «Еще Владимир Святой, по летописному преданию, высказал мысль, что серебром и золотом дружины нельзя приобрести, а с дружиной можно достать и золото, и серебро. Такой взгляд на дружину, как на нечто неподкупное, стоящее к князю в отношениях нравственного порядка, проходит через всю летопись. Дружина в Древней Руси пользовалась большим влиянием на дела; она требовала, чтобы князь без нее ничего не предпринимал, и когда один молодой киевский князь решил отправиться в поход, не посоветовавшись с ней, она отказала ему в помощи, а без нее не пошли с ним и союзники князя... Дружина делилась на старшую и младшую. Старшая называлась «мужами» и «боярами» <...> Бояре были влиятельными советниками князя, они в дружине бесспорно составляли высший слой и нередко имели свою собственную дружину. За ними

следовали так называемые «мужи», или «княжи мужи», — воины и княжеские чиновники.

Младшая дружина называется «гриди», иногда их называют «отроками», причем это слово нужно понимать лишь как термин общественного быта, который мог относиться, может быть, и к очень старому человеку. Князь должен был относиться к дружиннику и «мужу» как к человеку вполне независимому, потому что дружинник всегда мог покинуть князя и искать другой службы. Из дружины князь брал своих администраторов, с помощью которых он управляет землею и охраняет ее. Эти помощники назывались «вирниками» и «тиунами»; обязанность их состояла в суде и взыскании виры, т. е. судебной пошлины, в управлении землею и в сборе дани. Дань и вира кормили князя и дружину»[1].

Кроме дани и виры князь и дружина получали военную добычу, а князья еще имели немалые доходы с частных земель (сел), которые они приобретали, пользуясь политической властью и силой, по дешевке.

Доходные места дружинников, громадная власть, которой обладали князья, казалось бы, должны были усилить политическое положение Рюриковичей до такой степени, когда им и их дружинникам вече стало бы просто ненужным. Действительно, во время расцвета и могущества Киевской Руси, то есть при Ярославе Мудром и его сыновьях, власть князей, в буквальном смысле слова, подавила вече во многих городах, хотя окончательно сокрушить этот исконно народный институт власти Рюриковичи не решились, а может быть, не посчитали нужным и передали вече хозяйственные функции.

Но по мере разрастания рода Рюриковичей и распри между ними, по мере деления Руси на уделы городские вече вновь обрели политическое значение, о чем в первую очередь говорит опыт новгородцев, объявивших у себя вечевую республику. Другие города Киевской Руси в XII веке так далеко не пошли, но, почувствовав слабость князей, они стали по своему усмотрению призывать к себе князей, заключать с ними ряды, спорили с князьями, а то и «указывали им путь», то есть выпроваживали.

Большой русский город в XII веке представлял собой сложный социальный организм. На верху общества находилась княжеская дружина, с которой сливается прежний высший земский класс бояр. Из рядов дружины назначается княжеская администрация и судьи (посадник, тиун и др.).

Вообще же население страны можно было бы поделить на горожан (купцы, ремесленники) и сельчан, из которых свободные люди назывались смердами, а зависимые — закупами. Закупы не были рабами, они были условно зависимые люди, с течением времени сменившие полных рабов.

Дружина и люди не составляли общественные классы, из одного состояния можно было свободно переместиться в другое. «Основное

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 108 — 109.

различие в их положении заключалось, с одной стороны, в отношении к князю (одни служили князю, другие ему платили; что же касается холопов, то они имели своим господином хозяина, а не князя, который их вовсе не касался), а с другой стороны — в хозяйственном и имущественном отношении общественных классов между собой»[1].

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 113.

Долгорукий Юрий Владимирович

(90-е годы XI века — 1157)

В русской, да и в мировой истории такие сложные личности, каким был основатель Москвы, встречаются нечасто. Он жил в бурное время, когда Русь понеслась по ухабам и кочкам междоусобицы с такой стремительной скоростью, что лишь мудрые из мудрейших при необходимости ежечасно принимать решения, жизненно важные для всех жителей страны, смогли не потерять из виду общие стратегические задачи государства. Он, пожалуй, единственный из русских князей XII века остался послушным исполнителем воли Мономаха и на протяжении всей жизни упрямо пытался создать на северо-востоке Руси единую крепкую державу.

Его не понимали и недолюбливали современники, мало ценили и потомки. Кто-то из них называл князя суздальского и великого князя киевского гениальным полководцем, но В. Н. Татищев, например, воспринимал его как экзальтированного, несдержанного женолюба, Н. М. Карамзин — как безалаберного политика, а Н. И. Костомаров в своей обширной «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» вообще проигнорировал одного из главных в XII столетии деятелей на Руси.

Две характеристики основателя Москвы, приведенные ниже, лишний раз подтвердят мысль о том, что историки относятся к Юрию Долгорукому и, главное, к делу его жизни без должного внимания. «Георгий, властолюбивый, но беспечный, прозванный Долгоруким, знаменит в нашей истории гражданским образованием восточного края древней России, в коем он провел все цветущие лета своей жизни. Распространив тем Веру Христианску, сей князь строил церкви <...> умножил число духовных пастырей, тогда единственных наставников во благонравии, единственных просветителей разума; открыл пути в лесах дремучих <...> основал новые селения и города <...> Но Георгий не имел добродетелей великого отца; не прославил себя в летописях ни одним подвигом великодушия, ни одним действием добросердечия, свойственного Мономахову племени. Мы видели, что он играл святостию клятв и волновал изнуренную внутренними несогласиями Россию для выгод своего честолюбия <...>». Это пишет Н. М. Карамзин[1].

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. I — IV. Калуга: Золотая аллея, 1995. С. 254 — 255.

А вот какой портрет основателя Москвы составил В. Н. Татищев: «Был он роста малого, толстый, лицом белый, глаза не велики, великий нос, долгий и покривленный, брада малая, великий любитель жен, сладких пищ и пития, более о веселиях, нежели о расправе и воинстве прилежал, но все оное состояло во власти и смотрении вельмож его и любимцев»[1].

Юрий Владимирович родился приблизительно в 1090 или 1091 году. Отцом его был Владимир II Мономах, а матерью — неизвестная, не упоминаемая в русских летописях и иностранных хрониках вторая жена Мономаха. Всего у знаменитого великого князя киевского было три жены. Первая, Гита, — дочь печально известного в истории Альбиона короля Гарольда, погибшего в битве с норманнами Вильгельма I Завоевателя в 1066 году, прибыла в Киевскую Русь приблизительно в 1074 — 1075 годах из Дании. Датский король Свенд II после трагедии при Гастингсе приютил у себя двор короля Гарольда, сделал все, чтобы изгнанникам жилось у него хорошо. Более того, выступая в роли свата, он организовал свадьбу восемнадцатилетней Гиты с Владимиром Мономахом, в то время княжившим в Переяславле.



В 1076 году дочь Гарольда родила сына Мстислава Владимировича, будущего великого князя киевского. После этого в летописях и других источниках Гита не упоминается ни разу, что дает повод считать ее рано умершей.

Несчастная судьба была у родных короля Гарольда, у тех, кто связал свою судьбу с этим, по всей видимости, чистым человеком, оказавшимся в роли без вины виноватого. Многие из них погибли в битвах с норманнами, многие влачили жалкое существование. Гита слишком рано умерла, но ее судьба явилась своего рода связующей нитью, странным образом соединившей историю Альбиона и историю Древней Руси, откуда в конце сороковых годов XI века в Норвегию отплыл один из участников великой драмы Альбиона Харальд Хардероде с женой Элисив (Елизаветой, дочерью Ярослава Мудрого).

История Альбиона с V по XI век нашей эры представляла собой почти непрерывную цепочку распрей, разбавляемых нашествиями данов, сак-

[1] *Назаревский В.* Из истории Москвы. 1147 — 1703 гг. Очерки. М., 1896. С. 8.

сов, англов, викингов, которые, отвоевав себе пространство на острове, тут же включались во внутреннюю борьбу. История Древней Руси с IX по XIII век чем-то напоминала историю Альбиона с V по XI век, и судьба не зря отослала в сороковых годах Элисив с Харальдом в Норвегию и прислала в восьмидесятых годах из Дании Гиту в жены Владимиру Мономаху. Не зря. Трагедия Британии должна была предостеречь всех русских князей от раздувания огня распри.

Но мать Мстислава не успела, не смогла передать русским людям, сыну — будущему великому князю киевскому — поучительный опыт своей страны и печальную суть своей короткой жизни. Русские князья не усвоили чужого урока и продолжили распрю, не догадываясь, к чему приведет она страну в 1237 году.

В 1096 году, когда Юрию едва исполнилось шесть лет, Владимир Мономах поставил его на княжение в Ростово-Суздальскую землю. То был стратегически очень точный ход. Ростово-Суздальская земля, завещанная еще Ярославом Мудрым сыну Всеволоду и перешедшая затем к Мономаху, была обширнейшей областью, окаймленной с запада, юга и юго-востока Окой и Волгой и уходящей очень далеко на север. Во второй половине XI века сюда устремились из Поднепровья и других земель люди, гонимые злыми ветрами разразившейся распри.

Владимир Мономах в своих сочинениях не пишет о том, почему он передал мальчику Юрию столь перспективную землю, но можно предположить, что расчет князя был прост: Ростово-Суздальская область быстро развивалась, крепла, приобретала все больший вес в Восточной Европе, и сын Юрий тоже делал первые самостоятельные шаги в жизни. Им — Ростово-Суздальской земле и князю — предстоял долгий и трудный путь. И хорошо, что этот путь они начинали вместе.

Владимир Мономах устроил торжественный обряд водружения на княжеский престол шестилетнего Юрия и отправил сына в Ростов. С мальчиком уезжал в Заокскую землю и его учитель Георгий Симонович, известный в Киеве человек, потомок заезжего варяга Шимона. Еще во времена княжения Ярослава Мудрого тот явился в Киев из Скандинавии, принял крещение по православному обряду, стал Симоном, быстро приобрел популярность и заслуженный авторитет среди сограждан. Человек деловой и щедрый, Симон пожертвовал огромную сумму денег на основание в Киеве Печерского монастыря. Его сын, Георгий, высокообразованный, талантливый, был приближен ко двору, а Владимир Мономах доверил ему воспитание и обучение сына Юрия. Князь сделал удачный и дальновидный ход. Георгий Симонович оказался не только хорошим педагогом, но и верным другом, и помощником, и правителем.

Русские летописи и другие источники не балуют любопытных людей фактами из ранней жизни Юрия Владимировича, сменившего на ростовском княжеском престоле старшего брата Мстислава, поскольку самой мощной фигурой тех лет был Владимир II Мономах. Политический такт, полководческое дарование, дипломатическое искусство и талант писателя-мыслителя, вся его деятельность на мирном и военном поприщах дают основания называть годы активной жизни этого человека эпохой Мономаха.

В 1100 году он убедил князей начать боевые действия против половцев: не ждать, пока степняки совершат очередной налет на Русскую землю, а самим ходить в походы, бить половцев на их территории. В походе 1108 года Владимир возглавлял вместе с великим князем киевским союзное войско. Оно одержало победу, и в январе 1108 года был заключен выгодный мирный договор.

Эта война дала Юрию Владимировичу жену — дочь половецкого хана Аепы. Невеста принадлежала к знатному роду, но, к сожалению, летописцы не упомянули имя женщины, которая родила будущему основателю Москвы сына Андрея, названного впоследствии Боголюбским. В этих походах приняли боевое крещение сыновья Мономаха.

В 1113 году шестидесятилетний Мономах стал великим князем киевским. Юрий Владимирович наряду с другими сыновьями учился у отца княжить, совершил в 1120 году с ростово-суздальской дружиной поход на волжских болгар, возмущавших то и дело спокойствие на восточных границах земли Суздальской, нанес противнику поражение, захватил богатый обоз и множество пленных. А потом на пять лет его имя исчезло со страниц русских летописей.

19 мая 1125 года «славный победами за Русскую землю и благими нравами» великий князь киевский Владимир Мономах умер в возрасте семидесяти трех лет. Пятеро его сыновей, оставшихся к этому времени в живых, — Мстислав, Ярополк, Вячеслав, Юрий, Андрей — приехали в Киев, собрались у гроба отца в великокняжеском дворце.

Что мог оставить им, кроме власти, великий отец? Он оставил им слово свое — «Завещание Мономаха». Оно — само по себе ценный исторический документ — важно для изложения истории возникновения и возвышения Москвы еще и тем, что завет Мономаха-мыслителя помимо психологической характеристики Рюриковичей дает представление о моральном облике Мономаха и нравственных критериях, которыми он всю жизнь руководствовался и которые старался привить своим сыновьям, да и всем остальным преемникам княжеской власти на Руси.

«Приближаясь ко гробу, — написал он, — благодарю Всевышнего за умножение дней моих: рука его довела меня до старости маститой. А вы, дети любезные, и всякий, кто будет читать сие писание, наблюдайте правила, в оном изображенные. Когда же сердце ваше не одобрит их, не осуждайте моего намерения; но скажите только: он говорит несправедливо!..

О дети мои! Хвалите Бога! Любите также человечество. Не пост, не уединение, не монашество спасет вас, но благодеяния. Не забывайте бедных; кормите их, и мыслите, что всякое достояние есть Божие и поручено вам только на время. Не скрывайте богатства в недрах земли: сие противно христианству. Будьте отцами сирот: судите вдовиц сами; не давайте сильным губить слабых. Не убивайте ни правого, ни виновного: жизнь и душа христианина священна. Не призывайте все имени Бога: утвердив же клятву целованием крестным, не преступайте оной. Братья сказали мне: изгоним Ростиславичей и возьмем их область, или ты нам не союзник! Но я ответствовал: не могу забыть крестного целования... Не оставляйте больных; не страшитесь видеть мертвых: ибо все

умрем. Принимайте с любовию благословение духовных; не удаляйтесь от них; творите им добро, да молятся за вас Всевышнему. Не имейте гордости ни в уме, ни в сердце, и думайте: мы тленны; ныне живем, а завтра во гробе. — Бойтесь всякой лжи, пиянства и любострастия, равно гибельного для тела и души. — Чтите старых людей как отцов, любите юных как братьев. — В хозяйстве сами прилежно за всем смотрите, не полагаясь на отроков и тиунов, да гости не осудят ни дому, ни обеда вашего. — На войне будьте деятельны; служите примером для воевод. Не время тогда думать о пиршествах и неге. Расставив ночную стражу, отдохните. Человек погибает внезапу: для того не слагайте с себя оружия, где можно встретить опасность, и рано садитесь на коней. Путешествуя в своих областях, не давайте жителей в обиду княжеским отрокам; а где остановитесь, напойте, накормите хозяина. Всего же более чтите гостя, и знаменитого, и простого, и купца и посла; если не можете одарить его, то хотя брашном и питием удовольствуйте: ибо гости распускают в чужих землях и добрую и худую славу об нас. — Приветствуйте всякого человека, когда идете мимо. — Любите жен своих, но не давайте им власти над собой. — Все хорошее, узнав, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь. Отец мой, сидя дома, говорил пятью языками: за что хвалят нас чужестранцы. Леность — мать пороков; берегитесь ее. Человек должен всегда заниматься: в пути, на коне, не имея дела, вместо суетных мыслей читайте наизусть молитвы или повторяйте хотя самую краткую, но лучшую: Господи помилуй! Не засыпайте никогда без земного поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь в землю три раза. Да не застанет вас солнце на ложе! Идите рано в церковь воздать Богу хвалу утреннюю: так делал отец мой; так делали все добрые мужи. Когда озаряло их солнце, они славили господа с радостью и говорили: Просвети очи мои, Христе Боже, и дал ми еси свет Твой красный. Потом садились думать с дружиной, или судить народ, или ездили на охоту; а в полдень спали: ибо не только человеку, но и зверям и птицам Бог присудил отдыхать в час полуденный. — Так жил и ваш отец. Я сам делал все, что мог бы велеть отроку: на охоте и войне, днем и ночью, в зной летний и холод зимний не знал покоя; не надеялся на посадников и бирючей; не давал бедных и вдовиц в обиду сильным; сам назирал церковь и Божественное служение, домашний распорядок, конюшню, охоту, ястребов и соколов... Всех походов моих было 83; а других маловажных не упомню. Я заключил с половцами 19 мирных договоров, взял в плен более ста лучших их князей и выпустил из неволи, а более двухсот казнил и потопил в реках. — Кто путешествовал скорее меня? Выехав рано из Чернигова, я бывал в Киеве у родителя прежде Вечерен...»[1]

Мономашичи

1125 — 1146 годы

Мстислав Владимирович, сын Гиты, с 1088 года княжил в Новгороде, Ростове, Смоленске, в Переяславле и в других городах, участвовал в

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 205 - 206.

княжеских съездах, в походах на половцев, сыграл выдающуюся роль в организации обороны Новгородской земли от набегов западных соседей, стал великим князем киевским в 1125 году. Умер он в 1132 году. Летописцы, а затем и некоторые историки именуют его Мстиславом Великим, отдавая тем самым заслуженную дань этому государственному деятелю. Недоброжелатели старшего сына Владимира Мономаха обвиняют его в том, что он не сумел прекратить разгорающуюся междоусобицу, не справился с половцами, то есть не завершил дело отца. Историки, которые оценивают деятельность Мстислава отрицательно, как бы подписывают приговор всем Мономашичам, якобы не решившим задач, возложенных на них историей.

Но справедлив ли приговор? Справедливы ли обвинения, предъявляемые Мстиславу Великому, годы великого княжения которого приходятся как раз на тот период, когда распря князей окончательно вышла из-под контроля Киева? Увядающей столице, потерявшей без финансовой подпитки от варяжского пути былую мощь, во второй четверти XII века уже не удавалось удержать в повиновении крупные и мелкие княжества. Созданная Рюриковичами пирамида власти с вершиной в Киеве стала рушиться. Мстислав, каким бы он ни был великим, не смог бы остановить этот объективный процесс дробления. Но потому-то он и велик, что смог смягчить последствия этих болезненных для страны перемен.

С междоусобицей Мстислав боролся теми способами и средствами, которые считал нужными и важными. Чтобы покончить с этим злом, он решил нанести сокрушительный удар по князьям полоцким, потомкам варяжки Рогнеды, ставшим, по мнению великого князя киевского, первопричиной распри. Они действительно представляли собой постоянную угрозу для мира внутри державы, вели независимую политику, часто не подчинялись высшей власти.

У них была на то веская причина. Известно, что матерью Владимира I Святославича была ключница Малуша, а не законная жена Рогнеда, потомки которой более ста лет пытались отвоевать силой свое право на великокняжеский престол у потомков Малуши.

В 1127 году в наказание за то, что князья полоцкие отказались участвовать в очередном походе на половцев, Мстислав повелел удельным князьям Турова, Владимира, Курска, Смоленска, других городов всем разом в условленный день начать военные действия против отступников. Союзные войска победили полочан. Гнездо Рогнеды было разрушено. Князей полоцких с семьями сослали... в Константинополь.

Однако распря не прекратилась. На территории Киевской державы возникали новые очаги междоусобицы: Чернигов, Переяславль, Новгород, всегда стремившийся к самостоятельности... Многоголовым драконом набросилась распря на Русскую землю: Мстислав отрубил ему одну голову, вместо нее выросло несколько новых.

Будущий основатель Москвы Юрий Владимирович, князь суздальский, участия в междоусобной борьбе до поры до времени не принимал, как это ни странно. Все годы правления старшего брата Юрий сидел в Ростово-Суздальской земле, занимался ее обустройством, помогая сбежавшим сюда от раздоров согражданам осваивать земли Ополья. Пози-

тивные результаты хозяйственной деятельности Юрия Владимировича в Ростово-Суздальской земле в двадцатые — тридцатые годы заметят чуть позже, во второй половине XII столетия, когда в Заокской области начнут возникать один за другим города, когда центр политической жизни страны начнет перемещаться с Поднепровья на восток.

После смерти Мстислава 15 апреля 1132 года великокняжеский престол занял по старшинству следующий сын Владимира Мономаха — Ярополк, и с этого же года князь суздальский Юрий Владимирович включился в активную политическую жизнь Киевской Руси.

В воскресный день, 17 апреля, состоялась торжественная церемония вступления Ярополка на великокняжеский престол. Однако после торжества Юрий Владимирович не уехал в Ростово-Суздальскую землю, где ждали его важные дела. Это странное поведение объясняется тем, что в Киеве с вокняжением Ярополка положение Мономашичей ухудшилось из-за противоречий между ними и удельными князьями, а также между самими удельными князьями.

Причиной очередного раздора стала обширная Переяславская область на юге Киевской Руси. Черниговские и другие удельные князья попытались разодрать на куски эту богатую землю, растащить ее по своим уделам. Ярополк повел себя в этом деле странно: будто бы забыл, что ему нужно заботиться об укреплении центральной власти, а не потакать амбициям удельных князей. Юрий Владимирович, предчувствуя беду, ушел с дружиной из Киева в Остерский Городец, зорко наблюдая оттуда за событиями.

По соглашению с Ярополком в Переяславль ворвался Всеволод. Это явилось сигналом для других удельных князей — они быстро снарядили дружины. Но князь суздальский их опередил. «Всеволод утром сел в Переяславле, а до обеда его выгнал Юрий», — свидетельствует летописец. Это был поистине прыжок барса. Изгнав из города племянника, Юрий вернул Переяславль центральной власти и через восемь дней уехал в Городец.

Но на этом дело не кончилось. Еще несколько раз внуки Мономаха посягали на город. Юрий Владимирович успокоился лишь тогда, когда княжество Переяславское досталось брату Вячеславу. Свято исполняя отцовский наказ, он горой стоял за дело Мономашичей.

Но братья не всегда отвечали ему тем же. Вячеслав, человек со странностями, с причудами, правитель вялый, посредственный, частенько грубо выговаривал будущему основателю Москвы: «Я уже был бородат, когда ты только народился». В этой реплике нет отчаяния стариков, когда у них уже не хватает слов для вразумления молодых, в ней есть только спесь избалованного человека, недоброго и бестолкового.

Распря между тем разгоралась с каждым днем. Юрий принял в ней участие на стороне Ярополка. Всеволод Ольгович, черниговский князь, вместе с князьями Изяславом и Святославом Мстиславичами ранней весной 1134 года чуть было не захватили Киев. Неожиданно напали они на пригороды, опустошили их. «Одних людей уводили, других убивали, — сказано в летописи. — Люди не могли перебраться через Днепр и переправить скот». Князья подошли со своими дружинами к Киеву, три дня простояли у города и вдруг отступили и побежали на север в Черниговскую землю.

Кто же вспугнул налетчиков? Вероятнее всего, это сделал Юрий Владимирович, с которым они совсем недавно бились на Ждановой горе.

Нежданная битва на Ждановой горе

Случилось это за год до описываемых событий. В Новгороде правил Всеволод. Летом он ходил на запад, одержал победы над племенами чудь, взял Юрьев (Дерпт). Как только он возвратился из успешного похода, к нему явился Изяслав Мстиславич, который за несколько месяцев до этого уступил, не без участия Юрия Владимировича, город Переяславль дяде Вячеславу, а в обмен получил Туров и Пинск. Вскоре Туров у него Вячеслав отнял, а князь суздальский отнял Переяславль. Остался Изяслав без двух городов. Очень он обиделся на родственников, просил о защите Всеволода. Тот успокоил его:

— Я, брат, завоюю для тебя Суздальскую землю.

Решение князя поддержало новгородское вече. Но поход на юг оказался неудачным. Всеволод дошел до Дубны, там встретила его большая рать противника. Форсировать реку с боем новгородцы не решились и повернули назад.

Подъезжая к Новгороду, князь почувствовал неладное. Ему доложили, что горожане взволновались, сменили несколько посадников, одного из них сбросили с моста, обвинив несчастного во всех своих бедах, главной из которых был неурожай. Уже не раз за последние годы новгородская земля не давала урожая. Голодали люди. Бунтовали. Посылая дружину Всеволода в поход на юг, горожане надеялись на богатую добычу. А тут — ни победы, ни добычи. Одни растраты.

Дружину Всеволода новгородцы встретили злобно. Народ собрался на вече и призвал князя не распускать воинов, идти вновь в поход.

Стояли последние дни декабря. Студеное время. Время праздников. Только не до праздников было новгородцам. Неурожаи подняли цены на продукты. Этим воспользовались соседи. Купцы из других областей считали так: новгородцы — люди богатые и очень жизнелюбивые, они купят хлеб за любую цену. Новгородцы действительно платили большие деньги за продукты, пока цены не подскочили так высоко, что даже знатным и богатым накладно стало ходить на рынок.

Неурожай. Голод. Отчаяние. Только голодный люд готов отправляться в поход в студеное декабрьское время. Лишь бы выжить. Летописцы, правда, пишут о том, что новгородцы считали второй поход делом чести, но ведь за честь можно и в иное время года повоевать. У нее саней нет, она по морозцу не укатит на веки вечные в тридевятое царство.

— Собирай дружину в поход! — кричали обозленные новгородцы. — Не страшен нам мороз лютый! Мы возьмем Суздаль!

Отговаривали их и князь, и митрополит Киевский Михаил, не отговорили. Надоели новгородцам разговоры, арестовали они митрополита, встали в строй, и повел их князь 31 декабря 1133 года на Суздаль.

Вьюга гудела на разные голоса, ветер трепал одежды воинов, метался в жестких гривах лошадей, мороз осыпал людей белым инеем, сугробы мешали идти, но люди шли на юг по петляющим руслам рек.

Двадцать шесть дней продирались новгородцы на юг. Вышли к Жда-

новой горе. Увидели на ней огромное войско противника. Большая белая гора. На ней люди. Тоже русские и тоже белые. Только — сытые.

Вскарабкались голодные новгородцы наверх, начался бой. И Жданова гора быстро покраснела — бой был равным.

В какой-то момент Всеволод дрогнул, оставил своих голодных людей драться с сытыми суздальскими воинами и бежал позорно с поля боя. Сражение продолжалось еще несколько часов, до тех пор, пока все, в том числе и Юрий Долгорукий, не поняли, что битву сегодня выиграть никому не удастся. Тогда только страсти на Ждановой горе поугасли. И тут же посыпал крупный снег, будто специально, чтобы скрыть следы людского буйства.

Подсчитали убитых. Новгородцы потеряли чуть больше людей. Продолжать войну всем расхотелось. Противоборствующие стороны заключили мир. Северяне отправились домой, затаив обиду на своего трусливого князя.

Юрий Владимирович уже тогда понял, что борьба с Новгородом обретает для него, князя суздальского, новое качество. А бежавший со Ждановой горы Всеволод в той битве оценил полководческое дарование своего противника. И нет ничего удивительного в том, что он сбежал из-под Киева в Чернигов из опасения еще раз встретиться на поле боя с войском Юрия Долгорукого.

Борьба продолжается

Всеволод не прекратил борьбу за киевский престол, войско не распустил и вскоре прислал в Киев гонца с ультиматумом:

— То, чем отцы наши владели при ваших отцах, должно быть нашим. Если не дадите, то пожалеете. Ваша будет вина. Кровь падет на вас.

В этот сложный момент Мономашичи продемонстрировали завидное единство. Узнав о дерзком требовании Всеволода Ольговича, Юрий Владимирович поднял войско и с быстротой, которой позавидовали бы Александр Македонский и Юлий Цезарь, преодолел значительное расстояние от Городца до Киева, встал лагерем возле города. Через некоторое время второй Мономашич, Андрей, подоспел на помощь братьям, а за ним под стены Киева явилась дружина Вячеслава, который в тот год княжил в Турове. Защитники окружили город плотным кольцом, приготовились к боевым действиям.

Всеволода напугала мощь и единство Мономашичей. Двадцать дней его войско простояло у стен города, не решаясь вступить в сражение с сильным соперником. Ольгович рассчитывал на разлад в стане противника, но случилось обратное: войско Всеволода покинули половцы, а затем в его стане начались споры между князьями.

Мономашичи имели возможность разгромить ослабевшего противника, но делать этого не стали, спокойно ждали действий Ольговича. Наконец черниговский князь понял, что у него нет ни единого шанса выиграть войну, и послал в Киев людей с повинной. Ярополк довольствовался этим. Князья заключили между собой мир.

Княжество Переяславское осталось в подчинении у центральной киевской власти, в Переяславле князем был поставлен младший Монома-

шич — Андрей. Только после этого Юрий возвратился в Ростово-Суздальскую землю.

Распря и Заокская земля

Прежде чем перейти к рассказу о дальнейшей судьбе Юрия Владимировича, прозванного Долгоруким за активную политику на далеком от Ростова юге, необходимо напомнить об одном упреке, предъявленном этому деятелю Руси некоторыми учеными. Они обвиняют князя суздальского в неоднократных попытках захватить Переяславскую землю, присоединить ее к своим северным владениям. Даже если Юрий Долгорукий и стремился к объединению этих земель под своей властью, упрекать его в том несправедливо и смешно. Смешно хотя бы потому, что о подобных приобретениях мечтали все князья, а несправедливо потому, что не в этом состояла суть деяний Юрия Долгорукого.

Древние обычаи, существовавшие в Восточной Европе задолго до прихода варягов, перемещению людей не препятствовали. «Первоначальная история России определяется двумя важными фактами, неизвестными Западной Европе: понятием о единстве территории и бродячим состоянием народонаселения. Государственная территория, очерченная оружием первых Рюриковичей, считалась наследием всего княжеского рода и всех русских людей. Народонаселение не знало тех замкнутых узких сфер, в которых проходила жизнь западно-европейского земледельца или горожанина. Вольно ходил и переходил он по общему отечеству. Он не рисковал, выходя из своего города или волости, наткнуться на чуждую область, на враждебное государство. Везде была одна и та же Русская земля, раскинувшаяся на необъятное пространство, отдельные части не составляли самостоятельных политических тел ни в глазах князей, ни в глазах служилых людей и крестьян. Князья смотрели на свою волость как на временное владение, в котором они сидели до первой перемены в Киевском княжении...»[1]

Рост количества городов, о котором говорилось выше, был бы невозможен или крайне затруднен, если бы таких обычаев не существовало. Странная обратная связь действовала на территории Киевской державы: чем больше людей покидало богатые, обжитые в IX — XI веках земли и уходило в края неизведанные, обустраивалось там, тем резче проявлялся антагонизм между княжествами старыми и новыми, тем больше мирных людей покидало обжитые районы.

Таких людей в Восточной Европе называли бродниками. Это слово имеет несколько разных значений. Князь Кий мог быть бродником, человеком, жившим у брода, а то и владеющим бродом, переправой. Бродниками называли тех, кто уходил в степи, соблазняясь прелестями вольной жизни, быстро дичал там, как дичают кони без людей, нанимался в различные дружины, ходил на печенегов, а затем — на половцев и в составе отрядов степняков — на Русскую землю. Не об этих бродниках пойдет речь, а о тех, кто ходил-бродил по Руси в поисках спокойной, невоенной жизни.

---

[1] *Градовский А Д* История местного самоуправления в России. Т. I. Спб., 1868. С. 1.

Эти бродники сворачивали с Днепра и уходили с захоженных дружинниками дорог на невеликие реки, неширокие дороги, искали и находили укромные уголки, окруженные лесными дебрями и болотами, озерами и холмами, обживались здесь, ни с кем не воюя, никому не мешая, а лишь работая изо дня в день.

Именно такие бродники добирались до Оки-реки с запада через Угру. Некоторые оседали на берегах быстрой Оки, где в среднем и верхнем течении жили вятичи (славянские племена), а другие, самые миролюбивые, сворачивали на Москву-реку, совсем уж невеликую, небурную, которую вполне можно назвать Окской заводью, и не только Окской, но и заводью бурного потока истории, по которому мчалась на быстрых скоростях Восточная Европа. Войны, битвы, предательства, обиды, пожары, кровь врагов и родных — все это повторялось год за годом там, вне территории, прилежащей к долине Москвы-реки. А здесь была жизнь спокойная у спокойной реки, некруто петляющей меж покатых холмов, густо поросших, как и вся местность кругом, сосновыми борами вперемежку с широколиственными лесами, с березовыми рощами, прозрачными, как апрельская вода; здесь — тишина благостная, озвученная лишь мелодиями почти нетронутой людьми природы.

По реке Москве, ничем не выдающейся, поднимались люди на стругах, появившихся в XI веке в Восточной Европе, или на ладьях, доходили до места впадения в нее Пахры, шли дальше вверх по течению и вдруг в какой-то момент начинали удивляться: что случилось с рекой, почему запетляла она туда-сюда нервно, будто что-то очень важное потеряла здесь давным-давно и найти никак не может? Какой такой драгоценный клад ищет река, круто извиваясь, рассылая по сторонам на разные расстояния бесчисленных своих сестер, раздваиваясь то тут, то там, образуя невысокие шапки островов, разбрасывая широкие рукава, приближаясь вплотную к крутым склонам, словно бы заглядывая вовнутрь холмов, и не боясь при этом получить за назойливое любопытство удар отвалившейся глыбы земли? Видно, очень дорогой клад затерялся в этих краях, если река так разволновалась.

Люди доплывали до Боровицкого холма (бор тут рос сосновый, густой, тысячелетний), останавливались. Дальше, за холмом, начинались пороги, не такие страшные, как на Днепре, но... зачем река Москва свое дно острыми каменьями забросала да искромсала тяжелую гладь реки бурунами? Может быть, река чудная подсказывала людям: не плывите дальше, здесь клад великий, град Москву ищите? Взойдите, люди, на холм, оглядитесь, присмотрите место по душе, здесь всякой доброй душе приют и отдохновение найдется, только не ленитесь искать и трудиться.

И люди принимали приглашение гостеприимной хозяюшки, обживались в этих краях себе и потомкам на радость, а к 1134 году достигли значительных успехов в экономическом освоении края.

* * *

Земля, расположенная на территории современной Московской области, уже в XI веке могла прокормить, обуть-одеть, защитить и душевно порадовать не одну сотню тысяч человек. Богатая земля. Но для получе-

ния этого богатства нужен немалый труд, время или средства. Громадных средств у бродников быть не могло и у местных — вятичей — тоже. У них были руки, жадное желание мирно жить и время, любезно предоставленное им историей: из летописей ясно, что все великие события XII, да и XIII веков происходили совсем в других точках Восточной Европы.

Но это не значит, что местные жители несколько веков катались как сыр в масле. Жизнь в ближних и дальних окрестностях Боровицкого холма в XI столетии вполне можно сравнить с жизнью загадочных аккадских племен, которые, спасаясь от преследователей, современной науке не известных, осели в IV тысячелетии до н. э. в долинах Тигра и Евфрата, превратили непригодный для жизни болотистый край в один из прекрасных садов мировой цивилизации. Аналогичный подвиг в XVIII веке совершили запорожские казаки, которые превратили безжизненный край между Черным и Каспийским морями в цветущую страну, в житницу России. Подобных подвигов в истории человечества не так много. И говоря о Москве и москвичах, о делах повелителей великого града, нельзя забывать о том, что корень всего московского, истоки всего московского находятся в XI веке, когда началось освоение Московской земли.

Земля московская самодостаточна и самоценна. В конце XX века эта мысль никого не удивит, но еще в XVI — XVII веках иностранцы удивлялись обилию первозданных лесных массивов, окружавших стольный град и его окрестности. А с каким изобилием столкнулись первые жители этих мест, можно только догадываться. Человеческий подвиг, который совершили в XI веке бродники вместе с племенами вятичей, велик еще и тем, что в долину Москвы-реки съезжались люди, хоть и русские, но самые разные, совсем непросто им было найти общий язык.

Князь суздальский возвращался в 1134 году в Заокскую землю, прекрасно понимая главную цель похода новгородцев на Суздаль. Ходили они и за славой, и за добычей, но стратегической целью той войны и всей политики новгородцев в тридцатые годы XII столетия была даже не Суздальская земля, а земля в долине Москвы-реки.

Вскоре Юрий Владимирович смог убедиться в этом. В 1135 году, когда началась борьба киевского князя с князьями черниговскими и военные проблемы надолго отвлекли князя суздальского от хозяйственных дел, данным обстоятельством воспользовались новгородцы: они решили построить на своих южных границах на торговом пути из новгородских земель в Волго-Окский бассейн город Волок Ламский. Здесь было место волока судов из реки Ламы, притока Волги, в реку Волошню, приток Рузы, которая несет свои воды в Москву-реку.

Почему же сильные новгородцы, ранее всегда ведущие торговые дела на могучих реках Днепре и Волге, обратили внимание на тихую Москву-реку? Об одной причине уже было сказано: к этому времени днепровская дорога потеряла свое экономическое значение. Но была и другая причина, важная в контексте разговора о Москве: к началу XII века обитатели долины Москвы-реки экономически настолько окрепли, что могли пред-

ставлять собой выгодного партнера. И первыми это почувствовали торговые люди из Новгорода.

За семь лет до основания Волока-Ламского в Новгороде разразился страшный голод. «От жестокого, совсем необыкновенного холода вымерзли озими, — пишет Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского», — глубокий снег лежал до 30 апреля, вода затопила нивы, селения, и земледельцы весною увидели на полях, вместо зелени, одну грязь. Правительство не имело запасов, и цена хлеба так возвысилась, что осьмина ржи в 1128 году стоила нынешними серебряными деньгами около рубля сорока копеек. Народ питался мякиною, лошадиным мясом, липовым листом, березовой корою, мхом, древесной гнилью. Изнуренные голодом люди скитались как привидения; падали мертвые на дорогах, улицах, площадях. Новгород казался обширным кладбищем; трупы заражали воздух смрадом тления, и наемники не успевали вывозить их. Отцы и матери отдавали детей иноземным купцам в рабство, и многие граждане искали пропитания в странах отдаленных»[1].

Неизвестно, с чьей помощью пережили новгородцы тот страшный голод, известно другое — пережили, а уже через год они вели бурную военную деятельность, успешно торговали с Готландией и Данией. Еще через четыре года, то есть в 1134 году, они проиграли битву на Ждановой горе, а через несколько месяцев посчитали необходимым основать новый город Волок-Ламский, связавший их с Московской землей. А купцы, как известно, всегда вкладывали деньги только в надежные предприятия.

Юрий Долгорукий, вынужденный участвовать в междоусобице и отстаивать дело Мономашичей, не мог не обратить внимания на этот ход Новгорода, жители которого основанием Волока-Ламского, во-первых, «прорубили окно» в Московское пространство, во-вторых, сделали очередной шаг на юг. Само по себе это действо было полезным для экономического развития Московской земли. Но надо помнить, что новгородцы всегда предпочитали республиканский способ жизнеустройства, а в 1136 году на вече они объявили город республикой. И эта неизживная тяга северного соседа к самостоятельности, да еще и к республике Юрию Владимировичу не могла нравиться.

В 1136 году в Новгороде вспыхнул мятеж. Народ не простил Всеволоду Мстиславичу позорного бегства со Ждановой горы, буйствовал два года, сменил двух князей на вече и в конце концов призвал в Новгород Ростислава, сына Юрия Владимировича, что можно считать важной дипломатической победой суздальского князя.

Еще не остыли страсти в Новгороде, как Ольговичи объявили войну Мономашичам. Они имели на это право. Старший Ольгович, Всеволод, был не моложе великого князя киевского, а значит, он мог занять великокняжеский престол. Ярополк, собрав огромную армию, поддержанный почти всеми русскими князьями, а также венграми и берендиями, подошел к Чернигову. Всеволод вынужден был просить у Мономашича пощады. Ярополк исполнил просьбу, но Ольговичи ответили на это злом.

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 211 - 212.

Они не смирились с поражением, лишь затихли, дожидаясь удобного момента. И он вскоре наступил.

18 февраля 1139 года Ярополк умер. Через четыре дня из Переяславля в Киев прибыл Вячеслав Владимирович. Его, как государя, встретил окруженный народом митрополит. Но государем Мономашич не стал. Всеволод Ольгович, старший из рода Рюриковичей, с небольшой дружиной подошел к столице, разрешил воинам грабить и жечь окрестности, послал в город гонца с жестким требованием отдать ему власть. Как мог ответить ему Вячеслав? Только как Рюрикович, как потомок Мономаха.

Он послал к Всеволоду митрополита, и тот передал его слова нарушителю спокойствия: «Я не хищник; но ежели условия наших отцов не кажутся тебе законом священным, то будь государем киевским: иду в Туров»[1].

В других произведениях речь митрополита передается по-иному: «Я, брат, пришел в Киев на место братьев своих, Мстислава и Ярополка, по завещанию отцов наших. Ежели ты, брат, пожелал стола этого и оставил свою вотчину, то я — меньше тебя и пойду в прежнюю свою волость, а Киев тебе».

Всеволод Черниговский, уже пожилой, лысый, толстый, велебородый, большеглазый, с длинным носом и мясистыми руками (такой портрет дает ему В. Н. Татищев), въехал на белом коне в столицу, приблизился к духовенству, сошел с коня и целовал крест. Мономашичи надолго потеряли великокняжеский престол.

Древний обычай

После вокняжения Всеволода дела на юге Руси ухудшились. Началась жестокая борьба князей за богатые области. Центральная власть с каждым годом теряла силу и авторитет. Удельные князья усиливались, выходили из повиновения, доказывали оружием свое превосходство. Ближайшие соседи Киевской Руси, окружавшие страну крутым полумесяцем от Польши на западе до половецких степей на юге и волжских булгар на востоке, всегда рады были помочь в беде какому-нибудь князю. Все равно кому. Лишь бы платили деньги. Все чаще нападали на русские земли западные и северо-западные соседи: литовцы и шведы.

Мономашичи уступили Всеволоду верховную власть по закону старшинства, по обычаям предков. Нарушить их Юрий Владимирович не мог, хотя в течение 300 лет этот обычай несколько раз нарушался, в том числе и Владимиром Мономахом. «По смерти Святополка-Михаила, — пишет Н. М. Карамзин, — граждане Киевские, определив в торжественном совете, что достойнейший из князей российских должен быть великим князем, отправили послов к Мономаху и звали его властвовать в столице. Добродушный Владимир давно уже забыл несправедливость и вражду Святополкову: искренно оплакивал его кончину и в сердечной горести отказался от предложенной ему чести. Вероятно, что он боялся

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 219.

оскорбить Святославичей, которые, будучи детьми старшего Ярославова сына, по тогдашнему обыкновению долженствовали наследовать престол великокняжеский»[1].

Его отказом и временным безвластием воспользовались смутьяны, в городе начались грабежи и погромы. Горожане вновь явились к Мономаху, сказали: «Спаси нас от неистовства черни, от грабителей!..» Владимир, двадцать лет не рисковавший брать власть, на этот раз смирился со своей долей, приехал в Киев. «Народ изъявил необычайную радость, и мятежники усмирились, видя князя великодушного на главном российском престоле».

Какая идиллия! Как счастливо завершился в 1113 году описанный эпизод из истории Руси, когда Киев был еще силен!

В конце тридцатых годов того же столетия положение изменилось в худшую сторону. Войны с половцами и ослабление центральной власти вносили смятение в души киевлян и жителей других городов Поднепровья, объятых междоусобицей. Каждый думал только о себе, эгоизм стал основным качеством людей, повсеместно изменились и моральные нормы. И старый обычай передачи власти лишь усугублял прогрессирующую болезнь. Время древних законов ушло. Это понимали Юрий Владимирович и другие князья. Но удивляет другое: с каким упорством Рюриковичи держались за древние законы.

Видимо, эта вера Рюриковичей в справедливость и вечную пользу старых законов пугала Юрия Владимировича, который не рискнул открыто бросить вызов Всеволоду, перестал активно вмешиваться в дела на юге Руси, занялся проблемами Суздальской земли, не забывая, однако, о главном своем противнике. Относительную пассивность Долгорукого можно объяснить не только его страхом, но и его слабостью, ведь Всеволод Ольгович был противником серьезным. Ему удавалось гасить очаги распри, договариваться с иноземными повелителями, копить силу.

В 1140 году Всеволод стал готовить поход на Суздальскую землю. Юрий Владимирович прибыл в Смоленск к Ростиславу Мстиславичу и заключил с ним союз в борьбе против Всеволода. Новгородцы отказались воевать, как их ни уговаривал сын Юрия, Ростислав, новгородский князь, которому по этой причине пришлось покинуть город, вернуться к отцу. Князь суздальский отомстил новгородцам, отнял у них Торжок, являвшийся для северян своего рода торговыми воротами. Новгородцы по привычке устроили бунт, который закончился избранием во второй раз Юрия Владимировича в князья. Но он вновь дипломатично отказался и отправил к республиканцам сына. Тем временем Всеволод занял наследственный удел Юрия — Остерский Городец. А вскоре и новгородцы преподнесли очередной сюрприз: узнав, что великий князь киевский послал к ним Святополка, они посадили сына Юрия в епископский дом под домашний арест.

Крупная война между Всеволодом Ольговичем и князем суздальским все же не успела разразиться. 1 августа 1146 года великий князь киевский скончался. Н. М. Карамзин дает ему такую характеристику:

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 200.

«...умный и хитрый, памятный отчасти разбоями междоусобия, отчасти государственными благодеяниями! Достигнув престола Киевского, он хотел устройства и тишины; исполнял данное слово, любил справедливость и повелевал с твердостию; одним словом, был лучшим из князей Олегова мятежного рода»[1].

После смерти Всеволода великим князем киевским несколько месяцев был его брат Игорь Ольгович, а затем великокняжеский престол захватил Изяслав, «благословенная отрасль доброго корня», сын Мстислава Великого. Он «мог бы обещать себе и подданным дни счастливые, — пишет Н. М. Карамзин, — ибо народ любил его; но история сего времени не представляет нам ничего, кроме злодейств междоусобия. Храбрые умирали за князей, а не за отечество, которое оплакивало их победы, вредные для его могущества и гражданского образования»[2].

Время правления Изяслава Мстиславича — это время жестокого противостояния двух крупных государственных деятелей: великого князя киевского и князя суздальского. В этом противоборстве не только проявились в полной мере личностные качества вождей, но обозначилась будущая трагедия столицы огромной и совсем недавно сильной державы, суть которой была в том, что русские люди дрались за власть в Киеве, за обладание этим великолепным, сильно раздутым варяжским ветром городом, грабили столицу.

Но вот в чем состояла парадоксальность положения престольного города Киева — он и все его мертвые, а мягче говоря, остаточные богатства если и нужны были князьям, то только в качестве раритета, которым можно было при случае похвалиться внукам: «А я Киев брал, а эта золотая побрякушка из Киева!» Да, такова правда, город, который по красоте и величию считался в Европе третьим после Константинополя и Кордовы, превращался в большую шкатулку не модных, но драгоценных безделушек.

Боровицкий холм

Весна. Март. Новый, 1147 год (в те времена год на Руси начинался 1 марта) застал князей за главным их занятием — грабежами, набегами на владения соседей. Юрий Долгорукий узнал о нападении князя рязанского на Суздальскую землю, оставил Козельск и отправился в свои владения. В это время дела у союзника Догорукого Святослава, княжившего в Новгороде, были совсем плохи. Изяслав Мстиславич, подоспев на помощь черниговцам, осаждавшим Путивль, родной город Святослава, вынудил защитников сдаться, открыть ворота крепости. Победители разграбили богатое имение Святослава, не пощадили даже церковь Святого Вознесения, изъяли утварь, бесценные фолианты, захватили семьсот пленных. Хорошая добыча.

Ободренная успехом рать великого князя направилась к Новгороду, где Святослав ждал помощи своего союзника. Князь суздальский, однако,

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 224.
[2] *Там же.* С. 227.

больше думал о своих владениях. К Святославу он послал сына Ивана. Тот заверил хозяина Новгорода в дружбе отца и сражался в войске Святослава храбро, не щадя себя.

Доброе известие от сильного союзника подбодрило новгородского князя, он не пожелал сдаваться и бежал с дружиной из Новгорода в «лесную землю Карачевскую» (современная Брянская область). Князь киевский послал за ним вдогонку отряд в 3000 конников. Расстояние между беглецами и преследователями быстро сокращалось. У Святослава осталось два выхода: либо драться, либо покориться врагу. Князь новгородский бросил дружину в бой и в отчаянной схватке разгромил преследователей.

Вскоре и Юрий Владимирович одержал победу над рязанцами, отогнал их на юг, после чего захватил Торжок. Святослав ворвался в Смоленскую область, разорил слабоукрепленные города в Голядской земле, в долине реки Протвы. Тут и весна подоспела, а с ней наступила передышка в военных баталиях между русскими князьями.

Юрий Долгорукий решил отпраздновать победы и, как написано в Никоновской летописи, послал Святославу приглашение: «Буди, брате, ко мне, к Москве... Любезно целовастася в день Пятка на Похвалу Богородицы». 28 марта 1147 года союзники встретились на берегу Москвы-реки на Боровицком холме, и это день считается днем рождения столицы будущего огромного государства.

Святослав прибыл в Москву в конце марта. Летописцы ничего не говорят о погоде в день пира, но, надо думать, что «марток — не скидывай порток» был и в те годы «марток», а значит, в небольшом городе (или селении) уже тогда имелись вместительные теплые помещения, где пировали и ночевали две дружины. Численность обеих дружин могла превышать пять и даже десять тысяч человек. Отсюда следует, что в 1147 году, в марте, когда все запасы населения подходили к концу, когда люди с нетерпением ждали майский щавель, на Боровицком холме и в его ближайших окрестностях было достаточно пищи, чтобы прокормить в течение нескольких дней несколько тысяч здоровых мужчин.

Во время пира хозяин ободрил Святослава, обещал и впредь помогать ему во всем. Юрий щедро наградил своих бояр и гостей, не поскупился на добрые слова и богатые дары для Владимира, племянника Ростислава Рязанского — своего врага, теребившего налетами Суздальскую землю. Он был щедрым в тот день. Но почему именно в Москве организовал встречу Юрий Долгорукий?

Причин тому было много. Вот некоторые из них.

Во-первых, здесь было место тихое, где можно было попировать в полной уверенности, что противник не нагрянет сюда внезапно и не испортит радость встречи боевых друзей.

Во-вторых... новгородцы! Юрий Долгорукий знал о притязаниях Новгорода на эти земли. Встреча князей-союзников в Москве могла показать северянам, что эта земля находится под пристальным вниманием князя суздальского.

В-третьих, эта встреча могла припугнуть и местных обитателей, крепких, богатых и неслабых духом, продемонстрировав мощь княжеских

дружин. А разве потомкам бродников, основавшим здесь целую колонию поселений, могло понравиться активное внедрение в их мирное пространство военизированного княжеского городка?

Последний вопрос подводит нас к трагической истории, к схватке между боярином Кучкой и князем Долгоруким, которая началась как раз тогда, когда для всех остальных гостей встреча уже закончилась.

Крепко повздорили эти два человека. Историки приводят разные версии причин трагической ссоры. Кто-то считает, что во всем повинна жена Степана Ивановича Кучки, красавица писаная. Кто-то считает, что Долгорукого возмутила гордая, независимая натура Кучки. Кто-то говорит о том, что Кучка был гражданином Новгорода.

Все эти и другие предположения, конечно же, имеют право на существование, но не про Юрия Владимировича они сочинены. И не потому, что возраст его шестидесятилетний был давно не пылкий. Бес-то не дремлет. Он может броситься и на столетнего. Дело тут в натуре Юрия Владимировича, человека невоинственного, флегматичного, о чем свидетельствует его биография. Он в битвах столько раз проявлял мягкотелость! Такой человек убивать верного боярина из-за какой-то женщины вряд ли станет. Злодеем Юрий Долгорукий не был.

Вероятнее всего, причиной ссоры князя суздальского с владельцем Красных сел стала их непримиримость во взглядах на стратегию развития Московского пространства. Кучка, видимо, не собирался без борьбы терять свое влияние на обширной территории Москворечья и отстаивал не столько имущественные интересы местных жителей, сколько пытался защитить от посягательств сам способ их жития: тихое, мирное сосуществование на приличном расстоянии друг от друга крупных и мелких селений, не нуждающихся в хорошо укрепленных городах и княжеских дружинах. Это был мир в самом первозданном и емком значении этого слова. Толковые словари трактуют его не просто как состояние без войны, но и как изначально невоинственное, неагрессивное отношение к бытию. Мир в таком понимании слова — это рай, утраченный грешным человечеством.

Юрий Долгорукий, пришедший из другого, немирного мира, ставил перед собой цель создания под своей властью нового государства, оплота воинственных Рюриковичей на северо-востоке. И боярину Кучке место в этом государстве отводилось далеко не первое.

Есть еще одна версия причины ссоры, о которой будет рассказано, когда речь пойдет о мести Кучковичей, детей Степана Ивановича. Юрий Долгорукий в пылу гнева приказал казнить боярина, но останавливаться на этом ему было нельзя. Его бы осудили сами Кучковичи, дети и родственники погибшего, а их в Красных селах было немало, если учесть обычай восточноевропейских племен жить большими семьями и заводить как можно больше детей (у Долгорукого, например, родилось от двух жен 13 детей). Конечно, князь мог пренебречь реакцией сыновей и дочерей боярина, но он решил всех задобрить. Он женил, согласно одной из легенд, своего сына Андрея на дочери Кучки, красавице Улите, взял в свою дружину сыновей Кучки Якима и Петра (последнего некоторые источники называют зятем боярина). И не догадываясь, что произойдет через некоторое время с этой семьей, с его сыном, он занялся другими важными делами.

А русские летописи на целое столетие перестали упоминать о Москве. Этот факт говорит о том, что в XII веке будущая столица великой державы не являлась «бойким узлом торговых и военных дорог».

Дел у суздальского князя действительно было много. В 1147 году он покидает Москву и занимается вплотную устройством своих земель.

Уже в 1152 году в сорока шести километрах к западу от Москвы основан, предположительно тоже Юрием Долгоруким, Звенигород. Тогда же, как свидетельствует Никоновская летопись, он поставил в Суздальской земле много каменных церквей: на Нерли — церковь во имя Святых мучеников Бориса и Глеба, а в Суздале — во имя Всемилостивого Спаса. Владимир в том же году украсила построенная им церковь Святого Георгия, а все заложенные в Клещине церкви он перевез в Переяславль, там же заложил он церковь во имя Всемилостивого Спаса.

В том же году в ста шестидесяти километрах к северо-востоку от Москвы им был основан город Переяславль-Залесский, а в шестидесяти восьми километрах к северо-западу от Владимира — город Юрьев-Польский.

Уже через два года, в 1154-м, в шестидесяти километрах к северу от Москвы на месте бывших славянских поселений им был основан город Дмитров в честь сына Всеволода (впоследствии Всеволода Большое Гнездо), в крещении названного Дмитрием.

А еще через два года, в 1156-м, Юрий Долгорукий повелел соорудить вокруг Боровицкого холма крепостную стену. Такое предприятие нельзя назвать случайным, современный исследователь А. М. Яновский, например, называет основателя Москвы выдающимся политическим деятелем и выдающимся стратегом, полководцем. Он считает, и не только он один, что строил Долгорукий города на западе Суздальской земли, исходя из военных задач: «Построенные им новые города образуют две линии обороны, две линии крепостей на западе Суздальского княжества, — пишет он в книге «Юрий Долгорукий» («Московский рабочий», 1955 г.). — Первая: Кснятин — Дмитров — Москва. Вторая: Ростов — Переяславль-Залесский — Юрьев-Польский».

Более чем вероятно, что основатель Москвы построил в кремле и княжий двор с соответствующими строениями, где гостили у него князья, где он сам останавливался во время своих бесконечных переездов. Сомнений нет, что известный храмостроительством князь должен был «на Москве» построить хотя бы один храм, но письменных свидетельств этому факту нет.

Но вернемся в конец сороковых годов XII века. В начале 1149 года Мстиславичи, поддержанные новгородцами, которые на этот раз воевали на стороне великого князя, ворвались в Суздальскую землю, прошлись по ней огнем и мечом, разграбили и сожгли много слабоукрепленных городов, взяли большую добычу и семь тысяч пленных и, подгоняемые ранней весной, возвратились в свои княжества.

Летом 1149 года Изяслав прогнал из Киева Ростислава, сына Юрия. Юноша за несколько месяцев до этого бежал от отца к дяде, пользовался в столице уважением и доверием, но злые языки нашептали о нем Изяславу

всякие небылицы, и великий князь киевский отправил племянника назад к отцу.

Тут уж рассердился Юрий Владимирович не на шутку. Мало того, что Мстиславичи ограбили Заокскую землю, так великий князь еще и оскорбил Ростислава! Князь суздальский выступил в поход и 23 августа разгромил неподалеку от Переяславля войско противника. Изяслав бежал в Киев. Здесь он собрал людей на вече и пытался уговорить народ дать бой войску Юрия. «Граждане в унынии ответствовали: «...Государе добрые! Не подвергайте столицу расхищению; удалитесь на время в свои частные области. Вы знаете, что мы не уживемся с Юрием: когда увидим ваши знамена, то все единодушно на него восстанем». То был голос мудрых, осознающих свою слабость людей: Киев, густонаселенный город, в котором одних только церквей сгорало в иные пожары около 600, не мог постоять за себя.

Изяслав бежал во Владимир Волынский, получил помощь от венгерского короля Гейзы, от поляков, от Владислава Богемского и продолжил борьбу. Киев несколько раз переходил из рук в руки. Юрию Владимировичу помогал отважный Владимирко Галицкий.

В 1151 году князь суздальский в очередной раз взял Киев, наотрез отказался от мирных переговоров с Изяславом, готовым на любые уступки, лишь бы сохранить мир в стране. Мир очень был нужен сыну Мстислава. Он словно бы чувствовал, что Юрий Владимирович не сможет долго управлять Киевом, что ни народ, ни бояре, ни духовенство стольного града не воспринимают той государственной доктрины, которую Долгорукий проводил в Суздальской земле и которую мечтал осуществить на всей территории Руси.

Изяславу нужно было время. Он помнил сказанные на вече слова: «...мы не уживемся с Юрием». Сын Мстислава Великого стал искать союзников, отправил младшего брата в Венгрию. Король Гейза поздней осенью повел войско на Русь, преодолел Карпатские горы, взял Санок, направился к Перемышлю. Владимирко Галицкий, не готовый к войне, подкупил архиепископа и чиновников Гейзы, и те уговорили короля прекратить на время боевые действия.

Владимир Мстиславич применил еще один дипломатический ход — женился на родственнице короля, и тот выделил великому князю киевскому отряд в десять тысяч бойцов — крупная сила по тем временам. Изяслав пошел на Киев. Владимирко Галицкий последовал за ним. Великий князь оказался в клещах. Воеводы испугались. Изяслав, однако, от похода не отказался. «Вы пошли со мной, оставив врагу свои дома, села и богатства. А я лишился наследного престола. Буду биться до конца. Иду на суд Божий», — ответил он малодушным и повел войско дальше.

Андрей Юрьевич не смог задержать врага у Пересопницы, отошел, соединился с дружиной князя галицкого, и вместе они поспешили за Изяславом. Тому удалось с помощью костров ввести противника в заблуждение, сняться ночью с места, оторваться от преследователей. Владимирко и Андрей надеялись на Бориса Юрьевича, который просто обязан был остановить противника на подступах к Белгороду, где у этого сына Долгорукова была сильная дружина.

Борис Юрьевич по ночам кутил с воеводами, а днем отсыпался. Беспечный был человек Борис. Изяслав подошел к Белгороду в разгар пира. Ночь стояла тихая. Город спал. Гудели только в княжеском дворце. Воины Изяслава ворвались через крепостные ворота в город, трубачи затрубили, барабанщики громко ударили в барабаны — в городе проснулся люд, дружинники Бориса запаниковали.

Пьяный князь с пьяными боярами и воеводами выбежали из дворца, протрезвели вмиг, сели на коней и поскакали прочь. Не то удивительно, что пил Борис всю ночь. Удивительно то, что, даже в стельку пьяный, не забыл он приказать слугам держать коней наготове.

Прискакал Борис к отцу в Киев и закричал не своим голосом:

— Изяслав в Белгороде! Венгры дали ему большую армию. Мы пропали!

Отец перепугался, отправился к Днепру, сел там в лодку и уплыл в Остер, оставив сына и воевод с боярами суздальскими в Киеве. Не то удивительно, что Юрий Владимирович испугался, удивительно, что лодка на пристани стояла, всегда готовая к отплытию. Этот эпизод не делает чести сыну Мономаха. Недоброжелатели Юрия Владимировича часто используют подобные факты из его биографии, доказывая, что этот князь не являлся выдающимся полководцем... Но данный эпизод говорит в первую очередь о другом: город Киев не принял заокского князя, не считал его своим и не смирился с его великодержавной политикой.

Изяслав со славой вошел в столицу. Народ встретил его с великой радостью, хотя радоваться было еще рано: Владимирко с Андреем приближались с большим войском к городу. Они могли овладеть столицей без труда. И тогда не поздоровилось бы тем, кто кричал громкие здравицы в честь Изяслава. Великий князь киевский готовился к продолжению боевых действий, воодушевленный теплой встречей. Он не знал, что случилось в стане противника.

Князь галицкий, услышав о том, как легко его союзники сдали Киев, прямо заявил Андрею:

— Разве можно так беспечно пировать?! Один сын сидел в Пересопнице с дружиной, другой — в Белгороде. Враг прошел через эти города, а сыновья даже вовремя не оповестили отца об опасности? Если вы так правите, то я вам ничем помочь не смогу.

Владимирко вернулся в Галицкую землю. Вскоре, однако, он вновь помогал Юрию Владимировичу в непрекращавшейся борьбе с Изяславом, хотя делать это ему было очень сложно. Галицкая область, западный форпост Киевской Руси, испытывала давление со стороны венгерского короля Гейзы, да и других западных соседей. Гейза несколько раз вынуждал Владимирка давать в критических ситуациях обещания не воевать против Изяслава. Но русский князь не мог отказать Юрию Владимировичу, которому давным-давно дал клятву верности.

В том же 1151 году князь Юрий Владимирович с крупным войском, усиленным отрядами половцев, подошел к Днепру. Готовился он к операции тщательно. Переправа была организована быстро. Люди садились в насады — лодки с высокими надставными бортами — и отчаливали от берега. С противоположного берега им навстречу устремились ладьи,

изготовленные по проекту Изяслава и его умельцев. Борта у судов были тоже высокие. Но не это являлось главной находкой киевлян.

Бой разгорелся. Суздальцы рвались к Киеву, но насады, тяжело маневрируя по быстрой воде Днепра, не находили лазейку между ладьями киевлян, которые имели по два кормчих — спереди и сзади. Это и позволило неуклюжим на вид судам моментально менять курс на 180 градусов, вовремя перекрывать бреши.

Первый день битвы закончился ничем. Утром Юрий отправил флотилию в Долобское озеро. Отсюда его воины волоком доставили лодки к Золотчи и по ней вошли в Днепр с севера от Киева. Этот маневр не принес результата. Изяслав не пропустил неприятеля к броду. Юрий послал сына Андрея к Зарубовскому броду. Отряд киевлян во главе со Шварном не выдержал удара, и конница половцев, поддержанная флотилией, перешла по Зарубовскому броду Днепр. Положение Изяслава ухудшилось. Юрий Владимирович продемонстрировал тонкое понимание военного дела — победа была близка.

Шварн прискакал в Киев, доложил о катастрофическом положении у Зарубовского брода. Князь спокойно сказал:

— Они не крылаты. А перелетевши Днепр, сядут где-нибудь. Подпустим их. В болотистой местности половецкая конница не разгуляется.

Изяслав поклонился церкви Святой Богородицы Десятинной, построенной в 989 году Владимиром I, затем — церкви Святой Софии и спокойно, без тени тревоги на лице выступил из Киева. На смертный бой шел Изяслав. На виду у многих горожан, которые когда-то сказали ему: «Мы все встанем за тебя», он шел не спеша, никого ни о чем не просил. И вдруг горожане сказали свое слово:

— Мы все пойдем на смертный бой. Кто с мечом, кто с палкой, кто с камнем. А кто откажется, того мы своими руками убьем.

Большим авторитетом нужно пользоваться у людей, чтобы в минуту тяжкую они приняли такое решение. Подобную армию одолеть нелегко. Ее можно только уничтожить. Но такое удавалось в редких случаях.

Утром два войска выстроились друг перед другом. Половцы, воевавшие на стороне Юрия, заволновались, почуяв силу. Андрей Юрьевич ободрил их, обещал увеличить вознаграждение. Успокоил он и русских воинов.

Князю Изяславу тоже пришлось подбадривать киевлян. Страх — чувство сильное. Когда кричишь на вече: «Я буду воевать!» — его нет. Он приходит позже, когда перед глазами стоит на поле вражья рать, а там бойцы сильные, опытные. Все люди боятся смерти. Только нелюди не боятся. Но таких мало даже среди головорезов. Нельзя корить людей за страх. Его нужно побороть, и в бою это лучше делать сообща. Изяслав сказал киевлянам самые простые слова, но этого оказалось недостаточно. Страх остался в глазах воинов. И тогда великий князь киевский развернул коня и поскакал один на врага. И цокот копыт тут же убил страх.

Андрей, сын Юрия, тоже бросился в бой. Он поразил несколько киевлян, сломал копье. Под ним ранило коня, с головы князя сорвали шлем.

Изяслав тоже сломал копье, был ранен в руку, затем — в ногу. От резкой боли он потерял сознание, слетел с коня. Бой продолжался.

В самый ответственный момент половцы покинули войско князя суздальского. Киевляне усилили натиск и одержали победу.

Бой уже закончился. Киевляне шли по полю, считали потери. Кто-то обратил внимание на лежавшего воина, кровь заливала его одежду, лицо. Он шевельнулся, произнес едва слышно:

— Я князь.

— Ты-то нам и нужен, — один из воинов ударил мечом по шлему лежащего.

Шлем выдержал удар. Воин ударил посильнее, затем — совсем сильно. С третьего раза меч пробил шлем. От дикой боли раненый окреп голосом, вскрикнул:

— Я — Изяслав!

А чтобы ему быстрее поверили, он, превозмогая боль, снял шлем.

— Кирие, элейсон! Кирие, элейсон! — закричали радостные киевляне, что в переводе с греческого означало: «Господи, помилуй!»

Победа в том сражении не изменила расстановку сил в распре. Но поведение Изяслава и киевлян в ней может многое сказать о том, что же собой представлял самый серьезный соперник Юрия Владимировича и на какие силы он опирался.

Н. М. Карамзин высоко оценивает личностные качества и итоги государственной деятельности Изяслава Мстиславича. «Мужественный и деятельный, он всего более искал любви народной и для того часто пировал с гражданами; говорил на вечах, подобно Великому Ярославу; предлагал там дела государственные и хотел, чтобы народ, исполняя волю государя, служил ему охотно и врагов его считал собственными. Разделив престол с дядею, добродушным и слабым (с Вячеславом Владимировичем. — *А. Т.*), Изяслав в самом деле не уменьшил власти своей, но заслужил похвалу современников; обходился с ним, как нежный сын с отцом; один брал на себя труды, опасности, но приписывал ему часть побед своих и жил сам в нижней части города, уступив Вячеславу дворец княжеский»[1].

Да, Изяслав Мстиславич был прекрасным политиком, изворотливым, хитрым. Понимая, что Вячеслав имеет полное право занять великокняжеский престол, сын Мстислава сумел привлечь на свою сторону невоинственного, мягкотелого старика Вячеслава, посадил его в золотую клетку, превратил старшего из оставшихся в живых Мономашичей в экспонат, важный и дорогостоящий, а сам правил Киевской Русью, не имея на то никаких прав. Очень крупный политик.

У него не было в стране мощной поддержки, тогда он обольстил пьянками да пирами киевлян, влюбил их в себя, и сам влюбился в них. А чтобы любовь была крепче, Изяслав нанимал иностранные войска, которые ходили по землям Галицкого и других княжеств за крупные вознаграждения, помогая князю удержаться на престоле.

Другие князья русские также не гнушались помощью извне, приглашали в дружины половцев, берендиев, торков, которые подчас играли важную роль в битвах. Изяслав пошел дальше. Иностранные армии

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 250.

(венгры, богемцы, ляхи...) стали частью его политики. Но эта часть требовала огромных средств, что отрицательно сказывалось на внутриполитическом положении русского государства. Политика, основанная на привлечении наемного войска для решения государственных задач, может принести успех конкретному правителю, что и случилось в судьбе Изяслава, который выиграл-таки свой личный бой с Юрием Долгоруким.

Он умер великим князем киевским. Видимо, он считал себя великим человеком. Но он таковым не был. И тот факт, что его любили киевляне, ровным счетом ни о чем не говорит. Любить-то они его любили, но странною любовью: всего один раз жители Киева сподобились встать на защиту своего возлюбленного. В остальных же случаях он был вынужден защищаться чужими руками.

18 ноября 1154 года Изяслав Мстиславич скончался. После его смерти в Киеве несколько месяцев правил Ростислав Мстиславич, а 20 марта 1155 года сан великого князя киевского принял «с общего согласия» Юрий Владимирович Долгорукий.

«Множество людей с великой радостью вышло ему навстречу, — написал об этом дне летописец. — И сел он на столе отца своего, славя Бога». Тот же летописец, до этого подробно, в ярких красках осветивший годы правления главного противника князя суздальского, теперь создал для Юрия очень громкий, особый титул: «Великий князь Юрий, сын Владимира Мономаха, внук Всеволода, правнук Ярослава, праправнук Великого Владимира, крестившего всю землю Русскую»[1]. Такого титула не удостоились ни Мстислав, ни его сын Изяслав, и уже один этот факт говорит о том, как высоко оценивали современники деятельность Долгорукого на великокняжеском престоле, хотя итоги ее, нужно признать, были весьма незначительными.

Одержимый идеей собрать Русь: северную (Новгородскую), Заокскую и Южную, Юрий Долгорукий, как только в первый раз занял киевский престол, начал ее осуществление, то есть еще в 1149 году. Он объединил под своей жесткой властью земли вокруг Киева, стал перераспределять волости, не обращая внимания на наследственные права, а также на права победителей в междоусобных конфликтах. Он повел себя не как великий князь, но как царь. Царем славным, господином добрым, отцом подданных назвали великого князя Изяслава Мстиславича киевляне, а также берендии, торки, проживавшие в Киевской земле, но Юрия Долгорукого, проводившего политику единодержавия, они царем называть не хотели.

Он направил старшего сына Ростислава в Переяславль. Глебу отдал на княжение Канев, Борису — Белгород; а Суздаль оставил совсем еще молодому Василию при тысяцком — старом своем друге и сподвижнике Георгии Симоновиче. Он вел себя как царь. Он собирал Русь под единой властью. И это никому не нравилось.

Юрий Долгорукий терял авторитет, терял союзников. Попытка объединения в 1149 году завершилась неудачно. Но это его не остановило,

---

[1] Полное собрание русских летописей. Т. II. Изд. 2-е. Столб. 383 – 384.

в следующем году князь правил в Киеве, руководствуясь теми же принципами, и также недолго. Изяслав вновь одержал над ним верх.

Но в 1155 году, когда не стало опасного соперника, появился ли у Юрия Долгорукого хоть один шанс осуществить задуманное? Сын Мономаха вновь стал проводить прежнюю политику: раздал сыновьям (а их у него в 1155 году в живых осталось девять) ключевые земли. Особое внимание при этом он уделил Суздальской земле, завещав ее младшим сыновьям от второго брака с византийской принцессой. Одним лишь завещанием он не отделался, организовал пышные торжества по случаю «крестоцелования» на верность его детям. Присягнули князю вся его дружина и население. Этакий странный шаг. С одной стороны, Долгорукий пытался собрать Русь под центральной властью Киева, с другой стороны, он, даже обремененный делами в столице, не забыл о своем уделе, основывал в Суздальской земле города, строил каменные церкви и передал быстро усиливающееся княжество младшим детям. Он будто бы предвидел будущее Заокского края.

Колокольный звон на пышной церемонии «крестоцелования» в Суздальской земле услышали все на Руси. Юрий Долгорукий, муж принцессы византийской, передал ее детям (а не детям от первой жены — половчанки) эту быстро развивающуюся область, устроил богатый праздник, напоминающий торжественностью и пышностью церемонию восшествия монарха на престол. Этот факт говорит не только о властолюбивых намерениях, выходящих за рамки существовавших в те годы на Руси обычаев и государственных устоев, но и об отношении Юрия к Суздальской земле, которую он в течение всей своей жизни обихаживал и с которой он сроднился.

Но время для создания единодержавного государства еще не пришло, и проводить такую политику становилось все труднее. Сначала Юрию удалось достичь немалых дипломатических успехов, замириться почти со всеми врагами, но они вскоре почувствовали, что сын Мономаха мечтает об единодержавии, и стали готовиться к войне. Великий князь принял вызов, война была неизбежна...

10 мая 1157 года Петрила, боярин Юрия Долгорукого, пригласил великого князя киевского на пир. Шестидесятисемилетний сын Мономаха принял приглашение. Он не мог его не принять. Уже сформировались противоборствующие союзы князей, уже собраны боевые дружины. Скоро начнутся битвы. Нужно показать всем свое физическое здоровье, свои добрые взаимоотношения с боярами, воеводами, знатными люди. Нужно хитрить. Киев отдавать врагам Долгорукий не мог. Авторитет и великое прошлое могучего града вынуждали князя продолжать борьбу за Киев.

Он пошел на пир.

Ночью после пира Юрий Долгорукий почувствовал себя плохо, слег. Ему оставалось жить пять дней.

15 мая 1157 года Юрий Владимирович Долгорукий умер. Его возможный соперник по предстоящей распре Изяслав Давидович, узнав об этом, сказал, подняв руки к небу: «Благодарю тебя, Господи, что ты рассудил меня с ним внезапною смертию, а не кровопролитием!» Киевляне в отличие от Изяслава Давидовича поступили иначе. После смерти

Долгорукого они разграбили его дворец и сельскую усадьбу, ворвались в имение суздальских бояр, устроили там погром, а тех, кто попытался оказать им сопротивление, убили. Они забыли даже о святом: не захотели, чтобы тело Долгорукого лежало рядом с телом Мономаха, и предали его земле в Берестове, в обители Спаса.

Дикая неуправляемая толпа мстила Юрию Владимировичу за то, что он пренебрежительно относился к дряхлеющему городу, а значит, и к горожанам, избалованным славой предков.

Некоторые специалисты считают, что Юрия Долгорукого на пиру у Петрилы отравили бояре. Они могли это сделать. Смерть Долгорукого на этот раз приостановила междоусобную войну. Его противники выиграли этот раунд без боя. Но они даже не догадывались тогда, чем обернется для них зло, содеянное ими в Киеве.

Основные события жизни Юрия Долгорукого

1090 — 1091 годы. Предположительно в эти годы у Владимира Мономаха родился сын Юрий.

1096 год. Владимир II Мономах передал Юрию Ростово-Суздальское княжество. Вместе с шестилетним Юрием в Заокский край отправился его воспитатель Георгий Симонович.

1108 год. После победоносной войны с половцами и заключения с ними мира Владимир Мономах женил Юрия на дочери половецкого хана Аепы.

1120 год. Юрий Владимирович осуществил победоносный поход на волжских болгар.

1125 год. Умер Владимир II Мономах.

1132 год. Умер Мстислав Владимирович. Юрий прибыл в Киев. На великокняжеский престол воссел Ярополк. Юрий, предчувствуя междоусобные раздоры, отошел с дружиной на юг, в свое селение Остерский Городец. Распря вспыхнула из-за передела богатой Переяславской земли. Юрий изгнал своего племянника Всеволода Мстиславича из Переяславля, который был вероломно захвачен племянником.

1134 год. Юрий Владимирович помог Мономашичам отстоять власть в Киеве.

Новгородцы осуществили неудачный поход на Суздальскую землю.

1135 год. 26 января во втором походе на Суздальскую землю новгородцы потерпели от дружины Юрия Владимировича поражение в битве у Ждановой горы.

1138 год. Юрий Владимирович вновь участвовал в междоусобице, закончившейся малоубедительной победой Мономашичей над черниговскими князьями, руководимыми Всеволодом.

В Суздаль прибыли новгородские послы, били челом Юрию Владимировичу, просили его стать князем новгородским. Избранный на вече Юрий, не желая оставлять Суздальскую землю, предложил послам вместо себя своего сына Ростислава. Новгородское вече приняло это предложение.

1146 год. После смерти 1 августа черниговского князя Всеволода киевский престол занял, согласно завещанию умершего, Игорь Ольгович.

Но через одиннадцать дней в Киев вошел Изяслав Мстиславич, и на Руси началось долгое, изнурительное противостояние между узурпатором великокняжеской власти и Юрием Владимировичем.

1147 год. Юрий Владимирович получил послание с просьбой о помощи от бывшего противника Святослава Ольговича, брат которого Игорь оказался в киевской темнице. Князь суздальский послал в Северскую землю дружину. Началась война между внуком и сыном Мономаха.

4 апреля (18 марта) в Москве, впервые упомянутой в летописи, состоялась встреча союзников Юрия Долгорукого. Этот день считается датой основания столицы Российского государства.

1149 год. Юрий Владимирович в союзе с половцами осуществил поход на Киев, осадил по пути к столице город Переяславль, который защищали дружины Владимира и Святополка Мстиславичей, а также пришедший к ним на помощь Изяслав.

23 августа князь суздальский выманил противника из города и разгромил его в битве.

1150 год. На великокняжеский престол был посажен престарелый Вячеслав, но фактическим правителем Киева стал на короткое время Юрий Владимирович.

Изяслав неожиданно напал на столицу. Очередная междоусобная стычка закончилась бегством Юрия. Изяслав, пользуясь поддержкой народа, отослал Вячеслава Владимировича в Вышгород.

Опираясь на сыновей, Ростислава и Андрея, а также на Владимирка Галицкого, Юрий вновь утвердился в Киеве.

1151 год. Изяслав с помощью войска венгерского короля Гейзы II выбил противника из Киева. Затем он одержал победу над Юрием под Переяславлем.

Юрий Владимирович возвратился в Суздальскую землю.

1153 год. Умер один из самых верных и могучих союзников Юрия — Владимирко Галицкий.

1154 год. Умер Изяслав Мстиславич. Великим князем киевским стал Ростислав-Михаил Мстиславич.

1155 год. Ростислав Мстиславич не удержал власть, в результате чего 20 марта в Киев вступил Юрий Долгорукий.

1157 год. 10 мая после пира у боярина Петрилы Юрий Владимирович, по-видимому, был отравлен. Он внезапно занемог, и спасти его не смогли.

15 мая Юрий Владимирович Долгорукий скончался.

Боголюбский Андрей Юрьевич

(1111 — 1174)

Приблизительно в 1111 году у князя суздальского Юрия Владимировича и половецкой княжны, дочери хана Аепы, родился сын Андрей. О первых тридцати шести годах его жизни известно лишь то, что он провел их в Суздальской земле.

В 1146 году Андрей с братом Ростиславом выбили Ростислава Рязанского из Рязани. В 1149 году Юрий Владимирович, одержав победу над Изяславом и выгнав его из Киева, дал Андрею город Вышгород, расположенный в семи верстах от Киева, важный стратегический пункт в системе обороны столицы Древней Руси.

Во время похода Юрия в Волынскую землю (удел Изяслава) в 1149 году Андрей совершил подвиг, достойный античных героев.

В феврале суздальское войско во главе с Юрием Долгоруким подошло к Луцку. На помощь отцу подоспел Андрей с дружиной и большим отрядом союзников-половцев. Воины разбили лагерь, выставили часовых. Половцы, по обыкновению, держались особняком, чуть поодаль дружинников Андрея.

Февраль — месяц неверный, месяц кривых дорог и поземок. Поздним вечером завыла пурга над лагерем русских воинов и над станом половецким, затрещал пал, застонал осинник могильным голосом, затянули унылую песню обозленные голодные волки.

Смелые люди — половцы! Всякое они повидали в степях и в лесах, участвуя в распрях русских князей то на одной, то на другой стороне. Сколько раз засыпали они в своих палатках под тревожно-унылую песнь февральских ночей! Ничто никогда не могло потревожить сон уставшего за день воина-половца. Но в ту ночь расшумелась пурга не на шутку.

В стане половцев раздался крик. Из одной палатки выбежал воин. Он озирался по сторонам, махал руками, визжал, дрожал — напугало его что-то очень страшное, такое страшное, что и не вспомнить завтра!

Из палаток половецкого стана выбегали степняки, вид обезумевшего от страха воина напугал их, погнал подальше от страшного места.

В русском лагере, однако, было спокойно. Нервы у воинов князя Андрея оказались покрепче. Ну воет пурга, злится, трещат деревья, волки где-то совсем рядом воют от голода: что же теперь из-за этого не спать? Русские воины спали крепко. Князь Андрей и воеводы, правда, проснулись, вышли из шатров, вслушиваясь в гам-тарарам у соседей. Что случилось?

Растревоженные степняки второпях собрали палатки, сели на коней и покинули союзников.

Утром проснулись дружинники Андрея Юрьевича, узнали о ночном происшествии, подивились да не обрадовались: без половцев, лихих воинов, Луцк взять было непросто.

Пурга, будто испугавшись дневного света, сбежала в дальние края неведомые, солнце блинного цвета выкатилось на небо, напомнив людям о скорой масленице, о весенних радостях. Но радоваться было рано! Защитники Луцка внимательно следили за передвижением опасного противника. Они заметили, что войско Юрия Владимировича не закрепилось на позициях, и решили воспользоваться моментом. Городские ворота распахнулись, из крепости вышел большой отряд и направился в сторону суздальского лагеря.



Андрей быстро оценил обстановку, вскочил на коня, крикнул своим дружинникам: «Вперед, на врага!» — но воины, спросонья еще ленивые и голодные, не поддержали его порыв. Князю некогда было их кормить, он лишь резким окриком пристыдил дружинников, понадеялся, что этого вполне хватит, повторил команду: «Вперед!» — и поскакал в сторону Луцка.

Хороший был конь у Андрея Юрьевича, азартный. С места в галоп полетел он в бой, вздымая за собой пугливые остатки ночной пурги. И князь, чувствуя азарт коня, сам в бою страстный, нетерпеливый, позабыл, что за конем-то его быстрым ни один наездник не поспевал. Даже если бы очень захотел. Два верных дружинника гнали коней своих во весь опор, едва поспевая за Андреем, а за ними смогла угнаться лишь горстка смельчаков. Впопыхах воины даже забыли взять знамена князя, а он не успел напомнить им об этом.

Ошеломленные дерзкой атакой, защитники Луцка подались назад. Князь увлекся, погнал неприятеля к воротам. Вовремя подоспели два дружинника. Воины Луцка смешались в неуправляемую толпу. Атака на позиции князя суздальского была сорвана. Главную задачу Андрей выполнил. Но остановиться он уже не мог! Если бы он даже, очень трезво рассудив, повернул назад, то его тут же настигли бы вражеская стрела,

дротик или копье. Но обстановка была боевая, опасная, некогда было думать.

Андрей колол копьем направо и налево. Конь его боевой топтал врага, дружинники — великолепные бойцы! — не давали противнику опомниться, а братья Андрея, Ростислав и Борис, напряженно всматриваясь в бурлящее скопище воинов Луцка, не могли понять, что там происходит, где бьется Андрей.

Кто-то из неприятелей прицелился из лука в князя, но телохранитель в пылу схватки о главном не забыл, бросился к князю и грудью своей, сердцем остановил полет стрелы. В этот миг дернулся от боли конь Андрея: рогатиной ему вспороли бок. Дрогнул конь боевой, но не упал, продолжал бой. Копье князя сломалось пополам, застряв в груди врага, меч остался у Андрея. Поздно выходить из боя, биться нужно до конца, хоть мечом, а хоть и голыми руками.

Со стен Луцка летели камни, раненый конь истекал кровью, князь совсем рассвирепел... Погиб бы в том бою Андрей, еще не Боголюбский, но уже любимый многими людьми за храбрость в бою, за христианское богопослушание в дни мирные, тихие. Но верный конь его вдруг поднялся на дыбы, вскинул передние копыта вверх, как свеча, застыл на мгновение, напугал врагов до смерти. Остолбенели они, упустили момент. А конь заржал от злости, рванулся, не подчиняясь седоку, и бешеным галопом поскакал к своим, в войско суздальское. Каким-то чувством лошадиным точно угадал он цель, быстро скакал, тяжело дышал, удивляя князя Андрея: что случилось с конем, почему, всегда послушный воле хозяина, он несется с поля боя? Неужто испугался?

Быстро скакал конь, потом все медленнее, медленнее. Вот уже безопасное место, вот уже свита Юрия Владимировича совсем близко, медленно плетется раненый конь. Доплелся. Остановился перед князьями и воеводами, подождал-потерпел, пока Андрей, уставший от тяжкой воинской работы, не сойдет на землю, и упал замертво.

Подвигом сына Юрия восторгались все. Князь Андрей радовался вместе со всеми, но думал о своем спасителе. Долго думал, чем же ему отблагодарить верного друга, как вообще в таких случаях должны поступать христиане?

Андрей нашел ответ на эти непростые вопросы: соорудил над рекою Стырь памятник своему коню. Чтобы помнили люди о верности.

После этого подвига Андрей стал посредником между Изяславом и Юрием и сделал многое для заключения мира. Мир, однако, оказался непрочным. В 1150 году Изяслав выбил Юрия из Киева. Овладев великокняжеским престолом, он попытался изгнать Ростислава Владимировича из богатого и важного в стратегическом отношении Переяславля, но Андрей подоспел на помощь брату, и затея Изяслава сорвалась. В том же году Юрий вновь овладел Киевом. Он дал Андрею пограничные с Волынской областью города Туров, Пинск, Дорогобуж и Пересопницу. Андрей тщетно пытался замирить Изяслава с отцом.

Изяслав с помощью наемников выбил Юрия из Киева. Юрий с Андреем ушли в наследственный удел, в Остерский Городец. Здесь Юрий продолжил борьбу. Не без помощи Андрея он собрал крупное войско и

подступил к Киеву. В сражении Андрей неоднократно проявлял мужество, дрался с врагом как великолепный поединщик. Но битва при реке Руте закончилась полной победой Изяслава. Андрей отправился в Суздальскую землю. Все его попытки уговорить отца прекратить борьбу за Киев остались безрезультатными. Развивая успех, Изяслав взял Переяславль, разграбил и сжег в 1152 году Остерский Городец.

Юрий Долгорукий осадил Чернигов. Двенадцать дней шли ожесточенные бои за город. Андрей лично участвовал в штурмах, водил людей в отчаянные атаки, призывая делать то же самое князей. Подоспевший на помощь черниговцам Изяслав вынудил войско Юрия отступить.

В 1154 году Юрий совершил удачный поход на Муромскую землю, изгнал оттуда Ростислава и передал ее Андрею.

После смерти в 1154 году Изяслава Мстиславича и кратковременного княжения в Киеве Ростислава Мстиславича на престол вступил Юрий Долгорукий. Он передал Вышгород Андрею. Но тот без разрешения отца покинул Киевскую землю и уехал в Суздаль. Из Вышгорода Андрей вывез высокочтимую икону Божией Матери, писанную, согласно преданиям, Святым Лукой.

В одиннадцати верстах от Владимира, как говорят русские летописцы, конь, на котором везли икону, остановился. Андрей, человек набожный, посчитал это знамением и построил здесь село Боголюбово, где впоследствии провел большую часть своей жизни. По названию села Андрей получил имя Боголюбский. Село (а затем город) стало главной резиденцией князя. «Отсюда он распоряжался Русской землей; сюда приходили к нему союзные и подвластные ему князья со своими полками, которые он направлял по своему усмотрению»[1].

В 1157 году умер Юрий Долгорукий. В это время Андрей жил в Суздальской земле, занимаясь хозяйственной деятельностью. Он значительно расширил город Владимир, возвел здесь много каменных зданий, украсил крепостные стены Златыми вратами.

Узнав о кончине отца, опечаленный Андрей воздал ему должные почести, основал новые церкви. Отношение к Юрию в Суздальской земле было иное, чем в Киевской. Во Владимире священный клир благословлял память об усопшем. И к Андрею здесь относились с уважением. До смерти Юрия Суздалем и Ростовом управляли младшие его сыновья, согласно его воле. Но сразу после смерти великого князя горожане единодушно признали Андрея государем.

Отказавшись от борьбы за киевский престол, понимая бесперспективность и пагубность этой борьбы, Андрей Юрьевич основал новое великое княжество — Владимиро-Суздальское, перенес во Владимир его столицу. Вся его последующая деятельность была направлена на то, чтобы сделать Владимир общерусской столицей, общерусским политическим центром.

В 1159 — 1160 годы князь укреплял позиции Владимиро-Суздальского княжества, в том числе и за счет ослабления Новгорода, где сидел в

---

[1] *Брокгауз и Ефрон.* Энциклопедический словарь. Биографии. Т. I. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 321.

то время Святослав Ростиславич. Андрей сблизился с Изяславом Давидовичем, который вел упорную борьбу за киевский престол с Ростиславом Мстиславичем, «помолвил свою дочь за его племянника, Святослава Владимировича», помог последнему в борьбе против Святослава Черниговского.

Отпраздновав победу и свадьбу дочери в Волоке-Ламском, Андрей отправил в Новгород послов. Они объявили горожанам, что великий князь владимиро-суздальский «намерен искать княжения» в их городе. В том же году Андрей послал в Новгород своего наместника. Это заметно усилило великого князя, и он перестал бороться вместе с Изяславом Давидовичем за киевский престол.

Но свой он укреплял всемерно, с этой целью в 1163 году Андрей Боголюбский отменил уделы. Он отныне правил самостоятельно, не давал братьям городов. Подобная политика не понравилась его родственникам. Не обращая внимания на недовольство, Андрей изгнал из княжества младших братьев — Мстислава, Василька и Всеволода, — а также сыновей своего умершего брата Ростислава Юрьевича и бояр отца, которым были не по сердцу эти нововведения.

Всеволод, Мстислав и Василько Юрьевичи вместе со своей матерью были хорошо встречены императором Византии Мануилом: он дал Василько в управление Дунайскую область.

Вместе с дружиной Юрия Ярославича, князя муромского, Андрей совершил поход на волжских (камских) болгар. Русская рать одержала победу в битве против крупного войска противника, князь владимиро-суздальский разграбил и сжег много городов, вернулся домой с богатой добычей.

В 1169 году после долгого перерыва Андрей вновь решил принять участие в борьбе за Киев. Теперь, правда, не в качестве воеводы в войске отца, а в качестве военачальника. Он собрал одиннадцать союзных ему князей и повел их на Киев, где на престоле сидел Мстислав Изяславич. Два штурма город выдержал, но 8 марта последовал третий штурм, и Киев пал.

Никогда еще Киев не брали силой. Ни русские князья, ни наемники. Обычно в безысходную минуту горожане открывали ворота победителям, чтобы те не позорили город. Но в тот день все было иначе. Князь Андрей дал волю чувствам и разрешил воинам трое суток грабить город, будто не столицей Руси был Киев, а неприятельской крепостью. Можно по-разному оценивать этот поступок, по-разному его объяснять, но, вероятнее всего, великий князь владимиро-суздальский сделал то, что не сегодня, так завтра сделал бы другой князь без сожаления.

Объяснения несвойственной Андрею свирепости при взятии Киева нужно искать в событиях двенадцатилетней давности, когда после смерти Долгорукого киевляне ограбили, разрушили и опозорили великокняжеский дворец, убили многих бояр из свиты Юрия Владимировича, не разрешили похоронить умершего в родовой усыпальнице. В войске Андрея были родственники тех, над кем жители Киева надругались в 1157 году. Теперь они мстили.

Месть — удел слабых. Храбрый Андрей, разрешив разорение «матери городов русских», проявил душевную слабость. Месть киевлянам была

свирепой и неравнозначной тому, что сделали киевляне после смерти его отца. Воины Андрея ограбили город, но этого им показалось мало, и они набросились на монастыри и церкви, не пощадили богатейшие храмы — Софийский и Десятинный, вынесли оттуда «иконы драгоценные, ризы, книги, самые колокола». В 1157 году пострадал дворец Юрия Долгорукого. В 1169 году столице Киевской Руси был нанесен страшный удар, после которого великий город восстановить былую мощь так и не смог. Город Владимир стал теперь центром политической жизни государства, а князь Андрей Боголюбский — «истинным великим князем России».

«В территорию, подчиненную власти Андрея Боголюбского, входили земли полностью современных Московской, Ярославской, Костромской и Владимирской областей; а также части Новгородской, Тверской, Нижегородской, Тульской и Калужской областей. Подчинялась великому князю Киевская область, князья рязанские, муромские, смоленские, кривские и даже волынские»[1]. Независимыми были только черниговский и галицкий князья, а также Новгород.

В 1170 году Андрей отправил в поход на Новгород войско во главе с князем Романом. Новгородцы, напуганные разорением Киева, но не желающие терять независимость, хорошо подготовились к боевым действиям. 25 февраля 1170 года у стен Новгорода они нанесли врагу поражение. Отстояв свободу, они вынуждены были поддерживать с великим князем хозяйственные и торговые отношения, поскольку постоянно испытывали продовольственные трудности. Андрей в свою очередь, не отказавшись от мысли присоединить этот город и огромные пространства на севере к своим владениям, сменил военные методы на дипломатические. Вскоре после поражения под Новгородом он уладил отношения с победителями и дал им своего сына Юрия в князья.

В 1172 году Андрей организовал новый поход на волжских болгар, отправив туда воеводу Бориса Жидиславича. Поход прошел удачно.

В 1173 вновь разгорелась очередная распря из-за Киева. Андрей собрал войско в 50 тысяч человек, вручил командование над ним сыну своему Юрию, единственному оставшемуся в живых. В Черниговской области к войску присоединились дружины других союзников Андрея. Возглавил общее войско Святослав, внук Олега, как старший из всех участников похода.

Сидевшие в Киеве князья Рюрик и Мстислав с Давидом бежали. Первый удалился в Белгород, а его союзники спрятались в Вышгороде. Спасти их могло только чудо. Чудо им и помогло. Войско Святослава окружило крепость и более двух месяцев осаждало Вышгород, постоянно бросая на штурм отряды. С 3 сентября до глубокой осени продолжалась осада. Напряжение достигло предела. Из-за предательства шедшего на помощь осаждавшим Ярослава Луцкого в войске Святослава вспыхнула паника. Князья не справились с ней. Их воины с дикими криками бросились к реке. Мстислав воспользовался моментом, напал на врага,

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 286.

одержал победу. В Киев вошел Ярослав Луцкий, ловкий человек. Первые же дни его правления вызвали недовольство горожан. Андрей Боголюбский начал с ним дипломатическую игру. Но не довел ее до конца.

Ответ Кучковичей

В известных на сей день рукописных источниках не сказано о деятельности Андрея во благо будущей столицы Российской державы, и в последний свой день он, вероятнее всего, о Москве даже не вспоминал, хотя Москва была рядом — рядом были Кучковичи. Они ничего не забыли, не забыли о казни Долгоруким их отца. Они мечтали о мести, ждали. Они умели ждать.

Петр, правда, не дождался часа своего торжества. Человеком он был грубым, жестоким. Жажда мести еще больше ожесточила его. Сгоряча он совершил какое-то злодейство и был казнен по приказу Андрея. Яким остался один. В страшной беде одному тяжело. С любой бедой справиться легче, когда рядом друзья, друзья настоящие. Но можно ли с друзьями мстить, тем более князю, повелителю, у которого есть преданные слуги?

В деле Кучковичей много тайн и вопросов, пока остающихся без ответа. Ученые расходятся во мнениях о происхождении Степана Ивановича Кучки. Одни ищут корни его родословного древа в Киеве или в Киевской земле, другие — в Новгороде. Не так давно была обнаружена берестяная грамота, в которой некий новгородский купец Кучка передавал адресату обычное для купца сообщение. Датируется эта грамота XI — началом XII века. Эта находка обосновывает предположение исследователей о том, что Кучка (либо ближайшие его предки) был боярином новгородским, что среди обитателей долины Москвы-реки было немало новгородцев. Можно пойти дальше в этих предположениях и выдвинуть версию о том, что Красные села Степана Ивановича являлись... новгородской колонией в этих лесных краях.

Но зачем предполагать, время тратить, когда нужно рассказывать о деле Кучковичей, деле Якима — сложном, тонком, достойном самых дотошных аналитиков, желающих понять, какие люди могли заказать убийство Андрея Боголюбского или по каким внутренним мотивам оно было совершено, кому это было нужно. Только ли мстительному сыну?

Яким был спокойнее Петра. Он умел ждать очень долго. Чтобы дождаться. Он не выдал себя ни движением глаз, ни единым словом даже после гибели несдержанного брата. Но ожидание Якима не было пассивным: авось придет случай, тогда и можно будет убить князя. Такой исход дела, вполне возможный, не устраивал Якима. Почему?

Сын Степана Кучки, как рассказано в летописях, перешел к активным действиям после казни Петра. Тонко плел он паутину заговора, сумел вовлечь в свои сети вельможу Петра, своего зятя, а также княжеского ключника Анбала Ясина, уроженца Северного Кавказа, а также чиновника Ефрема Моизовича и других людей, общим числом в двадцать человек. Очень много людей привлек для столь опасного, рискованного дела Яким Кучка. Стоило одному из них ради денег, ради благополучия и славы передумать, пойти с повинной к князю, и всех участников заговора

ожидала бы мучительная казнь. Двадцать человек решились на очень опасное дело. Почему?

Да, жесткая политика Андрея Боголюбского породила у многих людей, потерявших былые привилегии, в том числе и князей, ненависть к его успехам, к самой идее централизации власти.

29 июня 1174 года в полночь заговорщики пришли к богатому княжескому дворцу, что построил Андрей в Боголюбове, первым делом забрались в погреб, вскрыли бочки с медом, выпили, расхрабрились. Ночь стояла тихая, мед взбодрил убийц, они ворвались в сени, перерезали сонную стражу, подбежали к спальне, в которой мог почивать князь, позвали его голосами нервными, боязливыми:

— Господин! Господин!

Князь, не догадываясь, что происходит во дворце, сонно пробурчал:

— Кто это?

— Прокопий, — невнятно ответил на пьяном языке кто-то из заговорщиков.

— Это не Прокопий, ты врешь, — сказал князь.

Злодеи, поняв, что жертва находится в этой опочивальне, стали ломать дверь.

Андрей Юрьевич вскочил с постели, схватил ножны, но меча в них не оказалось. Ключник Анбал Ясин вечером вынул меч, которым, как говорится в летописи, владел еще святой Борис. Двое заговорщиков подбежали к князю. Одного он завалил на пол, второго ударил по голове ножнами и рванулся к потайному ходу. Но люди Якима окружили его. В густой темноте они не разобрали, кто есть кто, ранили своего. Тот дико взвыл, крепко выругался. Злодеи накинулись на князя. Андрей, в молодости лихой боец, еще не растратил силу и удаль. Отбивался он долго, повторяя то и дело:

— Что плохого я вам сделал? Бог накажет вас, если вы прольете мою кровь!

Действительно, что же плохого сделал князь суздальский этим людям и, главное, зачем нужно было устраивать против него заговор?

Рюриковичи уже более трех веков правили на Руси, родословное их древо разрослось буйно. Князья дрались между собой чуть ли не ежегодно, но от этого их не становилось меньше. В непрекращающейся распре то и дело складывались и разваливались союзы: никто не мог предсказать, с кем и против кого тот или иной князь будет завтра воевать, кого убивать. Обо всем этом Яким знал. Он знал также, что за смерть Андрея ему придется заплатить собственной кровью. И все-таки он решился на заговор. Почему?

Потому что Андрей вырвал его из родных сел и вынудил скитаться вместе с собой по стране? Нет. Этого для заговора маловато. Слишком большой риск. Потому что к мести звал Якима долг? Нет-нет, и этого недостаточно для заговора. Кровную месть можно было осуществить, наняв амбала-убийцу, которых всегда хватало.

— Что вы делаете, люди?! — крикнул князь и, получив несколько ударов, упал на пол, умолк.

Заговорщики решили, что он мертв, и, подхватив раненого друга, поспешили на выход. Пора было подкрепиться, потому что дела у них

только начинались, потому что убийство князя было только началом заговора.

Князь очнулся, пошел, громко охая, вслед за злодеями. Он не знал, что все стражники перебиты, что нет во дворце ни одного верного человека. Он надеялся на помощь, звал людей, но его голос услышали враги и остановились: князь-то жив!

— Надо убить его, иначе нам всем смерть! — крикнул Яким, и, как свидетельствуют летописи, злодеи кинулись на поиски Андрея.

Призыв Якима говорит о том, что убийство Андрея Боголюбского не было только семейным делом Кучковичей, в нем был заинтересован какой-то покровитель Якима, обещавший в случае полного успеха заговора и жизнь, и деньги, и, вполне возможно, почет, славу. Конечно же, летописям в полной мере доверять нельзя, но сам ход событий и количество участвующих в них заговорщиков говорит о том, что не просто кровная месть погубила Боголюбского.

Князь услышал отчаянный топот ног, спрятался за столпом восходним (каменным столбом с винтовой лестницей, ведущей на второй этаж дворца), притих в слабой надежде выжить. Шансов у него теперь не было. По пятнам крови заговорщики нашли его, и зять Кучки резким ударом меча отрубил несчастному правую руку, а другие вонзили в грудь обреченного мечи.

— Господи, в руце Твои предаю дух мой! — сказал Андрей и испустил дух.

Убийцы, быстро дурея от крови, прикончили Прокопия, приближенного князя, любимца его — милостника. А под утро, забыв про сон, разграбили казну, вооружили тех, кто изъявил желание вступить в ряды заговорщиков. Собралась немалая дружина. Злость распалила огонь страстей. Люди бросились грабить — самое любимое занятие всех бунтовщиков. Да, заговор уже почти перерос в бунт, и, похоже, бунт и нужен был покровителям Якима.

Но кому же были выгодны гибель Андрея и бунт в Суздальском княжестве? Всем, с кем воевал сын Долгорукого: новгородским республиканцам, мечтавшим расширить владения вплоть до впадения Оки в Волгу, князьям Южной и Юго-Западной Руси, надеявшимся вернуть славу и величие Поднепровским землям и Киеву, половцам, которым любое потрясение у северных соседей было на руку... Впрочем, половцы вряд ли взвалили бы на себя тяжелую ношу организации заговора: они всегда снимали сливки с русской распри, и этого им вполне хватало для счастливой жизни.

Если же положить на весы интересы киевлян и новгородцев, то, думается, новгородские интересы будут куда более весомыми. Усиление князя суздальского при одновременном ослаблении русских княжеств Поднепровья не сулило северянам ничего хорошего. Зато расширение своих владений вплоть до среднего и нижнего течения Оки предоставляло им значительные выгоды. И Яким Кучка (не исключено, что он действительно был родственником новгородских Кучек) вполне мог рассчитывать в случае благоприятного завершения заговора на поддержку новгородцев. Нужно помнить еще и о том, что только Новгород, став рес-

публикой в первой половине XII века, мог надежно защитить Якима и, главное, его семью, дело семьи — дело купецкое. И уж совсем размечтавшись, можно предположить, что Кучковичи, если бы новгородцам удалось окончательно сокрушить Суздальское княжество и раздвинуть свои границы далеко на юг, получили бы от благодарных сограждан очень солидное вознаграждение в виде земель, расположенных в долине Москвы-реки. Только ради осуществления великой мечты, какой была долина Москвы-реки и ее окрестности, мог решиться Кучка на такой мощный заговор против Рюриковичей.

Бунт в Боголюбове распространялся по закону эпидемии. Заговорщики отправили послов во Владимир, надеясь привлечь горожан на свою сторону. Владимирцы благоразумно отказались от такой «чести». Но жители Боголюбова поддержали убийц, забыв о благодеяниях Андрея Юрьевича, князя в общем-то незлобного.

Сложны и непонятны законы бунта, вовлекающие в его круговорот совсем мирных людей. Боголюбовцы не отличались воинственностью, но теперь, озверев, они разграбили дворец, похитили из него все ценное. Бунт. Все злы и ненасытны. Кто против злых, от злых же и гибнет. Бунт — время действий, а не размышлений и раскаяний. Раскаяние придет позже. И размышления тоже. Бунт — не вечен.

Тело князя выволокли на двор, бросили в огороде. Слуга его, Кузьмища Киянин (из Киева родом, киевлянин), подошел к телу и горько заплакал, как плачут старики над могилами младенцев. В дверях дворца зло ухмылялся Анбал Ясин. Кузьмища сказал укоризненно:

— Дай ковер прикрыть труп.

Анбал покачал головой:

— Не дам. Пусть тело сожрут псы. И ты его не трогай. Станешь нашим врагом.

Киянин разозлился:

— Изверг! Князь взял тебя в лохмотьях и в рубище, а теперь ты в бархате ходишь. Дай ковер!

Анбала потрясли слова смелого человека. Кудлатая голова бывшего ключника скрылась во дворце, ветер смахнул слезы Киянина на неприкрытое тело Андрея. Ключник принес ковер и корзно — княжеский плащ. Кузьмища вновь заплакал навзрыд, приговаривая:

— Столько побед ты одержал над врагами, а раскрыть заговор у себя дома не смог.

Старик завернул тело в ковер и корзно и, никого не боясь, принес его в церковь. Слуги Божьи испугались злобства толпы, не впустили Кузьмищу, лишь приоткрыли притвор, где тело пролежало двое суток.

Конечно же, то было не семейное дело, то был заговор. И цель его — не смерть Андрея Боголюбского, а бунт.

На третий день Арсений, игумен церкви Святых Козьмы и Демьяна, повелел внести тело князя в божницу, уложить в каменный гроб. Бунт распространился на окрестные селения и на Владимир. Страсти людские бушевали шесть дней.

На седьмой день из Богородичной церкви Успенского собора, построенного при Андрее, вышел протопоп Пикулица и отправился в путь с

иконой Святой Богородицы. Ходил он по городу с иконой, не кричал, как на вече да на сходках, громкие слова, не пугал людей адом, не требовал от них покаяния, не уговаривал их, не просил ни о чем. А просто ходил и смотрел людям в глаза, и люди успокаивались, и затихал в их сердцах ураган, и затих.

В этот же день жители Владимира перевезли из Боголюбова в свой город тело Андрея. У Серебряных ворот встретили горожане князя и не удержались от слез. Долго плакали люди, и похоронили Андрея Боголюбского «с честью и пением, в чудной, хвалы достойной церкви Богородицы, которую он сам построил».

Так умер сын основателя Москвы, для Москвы вроде бы ничего не сделавший, если верить источникам, и, видимо, о Москве редко вспоминавший. Всю жизнь Андрей Боголюбский отдал на благо Суздальской земли. Долина реки Москвы, конечно же, входила в его владения. Но ему ни к чему были окрестности Боровицкого холма. Впрочем, как и другим князьям русским, о чем убедительно говорит динамика военных столкновений примерно за сто лет — начиная со второй половины XII века до 1238 года, до нашествия на Русь хана Батыя...

«Боголюбский, — писал Н. М. Карамзин, — мужественный, трезвый и прозванный за его ум вторым Соломоном, был, конечно, одним из мудрейших князей российских в рассуждении политики, или той науки, которая утверждает могущество государственное. Он явно стремился к спасительному единовластию и мог бы скорее достигнуть своей цели, если бы жил в Киеве, унял донских хищников и водворил спокойствие в местах, облагодетельствованных природою, издавна обогащаемых торговлею и способнейших к гражданскому образованию. Господствуя на берегах Днепра, Андрей тем удобнее подчинил бы себе знаменитые соседственные уделы: Чернигов, Волынию, Галич; но ослепленный пристрастием к северо-восточному краю, он хотел лучше основать там новое сильное государство, нежели восстанавливать могущество древнего Юга»[1].

«Никогда еще на Руси, — констатирует Т. Сухарев, автор статьи о князе Андрее Юрьевиче Боголюбском в словаре Брокгауза и Ефрона, — ни одна княжеская смерть не сопровождалась такими явлениями, как смерть Андрея. Объясняется это его неумением выбирать людей, его резкими, подчас необузданными и произвольными действиями, несогласными зачастую с обычаями и традициями места и времени. Со смертью Андрея исчезла и сила его власти; дети не получили отеческого наследия, причем и сам род пресекся. То, что им намечено было нового, получило развитие спустя целое столетие...»[2]

«С Андрея начинает обозначаться яркими чертами самобытность суздальско-ростовской земли и вместе с тем стремление к первенству в русском мире, — утверждает Н. И. Костомаров. — В эту-то эпоху вступил в первый раз на историческое поприще народ великорусский. Андрей

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 296.

[2] *Брокгауз и Ефрон.* Указ. соч. С. 322 — 323.

был первый великорусский князь; он своею деятельностью положил начало и показал образец своим потомкам; последним, при благоприятных обстоятельствах, предстояло совершить то, что намечено было их прародителем»[1].

Три разных автора — три разных мнения. И чем больше авторов, тем мнений будет больше. И все-таки в оценках итогов жизни Андрея существует некая точка пересечения. Никто не отвергает тот факт, что Боголюбский стремился к объединению страны под единодержавной властью. Но именно это стремление и особенно конкретные действия для достижения цели стали причиной краха не только самого Боголюбского, но дела его жизни. На беду свою он слишком рано понял, что русским княжествам нужно объединяться в едином централизованном государстве. И поспешил со сменой государственного строя на Руси и с перенесением насильственным путем политического центра страны во Владимир.

Вполне вероятно, что его гибель была вызвана тем, что никто на Руси еще не был готов к резким переменам. В чем-то судьба и трагический финал Андрея Боголюбского напоминают жизнь и смерть Юлия Цезаря... Но в контексте разговора о Москве важно другое.

Трагическая гибель Андрея Юрьевича, как и многое, связанное напрямую или косвенно с именем боярина (а может быть, даже тысяцкого) Степана Кучки и его детьми, таит в себе неразгаданные по сию пору тайны, которые позволяют выдвигать разные версии о причинах случившегося в Боголюбове. И почти все эти версии так или иначе связаны с Москвой. Может быть, потому, что Москва без Кучки и Кучковичей в XI — XII веках просто немыслима.

Но что же произошло после заговора?

Во Владимире собралось вече, народ выбрал в князья племянников Андрея Боголюбского Ярополка и Мстислава Ростиславичей. Те на радостях поделились властью с дядьями Михаилом и Всеволодом Юрьевичами, позабыв, что властью делиться опасно. Были клятвы, целования креста, искренние заверения в вечной дружбе, после чего в стране разразилась очередная распря.

Ее начал Ярополк по совету жителей Ростова. Им не понравилось появление в их владениях Михаила Юрьевича, и они посоветовали Ярополку начать борьбу против сына Долгорукого и брата убиенного Андрея. Странная неприязнь ростовцев по отношению к потомкам основателя Москвы вполне объяснима, если вспомнить, что Юрий, с одной стороны, упрямо проводил политику централизации власти, а с другой стороны, активно занимался основанием новых городов, что не просто перекраивало в Ростово-Суздальском княжестве политическую карту, но и вносило изменения в экономическую географию, меняло доходы жителей старых и новых городов.

Ярополк оставил Михаила в Москве (почему здесь оказался сын Долгорукого, точно неизвестно), уехал по тайному приглашению в Пере-

[1] *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. I. Вып. 1, 2, 3. Калуга: Золотая аллея, 1995. С. 62.

ярославль-Залесский, собрал там бояр и войско, в том числе и 1000 воинов из Владимира, жители которого почему-то приветили Михаила. После поражения Михаил отбыл из Владимира в Чернигов, затем был призван жителями Владимира, недовольными правлением Ярополка, встретился с ними в Москве и пошел на Ярополка.

Летописцы и историки не говорят о том, как отнеслись москвичи к распре. Не правда ли, странно? Какой-то безликий, бесцветный город, населенный странными существами, молча встречающими и провожающими разных князей с их дружинами?!

Михаил одержал победу над Ярополком, но княжил недолго. Он умер в 1176 году. Владимирцы оплакали доброго повелителя и присягнули на верность Всеволоду III. Но горожане и бояре Ростова упорно не хотели исполнять волю Долгорукого, который завещал княжество младшим сыновьям. И опять была распря.

На этот раз досталось и Москве. Глеб Рязанский в конце лета сжег город на Боровицком холме и близлежащие села. Но за что? Только лишь за то, что через Москву иной раз проезжали князья с дружинами? Да нет. Причина для поджога не очень веская.

Но что представляло собой Московское пространство во второй половине XII века, когда на Руси, казалось, не проходило ни одного дня без распри? Каким же логически обоснованным выводом можно завершить рассказ о Рюриковичах и о Московском пространстве конца XII века? Таким логическим завершением может стать печальный финал... Кучковичей.

Н. М. Карамзин пишет о великом князе Михаиле II Юрьевиче, правившем с 1174-го по 1176 год: «Новейшие летописцы утверждают, что Михаил казнил многих убийц Андреевых; но современники не говорят о том. Некогда изгнанный Боголюбским, он мог еще питать в сердце своем неприятное воспоминание сей обиды; и тем более достоин хвалы, ежели действительно наказал злодеев»[1].

Вот до чего дожили Рюриковичи! Готовые за любое нечаянное слово, за неосторожную глупость убивать своих родственников, они долго думали, наказывать им заговорщиков, посягнувших не только на жизнь великого князя, но и на безопасность основанного ими государства! Да кто же они такие, ключник Анбал Ясин, вельможа Петр, чиновник Ефрем Моизович, другие заговорщики, чтобы жалеть их, чтобы раздумывать над тем, как с ними поступить?! В чем же тут дело?!

Может быть, дело в силе, внутренней мощи Кучковичей, владельцев многочисленных сел в окрестностях Боровицкого холма? Если ответить на этот вопрос положительно, то станет понятным и вполне оправданным длительное нежелание летописцев упоминать о граде Москве, о Московском пространстве, куда сильные Кучковичи могли и не допускать по всякому поводу князей-драчунов с их дружинами! Писать же о делах мирных, обыденных летописцам всегда было не очень интересно. А обитатели Московского пространства весь XII век и тридцать семь лет

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 301.

следующего жили в мире, который отвечал прежде всего интересам владельцев многочисленных местных сел.

Окончательно разделаться с убийцами решился лишь Всеволод III Юрьевич, правивший в Суздальской земле с 1176-го по 1212 год. «Новейшие летописцы, славя добродетели сего князя, говорят, что он довершил месть, начатую Михаилом: казнил всех убийц Андреевых, которые еще были живы; а главных злодеев, Кучковичей, велел зашить в короб и бросить в воду. Сие известие согласно отчасти с древним преданием: близ города Владимира есть озеро, называемое Пловучим; рассказывают, что в нем утоплены Кучковичи, и суеверие прибавляет, что тела их доныне плавают там в коробе!»[1]

В этом известии русского историка много неясного: например, сколько же Кучковичей было зашито в коробе? Сколько вообще представителей этого боярского рода участвовало в заговоре? По летописным сведениям, Якима могла поддержать (а то и спровоцировать) Улита, дочь Степана Ивановича. О других Кучковичах в связи с этим делом ничего в летописях не говорится. Значит, Всеволод III Юрьевич, уложив в короб несколько Кучковичей, не наказывал, а мстил, и это ему было по силам, учитывая его авторитет и долголетнее княжение.

XII столетие заканчивалось печально для Кучковичей, предка которых, Степана Ивановича, вполне можно причислить, наравне с Юрием Долгоруким, к отцам-основателям Москвы: он был первым хозяином Московской земли, домовитым, сильным, драма жизни которого до сих пор еще нами по-настоящему не осмыслена.

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 339.

Экстремальные природные явления, эпидемии, катастрофы, отмеченные в русских летописях

(1024 — 1160 гг.)

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
1024	Суздальская земля	Засуха, вызвавшая гибель урожая: «Мятеж велик и голод по всей стране. Идоше по Волге вси людье в Болгарии и привезоша жито и тако ожиша». Осенью сильная гроза: «Гром шибаше и молния и дождь»	ПВЛ, с. 99, 100, 299; ПСРЛ, т. 1, с. 64; ПСРЛ, т. 9, с. 78
1128	Новгородская, Суздальская, Киевская земли	«Великие» снега зимой. Необычайно высокий подъем вод, вызвавший гибель людей: «Бысть вода велика, в Волхове потопи люди и жита и хоромы снесе». Летом, когда яровые цвели, а озимые наливались, от мороза все посевы погибли, что и было причиной голода. В Ипатьевской летописи это наводнение отнесено к 1129 году	ПСРЛ, т. 1, в. 2, с. 299; т. 2, с. 293; т. 9, с. 155; т. 7, с. 22; Татищев, т. 2, с. 140
1135	Русская земля	10 декабря: «Прогремел гром зимой, и много вреда учинил». Сильные ветры и жестокие метели во время похода Всеволода Мстиславича с новгородцами в Ростов Великий	ПСРЛ, т. 1, в. 2, с. 304; т. 9, с. 158; т. 30, с. 60
1147	Новгородская и Суздальская земли	Ходил Святополк осенью на Суздаль, но «распутье» вынудило его вернуться. Осень дождливая. Сильные грозы: «...млъния и ветры велице зело»	НПЛ, с. 27; ПСРЛ, т. 1, в. 2, с. 315
1160	Ростов Великий	Вероятно, сухое лето. Погорели Ростов Великий и все церкви в нем, в том числе и «дивный собор Св. Богородицы, подобного которому не было и не будет»	ПСРЛ, т. 1, в. 2, с. 351

Часть вторая

Удел или крепость?

(1176 — 1276)

Далеко не всем знатокам и любителям московской старины придется по душе финал первой части книги об истории города, приходящийся на 1176 год — год убийства боголюбивого князя. Но убийство Андрея Боголюбского, хотя и далекого в своих планах, мечтах и делах от Москвы, вполне могло иметь не отраженную в рассказе о сыне Юрия Долгорукого чисто московскую, не политическую, но экономическую, хозяйственную причину, о существовании которой напрочь забыли многие историки Москвы.

Речь идет о противостоянии двух влиятельнейших, богатейших, авторитетнейших московских родов: боярина Степана Ивановича Кучки и сподвижника князя Георгия Симоновича. Есть основания считать, что Кучка тоже был тысяцким. Кто или что сделало его тысяцким, сказать пока невозможно: то ли новгородский князь, то ли наследственное право, то ли сам Юрий Владимирович Долгорукий, у которого, надо сказать, тысяцким был и Георгий Симонович.

Москва в 1147 году уже притягивала к себе мудрых политиков, а значит, и тех, на кого они опирались и кто, опираясь на князей, мечтал о должностях доходных и важных.

Должность тысяцкого была очень доходной и знатной. Позже, когда Москва начнет возвышаться над остальными городами, тысяцкими в ней будут то потомки Симона, то потомки иного древнего московского рода. Об этом пойдет речь позже. В данной главе нас интересует начало этой борьбы. Первый акт ее, вполне допустимо, свершился в марте 1147 года, когда Юрий Долгорукий (уж не с подачи ли Георгия Симоновича, который наверняка сопровождал князя на пирушку в Москве?) разбушевался, разозлился и повелел казнить Кучку. Второй акт этой драмы состоялся в 1176 году, в день гибели Андрея Боголюбского.

Но то была лишь завязка драмы, то было начало истории города Москвы, народа, который с первых же дней своего существования вынужден был наблюдать за битвой, впрочем, обычной для русских городов XII — XIII веков, двух родов, один из которых являлся, по выражению С. Ф. Платонова, представителем «земской аристократии», а другой — представителем «княжеских бояр». «На севере в городах должна была быть такая же аристократия с земледельческим характером. В самом деле, можно допустить, что «бояре» новгородские, колонизуя восток, скупали себе в Ростовской и Суздальской земле владения, вызывали туда на свои земли работников и составляли собою класс более или менее крупных землевладельцев. В их руках, независимо от князя, сосредотачивалось влияние на вече, и вот с этой-то земледельческой аристократией, с этой

силой, сидевших в старых городах, приходилось бороться князьям; в новых, построенных князьями городах такой аристократии, понятно, не было»[1].

В год гибели Андрея Боголюбского Москва, по-видимому, имела следующие границы: «Со стороны речки Неглинной черта городских стен могла доходить до теперешних Троицких ворот, мимо которых в древнее время, вероятно, пролегла простая сельская дорога по Заглименью в направлении к Смоленской и Волоколамской или Волоцкой старым дорогам. С другой стороны, вниз по Москве-реке такая черта городских стен могла доходить до Тайницких ворот или несколько далее, а на горе включительно до Соборной площади, так что весь треугольник города, начиная от его вершины у Боровицких ворот, мог занимать пространство со всех сторон по 200 сажень, то есть окружности более 600 сажень»[2].

В первоначальной истории города больше тайного и загадочного, чем достоверно известного. Тайны пугают даже ученых. Одни из них пытаются доказать, что первое укрепление на Боровицком холме соорудили еще в XI веке, другие, полностью доверяя литературным сочинениям, считают, что основателем города был... Даниил Александрович, о котором речь впереди. И те и другие специалисты приводят разные доводы в подтверждение своих версий. Некоторые доводы, мягко говоря, вызывают недоумение. Отрицая самую возможность существования крепости на Боровицком холме, некоторые ученые мотивируют это тем, что холм назывался бором еще в XII — XIII веках, а значит, на холме в те времена шумел сосновый бор и сосновые шишки плотным ковром устилали землю.

Не вдаваясь в полемику с этими или иными представителями разных научных направлений, можно предложить всем противоборствующим школам не противоречащую здравому смыслу версию истории Москвы XI — XIII веков, смысл которой заключается в признании истинными всех имеющихся на данном этапе версий. В самом деле, почему бы обитателям Боровицкого холма и его окрестностей не соорудить еще в XI веке укрепление на высоком треугольном плацдарме, образованном реками Неглинной и Москвой? Это укрепление отвечало бы не только военным целям, но и хозяйственным нуждам, здесь вполне могли разместиться склады, амбары и, как сказали бы в XX веке, мелкооптовые магазины. Ничего противоестественного в этом нет. Срубить сосновое укрепление диаметром в 600 саженей двадцать — тридцать добрых молодцев могли за пару месяцев.

К 1147 году укрепление обветшало. Юрий Долгорукий наверняка обратил на это внимание. Появилось новое укрепление. Оно тоже было не вечным. Вечными были в окрестностях Боровицкого холма сосновые боры, дубовые и березовые рощи, вечными были леса московские — главный строительный материал в здешних местах, — которые самовосстанавливались за 30 — 50 лет. Вполне можно предположить, что на

---

[1] *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. Спб.: Кристалл, 1997. С. 121.
[2] *Там же.* С. 34 — 35.

рубеже XII — XIII веков Москва обновила свой сосновый кремль, а в 1237 — 1238 годах его сожгли воины Батыя. Как гласят летописи, москвичи быстро восстановили крепость.

Но прошло еще тридцать лет, сосна успела вновь подгнить. Когда же в Москву прибыл Даниил Александрович, который первым из русских князей стал по-хозяйски развивать Московский удел, собирать земли Московского пространства в единое целое, естественно, он сменил обветшавшую крепость вокруг Боровицкого холма. И точно так же естественно, что в некоторых источниках именно Даниил Александрович назван основателем Москвы. И даже его противостояние с Кучковичами, зафиксированное в «Сказании об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», не противоречит логике московской жизни на протяжении четырех столетий — с XI по XIV века.

* * *

После гибели Андрея Боголюбского, совершившего отчаянную попытку изменить взаимоотношения князей на Руси, жизнь во Владимиро-Суздальской земле пошла своим естественным ходом. Изменилась, правда, политическая ситуация на всех границах русского государства: уже одержал свои первые победы Чингисхан, уже крестовые походы стали нормой жизни народов Западной Европы, уже крестоносцы ослабили Византийскую империю, а в разных точках Евразии стали возникать рыцарские ордена — мир приближался к конечной отметке XII века. Что же представляла собой в эти годы Москва — будущая столица громадной евразийской империи, кто владел городом, как жили-поживали москвичи? Точных данных об этом, для всего мира очень важном, периоде истории москвоведы имеют до обидного мало.

Это обстоятельство дает возможность фантазировать, предполагать, строить интересные гипотезы. Летописцы, мягко говоря, обошли стороной долину реки Москвы, отображая историю Руси с 1147-го по 1238 год. И данный факт плохо стыкуется с мнением многих ученых XIX, да и некоторых ученых XX века, считающих, что Москва уже в XII веке была «бойким узлом торговых и военных дорог». Пространные, но не лишенные вдохновения и лиричности выдержки иллюстрируют сказанное.

«Москва-река, при обилии лесов, семь с половиной столетий тому назад, многоводная и судоходная, представляла собой пункт, где в живом соприкосновении сходилось и сплеталось очень многое. Начало этой реки, выше Можайска, находилось в княжестве Смоленском, тянувшемся по Днепру к Южной Руси, а по Двине к западу; устье Москвы, при впадении ее в Оку, принадлежало Рязанско-Муромскому княжеству, тянувшемуся к Волге. Целая сеть рек делала это место очень бойким для соприкосновения с другими княжествами пунктом, где сходились пути и в Новгород, и в Киев, и во Владимир, и в Смоленск». Н. П. Барсов в своей «Русской исторической географии» отмечает: «Для связи с областью Москвы-реки, верхней Оки и чрез нее Угры, составлявшей путь из верхнего (Чернигово-Северского) Поднепровья, служила Лопасня, сближающаяся с притоком Москвы Пахрою (на границах Подольского и Серпуховского уездов), и еще более Протва, которая своими верховьями

подходит непосредственно к Москве-реке (в Можайском уезде). Здесь мы видим в первой половине XII века странные поселения «Вышегород и Лобыньск». С другой стороны, Москва-река связывалась с верхним Поволжьем правым притоком своим Рузою и Ламою вместе с Шошею, вливающейся в Волгу. Здесь — известный Волок-Ламский. В область Клязьмы шли пути по Сходне, впадающей в Москву-реку выше столицы, и по Яузе...»

Понятно, что здесь был бойкий перекресток военных и торговых дорог из Новгорода, Смоленска, Чернигова с Киевом, Ростова с Суздалем. Здесь с незапамятных времен были не только поселения финской мери, о чем свидетельствуют недавно открытые в Москве остатки языческих городищ и разные предметы доисторического быта, но и славянские селения. При постройке Большого Кремлевского дворца были найдены серебряные обручи и серьги, а на месте храма Христа Спасителя — древние арабские монеты, из коих одна датирована 862 годом. Здесь, по всей видимости, бывали князь Владимир, построивший свой город на Клязьме, Борис, княживший в Ростове, Глеб, правивший в Муроме, и Ярослав Мудрый, основатель Ярославля на Волге, если только они ездили оттуда на юго-запад, в Киев, а не в Новгород. Несомненно, что посещал эти места и Владимир Всеволодович Мономах по пути в Ростовскую землю, где строил храмы. В то время, когда он отдал Владимиро-Суздальскую землю в удел своему сыну Юрию Владимировичу Долгорукому, на Москве-реке уже стояли села, принадлежавшие великокняжескому дружиннику, говорят даже, тысяцкому — боярину Кучке. Здесь при этом вотчиннике, конечно же, все было: и большие поселения, и храмы, и боярские хоромы; не было только города как крепости, как военно-княжеского пункта. Но несомненно и другое — основатель княжества Суздальского не мог на рубеже стольких уделов да еще в пору острейшей борьбы за Киев не построить здесь города-крепости именно стратегического, пограничного назначения. Эту мысль вполне подтверждает факт съезда в новом городе в 1147 году вышеназванных князей — ратных союзников, где они сговаривались «жить в любви и единстве до конца живота, иметь одних друзей и врагов и сообща стеречься от недругов». И не случайно крепость главными своими сторонами обращена на юг и запад. Она была заложена на холме, там, где оканчивалось взводное судоходство Москвы-реки и начиналось сплавное, где река, выше устья Неглинной, образует пороги. Впоследствии для защиты Москвы была построена другая крепость — Китай-город, а потом и Белый город, и круговое земляное укрепление, охватывавшее город со всех сторон. Летописное предание гласит, что «Юрий, казнив Кучка, взыде на гору и обзоре очима своими семи и овамо, по обе стороны Москвы-реки и Неглинной, возлюби села оные (Степана Кучки) и повелел сделати там древний град».

Что же именно построил Юрий Владимирович в Москве? Сооружением основателя Москвы были, несомненно, деревянные стены Кремля, за коими могли находить себе защиту крестьяне сел Кучковых и новые поселенцы. Но эти стены были даже не дубовыми, потому что таковые, согласно летописям, построил Иван Калита.

Что же такое были Кучковы села до основания на Москве-реке города?

«К числу Кучковых сел, по преданиям, принадлежали Воробьево, Симоново, Высоцкое, Кулишки, Кудрино и Сущево, называют и другие; и там, еще до основания Москвы как города, были, конечно, свои церкви, ибо села отличаются от деревень церквами. Одно только известно, что Кучковы села не совпадали с городом Москвой. Кучково поле начиналось именно с того места, где идет теперь Лубянка, а дом боярина находился будто близ нынешних Чистых прудов...»[1]

Известный русский историк XIX века Иван Егорович Забелин в своей работе «История города Москвы» говорит о том, что Москва-река являлась одной из самых лучших и удобных дорог, связывающих места обитания племен кривичей, города Поднепровья, а также население Балтийского побережья со знаменитой в IX — XII веках Болгарской ярмаркой в городе Болгар — расположенной в устье Камы столице Волжской Болгарии.

«Древнейший и прямой путь от Смоленска или собственно от вершин Днепра к Болгарской ярмарке пролегал сначала долиною Москвы-реки, а потом долиною Клязьмы, которых потоки направлялись почти по прямой линии на восток. Из Смоленска ходили вверх по Днепру до теперешнего селения Волочек, оттуда уже шло сухопутье — волоком верст на 60 до верхов Москвы-реки. Так путешествовал Андрей Боголюбский (Сказание о чудесах Владимирской иконы Богоматери). Но более древний путь мог проходить из Смоленского Днепра рекою Устромою, переволоком у города Ельни в Угру, потом из Угры вверх рекою Ворею, вершина которой очень близко подходит к вершине Москвы-реки, даже соединяется с нею озером и небольшою речкою. Затем дорога шла вниз по Москве-реке, начинающейся вблизи города Гжатска и текущей извилинами прямо на восток. Приближаясь к теперешней Москве-городу, река делает очень крутую извилину на север, как бы устремляясь подняться поближе к самому верховью Клязьмы, именно у впадения в Москву-реку Восходни, где теперь находятся село Спас и знаменитое Тушино <...> Из самой Москвы-города река направляется уже к юго-востоку, все более и более удаляясь от потока Клязьмы. Таким образом, Московская местность, как ближайшая к потоку Клязьмы, являлась неизбежным переволоком к Клязьменской дороге. Этот переволок с западной стороны от города в действительности существовал вверх по реке Восходне, несомненно, так прозванной по путевому восхождению по ней в долину Клязьмы и притом <...> почти к самой вершине этой реки»[2].

Историк XX века академик М. Н. Тихомиров в работах о Москве не отрицал «возможности существования здесь (в районе Боровицкого холма. — *А. Т.*) какого-нибудь населенного пункта, городка или ряда городков» задолго до XII века.

«Это раннее заселение объясняется тем, что район Москвы представлял собой значительные удобства для поселенцев. Вдоль рек здесь тянулись большие заливные луга, в густых лесах водились дичь и дикие пчелы, реки и озера изобиловали рыбой. Территория Москвы представляла собой

---

[1] *Назаревский В.* Из истории Москвы. 1147 — 1703 гг. Очерки. М., 1896. С. 2 — 4.

[2] *Забелин И. Е.* История города Москвы. М.: Наука, 1993. С. 11 — 12.

как бы небольшой остров среди дремучих лесов и болот, окружавших ее со всех сторон. Эта компактность московской территории <...> имела немалое значение для экономического развития Москвы, которая, естественно, сделалась центром сельскохозяйственной округи». Подобных утверждений самых авторитетных ученых можно привести немало.

Но есть и другие ученые, которые считают, что вплоть до второй половины XIII века, то есть до момента, когда князем Москвы стал Даниил Александрович, сын Александра Невского, Москва не являлась крупным и сколь-нибудь значимым для Руси городом. Их уверенность основана, следует повториться, на упорном нежелании летописцев говорить о Москве XI, XII, да и первой половины XIII столетия, и этот факт нельзя игнорировать.

Об упоминаниях, фрагментарных и редких, летописцами Москвы XII века было сказано в главе, посвященной Андрею Боголюбскому. Следующее столетие в этом отношении мало чем отличается от предыдущего.

В 1212 году после смерти Всеволода III Юрьевича (Всеволода Большое Гнездо) старшие его сыновья, Константин и Юрий, повели между собой упорную борьбу за власть. Их младший брат Владимир-Дмитрий Всеволодович сначала встал на сторону Юрия, но затем переметнулся к Константину. Тот повелел ему перебраться из Волока-Ламского в Москву и защищать этот город. В 1213 году Юрий заключил со своим противником мир, а младшего брата Владимира-Дмитрия отправил из Москвы со словами: «Даю тебе южный Переславль, нашу отчину; господствуй в нем и блюди землю Русскую».

О том, что для Москвы успел сделать за столь короткий период двадцатилетний Владимир-Дмитрий, летописи не говорят, но покидал он Боровицкий холм с тяжелым чувством. То ли грустно ему было расставаться с городом, то ли предвидел, что добром не кончится для него эта ссылка в пограничный с половецкими степями Переяславль. Блюсти Русскую землю — почетная княжеская обязанность, но в Москве-то, окруженной непроходимыми лесами, болотами, делать это куда спокойнее.

Владимир-Дмитрий ослушаться старшего брата не посмел, он приехал в Переяславль, женился там, отпраздновал по-княжески широко свадьбу и тут же пошел воевать. На Русь налетел крупный отряд половцев, молодой князь смело выступил врагу навстречу со своей дружиной, но проиграл сражение и попал в плен. Только через три долгих года его освободили из плена. Вернувшись на родину, он получил в удел город Стародуб на Клязьме, где и жил тихо, никому не мешая. В 1224 году, приняв схиму, скончался.

После этого эпизода, косвенным образом связанного с Москвой, о городе в летописях не сказано ни слова вплоть до 1238 года.

* * *

Ни одна хронология истории Русского государства не обходится без фиксации года нашествия хана Батыя как одного из ключевых моментов, как важнейшего события в судьбах многих восточноевропейских народов, а русского народа в особенности. Хотя уже в XIX веке некоторые ученые скептически относились к общепринятому мнению о том, что

нашествие Орды имело катастрофические последствия для Русского государства. Были и есть в настоящее время ученые, которые придерживаются совсем уж смелой идеи о якобы благотворных последствиях нашествия Орды для русского народа, ограбленного, поставленного на колени, вынужденного платить дань ханам и терпеть выходки ханских баскаков, при этом еще и улыбаться им приветливо: попробуй не улыбнись, глядя, как черноусый шустрый баскак уводит твою дочь на поругание — обвинят тебя во всех грехах тяжких и... Разные существуют мнения по поводу нашествия Орды, не стоит даже и пытаться примирить непримиримое. Но прежде чем принять ту или иную точку зрения по одному из важнейших вопросов мировой истории, неплохо бы было каждому желающему познакомиться хотя бы с некоторыми пунктами «Ясы» Чингисхана, в которой отразилась суть не только этого гениального человека, возомнившего себя чуть ли не Богом и решившего завоевать мир «от моря до моря», но и суть идеологии Орды, очень близкой, надо иметь смелость признать, к идеологии некоторых вождей XX века, завершивших свой путь в Нюрнберге.

Немецкая народная мудрость гласит: «Если хочешь узнать врага, побывай у него в доме». Закон, принимаемый любым сообществом людей, любым государством, можно сравнить с убранством дома: каков дом — таков и хозяин. Каковы законы — таковы и люди, таково и общество, принимающее их, таковы и истинные цели этого сообщества людей.

Вот мы и начнем знакомство с пришельцами на Русскую землю в XIII веке со знакомства с законами, которым они подчинялись. Сосредоточены они были в «Ясе» и «Джасаке» — моральном кодексе, если словом «моральный» можно характеризовать этот свод правил завоевателей. Полезно было бы склонным оценивать как благотворное влияние на Русь нашествия параллельно держать в поле зрения свод законов Ярослава Мудрого или поучения Владимира Мономаха, а также строки Евангелия. Для кого заключенные в них этические нормы не являются веским аргументом, тому можно предложить сравнить правила Чингисхана с книгами «Кабус-намэ» или «Панчатантру», с мыслями Конфуция или двустишиями Дхаммапады. «Ясу» и «Джасак» можно сравнивать со многими аналогичными творениями народов мира, завоеванных Ордой, и вывод будет ошеломляющим: ничего циничней, прямолинейней, злей и беспощадней «Ясы» Чингисхана во всем мире до XII — XIII века н. э. не было сотворено. То был закон с формулировками предельно краткими, как удар хлыста в умелых руках погонщиков рабов:

«Никто из подданных империи не имеет права иметь монгола слугой или рабом.

Каждый мужчина, за редким исключением, обязан службой в армии.

Всякий, не участвующий лично в войне, обязан в течение некоторого времени поработать на пользу государства без возражения.

Должностные лица и начальники, нарушающие долг службы или не являющиеся по требованию хана, надлежат смерти.

Он поставил эмиров (беков) над войсками и учредил эмиров тысячи, эмиров сотни и эмиров десятки.

Он запретил эмирам (военачальникам) обращаться к кому-нибудь, кроме государя, а если кто-нибудь обратится к кому-нибудь, кроме государя, того предавал смерти; кто без позволения переменит пост, того предавал смерти.

Он предписал солдат наказывать за небрежность, охотников, упустивших зверей в облаве, подвергать наказанию палками, иногда и смертной казни.

От добротности, строгости — прочность государства.

После нас род наш будет носить златом шитые одежды, есть жирные и сладкие яства, ездить на добронравных лошадях, обнимать благообразных женщин...

«Наслаждение и блаженство человека состоит в том, чтобы подавить возмутившегося и победить врага, заставить вопить служителей их, заставить течь слезы по лицу и носу их, сидеть на их приятно идущих жирных меринах, любоваться розовыми щечками их жен и целовать, и сладкие алые губы — сосать», — сказал однажды Чингисхан.

Запрещено под страхом смерти провозглашать кого-либо императором, если он не был предварительно избран князьями, ханами, вельможами и другими монгольскими знатными людьми на общем совете.

Запрещается заключать мир с монархом, князем или народом, пока они не изъявили полной покорности.

Мужчинам разрешается заниматься только войной или охотой»[1].

Вот такой свод законов был рожден гением Чингисхана в те годы, когда Москва была всего лишь небольшим уделом, когда борьба между старыми и новыми городами, то есть между сторонниками вечевых, древних порядков и приверженцами новых порядков, на Руси практически закончилась победой князей. «Полнота власти князя становится признанным фактом. Князь не только носитель верховной власти в стране, он ее наследственный владелец, «вотчинник». На этом принципе вотчинности (патримониальности) власти строятся все общественные отношения, известные под общим названием «удельного порядка» и весьма несходные с порядком Киевской Руси»[2].

В 1223 году Русское государство уже не было единым, что печально подтвердила битва на Калке, но еще не было настолько раздроблено, разорвано князьями на уделы, чтобы не иметь возможности предупредить катастрофу 1237 — 1242 годов... Впрочем, мысль эта спорная, шаткая. Да, Галицкое, Новгородское, Ростово-Суздальское и другие княжества гипотетически могли бы собрать крупное войско, они даже могли бы одержать одну-две победы над полчищами ордынского хана Батыя, но — вот беда-то в чем! — сокрушить накатывающиеся из Великой степи волны тумэнов русские в XIII веке никак не могли, потому что вся Восточная Европа была поражена в то время вирусом дробления, удельной манией. Каждый князь мечтал лишь о получении своего удела, о его укреплении и расширении. У князей рождались сыновья, и единственной

[1] *Хара-Даван Эренжен.* Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII — XIV вв. 2-е изд. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1991 г.

[2] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 121 122.

мечтой каждого из них был удел, свой собственный — пусть очень маленький, но свой.

Надо помнить, что процесс этот естествен, обычен для истории народов мира. Практически все страны прошли через подобную эпоху дробления. Города-полисы Аккада и Греции, период Ле Го (сражающихся царств) в Китае, города-государства на средневековых Апеннинах и так далее, и так далее. Русское государство попало в эту полосу в очень неудачный момент, когда в Забайкалье, «Ясой» Чингисхана скрепленные, стали расходиться волнами по Евразии тумэны Орды. Они сокрушили крупнейшие державы мира (подточенные, нужно оговориться, к тому времени внутренними междоусобицами), они катком прокатились по территориям многих народов и племен, они и Русь превратили в своего данника.

* * *

Зимой 1237/38 года великий князь Юрий Владимирович, готовясь к решительному сражению с ханом Батыем, отправил младшего сына Владимира в Москву, где воеводой был поставлен Филипп Нянько. Ордынцы разгромили под Коломной русскую рать во главе с Всеволодом Юрьевичем и Романом Инговоричем (может быть, Ингваревичем) и пошли по Оке, а затем — по Москве-реке на Москву, взяли город, разграбили и сожгли. Воевода Филипп Нянько погиб в бою, Владимир-Дмитрий попал в плен. Дальше путь Батыя лежал на Владимир.

Но как же шел бой в Москве? Что собой представляла Москва, окрестности Боровицкого холма в 1238 году? Неизвестно. Для города, который многие ученые называют узлом бойких военных и торговых дорог, подобное умолчание летописцев труднообъяснимо.

Что же случилось дальше, как Москва и москвичи справились с бедой? Об этом тоже ничего не известно. Отстроилась она, конечно, быстро: сосновых лесов в этих краях много. И опять на целых десять лет Москва выпадает из поля зрения летописцев.

В 1247 году в Москве княжил Михаил Ярославич, младший брат Александра Невского. О нем известно лишь то, что в 1248 году, когда победитель в Невской битве и в сражении на Чудском озере отправился вместе с братом Андреем сначала в Сарай к Батыю, а затем в Каракорум, Михаил, князь московский, изгнал дядю Святослава из Владимира и занял великокняжеский владимирский престол. Человек смелый, он в том же году погиб в битве с литовцами на реке Протве.

Некоторые историки считают, что именно Михаил Ярославич Храбрый (Хоробрит) построил в Кремле деревянный храм Архистратига Михаила. Позднее, в 1333 году, во время княжения великого князя Ивана Калиты, в Кремле, на том месте, где стоял деревянный храм, возведена была каменная церковь, которая стала усыпальницей князей.

После 1248 года летописцы вновь забывают о Москве почти на три десятка лет. Первые сколь-нибудь серьезные известия о городе и его князьях начинают поступать из летописей, датированных 1276 годом, с того момента, когда на княжение в Москве был поставлен младший сын

Александра Невского — Даниил, не только родоначальник князей московских, но и первый собиратель русских земель уже вокруг Москвы и вокруг тогда еще совсем крохотного Московского княжества.

Две различные точки зрения на историю города Москвы приведены здесь не для того, чтобы поссорить приверженцев разных мнений и взглядов, а наоборот — примирить их.

Да, здесь вполне могло быть относительно бойкое место, через которое не регулярно, но и не так редко проходили и дружины князей, и торговые люди. В окрестностях Боровицкого холма обитали старожилы — вятичи — и пришлый люд, бежавший в эти тихие, укромные места из разоренных распрей и нашествиями областей страны. Они основали здесь множество сел. Местность здесь была самодостаточна. Она могла накормить, одеть-обуть местных обитателей. Она не нуждалась в постоянной опеке, подпитке извне, как, например, Новгородская земля, подверженная частым неурожаям. В московской глухомани до княжения Даниила Александровича не могло быть очень бойкой торговли, здесь не могло быть крупного города, где бы хранилось постоянно, из года в год продовольствие для купцов и воинов, здесь не было достаточного количества мастерового люда, обслуживающего этот «бойкий узел». Но здесь были селения, колония селений... Это одна группа доводов.

Но почему же на Боровицком холме и в ближайших его окрестностях не мог возникнуть крупный город уже в XI или в XII веке? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно внимательно исследовать карту Московской области, во-первых, с точки зрения географических особенностей, во-вторых, с политической точки зрения, а затем неплохо бы было соорудить по описаниям древних авторов ладьи и струги и проделать путешествие, скажем, из Смоленска в Нижний Новгород по тем путям, по которым, согласно версиям ученых, ходили боевые дружины князей и купцы.

Действительно, бойким узлом торговых и военных дорог Москва, расположенная в центре лесной, заболоченной, почти двухсоткилометровой в диаметре чаши, могла стать только в том случае, если вдоль этих «бойких» дорог уже в XI — XII веках стояли на расстоянии 30 — 50 километров друг от друга если не города, то крупные поселения, где купцы (а они не ходили в одиночку) и боевые дружины (по три, пять, а то и по десять — двадцать тысяч воинов) могли найти тепло и пропитание. О существовании таких поселений на разных орбитах и вдоль разных лучей — дорог, разбегающихся «бойко» от Боровицкого холма, сведений историческая наука до последнего времени не имела. Эти доводы могли бы привести читателя к следующему выводу.

Сто лет Московское пространство развивалось по не совсем обычным для восточноевропейских княжеств законам, оставаясь на территориальном пограничье между княжествами Рязанским, Новгородским, Владимиро-Суздальским и на пограничье временно̀м — время уже поставило перед русскими людьми сложнейшую задачу смены политического курса, но они то ли еще не понимали исторического смысла этой перемены, то ли еще были слишком увлечены перипетиями борьбы за уделы, то ли не знали, как приступить к обновлению жизни. Князья же продолжали ожесточенную борьбу между собой за каждый клочок земли.

Тем временем ордынцы, хоть и не слишком часто, но наведывались с войском в Восточную Европу, требуя дани и послушания, в Прибалтике усилилась Литва, ослабло княжество Галицкое, а Киев превратился в крохотный город, главной обязанностью жителей которого на долгие десятилетия и даже века стала обязанность смотрителей и хранителей православных святынь. Политическая карта Восточной Европы менялась.

...Пограничье. Восточная Европа, раздробленная, разоренная, сжатая с двух сторон Ордой, находилась в упадке, какого ее история еще не знала. Но обыватели пограничья не думали о глобальных политических задачах своего времени, они продолжали жить в том же режиме, в котором жили их праотцы, прибывавшие сюда волнами, начиная с VII — VIII веков: они обихаживали свою землю и принимали всех, кто шел сюда жить и умел работать.

Пограничье — это ведь нейтральная полоса, ничейная, скажет иной читатель. Нет, московская! Тому, кто не прочувствовал этот длительный, пятивековой период освоения Московского пространства, может показаться чудом дальнейшая история Москвы.

В истории Москвы никаких чудес и неясностей не было, потому что все подвиги ее героев, знатных и простых, ее стремительное возвышение, дела и деяния имеют под собой мощную социально-политическую и экономическую основу, заложенную за пять веков до того момента, когда в 1263 году князь Александр Невский завещал Москву в удел своему младшему сыну Даниилу.

Экстремальные природные явления, эпидемии, пожары в Москве, зафиксированные в русских летописях

(1176 — 1276 гг.)

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
1184	Владимир	Вероятно, сухая весна. Пожар 13 апреля, сгорел едва ли не весь город, в том числе Соборная церковь с уникальными книгами, а также с драгоценными иконами и сосудами	ПСРЛ, т. 1, в. 2, с. 392; ЛПС, с. 95
1187	Владимиро-Суздальская земля	Эпидемия: «...болесть сильно в людях вельми». В каждом доме были больные. Некому было «воды подати»	ПСРЛ, т. 1, в. 2, с. 405; ЛПС, с. 100
1188	Владимиро-Суздальская земля	Сильная гроза: «Бысть гром страшен». Голодный год	НПЛ, с. 39; ПСРЛ, т. 1, в. 2, с. 406; т. 15, с. 25; ЛПС, с. 101
1199	Владимирская земля	Вероятно, сухое лето. Сильный пожар во Владимире 25 июля: «...бысть пожар велию»	ПСРЛ, т. 1, в. 2, с. 415

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
1202	Русская земля	«Тое же зимы быма знамения многие на небеси... В 5 часу ночи потече все небо и стало красным как кровь». Снег на земле и на крышах хором представлялся таким красным, словно пролитая кровь. Многие наблюдали «течение звезд и звездый дождь». Люди пришли в ужас, считая, что наступил конец света. По словам летописца, такие знамения предвещают поражения, голод, эпидемии. (В Летописи Переяславля Суздальского эти явления отнесены к 1203 г.)	ПСРЛ, т. 1, в. 2, с. 419; т. 30, с. 170; т. 10, с. 34; Псковские летописи (ПЛ), ч. 1, с. 10; УЛС, с. 45
1214	Владимиро-Суздальская земля	Пожар во Владимире, сгорело 200 дворов и четыре церкви. Неурожай, голод, погибло много людей: «...бысть глад велик, яко и людем измирати»	ЛПС, с. 112; ПСРЛ, т. 25, с. 109
1223	Владимиро-Суздальская земля	Засуха. Лето было очень знойным: «...ведро вельми» Отмечено множество лесных пожаров, горели торфяники: «...мнози борове и болота загарехуся». Дым был таким сильным, что люди поблизости не различали друг друга. Мгла «к земле прилегла». Птицы не могли парить, падали на землю и погибали. Уровень воды в Днепре был весьма низким. Во время битвы на Калке 31 мая 1223 г. стояла сухая, знойная погода. Неурожай. Голодный год	ПСРЛ, т. 1, с. 189 — 190
1227	Владимир	Вероятно, сухая весна. За один час сгорел почти весь город, включая хоромы князя	ПСРЛ, т. 1, в. 2, с. 449, т. 15, с. 347
1228	Владимиро-Суздальская земля	Очень дождливая осень: «...бяхут дожде велзи мнози день и нощь»	ПСРЛ, т. 1, в. 2, с. 450 — 451
1237/ 1238	Владимир	Сильные морозы. Все люди, захваченные татарами в плен, «ото мраза изомроша»	ПСРЛ, т. 22, ч. 1, с. 395
1275	Владимир	Сильная гроза: «...бысть гром страшен во граде»	ПСРЛ, т. 10, с. 152

Часть третья

Московское княжество

(1276 — 1359)

Противостояние

Во второй половине 70-х, а по некоторым данным — в начале 80-х годов XIII века младший сын Александра Ярославича Невского Даниил принял завещанный ему отцом Московский удел, и с этого времени начинается история Московского княжества. «Удел северо-восточного князя есть наследственная земельная собственность князя, как политического владетеля (как частный землевладелец он владел селами), собственность по типу управления и быта подходящая к простой вотчине, а иногда и совсем в нее переходящая»[1].

Московское княжество, как уже не раз говорилось, находилось на границе великих княжеств Владимирского, Тверского и Рязанского. Ни один из великих князей, естественно, делиться с Москвой своими землями, а значит, своим влиянием, своей властью добровольно не собирался. Более того, добиваясь признания ордынских ханов и получая от них ярлык на великое княжение во Владимире, князья тверские и костромские не будут переезжать в стольный город Владимир, станут править великим княжеством из своих городов. Этот факт говорит прежде всего о том, что столица северо-восточной Руси теряла свое влияние на молодые, быстроразвивающиеся княжества, что в свою очередь, казалось бы, должно было ухудшить и без того шаткое положение окраинного Московского княжества.

Человеку, незнакомому с предысторией Заокского края, трудно было бы поверить, что Даниил Александрович сам начнет «примысливать» земли, собирать в единое политическое и экономическое целое Московское пространство.

Его сын, Юрий Данилович, пойдет еще дальше: он смело будет бороться со своим дядей, тверским князем Михаилом Александровичем, за великое княжение.

О причинах столь резкого возвышения Москвы над другими княжествами ученые много думали и говорили в последние два века. Чаще всего они называли следующие особенности развития будущей столицы России:

— географическое положение;

— поддержка духовенства;

— личность князей, довольно точно решавших политические задачи.

---

[1] *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. Спб.: Кристалл, 1997. С. 132.

Назывались и другие причины, но никто из ученых не обратил внимания на то, что все эти причины являются следствием долгого, неспешного обживания Московского пространства.

Митрополит Петр поддержал политику Ивана I Калиты именно потому, что почувствовал — первый из духовных владык всея Руси — созидательную мощь нового, сильного народа, обитавшего в среднем течении реки Москвы и во всей Заокской земле. Основав в Москве Успенский собор, этот деятель Православной церкви предрек городу и его князьям великое будущее. Преемник митрополита Петра грек Феогност окончательно перебрался в Москву, которая с тех пор стала церковной столицей всея Руси.

Жители Москвы отнеслись к новому статусу города с чувством гордости и ответственности: они «необыкновенно чтили «всея Руси чудотворца», вскоре же по его кончине»[1].

Некоторые авторы XX века называют в числе причин выбора митрополитами всея Руси города Москвы в качестве своей резиденции материальные льготы, предоставляемые им городом, куда более выгодные, чем те, которые могли предоставить им другие города. Но подобный взгляд на политику церкви, видимо, подкреплен был уверенностью в том, что, во-первых, во времена митрополита Петра московские князья уже имели большие финансовые возможности, а во-вторых, политика князей по привлечению высшего духовенства в Москву была полностью и безоговорочно поддержана москвичами: знатными и простыми, богатыми и бедными.

Следует напомнить, что еще до нашествия хана Батыя на Русь Православная церковь представляла собой сложный, разветвленный организм, подчиняющийся только своим духовным иерархам, авторитет которых был очень высок. Церковное общество состояло из «1) иерархии, священства и монашества; 2) лиц, служивших церкви, церковнослужителей; 3) лиц, пригреваемых церковью, — старых, увечных, больных; 4) лиц, поступивших под опеку церкви, изгоев, и 5) лиц, зависимых от церкви, — «челяди» (холопов), перешедших в дар церкви от светских владельцев. <...> Всех этих людей церковная иерархия ведает администрацией и судом: «Или митрополит, или епископ тож ведают между ими суд или обиду». Изгоям и холопам и всем своим людям церковь создает твердое общественное положение, сообщает права гражданства, но вместе с тем выводит их вовсе из светского общества»[2].

На рубеже XIII — XIV веков Православная церковь не потеряла своего влияния на русское общество, скорее наоборот, и тому есть глубокие внешние и внутренние причины. Внутренние причины любой православный может легко найти в сердце своем. О внешних причинах, тесно связанных с внутренними, стоит сказать особо.

Ордынские ханы, как хорошо известно из истории многочисленных завоеванных ими стран, на удивление лояльно относились к вероиспове-

---

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 165.

[2] *Там же.* С. 113 – 114.

даниям покоренных ими народов. Еще «в 1270 году хан Менгу-Тимур издал следующий указ: «На Руси да не дерзнет никто посрамлять церквей и обижать митрополитов и подчиненных ему архимандритов, протоиереев, иереев и т. д.

Свободными от всех податей и повинностей да будут их города, области, деревни, земли, охоты, ульи, луга, леса, огороды, сады, мельницы и молочные хозяйства. Все это принадлежит Богу и сами они Божьи. Да помолятся они о нас». Хан Узбек еще больше расширил привилегии церкви: «Все чины православной церкви и все монахи подлежат лишь суду православного митрополита, отнюдь не чиновников Орды и не княжескому суду. Тот, кто ограбит духовное лицо, должен заплатить ему втрое. Кто осмелится издеваться над православной верой или оскорблять церковь, монастырь, часовню — тот подлежит смерти без различия, русский он или монгол. Да чувствует себя русское духовенство свободными слугами Бога»[1].

Этот факт разными людьми оценивается по-разному. Кто-то, пользуясь удобным случаем, объясняет поразительную веротерпимость Чингисхана и его потомков недальновидностью, а то и тупоумием повелителей Орды, проморгавших столь важную для них проблему, не подавивших тяготение русской души к православию. Действительно, внешне все выглядело именно так: проморгали иноплеменники, потеряли бдительность, себе же собственными руками подписали приговор, оставив в целости и сохранности оплот русского духа, обитель русской души — Православную церковь. Даже после того как Берке-хан в 1283 году принял ислам, даже после того как хан Узбек, грозный хан, в первой половине XIV века и вся Орда за ним следом приняли ислам, веротерпимость повелителей Великой степи не поколебалась. Но называть такую политику грубым просчетом или стратегической ошибкой нельзя.

Примитивной может показаться и противоположная оценка всего сделанного Чингисханом и его потомками в мировой истории, а их доходящее до поклонения восхищение созданными ханами порядками на завоеванных землях, мягко выражаясь, вызывает недоумение. Рьяные апологеты автора «Ясы» и «Джасака», воплотителей в жизнь жестоких законов Чингисхана, доходят в своих выводах до абсурда, называя Золотую Орду «не только покровительницей, но и защитницей русского православия»[2]. Такая добрая-предобрая тетушка Орда! Увидела степным зорким оком из забайкальской глубинки, что русских людей хотят крестить по католическому обряду, собрала сотни тысяч верных нукеров и явилась в Восточную Европу, защитила русских православных от посягательств католиков; установила порядок в русской земле... — так приблизительно трактуется история Орды ее апологетами, например, замечательным ученым, доктором Эренженом Хара-Даваном и другими исследователями истории Великой степи.

---

[1] *Хара-Даван Эренжен.* Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. С. 194.

[2] *Там же.* С. 195.

Можно ли найти линии сопряжения этих и других, во многом противоположных, концепций? Существует ли объективная оценка политики Орды в отношении русского вероисповедания?

Ответить на эти вопросы необходимо потому, что гигантскую в XII — XIV веках Орду в конце концов сокрушила Москва, совсем крохотный в тот период времени городок.

Все попытки приукрасить и возвеличить содеянное Ордой в завоеванных ею странах и, наоборот, принизить ее значение в истории планеты, а также все известные современной науке примирительные способы, которые очень часто сводятся к появлению вместо белого и черного цветов серого цвета, беспомощны при поиске истинного лица Орды. Его нужно искать в «Ясе» и «Джасаке».

Гениальный Чингисхан в этих воистину великих творениях разработал свою теорию государства имперского типа во главе с одним родом — родом Чингисхана, опирающимся на монгольский народ, а лучше сказать, на тех монголов, которым понравится эта идея и которые помчатся сломя голову драться, воевать, завоевывать, присваивать, чтобы в мирные минуты ездить на жирных чужих меринах, развлекаться с чужими розовощекими женщинами.

Ни «Ясы», ни «Джасака» не догадался создать даже Аттила, тоже пришедший из Великой степи. Статьи «основного путеводителя» монголов были настолько просты и откровенно аморальны, настолько свободны от человеколюбия, что покорили своим утилитаризмом не только детей и внуков создателя этих законов, но и талантливых военачальников Субэде, Джельме, Джебэ и многих, многих других.

...Утилитарные цели ясны бывают всем — чужие жирные мерины и чужие розовощекие женщины, естественно, в неограниченном количестве и в любое время дня и ночи.

Победы и походы того же Субэде изумляют самых известных знатоков военного дела. Некоторые специалисты считают, что как полководец он стоит выше Наполеона. А чего же, спрашивается, не хватило Наполеону, чтобы встать вровень с Субэде? Того же, чего не хватило Аттиле: «Ясы» и «Джасака» — всеобъемлющей теории создания мировой державы, основанной на жестокой дисциплине, теории, опирающейся на низменные инстинкты особо воинственной части любого человеческого общества.

Одной из гениальных находок Чингисхана, запечатленных в указанных поучениях, стало узаконение лояльного отношения к вероисповеданиям завоеванных народов. Империя — государство многонациональное, у каждой нации — свое отношение к религии, своя религия. Все попытки императоров до и после Чингисхана создать империю с одной и единственной имперской религией большого успеха не имели, за некоторым исключением, которое составляют Византийская империя, Арабский халифат, да и то в первые несколько десятков лет своего существования.

Чингисхан создавал свою «Ясу» в XII — XIII веках, когда миру известны были сотни примеров того, как религиозная нетерпимость повелителей многонациональных держав с несколькими религиозными конфессиями приводила к страшным войнам, к распаду даже самых сильных империй. История Арабского халифата, история многочисленных ересей

и сект в мусульманском и христианском мирах, полная войн и социальных взрывов, — яркое тому подтверждение.

На родине Чингисхана, в Великой степи, граничащей с Северным Китаем, проблемы веротерпимости не могли не волновать крупного политического деятеля. Но Чингисхан предложил и законодательно оформил такую политику по отношению к немонголам, вести которую не осмеливались ни китайские, ни центрально-азиатские повелители, может быть, потому, что они не мечтали о державе «от моря и до моря».

Чингисхан был кристально ясен в своей «Ясе». Эта кристальная ясность сотворила с людьми злое чудо — они в кратчайший срок сделали невозможное: завоевали громадные территории Евразии, продержались на завоеванных землях примерно полтора века (в Китае, например), а где-то и дольше. Ему самому было все равно, как молятся или кому молятся, чему поклоняются, перед чем трепещут благоговейно розовощекие женщины и их мужья и женихи в Бирме или в Польше, на Балканах или в Корее. Его это не интересовало. И он преуспел, и его последователи преуспевали в своем утилитаризме до поры до времени.

Глупцами ханы не были, а вот политическими стратегами были. Они прекрасно понимали, что православие на Руси стало неотъемлемой частью всего русского. Даже разобщенный распрей, обессиленный внутренними дрязгами русский народ не потерял свою веру. Именно она соединяла его, даже не мать-сыра земля, разодранная на уделы, а вера православная.

Потомки Чингисхана предпочитали не рушить церковь на Руси, потому что любой удар по церкви тут же бумерангом мог возвратиться: обиженная, оскорбленная церковь вмиг бы сделала то, что не удавалось сделать даже самым мудрым из князей, — она объединила бы Русь!

Эту объединительную свою задачу церковь хорошо понимала. Всесильным ханам, «Ясе» Чингисхана нужно было противопоставить столь же мощную, но организованную на иных — духовных — принципах, на иной государственной идеологии силу. Митрополиты всея Руси увидели зародыш этой силы в небольшом городке на Боровицком холме. Сейчас-то всем хорошо известно, что они и некоторые князья, каким был Иван I Данилович Калита, верно определили центр всерусского единения. Но в первой половине XIV века любому политическому стратегу выбор духовных владык показался бы странным.

В самом деле, что имели обитатели Москвы и Московского пространства в XIII — XIV веках? Опыт невоенного, диффузионного, говоря языком физиков, проникновения на необихоженную землю, опыт многовекового освоения территории (ни одного сражения!), и «Русскую правду», и «Поучения Мономаха». Не маловато ли для борьбы с потомками Чингисхана, скрепленными на века «Ясой»? Какую идею государственного устройства могли предложить эти люди-труженики?

Идею, способную сокрушить идею «Ясы»!

Даниил Московский

(1261 — 1303)

Даниил, сын Александра Невского, родился в 1261 году, когда обитатели Восточной Европы еще могли освободиться от данной зависимости, навязанной им ордынскими ханами, а жил он в самые грустные для Руси четыре десятилетия, в течение которых потомки Батыя, хоть и не окончательно, но надолго лишили Русь свободы. А умер князь московский в 1303 году, когда стало ясно, что стране еще очень долго придется платить дань ордынцам, испытывать позор и унижения и, кроме этого, вести тяжелую, неравную борьбу на северных и западных границах с тевтонами, литовцами и шведами.

В эти же четыре десятилетия завершилась перекройка политической карты Восточной Европы. На первые роли выдвинулись два молодых княжества — Тверское и Московское. Конечно же, мириться с подобным положением дел не хотел ни один удельный князь, и потому границы княжеств менялись чуть ли не ежегодно. Но Тверь и Москва, порою терпевшие в распре тяжкие поражения и нередко опустошаемые ордынцами, быстро вновь обретали силу и свои лидирующие позиции старались не потерять: Тверь — с начала XIV века; Москва — со времени правления Ивана Даниловича Калиты.

В конце XIII века Русь стала медленно-медленно приходить в себя после страшного разорения страны Батыем. В этом утверждении нет поспешности, нет преувеличения. Русь после мощного удара с Востока находилась, говоря боксерским языком, в состоянии гроги. Это еще даже не нокдаун. Боец может двигаться по рингу, защищаться, уклоняться от активной борьбы, вяло помахивая руками, но не дай Бог в состоянии гроги пропустить точный сильный удар соперника! Хорошо, если после такого удара боксер окажется в глубоком нокауте. Бывают, и нередко, случаи, когда он надолго, навсегда покидает ринг, а то и прощается с жизнью. Опытный рефери обычно открывает счет, дает спортсмену возможность прийти в себя. Не все спортсмены и их тренеры довольны таким решением. Но лучше восстановить силы, а то и проиграть бой, чем погибнуть.

Роль рефери на огромном восточноевропейском ринге в первые десятилетия после вторжения хана Батыя играли великие князья Ярослав Всеволодович и его сын Александр Ярославич Невский. Они спасли страну от большой беды. Русь проиграла ханам войну, но не погибла. Правда, после смерти Александра Ярославича уже ничто не сдерживало

князей от войны друг с другом. Распря разразилась между сыновьями Невского, Дмитрием и Андреем. Чтобы не отвлекаться от главной — московской — темы повествования, нужно все же констатировать: распря была источником всех обрушившихся на Русь бед. Гибли сильные и самые дееспособные люди, талантливые ремесленники, мастера-строители, земли разорялись, народ нищал. Распрей пользовались все недруги Руси, но русские князья словно бы не обращали на это внимания.

В 1293 году шведы заложили крепость Выборг, выбить их оттуда новгородцы не смогли.

В том же году Андрей Александрович (сын А. Невского) вместе со своим союзником Федором Ярославичем (как считают некоторые ученые, он был зятем Ногая) оговорили Дмитрия Александровича перед ханами. Повелитель Золотой Орды обрадовался прекрасной возможности «навести порядок» в подвластной ему Руси и послал туда крупное войско во главе с Дюденем, братом хана Тохты, с заданием поставить на великое княжение Андрея.

«Но сей предлог был только обманом, — пишет в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин. — Муром, Суздаль, Владимир, Юрьев, Переславль, Углич, Коломна, Москва, Дмитров, Можайск и еще несколько других городов были ими взяты как неприятельские, люди пленены, жены и девицы обруганы. Духовенство, свободное от дани ханской, не спаслося от всеобщего бедствия: обнажая церкви, татары выломали даже медный пол собора Владимирского, называемый чудесным в летописях. В Переславле они не нашли ни одного человека: ибо граждане удалились заблаговременно с женами и детьми. Даниил Александрович московский, брат и союзник Андреев, дружелюбно впустив татар в свой город, не мог защитить его от грабежа. Ужас царствовал повсюду. Одни леса дремучие, коими сия часть России тогда изобиловала, служили убежищем для земледельцев и граждан»[1].

Войско Дюденя вел по истерзанной Руси к Твери князь Андрей. В городе поначалу царила неразбериха. С каждым днем в Тверь прибывали беженцы из разоренных врагом областей. Они готовы были драться с налетчиками, они не смирились с положением покорных овец в стаде. Эта решимость обездоленных, лишенных крова людей в значительной степени повлияла на тверчан. Жители города, почувствовав силу, решили дать бой войску Дюденя. Они вместе с бежавшими из разграбленных городов дали клятву на верность, стали вооружаться и готовиться к обороне.

Андрей и Дюденя, узнав о положении дел в Твери, не стали рисковать, изменили маршрут, вошли в Волок-на-Ламе, разорили его.

Опустошительный поход Дюденя прошел по обычному для той эпохи маршруту. Основной удар ордынцы наносили по богатой Ростово-Суздальской земле.

«Если собрать все летописные указания на населенные пункты в Суздальской области за XI — XIII века, — писал в XIX столетии профес-

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. I — IV. Калуга: Золотая аллея, 1995. С. 469 - 470.

сор М. К. Любавский, — то совершенно ясно вырисовывается, что в этой области раньше и гуще заселились бассейны средней и нижней Клязьмы и Поволжье от впадения Шексны до впадения Оки. Здесь лежали все тогдашние важнейшие города-области — Владимир, Суздаль, Юрьев-Польский, Стародуб, Ярополк, Гороховец, Нижний, Городец, Кострома, Ярославль, Молога, Кснятин, Ростов и Переяславль. По сравнению с этою населенною полосою область позднейшего Московского княжества являлась мало населенною. Здесь мы находим только Дмитров на Яхроме и... Звенигород. Точно также представляется и область позднейшего Тверского княжества. Здесь мы находим только Тверь и Кашин...»[1]

В средней и восточной частях Ростово-Суздальской земли находились и самые богатые княжения XIII века: великое княжение Владимирское, княжения Ростовское, Ярославское, Белоозерское, Костромское, Галицкое, Юрьевское, Переяславское, Суздальское и Городецкое. В западной части Суздальской земли находились только Тверское и Московское княжества. Но разорительные походы ордынцев привели к тому, что на рубеже XIII — XIV веков были ликвидированы княжества в Костроме, Юрьеве, Городце Волжском, и народ стал уходить из некогда богатых областей Ростово-Суздальской земли в безопасные районы, в глухие, лесные края — в том числе и в долины рек Москвы и Тверцы, увеличивая население здешних мест.

То была вторая волна переселенцев в Московскую землю. Она шла с востока на запад. Первая, начавшаяся в конце XI века, шла с запада на восток, с Поднепровья — в Залесье, в Низовскую землю. Как уже было сказано ранее, часть первой волны переселенцев осела в долине Москвы-реки. Теперь же в ближайшие и дальние окрестности Боровицкого холма и дальше — в землю Тверскую хлынул поток людей с востока, и эти два княжества стали усиливаться, причем на первых порах Тверское княжество развивалось даже быстрее.

Но Даниил Александрович Московский в последние годы своей жизни перехватил у тверчан инициативу, хотя в это еще трудно было поверить, это не бросалось в глаза.

«Даниил был первый князь, поднявший значение этого города (Москвы. — *А. Т.*), бывшего до сих пор незначительным пригородом Владимира... Даниил хитростью взял в плен рязанского князя Константина, воспользовавшись изменою рязанских бояр <...>. Это событие было первым проявлением тех приемов самоусиления, которыми так отличалась Москва...»[2]

Жизнь и биография Даниила Александровича не очень отличались от жизни младших сыновей других русских князей. Все они вынуждены были свою взрослую жизнь начинать с междоусобной войны, всем им доставались самые малые и слабые уделы. Даниилу дали в княжение Москву. В союзе с братом Андреем он участвовал в распре против старшего брата Дмитрия, а когда Андрей стал великим князем, то повелитель

---

[1] Цит. по кн.: Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1909. С. 69.

[2] *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. I. Калуга: Золотая аллея, 1995. С. 140.

Москвы выступил в союзе со своим дядей Михаилом Тверским против великого князя, старшего брата своего. Ничего необычного для Русской земли. Брат на брата. Родственник на родственника. Распря.

Необычным для всей предыдущей истории Руси было отношение Даниила Александровича к своему Московскому уделу. Не он первый обратил внимание на стратегические и экономические выгоды этой непростой для освоения земли, но по разным причинам ни Юрий Долгорукий, никто из позднейших политических деятелей Руси серьезно, активно, целенаправленно Московской землей не занимался, она развивалась сама по себе.

И только Даниил Александрович стал осваивать Московскую землю как предусмотрительный, дальновидный хозяин. Он, как считают некоторые исследователи, построил в Москве церковь Спаса на Бору, основал Данилов и Богоявленский (1296 г.) монастыри. Но главное, за что «имя Даниила было в большом уважении у его потомков», это за то, что он стал родоначальником дома московских князей[1].

В 1301 году Даниил осуществил поход в Переяславль-Рязанский. Он разгромил войско Константина Романовича, пленил рязанского князя и присоединил к своим владениям город Коломну, важнейший стратегический пункт на месте впадения реки Москвы в Оку. В той малоизвестной русской истории битве сражалось немало ордынцев в дружине Константина Романовича, многие из них погибли в кровавой сече. Но повелители Орды спустили с рук столь дерзкое поведение младшему сыну Александра Невского, не придали значения самому факту крупного земельного приобретения московского князя в том походе.

Да, забот и дел у ханов Сарая и Каракорума в начале XIV века было немало. За всем не уследишь. К тому же чем неспокойней живут русские, тем стабильней положение Орды. Пусть русские князья дерутся между собой, пусть создают новые и упраздняют старые княжества — пусть так будет вечно! Ханы Сарая и Каракорума все равно землю Даниила Московского считали своей. Никто из них в первый год XIV столетия не догадывался о том, что усиление самого крохотного и незначительного княжества русских будет необратимо.

Слишком уверенные в своем благополучии, в своей силе, они не отреагировали на еще одно знаменательное событие, произошедшее в 1301 году, — на воскрешение обычая русских князей съезжаться для решения общих дел на съезд, в частности на Собор русских князей в городе Дмитрове. Очень беспечно вели себя сильные ханы Орды. Подумаешь, собор князей! Мало ли их было на Руси! Что они дали? Все ту же распрю. Странные русские люди. Со времен великого князя Святополка I проводили они съезды князей. И все это время продолжалась на Руси распря, и ни разу ни один съезд не исполнил свое предназначение: не объединил навечно силы русских, не искоренил навсегда самое большое для них зло — распрю между князьями. Какой же смысл, какая же польза в этих съездах? Мудрые ордынские ханы не поняли тонким восточным, да еще и степным умом, какой великий смысл таился в самом желании

[1] *Костомаров Н И* Указ. соч. Т. I. С. 140.

русских князей собираться на съездах, видеть друг друга, обсуждать друг с другом дела, в этом непрерывающемся тяготении русской души оставаться самой собой при любых обстоятельствах.

На съезде князей в Дмитрове, правда, события развивались не так гладко, продолжилась все та же борьба за влияние. На том съезде произошла размолвка между тверским князем Михаилом и Иваном переяславским, внуком Александра Невского, еще резче обозначились противоречия между великим князем Андреем Александровичем и князем Михаилом. Все как обычно! Собрались, поговорили, предъявили друг другу претензии и разъехались врагами, так и не решив основных задач. Зачем же нужно было тратить время, средства, энергию, если всем было ясно, что съезд в Дмитрове не в состоянии консолидировать князей, не объединит Русь в борьбе против ордынцев? Странные русские люди! И ордынские ханы, узнав подробности событий в Дмитрове, были довольны: русским не дано договориться между собой.

Но кое-кто все же решил свои, пусть и не великие, задачи. Даниил, например, одержал на том съезде важную дипломатическую победу, установив теплые, родственные отношения с Иваном переяславским. А тот, уже в следующем году, перед своей кончиной, завещал московскому князю переславские земли.

«Московский князь — враг всякому великому князю, кто бы он ни был: казалось, самая почва Москвы питала в ее князьях неуважение к прежним понятиям и отношениям старшинства. Даниил долго и упорно боролся с великими князьями, собственными старшими братьями, с Дмитрием переяславским, потом с Андреем городецким. Но по смерти Дмитрия он сблизился с добрым и бездетным его сыном Иваном и так подружился, что Иван, умирая в 1302 году, отказал свой удел московскому своему соседу и младшему дяде помимо старших родичей...

Но враги старшинства, московские князья были гибкие и сообразительные дельцы»[1].

Младший сын Александра Невского, получив в дар родовое гнездо своего отца, действовал решительно и напористо. Он приехал в Переяславль-Залесский, прогнал оттуда людей Андрея. Московское княжество за неполных два года резко расширилось.

В 1303 году князь московский Даниил Александрович умер.

Основные события жизни Даниила Александровича

1261 год. У Александра Невского родился четвертый сын, Даниил. Первые годы жизни князя не освещены в летописях.

1276 год. Даниил Александрович стал князем московским.

1282 год. Князь московский участвует в распре между Дмитрием и Андреем на стороне последнего

1293 год. Даниил Александрович Московский, союзник Андрея, впустил в Москву войско Дюденя, надеясь, что этот брат Тохты не станет

[1] *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга первая. М.: Мысль, 1993. С. 338.

грабить его город. Надежды князя не сбылись. Воины Дюденя Москву разграбили.

1295 год. Даниил вместе с внуком Александра Невского князем переяславским Иваном предъявил свои требования великому князю Андрею Александровичу. Для разрешения конфликта хан повелел созвать во Владимире русских князей. На съезде главенствовал ханский посол. Страсти быстро накалились. Лишь своевременное вмешательство епископа Владимирского Симеона и епископа Сарского Исмаила спасло князей от кровопролития.

1297 год. Великий князь Андрей Александрович, воспользовавшись тем, что Иван переяславский отбыл к хану, пытался захватить Переяславль, но рать Михаила Ярославича и Даниила Александровича встретила неприятеля под Юрьевом и защитила город.

1300 год. Даниил разгромил в окрестностях Рязани войско рязанского князя Константина Романовича, взял самого князя в плен, присоединил к своим владениям Коломну.

1301 год. Возобновились съезды русских князей. На съезде в городе Дмитрове князья Андрей, Даниил, Иван и Михаил мирно решили многие проблемы, но здесь же наметилась размолвка Михаила и Ивана.

1302 год. Перед смертью князь переяславский Иван отказал Переяславль-Залесский князю московскому Даниилу Александровичу.

Князь московский выдворил из Переяславля бояр Андрея, вновь пытавшегося захватить город. Обиженный великий князь отправился в Орду жаловаться на Даниила.

1303 год. Даниил Московский внезапно скончался.

Юрий Данилович

(1281 — 1325)

В 1304 году умер великий князь Андрей Александрович, и в борьбу за великокняжеский владимирский престол вступили Михаил, князь тверской — старейший в роде Рюриковичей, и его племянник, сын Даниила Александровича, князь московский Юрий Данилович. Эта упорная, не на жизнь, а на смерть схватка двух упрямых людей положила начало долгой борьбе за первенство среди русских княжеств, двух могучих молодых политических сил — двух юных городов: Твери и Москвы.

Тверского князя Михаила признали великим князем бояре Волжского Городца, где проживал и откуда долгие годы управлял страной Андрей Александрович. Предав земле усопшего, они явились в Тверь с поздравлениями. Михаила Александровича поддержал Новгород, жители которого надеялись, что великий князь поможет им сдержать натиск Владимиро-Суздальского княжества на север. Мудрый митрополит Максим поддержал тверчанина Михаила. Он клятвенно обещал Юрию «любые города в прибавок к его Московской области», лишь бы тот не затевал крупную ссору. Мощная опора была у Михаила в лице митрополита.

Но Юрия Даниловича это не смутило. Он смело предъявил противнику свои права на великокняжеский престол. Непонятно, на что он надеялся. Московское княжество, расширенное усилиями Даниила Александровича в первые годы XIV столетия, уступало в экономическом и политическом отношениях многим новым и старым княжествам. Но, быть может, именно на это и рассчитывал Юрий Данилович, отправляясь в Орду в надежде вымолить у хана ярлык на великое княжение? Повелители Орды, слегка приподнимая слабого, сохраняли тем самым напряжение во взаимоотношениях русских князей.

Было это так или было иначе, но дерзость Юрия московского, поехавшего в Орду за ярлыком, удивляет. Тверскому князю в ставке хана нужно было добиться того же результата, и он приказал своим людям перехватить соперника, задержать его. Юрий Данилович перехитрил ловцов, явился в Орду, но в тот год повезло все же Михаилу. Он получил ярлык на великое княжение и вернулся в Тверь с победой. Для Юрия Даниловича эта поездка в Орду была бесполезна. Он вернулся в Москву уверенный в своем будущем. Князя тверского он, естественно, признал великим князем, но покоряться ему и не думал, даже расширил Московское княжество за счет Можайского удела, и теперь вся Москва-река принадлежала Москве.

Михаил не стал долго терпеть независимый нрав Юрия. И в 1305 году тверской князь с крупным войском подступил к Москве. Но взять город тверчане не смогли, вернулись домой.

В следующем году Юрий совершил поступок, который соотечественники его никак не могли одобрить: он повелел задушить рязанского князя Константина, плененного еще Даниилом Александровичем во время удачного похода на Рязань. Казнь пленника не дала никаких преимуществ московскому князю, так как сыну убитого, Ярославу, удалось получить у хана ярлык на Рязанское княжение. Ханы любили поддерживать слабых.

В 1313 году великий князь Михаил Александрович уехал в Орду и пробыл там долгих два года. Его отсутствием воспользовались шведы. В 1314 году они с боем взяли Ладогу, ограбили ее и предали огню, затем ворвались с помощью карелов в крепость Кексгольм (ныне город Приозерск в Ленинградской области на берегу Ладожского озера). Новгородцы под руководством наместников Михаила выдворили налетчиков со своей земли, но обиделись на великого князя, который, по их мнению, совсем забыл о делах отечества, не встретил с дружиной шведов на подступах к Ладоге. Михаил конечно же не был виноват в бедах новгородцев, не по доброй воле он два года провел в Орде. Но кто будет слушать доводы подобного рода на пепелище?

Обострением отношений между великим князем и новгородцами тут же воспользовался Юрий Данилович. Он послал в Новгород князя Федора Ржевского, который арестовал людей Михаила. Горожане выбрали посланца московского князя своим начальником, собрали войско и осенью отправились в поход на Тверь мстить. Сын великого князя Дмитрий



Юрий Московский и Дмитрий Грозные Очи

встретил новгородцев на берегах Волги, уже покрытой тонким слоем льда. Переправляться через Волгу тверчане не рискнули и предпочли заключить мир. Юрий Данилович воссел на новгородском престоле.

Великий князь Михаил пожаловался на московского князя хану, тот потребовал слишком энергичного политика в Орду и оставил его там на целых три года. Великий князь за это время сумел справиться с крупным войском новгородцев в битве близ Торжка 10 февраля 1316 года и заключить с ними выгодный для себя договор. Жители Новгорода не преминули отправить в Орду послов с жалобой на Михаила. Узнав об этом, он приказал послов поймать, а сам собрал войско и двинул его на Новгород.

Но ему не повезло на этот раз. Новгородцы подготовились к войне основательно: укрепили стены крепости, призвали на помощь многочисленных союзников, собрались на шумное вече и решили стоять насмерть. Михаил испугался, драться с огромным войском защитников города не рискнул, повернул рать назад, в Тверь. Но вот незадача — заблудился, привел войско в болотистые дремучие леса. Коварна русская природа, не раз учила она людей, наказывала за непочтение к ней. Войско Михаила оказалось в родных лесах в ловушке, — что может быть нелепей и нравоучительней? Потеряв конницу, обозы, побросав оружие, горстка самых сильных людей вернулась в Тверь.

Беды великого князя, однако, на этом не закончились. Из Орды приехал Юрий, да не один, а с женой — сестрой юного хана Узбека, Кончакой, получившей в крещении имя Агафия, и с сильным войском ордынцев, и с монгольским князем Кавгадыем.

Михаил не стал больше испытывать судьбу и отправил послов к Юрию. Те объявили в Москве, что князь тверской признает Юрия Даниловича великим князем и желает только одного — мирно княжить в Твери.

Юрий же, понимая, что победа эта зыбкая и все может вновь измениться, решил окончательно обезопасить свое положение — и пошел на Тверь. Он был уверен в победе.

Михаил действительно не смог быстро восстановить свою дружину после трагического похода на Новгород, но бой принимать было нужно. В сорока километрах от Твери близ селения Бартенево войско Юрия и Кавгадыя 22 декабря 1318 года вступило в сражение с тверчанами, возглавлял которых обреченный Михаил. В том неравном сражении он бился так отчаянно и смело, будто искал смерти, будто жизнь была ему не в радость. Он бросался на самые опасные участки битвы, отражал с горсткой воинов атаки превосходящих сил неприятеля, и в результате постепенно инициатива ведения боя перешла к тверчанам.

Воины Юрия, пораженные удачливостью вездесущего Михаила, подались назад. Сначала чуть-чуть отступили, на полшага всего. И если бы в тот миг какая-нибудь стрела сразила Михаила, то эти полшага ничего бы не изменили, москвичи победили бы в том бою. Но тверской князь носился по полю боя как заколдованный: стрелы, копья и мечи не достигали его мужественного сердца. И рать Юрия и Кавгадыя не выдержала, побежала от врага сломя голову.

Тверчане взяли в плен Кавгадыя, захватили огромный обоз, жену Юрия, Агафию. Как уверен был Юрий перед походом в победе, даже юную жену взял с собой. Постыдное бегство, поучительная история. Позабыв все на свете, он бежал в Торжок, а оттуда — в Новгород. Жители города встретили бывшего защитника своего хорошо, помощь военную обещали, послали к Михаилу людей с требованием «сделать все угодное Юрию».

Победитель, побаиваясь гнева хана Узбека и не желая осложнений с новгородцами, пошел на уступки. Он отпустил из плена Кавгадыя, но, на беду, Агафия по неизвестным причинам скончалась в Твери. Ордынский князь и князь московский пожаловались хану на тверского князя, который «не давал царевой дани, бился против царского посла и уморил княгиню жену Юриеву». Серьезные обвинения. Узбек, суровый человек, вызвал в ставку жалобщиков. Те быстро явились в Сарай. Хан призвал к себе и Михаила. Зная крутой нрав Узбека, тот отослал к повелителю Орды своего двенадцатилетнего сына Константина.

Но Узбек потребовал к себе самого князя. Михаил понял, что дела его плохи, и стал собираться в далекий путь. Получив благословение епископа, простившись с близкими, с родной Тверью, он отбыл в Сарай. До берегов Нерли его сопровождала верная жена Анна. Здесь они простились. Здесь же тверской князь исповедался своему духовнику: «Я всегда любил отечество, но не мог прекратить наших злобных междоусобий; по крайней мере, буду доволен, если хотя бы смерть моя успокоит его». Жене своей он горестных слов не говорил, улыбался ей, обещал привезти из Орды подарки. Анна верила ему. Но от хана она ждала любых козней и потому провожала мужа в большой печали.

Во Владимире сыновья его, Дмитрий и Александр, пытались убедить отца не ездить к хану, но решение его было твердо: «Если я ослушаюсь хана, то он приведет войско на Тверь, и много наших соотечественников погибнет. Лучше я один умру».

Он приехал в Орду. Через шесть недель Узбек устроил в огромном шатре суд над ним. Юрий и Кавгадый подготовились к делу основательно, но Михаил до поры до времени отметал все обвинения. Однако тверскому князю не удалось убедить Узбека в своей невиновности. Его заковали в цепи, на шею положили тяжелую колоду, но казнить сразу не стали: то ли поленились, то ли хан хотел потянуть время, помучить пленника, да и Юрия Даниловича подержать в неизвестности.

Как обычно, по осени Узбек готовился к походу за Терек на ловлю зверей. Любил он эту забаву. На месяц, а то и больше бросал он дела, созывал воинов, вождей, князей, бояр, послов, жен, детей и с большим обозом уходил на юг, в Персию. Там было раздолье для ловких людей!

Юрий Данилович боялся, как бы охота не изменила настроение хана, как бы тот не отменил приговор, не простил Михаила. Бывало такое в Орде, и нередко. Ко всему прочему, князь московский знал о том, что жена повелителя Орды и многие знатные ордынцы хорошо относятся к пленнику, и некоторые из этих покровителей, а жена особенно, имели большое влияние на хана. Нельзя было пускать дело на самотек. Михаил, если бы он остался в живых, не простил бы Юрию судилища.

Войско Узбека с большим обозом расположилось на перекрестке торговых дорог. В стане ордынцев открылся торг. Веселое дело — большой базар. Но только не для приговоренного к смерти, вынужденного стоять с колодой на шее на самом солнцепеке на виду у снующего туда-сюда люда.

Юрий и Кавгадый подошли к Михаилу. Ордынский князь облегчил колоду, сказал: «У нашего царя такой обычай: если он рассердится на кого-нибудь, хоть и на племянника, то приказывает надеть на него колоду. А как пройдет гнев, так и почести вернет и наградит. У нас хан добрый. Он и с тобой так поступит. Не волнуйся, жди!»

Кто его просил говорить эти слова, для кого он сказал их — для Михаила или для Юрия? Зачем он сказал это? Чтобы вселить в душу несчастного надежду? А может быть, для того, чтобы поторопить Юрия? После этого эпизода Кавгадый, хитрая бестия, стал проявлять заботу о Михаиле. Юрию такое отношение своего союзника к своему врагу не понравилось, и он при каждом удобном случае говорил Узбеку, что пора бы разделаться с пленным губителем невинной Кончаки-Агафии. Хан хитро отмалчивался. Молчание — знак согласия. Но не приказ. Разница большая, потому Юрий нервничал еще больше. Ждал. Двадцать шесть дней ждал. И наконец дождался! Узбек утвердил приговор. И тут же, боясь, как бы хан не передумал, враги князя тверского послали в шатер пленника убийц. Те быстро исполнили приказ.

Узнав о гибели Михаила, Юрий и Кавгадый пришли к месту казни. Ордынский князь был спокоен. В этом деле он себя не запятнал, не нажил себе врагов. Русский князь взволнованно смотрел на казненного врага и не чувствовал себя счастливым победителем. Кавгадый пренебрежительно ухмыльнулся: «Это же твой старший родственник, дядя! Разве можно оставлять труп на поругание?!»

Юрий молча снес обидные слова. Слуга накрыл погибшего одеждой.

В этот миг русский князь увидел стоявшего в шатре Константина. Хрупкий отрок зло смотрел на него. В лице юноши, в глазах, во всей мальчишеской еще фигуре князь увидел гнев, вызов, нескрываемую жажду мести.

Тело тверского князя везли на родину люди Юрия Даниловича. Он запретил им ставить гроб в церквах, приказал ставить гроб в хлевах. Похоронили Михаила в Спасском монастыре.

Получив наконец ярлык на великое княжение Владимирское, Юрий вернулся в Москву. Анна, вдова князя тверского, просила у него разрешения на погребение мужа в Твери. Не остывший еще от борьбы со своим сильным противником, Юрий согласился не сразу. Сыновьям Михаила пришлось и с этим стерпеться. Старший, Дмитрий, даже заключил в 1321 году мир со своим врагом.

В 1322 году в Новгороде умер брат Юрия, Афанасий, и великий князь из Москвы переехал в этот город. А в Москве стал княжить, как считают некоторые историки, Иван Данилович. Причины смены места жительства великого князя неизвестны. «Юрий любил Новгород, и новгородцы любили Юрия... За всю историю Великого Новгорода не было ни одного великого князя, за исключением Юрия Даниловича, с которым

бы новгородцы находились в дружелюбной и искренней связи»[1]. Здесь он был удачлив и как правитель, и как воитель, и как дипломат. Он успешно воевал против шведов, основал город Орешек (Шлиссельбург), укрепив тем самым западные границы княжества, заключил со шведским королем выгодный для новгородцев мир, воевал с литовцами, ходил в поход на Устюг, захватил его, заключил — опять же очень выгодный для новгородцев — мир с его жителями. Напряженными и счастливыми можно назвать эти последние два года жизни князя в Новгороде. В такие счастливые времена люди, даже мудрые и опытные, забывают о плохом, о былом. Может быть, и Юрий Данилович надеялся на то, что все невзгоды и беды, отпущенные на его век, он пережил. Но нет, оказывается, не все. В 1324 году его призвал к себе хан Узбек.

Это известие никогда не радовало русских князей. Юрия Даниловича оно застало в Устюге. Князь как обреченный простился с новгородскими воинами навсегда, и ратники отправились служить в Новгород, а Юрий Данилович доехал до Камы, и по ней, а потом по Волге поплыл в Орду, в Сарай.

Он знал причину вызова — Дмитрий Михайлович (Дмитрий Грозные Очи) обвинял его в утаивании тверских денег от татарского посла. Оправдаться перед Узбеком можно было. Но все время в пути не покидала князя тревога. Юрий Данилович прибыл в Сарай, дождался разрешения хана, явился к нему в шатер, преклонил колено.

Узбек не успел сказать ни слова, как вдруг Юрий услышал резкий быстрый шаг, напористый, как степной ветер в зимнюю непогодь. Русский князь бросил опасливый взгляд вправо, увидел злобные глаза Дмитрия Грозные Очи, уже радующегося победе, и даже не привстал с колена, не успел.

Молниеносным выпадом старший сын Михаила Ярославича вонзил тяжелый меч в его грудь, придавил князя к земле. Но не достиг Дмитрий цели, не возвысилась Тверь после убийства Юрия. Напротив — оказал он невольно большую услугу московским князьям: хан Орды не одобрил самосуд в своем шатре, следствием этого неодобрения стало покровительство хана брату убитого — Ивану Даниловичу. А при нем усилил свое влияние на Москве митрополит всея Руси Петр. Эти два человека имели много общего во взглядах на стратегию развития Русской земли.

Основные события жизни Юрия Даниловича

1281 год. У князя Даниила Московского было пятеро сыновей: Юрий, Иван, Александр, Борис и Афанасий. Старший сын, Юрий, родился в 1281 году. После смерти отца в 1303 году он наследовал города Москву и Переяславль и продолжил политику Даниила, собирая земли вокруг Москвы.

1303 год. Юрий Данилович в союзе с братьями совершил поход на Можайск, в удел Смоленский, взял этот важный в стратегическом отношении город.

---

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. I. С. 143.

Осенью состоялся съезд князей в Переяславле. Юрию Даниловичу удалось отстоять Переяславль.

1304 год. После смерти великого князя Андрея Александровича началось долгое и упорное противостояние между московскими и тверскими князьями за главенство на Руси.

Юрий Данилович и князь тверской Михаил объявили себя наследниками великокняжеского владимирского престола.

1305 год. Ордынский хан дал ярлык на великое княжение тверскому князю, тот приехал во Владимир. Юрий не прекратил борьбу.

Тверской князь ходил с дружиной на Москву, город взять не смог и заключил мир с Юрием Даниловичем.

1306 год. По приказу Юрия был задушен плененный Даниилом рязанский князь Святослав. Юрий пытался присоединить к Москве Рязанскую землю, но ему досталась Коломна.

1308 год. Михаил Ярославич совершил второй поход на Москву и вновь неудачный.

1313 год. Пока Михаил ездил на поклон к новому ордынскому хану Узбеку, новгородцы, недовольные политикой великого князя в Новгороде, избрали своим князем союзного им в борьбе против Твери князя московского Юрия Даниловича.

1315 год. Юрий Данилович отправился по приказу хана в Орду, оставив вместо себя в Новгороде Афанасия. Во время его отсутствия Михаил одержал победу над Новгородом.

1315 — 1317 годы. Юрий Данилович женился на Кончаке, сестре хана Узбека, после крещения принявшей имя Агафии.

1317 год. Князь московский вернулся домой вместе с ордынским войском, командовал которым татарский князь Кавгадый. Целью Кавгадыя и Юрия была Тверь.

22 декабря близ урочища Бартенево в 40 километрах от Твери состоялась битва. Войско Юрия и Кавгадыя потерпело сокрушительное поражение. Борис Данилович, Агафия и Кавгадый попали в плен. Юрий бежал в Торжок.

В тверском плену умерла жена Юрия Агафия — Кончака. Михаил отпустил Кавгадыя, и тот вместе с князем московским поехал в Орду, где они оба обвинили Михаила в том, что он не собирает со своих людей ханскую дань, и в гибели Агафии.

1319 год. Вызванный в Орду Михаил Ярославич был убит. Великокняжеский престол занял Юрий Данилович. Старший сын тверского князя Дмитрий по прозвищу Грозные Очи вступил в борьбу за великое княжение.

1320 год. Юрий Данилович силой вынудил рязанского князя Ивана Ярославича поддержать его в борьбе против Твери.

1321 год. Тверскому епископу Варсонофию удалось примирить Юрия и Дмитрия. Но мир между ними был непрочным.

12 августа — 9 ноября 1322 года. Юрий Данилович во главе крупного войска новгородцев отправился в Карелию «воевать» шведов. Русские осадили Выборг, но взять крепость в течение трех месяцев не смогли.

Дмитрий Михайлович получил в Орде ярлык на великое княжение. Юрий тщетно пытался уговорить новгородцев двинуться с войском на Владимир.

Юрий по пути во Владимир чуть не попал в плен к сыну тверского князя Михаила* Александру. Тот отнял у него обоз и казну. Юрий бежал в Псков, но и здесь народ отверг его призыв воевать вместе с ним с великим князем.

Юрий вернулся в Новгород. Он воевал вместе с новгородцами со шведами, основал город Орешек, защищал границы княжества от литовских войск.

1324 год. Юрий Данилович взял Устюг. В этом городе он узнал о том, что хан призвал его к себе, и отправился в Орду.

21 ноября 1325 года. Дмитрий Михайлович убил в Орде Юрия Даниловича.

---

* Убитого в Орде.

Митрополит Петр

В 1299 году митрополит всея Руси Максим покинул Киев и со всем клиросом прибыл во Владимир, который до середины XIV столетия был административным, культурным и религиозным центром Северо-Восточной Руси. «Матерь городов русских», город Киев надолго потерял свое влияние даже в княжествах Поднепровья.

В 1305 году митрополит скончался. Похоронили его во Владимире, в Успенском соборе. Митрополит в те века был высшим саном в церковной иерархии и власть имел немалую, да и авторитет Православной церкви был уже очень высоким, поэтому на место митрополита было достаточно претендентов. Каждый из них имел свой взгляд на роль церкви в светской жизни и на политику князей, как, впрочем, имели свой взгляд на роль церкви в политике и князья, поддерживающие претендентов. Но вот чего князья не имели, так это стратегического политического мышления, а церковь имела его всегда. Высший сан на Руси назывался митрополит всея Руси. Это «всея» указывало на стратегическую задачу церкви — объединение всего русского мира.

Но среди претендентов встречались люди разные, попадались и подверженные чрезмерно светским суетным влияниям.

В 1305 году игумен Геронтий при поддержке тверского князя Михаила Ярославича завладел незаконно, по мнению некоторых ученых, митрополичьей кафедрой и отправился в Царьград (Константинополь), чтобы получить там официальное признание патриарха Православной церкви Афанасия. В столицу Византийской империи поехал и ратский игумен Петр, посланный галицким князем Юрием Львовичем, который мечтал создать в своих владениях Галицко-Волынскую митрополию и тем самым обособиться от Руси. Князь галицкий очень надеялся на игумена Петра, прославившегося своим ревностным отношением к пастырским обязанностям. Не знал Юрий Львович, что сама мысль дробить Русскую землю претила натуре ратского игумена, что мысли и идеи у него были совсем другие: Петр мечтал о единении страны.

На первом этапе пути — до Черного моря — Геронтий заметно опередил своего конкурента. Но вмешалась сама природа, море вдруг всколыхнуло крутую волну на маршруте следования корабля, на палубе которого находился посланник князя тверского. Судно же с игуменом Петром пролетело на быстрой волне в Константинополь без заминки.

Император Византии и патриарх Афанасий приняли гостя очень хорошо. После беседы с ним они поняли, что слухи об этом служителе

церкви были верны — Петра не зря уважали и ценили церковнослужители. Патриарх Афанасий рукоположил Петра в сан митрополита Киевского и всея Руси, и тот в прекрасном расположении духа отбыл на родину.



В Киеве, однако, митрополит находился недолго. Он понимал, что важнейшие для страны события будут теперь проходить в другом месте, а значит, и он должен быть там. Вскоре Петр приехал во Владимир. Но и здесь он не успокоился, будто чувствовала его душа, что и Владимир, в те времена уже большой стольный град, в скором времени уступит первенство другим городам.

Хотя духовенство северо-восточной Руси «единогласно благословило его высокую добродетель», некоторые игумены и епископы попытались очернить митрополита в глазах византийского начальства. Они сочинили на Петра грязный донос и, видно, переусердствовали. Патриарх Афанасий прочитал донос тверского епископа, приходившегося сыном литовскому князю Герденю, и был потрясен злобным духом письма. Он тут же послал в Восточную Европу известного канониста с заданием самым тщательным образом разобраться во всех пунктах предъявленного обвинения.

В 1311 году в Переяславле-Залесском состоялся Собор князей. Сюда приехали священнослужители, князья и бояре из Твери, Ростова, Владимира и других городов, а также посол константинопольского патриарха. На Соборе присутствовал Иван Данилович Калита, который княжил в это время в Переяславле-Залесском. Он, единственный из собравшихся, безоговорочно поддержал Петра, и эта активная позиция напористого молодого князя сыграла не последнюю роль в судьбе

незаслуженно обвиненного митрополита Киевского и всея Руси. Византийский канонист, хотя и испытывал на съезде мощное давление со стороны противников Петра, особенно со стороны тверских князей, но благодаря поддержке Петра Иваном Даниловичем сумел разобраться во всем.

Собор полностью оправдал митрополита всея Руси, снял с него все обвинения. А встреча в Переяславле-Залесском, родном городе Александра Невского, двух выдающихся людей — митрополита Петра и князя Ивана Даниловича — сыграла немалую роль в истории Москвы.

Новый высший сановник Русской православной церкви был человеколюбив и незлопамятен, а когда затрагивались его личные интересы, отличался поразительной беззащитностью, как то было в случае с оклеветавшим его тверским епископом. Он не обвинил ни в чем клеветника, а лишь сказал ему: «Мир тебе! Отныне остерегайся лжи...» Но когда дело касалось преступлений против церкви, Петр являл собой яркий пример непреклонности и строгости. Он мог снять епископский сан с преступившего законы и предать его анафеме. Но к мирянам был снисходителен, противостоял как мог неугасающей распре, тушил пожар вражды между московскими и тверскими князьями.

В 1313 году Петр ездил вместе с Михаилом — тверским князем — в Орду, привез оттуда для русской церкви очень важную льготную грамоту, которая подтверждала уже установленные ранее выгоды для церковнослужителей. В этой грамоте в частности говорилось: «Узбеково слово ко всем князьям великим, средним и нижним, воеводам, книжникам, баскакам, писцам... во всех улусах и странах, где Бога бессмертного силою наша власть держит и слово наше владеет. Да никто не обидит в Руси церковь соборную, Петра митрополита и людей его, архимандритов, игуменов, и проч. Их грады, волости, села, земли, ловли, борти, луга, леса, виноградьі, сады, мельницы, хутора свободны от всякой дани и пошлины: ибо все то есть Божие; ибо сии люди молитвою своею блюдут нас и наше воинство укрепляют. Да будут они подсудны единому митрополиту, согласно с древним законом их и грамотами прежних царей ордынских... Кто возьмет что-нибудь у духовных, заплатит втрое. Кто дерзнет порицать веру русскую, кто обидит церковь, монастырь, часовню, да умрет!..»[1]

Из этой грамоты видно, как важно было для возвышения власти какого-то отдельного княжества и князя над другими единство и единомыслие светской и религиозной властей.

Роль Петра в развитии Русского государства на этом не ограничилась. Он жил во Владимире. Но по долгу службы и по неспокойному характеру в своей резиденции митрополит всея Руси долго не сидел, много путешествовал по стране. Поставленные им перед самим собой задачи вынуждали его вести неспокойную жизнь «бродячего митрополита». Часто ездил он по удельным княжествам, встречался со священнослужителями, подолгу разговаривал с ними, стараясь убедить всех в необходимости единения Руси.

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 491.

Но с какого-то момента «Петр полюбил Москву, ее князей и их политику, направленную к единству Руси, подолгу оставался у них»[1]. Знал ли Петр наверняка, какое будущее ожидает городок, раскинувшийся вокруг Боровицкого холма, куда он стал заезжать все чаще? Трудно ответить на этот вопрос определенно.

Москва к началу XIV века представляла собой значительный по тем временам город, но предрекать ему, затерянному в огромной лесной чаше, изрезанной ветвистыми реками, оврагами, великое будущее мог в те десятилетия воистину великий человек. Это сейчас, на рубеже XX — XXI веков, любому школьнику, знакомому с картой Подмосковья и Москвы, ясно, что только Москва могла стать центром крупнейшего государства. От Боровицкого холма разбегаются во все стороны Восточной Европы автомобильные и железные дороги, скрепленные кольцами-орбитами: кольцо вокруг Кремля, Бульварное, Садовое, кольцевая линия метро, МКАД... Древнейшие русские города нанизаны на пояс вокруг Москвы, Золотое кольцо. Системой каналов столица соединена с крупнейшими реками Европы, доплыть по которым можно к пяти морям. Город-солнце. Город-сердце. Город-мозг. Уникальное месторасположение. Великое будущее.

Уже в первые годы своей деятельности первосвященник Петр старался поставить Москву даже выше Владимира. «Он лишил Владимир значения церковной столицы всея Руси. Формального и торжественного переноса Всероссийской кафедры в Москву не было; а просто во время частых своих объездов русских областей все реже приезжал во Владимир, все долее гостил в Москве»[2].

Перенос в Москву митрополичьей кафедры чуть позже осуществит Иван Калита.

---

[1] *Назаревский В.* Из истории Москвы. 1147 — 1703 гг. Очерки. М., 1896. С. 18.

[2] *Там же.*

Иван Данилович Калита

(? — 1340)

Год рождения второго сына Даниила Александровича неизвестен. Но уже на Соборе князей в Переяславле-Залесском, который упоминался в рассказе о митрополите Петре, Иван Данилович предстает перед князьями и священнослужителями как опытный политик, способный отстаивать свои убеждения и интересы единомышленников.

В 1322 году переяславский князь совершил путешествие в Орду. Вернулся он от хана Узбека с ордынским войском, возглавляемым послом хана, Ахмылом, которому хан поставил задачу навести порядок в великом княжестве Владимирском. Решал ее Ахмыл известными методами: разграбил Ярославль и с добычей вернулся к Узбеку.

В августе 1325 года митрополит всея Руси Петр и брат великого князя — Иван Данилович — заложили в Москве первую каменную церковь Успения Богородицы (Успенский собор). По замыслу князя и митрополита храм должен стать главной святыней города. «Близ места, на котором должен был стоять жертвенник, Петр собственноручно устроил себе гроб. «Бог благословит тебя, — говорил он Ивану Даниловичу, — и поставит выше всех других князей, и распространит город этот паче всех других городов; и будет род твой обладать местом сим вовеки; и руки его взыдут на плещи врагов ваших; и будут жить в нем святители, и кости мои здесь положены будут»[1].

В том же году в Орде от руки Дмитрия Грозные Очи погиб старший брат Ивана великий князь Юрий Данилович. Похоронили его в Москве с подобающими почестями и невиданной роскошью.

Узбек осудил поступок Дмитрия Грозные Очи, и 15 сентября 1326 года убийца Юрия Даниловича был казнен. Но ярлык на великое княжение хан выдал не Ивану Даниловичу, а брату казненного Александру. Этот шаг Узбека не способствовал примирению Москвы с Тверью. Впрочем, что хан ни сделай, даже выдай он великокняжеский ярлык Ивану Даниловичу, междоусобица на Руси не затихла бы — не время.

Ордынским повелителям очень выгодно было поддерживать пожар междоусобицы, но они его не раздували до гибельной силы, чтобы не иссяк источник поступления дани. Но не ханы Сарая и Каракорума были

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. I. С. 50.



первопричиной этого страшного зла, обессилившего Русь. Ордынцы лишь умело использовали в своих интересах по сути объективный, но очень длительный и мучительный процесс вызревания в недрах одной системы государственного правления, которая существовала с Рюрика, нового способа правления и перехода к нему. От каждого князя московского зависело, как далеко в его правление продвинется Русь в создании централизованного государства. Завершится этот процесс на рубеже XV — XVI веков. Москва к тому времени усилится настолько, что даже недоброжелатели ее не смогут представить себе иного города в качестве столицы крепнувшей державы.

Ивану Калите в этом движении была отведена ответственная роль собирателя русских земель вокруг Москвы, и он эту историческую задачу выполнил.

«Русский тип этого князя слагался из усердной религиозности и настойчивости, последовательной расчетливости, с отсутствием той «удалости», которая была нередкой чертой в южно-русских княжествах. Набожный и умный хозяйственник — вот в двух словах вся характеристика этого великого князя. Но, проявляя в своей деятельности именно эти две черты своего характера, Иван Данилович возвел Москву на новую, весьма важную ступень исторического бытия. Если при Юрии Долгоруком она была небольшим городком, вроде Переславля-Залесского, Можайска и т. п., а при Юрии Даниловиче доросла до значения Твери и Рязани, то при Калите она приобрела значение, которое принадлежало Владимиру, а до него — Киеву, то есть значение всероссийское»[1].

[1] *Назаревский В.* Указ. соч. С. 16.

Но вернемся к Александру Михайловичу. Он год правил успешно, о чем в числе других документов свидетельствует договорная грамота новгородцев, написанная в начале 1327 года. В ней вольнолюбивые горожане признавали Александра законным правителем, делали ему целый ряд уступок. Такое отношение к сыну Михаила, с которым новгородцы, мягко говоря, не нашли общего языка, говорит прежде всего об авторитете и о немалых потенциальных возможностях великого князя как руководителя государственного масштаба. Впрочем, ситуация на Руси оказалась такой сложной и напряженной, что и Александр в ней растерялся. Иначе не объяснить случившееся с ним.

В 1327 году в Тверь с небольшим отрядом прибыл посол хана Шевкал, родственник Узбека, сын печально известного на Руси Дюденя. Целью всех подобных визитов была дань. Александр знал это, но до него дошли слухи, что ордынцы хотят его убить, а жителей Твери насильно обратить в мусульманскую веру, которую Сарай принял в 1312 году. Видимо, руководствуясь поговоркой «Дыма без огня не бывает», Александр принял эти слухи за чистую монету, стал собирать верных людей вокруг себя, рассказывал им, естественно, сгущая краски, о планах коварного врага: «Ордынцы убили моего отца и брата, они хотят уничтожить весь наш род и обратить жителей в свою веру» — так, по-видимому, звучали его речи. И люди верили ему, верили на беду свою.

Великий князь, чувствуя поддержку народа, совсем распалился, не потрудился думать, взвешивать все «за» и «против». Ну зачем, спрашивается, ордынцам, известным к тому же своей веротерпимостью, убивать Александра в его собственном городе Твери? Да тверчане наверняка растерзали бы Шевкала и его воинов. Недооценил князь Узбека, не было у него мудрости и сдержанности Калиты, который «особенно умел ладить с ханом, часто ездил в Орду, приобрел особенное расположение и доверие Узбека и оградил свою московскую землю от вторжения татарских послов...»[1] Александр говорил народу страстные гневные слова, люди, как трава в августовской степи, возгорались, требовали от князя решительных действий. «Дай нам оружие! — кричали они, зверея. — Мы накажем их!»

15 августа вооруженная толпа подступила к дворцу Михаила, где находились ордынцы. Было раннее утро. Ордынцы, пробужденные диким криком, выбежали на улицу, и начался неравный бой. Александр уже не контролировал действия толпы, да и свои собственные тоже. Воины Шевкала продержались в открытом бою весь день, но когда дело пошло к вечеру, они, уставшие, отступили во дворец Михаила. Александр приказал поджечь его. Посол хана и его люди сгорели заживо. Толпа на этом не остановилась. На следующий день убили всех ордынцев, даже купцов, никогда в жизни не бравших в руки оружие.

Узбек был человеком неглупым, решительным и суровым. Узнав о трагедии в Твери, он повел дело очень мудро: призвал к себе Ивана

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. I. С. 149.

Даниловича, дал ему крупную по тем временам армию в пятьдесят тысяч человек и, пообещав в случае успеха боевой операции выдать ему ярлык на великое княжение, отправил на Тверь. Пять опытных темников Узбека возглавляли войско, к которому вскоре присоединились суздальцы.

Александр Михайлович наконец-то понял, в какую беду он вверг себя и свой народ. У него была возможность смягчить удар ордынцев: он мог пожертвовать собой, как то сделал в свое время его отец Михаил. Но сын оказался слабее отца. Он решил бороться за свою драгоценную жизнь, обратился за помощью к новгородцам, просил у них помощи, даже не желая понимать, что, куда бы он ни приехал, там следом сразу же появится войско ордынцев, чтобы наказать всех, кто участвовал в деле тверчан. Поведение тверского князя после убийства ханских послов напоминало поведение нашкодившего избалованного ребенка, мечущегося в поисках надежной защиты между родственниками. Новгородцы отказались от Александра наотрез. Он обиделся на них и подался в Псков, добросердечные жители которого приняли у себя нашкодившего князя.

Некоторые ученые называют этот эпизод из жизни Александра восстанием против ордынцев, а Тверь — авангардом, организатором борьбы русского народа против иноземных захватчиков. Но дела князей тверских в начале XIV века ничего общего с такими понятиями, как «восстание» и «организация борьбы», не имеют. Это был бунт. Это было убиение послов в своем собственном доме. Это была ошибка. Исправить ее мог только сам Александр и только собственной кровью. Он этого не понимал. Он не чувствовал напряжения ситуации, сложившейся в Восточной Европе, силу и мощь хана Узбека. В этом была беда и самого сына Михаила, и тверчан.

Существует и другая версия о причинах бунта в Твери и о роли в нем Александра, согласно которой тверской князь всеми силами сдерживал людей, приказывал терпеть, но лишь «неожиданный случай произвел вспышку в народе. Татары хотели отнять у диакона Дюдка молодую и жирную кобылу. Диакон сделал клич к народу, который уже прежде был раздражен наглостью татар. Ударили в вечевой колокол, народ собрался и перебил Чолкан и его татар. Только немногие табунники успели уйти и дали знать в Орде о происшествии»[1]. Эта версия снижает степень вины Александра, хотя и не отрицает ее полностью.

Ордынское войско, подкрепленное суздальцами, захватило Тверь, Кашин, Торжок. Кровь людей, огонь пожарищ, богатая добыча — темники на радостях чуть было не двинулись на Новгород. Но новгородцам удалось откупиться. Как объевшийся удав, ордынское войско потянулось на юг, к теплу. Хан Узбек был доволен и выдал, как обещал, Ивану Даниловичу «самую милостивую грамоту на великое княжение», а кроме этого еще и разрешение единолично собирать ханскую дань со всех русских княжеств. И распорядился невиданными доселе полномочиями

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. I. С. 151.

московский, а после 1328 года — великий князь Иван Данилович по-хозяйски, мудро, как человек государственный.

Задолго до Ивана Калиты люди поняли, что деньги могут делать очень многое: радовать и мирить, ссорить и огорчать, убивать и даровать жизнь. Все могут деньги в руках людей, знающих это их свойство, умеющих распоряжаться деньгами. Но даже среди таковых в истории человечества было не так много политических деятелей, которые могли бы управлять государством с помощью денег.

Всю свою жизнь Иван Данилович носил на поясе мешок для денег (калиту), как бы показывая всем суть своей политики, внутренней и внешней. Все деньги, которые добывал великий князь, собирая с Русской земли ордынскую дань, он пускал в развитие и укрепление Московского княжества.

Точно так же действовал в V веке до н. э. великий государственный деятель Древней Греции Перикл. На собираемые с городов-полисов средства он организовал строительство в Афинах прекрасных зданий, сооружений и храмов, украшенных великолепными произведениями величайших мастеров изобразительного искусства. Годы жизни этого человека историки называют греческим чудом, чудом Перикла, эпохой Перикла.

Годы жизни Ивана Даниловича вполне можно назвать чудом Калиты, хотя перед великим князем стояла более сложная задача, чем та, которую решал Перикл. Афины образца V века до н. э. — это не Москва первой половины XIV. Москву и Московское княжество еще нужно было превратить в организующий, экономический, культурный, духовный и политический центр Восточной Европы. За эти годы у народа появилось совершенно новое отношение к князю — как к правителю-заступнику, милостнику, отцу родному. Калита набивал монетами мешок для денег и отправлялся в город. Перед этим он молился. Очень набожным человеком был Иван, влюбленный в деньги, вынужденный покарать сородича за бунт против ненавистных ему ордынцев. Как всякий набожный человек, мечтал Калита о рае. А в раю, как хорошо известно, есть место только для добрых людей. Иван Калита совсем уж добрым не был, но в рай попасть хотел, и поэтому выходил он с большим мешком за поясом, быстро добрел лицом, а со всех концов Москвы устремлялись к нему люди, просили: «Дай на пропитание! Господь тебя не обидит!», робко протягивая руки.

Великий князь доставал из мешка монеты, щедро одаривал просящих. Однажды нищий, получив от Калиты подаяние, подошел к нему вновь. Иван Данилович подал ему еще монету, но нищий в третий раз попросил подаяние. Великий князь удивился, подал упрямому нищему еще одну монету и, как гласит предание XIV века, недовольно сказал: «На, возьми. Несытые зенки». Нищий спокойно ответил: «Сам ты несытые зенки. И здесь царствуешь, и на том свете царствовать хочешь!» Иван не стал спорить с ним. Люди посчитали, что в образе нищего предстал перед Калитой ангел Божий. Князь не стал разубеждать их.

«Несмотря на коварство, употребляемое Иваном к погибели опасного совместника, московитяне славили его благость и, прощаясь с ним во гробе, орошаемом слезами народными, единогласно дали ему имя Собрателя земли Русской и государя-отца: ибо сей князь не любил проливать крови в войнах бесполезных, освободил великое княжение от грабителей внешних и внутренних, восстановил безопасность собственную и личную, строго казнил татей и был вообще правосуден»[1].

Человеком Калита был очень непростым. Нужно стать смиренным ради получения ярлыка — он станет смиренным до крайности. Решил показать, кто настоящий хозяин на Москве и каким он должен быть, — надел на себя личину благодетеля, отца родного, а на пояс повесил мешок с золотом. Ему как будто даже нравилось этаким барским жестом извлечь из поясного мешка горсть монет и одарить несчастного нищего да еще на виду у городской толпы — пусть идет слава по Руси, что в Москве князь деньги дарит нуждающимся, пусть знают русские люди, где искать утешения.

Одна умирающая инокиня увидела великого князя Калиту в раю. Она рассказала этот сон на смертном одре, и никто из собравшихся не усомнился в том, что Иван Данилович рая заслуживает. Конечно, не поясной мешок и не театрализованные выходы уготовили ему туда дорогу. Сердцем люди поняли Калиту и роль кошелька на его поясе тоже. Он льготами и ссудами прельщал съезжаться в Московское княжество под свое крыло всякого, кто мог поднять хозяйство или завести свой промысел.

Прослышав об этом, в Москву устремились люди со всех концов разоренной Восточной Европы. А великий князь, подкопив, подсобирав денег, выезжал в Орду за тем, чтобы выкупать русских пленных. Потом отправлял их в новое Московское княжество, создавал для прибывших села, слободы, не жалея средств для обустройства жизни бывших полоняников.

Еще в Древнем Китае почти за две тысячи лет до рождения Ивана Даниловича родилась прекрасная мысль о том, что страна богата богатством своих жителей. Иван Калита в своей политике исходил именно из этой мысли. Богатым, конечно, можно и родиться. Но великий князь больше ценил тех, кто умел богатым становиться, кто мог создать богатство, начиная с нуля. Знал, что такие умельцы — люди очень сильные, и, собирая их в Московском княжестве, Калита усилил материальный и духовный потенциал земли Московской.

А жизнь непрерывно ставила перед ним все более сложные задачи. Борьба с Тверью за главенство среди русских княжеств пока не закончилась. Это стало ясно уже в 1328 году, когда Иван Данилович с тверским князем Константином явились пред грозные очи Узбека. Хан принял Калиту очень хорошо. Но и Константина Михайловича не отверг, выдал ему ярлык на княжение Тверское. Кроме того, уже прощаясь с гостями, Узбек потребовал от обоих доставить в Орду князя Александра, прятавшегося в Пскове.

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 512.

Чтобы выполнить приказ хана, Иван Данилович собрал большое войско, в которое вошли дружины многих русских князей, в том числе и братья опального Александра, затем прибыл вместе с митрополитом в Новгород, а оттуда пошел медленно к Пскову, надеясь, что жители этого города не решатся давать сражение огромной рати Калиты и выдадут ему без боя князя Александра. У псковичей, однако, дольше, чем у других, были в ходу прежние, незамутненные представления о чести, их не напугала сила противника, они не предали человека, обратившегося к ним за помощью.

Новгородский владыка Моисей долго уговаривал Александра добровольно уехать в Орду на суд хана, «не давать христиан на погибель поганых». Князь чуть было не согласился с новгородским владыкой, «но псковичи удержали его и говорили: «Не иди, господине, в Орду; что бы с тобой ни было, заодно умрем с тобою!»[1]

Тогда Иван решил использовать новое для Руси средство воздействия и уговорил митрополита «наложить проклятие на Александра и на всех жителей Пскова, если они не покорятся»[2]. Угроза отлучения от церкви подействовала на горожан, хотя решиться на предательство сами они так и не смогли. Помог им в трудном деле на этот раз сам князь Александр. Он поручил псковичам свою молодую жену и уехал, освободив горожан от данной ему клятвы, в Литву, где его очень хорошо принял великий князь литовский Гедимин. Конфликт разрешился. Проклятие с Пскова было снято. Тверское княжество, разоренное ордыно-русским войском, быстро восстановило свою мощь, а проблема его взаимоотношений с Москвою так и не была разрешена.

Через полтора года после этих событий Александр вернулся в Псков. Жители города признали его на вече своим князем, объявили Псковскую республику независимой от Новгорода, но власть великого князя над собой псковичи все же признали.

Иван Данилович и впредь старался избегать военных столкновений со своими соотечественниками, но политику централизации власти он проводил жестко и не останавливался ни перед чем в достижении цели. Ему давно было известно, что новгородцы, торгуя с народами Зауралья, получают от них много серебра. Несколько раз он пытался повлиять на купцов Великого Новгорода, вынудить их платить в казну великого князя долю с выгодной торговли. Купцы отказывались платить «серебряные деньги».

В 1333 году терпению Калиты пришел конец. Он собрал дружины князей низовских и рязанских и вторгся в пределы Новгородской земли. Поход был чисто грабительский, показательный. Войско Ивана Даниловича взяло Бежецк и Торжок, принялось опустошать окрестности этих городов. Ущерб Новгородской земле причинен был немалый, но справиться с сильной армией великого князя, поддерживаемого к тому же ханом Узбеком, новгородцам было трудно. Все попытки уладить дело миром — откупом, переговорами — успеха не имели. Калита

---

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. I. С. 152.

[2] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 504.

отклонил предложения испугавшихся новгородцев, забрал все награбленное и демонстративно отвел войско домой. Затем он явился в Орду с очередной порцией дани и богатых даров хану, жене его, вельможам. Денег ему нужно было очень много. Чтобы полностью удовлетворить финансовые потребности ордынских владык, откупиться от их вмешательства в дела русские, чтобы спокойно развивать и укреплять Московскую землю.

Но многим соотечественникам не нравилась такая политика. После отъезда Ивана Даниловича новгородцы примирились с псковичами и князем Александром Михайловичем, что резко изменило соотношение сил. (Не надо забывать, что Александра поддерживал великий князь литовцев Гедимин — опытный и очень авторитетный политик.) Калита эти перемены учел и, вернувшись из Орды, примирился с новгородцами. Те в свою очередь тоже пошли на уступки, порвали отношения с Псковом, обещали великому князю выделить войско для похода на отколовшуюся республику. Этот поход, однако, не состоялся, потому что Иван Данилович, обуреваемый желанием получить серебро Зауралья в казну, нарушил договор с новгородцами и отправил войско в Двинскую область. Поход прошел неудачно. Изнуренные зимними дорогами воины не смогли дать решительное сражение богатому сопернику и вернулись домой ни с чем. Случилось это в 1337 году.

Буквально через несколько месяцев отправился в Орду Александр Михайлович, самый непримиримый враг Ивана Калиты. Несчастья собственные и скитания по чужим уделам закалили тверского князя. Перед этой опасной поездкой он провел, если так можно сказать, тщательную дипломатическую подготовку и получил благословение митрополита всея Руси Феогноста. По прибытии в Орду Александр был немедленно приглашен в шатер хана. Суровому Узбеку понравился прямой, открытый человек. Повелитель Орды, выслушав смелую, но уважительную и краткую речь гостя, сказал, что князь Александр смиренною мудростью освобождает себя от казни.

И возвратился Александр в Тверь тверским князем. Братья и народ Твери встретили его радостно. Эта перемена в планы великого князя не входила, появилась перспектива новой войны с Тверью, и все его старания могли пойти прахом. Действовать нужно было незамедлительно, ведь милость хана безгранична: сегодня он даровал бунтовщику тверской ярлык, завтра сделает Александра великим князем.

Но напряженное противостояние не мешало Ивану Калите созидать Московское княжество. Более того, именно во время его правления началось переустройство Москвы, она превращалась в великокняжеский город. По совету митрополита Петра князь расширил и укрепил на Боровицком холме Кремль. В летописи 1331 года говорится о пожаре 3 марта: «Бысть пожар — погоре город Кремник на Москве». После второго, зафиксированного летописными источниками, пожара, 3 июня 1337 года, началось строительство нового города. Тогда же были сооружены стены Кремля из дуба.

О первой в Москве каменной церкви, освященной 15 августа 1327 года, на Успеньев день, говорилось выше. В течение последующих шести лет было построено еще несколько каменных храмов.

В 1329 году, по некоторым данным — в 1333 году, Иван Данилович повелел построить в честь своего ангела и ангела сына своего каменную церковь Иоанна Лествичника (на месте этой церкви в настоящее время стоит колокольня Ивана Великого). Этот храм возводили всего три месяца. В том же году построили церковь в честь Поклонения веригам Петра (она являлась приделом Успенского собора).

В 1330 году на Боровицком холме, на территории княжеского двора была возведена каменная церковь Спаса Преображения, богато украшенная, если верить древним преданиям, иконами, сосудами, узорочьями. Здесь со временем собралось много книг, сюда из Данилова монастыря перевели по приказу Ивана Калиты иноков и архимандрита. В Спасо-Преображенском монастыре хоронили московских княгинь. В западном притворе церкви погребли великую княгиню Елену — супругу Ивана Калиты, Анастасию Литовскую — супругу Симеона Гордого, Марию — супругу Симеона Гордого (согласно легендам, в 1473 году во время реконструкции церкви Спаса Преображения «было обретено тело княгини Марии... повреждено ничем, толико рузы истлели»). Иван Данилович проявлял особую заботу о Спасской обители, которая получила от великого князя «льготу многу и заброньвелику творяще им, еже не обидимый быти никим же», как сказано в летописях.

В 1333 году на краю Боровицкого холма на месте деревянной возвели каменную церковь Михаила Архангела, служившую усыпальницей великих князей московских и их потомков.

В 1337 году в местечке, названном впоследствии Малой Лубянкой, построили церковь Иоанна Предтечи. (Впрочем, некоторые ученые не согласны с тем, что данный храм был построен в годы правления Калиты.)

Строительство каменных церквей в последние годы жизни Ивана Даниловича было прекращено, что вполне объяснимо многими причинами, в том числе и московскими пожарами, которые отнимали много сил и средств у москвичей, и крупными работами по обустройству города. Об этом пишут поздние летописцы: «Постави князь Иван Данилович Калита град древлян Москву, тако же и посады в нем украсив и слободы, и всем утверди».

В 1339 году Иван Калита, человек уже немолодой, вновь отправляется в Орду к Узбеку. Это был его последний шанс победить тверского князя. Великий князь взял с собою старших сыновей, Симеона и Ивана. Хан принял его милостиво. Дары великого князя понравились Узбеку. Иван Калита долго-долго о чем-то говорил с повелителем Орды. К сожалению, их разговор навсегда останется «неуслышанным» ни одним человеком. И это обидно! Беседа двух политиков, двух хитрецов многому могла бы научить мечтающих о власти людей. В самом деле, как удалось Ивану Калите убедить Узбека в том, что

Александр Тверской, который совсем недавно так понравился хану, является чуть ли не самым опасным врагом Орды?! Объяснить это можно по-разному, в том числе и назвав Узбека «легковерным», как это делает Н. М. Карамзин. Но легковерных быстро убивали в Великой степи в те века. Легковерными ханы Сарая и Каракорума быть не могли хотя бы потому, что их окружали опытнейшие в государственных делах советники. Может, доводы Калиты были убедительнее смирения Александра?

Так или иначе, но хан Узбек поверил Калите, вызвал Александра в Орду, и в том же году князя тверского казнили.

Многие на Руси жалели пылкого и смелого Александра, многие стали бояться Ивана Даниловича, но... не все!

В 1340 году великий князь организовал поход многочисленных дружин русских князей и ордынцев на Смоленск. Этот «малосильный» городок каким-то чудом до сих пор спасался от нашествия ордынцев, от уплаты им постоянной дани. Находился он на границе между княжествами, до начала XII века могущественными и богатыми, и областями, в которых жизнь забурлила после утраты Поднепровьем своего экономического значения.

Сам Иван Калита в поход на Смоленск не пошел, может быть, из тактических соображений, но, вероятнее всего, из-за болезни. Огромное союзное войско подошло к небольшому городу. Русские и ханские воеводы осмотрели крепость и вдруг отступили, вероятно, подкупленные богатыми дарами Смоленска.

Через некоторое время «внезапная болезнь» уложила Ивана Даниловича в постель, и 31 марта 1341 года он, приняв схиму, умер. Похоронили его на следующий день в построенной им церкви Архангела Михаила.

«Видно, что предки наши представляли себе Калиту установителем тишины, безопасности, внутреннего наряда, который до тех пор постоянно был нарушаем сперва родовыми усобицами княжеств, потом усобицами князей или, лучше сказать, отдельных княжеств для усиления себя за счет всех других, что вело к единовластию... Калита умел воспользоваться обстоятельствами, окончить борьбу с полным торжеством для своего княжества и дал современникам почувствовать первые добрые следствия этого торжества, дал им предвкусить выгоды единовластия, почему и перешел в потомство с именем первого собирателя Русской земли»[1].

Основные события жизни Ивана I Даниловича Калиты

Год рождения второго сына Даниила Александровича точно не известен.

1308 год. Собор в Переяславле-Залесском обсуждает вопрос о доносе епископа Тверского на митрополита Петра. Митрополита поддержал княживший в этом городе Иван Данилович. Петр и Иван сблизились, их

[1] *Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 242.

деловая дружба и полное взаимопонимание самым благоприятным образом повлияли на экономическое и политическое возвышение Москвы и Московского княжества.

1322 год. Юрий Данилович, переехав княжить в Новгород, оставил Москву в управление Ивану Даниловичу.

1325 год. Митрополит Петр и князь Иван Данилович устраивают пышные похороны погибшего в Орде Юрия Даниловича. На похоронах присутствовали епископы и игумены, князья и бояре многих русских городов. Они были поражены богатством и роскошью московских похорон.

4 августа митрополит Петр, подолгу проживавший в Москве, заложил вместе с Иваном Даниловичем Калитой первую в городе каменную церковь Успения Богородицы (Успенский собор).

1327 год, конец лета. В Твери вспыхнул антиордынский бунт. Александр Михайлович возглавил его. Ханский посол Шевкал, сын Дюденя и двоюродный брат хана Узбека, был сожжен в княжеском дворце.

Хан Узбек приказал Ивану Даниловичу явиться к себе, пообещал ему ярлык на великое княжение, дал пятидесятитысячное войско и отправил в карательный поход на Тверь. Тверское княжество было разграблено.

1328 год. Хан Узбек выполнил обещание и дал Ивану Даниловичу ярлык на великое княжение с огромными полномочиями. В тот же день ярлык на тверское княжение получил младший брат тверского князя Александра Константин Михайлович. Повелитель Орды потребовал от них выдачи Александра, бежавшего в Псков.

1329 год. Иван Данилович, выполняя приказ хана, отправился в Псков. Александр покинул город, отправился в Литву к Гедимину.

1333 год. Иван Данилович Калита во главе войска князей Низовской, Рязанской земель занял принадлежавшие новгородцам Бежецк и Торжок. Разоряя окрестные селения, он пытался принудить новгородцев выплатить часть денег, получаемых ими от торговли с Сибирью.

После смерти князя суздальского Александра Васильевича Иван Калита не отдал богатое Владимиро-Суздальское княжество Константину Васильевичу — брату умершего и стал все решительнее прибирать его к своим рукам: назначал в города своих наместников, вмешивался в суды, раздавал своим ставленникам богатые имения.

1334 — 1335 годы. После очередной поездки в Орду Иван Калита примирился с новгородцами.

1337 год. Поход войска Ивана Калиты в Двинскую землю закончился безуспешно.

1338 год. Недовольный политикой Ивана Калиты князь ярославский Василий Давидович заключил союз с Александром Михайловичем.

1339 год. Вместе с сыновьями Симеоном и Иваном Калита отправился на поклон к хану Узбеку. Там он оговорил Александра Михайловича. Узбек поверил Калите, Александра и его сына Федора казнили.

1340 год. Иван Данилович организовал поход московского войска на Смоленск. Этот поход был санкционирован ханом Узбеком, недовольным самостоятельной и независимой политикой смоленского князя Ивана

Александровича. Хан прислал Калите воеводу Товлубия. Объединенное войско русских князей и ордынцев подошло к городу, но штурмовать его не стало и вернулось домой.

1340 год (31 марта 1341 года по старому летосчислению). Иван Данилович Калита внезапно скончался.

Семен (Симеон) Иванович Гордый

(1316 — 1356)

Семена Ивановича Гордого жизнь долгое время баловала, и гордость ему была к лицу. До самых последних дней... Впрочем, пока до этого еще далеко.

В 1341 году после смерти Ивана Даниловича Калиты в Орду отправились Константин, князь тверской, и Константин, суздальский князь. Они имели равные шансы стать великими князьями. Поехал на поклон к хану и сын Калиты Семен. Он рисковал многим. Но хан Узбек принял его очень хорошо. Семен Иванович получил ярлык на великое княжение с еще большими, чем были у его отца, полномочиями. Почему повелитель Орды принял столь ответственное решение? Может быть, хан увидел в Семене достойного продолжателя дела отца, который всегда вовремя платил Орде дань. В этом отношении Узбек не проиграл. Сын Калиты пять раз за двенадцатилетнее великое княжение ездил в Орду, естественно, не с пустыми руками...

Молодой князь с первых же дней повел решительную внутреннюю политику. Согласно преданиям, великий князь, приняв в «руце своя всех князей», заставил удельных князей «целовать у отчего гроба крест на том, что они все будут заодно и будут чтить его во отца место, имея общих врагов и друзей»[1].

Добившись полного подчинения, Семен делает еще один смелый ход — пытается подчинить Новгород великокняжеской власти. Вместо того чтобы поехать в этот город и уладить разногласия, возникшие при очередном сборе дани, а также другие наболевшие проблемы, выказав своим появлением, как это делали все князья до Семена Ивановича, уважение к новгородским обычаям, Семен отправил туда наместников. Они захватили Торжок и, зная о прочном положении своего князя, стали, собирая дань, притеснять население, грабить жителей города и его окрестностей. Новгородцы написали великому князю: «Ты еще не сел у нас на княжение, а уже бояре твои насильничают!»

Семен прочитал послание, собрал дружины целовавших ему на верность крест князей и пошел войной на Новгород. Огромное войско про-

[1] Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1909. С. 86.



тивника напугало республиканцев. На вече они решили просить мира у Семена с условием оставить все по-прежнему. Великий князь проявил взвешенность и спокойствие, уступил просьбе, но взял с новгородцев за мирное завершение конфликта контрибуцию, как с побежденных, — «черный бор» (поголовный сбор), который больно ударил горожан по карману. Но этого победителю показалось мало. Он потребовал, чтобы новгородская знать просила у него прощения, и босые, униженные, одетые в простые платья, нечесаные явились к нему новгородцы, встали на колени, потупили глаза, повлажневшие от стыда: за себя — слабых, и за Семена — гордого. Бог дал право быть гордым любому, но дал ли Всевышний человеку право унижать человека?

Семену Гордому понравились униженные новгородцы и изъявленная ими покорность. «Симеон, в бодрой юности достигнув великокняжеского сана, умел пользоваться властию, не уступал в благоразумии отцу и следовал его правилам: ласкать ханов до уничижения, но строго повелевал князьями российскими и заслужил имя Гордого»[1].

Его авторитет в стране и в Орде, куда он регулярно свозил дань, пугал многих. Воевать в Заокскую землю другие князья ходить не решались, хотя между собой частенько выясняли отношения с оружием в руках. Великий князь относился к мелким распрям между уделами на удивление мудро: пусть дерутся, лишь бы дань платили. Мир в Заокской земле манил к себе людей из других княжеств. В 1346 году, например, к великому князю явился удельный князек из Твери. Естественно, это

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 517.

усиливало Московское княжество, и у Семена вновь был повод гордиться собой.

В том же году после похода на Новгород великий князь распустил войско. Но, оказалось, рано успокоился в гордыне Семен. Начался период войн Руси с Литвой — Ольгерд, сын Гедимина, подступил к Можайску, осадил город, выжег предместья. А потом неожиданно ушел назад в Литву. Причиной тому, вероятнее всего, была кончина Гедимина.

Литовцы к середине XIV столетия усилились настолько, что постоянно тревожили русских на западных границах. Они взяли Ржев, Брянск, добирались в своих походах до Тверского и Рязанского княжеств. Ольгерд был прекрасным полководцем, «не токмо силою, елико умением воеваши», с его похода на Можайск началась так называемая литовщина. Продолжалась она лет сорок, причем победа доставалась то одному, то другому сопернику. Люди пользовались этим: было куда сбежать от преследования, от московских князей уходили в Литву, а провинившиеся в Литве шли на службу в Москву.

В 1341 году случилось еще одно немаловажное для Москвы и ее князей событие: умер хан Узбек, и в Орде началась «замятня»: ханы, убивая друг друга, сменялись чуть ли не ежегодно. Угодить всем им было трудно. Но угождать ханам в те десятилетия русские князья еще были должны: очень уж сильны, воинственны были ханы и опасны для Руси, даже дерущиеся между собой. Насколько опасны, станет ясно чуть позже, после битвы на поле Куликовом, а пока великие князья терпели унижение, отвозили в Орду большие обозы с данью и укрепляли Москву.

По своим размерам, экономической мощи, культурным и духовным ценностям Москва первой половины XIV века уступала лишь таким городам, как Владимир или Новгород. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в 1334 году во время пожара, когда выгорела «вся Москва», огонь уничтожил 28 церквей. В 1340 году пожар в Великом Новгороде сжег 74 церкви. Впрочем, нельзя забывать, что Москву в тот век окружали многочисленные густонаселенные села, которые составляли с городом единый экономический, культурный и духовный организм. Подмосковные села по мере расширения города входили в его состав, и процесс этот продолжается по сей день.

В начале 40-х годов в Москве возрождается угасшее было в последний период великого княжения Ивана Калиты каменное строительство. В 1344 году именно в Москве, а не во Владимире, Ростове или Суздале, возобновляется искусство монументальной росписи церквей в Северо-Восточной Руси. Приглашенные митрополитом Феогностом греки расписали за одно лето Успенский собор в Кремле. Собор Архангела Михаила украшали писцы великого князя, руководили работами Захарий, Иосиф, Николай. На деньги первой жены Семена Гордого литовской княжны Айгусты (Анастасии) в 1345 году мастером Гойтаном была расписана церковь Спаса на Бору. Затем в Москве украсили фресками церковь Иоанна Лествичника.

В Москве при Семене Гордом стали развиваться ювелирное искусство, иконное дело, гончарное, другие виды искусств и ремесел.

В 1345 году мастер Борис отлил три больших и два маленьких колокола, опережая в этом деле другие города. Согласно летописным сведениям, за несколько лет до этого новгородский епископ Василий приглашал к себе из стольного града мастера Бориса с его людьми для отливки колокола на Софийский собор.

Во времена правления Семена в Москве появилась бумага тряпичная, заменившая пергамент. На ней написаны договор его с братьями и завещание великого князя.

В те же годы еще малоизвестный монах Сергий основал под Москвой знаменитую Троицкую лавру...

Как это ни покажется странным, больше других самоуничижался перед ханами очень гордый в отношениях со своими согражданами Семен Иванович. К его личности, к его характеру, видимо, прекрасно подходила известная во многих странах мира с давних пор мудрость: хорошо повелевает тот, кто умеет повиноваться.

В 1345 году Ольгерд стал единственным владыкой Литвы, в эти же годы активизировались шведы: положение на западных и северо-западных границах Русской земли ухудшилось. Шведский король Магнус ворвался в Новгородское княжество, занял Псков.

Семен Гордый в 1348 году выступил с большим войском к Новгороду. Но оно продвигалось к цели почему-то очень медленно. Позже его обвинят за эту медлительность, ведь положение казалось безвыходным. Но если оценить всю ситуацию в целом, то можно прийти к выводу, что в данном случае Семен Гордый вел себя как крупнейший стратег. Он шел медленно на север, а затем вдруг повернул назад и вернулся в Москву слушать грамоты ханских послов. Новгородцы поняли, что помощи им ждать не от кого, собрались с духом, собрали всех воинов, способных постоять за себя и за свою землю, подошли к Пскову и 24 февраля 1349 года выбили оттуда врага с большими для него потерями. Добыча у победителей была немалая: 800 пленников они отправили в Москву, а захваченное у шведов серебро использовали для украшения церкви Бориса и Глеба.

На этом новгородцы не остановились. Они ходили в Норвегию, разгромили шведов в сражении под Выборгом, заключили с Магнусом выгодный мир.

А что же делал с крупным войском Семен в эти годы? Он гордо хранил мир в Московской земле, всегда готовый выступить с крупным войском против опытного Ольгерда, и зорко следил за настроением ханов. Когда до великого князя дошли слухи о том, что Ольгерд отправил брата Корияда в Орду с просьбой о выделении литовцам помощи для борьбы с немцами, Семен мгновенно отреагировал на это известие. Он явился к хану и в личной беседе «внушил Джанибеку, что сей коварный язычник есть враг России, подвластной татарам, следовательно и самих татар...»[1] Хан поддержал русского князя и даже отдал ему Корияда! И Ольгерд вынужден был выручать брата, прислал в Москву послов с богатыми дарами, женился на снохе Семена

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 523.

Гордого — Ульяне, женил брата Любарта на племяннице великого князя.

Это была великолепная дипломатическая победа Семена Гордого. Он понял во время своего медленного марша в Новгородскую землю расстановку сил не только между шведами и новгородцами, но между всеми гипотетическими противниками и союзниками на всей территории Восточной Европы; отошел в Москву; дал возможность неслабым (это же нужно было понять, что они не слабые, что они способны побеждать) новгородцам самим справиться с пришельцами; внимательно следил за всеми разом и, когда понял, что Ольгерд (и без того сильный) может с ханской помощью разгромить немцев, а затем, подмяв последних под себя, нанести сокрушительный удар по Руси, пошел на сложный разговор с Джанибеком. Это — крупный успех Семена Гордого как государственного деятеля.

Тридцать шесть лет исполнилось Семену Гордому, самое время подумать о крупномасштабных планах и начать их осуществлять спокойно, без лишней суеты. Все для этого у великого князя было: опыт, хватка, талант политика, победы, авторитет в Москве, в других русских городах и княжествах, а также в Орде, Литве, Швеции. Какой прекрасный возраст для великих начинаний, для осуществления главной мечты всех русских людей — освобождения от унизительной зависимости Русского государства от Орды!

В летописных источниках прямо не говорится о том, что Семен Гордый в мечтах уходил так далеко. Но какой гордый человек не любит помечтать в тридцать шесть лет, тем более человек удачливый, не получавший еще очень серьезных ударов судьбы! Впрочем, нет, удары были. Внутренние, семейные, тяжкие, но скрываемые гордым князем от врагов и друзей. Мало кто замечал их воздействие на Семена Ивановича. Он действительно был гордым человеком, он мог скрывать боль души своей от глаз чужих. И мечтал он — широко, всеохватно — как очень гордый человек.

Но все мечтания его, как и мечтания миллионов других людей Евразии, были пресечены, угроблены, а если буквально — уложены в общие могилы эпидемией моровой язвы.

Она появилась в конце тридцатых — начале сороковых годов XIV века в Индии и Китае. По скорости ее распространения и маршрутам эпидемии, зафиксированным в источниках самых разных стран, можно получить интереснейшие сведения о торговых и экономических связях, причем не об эпизодических, случайных, но исторически сложившихся связях, необходимых для нормального функционирования сложнейшего единого социально-политического организма, какими были в XIV веке огромный евразийский материк и прилегающие к нему большие и малые острова и архипелаги.

А на Русь чума попала благодаря Орде. Хан Джанибек в 1345 году помог иранцам сбросить эмира Мелик Ашрафа и через год отправился в Крым, осадил Кафу (Феодосию), в которой жили купцы из Генуи. Генуэзцы вели здесь оживленную торговлю с Восточной Европой, Северным Кавказом, Приволжскими степями, со Средиземноморьем и с Западной

Европой. В середине XIV века дела у них пошли очень хорошо, и, разбогатев, генуэзцы стали влиятельной политической силой.

Джанибеку не понравилось усиление генуэзцев, и он решил их наказать. Перед походом ему стало известно о страшной эпидемии чумы, уже распространившейся вплоть до Сирии, Малой Азии, Египта. Но она не остановила хана. Джанибек был опытным организатором и знал рецепты степи против чумы. Приняв все меры предосторожности, известные на Востоке, он пошел в Крымский поход. Но чума все же оказалась коварнее, чем хан предполагал. Она пробралась-таки к нему в войско, безуспешно осаждавшее Кафу. И данный факт распространения чумы, несмотря на все меры предосторожности, говорит о том, что либо эпидемию разносил ветер, либо существовали такие дороги, такие экономические связи, порвать которые даже для спасения войска, племени, страны никто был не в состоянии.

Взять Кафу Джанибеку не удалось. Существует недоказанная версия о том, что в последнюю ночь под крепостью воины ордынского хана пульнули из катапульты в город зараженный чумой труп. Ордынцев часто обвиняют во многих грехах. Уж очень хорошо они воевали! Очень много неожиданных для более сильных соперников побед одержали. Побежденные всегда обидчивы. Обида — несдержанна, как одуванчик: легкого дуновения ветерка достаточно, чтобы по миру разлетелись семена обиды.

Джанибек отошел от Кафы, повел свое войско домой, а в городе уже «работала» новая напасть — чума.

Чума действует по-разному. Кого-то она убивает в течение дня, кто-то, зараженный чумной бактерией, носит в себе болезнь неделями, а то и месяцами, даже не догадываясь, скольких людей он заражает. В Кафе чума сработала, как крупный шпион-диверсант. Она заразила нескольких купцов, но они долгое время чувствовали себя хорошо, загрузили корабли товарами, отплыли домой, в Геную, по пути останавливаясь в крупных портах Средиземноморья. Чума бесшумно, не проявляя себя ничем, внедрялась в города Европы, ждала. Купцы, довольные победой над Джанибеком и успешной торговлей, прибыли в родную Геную.

И тут-то чума распоясалась. Первым делом она набросилась на Италию, затем, словно огонь, подгоняемый быстрым ветром, опустошила Испанию, Францию, Англию, Данию, огибая материк смертоносной острой косой. Эту страшную косу держал в руках безжалостный косарь. В одном только Париже ежедневно погибало до 800 человек. Люди сопротивлялись нашествию чумы как могли, но она была сильнее. Каждый третий обитатель Европы погиб в неравной борьбе с моровой язвой. После пяти — семи месяцев «оккупации» какой-либо области «злой косарь» переносил свое грозное оружие в соседние области, и черная смерть без устали продолжала губить род людской.

Русские люди не могли не знать об эпидемии моровой язвы, бушевавшей во всей Евразии. Наверняка принимались меры предосторожности. Наверняка и великий князь Семен Гордый, и воины его, и любой простолюдин делали все, чтобы не пустить на Русь чуму. Но уже в 1351 году моровая язва налетела на Псков, а в 1353 году она опустошила огромные

области Восточной Европы, стянув намертво петлю вокруг всего континента. В начале 1353 года чума достигла великокняжеских палат. 11 марта скончался митрополит всея Руси Феогност. В том же месяце умерли сыновья Семена Гордого, Иван и Семен, и заболел сам великий князь. Ему недавно исполнилось всего тридцать шесть лет.

В тот день, когда великий князь писал завещание, у него уже не было ни одного сына в живых. Но была одна надежда: беременная жена Мария Александровна, княжна тверская.

Первой женой Семена Гордого была литовская княжна Айгуста, в крещении принявшая имя Анастасия. Она умерла рано. Ее два сына тоже пожили недолго. В 1345 году Семен женился во второй раз на дочери одного из князей смоленских Евпраксии. Но через год брак с ней был насильно расторгнут. Гордый муж отослал несчастную женщину к отцу в Волок Ламский. Причина развода состояла, по словам летописцев, в том, что «великую княгиню на свадьбе испортили; ляжет она с великим князем, и она покажется ему мертвой». Это объяснение и сам факт незаконного развода не вызвали протеста у митрополита всея Руси Феогноста. Евпраксия, которую обозвали бесплодной, вышла замуж за Феодора Красного, князя фоминского. И стала родоначальницей князей фоминских.

Семен, мечтая о продолжении рода, женился в третий раз — на тверской княжне Марии Александровне. Она родила ему четырех сыновей, но и они умерли в раннем детстве.

Если верить древним преданиям и Н. М. Карамзину, Семен Иванович любил свою третью жену «и в знак любви отказал ей наследственные и купленные им волости, Можайск, Коломну, все сокровища, золото, жемчуг и пятьдесят верховых коней». Даже в этом последнем слове своем он хотел остаться гордым, великим князем, повелителем.

Передав по завещанию своей беременной жене Московскую вотчину, Семен надеялся, что верховная власть перейдет в конце концов к его сыну. Его не смутило в данном вопросе даже то, что матерью его еще не родившегося сына, будет тверская княжна, а это, естественно, обострило бы противоречия между Москвой и Тверью. Подобный шаг для гордого человека в общем логичен: все-таки сын от любимой жены будет князем.

Далее в своем завещании Семен Иванович пишет: «А по отца нашего благословлению и то нам приказал: жити за один; тако же и аз вам приказываю своей братии, житии за один; а лихих бысть людей не слушали, слушали бы отца нашего владыку Алексея, такоже старых бояр, кто хотел отцу нашему добра и нам, а пишу вам се слово того деляю, чтобы не перестала бы память родителей наших и наша, и свеча бы над гробом не погасла...» Эти строки важного документа говорят о том, что в Москве к середине XIV века оформилась связка между великим князем, боярами и митрополитом, и Семен Гордый понимал, как важно сохранить это динамичное единство светской власти, духовной власти и материальной силы, которую представляли собой бояре. Но вполне возможно, что умирающий великий князь в своем завещании думал и о личной корысти. Бояре и митрополит Алексий, с которыми он всегда

находил общий язык (так ему могло показаться, Гордому!), являлись единственной опорой... для его еще не родившегося сына! Без них будущему ребенку Марии и Семена при живых сыновьях Ивана Калиты оставалось на великое княжение только надеяться. Приказывая «своей братии жити за один», а также слушаться старых бояр и владыку Алексия, он преследовал, возможно, интересы будущего наследника своего.

Но далеко не все приказы умирающих исполняются теми, кому они завещаны!

После смерти Семена Гордого в Орду отправились послы. Одни из них, новгородцы, хотели уговорить хана поставить на великое княжение Константина, суздальского князя. Другие, москвичи, привезли в Орду брата Семена Гордого, Ивана Ивановича, человека очень красивого, тихого, слишком для XIV столетия миролюбивого и слабого, готового пойти на любые уступки, лишь бы его не волновали. Его прозвали Иваном Красным (от слова «красивый»).

Джанибек дал ему ярлык на великое княжение, и все, что завещал за несколько недель до своей кончины Семен Гордый, осталось невыполненным.

Основные события жизни Семена Гордого

1316 год. 7 сентября, в день Созонта, у Ивана Калиты родился сын Семен.

1341 год. Хан Узбек выдал ярлык на великое княжение Семену Ивановичу.

Семен одержал победу над новгородцами, устрашенными огромным войском противника, которого поддержали удельные князья.

1341 — 1342 годы. Умер хан Узбек. На ордынский престол, убив всех своих братьев, взошел хан Джанибек (Чанибек), который относился к великому князю Семену хорошо.

1342 год. Митрополит всея Руси Феогност сумел уговорить грозного Джанибека не отменять льгот, данных русской церкви Узбеком. Эта дипломатическая победа Феогноста сыграла важную роль в возвышении Москвы.

1345 год. Изгнанный из Вильно братьями Ольгердом и Кейстутием сын Гедимина Евнутий нашел защиту у Семена Гордого, крестился по православному обычаю. Это обострило отношения между Литвой и Москвой.

Умерла первая жена Семена литовская княжна Айгуста (Анастасия). Великий князь женился на Евпраксии.

1347 год. Семен Гордый по просьбе новгородцев три месяца жил в Новгороде и вернулся в Москву.

На Новгород напало войско шведского короля Магнуса. Новгородцы обратились за помощью к великому князю. Семен Гордый с крупной ратью пошел на север, но вдруг повернул назад, отправив в Новгород дружины своего брата Ивана Ивановича и князя ростовского Константина. Узнав о победах Магнуса и взятии им города Орехова, они тоже отступили, поставив новгородцев в критическое положение. Но новгородцы и без помощи Москвы стали побеждать шведов...

1348 — 1349 годы. Семен Гордый явился в Орду и убедил Джанибека не оказывать военной помощи Ольгерду в его борьбе с немцами, поскольку Ольгерд есть враг Руси, а значит, и Орды. Великий князь одержал важную дипломатическую победу.

1350 год. Ольгерд пошел на заключение мира с великим князем. Этот мир был закреплен родственными связями: Ольгерд и его брат Дюбарт женились на родственницах Семена Гордого.

1351 год. На Руси началась эпидемия моровой язвы.

1352 год. Семен Гордый отправился с войском в Смоленск, чтобы, во-первых, вынудить смоленского князя разорвать отношения с князем литовским, а во-вторых, показать Ольгерду, что, несмотря на мир, эту область он будет отстаивать всеми средствами. Поход великого князя прошел удачно.

1353 год. Смертельно больной Семен Гордый написал завещание, в котором отдал Московию, наследственную вотчину, жене Марии Александровне, тверской княжне.

Семен Гордый отправил к императору Византии послов с просьбой предложить патриарху Православной церкви утвердить митрополитом всея Руси после смерти Феогноста Алексия.

26 апреля Семен Гордый умер.

Иван II Иванович Красный

(1326 — 1359)

Ивана II Ивановича называли Красным за красоту его и Кротким — за тихий, невоинственный характер. После смерти Семена Гордого хан Джанибек вручил ему ярлык на великое княжение. Выбор Джанибека можно объяснить по-разному. Да, хану Орды выгодно было иметь великим князем человека послушного, тихого, невоинственного, готового пойти на любые уступки, лишь бы его никто не трогал. Да, резкое усиление Московского княжества и Москвы, князья которой упрямо вели Русь к едино- и даже к самодержавию, не радовало Джанибека, и он вполне мог рассчитывать, что Иван II Иванович по слабости своей разбазарит все земли и богатства, собранные Иваном Калитой, и Москва утратит свою силу и позиции. А это, в свою очередь, приведет к обострению распри между княжествами и князьями.

Джанибек мог на это рассчитывать, но неожиданно выбор, который он сделал в тот год, оказался очень удачным для Москвы и Московского княжества, хотя люди гордые и воинственные не согласятся с данным выводом. Им победы подавай громкие, славу боевую, триумф и триумфальные арки, да побольше добычи, да толпы пленных, да — самое главное! — избавление Руси от унизительного положения данников Орды. Нет, в середине XIV века ни одно из русских княжеств для подобных подвигов еще не созрело. А значит, Македонские и Маккавеи на Руси пока были не нужны. После смерти Ивана Калиты Руси, и особенно Московскому княжеству, нужны были сорок относительно мирных лет. Между прочим, это понимал даже Семен Гордый, а может быть, отец хорошо вдолбил эту мысль сыну. При нем на территории Московского княжества не произошло ни одного крупного сражения. А значит, сюда, на территорию, ограниченную современной Московской областью, продолжали стекаться отовсюду мирные, деятельные, умелые люди. Правление Ивана II Кроткого тем-то и знаменательно, тем и позитивно для Москвы, что этот процесс продолжался, хотел того хан Джанибек или нет.

Но как ни парадоксально, а первым важным государственным делом нового великого князя стала навязанная Олегом, князем рязанским, война. Юный Олег воспользовался отсутствием Ивана Ивановича, ворвался на территорию Московского княжества, захватил местность в долине реки Лопасни и присоединил ее к Рязанской земле. Действовал Олег напористо и зло: жег, грабил, взял в плен наместника Лопасни, мучил его, пытал, как будто в том была какая-то необходимость.



Великий князь вернулся из Орды, узнал, что натворил на Русской земле русский же князь, и... не стал с ним воевать. Он уклонился от удара, как опытный кулачный боец, но разорителю за своего наместника отдал богатый выкуп — поступил благородно.

Два года великий князь спокойно переносил вольные выходки новгородцев, не желавших признавать его великим князем, не исполнявших его повелений. Но когда умер князь суздальский Константин Васильевич, новгородцы на вече без всякого давления приняли у себя наместников из Москвы...

Сложные взаимоотношения складывались между великим князем и князем Ольгердом литовским. Это был воинственный политик. С одной стороны, он налаживал родственные связи с русскими князьями, а с другой — упрямо продвигался на восток и юг, захватывая и подчиняя своей власти русские земли. В 1356 году Ольгерд присвоил Брянск, но этого ему показалось мало, и он взял Ржев, вплотную приблизившись к Тверскому и Московскому княжествам. Жителям Твери и Можайска не понравилась политика западного соседа, они сами собрали войско и выбили литовцев из Ржева. Иван II Красный в этом деле активного участия не принимал.

Не сказал он активного великокняжеского слова, когда потребовалось погасить мятеж в Новгороде, — это сделал старец Моисей. Не смог Иван Иванович погасить ссору между Василием Михайловичем тверским и его племянником — Всеволодом Александровичем холмским, они отправились на суд в Орду...

Ничего значительного для Руси, для Москвы в годы правления Ивана II Ивановича вроде бы не произошло. Впрочем, перед кончиной великий князь показал твердость и непоколебимость. Татарский царевич приехал

в Рязань и оттуда послал в Москву людей, которые сообщили Ивану повеление хана о том, что настала пора обозначить границу между Рязанским и Московским княжествами. Сама по себе идея была неопасная, если бы не амбициозная политика Олега, которого ханам Орды легко было уговорить отказаться от Руси. Иван Кроткий смело заявил, что не допустит ханских послов в Московскую землю, что границы ее давно и всем хорошо известны.

Очень красноречивый эпизод, если учесть, что именно при Иване Красном в Москве появились пулы (медные монеты) с изображением витязя, поражающего мечом дракона, а также пулы с изображением дракона, бросающегося на воина.

Царевич отправился ни с чем в Орду и вскоре был там убит.

Но заслуг историки за Кротким князем почти не числят: «Даже церковь российская в Иоанново время представляла зрелище неустройства и соблазна для верных христиан», — пишет Н. М. Карамзин[1]. Видимо, поэтому Джанибек в 1353 году дал ему вместе с ярлыком на великое княжение и судебную власть над всеми северными князьями. Но, судя по летописным источникам, Кроткий князь не воспользовался им для усиления своего влияния на севере, дал отдохнуть от судов русским людям.

13 ноября 1359 года умер, приняв схиму, великий князь Иван II Иванович. Было ему всего тридцать три года. О том, как сложно было ему управлять Москвой, Московским княжеством и Русью, говорят его взаимоотношения с тысяцкими.

Дело тысяцких

На рассвете 3 февраля 1356 года, когда звонили к заутрене, когда появились на снежных скрипучих улицах первые москвичи, на городской площади был обнаружен труп тысяцкого Алексея Петровича Хвоста. Подобного в Москве еще не было. Даже расправа Юрия Владимировича над Степаном Ивановичем Кучкой в 1147 году так не встревожила обитателей Боровицкого холма и окрестных сел, как это странное, страшное, таинственное убийство.

Великий князь Иван II Иванович растерялся, не зная, что делать. Люд волновался — Алексей Петрович Хвост пользовался авторитетом у горожан. Кто мог убить тысяцкого? Кому была нужна смерть этого человека? Новгородцы начали искать виновного. Подозрение пало на бояр Вельяминовых, у которых были свои счеты с Алексеем Петровичем. Страсти быстро накалялись. В городе запахло бунтом, кровью, самосудом.

Род Вельяминовых, если верить летописным источникам, берет свое начало от варяга Шимона. Его сын, Георгий Симонович, являлся учителем, другом, советником, а по сути дела, соправителем и сподвижником Юрия — сына Владимира Мономаха — в Ростово-Суздальском княжестве. Некоторые источники называют его тысяцким в Ростове. Он сделал очень много для развития и усиления Заокского края. Его потомок Протасий был тысяцким при Иване Калите. Тысяцкий в Москве имел власти

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 532.

больше, чем тысяцкие в других городах Руси: он ведал военными и мирскими делами.

Но при Иване Калите порядок вещей изменился, и тысяцким стал Алексей Петрович Хвост. Летописцы не уточняют, по какой причине сын Даниила Александровича произвел эту замену. Быть может, виною тому стала смерть Протасия, но если вспомнить, что должность эта, хоть и получали ее бояре от князя, часто переходила по наследству, то даже кончина потомка Георгия Симоновича не может полностью объяснить причину смены тысяцких.

В первые годы правления Семена Гордого должность тысяцкого принадлежала А. П. Хвосту. Но он «вшел в коромолу к великому князю», и тот сменил его на Василия Протасьевича Вельяминова. Более того, заразившись чумой, Семен Гордый взял у родных братьев клятвенное обещание не принимать крамольника и даже его детей к себе на службу в Москву. В духовной этого великого князя много неясного, но... чем же так провинился Алексей Петрович Хвост перед Семеном Гордым?

Некоторые ученые, ссылаясь на данные родословных книг, отождествляют А. П. Хвоста с боярином Алексеем Босоволковым. А хорошо известно, что этому человеку Семен Иванович доверил привезти из Твери свою невесту, Марию Александровну. Обычно подобные дела поручают только тем, кого очень уважают, ценят, к кому относятся по-дружески. Кроме того, отец Алексея, Петр Босоволков, был у великого князя московским наместником.

Кто же и за что мог убить Алексея Петровича Хвоста?

Вельяминовы? Но отношения между ними и А. П. Хвостом были известны и во дворце великокняжеском, и во всем городе. И коль скоро Хвоста хорошо знали и любили горожане и купцы, то потомки Шимона Вельяминовы вряд ли решились бы на это крайнее средство.

М. Н. Тихомиров называет убийство А. П. Хвоста своего рода этапом борьбы старого мира (а он ассоциировался с вече) с новым миром, с единодержавной властью. Вполне возможно, что Хвост, близкий к купцам и населению, имел старые московские корни, уходящие во вторую половину XI века, когда в окрестностях Боровицкого холма стали возникать красные села. А если вдруг окажется, что Хвост является потомком... Степана Ивановича Кучки, то и это легко будет оправдать и логически осмыслить.

Москва — город тихий. За два века здесь произошло всего два громких убийства: знатного боярина (а может быть, тысяцкого) Кучки и тысяцкого Алексея Хвоста. И то, и другое убийство оказывалось на руку сторонникам самодержавной власти, для которых усиление исполнительной власти, как сказали бы сегодня, было всегда опасно. Как в 1147 году, так и в 1356-м им важно было искоренить у местных бояр привычку к власти, заставить их забыть о прежних правах и привилегиях, в том числе о передаче должностей по наследству.

Алексей Петрович Хвост не устраивал великих князей именно своими «старорежимными» выходками, близостью к населению, особенно к купцам, тягой к вече, а возможностью обратиться к народу на вече в

случае нужды был даже опасен. Впрочем, это только версии, которые можно множить до бесконечности именно потому, что дело не расследовано, дело неясное, а «свидетельские показания» немногочисленны, сбивчивы и противоречивы.

Летописец пишет, что «убит он был неведомо, от кого и неведомо, кем, только оказался лежащим на площади; некоторые говорили, что на него втайне совещались и составили заговор, и так ото всех общей думой, как Андрей Боголюбский от Кучкович, так и этот пострадал от дружины»[1]. Некоторые летописи с «общей думой» связывают бояр, «нецые же глаголют, яко общею думою боярскою убьен бысть».

Много версий и самых разных предположений этого загадочного убийства было уже в те дни февраля 1356 года. Город находился на грани бунта. Иван Кроткий пассивно ожидал грядущих событий. На шумной площади все чаще повторялась фамилия Вельяминовых. Над потомками Шимона нависла смертельная опасность. Защититься от буйной толпы они бы не смогли. Иван Кроткий защищать их, по всей видимости, не собирался.

У них остался один шанс спастись от разъяренной толпы. В тихую лунную ночь из Кремля к Москве-реке выехали сани. В них сидели в богатых тулупах два больших боярина, Михаил Александрович и Василий Васильевич Вельяминов, сын Василия Протасьевича, а также их дети, жены. Они бежали в Рязань и там переждали волнения в городе.

Москва шумела несколько дней, затем страсти поугасли. Но память была еще свежа, и в любую минуту бунт мог вспыхнуть с новой силой. Только на следующий год, когда люди в своих извечных заботах о хлебе насущном стали забывать странное убийство Алексея Петровича Хвоста, Иван Иванович пригласил в Москву Вельяминовых, и потомки варяга Шимона вновь завладели местом тысяцкого. Им стал Василий Васильевич Вельяминов.

Краткие и эпизодические упоминания летописцев о разногласиях между тысяцкими и князьями говорят о том, что власть у тысяцких была большая, и напряжение в их отношениях увеличивалось по мере концентрации ее в руках князя. Как свидетельствует история, монархи всегда манипулировали исполнителями. Калита был первым князем, вышедшим к народу, и тысяцкого себе назначил из народа — представителя богатого рода московского, может быть, даже потомка Степана Кучки. Отпала потребность в опоре на народ — место исполнителя заняли свои, варяги, потомки Шимона — так надежнее.

Иван Иванович, человек тихий, незлой, вернул роду Вельяминовых не только место тысяцкого, они получили возможность богатеть и вообще усилились во всех отношениях. А усилившись, начали заметно влиять на политику великих князей. Как они воспользовались этой возможностью, говорит история, произошедшая шесть лет спустя после смерти Ивана Кроткого, на свадьбе его сына Дмитрия Ивановича, организатора победы русского воинства в битве на поле Куликовом.

---

[1] *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. XII — XV вв. М.: МГУ, 1947. С. 79.

Перед самыми торжествами в княжеском дворце бесследно исчез прекрасной работы пояс, украшенный драгоценными камнями. Его подменили поясом похуже. Как пишут летописцы, подмену не заметили. Но кто не заметил? Сам князь Дмитрий Иванович? Его мать? Нет, такого быть не может. Наверняка юный князь примерял свадебную одежду за несколько дней до свадьбы, и пояс он и его приближенные видели. И видел его тот, кто рискнул осуществить подмену. И наверняка Дмитрий Иванович догадался, кто сделал это зло.

Свадьба от этого не пострадала... Великий князь с помощью бояр и митрополита всея Руси Алексия вершил великие дела. Но в 1373 году, после смерти Василия Васильевича Вельяминова, Дмитрий Иванович упразднил должность тысяцкого. Это был точно выверенный ход. При жизни Василия Васильевича отменить должность тысяцкого было невозможно, несмотря на то, что великого князя поддерживали бояре, митрополит, воеводы: такую громадную власть захватили в свои руки потомки Шимона.

Сын умершего тысяцкого, Иван Васильевич, не смирился с приговором судьбы. Некоторые специалисты считают, что он после смерти отца некоторое время был тысяцким. Но сколько именно времени — несколько дней, месяцев, — никто не уточняет. Так или иначе, но Иван Васильевич вдруг совершает отчаянный шаг, бежит в Тверь вместе с Некоматом Сурожанином, по-видимому, греком, торговавшим в Суроже и имеющим авторитет в Орде, — странный ход сына последнего тысяцкого и столь же странная связь его, потомственного вельможи, с богатым купцом.

Некомат Сурожанин через два года после бегства из Москвы отправляется в Орду и 14 июня 1375 года привозит ярлык на великое княжение... князю тверскому Михаилу Александровичу!

Вот о чем мечтали потомственные тысяцкие, имевшие в Москве практически безграничную власть и громадные средства: управлять не только Москвой, но и князьями манипулировать, и страной. О каких-либо других преступлениях (о знаменитом поясе рассказ пойдет чуть позже) Василия Васильевича, Ивана Васильевича, Некомата Сурожанина летописи не сообщают, да, видимо, им незачем было грешить по мелочам. Они властвовать мечтали. У них для этого было все необходимое: потомственная гордость, чванство, средства, авторитет, связи, опыт, ум и практическая смекалка. У них не было только одного — наследственной связи с родом Рюриковичей.

Почему так произошло в Восточной Европе? Почему Рюриковичи безраздельно правили Киевской Русью, Владимиро-Суздальским, затем Московским княжеством вплоть до Бориса Годунова, почему даже такие мудрые организаторы и государственники, какими, вне всякого сомнения, были Георгий Симонович и его потомки, должны были ограничиваться «долей» тысяцких? Ответов на эти вопросы много. Но чтобы понять, в какое время происходили описываемые события, достаточно вспомнить забавный эпизод, произошедший уже после Куликовской битвы между темником Мамаем, по сведениям даже русских летописцев — неплохим организатором, но, к его несчастью, безродным, и ханом Орды Тохтамышем — потомком Чингисхана. Они встретились на поле битвы

на берегах печально известной для русских князей реки Калки в 1380 году. У Мамая сил было чуть больше, чем у Тохтамыша, но перед самой битвой несколько тумэнов темника перебежали к потомку Чингисхана, в результате чего Мамай потерпел сокрушительное поражение. Время было такое. Время наследственных вождей.

На Руси правили Рюриковичи. Они близко не подпускали к себе представителей низших, не правящих родов, женились и выходили замуж только за наследственных, потомственных принцесс и принцев, княгинь и князей. Нарушалось это неписаное правило в редчайших случаях.

Такие энергичные и влиятельные люди, какими были московский тысяцкий Василий Васильевич, его сын Иван, да и темник Мамай тоже, смириться с подобным положением дел не могли. Они делали все, чтобы не тем, так иным путем преодолеть барьер, установленный перед ними судьбой.

Василий Васильевич Вельяминов... подменил драгоценный пояс князя Дмитрия Ивановича и передал его своему сыну Николаю, человеку очень хитрому. Он был женат на старшей сестре жены Донского. Старшего брата, Ивана, бежавшего в Тверь, он не поддержал, не проявил к нему сострадания в тот трагический день, когда Ивана Васильевича, пойманного в 1379 году в Серпухове, повели на Кучково поле казнить.

То была первая в Москве публичная казнь. Официально сына последнего тысяцкого обвинили в том, что он, будучи в Орде (куда прибыл из Твери), послал своего попа в 1378 году в Москву с мешком «злых, лютых зелий». Попа схватили после битвы на Воже. Конечно же поп ни в чем не сознался, но мешок с зельем явился страшной уликой. В Москве всем стало ясно, что Иван Васильевич хотел отравить Дмитрия Ивановича. 30 августа 1379 года повели его на Кучково поле и «казнили мечом до обеда, в 4 часа дня». Народу собралось много. Люди плакали, вспоминая благородство и величие Ивана Васильевича. По всей видимости, он действительно был благородным человеком. Благороднее своего младшего брата, владельца краденого пояса. Хотя внешне все выглядит иначе. Николай во всем поддерживал Дмитрия, предводительствовал коломенским полком в Куликовской битве, погиб в ней смертью храбрых... Казалось бы, никаких претензий нельзя предъявить этому человеку. Кроме одной — сокрытия драгоценного пояса, который после гибели Николая Васильевича (по летописи — Микулы Васильевича) перешел к его дочери, вышедшей замуж за боярина Ивана Дмитриевича Всеволжского, а не в руки законного владельца. Всеволжский и стал обладателем краденого пояса, который послужит через полвека поводом к последней распре русских князей.

Но до нее русскому народу, москвичам, придется пережить великие победы и горестные поражения.

А Некомата Сурожанина убили в 1383 году.

* * *

Ивану Даниловичу Калите, единственному наследнику отца и братьев, московская «отчина» досталась целиком и полностью, и он, как видно из вышесказанного, по-хозяйски распорядился немалым богатством. Но

даже он не пошел наперекор обычаям, вековым традициям и, умирая, завещал «отчину свою Москву» трем сыновьям — Семену, Ивану и Андрею. Это решение может показаться странным, поскольку оно осложняло управление крупным быстроразвивающимся городом, но — удивительно! — просуществовал заведенный порядок передачи по наследству земель еще более двух столетий.

Братья, довольные (все — в меру) отцовским завещанием, у гроба умершего дали клятву верности друг другу, целовали крест, все, как заведено было у Рюриковичей, заключили договор, в котором среди многих других были положения о совместном владении Москвой. Из пунктов данного договора ясно, что в жизни столицы княжества важнейшую роль играл великокняжеский тысяцкий, он ведал хозяйственными делами и в мирное, и в военное время. Князья-совладельцы управляли и, естественно, получали доходы с помощью наместников. У великого князя также был свой наместник. Система управления была, как видим, сложной и часто приводила к разного рода путанице. Сыновья Калиты неоднократно вынуждены были вести между собой переговоры, чтобы утрясать возникающие недоразумения. Младшие братья пошли на некоторые материальные уступки великому князю Семену Гордому, передали ему право судить княжеских слуг, живших в столице.

После его смерти новый великий князь Иван Иванович Красный присоединил его треть к своей, проигнорировав завещание старшего брата. Вскоре умер и сам Иван II Красный, и его московские владения, согласно завещанию, вновь были поделены пополам между Дмитрием Ивановичем — в будущем Донским — и Иваном Ивановичем, вскоре, однако, скончавшимся. Москвой теперь владели Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич, князь серпуховской. Но подробней о существовавшем в Москве обычае наследования «отчин» будет рассказано во вступлении к следующей части.

Основные события жизни Ивана Красного

1326 год. 30 марта у Ивана Калиты родился сын Иван.

1353 год. После смерти великого князя Семена Ивановича в Орду за ярлыком на великое княжение отправились князь суздальский Константин, а также его ходатай — посол новгородцев боярин Судаков и Иван Иванович, сын Калиты. Джанибек предпочел последнего.

Пока Иван Красный был в Орде, князь рязанский Олег напал на земли Московского княжества, взял Лопасню. Вернувшийся из Орды Иван II Иванович не решился воевать, заключил с ним мир.

1354 год. Ивана II признали новгородские и суздальские князья.

1355 — 1356 годы. Вспыхнула распря между Муромом, Тверью и Новгоро́дом.

1356 год. Ольгерд занял Ржев. Воины Твери и Можайска выбили литовцев из этого города.

В Москве был убит тысяцкий Алексей Петрович Хвост. В городе вспыхнул бунт. Соперники Хвоста бояре Вельяминовы и другие вельможи сбежали из Москвы, но, когда страсти улеглись, Иван II призвал их в столицу.

1357 год. Иван II Иванович и митрополит Алексий призвали во Владимир князя тверского Василия Михайловича и его племянника, князя холмского Всеволода Александровича, враждовавших между собой. Все попытки примирить их не увенчались успехом.

В Орде своим сыном Бердибеком был убит хан Джанибек. В Орде началась междоусобица между потомками Чингисхана.

Митрополит Алексий ездил в Орду и убедил Бердибека оставить без изменения льготы, дарованные Русской церкви предшествующими ханами.

1358 год. Митрополита Алексия встречали в Москве великий князь, бояре, народ. Восьмилетний сын Ивана II Дмитрий, согласно преданиям, сказал со слезами на глазах: «О, владыко! Ты даровал нам житие мирное: чем изъявим тебе свою признательность?»

1359 год. 13 ноября Иван II Иванович умер.

Экстремальные природные явления, эпидемии, пожары в Москве, зафиксированные в русских летописях
(1276 — 1359 гг.)

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
1286	Русская земля	Эпидемия: «Великий мор по всей Русской земле»	ПСРЛ, т. 2, с. 347
1293	Ростов Великий	Сильная буря, которая срывала с основания церкви	ПСРЛ, т. 2, с. 348
1298	Ростов	Сильная буря 17 июля	ПСРЛ, т. 30, с. 187
1309	Русская земля	Засуха: «...меженина велика». Нашествие грызунов: «Пришла мышь и поела рожь, и овес, и пшеницу, и всякое жито». Эпидемия и эпизоотия: «...бысть мор на люди, кони и на всякий скот». Голодный год: «...глад крепок по всей земле Русской»	ТЛ, с. 353; ПСРЛ, т. 18, с. 87; т. 20, ч. 1, с. 173
1331	Москва	3 мая пожар. Сгорел Кремль	ТЛ, с. 361
1333	Русь	Вероятно, сухое лето. «Был пожар в Руси», погорели Москва, Вологда, Витебск, «все погоре»	НПЛ, с. 346
1337	Северо-восточные русские земли, Москва, Торопец	Сильное наводнение: «...тое же осени бысть поводь велика». Москва «вся погоре и тогда же наиде дождь силен и потопе все иное в погребах, иное на площадях, что где выношено... Того же лета и Торопец погоре и потопе». Голодный год	НПЛ, с. 348; ТЛ, с. 362; ПСРЛ, т. 7, с. 205; т. 10, с. 207
1347	Тверская и Московская земли	Сильное наводнение: «...поводь велика вельми была, якоже и бывала ина такова». Голодный год	ПСРЛ, т. 15, в. 1, с. 57
1351	Владимирская земля	Сильная буря, которая разрушила многие строения и церкви	ПСРЛ, т. 10, с. 222
1354	Москва	Во время пожара сгорел Кремль	ПСРЛ, т. 25, с. 179; т. 30, с. 111

Часть четвертая

Возвышение Москвы

(1359 — 1462)

Дорога к полю Куликову

В период с 1359 по 1462 годы Москва из столицы небольшого удела превратилась в стольный град Великого княжества Московского. К моменту вокняжения в 1462 году Ивана III Васильевича оно достигло таких экономических, политических и военных успехов, что, во-первых, возвышение Москвы над другими русскими городами стало очевидным фактом, а во-вторых, великие князья, духовенство, бояре, служилые и ремесленные люди московские почувствовали, что именно Москве придется решать следующую эпохальную задачу — задачу устройства не только Московского пространства и даже не только Великого княжества Московского, но всей Русской земли, Русского государства.

В это же столетие окончательно сформировался социально-политический лик Москвы-народа, его сложный, иной раз кажущийся противоречивым характер, заявлявший о себе в критические мгновения истории, например в великой Куликовской битве, во время нашествия Тохтамыша, в перипетиях последней распри русских князей и в обыденных взаимоотношениях обитателей Москвы.

Проследив эти взаимоотношения и взаимосвязи людей, находящихся на разных социальных параллелях и вертикалях быстро развивающегося средневекового города с пестрой экономикой, можно получить представление о ветвистой структуре городской власти в столице Великого княжества Московского, о полной драматизма внутримосковской политической жизни, о которой многие авторы (летописцы, ученые, писатели) часто забывают в своих трудах, уделяя огромное внимание событиям эпохальным, громким. Но именно в глубинах московского бытия, скрепленного разноцветными, разнопрочными нитями древних и новых обычаев и законов сокрыты ключевые подсказки для осмысления всей истории города Москвы.

Во главе московской «пирамиды власти» в то ответственное столетие стояли великие князья Дмитрий Иванович Донской, Василий Дмитриевич и Василий Васильевич Темный. О сложности и неоднозначности политической ситуации в Москве, о непрочном, только, как выяснилось, с виду, положении великих князей московских говорит, например, динамика борьбы Москвы с Тверью за главенство на Русской земле.

Еще в начале XIV века, по мнению авторитетных ученых, Тверь возглавляла сопротивление ордынцам, а в конце этого столетия тверской князь Михаил Александрович получил в Орде ярлык на великое княжение

и титул великого князя тверского и всея Руси. На рубеже XIV — XV веков Тверь опережала Москву в «исторической гонке», возможностей закрепить успех у тверских князей было немало, но этого не случилось по разным причинам, об одной из которых следует поведать уже во введении в главу «Возвышение Москвы».

Москва и ее повелители со времен Ивана Калиты никогда не стремились удивить заезжих гостей (и русских, и иностранных) дорогостоящими сооружениями, строительство которых осуществлялось бы в ущерб обороноспособности города и благосостояния его граждан. Хорошо известно, что Иван Калита, Дмитрий Донской начинали крупные строительные кампании с возведения прочных крепостных укреплений вокруг поселения на Боровицком холме. Тверские же князья, соорудив деревянные стены, обмазанные глиной, возвели в городе богатый, дорогостоящий каменный собор, с мраморным полом и медными дверями.

В Древней Греции, помнится, тоже шел спор о том, нужны ли городу прочные стены. Великий Ликург, законодатель города-полиса Спарты, считал, что всевозможные укрепления лишь расслабляют воинов. Суровые законы, аскетизм, лаконизм не только жизни, но и мышления спартанцев, их непревзойденные подвиги, например, в битве при Фермопилах, да и в остальных сражениях во время греко-персидских и других войн, уважение и авторитет, которыми спартанцы пользовались среди друзей и врагов в течение более чем пятисот лет (спартанцы, например, были самыми лучшими и желанными третейскими судьями), казалось бы, говорят о том, что тверичи были сторонниками спартанского образа жизни и прочные стены вокруг Твери строить в XIV в. н. э. было не нужно. Но в той же Греции жил в VII — VI в. до н. э. еще один великий человек — Солон, законодатель Афин. Приняв его концепцию жизни, афиняне совершили военных подвигов не меньше, чем спартанцы. Никто в Греции, да и за ее пределами, не осмелился бы назвать афинянина трусом. Зато уж и аскетами они не были! В эпоху Перикла именно афиняне сотворили великое множество произведений искусства, надежно защищенных прочными стенами, которые, справедливости ради стоит напомнить, не всегда спасали город от врагов...

Так нужны ли были средневековому русскому городу прочные крепостные сооружения и кто же все-таки прав, тверичи или московиты? Ликург и Солон потому-то и стали великими, что они с гениальной точностью угадали, во-первых, социальный заказ ее величества истории, во-вторых, возможности и желания спартанцев, принявших разумом и сердцем концепцию государственного аскетизма, и афинян, сторонников роскошной жизни, красоты рукотворной и даже безграничных излишеств в этой роскоши и красоте.

Московские князья потому-то и победили тверских в двухсотлетнем споре, что они точнее сориентировались в пространственно-временном историческом поле и поняли возможности и внутренние устремления своих подданных и всех русских людей. Красоту русские люди любили ничуть не меньше афинян. Кстати, еще и поэтому они приняли крещение по православному обряду: благолепие и роскошь внутреннего убранства церквей в Византии удивительным образом совпадали с желанием не

столь уж богатых русских людей богато украсить церкви на Руси, куда они приходили в гости к Всевышнему. Никаких средств не жалели русские люди для этих праздников духа. Строили они богатые церкви даже в самые тяжкие годы и века после нашествия Батыя. Но... спартанским духом ни тверичи, ни московиты, ни обитатели других городов и княжеств русских не обладали, жили, как аскеты, но аскетизм их был вынужденным.

Да, такой он есть русский народ: степенный, спокойный, но не трусоватый. По натуре русский народ не ниндзя. Он не может, не хочет и не будет жить изо дня в день по законам военного времени — народ-то он невоинственный. Значит, нужны ему для защиты крепостные стены.

«Московские соборы XIV — XV столетий не привлекали своими редкостями, недаром же создания Калиты так быстро обветшали, зато в Москве всегда пеклись о прочности городских укреплений и опередили многие другие города в постройке каменных стен»[1].

Первым важным делом Дмитрия Донского было возведение каменных кремлевских стен. В Кремле находился и великокняжеский дворец, и двор на случай осады, и конюшни. Все великокняжеские постройки рубились из дерева, они так же быстро, как и боярские дворы, и дома простых людей, сгорали во время частых пожаров, и даже в этом бытие великого князя походило на бытие его подданных.

Кроме великокняжеского дворца, в Кремле находился митрополичий двор, церкви, монастыри, а также дворы удельных князей и бояр. На Боровицком холме сосредоточились все представители власти. Отсюда шло управление городом, городским хозяйством, великим княжеством.

Долгое время Москвой владел дом Калиты. Это совместное владение, странное для города и для князей Мономашичей, тяготеющих еще со времен Юрия Долгорукого к централизации власти, началось после смерти в 1303 году Даниила Александровича, когда его сыновья вместе сидели в Москве и вместе дружно воевали с тверскими князьями. В 1307 году между ними вспыхнула ссора, Александр и Борис уехали в Тверь. Вскоре первый из них умер, а второй вернулся в Москву.

После смерти братьев (они умерли бездетными) вся московская отчина перешла к Ивану, младшему сыну Даниила Александровича, единственному законному наследнику.

Иван I Калита в 1340 году перед смертью призвал к себе трех сыновей и объявил свое завещание, по которому Москва была поделена на три части, и каждая из них передана во владение Симеону, Ивану и Андрею. У гроба отца сыновья целовали крест, заключив между собой договор о так называемом третном владении Москвой. Согласно этому договору, был утвержден великокняжеский тысяцкий, наместники князей-совладельцев, а также наместники самого великого князя.

Князья-третники «уступали старшему Симеону на старшинство половину таможенных сборов — «полтамги», оставляя половину за собой.

---

[1] *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва. М.: Книжный сад, 1997. С. 59.

Великий князь имел право судить живших в Москве княжеских слуг в случае их тяжб со слугами великого князя»[1].

Третное владение заметно усложнило управление экономикой и хозяйством столичного города, не раз между третниками и их представителями возникали недоразумения и даже ссоры, но... Иван Калита не ошибся, придумав столь хитрую систему владения Москвой! Об этом говорит тот факт, что третное владение столичным городом с незначительными изменениями просуществовало до конца XV века, а род Калиты удерживал власть до конца XVI столетия!

Любая законодательная инициатива крупного государственника (а завещание Калиты вполне можно отнести к таковой) проверяется временем. Счастливым можно назвать человека, хотя бы внуки и правнуки которого пожили счастливо, ощутили благодеяния своего деда или прадеда на своей судьбе. А зачем, собственно говоря, людьми с давних пор придуман обычай передачи потомкам наследства, экономического и политического? Почему сердце каждого старика волнуется всякий раз, когда видит он сыновей и внуков? Почему это волнение усиливается с каждым днем? Потому что счастье любого нормального человека находится далеко за пределами его жизни, и он это знает, и делает все, чтобы потомки его жили счастливо.

Не все люди, находясь у своей финишной черты, чувствуют себя счастливо. Даже те, которые пишут завещания платиновыми ручками, нежатся в богатых кроватях из золота с золотыми, сверкающими зеркальным свежим блеском, набалдашниками работы великих мастеров. Не все люди уверены, что их потомкам удастся сделать то, о чем мечтают старцы на смертном одре. Иван Калита мог чувствовать себя спокойно. И счастливо. Третное владение Москвой, несмотря на все кажущиеся минусы этой системы, несмотря на частые разногласия между князьями-третниками, позволило сохранить род Ивана Калиты, позволило постоянно, из поколения в поколение увеличивать экономическое и политическое могущество всего рода, а не отдельной его ветви, пусть и самой крепкой.

Иван Данилович государственным умом своим очень точно определил момент, с которого началось неуклонное возвышение Москвы над русскими городами и княжествами, начался длительный процесс создания крупной державы. В подобных ситуациях в разных государствах мира существовали разные формы власти: была аристократическая республика в Риме, была и авторитарная монархия в Азии. Русская земля развивалась по своим особенным путям. Конечно, при некоторых оговорках всю эпоху правления Рюриковичей, начиная с князя Олега и кончая Федором Ивановичем, можно назвать историей аристократической республики, претерпевшей на своем веку разные метаморфозы, исполнившей к началу XVI века свое историческое предназначение и уступившей место другой системе государственного правления — монархической, единодержавной. Это сложное движение аристократической республики к монархии имело в державе, смонтированной Рюриковичами, свои сложности и особенные национальные черты.

---

[1] *Тихомиров М Н* Указ. соч. С. 217.

Иван I Данилович неспроста создавал доселе неизвестный на Руси образ правителя — царя-батюшки. Он раньше других чутким сердцем понял, что, во-первых, именно в монархии спасение обширной Русской земли от супостатов, а во-вторых, старые обычаи — эту сложную смесь обычаев, привнесенных Рюриковичами, обычаев славян, угро-финнов и степняков (печенегов, половцев и ордынцев) без долгой и упорной борьбы не победить. И русский князь нашел удивительно точный стратегический ход, дав потомкам завещание: не выпускать власть из дома московских князей, а остальное жизнь расставит по местам.

В очерке «Что такое были трети в Москве» академик М. Н. Тихомиров приходит к выводу, что «княжеская треть представляла собой, с одной стороны, определенную территорию в городе, с другой — право князя-совладельца на доходы, получаемые от тамги, а вероятно, и от других пошлин»[1]. О тамге, о других сборах и пошлинах будет сказано подробнее, когда речь пойдет о купцах. Сейчас же важно напомнить о том, что ни один из великих князей московских не посмел отменить третное владение, даже после шемякинской смуты, которая наглядно продемонстрировала «все невыгоды и даже опасности, проистекавшие от третного владения Москвой»[2] и в которой не последнюю роль сыграл князь Василий Ярославич, внук Владимира Андреевича Храброго, владевший третью Москвы.

Великий князь Василий II Васильевич Темный с большим трудом и немалыми потерями справился с шемякинской смутой. Перед его смертью уже почти вся Москва стала принадлежать ему (треть Василия Ярославича он взял на правах победителя, а другую треть князь Иван Можайский сам завещал великому князю). Казалось, он просто обязан был сохранить единство Москвы, завещать целиком всю столицу старшему сыну. Но на смертном одре в 1462 году Василий Темный завещал своему старшему сыну Ивану Васильевичу «треть в Москве и с путми...». Юрий и Андрей получили треть Василия Ярославича, именовавшуюся по имени Владимира Андреевича Володимерскою, которую они должны были разделить по половинам, «а держати по годом». Борис был благословлен «годом княжим Ивановым Можайского», а Андрей Меньшой «годом княжим Петровым Дмитриевича»[3]. Причину столь упорного желания дробить власть в Москве и, главное, столичные доходы нужно искать все там же — в государственной концепции, заложенной в завещании Ивана Калиты.

Лишь Иван III отказался от этой концепции, завещав сыну Василию «город Москву с волостьми и с путми»[4]. Но даже Иван III, которого называли царем всея Руси и который царем являлся по сути своей, в 1505 году, когда, казалось бы, возникли объективные предпосылки отмены третного владения, все-таки оставил особого наместника «на княж Володимерской трети Андреевича».

---

[1] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 220.
[2] *Там же.* С. 221.
[3] *Там же.* С. 222.
[4] *Там же.* С. 223.

Академик М. Н. Тихомиров, оценивая этот факт из жизни Москвы, говорит о силе традиции, подвигнувшей Ивана III на столь неожиданный шаг. Но надо помнить, что долговечность любого обычая, любой традиции имеет под собой веские, объективные причины, а отцы-основатели подобных третному владению Москвой исторических явлений потому-то и гениальны, что они смогли проникнуть в объективность причин, уловить основное направление движения истории в данной стране на конкретном временном отрезке. Традиции и обычаи — это не прихоть баловней судьбы и даже не блажь народная, это историческая необходимость! С ней считались даже ханы Орды. Ведь не посадили же они на великое княжение монгола, ведь не устроили ордынские города на месте русских, ведь не стали чеканить на Руси свою монету — нет, великокняжеский двор всегда чеканил свою, что, кстати, говорит о политическом суверенитете Руси в 1238 — 1480 годы.

...Третное владение Москвой закончилось, Василий III Иванович (1505 — 1533) и Иван Васильевич Грозный владели всей Москвой и не делились властью с представителями младших княжеских линий. «Даю ему (то есть сыну Ивану) город Москву с волостями и станы, и с путми, и с селы, и з дворы с гостиными и посадскими, и с тамгою, и с мытом, и с торги, и с лавками, и с дворы гостиными, и со всеми пошлинами», — пишет в своем завещании Иван Грозный[1].

Митрополиты

Еще в первой половине XIV века, как было сказано выше, русские митрополиты выбрали Москву в качестве постоянной резиденции, и столица небольшого в те годы княжества получила сильного союзника в борьбе за главенство над русскими городами, за объединение Руси. Митрополиты всея Руси имели право ставить епископов и судить их. В Москву уже в 1325 году приехал к митрополиту Петру кандидат в новгородские епископы, после чего подобные вояжи духовных лиц из разных русских городов в Москву стали постоянными. В Москве соединялись многочисленные политические нити, Москва имела тесную связь с константинопольскими патриархами, с многими православными центрами в южнославянских землях, а также с афонскими монастырями. Авторитет митрополитов всея Руси в православном мире был высок и с каждым десятилетием повышался. Это в свою очередь возвышало авторитет митрополитов среди русских людей, обитавших в Москве, авторитет самого города и великих князей московских, которые — необходимо об этом помнить! — в Москве стояли на социальной лестнице на одну ступень выше духовных владык.

Такое положение может показаться странным: многие русские князья долгое время не признавали притязаний московских князей на политическое главенство над Русью и в то же время из-за страха отлучения от церкви боялись митрополитов всея Руси, административно подчинявшихся московским великим князьям. Князья ревностно исповедовали веру православную. И не раз проявляли тонкое понимание сложных религиозных

[1] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 223 – 224.

проблем. Так, например, в XV веке Василий Темный резко выступил против решения митрополита всея Руси одобрить унию православной и католической церквей под патронатом папы римского. Все попытки высших духовных лиц христианских церквей уговорить князя окончились неудачно. Москва предпочла православие.

О непростых взаимоотношениях митрополитов всея Руси и великих князей московских говорят многие события в истории Москвы и в истории Русского государства. Хорошо известно, что, начиная с Ивана Калиты, московские князья не раз использовали митрополитов в политических делах, о чем свидетельствует история борьбы Калиты с тверским князем Александром Михайловичем, когда митрополит Феогност, «послав проклятие и отлучение на князя Александра и на пьсковичь», поддержавших тверичанина, решил исход дела в пользу московита. Да и Сергий Радонежский закрытием церквей и запрещением нижегородцам выполнять церковные обряды помог московскому князю Дмитрию Ивановичу одержать верх над князьями Нижнего Новгорода. Подобные примеры этим не исчерпываются. Они подтверждают мнение ученых о том, что московское духовенство в московской иерархии власти было не на первом месте, оно и не стремилось брать на себя бремя светской власти. Еще одним доказательством этой мысли является тот факт, что лишь в 1392 году между князем Василием Дмитриевичем и митрополитом Киприаном был заключен договор, согласно которому «митрополичьи земли были освобождены от подчинения великому князю и его слугам. Договор устанавливал иммунитет монастырских сел, впрочем, пользовавшихся этим иммунитетом и раньше»[1].

На этот факт следует обратить внимание по следующей причине. Как известно из истории Орды, в 1270 году хан Менгу Тимур издал указ: «На Руси да не дерзнет никто посрамлять и обижать митрополитов и подчиненных ему архимандритов, протоиереев, иереев и т. д. Свободными от всех податей и повинностей да будут их города, области, деревни, земли, охоты, ульи, луга, леса, огороды, сады, мельницы и молочные хозяйства. Все это принадлежит Богу и сами они Божьи. Да помолятся они о нас».

Хан Узбек еще больше расширил привилегии церкви: «Все чины православной церкви и все монахи подлежат лишь суду православного митрополита, отнюдь не чиновников Орды и не княжескому суду. Тот, кто ограбит духовное лицо, должен заплатить ему втрое. Кто осмелится издеваться над православной верой или оскорблять церковь, монастырь, часовню — тот подлежит смерти без различия, русский он или монгол. Да чувствует себя русское духовенство свободными слугами Бога»[2].

Русское духовенство уже при хане Берке, брате Батыя, ощутило на себе благосклонное отношение со стороны повелителей Орды. В своей столице он позволил христианам отправлять богослужение по православному обряду, и с его разрешения «митрополит Кирилл в 1261 году учредил

[1] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 206.

[2] *Хара-Даван Эренжен.* Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. С. 193—194.

для них особую экзархию под названием Сарской, с коею соединил епископию южного Переяславля впоследствии»[1].

Эти и другие многочисленные факты говорят не только о веротерпимости ханов, но и об огромных экономических возможностях Русской православной церкви во времена жесткой данной зависимости Руси от Орды. Митрополиты всея Руси, епископы, игумены все новых и новых монастырей распорядились «ханскими льготами» очень мудро, по-православному. Расширяя свои владения, приобретая разными путями земли, деревни, села, города, они, по сути дела, превращались в крупнейших феодалов средневековой Руси, князья, бояре, купцы, знатные и незнатные граждане которой вынуждены были часть своих доходов отдавать ордынским баскакам, а позже (с Ивана I Калиты) — московским князьям. Богатства у Русской церкви были огромные и постоянно пополнялись из различных источников: из пожертвований русских людей, из сельскохозяйственных, ремесленных и других предприятий, принадлежащих церкви и не облагаемых ордынским налогом. Попросту говоря, церковь превращалась в своего рода государство в государстве, всеми, в том числе и ордынцами, уважаемое и почитаемое. Это государство с центром на Боровицком холме, где дворцы митрополита всея Руси и великого князя московского стояли по соседству и окнами смотрели друг на друга, имело немалые шансы установить не только духовную, но и политическую власть над русскими княжествами, боровшимися друг с другом за главенство над Русью.

Идея создания Священной Русской империи по подобию Священной Римской наверняка волновала умы русских митрополитов, но по следам римских пап Православная церковь не пошла в суровые для Руси XIV — XV века, хотя искус у нее был немалый. Но именно тем-то и отличается православие от католицизма, что оно больше заботится о Царстве Небесном, чем о царствах земных. Это очень большая разница. Это, видимо, всегда чувствовали все русские люди, отдававшие в наследство церквям и монастырям все свое богатство: кто-то дом свой обветшалый да землицы клок, кто-то хоромы расписные да ухоженные поля, да угодья, да скотину. Об этом знали те, кто отказывался от всего мирского и уходил в монастыри, отдавая себя служению Богу и мечтая лишь о Царствии Небесном. «Большое количество монастырей придавало Москве своеобразный вид, так как каждый монастырь представлял собой настоящий феодальный замок с оградой и нередко с каменной церковью внутри ее. Монахи и послушники жили в самом монастыре, а за его оградой располагалась монастырская слободка, населенная ремесленниками. Зависимые монастырские люди, «челядь», третники и половинники, отдававшие в монастырь половину и треть своего урожая, были заметной прослойкой в городском населении...»[2]

Монастырей в Москве и ее окрестностях было много. Некоторые ученые считают, что уже в XIV — XV веках они играли роль военных форпостов, занимая выгодные позиции на ключевых точках обороны

---

[1] *Хара-Даван Эренжен* Указ. соч. С. 194.
[2] *Тихомиров М. Н* Указ. соч. С. 214.

города. Но, как совершенно справедливо заметил в свое время еще академик М. Н. Тихомиров, «такое наблюдение находит оправдание в действительности XVI — XVII веков, когда эти монастыри были окружены мощными крепостными оградами»[1].

По этому поводу можно высказать и иное мнение. В XIV — XV веках возведение монастырей с чисто военными целями, то есть как малых крепостей, своего рода волнорезов на пути к Москве, было невозможно потому, что ордынцы тут же поняли бы значение монастырей и вряд ли отнеслись бы к этому благосклонно, похвалили бы митрополитов, епископов, игуменов за проявленное рвение в деле повышения обороноспособности Русской земли.

Но, несмотря на все вышесказанное, монастыри все же были способны укрыть за своими стенами не только духовное воинство. Это упустили из виду ордынские ханы. Они, вполне возможно, понадеялись на то, что обласканное, облагодетельствованное ими православное духовенство проявит к завоевателям лояльность и верноподданнические чувства и уж во всяком случае не будет демонстрировать недовольство ханами и их воинами.

Внешне, между прочим, все выглядело именно так, как хотелось бы любому завоевателю. Русское духовенство, русские монастыри процветали, в Москве часто проводились торжественные, пышные, дорогостоящие богослужения. Митрополит «жил на дворе митрополичьем, и на месте и возвышении митрополичьем сидел, и ходил во всем одеянии митрополичьем в белом клобуке и в мантии, и ризницу митрополичью взял, и бояре митрополичьи ему служили, и отроки (слуги) митрополичьи ему предстояли, и когда куда пойдет, они шли впереди его по сторонам»[2]. И была большая, роскошная свита у митрополита Московского и всея Руси. И большая свита сопровождала митрополита в дорогостоящие поездки по стране и даже в страны далекие, например в Константинополь. И вся-то Русь, если и не сплошь голь перекатная, то совсем небогатая, лапотная, смотрела на богатое русское духовенство, на пышное убранство русских храмов, и не завидовала Русь этому богатству, не завидовала. Более того, русский люд как бы поддерживал это богатство: третников и половинников было у каждого монастыря, у каждого храма немало!

Непонятный русский дух? Ну почему же непонятный — очень понятный: раз уж случилась такая беда неминучая, раз уж пришла гроза страшная да разрушила она Русь, ослабила-ограбила, разорила-опозорила, раз уж нет у русского народа силушки одолеть врага нежданного, раз уж заказано ему судьбой с Ордой век коротать в бедности позорной, раз уж все так плохо получилось, но... не совсем ведь плохо получилось — Русь жива, пусть и на колени ее поставили, пусть в нищенку превратили, но ведь не убили, не осилили совсем Русскую землю ордынские ханы и надежду на великое будущее не убили великие завоеватели, погубившие от Бирмы до Польши много народов разных, красивых и добрых, но

[1] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 213.
[2] *Там же.* С. 209.

слабых духом, раз уж русский дух пересилил все, позор осилил свой, победил, раз уж появилась у русского человека надежда, мечта великая, так неужто он, русский человек, от великого князя московского до калеки-нищего у самой крохотной церквушки, мечту свою не украсит, не отдаст ей кто-то треть, кто-то половину, кто сколько может, не порадуется в душе, глядя на мечту свою, на Царствие Небесное, где будет он обитать в благолепии чинном и в гордом сознании того, что Русь жива, что русский дух необорим, что потомкам тех третников, половинников удалось-таки согнать Орду с Русской земли?! Ничего непонятного нет в русском духе, в русском человеке православном. Он, мечтатель по натуре, всю жизнь может в лохмотьях в поле выходить, но в храм Божий, в церковь пойдет он при всем параде, чтобы людей посмотреть и себя показать, чтобы духом укрепиться, русским духом подышав под звуки напевные молитв, застыв под изукрашенными сводами и поглядывая робко на благомудрые лики икон в золоченых окладах, где и его — любого русского — песчинка золотая есть.

Православная церковь XIV — XV столетий была, образно говоря, хранительницей и копилкой русского духа, и этим своим качеством, помимо всего прочего, она сыграла выдающуюся роль в деле... обороноспособности страны. И ничего в этом странного, удивительного нет! Начиная с походов Святослава Игоревича, а то и раньше — с Игоря, со славян, поражавших своими воинскими подвигами лучших полководцев VI — VII веков, зародилась и обрела основные характерные черты русская военная доктрина, в которой, как хорошо известно, особое место принадлежит воинскому духу — русскому духу. «Там русский дух, там Русью пахнет!» — эти строки придуманы были неспроста, не красивого словца ради. Страшнее атаки русских на поле Куликовом ордынцы не видели ничего за более чем стопятидесятилетнюю историю захватнических войн.

Русский дух — невоинственный по своей сути. Иначе бы не вырастали на Русской земле богатые церкви православные, а возникали бы монастыри, где развивались школы боевых искусств, школы военного дела. Русский дух нашел себе иное убежище, иные создавал он монастыри, хотя нельзя забывать и о феномене Осляби и Пересвета: если послушник Божий берется за оружие, он будет биться насмерть.

Согласно летописным, любому православному известным сведениям, Пересвет сразился с лучшим поединщиком Орды Челибеем и не проиграл бой — свел поединок в смертельную ничью. Сергий Радонежский, благословив Дмитрия Ивановича на битву с темником Мамаем, выделил ему двух иноков, закаленных в молитвах и послушании Богу бойцов, похожих чем-то на спартанских аскетов. Многозначительный жест, единственный в истории православия случай. Но с той поры на Руси все сражения за независимость начинались с молитвы всего войска, с обращения его к Богу, чтобы в бою не попустительствовал Он в жестокосердии и свирепости, чтобы в пылу битвы не дал низменным инстинктам взять верх над духовной сутью человека, чтобы оградил от излишнего пролития крови, чтобы дал сил умереть за дело правое. ...Там русский дух, там Русью пахнет.

Именно в приготовлении людей к сражениям за независимость политика Православной церкви и политика московских князей совпадала всегда. Потому-то владыки Православной церкви всегда находили общий язык с великими князьями. К сказанному необходимо добавить, что взаимоотношения великих князей московских (а затем и князей всея Руси) с духовенством были совсем не идеальными, даже в XIV — XV веках, но до серьезных столкновений между ними не доходило, в основном благодаря мудрой уравновешенной политике духовных пастырей.

Тысяцкие

Тысяцкие — это предводители городского ополчения вплоть до XV века. Часто эта должность передавалась по наследству. Огромную роль тысяцкие сыграли в первые четыре столетия истории Москвы. Здесь они ведали не только военными, но и мирными — хозяйственными и административными — делами, что повышало их авторитет среди всех слоев населения города, увеличивало богатство и, как следствие этого, привело к гибели не только Степана Ивановича Кучку, который вполне мог быть, как написано в некоторых летописных источниках, тысяцким, его отчаянных детей, а позже Алексея Петровича Хвоста, но и к ликвидации самой должности тысяцких.

К сожалению, в русской историографии и романистике «Дела тысяцких» не существует. Но даже те сведения, которые буквально по крохам можно собрать и выстроить в хронологическую последовательность, говорят о многом.

Известно, что родоначальником старинного дворянского, а затем графского рода, который, вероятнее всего, еще не пресекся, был «дивен муж, честию своею маркграф Аманда Босовол, крещеный именем Василий», как написано в летописях. Выехал он из Пруссии при великом князе Даниле Александровиче еще в 1267 году, вскоре стал наместником московским. В Русском государстве XII — XIV веков наместники возглавляли местное управление. Эта должность по рангу была чуть ниже должности тысяцкого, но поражает сам взлет Аманды Босовола! Видимо, действительно зело был «дивен муж, честию своею маркграф», если сын Александра Невского дал ему должность вторую после должности тысяцкого, которую, кстати, он поручил потомку знаменитого Георгия Симоновича Протасию. «Родословная книга бояр Воронцовых-Вельяминовых свидетельствует, что у Володимира с первым московским князем Даниилом Александровичем приехал в Москву потомок варяга Юрья Шимоновича Протасий, первый тысяцкий в Москве, как она стала Великим Княжением. А Юрий Шимонович, как известно, был опекуном, а следовательно и тысяцким, еще у Всеволода Ярославича, а потом у Юрья Долгорукого, в Ростове и Суздале»[1].

Современные историки считают, что при Иване Калите Московское княжество еще не было великим, но главное в рассказе о тысяцких другое: в Москве в одно и то же время появляются два могучих рода — потомки Аманды Босовола, наместники столицы княжества, и потомки

[1] *Забелин И. Е.* История города Москвы. М.: Наука, 1995. С. 442.

Георгия Симоновича, «первые тысяцкие Москвы». Естественно, что между ними разразилась непримиримая борьба за власть. Она закончилась печально для первых: правнук Аманды Босовола, Алексей Петрович Хвост, первый из этого рода ставший тысяцким, был убит при загадочных и невыясненных обстоятельствах. После зверского убийства Воронцовы-Вельяминовы бежали из Москвы, а в городе вспыхнул бунт. Московский люд взбунтовался, жаль было людям Алексея Петровича... Бунт, впрочем, быстро погас, дело Хвоста осталось нерасследованным, бурные годы лихолетья (моровая язва гуляла по Руси) навсегда отвлекли людей от этой темы.

Но почему же московский народ, хоть и жалостливый, но не глупый, не сдержался, почему взбунтовался? Любой бунт можно оценивать как результат своеобразных выборов. Против кого бунтовали жители Москвы? Против Воронцовых-Вельяминовых. Чем же не потрафил обитателям Боровицкого холма и его окрестностей славный род — род тысяцких? Существует один простой ответ на этот вопрос: тысяцкие по долгу службы следили за сбором разных пошлин и налогов, обогащались на этом, а горожане, вместе с ними приезжие и гости видели это, копили в сердцах своих недовольство. У наместников подобной возможности богатеть и злить тем самым завистливых людей было неизмеримо меньше. Наместники, вероятно, больше напоминали по своим правам и обязанностям этаких всегородских старост с весьма ограниченными полномочиями... По всей видимости, данное объяснение имеет под собой реальную основу.

Как же Хвостовым удалось на равных соперничать с мощным родом Георгия Симоновича? Как удалось им заполучить ближайшие от Кремля земли — село Хвостово, — что считалось престижным и выгодным? Может быть, Аманде Босоволу или кому-то из его родственников удалось удачно женить или выдать замуж своих детей? Но если это так, то какое же сватовство, какое же родство могло быть самым выгодным для человека, приехавшего в Москву в конце XIII столетия? Родство с древним и знаменитым московским родом. Тогда и уважение всех жителей города обеспечено, и быстрые связи, и неплохие возможности расширять и укреплять хозяйство.

Самым древним и знатным родом, самым достойным для наместника был род Степана Ивановича Кучки, то есть Кучковичи, о которых летописных сведений, датированных XIII, а тем более XIV — XV веками, нет. Но это не значит, что не было в Москве Кучковичей! Это не значит, что остатки этого рода после расправы над ними Георгия Всеволодовича вмиг обеднели и потеряли авторитет среди жителей Москвы, и «Сказание об убиении Даниила Александровича» лишний раз подтверждает вышесказанное: Кучковичи (вероятно, под другими фамилиями) могли оставаться влиятельными людьми в Москве, а «Сказание» не выдумка досужего ума.

Так или иначе, но Алексей Петрович Хвост, имевший под боком у Кремля село, чем-то не угодил Симеону Гордому. Чем же? Что могло оскорбить князя до глубины души? Разве не могла быть причиной размолвки великого князя с первым из рода Хвостовых связь нового тысяц-

кого с родом Кучковичей, одно имя которых приводило Рюриковичей в страшный гнев?

Эти версии и фактологические пробелы ни в коем случае не должны отпугивать думающих людей от данной серьезной темы «Дело тысяцких в Москве» хотя бы потому, что в них есть тайна, в них есть угасший в летописях (а может быть, неугасший в действительности) род одного из отцов-основателей города Москвы.

Тысяцкие назначались князем, а значит, формально князь мог снять любого из них с должности. На самом деле подобное случалось не часто. Тысяцкие, поддержанные боярами и городским населением, могли постоять за себя и свою честь. Они ведали «судебной расправой над городским населением, распределением повинностей и торговым судом, тысяцкие вступали в близкие отношения с верхами городского населения, а при благополучных условиях могли опереться на широкие круги горожан»[1].

Наместники

Права и обязанности наместников в Москве были очень похожи на права и обязанности тысяцких. Основное отличие между этими высшими должностями в городе состояло в том, что наместник находился в большей зависимости от князя. Новые порядки в Москве установились гораздо позже отмены должности тысяцких, примерно в 1425 — 1433 годах. Тогда княгиня Софья Витовтовна назначила на должность московского наместника Ивана Дмитриевича Всеволжского.

«Реформа Софьи Витовтовны сводилась к тому, что она подчинила наместническому суду все городские дворы без изъятия, в том числе и дворы городских удельных князей, чем нарушались права последних. Переход всех дворов под судебную власть большого наместника должен был вызвать недовольство удельных князей как шаг, направленный к умалению их феодальных прав. Следовательно, этот переход надо расценивать как один из поводов к феодальной войне середины XV века»[2].

Но сам этот перевод всех дворов под власть наместника, необходимо заметить, был не прихотью дамочки, возмечтавшей о единоличной власти. Великое княжество Московское неотвратимо следовало к единодержавному государству, и постепенно у князей забирали их привилегии. Процесс болезненный. Князья своих прав так просто не отдали бы. В любом случае Русскую землю ожидала еще одна междоусобица, названная С. Ф. Платоновым последней распрей русских князей, которая, в свою очередь, стала первой частью сложнейшего урока на тему «Переход Русского государства из финальной стадии феодальной раздробленности к созданию крупного национального государства».

О том, как решали эту задачу русские люди, какое предлагали решение важные наместники московские, мечтавшие больше о собственном благополучии, чем о каких-то исторических головоломках, рассказано коротко в основном тексте книги, а сейчас неплохо было бы познако-

---

[1] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 193.

[2] *Там же.* С. 198.

миться с некоторыми полномочиями этих должностных лиц, крупнейших чиновников Великого княжества Московского.

«Большой наместник был облечен крупными судебными полномочиями. Ему подчинялись по суду об убийцах все московские дворы, в том числе и дворы митрополита, великой княгини, монастырей и самого великого князя. Судьи крупных феодалов, имевших владения в Москве, только присутствовали на суде наместника и смотрели «своего прибытка», то есть получали пошлины с людей, подвластных их господам, наместник судил дела о душегубстве, о кражах с поличным, о нанесении бесчестия и т. д. Он же устанавливал для враждующих сторон «поле» — судебный поединок, весьма распространенный в московском законодательстве. Местом поединка была площадка у церкви Троицы «на Старых полях» в Китай-городе, поблизости от того места, где теперь стоит памятник первопечатнику Ивану Федорову. Наместник с третником судил людей, пойманных с поличным в Москве, не отсылая преступников в другие города по обычной подсудности. Таким образом, наместничий суд в Москве... был судом в какой-то мере централизованным. Московские судебные порядки в основном послужили образцом для статей Судебника 1497 года»[1].

Бояре

Бояре в Русском государстве IX — XVII веков — высшее сословие феодалов. В Киевской Руси это были потомки родоплеменной знати, старшие дружинники, вассалы и члены княжеской Думы, крупные землевладельцы, имеющие право отъезжать к другим князьям. В Новгородской республике бояре фактически управляли государством. С XIV века князья стали постепенно ограничивать права бояр. При дворах великих князей бояре ведали хозяйством. С XV века они занимали высшие должности, были первыми чинами в Боярской думе. Бояре возглавляли в XVI — XVII веках приказы, назначались воеводами.

Московское боярство формировалось в течение многих веков. Большая часть боярских родов имела глубинные московские корни. Рос город, увеличивалось население. Москва возвышалась над другими городами, росло московское боярство и его значение в административных, хозяйственных и военных делах княжества, а позднее — всего государства. Другая часть московского боярства была из бояр других русских городов, а также из стран Европы, Азии. Все они быстро омосквичивались, превращались в коренных жителей быстро растущего города. Позже, в XVI — XVII веках, когда московская знать «заболела» странной болезнью, которую по известной аналогии можно назвать чужеманией, многие бояре пожелали иметь в качестве своих родоначальников иностранцев. «Привычка выводить русские дворянские фамилии обязательно из других стран была очень удобна, так как она сразу и бесповоротно отвечала на сложный вопрос о начале боярского рода. «Муж честен» обычно появлялся из чужой земли и полагал начало знатному боярскому дому, а тем самым устранялся всякий разговор о том, кем был этот «муж честен» и его предки раньше»[2].

---

[1] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 199.
[2] *Там же.* С. 187.

Подобные явления в истории народов мира нередки, они случались и в XX веке, когда по разным причинам иной раз было выгодно (а то и жизненно важно!) выводить свой род из крестьян и рабочих, а в другой раз — из дворян, желательно столбовых. Жизнь меняется. Меняются люди. Владельцам богатых боярских покоев почему-то не хотелось вспоминать о том, что их предки обрабатывали в поте лица свою московскую землю... Действительно, странные люди — бояре! Не понять им во веки веков, что родословные даже самых-самых презнатных родов берут начало если уж не с Адама и Евы, то с тружеников, нравится им это или нет — безразлично. Труженик первичен.

Так или иначе, но состав московского боярства уже во времена Ивана I Калиты был сложный: местные бояре, суздальские и владимирские, переяславские, новгородские, ордынские, прусские и так далее перемешивались друг с другом, а также с княжескими родами.

Самые знатные бояре жили на территории Кремля. «Боярский двор в городе во всем напоминал боярскую усадьбу в деревне, только соответственным образом был меньшим по занимаемой площади. Городской двор являлся неотъемлемой принадлежностью боярского землевладения. Тесно связанные политическими событиями, в фокусе которых находился княжеский дворец, бояре большую часть своей жизни проводили в Москве, но главное их богатство, основа их могущества — земельные владения лежали вне Москвы»[1].

В начале XIV века московское боярство было однообразным в экономическом и в политическом отношениях. Со временем произошло расслоение боярства, появились приближенные к великокняжескому двору самые знатные и богатые бояре. Они продолжали жить в непосредственной близости от князей — в Кремле. Менее знатные бояре селились на посаде, на Подоле. Последняя распря русских князей разорила в середине XV века многие древние боярские дворы. Они перешли в разряд второстепенной московской знати. «На их место выдвинулись вольные княжеские «слуги» и «слуги под дворским». Положение этих бояр во многом зависело от князя.

«Бояре, княжеские и боярские вольные слуги, «слуги под дворским», различного рода категории княжеских и боярских людей, которых можно назвать позднейшим, но уже складывавшимся в XIV — XV веках термином «дворяне», составляли видную прослойку московского населения... Вместе с церковными феодалами бояре и дворяне составляли наиболее высокую по своему положению социальную часть населения.

<...> Боярские и дворянские роды были освобождены от налогов и повинностей, лежавших на городском населении. Это были «белые», или «обеленные» дворы, в противоположность дворам «черных» людей. Среди самого городского населения... находились люди, искавшие покровительства феодалов, это были «закладни», или закладники. Княжеские и боярские дворы, даже отдельные слободки, церкви и монастыри, также с их слободками и дворами, стояли вперемежку с дворами горожан. Это приводило к постоянным конфликтам между феодалами и черными людьми.

---

[1] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 191.

Средневековая Москва отличалась разнообразием ее жителей и многообразием их прав и обязанностей. Рядом со своего рода феодальной крепостью — боярским двором, пользовавшимся полным иммунитетом, стояли «белые» дворы, освобожденных от повинностей черных людей, но лишенных других феодальных прав. Тут же пристраивались дворы черных людей и лачуги холопов. Средневековая Москва показалась бы современному человеку своего рода слоеным пирогом с разнообразной начинкой, начиная с великих бояр и кончая нищими и холопами»[1].

Но и само московское боярство в XV веке было сложным, о чем можно получить представление, вспомнив должности, которые занимали бояре в Русском государстве.

Путные бояре (XIV — первая половина XVI века) получали в управление и кормление пути — отдельные подразделения в дворцовом хозяйстве (должности конюшего, ловчего, сокольничего, чашника).

Конюший — это высший думский чин в XV — XVII веках. С середины XVII века конюший возглавлял одноименный приказ.

Чашник прислуживал князю, а затем царю на праздничных обедах, ведал пчеловодством и медоварением. Эта придворная должность (и чин) существовала в Русском государстве с XIII века до начала XVII века.

Дворецкий являлся главой дворцового управления в Русском государстве с XV по XVII века.

Кравчий служил князю, а затем царю за столом, руководил стольниками. В XVII веке кравчий возглавил отдельный приказ.

Стольники прислуживали князьям, царям на пирах, трапезах, сопровождали их в походах, поездках. Должность эта существовала в Русском государстве с XIII по XVII века. Позднее стольников стали назначать на воеводские, посольские, приказные и другие ответственные государственные должности.

Ловчие руководили охотой. Это была очень высокая должность в Русском государстве.

Постельничие ведали постельной казной, распорядком дворцовых покоев, мастерской палатой, в которой шили белье и платье для великого князя (царя) и членов его семьи. Постельничие хранили личную печать великого князя (царя), часто назначались руководителями канцелярии, управляли слободами дворцовых ткачей.

Рында являлся оруженосцем и телохранителем при великих князьях и царях Русского государства с XV по XVII века.

Бояре часто становились тиунами, управляющими хозяйством князя.

Воеводами тоже часто назначались бояре, проявившие себя в военном деле...

Уже приведенный, но не полный список должностей и чинов говорит о том, каким сложным по составу являлось московское боярство, какая напряженная борьба велась между представителями разных боярских родов и кланов за должности.

Боярская дума в XIV — XV веках представляла собой совет знатных вассалов при великом князе московском и при удельных князьях.

---

[1] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 204.

Дворянство

Дворянство возникло в Русском государстве в XII — XIII веках. В XIV веке дворяне стали получать за службу земли, поместья. Постепенно эти земли становились наследственными, являясь экономической базой поместного дворянства. В XIV — XV веках, да и в XVI веке вплоть до правления Ивана IV Васильевича, дворяне и помещики важной роли в Русском государстве еще не играли.

Родоначальниками многих дворянских фамилий были княжеские холопы, «особенно из числа слуг подворских». М. Н. Тихомиров в книге «Средневековая Москва» приводит историю рождения одной из знаменитейших в первопрестольной дворянских фамилий Ростопчиных. Во время последней распри русских князей слуга великой княгини по прозвищу Ростопча (вероятнее всего, истопник или человек, заведовавший истопнической службой) взял в плен московского наместника, поставленного на службу Дмитрием Шемякой. Тем самым он оказал большую услугу Василию Темному, после чего пошел в гору род графов Ростопчиных.

Впрочем, в XIV — XV веках дворянство находилось еще на стадии зарождения и, повторимся, значительной роли в политической жизни Москвы не играло.

Служилые люди

В XIV веке в Русском государстве стал формироваться многочисленный сложный, неоднородный по социальному составу слой так называемых служилых людей, людей, находившихся на государственной службе. Позже, в XVI веке, служилые люди делились на две крупные категории: служилые люди «по отечеству» — в их число входили бояре, дворяне, дети боярские. Они владели землей с крестьянами, имели значительные юридические привилегии, занимали главные посты в армии и в государственном аппарате. Служилые люди «по прибору» набирались (с XVI века) из крестьян и посадских людей, получали денежное и хлебное жалованье, освобождались от государственных налогов и повинностей. Иногда им выдавалась в качестве жалованья земля. В основном они служили в армии, из них набирали городских казаков.

В XIV веке служилые люди, особенно служилые «по прибору» дворяне, еще не играли значительной роли в политической жизни страны.

Посадские люди

Посадские люди в Москве и в других русских городах занимались торговлей, промыслами. Они несли государственное тягло: платили налоги, торговые пошлины, несли натуральные повинности.

Тяглое городское и сельское население в Русском государстве XII — XVII веков называлось еще и «черными людьми», «чернью». «Черные люди» еще со времен Дмитрия Донского селились в городах сотнями и слободами, «находились в ведении сотников», а также старост, выборных представителей от сотен и слобод. Само название «сотня» появилось в республиканских городах Новгороде и Пскове, и этот факт является

лишним подтверждением до конца не раскрытых историками давних связей этих городов с Москвой[1].

Черные люди, составлявшие большую часть городского — свободного — населения, были не только основными товаропроизводителями столицы Великого княжества Московского, но и, пожалуй, самым социально активным элементом, заметно влиявшим на разные сферы жизни, о чем неоднократно упоминается в летописях. В этом черные люди, обитатели черных слобод отличались от холопов и других зависимых людей, так называемой «челяди», «людей купленных», которые вместе со служителями, чернорабочими, ремесленниками, обслуживающими княжеские, митрополичьи, боярские дворы, составляли немалую часть городского населения.

Положение черных людей в Москве было особым. Они находились чуть ли не на одной социальной ступеньке со слугами великих и удельных князей, которые несли военную службу у своих хозяев, естественно, не платили налоги и другие пошлины. О высоком юридическом статусе черных людей говорит тот факт, что они, как и слуги князей, «подчинялись суду и расправе самого великого князя и его наместников», то есть были избавлены от произвола феодалов.

Свободные люди свободу любят больше всего на свете, и великие князья московские в XIV — XV веках уважали это неизживное стремление людей свободных — свободных тружеников — жить свободно. «Обязательство блюсти» черных людей «с одиного», которые постоянно повторяются в великокняжеских договорах, было попыткой оградить московских черных людей от посягательств феодалов на их дворы и личную свободу»[2].

А московские бояре постоянно думали об этом! Черные сотни, которые формировались в основном по профессиональному принципу (по этому же принципу строились и черные слободы), являлись лакомым кусочком для феодалов, чьи хоромы и дворы располагались на посаде, в Китай-городе, на Подоле вперемежку с избами «черносошных» людей и «черными слободами». Конечно, феодалам подобная чересполосица не нравилась. Бояре не только мечтали заполучить земли черных людей и самих свободных тружеников, но и придумали прекрасное средство для достижения своих целей — закладничество. Используя явное финансовое превосходство, а также тяжелое и, главное, неустойчивое материальное положение черных людей, они вынуждали свободных бедняков обращаться за помощью к себе самим. В результате «черный человек, делавшийся закладником, или закладным»... становился зависимым человеком феодала, двор его «обелялся» от повинностей и переходил в руки феодала»[3].

В XIV — XV веках подобное усиление бояр за счет свободного городского населения могло бы привести к тому, что баланс сил между великокняжеской властью, стремившейся к созданию единодержавия, и

---

[1] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 127.
[2] *Там же.* С. 119.
[3] *Там же.*

боярством, как еще одной ветвью власти, изменился бы в пользу последнего, причем значительно. А значит, идея создания централизованного государства могла бы встретить со стороны сильного боярства решительный отпор. В централизованном государстве не может и не должно быть сильной аристократической власти, которая, используя экономические, политические и административные рычаги давления, будет постоянно усиливаться, превращаться в мощную олигархию.

Великие князья московские не раз в договорах с удельными князьями давали зарок не держать закладней в городе, но на посаде среди дворов черных людей появлялось все больше дворов, принадлежавших князьям, боярам, духовенству. Владельцы таких дворов выходили из общей подсудности великому князю и из черных людей превращались в «закладников», делались холопами. Они продолжали жить в городских дворах, занимались торговлей и промыслами, но не принимали участия в платежах и повинностях черных людей, которые, как пишет Тихомиров, вынуждены были перераспределять повинности закладников, ставших холопами, на всю сотню или слободу.

Подобное положение не радовало ни великих князей, ни свободных тружеников, но процесс превращения черных людей в холопов продолжался, и продолжалась внутренняя борьба между князьями и боярами, между самими боярами, между боярами и духовенством за экономическое и политическое господство над Москвой-народом.

Надо признать, что черные люди не были этакими покорными овечками. Они боролись за свои права, за свою свободу, за вечевые порядки, о чем свидетельствуют летописи.

Можно вспомнить уже упоминавшийся «мятеж велий на Москве» после убийства Алексея Петровича Хвоста и слабодушное бегство в Рязань столичных бояр, сторонников Воронцовых-Вельяминовых, испугавшихся гнева толпы, интересы которой, вполне можно предположить, тысяцкий Алексей Хвост отстаивал.

Хорошо проиллюстрировано летописцами восстание черных людей во время нашествия на Москву Тохтамыша в 1382 году, когда народ вынужден был взять власть в городе, организовать оборону, несмотря на то, что князья покинули столицу, а вслед за ними чуть было не последовали бояре и духовенство.

Защитники города во главе с литовским князем Остеем достойно встретили грозного врага, три дня на равных сражались с войском опытного Тохтамыша, пока тот не решился на гнусный обман. Русские поверили ордынцам, но неужели Остей и его верные воины были такие наивные, нет ли иной, более веской причины страшной трагедии. «Сдача Москвы татарам, — считает академик Тихомиров М. Н., — станет понятной, если мы вспомним о черных людях, захвативших власть в Москве. Боязнь народного движения толкала бояр, архимандритов и больших людей, сидевших в осаде, на соглашение с Тохтамышем. Предатели дорого заплатили за предательство и были наказаны вероломством за вероломство»[1].

[1] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 247.

Данная версия случившегося удовлетворит далеко не всех. Обвинить боярство и духовенство в якобы совершенном предательстве можно, лишь имея неопровержимые доказательства вины, то есть преступного сговора боярства и духовенства против своего народа. Но два приведенных эпизода свидетельствуют об активной социальной позиции свободных тружеников — черных людей Москвы.

В XIV — XV веках они составляли значительную часть московской рати. Наряду с верхушкой московских горожан, купцов, суконников, сурожан в войско перед походом набирались те жители Москвы, кто мог экипировать себя, что в средневековье было нормой и в других городах Русской земли, и в западноевропейских землях.

Тиуны

Московское судопроизводство в XIV — XV веках было сложным и путаным, что легко объясняется феодальными отношениями, царившими в то время в Русской земле. Кроме наместников, о которых говорилось выше, в Москве существовали тиуны великого князя: они разбирали дела великокняжеских людей, кроме душегубства и кражи с поличным. Должность тиуна обычно доставалась дворянину. Он производил суд в присутствии целовальников из московских ремесленников и дворского. В слободах боярских были свои суды.

«Черные люди тянули судом и повинностями к сотникам»[1].

Холопы и сельские жители

«Москва прокормит» — эта поговорка имеет очень древние корни. Уже в XIV веке приток людей в Москву, как в город, в котором можно найти работу или дело, а то и скрыться от хозяина, стал постоянным, непрекращающимся, причем все чаще среди новых обитателей столицы можно было встретить беглых холопов, сельских жителей.

Не райский это был уголок, Москва, деревянными постройками украшенная. Горела она часто, работать здесь нужно было много. Но в других землях русских тоже люди без дела не сидели, огонь всюду на земле кровожаден и беспощаден. Зато в Москве после Ивана Калиты порядка было больше, дело лучше поставлено, легче было спастись от произвола какого-нибудь хозяина-самодура.

О том, что крестьяне в XIV — XV веках часто сбегали с родных мест, устремлялись в сторону срединного течения Москвы-реки, под бочок Боровицкого холма, в тень кремлевских стен, говорят княжеские договоры друг с другом. В них великие князья давали право удельным князьям вылавливать в Москве своих беглецов, особенно людей мастеровых и трудолюбивых, которые в столице попадали, как говорится, из огня да в полымя, превращались в холопов местных бояр. Князьям это не нравилось, они искали беглецов и часто их находили. Судебных дел по этому поводу не заводилось, князья (удельные и великие в том числе) отбирали из пойманных мастеров, огородников, других специалистов сельского хозяйства и создавали из них

[1] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 121.

новые дворцовые слободы, размещая их по окружности вокруг города: «Москва прокормит!»

Бежали в Москву не только из глубинных районов Великого княжества Московского, но и из других городов Восточной Европы, причем чаще всего холопы да самые бедные сельчане. Их так же, как и «своих» беженцев, великие князья приобщали к московскому ремеслу, делая их черными людьми, то есть свободными.

Холопы и другие зависимые люди, то есть княжеские, боярские, митрополичьи челяди, составляли немалую часть московского населения. В чем-то им жилось хуже черных людей и служилых людей, но положение некоторых из них было предпочтительнее. Речь идет о тех, кто занимал важные должности у великих и удельных князей, митрополитов, бояр, например должности казначеев, тиунов или дьяков. Из этой холопьей интеллигенции вышло много дворянских фамилий, но понятно, что жизнь их нельзя сравнивать с жизнью тех холопов и в разной степени зависимых людей, которые в конце XVI века станут основной массой закрепощенных указом Годунова об отмене Юрьева дня селян.

Численые люди, ордынцы, делюи

До последнего времени точного определения численых людей в русской исторической науке не существовало. Академик М. Н. Тихомиров считал, что «по-видимому, к ним относились те же черные люди, но только положенные в «число», по которому устанавливался размер «выхода», ордынской дани»[1].

Там же видный ученый дает определение ордынцев. «Название «ордынцы» указывает на характер их службы, связанной с Ордой или ордынскими послами. В Переяславле-Рязанском в самом конце XV века, уже после татарского ига, «жили люди, кои послов кормят». Ордынская служба в том или ином виде представляла собой повинность тяглецов Ордынской сотни в Москве».

Жили в Москве и так называемые делюи. Они «также обязывались службой «по старине», но характер этой службы более неясен». Академик М. Н. Тихомиров приводит в своем труде цитату С. Б. Веселовского, который в определении слова «делюи» более однозначен: «Для обслуживания татарских послов были необходимы тележники, колесники, седельники и другие ремесленные деловые люди. Их называли делюями»[2].

Торговля

В XIV — XV веках Москва представляла собой ремесленный и торговый город. Сюда съезжались купцы с Черного, Каспийского и Балтийского морей, а также из многих городов Восточной Европы. Естественно, что все жители стольного града мечтали получить хоть какую-то прибыль от внешней и внутренней торговли. Получалось это у всех поразному. Удельные князья платили крупные пошлины. М. Н. Тихомиров пишет, например, что серпуховской князь Владимир Андреевич завещал

[1] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 144.
[2] *Там же.* С. 145.

жене «треть тамги московские, и восьмчее, и гостиное, и весчее, пудовое пересуд, и серебряное литье, и все пошлины московские», а среди пошлин каких только не было: «костки московские», «пятно ногайское», мыто... Их платили все, кто приезжал торговать. Некоторую часть доходов князья дарили Церкви. Кроме самой большой пошлины — тамги.

От тех времен пошли в русском языке слова «мытарь» и «мытарство». Пошлина за переезд через мост называлась «мыто». В Москве рек много. На каждой из них торговцев поджидали сборщики мыта, люди въедливые и упрямые.

Митрополит Алексий

(90-е годы XIII века — 1378)

У известного боярина Федора Бяконта было пятеро сыновей. Первый из них родился в 1299 году. Его назвали Елевферием. Согласно легендам, новорожденного крестил Иван Данилович, тогда еще мальчик. В двадцатилетнем возрасте сын известного боярина постригся в церкви Святого Богоявления, получил имя Алексий и стал жить в Богоявленском монастыре.

Здесь он близко сошелся с монахом Стефаном из ростовских бояр, братом Сергия Радонежского. В Богоявленском монастыре образовался монашеский кружок, который «поддерживал тесные связи с самим митрополитом Феогностом» и пользовался авторитетом среди знатных московских бояр и великокняжеского окружения. Стефан, например, был духовником Семена Гордого и тысяцкого Василия.

Феогност вскоре заметил выдающиеся способности Алексия. Молодой монах стал епископом Владимирским, а вскоре Феогност выбрал его среди других достойных своим преемником на митрополичьей кафедре.

В 1353 году моровая язва поразила митрополита Феогноста. На смертном одре он написал патриарху послание, в котором просил рукоположить в чин митрополита Русской православной церкви Алексия. Великий князь Семен, как мы помним, тоже пораженный этим беспощадным недугом, отправил аналогичное письмо императору Византии. По два посла — от митрополита и великого князя — отправились в Константинополь. Приняли их там благожелательно, и просьба Феогноста и Семена была исполнена. Послы вернулись на родину, когда тот и другой уже покинули сей мир.

Моровая язва, или черная смерть, как называют летописцы эпидемию чумы, опустошила в середине XIV столетия многие страны Евразии и Северной Африки. На Русь она накатывалась многократно. В некоторых городах и сельских районах население сократилось в несколько раз. В Глухове и Белозерске в живых не осталось ни одного человека. В Смоленске после третьего нашествия чумы уцелели пятеро счастливцев. Они вышли из родного города, закрыли ворота и побрели куда глаза глядят. Губила черная смерть в основном молодых людей, будто хотелось ей извести весь род человеческий. Но сделать это ей все же не удалось. В Москве Семен Гордый, удачно продолживший политику отца — Ивана Калиты, тоже заболел чумой. Опасаясь, что его брат — тихий, кроткий,



Икона Божией Матери Владимирская

слабый красавчик Иван Иванович — не сможет сохранить приобретения Даниила, Ивана Калиты и его самого, Семена Гордого, не говоря уж о том, чтобы приумножить богатства и земли, в завещании братьям — Андрею, который вскоре после этого умрет, и Ивану — писал: «...слушайтесь добрых, старых бояр и нашего владыку Алексия, дабы не престала память родителей наших и наша, и свеча бы не погасла». На Алексия умирающий князь возлагал большие надежды. В тот тяжкий момент Московскому княжеству нужен был сильный во всех отношениях правитель. Иван Иванович таковым не являлся и без мудрого советника со своими задачами не справился бы.

Семен Гордый умер, и в начале 1354 года Алексий отправился в Константинополь как первый в истории выдвиженец Москвы, претендующий на место митрополита всея Руси. В столице Византийской империи встретили коренного москвича настороженно, долго приглядывались к нему. Решения ждать пришлось не один месяц. Лишь 30 июня 1354 года патриарх Православной церкви рукоположил Алексия в сан митрополита всея Руси и выдал ему грамоту.

Вернувшись на родину, новый глава русской церкви стал при мягкотелом великом князе Иване Ивановиче и первым советником, и наставником, и руководителем во всех важных делах. Впрочем, как ни старался Алексий удержать на достойной высоте авторитет великокняжеского престола, правление Ивана II было неспокойным для Москвы. К тому же в конце пятидесятых годов константинопольский патриарх Филофей рукоположил в митрополиты всея Руси еще одного человека, некоего Романа, по-видимому, грека. Это во всех отношениях странное решение внесло неразбериху в жизнь русского духовенства.

Митрополит Алексий вынужден был вновь поехать в Царьград. Патриарх Филофей внимательно выслушал рассказ о беспорядках, причиною которых явилось двоевластие в русской церкви, и принял еще одно, совсем не Соломоново решение: он объявил Алексия митрополитом Киевским и Владимирским, а Романа — Литовским и Волынским.

Роман на радостях прибыл... в Тверь, заслужил там благосклонное к себе отношение князя Василия Михайловича. Но расположение епископа Тверского Феодора ему так и не удалось заполучить.

Некоторое время спустя после возвращения из Константинополя великий князь получил письмо от хана Джанибека. В нем грозный повелитель Орды, в частности, писал: «Мы слышали, что Небо ни в чем не отказывает в молитве митрополита Алексия: пусть он вылечит с помощью молитвы мою супругу».

И вновь нужно было собираться в дорогу. Опасную и очень рискованную. Алексий, обладая счастливым даром исцелителя, не раз помогал людям, излечивал самые разные болезни. Но как человек опытный, он знал, что возможности его не безграничны, что Бог по самым разным причинам, о которых и знать-то не положено простому смертному, может не услышать его молитвы, отказать в просьбе. А уж как отреагируют на неудачное лечение всесильная Тайдула и ее муж, представить себе нетрудно.

От успеха этой «лечебной» поездки Алексия в Орду зависело очень многое. Уже в те годы митрополит (вероятно, первым на Руси) понял, что чуть ли не главной причиной распри является система передачи власти старшему в роде Рюриковичей. Около пятисот лет действовал этот обычай, потому что был демократичным и справедливым — давал принципиальную возможность любому Рюриковичу, оказавшемуся на какой-то момент времени старшим в роде, стать великим князем. Но когда древо рода Рюриковичей буйно разрослось, обычай стал мешать самим же Рюриковичам и их согражданам жить спокойно.

Нашествие ордынцев убедительно доказало всем, что времена разрозненных мелких княжеств прошли, что пришла пора создавать на территории Восточной Европы централизованную державу. Первый шаг на пути к этой цели московские князья уже сделали. Нужно было сделать второй шаг: изменить обычай передачи власти, который бы закрепил власть не за родом Рюриковичей, а за одной ветвью этого рода.

Ханы Орды, а теперь они решали эти вопросы, могли не пойти на смену древнего, хотя и отжившего обычая, потому что Русь сильная, единодержавная наверняка справилась бы с любым врагом, в том числе и с Ордой: зачем же подрубать сук, на котором сидишь?

Митрополит Алексий приехал в Орду и излечил Тайдулу, страдавшую от глазной болезни. Благодарная ханша щедро наградила митрополита Алексия. Он получил от нее конюшенный двор в Кремле, до этого принадлежавший баскакам, драгоценный перстень Тайдулы с изображением дракона и грамоту, освобождающую русское духовенство от податей. Жена Джанибека также «прекратила зло», которое чинил на Руси посол Кошак, налагавший по личной прихоти обременительные налоги на князей.

О самом же главном деле — об изменении порядка передачи великокняжеской власти — в ту поездку митрополит Алексий, по всей вероятности, поговорить не успел. Во время его пребывания в Орде началась распря между отцом и сыном. Хана Джанибека, вернувшегося домой с богатой добычей из Персидского похода, убил сын Бердибек. Митрополит с дарами Тайдулы поспешил в Москву.

Вслед за ним в столицу княжества прибыл посол Бердибека, Иткар, с грозным посланием хана. Русские князья не на шутку испугались. Человек, убивший своего отца, мог натворить на Руси, и без того ослабленной «нашествием чумы», много бед. Митрополит Алексий вновь отправился в Орду. С помощью Тайдулы ему удалось «укротить сего тигра».

Через год после этой поездки в Москве умер Иван Иванович, а в Орде продолжались убийства: Бердибека убил Кульпа, он правил Ордой недолго, всего через пять месяцев его убил потомок Чингисхана Наврус. Распря поразила Орду. Новый хан дал ярлык на великое княжение Дмитрию — князю суздальскому, который 22 июня 1360 года приплыл во Владимир, надеясь вернуть городу былое величие и славу. Митрополит Алексий, проявив дипломатический такт, благословил Дмитрия на великое княжение, но сам уехал в Москву.

Дальнейшая судьба митрополита всея Руси Алексия тесно связана с судьбой великого князя Дмитрия Ивановича (Донского), организатора пóбеды русского воинства на поле Куликовом. Но перед тем как перейти к рассказу о Дмитрии Донском, следует поведать о деяниях Алексия в Москве.

В 1365 году на месте конюшенного двора ордынских баскаков, полученного Алексием от Тайдулы, митрополит всея Руси заложил монастырь во имя чуда Архангела Михаила, который обычно называли Чудовым монастырем. Владыка Русской православной церкви оснастил этот особый митрополичий монастырь богатой церковной утварью, книгами, многие из которых сохранились до сих пор. На смертном одре Алексий написал завещание, согласно которому Чудову монастырю передавалось много сел.

Чуть раньше Алексий основал Андроников монастырь, заложил на его территории церковь Нерукотворного Спаса.

Этот монастырь был построен митрополитом всея Руси по обету, который он дал во время жестокой бури в Черном море, которая застала его на обратном пути из Константинополя. Местность, выбранная им на берегу Яузы, называлась Болванской. По ней проходил путь ордынских послов, приезжавших в Москву с ханскими болванками или басмой.

Перед тем как основать монастырь, Алексий ходил к преподобному Сергию. Тот одобрил идею строительства монастыря и дал митрополиту своего ученика Андроника, руководившего работами. Преподобный Сергий и митрополит Алексий благословили место закладки, и в 1361 году каменный храм был построен. Здесь под руководством преподобного Андроника воспитывались великие русские иконописцы Андрей Рублев и Даниил Черный.

Согласно мнению некоторых специалистов, Алексий основал на Остоженке по просьбе своих сестер Евпраксии и Юрии еще один монастырь, Алексеевский, на том месте, где в настоящее время находится Зачатьевский монастырь. Позже, в правление Василия III, Алексеевский монастырь перенесли на Чертолье (это слово произошло от названия «Черторый» — ручья, роющего овраги). В XIX веке на месте Алексеевского монастыря в Чертолье поставили храм Христа Спасителя, а монастырь, основанный митрополитом всея Руси, перенесли за Красный пруд.

«Москва в этом монастыре хранит до сего времени драгоценнейший манускрипт этого великого первосвятителя: переведенный им с греческого языка и переписанный собственной рукой Новый Завет. Кроме того, от святителя дошло до нас его духовное завещание»[1].

После знаменитого Всесвятского пожара 1365 года по совету и благословлению митрополита всея Руси великий князь Дмитрий Иванович и его двоюродный брат Владимир Андреевич, князь серпуховской, в короткие сроки обнесли Боровицкий холм каменными крепостными стенами.

Митрополит Алексий умер 12 февраля 1378 года. Мощи его почивали в Чудовом монастыре в Москве.

Константинопольский патриарх после смерти митрополита Алексия написал грамоту: «Спустя немного времени скончался великий князь московский и всея Руси (речь идет об Иване Красном. — *А. Т.*), который перед своей смертью не только оставил на попечение тому митрополиту своего сына, нынешнего великого князя — Дмитрия, но и поручил управление и охрану всего княжества, не доверяя никому другому ввиду множества врагов внешних, готовых к нападению со всех сторон, и внутренних, которые завидовали его власти и искали удобного времени захватить ее»[2].

---

[1] *Назаревский В.* Из истории Москвы. 1147 — 1703 гг. Очерки. М., 1896. С. 33.

[2] *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. XII — XV вв. М.: МГУ, 1947. С. 45.

Дмитрий Донской

(1350 — 1389)

Проверка битвой

12 октября 1350 года у великого князя Ивана Ивановича Красного (или Кроткого) родился сын Дмитрий. К этому времени «град Москов» был известен, если отсчет вести от упоминания в летописи, на протяжении 203 лет. А если вспомнить, что активно осваиваться Заокская земля начала во второй половине XI века, то можно с некоторыми, вполне допустимыми в данном случае оговорками сказать, что поселились здесь люди лет на сто раньше (о чем свидетельствуют данные раскопок в центре города) и обживали московский край ко дню рождения будущего победителя в Куликовской битве уже на протяжении примерно 300 лет. Младенческий возраст для великого града. Все эти без малого три века Москва жила напряженной жизнью труженика, очень скромного и трудолюбивого, гостеприимного и щедрого. Она принимала всех, кто разными путями-дорогами и по разным причинам забредал в эти лесные чащи и оставался здесь. Она реже многих других городов русских воевала, бунтовала, восставала против князей, тысяцких, бояр. Город на Боровицком холме вплоть до правления Ивана Калиты развивался, копил силушку, будто былинный русский богатырь Илья Муромец.

Иван Калита резко возвысил значение города и Московского княжества, его экономическую мощь и политический авторитет. В русских летописях отмечается, что во время его правления сорок лет был на Руси мир. В этом утверждении есть некая неточность. Калита, как было сказано, скончался в 1340 году, а мир в Московской земле длился с 1328 года по 1368 год — в этот год на Москву ходил походом великий князь литовский Ольгерд. На эпохальном летописном полотне мирные годы оказались сдвинутыми на двадцать лет от правления поборника политики сохранения мира любой ценой ради выживания народа. В данной неточности нет принципиальной ошибки — именно благодаря мудрой политике Ивана Калиты и был возможен этот мир: подумайте, успело вырасти и возмужать по меньшей мере три поколения русских людей.

Калита не просто собирал русские земли вокруг Московского княжества, но еще и внушал словом и делом своим сыновьям, что Московской землей править надо только по-калитовски: собирать земли русские под



Дмитрий Донской на Куликовом поле

свое крыло, не воевать, давать отчине возможность развиваться и крепнуть. Семен Иванович, каким бы он гордым ни был, проводил именно такую политику. Иван Иванович, хоть и отдал Лопасню Олегу, князю рязанскому, в Московскую землю врагов не допускал. И вот теперь пришел черед править русской землей Дмитрию Ивановичу, внуку Калиты.

Время ему досталось суровое. «Княжение Дмитрия Донского принадлежит к самым несчастным и печальным эпохам многострадального русского народа», — писал, будто в отчаянии, историк Н. И. Костомаров[1]. Да, действительно, множество самых разных бед претерпела Русь во второй половине XIV века. И все-таки не беды характеризуют то время и даже не великая победа русского воинства на поле Куликовом, не месть Тохтамыша и последующие разорительные походы ордынцев на русскую землю, а то, что новое русское государство, которое не спеша сооружалось в течение трех веков, устояло перед лицом всех этих напастей и даже перед лицом чумы. Пройдя сквозь войны с Литвой и Тверью, с Мамаем, Тохтамышем и Тамерланом, сквозь борьбу с разбойным людом, одно время разгулявшимся на Волге, сквозь чуму и пожары, Москва и Московское княжество не только устояли, но и окрепли, надежно удерживая в руках эстафетную палочку истории.

Конечно же, в этом огромную роль сыграло то, что Дмитрий Донской, митрополит всея Руси Алексий и московские бояре в решении стратегически важных вопросов проявляли завидное единодушие, о чем говорят летописцы и позднейшие историки.

Чтобы понять и по достоинству оценить главное дело великого князя Дмитрия Ивановича, необходимо представить себе хотя бы в общих чертах

---

[1] *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. I. Калуга: Золотая аллея, 1995. С. 189.

ситуацию, сложившуюся вокруг Русской земли. А ситуация, надо сказать, была критической.

На западных границах окрепли Великое княжество Литовское и Польское королевство. В 1340 году польский король Казимир присоединил к своему государству Галицию, уступив соседям-литовцам Брест, Холм, Луцк и Владимир-Волынский. Совсем недавно это сильное русское княжество, светские и духовные владыки которого мечтали на рубеже XIII — XIV веков об автономии, было, по сути дела, разорвано в клочья. Неспокойная ситуация сложилась и на северо-западных, северных границах Русской земли. В 1384 году шведский король Магнус осуществил поход к реке Неве, захватил город Орехов, насильно крестил по католическому обряду местных жителей. Новгородцы, боясь потерять выход к Балтийскому морю, быстро собрали войско и нанесли захватчикам тяжелый удар, выбили их из Орехова и заключили со Швецией выгодный для себя мир. В 1351 году, когда Дмитрию, сыну Ивана Красного, исполнился всего год, шведский король с одобрения папы римского решил нарушить мирный договор и начал готовить войско к походу на Русь. Поход не состоялся — помешала вспыхнувшая в Швеции распря.

Относительно спокойно было лишь на северо-восточных и восточных границах Русской земли, хотя спокойствие это было зыбким. Нет-нет, да и воевали друг с другом волжские болгары и русские. Кроме того, во второй половине XIV века на Волге появились ушкуйники — вооруженные дружины, которые формировались новгородскими боярами для захвата чужих земель. Много земель они Новгороду не завоевали и в конце концов превратились в обыкновенных речных разбойников. Они рыскали на ушкуях, речных судах с веслами, по Волге, грабили города и селения, и великим князьям приходилось тратить немало сил и энергии в борьбе с этим злом.

На юго-востоке и юге Русской земли хозяйничали ордынцы. Дела в степи не всегда шли гладко. Орда начала распадаться на отдельные княжества, но была еще очень сильна. В 1351 году, например, гонимые голодом степняки взяли «земли Вроцлавские». Через три года венгры совершили поход за Буг, пленили одного из ханов, но ордынцы продолжали удерживать за собой земли Приднестровья...

Русская земля была окружена сильными противниками. Поэтому Москва так упорно копила силы. Но можно ли с уверенностью сказать, что во времена правления Дмитрия Донского у Москвы было их предостаточно для военной борьбы с Ордой? На этот вопрос люди разного склада отвечают по-разному. Одни, осуждая решительную и смелую политику Дмитрия Донского, считают его решение дать крупное сражение ордынцам преждевременным; другие говорят о том, что Дмитрий Донской сделал все исключительно верно и, главное, своевременно. Копить силу вечно нельзя, она может взорваться изнутри. Такое не раз бывало в истории человечества.

Впрочем, в начале 50-х Дмитрию Донскому еще не до мировой политики: ему было три года, когда чума, обрушившаяся на Русь, погубила почти всю великокняжескую семью. Семен Гордый в своем завещании передал бразды правления Русской землей митрополиту всея Руси Алек-

сию. Митрополит всея Руси сделал многое для того, чтобы процесс усиления Москвы и Московского княжества не приостановился, но и Иван II Иванович, как отмечалось выше, тоже внес свою лепту в создание русского централизованного государства.

Москва и Московское княжество выдержали испытание правлением гордого и кроткого князей, испытание чумой и пожарами. Но судьба готовила городу еще одно испытание — испытание верой.

Еще в 1329 году турецкий эмир Осман одержал первые победы над Византией, отвоевал у нее небольшую территорию в Малой Азии. Его сын провозгласил себя султаном, объявил город Брусси столицей турецкого государства. Оно быстро крепло и расширялось. В 1357 году, когда Дмитрию Ивановичу исполнилось семь лет, турки отвоевали у Византийской империи первый клочок земли на Европейском континенте. В 1361 году османы (так еще называли турок) взяли Адрианополь, воспользовавшись тем, что три православных балканских государства — Византия, Болгария и Сербия — вели между собой утомительную борьбу. Эпидемия братоубийства поразила православных. Они шли друг на друга с оружием в руках, как на самых страшных врагов своих.

Та же самая беда приключилась и с Ордой. В 1357 году, как сказано выше, Джанибека убил сын Бердибек. Продолжая традиции отца, он казнил всех своих братьев. Бердибека убил Кульпа. С трудом ханам удалось справиться с заразой братоубийства, но Орда все же распалась в 1372 году на семь владений... Так, может быть, поэтому Дмитрий Иванович решил, а московские бояре, религиозные деятели поддержали решение дать крупное сражение Орде? Случай был очень хороший. Надо напомнить, что еще в 1367 году китайцы изгнали со своей территории ордынцев, и слух об этом важном для всей Евразии событии наверняка дошел до Европы. Потомки Чингисхана сдавали позицию за позицией, но оставались при этом еще очень сильны.

И все же не ослабление Орды, не ее дробление подвигли Дмитрия Ивановича и всех его единомышленников на великое дело, даже не радостное ощущение силы — нельзя было не дать решительного сражения самому грозному в тот век противнику. Эта мысль не покажется парадоксальной, если вспомнить, в каком огненном кольце оказалась Московская земля в начале второй половины XIV века, какие мощные соперники, в любую минуту готовые проглотить Московское княжество, окружали ее. Забегая вперед по дороге времени, можно вспомнить немаловажный факт из истории Восточной Европы: 14 августа 1385 года в замке Крево, расположенном на территории современной Белоруссии, была заключена так называемая Кревская уния — соглашение о династическом союзе между Польшей и Великим княжеством Литовским. Великий князь литовский Ягайло взял в жены польскую королеву Ядвигу и был провозглашен королем единого Польско-Литовского государства, владения которого на востоке охватывали многочисленные русские земли, вплотную приближаясь к Тверскому и Рязанскому княжествам... Именно поэтому Куликовская битва была необходима Москве. Разгромив войско темника Мамая, русские люди не только поверили в себя, и вера эта укрепила их дух, но если и не напугали, то насторожили всех перечисленных выше

врагов, в том числе и самого мощного из них (кроме Орды, естественно) — Литву.

Но до великой битвы было еще далеко.

После смерти великого князя Ивана II Ивановича русские князья явились к новому хану Орды Наврусу, который убил Кульпу, властвовавшего всего пять месяцев. Новый хан выдал ярлык на великое княжение Дмитрию Константиновичу, князю суздальскому, правнуку Андрея Ярославича, брата Александра Невского.

Великий князь Дмитрий приехал во Владимир и, радуя местных жителей, обещал возвысить его значение и вернуть былую славу и величие этому городу. Митрополит Алексий спорить с ним не стал, вероятно, догадываясь, что времена скоро переменятся. Он благословил Дмитрия Константиновича и отправился в Москву.

Наврус правил недолго. Его убил Хидырь. Он же погубил Тайдулу, относившуюся с почтением и уважением к митрополиту всея Руси Алексию. Казалось, шансы на великое княжение у московских князей резко упали. Русские князья отправились на суд к новому хану. Тот выдал им грамоты на наследственные уделы. Не успели они разъехаться по своим отчинам, как Хидырь был убит сыном Темирхожею. Он правил всего шесть дней, его убил Мамай, объявив ханом «какого-то Авдула». В Орду съехались потомки Чингисхана, между ними началась страшная резня.

Дмитрий Иванович невредимым выскользнул из ордынского ада и прибыл в Москву. Митрополит Алексий и бояре внушили ему мысль о том, что он должен объявить себя соперником Дмитрия Константиновича. Одиннадцатилетний отрок вновь отправился вместе с Алексием в Орду, и митрополит убедил хана выдать москвичу ярлык на великое княжение.

Вернувшись на родину, Дмитрий Иванович первым делом вынужден был воевать, так как Дмитрий суздальский без боя не пожелал уступить великокняжеский престол. В этой кратковременной войне своего князя единодушно поддержали московские бояре. Они вооружили войско и смело выступили в поход. Возглавили его два сына Ивана Кроткого и их двоюродный брат Владимир Андреевич. Самому старшему из них — великому князю Дмитрию Ивановичу — было тогда двенадцать лет.

Москвичи одержали над Дмитрием Константиновичем победу в битве за Переяславль-Залесский, новый великий князь, Дмитрий Иванович, воссел во Владимире на престол и вскоре отбыл в Москву.

Клятва

Алексий прекрасно понимал, что для создания централизованного государства необходимо было изменить порядок престолонаследия на Руси. Используя свой громадный авторитет в Орде, он добился этого. Хан признал предложенный митрополитом Алексием новый порядок, согласно которому власть должна переходить не к старейшему в роде Рюриковичей, но к старейшему в роде московских князей, что давало возможность сконцентрировать в одной семье, в одном городе всю полноту власти.

В этом важнейшем для судьбы Руси и Москвы вопросе ордынские ханы решали далеко не все. Новый порядок престолонаследия должны были признать русские князья. Как отнесутся к нему князья Твери, Рязани, Нижнего Новгорода, вече Новгорода, Пскова? Смирится ли с этим приговором судьбы Владимир Андреевич, который с юных лет обратил на себя внимание всех, кому дорога была судьба отчизны?

До окончательного решения этой важнейшей проблемы было еще далеко.

Не все русские князья признали над собой власть Москвы. С 1362-го по 1364 год Дмитрий Иванович три раза ходил в походы на нижегородских и суздальских князей. Больших сражений, крупных воинских подвигов в них не было — Москва лишь продемонстрировала мощь своего войска. Митрополит всея Руси в то же время сумел погасить распрю между Дмитрием Суздальским и Борисом Городецким. Мудрым словом он добился большего, чем юные полководцы мечами и копьями. Дмитрий Константинович признал над собой главенство Москвы, отдал в жены великому князю свою дочь Евдокию.

Но Алексий постоянно думал о проблеме наследования власти на Руси и о князе Владимире Андреевиче, от поведения которого во многом зависел успех задуманного им дела.

Владимир Андреевич родился три года спустя после Дмитрия Ивановича, был умен и силен не по годам. Согласно завещанию Ивана Кроткого, он получил одну треть доходов с города Москвы — богатое экономическое и политическое наследство. Смышленый и крепкий двоюродный брат Дмитрия Ивановича мог представлять собой серьезного соперника, если бы борьба за престол возобновилась.

С детских лет этих двух людей, двух князей, тянуло друг к другу. Их дружбу — именно большую мужскую дружбу — решил использовать для великого дела Алексий. Он объяснил молодым людям, в чем истинная причина бед на Руси, и втроем они подготовили публичное действо: каждый должен был поклясться в присутствии знатных людей, государственных мужей в верности друг другу и в своих обязательствах друг перед другом.

Князья Рюриковичи за пять прошедших веков давали друг другу множество клятв, большинство которых нарушали самым постыдным образом. Уверенности в том, что того же не случится с юными князьями, что злые люди не поссорят их, у митрополита, вероятно, было немного в тот день 1364 года, когда к нему подошли четырнадцатилетний Дмитрий Иванович и одиннадцатилетний Владимир Андреевич.

Присутствующие бояре, седовласые мужи, затихли. Алексий держал в руках святой крест. В полной тишине люди услышали торжественные слова клятвы: «Мы клянемся жить подобно нашим родителям: мне, князю Владимиру, уважать тебя, великого князя, как отца, и повиноваться твоей верховной власти; а мне, Дмитрию, не обижать тебя и любить, как меньшого брата. Каждый из нас да владеет своею отчиною бесспорно: я, Дмитрий, частию моего родителя и Симеоновою; ты уделом своего отца. Приятели и враги да будут у нас общие. Узнаем ли какое злоумышление, объявим его немедленно друг другу. Бояре наши могут свободно переходить,

мои к тебе, твои ко мне, возвратив жалованье, им данное. Ни мне в твоем, ни тебе в моих уделах не покупать сел, не брать людей в кабалу, не судить и не требовать дани. Но я, Владимир, обязан доставлять тебе, великому князю, с удела моего известную дань ханскую. Сборы в волостях княгини Иулиании принадлежат нам обоим. Людей черных, записанных в сотни, мы не должны принимать к себе в службу, ни свободных земледельцев, мне и тебе вообще подведомых. Выходцам ординским отправлять свою службу, как в старину бывало (сим именем означались татары, коим наши князья дозволяли селиться в российских городах) <...> Если буду чего искать на твоем боярине или ты на моем, то судить его моему и твоему чиновнику вместе; а в случае несогласия между ими решить тяжбу судом третейским. Ты, меньший брат, участвуй в моих походах воинских, имея под княжескими знаменами всех бояр и слуг своих: за что во время службы твоей будешь получать от меня жалованье»[1].

Этот уважительный договор двоюродные братья не нарушили, хотя после смерти Дмитрия Ивановича авторитет Владимира Андреевича на Руси и в Орде был чрезвычайно высок, трудно было в тот момент найти для Руси лучшего князя, к тому же старшего в роду Рюриковичей. И наверняка тридцатишестилетнему князю хотелось получить ярлык на великое княжение. Да и бояре, мечтавшие возвыситься при нем, вынуждали его забыть клятву. В какой-то момент могло показаться, что им это удалось. После смерти Дмитрия Донского наступило «размирье» между уже мертвым и живым братьями. Но Владимир Андреевич все же признал Василия, сына Дмитрия, великим князем и отслужил ему верой и правдой до конца своей жизни — до 1410 года.

Каменный Кремль

Свадьбу Дмитрия Ивановича и Евдокии, дочери князя Дмитрия Константиновича, назначили праздновать в Коломне. Но незадолго до приятных торжеств в Москве свирепствовал страшный пожар. Он зародился в церкви Всех Святых. Быстро набрав силу, огонь сорвался с обгоревшей колокольни на город. Люди, увидев мечущееся шумное пламя, бросились за баграми и ведрами, а на город кинулся ураганный ветер. Он хватал с огненных деревьев перезрелые снопы пламени, разносил их с грохотом и визгом по деревянным строениям, те вмиг возгорались, выбрасывая вверх все новые и новые снопы пламени. «Пожар Москвы в этот сухмень и зной великий сопровождался сильною бурей и вихрем, разносившим за 10 дворов головни и бревна с огнем, так что не было возможности гасить; в одном месте гасили, а в десяти загоралось и никто не успевал спасать свое имение»[2].

Много бояр, купцов, не говоря уж о простых людях, не спасли своих домов и теремов.

Дмитрий Иванович, Владимир Андреевич и митрополит всея Руси Алексий созвали жителей города на общий совет. Что делать, как жить

---

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. V VIII. Калуга: Золотая аллея, 1995. С. 5.

[2] *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 87.

дальше? Что делать с Москвой? Сколько уж раз горел город, сколько бед принес людям огонь. Может быть, место неудачное выбрали отцы-основатели? Может быть, нужно перенести Москву в другое место? Бывало на Руси такое. Город Белоозеро, например, три раза переносили с места на место. Рязань после нашествия Батыя сменила месторасположение.

Нет, Москву переносить нельзя, решили на общем совете люди, а чтобы хоть как-то отгородиться от огня, разбойника беспощадного, задумали они по предложению митрополита всея Руси строить каменный Кремль.

Частые пожары были, конечно же, не единственной причиной, побудившей москвичей возвести на Боровицком холме каменную крепость. В эти годы заметно окрепло Тверское княжество, и борьба за главенство на Русской земле между ним и Московским княжеством резко обострилась. Алексий предлагал строить каменную крепость, будто бы предвидел события недалекого будущего, а Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич отнеслись к его предостережениям и советам с полным пониманием.

И москвичи, занимаясь строительством новых домов, ведь до зимы нужно было успеть обеспечить себя теплым жильем, не забывали и о каменном Кремле. Всю зиму заготавливали и возили из подмосковных каменоломен в Москву глыбы камня. Их не остановила даже чума, вновь обрушившаяся на Русь, подобравшаяся к городу в самый неподходящий момент. Земля московская, совсем недавно впитавшая в себя безвкусный пепел пожара, теперь глотала смрад чумы.

Испытание огнем выдержали жители Боровицкого и соседних с ним холмов. Испытание чумой они тоже выдержали! Хотя губила она в таких городах, как Коломна и Переяславль-Залесский, по 20 — 40 человек в день. В Москве чума злость свою не растеряла. В общих могилах людей хоронили, хоронили, хоронили, но о заготовке камней для Кремля не забывали. Это были очень сильные люди.

В 1366 году, когда чума, не сладив с упрямством москвичей, отступила, притихла где-то, невидимая и страшная, в Коломне сыграли-таки свадьбу Дмитрия Ивановича и Евдокии. Веселая и торжественная была свадьба, с пышными обрядами и чинными речами, с хороводами и играми. Хорошая пара — Дмитрий и Евдокия! Женились они в год Всесвятского пожара и моровой язвы, женились наперекор всему.

Весной 1367 года великий князь, его двоюродный брат и митрополит всея Руси заложили в Москве каменный Кремль. Работы по возведению стен велись неспешно, при этом территория города была увеличена.

На следующий год Алексий совершил поступок, который недоброжелатели ставят ему и Дмитрию Ивановичу в вину.

До Алексия дошли верные слухи о том, что князь тверской Михаил Александрович, талантливый организатор, смелый воин и хороший полководец, стал искать союза с сильнейшим и коварнейшим противником Москвы, Ольгердом Литовским. Этого сближения нельзя было допустить, ведь тверские князья всегда пользовались особым уважением и в Орде!

В 1368 году митрополит Алексий вызвал Михаила Тверского на третейский суд в Москву, обещав ему абсолютную безопасность. Князь доверился духовному пастырю, явился в Москву, но здесь его заключили в темницу. Случай для Алексия просто неправдоподобный. Не такой он был человек — не мелкий, не слабый, не лукавый. Но, стоит повториться, сложной и напряженной была обстановка вокруг Московского княжества, и времени на раздумья не было. Оно будто спрессовалось, заставив политиков думать и действовать быстро, очень быстро.

От большой беды Михаила Александровича спасли ордынские послы, по случаю очутившиеся в Москве. Они убедили Алексия и Дмитрия отпустить на волю узника. Князь тверской вернулся в Тверь и стал готовить войско в поход — обиду он стерпеть не мог. Обида — великолепный повод для похода на Москву, и упустить его было бы непростительно.

Дмитрий Иванович узнал о намерениях Твери и решил опередить противника. Он быстро собрал войско и вторгся в Тверское княжество. Михаил, не ожидая такой прыти от юного соперника, бежал в Литву под защиту Ольгерда. Довольный Дмитрий вернулся в Москву.

Но Ольгерд не дал ему даже передохнуть от похода. С крупным войском князь литовский ворвался в Московскую землю. Ему навстречу была выслана из Москвы дружина, возглавляемая Д. Мининым и А. Шубой, но серьезного сопротивления оказать Ольгерду они не смогли. 21 ноября 1368 года неподалеку от Тростненского озера литовское войско разгромило московскую рать и устремилось к Москве.

А здесь его ожидал сюрприз! Ольгерд увидел добротную каменную крепость, удивился: до чего же быстро люди Дмитрия возвели сложное сооружение, понял, что Кремль ему не взять, и повелел своим воинам грабить окрестности. Князья Дмитрий и Владимир, митрополит Алексий, бояре и купцы, простой народ смотрели с крепостных стен на бесчинства врага, но дать бой литовцам, очень сильным в тот год, они не решились.

То было первое после установленного Иваном Калитой мира нашествие на московскую землю. Враг носился по окрестностям города (посады сожгли осажденные), грабил селения, врывался в церкви, монастыри. Литовцы брали пленных, предавали огню дома, храмы. Три дня буйствовали они и их союзники. Жадность и злоба пришельцев не знали границ. Много добра набили они в свои сани. Но Ольгерд всегда тонко чувствовал меру. Через три дня он дал приказ отступить, и литовское войско с огромным обозом, со стадами и табунами, с пленниками потянулось на запад, подгоняемое морозами. Союзникам литовцев тоже досталось немало добра московского. В этом грабительском походе, кроме тверских, принимали участие и смоленские князья.

Великий князь решил не оставлять содеянное без наказания. Отправив Владимира Андреевича с дружиной в Псковскую землю, где осложнились отношения с немцами, сам стремительно двинулся под Смоленск, разграбил окрестности города, затем пошел на Тверь, сжег там вотчину Михаила Александровича и дал своим воинам возможность пограбить вволю. Московское войско вернулось домой с богатой добычей.

Но почивать на лаврах было рано. Михаил Александрович отправился в Орду к всесильному темнику Мамаю и выпросил у него ярлык на великое княжение владимирское. Когда новоявленный великий князь поспешил с ярлыком во Владимир, Дмитрий Иванович перекрыл все дороги, ведущие из Орды на Русь, и вместо того, чтобы воссесть на престол, Михаил Тверской со своим мамайским ярлыком вынужден был уйти в Вильно. Во Владимир он допущен не был.

Старый Ольгерд, разгромив крестоносцев, решил помочь союзнику и вновь двинул большую рать в Московское княжество. Москву ждала новая проверка боем.

Поход 1370 года был продуман и организован до мелочей. Войско Ольгерда отправилось на восток с первыми морозами, схватившими реки, болота и озера. Впереди шли тысячи рабочих. Они рубили лес, прокладывали удобные прямые дороги, по ним днем и ночью продвигалась вперед рать Ольгерда. Князь литовский запретил грабежи и насилие, ему нужна была только Москва, там все есть: и богатство, и пленники. В конце ноября войско Ольгерда вышло к Волоку Ламскому, в то время небольшой деревянной крепости. Три дня литовцы упрямо лезли на ее стены, но князь Василий Иванович Березуйский со своими людьми отстояли Волок Ламский.

Ольгерд в гневе отошел от города — ему нужна была Москва. К ней он подошел 6 декабря. Восемь дней пытались литовцы взять город. Но Дмитрий Иванович прекрасно организовал оборону Москвы. Ольгерд, опытный полководец, узнал от своих разведчиков, что под Перемышлем князь Владимир Андреевич собрал крупное войско. Литовцы могли оказаться между молотом и наковальней. Ольгерд предложил Дмитрию заключить мир. Князь московский согласился лишь на перемирие. И в этом договоре ни слова не было сказано о Твери.

Постоянное войско — «двор»

Михаил Александрович, лишенный договором о перемирии поддержки Ольгерда, вновь явился в Орду, и вновь Мамай помог ему получить ярлык от хана, который так расщедрился, что предложил тверскому князю ордынское войско. Тот отказался, понимая, какой вред нанесет степная рать русской земле. Однако на родине его вновь ожидало разочарование. Дмитрий Иванович побывал во многих русских городах, где бояре и простой народ поклялись ему в верности, и клятву они сдержали. Когда Михаил Александрович с ханским послом Сарыхожей явился во Владимир, жители города наотрез отказались признавать нового князя. Дмитрий Иванович, в свою очередь, не выполнил повеления ханского посла явиться во Владимир. Подобного на Руси не было со времен нашествия Батыя. Дмитрий, молодой, упрямый, упорный, шел на большой риск, бросая вызов Орде. Народ это рискованное дело поддержал. А если народ единодушно поддерживает князя даже в делах, не обещающих явного успеха, то это говорит о величии князя, его правоте и о его единстве с народом. Видимо, Сарыхожа понял это и с удовольствием принял предложение Дмитрия Ивановича приехать в Москву.

Здесь ханского посла, вручившего перед отъездом из Владимира ярлык на великое княжение Михаилу, встретили как долгожданного гостя. Он пировал с князьями и боярами, говорил, буквально осыпанный с ног до головы дарами, хорошие слова Дмитрию Ивановичу. Очень довольный остался этим визитом посол хана. На прощание он обещал оказать московскому князю полную поддержку в Орде.

Да, в Орду Дмитрию Ивановичу нужно было ехать. Нестабильное, шаткое положение в Восточной Европе могло в любую минуту измениться в худшую для Москвы сторону. Постоянно гневить ханов своим непослушанием было опасно: любой из соперников Москвы воспользовался бы этим.

Дмитрий собрался в путь. Митрополит всея Руси проводил его до Коломны. Здесь они расстались. Алексий поехал в Москву, Дмитрий — в Орду.

Опасения родных, близких и жителей Москвы оказались напрасны. Хан выдал ярлык на великое княжение Дмитрию Ивановичу, и тот вернулся на родину осенью 1371 года.

Митрополит и бояре все эти месяцы не сидели сложа руки. Они заключили мир с Литвой, скрепили его брачным союзом дочери Ольгерда Елены и князя Владимира Андреевича. Князь тверской тоже не бездействовал, воспользовался отлучкой Дмитрия, напал на Костромское княжество, захватил и разграбил несколько городов.

Борьба с Михаилом Александровичем продолжалась до 3 сентября 1375 года, когда князья пошли все же на мировую. Заключая договор, Дмитрий Иванович проявил щедрость и великодушие. Михаил Тверской остался доволен договором. Двадцатипятилетнему великому князю удалось к этому времени пусть и не победить окончательно, но успокоить всех своих врагов — Литву, Тверь, Олега Рязанского, Орду, — не раздразнить их, показав им в то же время свою собственную силу.

В войнах, в дипломатических схватках, в хозяйственных делах Дмитрий Иванович продемонстрировал еще одно важное качество: умение собирать вокруг себя талантливых в разных сферах деятельности людей. Они быстро и надежно строили, хорошо, с победами, воевали, украшали монастыри и храмы иконами и фресками, открывали ремесленные мастерские, осваивали новые ремесла.

Именно такие — талантливые, умелые, сильные и решительные — люди стали ядром, организующим стержнем могучего воинства, которое вышло на поле Куликово и продемонстрировало в знаменитой битве прекрасную выучку, оперативное и тактическое искусство и, главное, огромное желание победить непобедимого врага, который сто сорок лет не знал крупных поражений в Восточной Европе. Такое войско за несколько дней и даже месяцев не соберешь. Его готовить нужно годами.

Дмитрий Иванович постоянное русское войско — «двор» — увеличил до 20 тысяч человек: огромная цифра для Москвы того времени. Всех их нужно было одеть, вооружить, накормить, расселить. Луки и стрелы, длинные загнутые сабли и копья, мечи, топоры, секиры, палицы, рогатины, шлемы — «шишаки» с металлическими «наушнями» и кольчужной сеткой — «бармицей», охранявшей шею от стрел и ударов сабель,

комбинированная броня из кольчуги и металлических пластин, щиты разной формы... все это нужно было либо закупать, либо делать самим. Дмитрий Иванович следил за оснащением войска, за организацией работ по изготовлению оружия и воинского снаряжения, не надеясь на везение и «щучье веление».

Уже к 1375 году войско великого князя отличалось прекрасной организацией и жесткой дисциплиной. Была создана эффективная система оповещения, которая поддерживала не только боеготовность войска, но и обеспечивала безопасность жизни вообще в то беспокойное время.

Тяжелый путь

Это путь русского воинства к полю своей славы.

В 1376 году Тамерлан помог Тохтамышу стать кипчакским ханом. Тот сразу же заявил свои претензии на весь улус Джучиев, львиной долей которого повелевал (но не владел) темник Мамай. Некоторые ученые называют Мамая всесильным. И не зря. Используя распрю в Сарае, он действительно приобрел авторитет и силу. Он оказывал заметное влияние на расстановку сил в Орде. Но он не был ханом и потому в глазах потомков Чингисхана оставался незаконнорожденным, чужаком.

Узнав о стремлениях Тохтамыша, Мамай встревожился, стал искать союзников и средства для ведения крупной войны. Он собрал войско из осетин, черкесов, крымских караимов и в Крыму же завязал отношения с генуэзскими купцами, пообещав им оказывать организационную помощь в торговых делах. Мамай, по всей видимости, выудил у них деньги, а в обмен оказал им услугу — передал великому князю Дмитрию Ивановичу послание, в котором предлагал обмен чисто делового характера: я тебе ярлык на великое княжение, ты разрешаешь генуэзцам торговать в Великом Устюге. Вроде бы выгодно обеим сторонам: великое меняется на великое. Князь был не против, да и бояре поддержали его тоже, надеясь извлечь из торговли выгоду. Но, как сказано в летописях, митрополит всея Руси категорически отверг это предложение Мамая, не желая, чтобы православные торговали с католиками.

Мнение Алексия, не забывшего попыток тевтонов ввести католицизм во Пскове и Новгороде, победило на общем совете. Дмитрий отказал купцам.

Узнав об этом, Мамай взбесился, решил сурово покарать русских за ослушание и послал на Русь войско союзного ему царевича Арапши (или Араб-шаха).

Князь суздальский Дмитрий оповестил великого князя о вторжении ханской рати, и тот вышел навстречу противнику с крупным войском. Неизвестно: или система оповещения почему-то дала сбой, или Арапша перехитрил Дмитрия, или русские халатно отнеслись к разведке, но князю сообщили, что поблизости врага нет. Дмитрий уехал в Москву, оставив войско в боевой готовности у реки Пьяны. Однако русские воины расслабились на летней травке, разомлели, поверили еще одним разведчикам, что в ближайших окрестностях Ордой и не пахнет, сняли боевые доспехи и... ордынцы без труда разгромили безоружного противника. Много русских воинов погибло у реки Пьяны.

Обидная осечка не напугала Дмитрия, зато раззадорила мордовских князей, помогавших Арапше незаметно выйти к Пьяне. Теперь они решили сами заняться грабежом, надеясь, что русские не смогут дать им отпор. Крепко просчитались князья Мордвы. Князь городецкий Борис Константинович налетел на возвращавшихся домой с богатыми обозами мордовских налетчиков, и поплыли их трупы по реке Пьяне, где все еще плавали, как свидетельствует летописец, трупы убитых русских.

В следующем году войско, посланное Мамаем, ворвалось в Нижний Новгород, только-только восставший из пепла. Не отреагировав на просьбу Дмитрия Константиновича «удовольствоваться выкупом», враг вновь разграбил и сжег город вместе с окрестными селениями. Отомстив русским за мордву, платившую дань Орде, грабители отошли в Рязанскую землю, влились на реке Воже в крупное войско мурзы Бегича, прекрасного полководца, которому Мамай приказал наказать Дмитрия Ивановича.

Осечка под Пьяной многому научила великого князя. Он внимательно следил за войском Бегича, быстро собрал рать и подошел к Воже неожиданно для врага.

Ордынский полководец уже по одному виду русского войска понял, что бой будет серьезным, и не решился переправляться через реку. Дмитрий Иванович в ответ на несмелое поведение неприятеля приказал своим воеводам отвести русские полки подальше от берега. Мурза Бегич с неохотой принял вызов Дмитрия. Иначе поступить он просто не мог, его в Орде убили бы за трусость. Трусов в степи не любили.

Русские дождались, пока ордынцы форсируют реку, и нанесли им страшное поражение. То была первая серьезная битва созданного Дмитрием войска. То была проверка и людей, и воевод, и великого князя. Победители вернулись домой со славой. Все прекрасно понимали, что теперь главного сражения с темником Мамаем не избежать, что ждать великой битвы осталось совсем немного.

Великий князь с удвоенной энергией начал готовиться к решающей схватке. В 1379 году он отправил полки князей Владимира Андреевича, Волынского, Полоцкого и Андрея Ольгердовича на запад. Они без труда взяли города Стародуб и Трубчевск, где воинов Дмитрия жители приняли радушно. Брат Андрея, Дмитрий Ольгердович, вместе с женой и боярами даже вышел навстречу войску и сообщил о своей готовности служить московскому князю.

Поле Куликово

В конце июля 1380 года Дмитрию Ивановичу доложили о том, что Мамай двинул свою рать на север. На соединение с ним шел Ягайло. Олег Рязанский заметался: против кого биться? Понять его можно. Рязанская земля находилась между Русью, Литвой и Восточно-Европейской степью и походила на проходной двор, по которому носились все, кому не лень было воевать. И все эти вояки грабили рязанскую землю. Сложная задача стояла перед Олегом. Трудно ему было решиться встать на чью-либо сторону, и в этом обвинять его нельзя, как часто делают быстрые на слово люди. Он о своей Рязани пекся, ему народ свой было

жаль. Впрочем, справедливости ради, стоит отметить, что некоторые ученые уверены в абсолютной непогрешимости этого князя, который хоть из осторожности не принимал участия в битве на Куликовом поле, но, появившись неожиданно на южных рубежах с войском, сдерживал движение Ягайлы к месту сражения, лишив Мамая ожидаемого им подкрепления.

О Куликовской битве хорошо известно любому русскому школьнику, поэтому нет необходимости повторять урок для закрепления материала. Войско Дмитрия Донского одержало победу. Удар засадного полка Владимира Андреевича и князя Боброк-Волынского окончательно сломил волю ордынцев, и они проиграли сражение, с криком «Русы оживают!» побежали с поля битвы. Этот дикий, страшный крик напуганных воинов Мамая выразил суть произошедших с русскими перемен.

Сложна и множественна по своим причинно-следственным составляющим история возрождения русской души. Однако уже с Ивана Калиты она немыслима без Москвы, тогда еще совсем небольшого городка. Сам факт, что именно в Москве родилось упрямое желание дать решающее сражение ордынцам, говорит о многом. Говоря о возрождении народа, нельзя забывать и тот факт, что по Божественному ли промыслу, или по воле митрополитов и деятелей православия — таких, как преподобный Сергий, — сюда же, в Москву, тянулись и художники, мастера различных ремесел. Андрей Рублев родился в 1360 — 1370 годах. Либо десятилетним мальчиком провожал он русское воинство на Дон и встречал поредевшую рать победителей, либо двадцатилетним молодым человеком. Рублевская «Троица» — это не просто мировой шедевр иконописи. Это символ возрожденного, непокоренного духа, символ неокованной души, ищущей согласия и гармонии.

...Победоносное войско Дмитрия Ивановича, получившего после битвы имя Донской, вернулось в Москву, но не успели русские люди по достоинству оценить итоги Куликовской битвы, как из степи стали поступать в Заокскую землю тревожные слухи.

Хан заяицкой Орды Тохтамыш, потомок Батыя, опираясь на помощь Тамерлана — тоже потомка Чингисхана, — быстро окреп и пошел в 1381 году на Мамая. У реки Калка темник проиграл битву, преданный своими людьми, бежал в Крым, но его убили генуэзские купцы, так и не получившие от него обещанных льгот на торговлю в Великом Устюге.

Тохтамыш, пытаясь восстановить былую мощь улуса Джучиева, отправил в Москву послов. Дмитрий Иванович встретил их вежливо. Они поведали ему о битве при Калке, затем напомнили о главном — о дани. Великий князь внимательно их выслушал и дал понять, что времена данной зависимости Руси от Орды прошли. Прощаясь с послами, он все же не пожалел для них подарков, и они покинули Москву довольные.

Но хан Тохтамыш был недоволен. На следующий год из Орды пришел на Русь царевич Ахаз с огромной свитой и с отрядом телохранителей. Он увидел в Москве гордые, невозмутимые лица и понял, что лучше не дразнить зверя, не требовать от русских дани. Те же самые лица видел Ахаз и в Нижнем Новгороде, и в других городах и селениях Руси. Гордость победителей! Ее не изобразишь — она дается только победителям.

Эта гордость возрождающегося народа напугала царевича Акхаза. Но хан Тохтамыш знал, что нужно делать в подобных случаях: бить, бить провинившегося данника. Бить долго, до тех пор, пока он не изогнется в покорной стойке. Бить надо провинившегося!

Хан Тохтамыш решил напомнить данникам, кто они такие, и в 1382 году пошел с сильным войском на Русь. На Средней Волге он задержался. Его тумэны ворвались в Волжскую Болгарию, ограбили там русских купцов, отняли у них много кораблей для переправы через Волгу.

Русские оказались неготовыми к новой войне. Но обвинять в этом Дмитрия Донского нельзя. Он свое дело сделал. Он развеял страх, гнетущим облаком висевший над каждым русским воином. Он сделал очень важный шаг на пути к свободе. Но Русь в XIV веке не могла одолеть Орду. Но это не значит, что она не справилась бы со степняками никогда. Битва на поле Куликовом доказала это.

По некоторым данным, у Тохтамыша, форсировавшего Волгу и вышедшего к Рязани, было в войске двести тысяч воинов. Очень большая армия.

Князь суздальский Дмитрий послал к Тохтамышу своих сыновей в знак смирения. Они скакали быстро, но с трудом догнали ордынцев: те быстро шли к Рязани. Хан дал жесткий приказ грабежом не заниматься, ошеломить русских внезапным ударом. Олег Рязанский сдался, бил челом Тохтамышу, обещал провести его через броды и переправы и повел огромное войско на Москву, но повел каким-то странным путем, сначала на Серпухов. Ордынцы взяли город, разграбили и потом только двинулись на Москву.

Почему же хан не пошел в столицу от Коломны по Москве-реке? Почему, до этого подгоняя своих воинов и не разрешая им останавливаться для грабежа, теперь, когда нужно было стремительным броском выйти к Москве, он вдруг согласился сделать крюк, не очень большой, но наверняка задержавший его дней на пять, а то и на семь — десять?

Этот вопрос остался малоисследованным и военными стратегами, и политиками, и москвоведами. Отвечая на него, можно сделать интересные выводы! Конечно же, разведка у Тохтамыша работала исправно, и за сто сорок лет после нашествия Батыя ордынцы знали географию Заокской земли великолепно. Им не нужен был Олег Рязанский в качестве проводника еще и потому, что они могли найти проводника из местных жителей. Дело здесь в другом — в дорогах! Торопливые люди утверждают, будто Москва еще в XI веке, а уж в XII, XIII, XIV веках и подавно, представляла собой бойкий узел торговых и военных дорог. Но поход Тохтамыша говорит о том, что военных-то дорог на территории современной Московской области даже в конце XIV века было мало.

Поход на Серпухов можно объяснить и другой причиной. Тохтамыш знал о Владимире Храбром, герое Куликовской битвы, и вполне естественным могло быть его желание нанести удар по вотчине двоюродного брата Дмитрия Донского. Кроме того, хан мог надеяться и на то, что этот князь, по примеру князей суздальского и рязанского, сдастся ему, потомку самого Батыя. И все-таки маршрут похода на Москву из Рязани через Серпухов выглядит довольно-таки странно.

Все дело в том, что Владимир Андреевич не испугался Тохтамыша. В тот трудный для Руси час он — единственный из всех князей, воевод и бояр! — требовал, просил, предлагал собрать войско и выступить навстречу ордынцам. Он готов был драться, а советники Дмитрия Донского, московские бояре, «только спорили о лучших мерах для спасения отечества, и великий князь, потеряв бодрость духа, вздумал, что лучше обороняться, нежели искать гибели в поле»[1].

Великий князь решил не рисковать, уехал с семьей в Кострому, где он надеялся собрать войско для борьбы с Тохтамышем. Народ, узнав об этом, заволновался. Митрополит всея Руси Киприан и бояре пытались угомонить горожан, но не смогли, «и бысть мятеж велик в граде Москве». Ремесленники и купцы взяли власть в городе, их возглавил литовский князь Остей. Колокола кремлевских соборов собрали народ на вече. Люди требовали закрыть все ворота и никого не выпускать из города, организовать достойный отпор врагу.

В этот момент митрополит всея Руси Киприан (чужеземец, родом из греков) с боярами кинулись из города. Им удалось убежать. За ними в отчаянной попытке спастись последовали слабые духом. Но ворота были закрыты, а перед ними стояли крепкие люди с рогатинами и саблями в руках. Кто-то бросал в беглецов камни. Камни били больно, могли убить. Умирать от своих сограждан не хотелось. Но желающих вырваться из города не убавлялось.

И тогда мудрое решение принял литовский князь Остей. «Он убедил москвичей выпустить часть народа и затворился в Кремле с теми, кто решил остаться. Бояре, купцы, суконники и сурожане сносили в Кремль свои товары; кроме москвичей в город набежал народ из окрестностей; все надеялись на крепость каменных стен и спешили в Кремль со своими пожитками»[2].

23 августа, в понедельник, подъехали передовые татарские конники к кремлевским стенам. Москвичи смотрели на них со стен. «Здесь ли великий князь Димитрий?» — спрашивали татары. Им отвечали: «Нет». Татары объехали вокруг Кремля, осматривали рвы, бойницы, заборолы, ворота. В городе благочестивые люди молились Богу, наложили на себя пост, каялись во грехах, причащались, а удалые молодцы вытаскивали из боярских погребов меды, доставали из боярских кладовых дорогие сосуды и напивались из них для бодрости. «Что нам татары, — говорили они во хмелю, — не боимся поганых; у нас город крепок, стены каменные, ворота железные. Недолго простоят под городом! Страх на них найдет с двух сторон: из города мы их будем бить, а сзади князья наши на них устремятся».

Пьяные влезали на стены, кричали на татар, ругали, плевали и всячески оскорбляли их и их царя; а раздраженные татары махали на них саблями, показывая, как будут рубить их. Москвичи расхрабрились так, думая, что татар всего столько и пришло, сколько их видно было со стен. Но к вечеру появилось все ордынское войско с их царем, и тут многие храбрецы

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 34.

[2] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. I. С. 182.

пришли в ужас. Началась перестрелка; стрелы в изобилии летали с обеих сторон. Татарские стрелки были искуснее русских: наездники на легких конях скакали взад и вперед, то приближаясь к стенам, то удаляясь от них, на всем скаку пускали стрелы в стоявших на стенах москвичей и не делали промаха; много русских на заборолах падало от стрел татарских. Другие татары тащили лестницы, приставляли к стенам и лезли на стены; москвичи обдавали их кипятком, бросали на них каменья, бревна, поражали самострелами. Один москвич, суконник по имени Адам, заприметив татарина, знатного по виду, выстрелил в него из самострела и попал стрелой прямо в сердце. Этот татарин был сыном одного мурзы, любимцем хана.

Три дня повторяли татары свои приступы: горожане упорно отбивали их. Наконец Тохтамыш сообразил, что не взять ему Кремля силой; он решил взять его коварством. На четвертый день в полдень подъехали к стенам знатнейшие мурзы и просили слова. С ними стояли двое сыновей суздальского князя, шурины великого князя. Мурзы сказали: «Царь наш пришел показнить своего холопа Димитрия, а он убежал; приказал вам царь сказать, что он не пришел разорять своего улуса, а хочет соблюсти его и ничего от вас не требует — только выйдите к нему с честью и дарами. Отворите город; царь вас пожалует!» Суздальские князья татарам вторили: «Нам поверьте: мы ваши христианские князья; мы ручаемся за то, что это правда». Москвичи положились на слово русских князей, отворили ворота и вышли из города мерным ходом; впереди князь Остей, за ним несли дары, потом шли духовные в облачении, с иконами и крестами, а за ними бояре и народ. Татары, дав москвичам выйти из ворот, бросились на них и начали рубить саблями без разбора. Прежде всех пал Остей. Духовные, умирая, выпускали из рук кресты и иконы: татары топтали их ногами. Истребляя кого попало направо и налево, ворвались они в середину Кремля: одни — через ворота, другие — по лестницам через стены. Несчастные москвичи — мужчины, женщины, дети — метались туда и сюда. Но напрасно думали они избавиться от смерти. Множество их искало спасения в церквях, но татары разбивали церковные двери, врывались в храмы и истребляли всех от мала до велика. По сведениям летописца, резня продолжалась до тех пор, пока у татар не утомились плечи, не иступились сабли. Церковные сокровища, великокняжеская казна, боярское имущество, купеческие товары — все было разграблено. Тогда было истреблено и множество книг, снесенных со всего города в соборные церкви.

Наконец город был зажжен. Огонь истреблял тех немногих, кто избежал татарского меча. Покарав Москву, татары отступили от нее.

«Страшное зрелище представляла теперь русская столица, недавно еще многолюдная и богатая. Не было в ней ни одной живой души; кучи трупов лежали повсюду на улицах среди обгорелых бревен, пепла, и растворенные церкви были завалены телами убитых.

Некому было ни отпевать мертвых, ни оплакивать их, ни звонить по ним»[1].

---

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. I. С. 183 — 185.

Но этого врагу было мало. Отряды Тохтамыша разграбили и предали огню Владимир, Звенигород, Юрьев, другие города и подошли к Волоку Ламскому. Здесь дружина Владимира Храброго нанесла ордынцам сокрушительный удар. Жалкие остатки тумэнов потянулись к Москве, и оттуда Тохтамыш поспешил увести свое войско в степь.

Князья Дмитрий Иванович Донской и Владимир Андреевич Храбрый вернулись в опустошенный город и занялись похоронами. По расчетам Н. М. Карамзина, в братских могилах погребли в тот год около 24 тысяч человек. Много жителей города сгорело во время пожара, много людей утонуло.

И все-таки Куликовская битва была необходима! Об этом говорит хотя бы тот факт, что даже разоренная Москва не потеряла свой авторитет и свое главенствующее положение в Русской земле. Авторитет Дмитрия Донского тоже не пошатнулся после того, как он отошел из Москвы в Кострому, хотя некоторые историки и обвиняют его в этом. Полную поддержку великому князю оказывал преподобный Сергий Радонежский. В 1383 году он ездил в Рязань к Олегу, неожиданно напавшему на Коломну и разграбившему город, и своим мудрым словом добился больше, чем мог сделать в тот момент посланный на разорителя Коломны Владимир Андреевич Храбрый с дружиной. Рязанский князь Олег заключил с Дмитрием мир и союз и скрепил договор семейными узами: в 1384 году сын Олега, Федор, женился на дочери Дмитрия, Софии.

Дела военные и мирные не могли отвлечь Дмитрия Ивановича от важнейшего общегосударственного дела: укрепления Москвы, благоустройства города.

За время его великого княжения в Москве были основаны Вознесенский, Рождественский и Симонов монастыри, построена церковь Рождества Богородицы, что на сенях во дворце.

Симонов монастырь основал племянник преподобного Сергия Радонежского Феодор. Старый Симонов монастырь имел храм Рождества Богородицы близ Медвежьего, или Лосиного, озерка (впоследствии Лизин пруд). В Старом Симоновом монастыре погребены иноки Пересвет и Ослябя. Когда боярин Симонов из рода Головиных пожертвовал землю для монастыря, то он был перенесен на новое место, где построили храм Успения[1]. Преподобный Сергий сам выкопал здесь пруд.

Возвратившись после Куликовской битвы в Москву, Дмитрий Донской основал в 1380 году Высоко-Петровский монастырь при церкви Боголюбской Богоматери в селе Высоцком, существовавшей еще со времен Ивана Калиты.

Существует мнение, что великий князь Дмитрий Иванович основал монастырь Николы Старого, по имени которого названы Никольские ворота Кремля и улица Никольская.

В 1386 году княгиня Мария Кейстутьевна, мать серпуховского князя Владимира Андреевича, основала на холме у реки Неглинной Рождественский монастырь, в котором ее и погребли. Ее невестка, княгиня Елена, дочь Ольгерда, завещала монастырю свои вотчины.

---

[1] *Назаревский В.* Указ. соч. С. 43.

Великая княгиня Евдокия в 1380 году основала в Кремле церковь Рождества Богородицы в память победы русского воинства на поле Куликовом. Она же, будучи уже инокиней Евфросиньей, основала в 1407 году Вознесенский монастырь. Он был возведен на месте княжеского терема. Отсюда, стоя на крыльце, она провожала великого князя Дмитрия Ивановича на знаменитую битву.

Во время правления Дмитрия Донского в Москве появились новые ремесла и производства. Освоение огнестрельного оружия привело к необходимости строительства собственного порохового завода. Изменилась технология чеканки монет, что позволило чеканить монеты лучшего качества. Серебряные монеты назывались деньгами, медные — пулами. Московского герба в то время еще не существовало.

Племянник святого Сергия, Феодор, обладавший незаурядным умом и обширными знаниями, был в Константинополе рукоположен в сан архимандрита. Патриарх Нил разрешил назвать обитель Феодора на Козьем болоте Патриаршею и дал ей особый статус независимой от митрополита всея Руси обители.

В 1385 году Дмитрий Донской собрал войско из дружин 26 подвластных ему городов и повел рать на Новгород, где взбунтовался народ, прельщенный дарами князя литовского Патрикия Наримантовича. В тридцати верстах от реки Волхов великий князь остановился, как бы давая бунтовщикам время подумать. Новгородцев напугала сила объединенного войска. В стан Дмитрия явился новгородский архиепископ Алексий. Переговоры велись не один день. Новгородцы, не желавшие покоряться окончательно Москве и терять республиканские обычаи и законы, в то же время не хотели проливать кровь сограждан. Они, хотя и готовились к боям под руководством Патрикия, но посылали к Дмитрию послов от всего города и от каждого из пяти концов города. Наконец договорились! «Великий князь подписал мирную грамоту с условием, чтобы Новгород всегда повиновался ему как государю верховному, платил ежегодно так называемый черный бор... и внес в казну княжескую 8000 рублей за долговременные наглости своих разбойников»[1].

В 1386 году в Москву неожиданно прибыл сын Дмитрия Донского Василий. После нашествия Тохтамыша он был послан в Орду, с тем чтобы помешать князю тверскому Михаилу получить ярлык на великое княжение. Свою миссию совсем юный — ему было всего 12 лет — князь исполнил. Русские обязались платить дань, хан оставлял у себя на несколько лет сыновей московского, нижегородского и тверского князей, но Василий вскоре совершил отчаянный побег из Орды и окольными путями, через Литву, пробрался в Москву. Похвальный поступок! Но знаменательна еще и реакция Орды на него — грозный Тохтамыш никак не отреагировал на эту дерзость данника, не подумал даже о наказании провинившегося. Говорит это больше о силе Москвы или о слабости Орды — трудно сказать определенно.

Послушаем мнение историка Костомарова: «Сам Димитрий не был князем, способным мудростью правления облегчить тяжелую судьбу

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 40.

народа; действовал ли он от себя или по внушениям бояр своих — в его действиях виден ряд промахов. Следуя задаче подчинить Москве русские земли, он не только не умел достигать своих целей, но даже упускал из рук то, что ему доставляли сами обстоятельства; он не уничтожил силы и самостоятельности Твери и Рязани, не умел и поладить с ними так, чтоб они были заодно с Москвою для общих русских целей; Димитрий только раздражал их и подвергал напрасному разорению ни в чем не повинных жителей этих земель; раздражал Орду, но не воспользовался ее временным разорением, не предпринял мер к обороне против опасности; и последствием всей его деятельности было то, что разоренная Русь опять должна была ползать и унижаться перед издыхающей Ордой»[1].

В 1388 году, впрочем, ордынцы начали новый натиск на Русь, захватили Переяславль-Рязанский, и в это время великий князь... арестовал бояр своего двоюродного брата Владимира Андреевича Храброго. «Размирье» между первыми людьми Русской земли после данной ими друг другу клятвы верности было на руку всем их противникам. Это Владимир Андреевич понимал. Через месяц согласился утвердить с братом новую грамоту, в которой он признавал Дмитрия отцом, а Василия Дмитриевича — старшим братом.

«Сия грамота наиболее достопамятна тем, что она утверждает новый порядок наследства в великокняжеском достоинстве, отменяя древний, по коему племянники долженствовали уступать оное дяде»[2]. Эта грамота явилась своего рода памятником митрополиту всея Руси Алексию, который не дожил до нее ровно десять лет.

В день Благовещения Дмитрий Иванович обнял на виду у собравшегося народа Владимира Андреевича как друга. Народ ликовал.

Но Дмитрию Ивановичу жить оставалось недолго, хотя в тот славный день никто не смог бы предсказать его близкой кончины. «...Необыкновенная его взрачность, дородство, густые черные волосы и борода, глаза светлые, огненные, изображая внутреннюю крепость сложения, ручались за долголетие»[3].

Болезнь свалила Дмитрия Ивановича. Предчувствуя близкую смерть, он подозвал к себе бояр и сказал: «Вам, свидетелям моего рождения и младенчества, известна внутренность души моей. С вами я царствовал и побеждал врагов для счастия России; с вами веселился в благоденствии и скорбел в злополучиях; любил вас искренно и награждал по достоинству; не касался ни чести, ни собственности вашей, боясь досадить вам одним грубым словом; вы были не боярами, но князьями земли Русской. Теперь вспомните, что мне всегда говорили: умрем за тебя и детей твоих. Служите верно моей супруге и юным сыновьям: делите с ними радость и бедствия». Представив им семнадцатилетнего Василия Дмитриевича как будущего их государя, он благословил его; избрал ему девять советников из вельмож опытных; обнял Евдокию, каждого из сыновей и

---

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. I. С. 189—190.
[2] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 43.
[3] *Там же.*

бояр; сказал: «Бог мира да будет с вами!» Сложил руки на груди и скончался»[1].

«Увидевши супруга своего мертвым, на одре лежащем, великая княгиня начала плакать, ударяя руками в грудь свою; огненные слезы лились из очей... Зачем, — воскликнула она, — умер ты, дорогой мой, жизнь моя, зачем оставил меня одну вдовой?.. Куда зашел свет очей моих? Куда скрылось сокровище жизни моей? Цвет мой прекрасный, зачем так рано увял ты? Что же не смотришь на меня, не отвечаешь мне? Рано заходишь, солнце мое, рано скрываешься, прекрасный месяц, рано идешь к западу, звезда моя восточная! Где честь твоя, где власть твоя и слава? Был государем всей Русской земли, а ныне мертв и ничего не имеешь в своем владении! Много примирил стран, много одержал побед, а ныне побежден смертью!.. Зачем оставил меня и детей своих?.. Крепко уснул царь мой... не могу разбудить тебя!..»[2]

Пусть в нашей книге итог противоречивой жизни Дмитрия Донского подведет Н. М. Карамзин:

«Никто из потомков Ярослава Великого, кроме Мономаха и Александра Невского, не был столь любим народом и боярами, как Дмитрий, за его великодушие, любовь ко славе отечества, справедливость, добросердечие. Воспитанный среди опасностей шума воинского, он не имел знаний, почерпаемых в книгах, но знал Россию и науку правления; силою одного разума и характера заслужил от современников имя орла высокопарного в делах государственных, словами и примером вливал мужество в сердца воинов и, будучи младенец незлобием, умел с твердостию казнить злодеев. Современники особенно удивлялись его смирению в счастии. Какая победа в древние и новые времена была славнее Донской, где каждый россиянин сражался за отечество и ближних? Но Дмитрий, осыпаемый хвалами признательного народа, опускал глаза вниз и возносился сердцем единственно к Богу Всетворящему. Целомудренный в удовольствиях законной любви супружеской, он до конца жизни хранил девическую стыдливость и, ревностный в благочестии подобно Мономаху, ежедневно ходил в церковь, всякую неделю в Великий Пост приобщался Святых Тайн и носил власяницу на голом теле; однако ж не хотел следовать обыкновению предков, умиравших всегда иноками: ибо думал, что несколько дней или часов монашества перед кончиною не спасут души и что государю пристойнее умереть на троне, нежели в келье.

Таким образом летописцы изображают нам добрые свойства сего князя; и славя его как первого победителя татар, не ставят ему в вину, что он дал Тохтамышу разорить великое княжение, не успев собрать войска сильного, и тем продлил рабство отечества до времен своего правнука»[3].

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 44.
[2] *Назаревский В.* Указ. соч. С. 46.
[3] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 43 — 44.

Основные события жизни Дмитрия Донского

1350 год. 12 октября в семье Ивана Ивановича Красного родился сын Дмитрий.

1351 год. Ордынцы взяли «земли Вроцлавские».

1352 год. На Русь с севера, со стороны Новгорода и Пскова, обрушилась эпидемия моровой язвы.

1353 год. 26 апреля умер Симеон Иванович Гордый — великий князь московский и владимирский, дядя Дмитрия.

6 июня умер князь Андрей Иванович, дядя Дмитрия.

15 июня родился князь Владимир Андреевич, прозванный впоследствии Храбрым.

1354 год. 25 марта Иван Иванович Красный занял великокняжеский престол.

30 июня митрополитом всея Руси стал епископ Владимирский Алексий.

Венгерский король осуществил удачный поход за Буг, пленил хана, но татары еще несколько лет удерживали за собой земли Приднестровья.

1359 год. Хан Тоглуку, потомок Чингисхана, взял власть в Средней Азии. Одним из его вассалов был Тамерлан, которому удалось получить от хана должность начальника тумэна.

13 ноября умер Иван Иванович Красный.

1360 год. В Пскове вспыхнула эпидемия чумы, завезенная купцами из города Бездежа. Чума попала в Коломну, а затем в 1361 — 1362 годах в Переславль и в Москву.

1362 год. Московская знать и митрополит Алексий добились в Орде ярлыка для Дмитрия Ивановича.

1362 — 1364 годы. Князь Дмитрий совершил три похода против нижегородских и суздальских князей.

1363 год. Ольгерд осуществил удачный поход в устье Днепра, разбил там войско Орды, опустошил много городов. Заднепровские татары даже попали в некоторую зависимость от Литвы.

1364 год. Чума перекинулась в Новгород.

Новгородские воевода Александр Обакунович осуществил дерзкий поход по Оби, сражался с сибирскими племенами.

1365 год. Страшной силы пожар сжег деревянную Москву.

Великий князь Дмитрий Иванович вместе с боярами и братом Владимиром принял решение «ставить город камень Москву»: строить на Боровицком холме каменные крепостные стены — Кремль.

Татары сожгли Казань.

1366 год. 18 января князь Дмитрий женился на нижегородской княжне Евдокии Дмитриевне.

Новгородский воевода Александр Обакунович ходил по Волге, по Каме, грабил татар, армян, хивинцев, бухарцев, булгар. Князь Дмитрий Иванович пресек эти разбойничьи действия.

1367 год. Заложен каменный Кремль в Москве.

Китай изгнал татаро-монгольских завоевателей.

1368 год. Литовцы взяли Ржев, но князь Владимир Андреевич отбил город у неприятеля.

21 ноября войско Ольгерда разгромило на реке Тростна сторожевой отряд под руководством Дмитрия Минина и Акинфа Шубы.

Ноябрь. Войско Ольгерда три дня продержало в осаде Москву.

1369 год. Князь Дмитрий начал строительство новой крепости в Переяславле-Залесском.

1370 год. Поход московского войска на Тверь.

Тамерлан свергнул избранного на курултае хана Кабула Шах Аглана, провозгласил себя ханом-правителем.

Ольгерд со своими союзниками в декабре пытался взять Москву, разорив перед этим окрестности Волока Ламского. Восемь дней он простоял у стен Кремля, но, побоявшись оказаться в окружении, в конце концов заключил мир.

1371 год. Ярлык на великое княжение получил князь тверской Михаил. Он отказался от предложенного ханом войска, а князь Дмитрий Иванович, не желая признавать великим князем Михаила, отказался ехать во Владимир слушать грамоту хана, вступил с войском в Переяславль-Залесский. Жители Владимира тоже не признали Михаила. Сарыхожа, посол хана, все же выдал ярлык Михаилу и приехал в Москву. Князь Дмитрий Иванович осыпал его дарами, угощал, пировал с ним. Сарыхоже понравилось «благонравие» Дмитрия.

Князь Дмитрий по совету бояр решил отправиться в Орду. Там его утвердили на великое княжение. Князь Дмитрий заключил договор с Новгородом.

14 декабря воевода Дмитрий Михайлович Волынский разгромил при Скорнищеве сильное войско рязанского князя Олега.

Разбойный люд из Новгорода продолжал грабежи по Волге и Каме.

1373 год. После столкновения московского и литовского войска при Любутске Дмитрий и Ольгерд пошли на перемирие.

1374 год. Князь Дмитрий «размирился» с Мамаем после избиения татар в Нижнем Новгороде.

1375 год. Новгородские разбойники одержали победу над пятитысячной костромской дружиной воеводы Плещея, ворвались в город, семь дней буйствовали там, прошли по Волге до Астрахани, где их разгромило войско хана Сальгея.

5 августа общерусское войско под руководством князя Дмитрия осадило Тверь, а через месяц между Москвой и Тверью был заключен мирный договор.

1376 год. Опасаясь нашествия Орды, князь Дмитрий вывел войско на Оку, чтобы встретить неприятеля за пределами Москвы.

Тамерлан помог Тохтамышу стать кипчакским ханом.

1377 год. Москвичи и нижегородцы ходили походом в Поволжье, вынудили двух ханов — Осана и Мухмат-Салтана — покориться великому князю, что еще более ухудшило отношения с Мамаем.

Русские проиграли ордынскому войску бой у реки Пьяна, погибло много воинов и князей.

Ордынцы разорили Рязань, Нижегородское княжество. Ослаблением этих областей решили воспользоваться мордовские воины, но князь Дмитрий Константинович догнал их, уже возвращавшихся с добычей домой, разгромил, сбросил в реку Пьяну.

1378 год. Монголы покорили Хорезм, затем Афганистан, двинулись на Персию и на Кавказ, остановились на рубеже Дербент — Тбилиси — Эрзерум, штурмом взяли Тбилиси.

Князь Дмитрий Константинович ходил в Мордву, учинил там погром, взял много пленных. Знатные пленные были подвергнуты жестокой казни в Нижнем Новгороде.

Нижний Новгород взяли татары. Князь Дмитрий Константинович пытался договориться с ними. Они сожгли город, ограбили окрестности, на обратном пути влились в крупное войско Мурзы Бегича, которого встретила и разгромила на реке Воже русская рать.

1379 год. 9 декабря Владимир Андреевич Храбрый отбил у Литвы Стародуб и Трубчевск.

В Москве на Кучковом поле (на месте Сретенского монастыря) были впервые в истории города казнены Иван Вельяминов и Некомат — разжигатели смуты.

1380 год. Заложен Успенский храм в Коломне.

Русские одержали полную победу над войском Мамая на поле Куликовом.

1 ноября на съезде русские князья договорились поддерживать друг друга в борьбе против татар.

1382 год. Хан Тохтамыш осуществил грабительский поход на Москву.

1383 год. В Орду отправился заложником сын Дмитрия Василий. Ярлык великого князя остался у Дмитрия.

1384 год. Тохтамыш наложил на Русь тяжелую дань.

1385 год. Рязанский князь Олег разграбил Коломну. Дмитрий Донской послал на него войско князя Владимира Андреевича. Сергий Радонежский убедил Олега заключить с Дмитрием «вечный союз». В том же году договор между Москвой и Рязанью был заключен.

1386 год. Князь Дмитрий осуществил поход на Новгород, который признал главенство Москвы.

Ягайло, литовский государь, женился на Ядвиге, дочери польского короля Людовика.

1387 год. Сын Дмитрия Донского Василий совершил побег из Орды.

Федор, сын Олега, женился на Софии, дочери Дмитрия.

1389 год. В Москву из Германии были доставлены первые огнестрельные пушки.

С согласия князя Владимира Андреевича, главного претендента на великокняжеский престол в случае смерти Дмитрия Донского, был утвержден новый порядок престолонаследия, согласно которому законным

наследником великого князя становился старший сын Дмитрия Донского, а не братья его, как было ранее.

Дмитрий Донской умер.

Василий Дмитриевич

(1371 — 1425)

Дмитрий Донской, умирая, благословил своего сына Василия великим княжением, как «отчиной», и 15 августа 1389 года во Владимире ханский посол Шахмат возвел нового князя на престол.

К этому времени в Восточной Европе наметилось равновесие трех могущественных сил.

1. Великое княжество Литовское резко усилили внуки Гедимина. Ольгерд (1345 — 1377) одержал в 1348 и 1370 годах убедительные победы над Тевтонским орденом, а в 1363 году разгромил войско Орды. В 1377 году Ольгерд умер, и престол занял Ягайло, видный политик рубежа XIV — XV веков. 14 августа 1385 года в замке Крево, расположенном между Польшей и Великим княжеством Литовским, на территории современной Белоруссии, было заключено соглашение о династическом союзе, так называемая Кревская уния. Великий князь литовский Ягайло вступил в брак с польской королевой Ядвигой (в 1383 году она была избрана польским «королем») и стал королем теперь уже Польско-Литовского государства. В 1392 году великим князем литовским стал Витовт. В конце XIV — начале XV столетия литовцы усилились настолько, что Витовт подумывал о том, чтобы брать дань... с Орды.

2. Орда в 1372 году распалась на семь владений: царство темника Мамая, расположенное между Доном и Днепром, Новый Сарай, Волжская Болгария, Мордва, Астрахань, Сарайчик, Крым. Потомки Чингисхана и Батыя, например Тохтамыш, делали все возможное, чтобы восстановить былую мощь улуса Джучиева, но центробежные силы с упрямством зимнего степного ветра раздирали детище Батыя. И все-таки у ордынцев на рубеже XIV — XV веков сил еще было очень много, о чем говорят не только крупные военные походы Тохтамыша и Едигея, но и внушительные по размаху налеты ордынских царевичей на русские княжества. Степь в любой момент все еще могла посадить на боевых коней огромное количество воинов.

3. Русская земля на фоне своего окружения выглядела слабее. Великие князья, постоянно теперь обитавшие в Москве, контролировали огромные пространства современных Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской и других областей. Политику московских князей поддерживали новгородцы и псковичи, хотя частенько они с оружием в руках решительно протестовали против попыток московских князей



лишить их либо некоторых богатых земель, либо свободы. Но экономически Москва была слабее Литвы и слабее Орды. Кроме того, многие удельные князья даже после того, как Владимир Андреевич Храбрый в договоре 1388 года показал всем пример бескорыстия и государственного подхода к делу, мечтали о самостоятельном правлении в своих вотчинах, а некоторые из них подумывали и о великом княжении. Трудная борьба с Тверью продолжалась. Натиск Литвы не ослабевал. Орда тянула дань. Новгородцы иной раз шантажировали великих князей — грозили создать союз с немцами или литовцами.

Разве можно сравнивать Москву, Вильно и Сарай?!

Можно. Сильная Орда была на излете своей мощи, Литва приближалась к наивысшей точке, к расцвету своего могущества. А русское государство с центром на Боровицком холме только-только взлетело, но стало быстро, упорно, упрямо набирать высоту и скорость полета. В истории известны случаи, когда государства гибли и на этой, самой напряженной, энергетически трудоемкой стадии своего развития. Подобное, например, случилось с царством тангутов Си Ся, возникшим в китайском Тибете в 982 году. Тангуты вели войны практически со всеми соседями, особенно упорной была борьба с Китаем. И вот в тот самый момент, когда Си Ся стало одерживать стабильные, многообещающие победы, на тангутов в 1227 году навалились полчища Чингисхана. На взлете погибло не только Си Ся. И Русское государство, которое собирала вокруг себя Москва, тоже могло бы погибнуть. Но только не после победы на поле Куликовом.

Василий Дмитриевич вступил на великокняжеский престол в восемнадцатилетнем возрасте. Нельзя сказать, что был он слишком молод,

особенно если учесть его поездку в Орду, бегство оттуда, долгий путь домой через Молдавию и Литву. За годы странствий он повидал немало, сошелся с Витовтом, обещал жениться на его дочери Софии и выполнил обещание. Новичком на политическом небосклоне он не был, хотя большого опыта в государственных делах великий князь не имел.

«Великий князь, едва вступив в лета юношества, мог править государством только с помощию Совета: окруженный усердными боярами и сподвижниками Донского, он заимствовал от них сию осторожность в делах государственных, которая ознаменовала его тридцатишестилетнее княжение и которая бывает свойством аристократии, движимой более заботливыми предвидениями ума, нежели смелыми внушениями великодушия, равно удаленной от слабости и пылких страстей», — писал в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин[1]. Не без доли укоризны он говорил о том, что «Дмитрий оставил Россию готовую снова противоборствовать насилию ханов; юный сын его, Василий, отложил до времени мысль о независимости»[2].

Боярская дума в Москве представляла собой постоянно действующий орган управления Русским государством. Полномочия у бояр были очень большие, о чем говорит тот факт, что в отсутствие великого князя Дума могла заключать мирные договоры с воюющими сторонами. Авторитет московской Боярской думы был очень высоким, иначе ханы, как бы они ни ценили, например, митрополита Алексия, никогда бы не решились давать ярлык на великое княжение малолетним отрокам. Московская Боярская дума была прежде всего надежной опорой государственной власти. Надежность — вот чего не хватало новгородскому вече, всегда готовому взорваться, устроить очередной бунт, сбросив очередного несчастного наместника со знаменитого моста. Надежности не хватало князьям рязанским, мечущимся между тремя мощными силами: Литвой, Ордой и Москвой. Ненадежна была и власть в Твери... Московская Боярская дума не была эталоном представительного органа управления (такового просто быть не может для всех городов), но для возвышения Москвы в русских землях она сыграла консолидирующую роль, поскольку обеспечила взвешенность решений верховной власти и взвешенность эта шла от хозяйственных, долгосрочных интересов бояр — этих потомственных феодалов русского средневековья. Что прежде всего нужно было московским боярам? Мирное присоединение к московским владениям русских областей и городов. Подобный, проверенный со времен Ивана Калиты невоенный, незахватнический способ усиления Москвы, может быть, покажется вялым, но в ситуации, сложившейся к появлению на исторической арене Василия Дмитриевича, он был единственно приемлемым и стратегически оправданным.

Поэтому обвинять в излишней осторожности Василия Дмитриевича и Боярскую думу, заметно влиявшую на ходы и решения великого князя, было бы несправедливо. Любое неосторожное движение со стороны Москвы, любой неоправданный всплеск энергии мог вызвать ураганной

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 51.

[2] *Там же.*

силы реакцию в Литве и Орде, озлить Тверь, граничащую с Литвой, или Рязань, южными окраинами упирающуюся в Орду, возбудить Псков, к которому тянулись немцы, да и литовцы тоже, или Новгород с его вечно буйным вече, с его великой любовью к свободе и с такой же любовью к согражданам. (Нужно отметить, правды ради, находясь на северо-западных границах, новгородцы хоть и шантажировали великих князей связями с чужеземцами, но ни разу не приняли весьма выгодные предложения иностранцев, как и псковичи, честь им и хвала.)

Москва после Куликовской битвы жила в таком состоянии, как будто несла над своими холмами хрупкую хрустальную вазу и старалась не разбить приз за великую победу — великое доверие русских людей. Это доверие многого стоит. Заслужить его сложно. Сохранить куда сложнее. Вспомним, Цезарь пользовался чрезвычайным доверием сограждан. Многие здравомыслящие римляне в середине I века до н. э. понимали, что в империи должны функционировать имперские органы власти. Для всеобщей же пользы. Но великий Цезарь чуть-чуть поспешил, увлекся, слава (эта хрустальная ваза доверия) увлекла его, поторопила, и завоеватель Галлии получил в грудь несколько ударов мечами. В конце XIV века н. э. многие здравомыслящие люди понимали, что пришла пора русским княжествам слиться в единое государство. Если бы Василий Дмитриевич поторопился, действуя в русских землях методами Чингисхана, то... несколько ударов кинжалами в грудь получил бы не он один, а Москва. Большая, как сами видите, разница.

Еще до Куликовской битвы город, раскинувшийся в окрестностях Боровицкого холма, его князья, митрополиты, бояре пользовались доверием сограждан, о чем говорит упоминавшийся уже эпизод из жизни Алексия и Дмитрия Ивановича, когда они заманили князя тверского в Москву якобы на переговоры, а затем бросили в темницу. Позор-то какой! Званого гостя в темницу сажать.

Князь тверской не простил обидчиков, но русские люди хоть и не одобрили этот поступок, Москве доверять не перестали. Велик был кредит доверия городу, князьям, боярам, митрополиту всея Руси. После Куликовской битвы запас доверия резко увеличился: хрустальная ваза над московскими холмами стала куда больше и величественнее. Между тем разбиться она могла в любой момент, после любого неосторожного движения.

Осторожность, надо сказать, проявляли все крупные политики Восточной Европы на рубеже XIV — XV веков, а если кто-либо из них забывался и действовал исходя из сиюминутных интересов, то, как правило, тут же бывал наказан недремлющими хищными соседями.

В 1392 году Василий Дмитриевич собрался в Орду. Настроение у него было неважное. Совсем недавно царевич Беткут ворвался в Русскую землю, разорил Вятку. Здесь жили выходцы из Новгорода. Они еще во второй половине XII века устроили крепость, создали небольшую независимую республику. Ордынцы напали внезапно, нанесли жителям огромный ущерб. Новгородцы и устюжане, узнав о наглом налете, нанесли ответный «визит» в Казань и другие волжские города, пограбили здесь, отомстили за нанесенную согражданам обиду и вернулись домой.

Василий Дмитриевич ехал в Орду по другому поводу, но этот эпизод мог омрачить его поездку.

В Орде встретили великого князя так хорошо, как встречают сыновей после долгого путешествия. Поили, кормили, разговоры вели ласковые, и когда князь объявил о том, что он хочет стать наследным князем Нижнего Новгорода, где только что был утвержден на княжение Борис, князь городецкий, а также Городца, Мещеры, Торжка, Мурома, то Тохтамыш исполнил все желания доброго гостя.

Эта щедрость Тохтамыша часто упускается из виду теми, кто считает ненужной и неоправданной Куликовскую битву. Хан Орды, тот самый, который разорил Москву в 1382 году, теперь, по прошествии десяти лет, исполнял любое желание московского князя только потому, что там, у Боровицкого холма, он почувствовал силу и гордость москвичей. Собираясь в поход на Тамерлана, Тохтамыш задабривал человека, который мог нанести Орде удар в спину. Василий Дмитриевич, считая свою задачу выполненной, уехал домой. Драться он не любил. Тем более бить в спину.

26 октября 1392 года великого князя встречала Москва.

Городецкий князь Борис свой город отдавать не захотел. Василию Дмитриевичу в этом деле помог боярин Румянец, предавший своего князя.

На следующий год великий князь проявил несвойственную ему решимость и жестокость, которую трудно оправдать даже сверхзадачей возвышения Москвы и создания централизованного Русского государства. В тот год митрополит Киприан ездил в Новгород. Сначала все шло хорошо. Киприан читал проповеди, пировал у архиепископа. Тронутые заботой митрополита, новгородцы даже подарили ему несколько дворов. А он, как рыбак из сказки Пушкина, запросил большего: хочу, мол, чтобы горожане обращались ко мне в делах судных. А вот этого новгородцам говорить не стоило! Они свободу ни за что не хотели отдавать.

Митрополит обиделся, уехал в Москву, пожаловался князю. Василий Дмитриевич пригрозил новгородцам, те приняли вызов. Началась война, в чем-то похожая на все войны Москвы с Новгородом, одним только непохожая. После того как взбунтовался Торжок, жители которого убили поставленного Москвой наместника Максима, Василий Дмитриевич по совету бояр отдал приказ взять мятежный город, выловить зачинщиков бунта и доставить их в Москву на казнь.

Виновных в убийстве одного Максима оказалось семьдесят человек. Их привели на городскую площадь, где волнующе рокотал голос толпы. Любопытных собралось много. Палачи действовали не спеша. Они отрубили несчастным руки, потом ноги, а глашатаи кричали изумленной, застывшей в страхе толпе: «Так гибнут враги государя московского!» То было первое подобное действо в Москве, но не первое и не последнее в мировой истории. Волны необузданной злобы накатывались периодически на людей, подавляли в них все человеческое, и они ровняли детей врагов топорами и секирами по тележную ось, как то сделали однажды воины Чингисхана, они укладывали в пирамиды десятки тысяч человеческих черепов или возводили из этого же материала, полюбившегося Тамерлану, иные сооружения... Они были беспощадны в своих драках.

И эта беспощадность подчас была единственным средством достижения цели...

Казнь в Москве подействовала на новгородцев. Они не имели мощных союзников в борьбе с великим князем и потому признали свое поражение, «прислали знатнейших людей в Москву умилостивить государя смиренными извинениями и вручили Киприану судную грамоту»[1].

Хромец Железный

Тамерлан (его еще звали Аксак Темире, Хромец Железный, Тимур), потомок Чингисхана, одержал в XIV и в начале XV века блистательные победы в Центральной Азии, Индии, на Кавказе, в Малой Азии, в Восточно-Европейской степи... Его походы, его подход к военному делу, умение организовать крупные военные кампании с привлечением громадного числа людей навсегда останутся в учебниках по военному искусству. То был крупнейший в Евразии политический деятель своего времени. Он поставил на ноги Тохтамыша и помог ему окрепнуть. Но тот отплатил своему благодетелю черной неблагодарностью. В 1387 — 1388 годах повелитель Золотой Орды напал на Мавераннахр, пытаясь привлечь в союзники Хорезм. Тамерлан разобрался с ним быстро, разгромил войско Тохтамыша. Тот откатился назад, но не прекратил борьбу. В 1391 году Хромец Железный осуществил неподражаемый по красоте военный переход из Азии на Среднюю Волгу, нанес сокрушительное поражение войску Золотой Орды. Тохтамыш и на этот раз не угомонился.

В 1395 году уже на Северном Кавказе, в долине реки Терек бил Хромец Железный Тохтамыша, который, проиграв сражение, сбежал на север. Победоносное войско последовало за ним, прошло к Волге, захватило столицу Золотой Орды Сарай-Берке. Разозленный Тимур отдал город на разграбление, затем сжег его, почти всех жителей взял в рабство. Та же самая участь постигла Хаджи-Тархан (Астрахань), Кафу, Азов, города Северного Кавказа. Этот опустошительный рейд нанес улусу Джучиеву огромный урон. Сила Золотой Орды резко пошла на убыль.

Этот факт позволяет некоторым людям утверждать, что русскому народу вполне можно было обойтись без Куликовской битвы, что Орда постепенно сама бы ослабла. Они забывают в своих рассуждениях, что в средневековье хватало завоевателей на всех и останавливать их можно было не только силой, но и молвой о силе. У русских после поля Куликова появился героический эпос, предание о победе над непобедимым врагом. Тамерлан ураганом пронесся по югу Восточной Европы. Разорив Хаджи-Тархан и Сарай-Берке, Хромец Железный двинулся на север, на русские города. Завоеватели взяли Елец.

«Весть о нашествии сего нового Батыя привела в ужас всю Россию. Ожидали такого же общего разрушения, какое за 160 лет перед этим было жребием государства нашего; рассказывали друг другу о чудесных завоеваниях, о свирепости и несметных полках Тамерлана; молились в

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 56.

церквах и готовились к христианской смерти, без надежды отразить силу силою»[1].

По слухам, Тамерлан вел на Русь четырехсоттысячное войско. Слухам верить нельзя. Но даже если у Хромца Железного было в боевом строю «всего» сто тысяч человек, то справиться с ними было бы очень трудно.

В эти дни Василий Дмитриевич проявил завидную выдержку и хладнокровие. Он решил дать бой великому полководцу, повелел князьям срочно явиться в Москву со своими воинами. Вскоре русские дороги оживились: в столицу шли со всех сторон дружины. Вели их и молодые, и старые князья и воеводы. Народ успокоился, защитники его приободрили. Собрав рать, Василий Дмитриевич впервые в жизни надел на себя воинские доспехи и, не дожидаясь нападения за стенами Кремля, выступил во главе русского войска навстречу врагу. Миновав Коломну, войско стало лагерем.

Волнение вновь охватило москвичей. Страшно. А вдруг сын Донского не справится с великим Тамерланом? Василий Дмитриевич повелел Киприану организовать перевоз из Владимира в Москву иконы девы Марии. Летописцы объясняют это решение тем, что великий князь хотел-де успокоить жителей Москвы. Объяснение, мягко говоря, туманное. Столице, конечно, нужна была чудотворная икона, но... почему именно в столь опасный для государства момент великий князь решил перевести русскую святыню — образ защитницы небесной земли Русской — в Москву? Если отвлечься от общепринятых объяснений, то можно предположить, что сын Донского выбрал очень удобный момент для сего политического акта: размещение иконы в новом, только народившемся центре притяжения русских земель в минуту величайшей для всей русской земли опасности.

Захватив без препятствия огромные богатства в Ельце, других русских городах, Тамерлан взял курс к верховьям Дона. Шел он, шел на север и вдруг остановился, разбил лагерь и целых две недели думал о чем-то очень важном. Две недели, четырнадцать дней.

Москвичи тем временем встречали икону Божьей Матери на Кучковом поле, поставили Чудотворную в Успенском соборе.

В тот же день грозный Тимур повернул свое войско назад и отправился в Азию. Великая гроза миновала Русь.

Но почему же не пошел на север Тамерлан? Люди, глубоко верующие, считают, что его остановила чудотворная икона Божьей Матери как раз в тот миг, когда русские люди, собравшиеся на Кучковом поле, увидав икону, пали ниц в слезах радости и умиления, в великой надежде на спасение. Божия Матерь Владимирская оправдала их надежды. Реалисты называют в перечне причин, повлиявших на решение Тамерлана повернуть назад, надвигавшуюся осень. Странно как-то осень надвигалась в том году! Две недели потребовалось великому полководцу для того, чтобы, стоя на одном месте и осматривая пейзажи Дона, понять ее неотвратное приближение! Нет, не осень помешала Тамерлану!

---

[1] *Карамзин Н М* Указ. соч. С. 60.

Наверняка все эти четырнадцать дней напряженно работала разведка повелителя Чагатайского улуса. Он никогда не делал необдуманных шагов. Отправляясь в походы, он продумывал все до мелочей. Иначе бы он не был Тамерланом, войско которого преодолевало по нескольку тысяч километров за один поход. Ни одной осечки не совершил Тимур. Ни одной. И уж осень-то восточноевропейскую предусмотреть он мог бы еще в Мавераннахре. Его остановила не осень. Нужно помнить еще и о том, что Хромец Железный имел много долгов! Его воины работали не за идею. Об этом говорит он сам и его биографы. Походы в богатейшую Индию покрыли долги Тамерлана. Он с лихвой расплатился со всеми участниками и героями битв и сражений. Поход в Восточную Европу имел двойственную задачу: сокрушить зарвавшегося Тохтамыша и набить обоз богатствами.

Биографы Тимура с восхищением пишут о том, что в Ельце и в других городах воины Чагатайского улуса награбили несметные богатства. В Москве богатств было еще больше. С 12 августа до начала ноября Тамерлан вполне мог со своими-то воинами дойти до Москвы и вернуться на Северный Кавказ, чтобы оттуда идти на юг — за солнцем, за теплом, как он сделал когда-то в походе из Мавераннахра на Среднюю Волгу.

Тамерлан две недели собирал сведения о состоянии дел в Москве. Он повернул назад потому, что на пути к Москве его ждал под Коломной Василий Дмитриевич, полный решимости дать отпор завоевателю.

Владимирская икона Божией Матери совершила свое очередное чудо 26 августа 1395 года. Она успокоила души людей, встречавших ее с великой надеждой. Она оправдала их чаяния.

Но еще раньше совершил чудо Василий Дмитриевич, не спасовавший в трудную минуту и собравший в Коломне русскую рать. Он ждал нападения Тимура, как князь Дмитрий когда-то ждал Мамая на Дону. И был уже прецедент в истории русских побед, и была битва насмерть. Тамерлану дорогу к богатству преградила хорошо вооруженная рать, готовая защищаться. Великому полководцу нетрудно было догадаться, что русские будут сражаться с ними насмерть, что выиграть сражение будет трудно, и даже выиграв его, он потеряет громадное количество воинов, ослабнет, чем может воспользоваться Витовт, воины которого не дали бы вырваться чагатайцам из центра Восточной Европы. Не последнюю роль в решении Тимура отступить сыграла Литва.

Мечта Витовта

Витовт мечтал о многом. В 1395 году он хитростью взял Смоленск. Он жил в этом русском городе несколько месяцев, а его зять, великий князь Василий Дмитриевич, готовый выйти на бой с самим Тамерланом, никак не отреагировал на потерю (пока временную) важного форпоста Русской земли на западных границах. Витовт был очень силен. Его владения простирались от Ржева и Великих Лук до Молдавии, Курска и Литвы. Он уже вплотную подошел к Можайску, Боровску, Калуге, Алексину.

Василий Дмитриевич приехал в Смоленск, чтобы обсудить государственные проблемы. То была встреча родственников. Пиры и шумные

веселья следовали друг за другом. Но о делах вожди не забывали. Они утвердили сложившиеся к этому времени границы, Витовт обещал Киприану не притеснять православную веру (сам он крестился по католическому обряду). Сильный тесть вел себя гордо. Он не боялся вслух говорить о том, что хочет наложить дань на... Орду. И Василий Дмитриевич ему верил. Кстати, войско, которое за несколько месяцев до этой встречи захватило Смоленск, готовилось теперь к походу на Тимура.

По всей вероятности, тесть предлагал зятю союз в борьбе с Ордой. Но великий князь благоразумно отказался от такой чести, прекрасно понимая, что союз с могучим соседом может очень быстро перерасти в совсем иные, ненужные и неприятные отношения, а то и в полную зависимость Москвы от Вильно. Впрочем, расстались они по-родственному, но к этой важнейшей теме вернулись очень скоро.

Два последующих года Василий Дмитриевич вел упорную, впрочем, ставшую обычной, борьбу с Новгородом. Полного успеха не добился: мешали литовцы, к которым жители Великого Новгорода могли обратиться в любую минуту.

В 1399 году у Витовта появилась заманчивая возможность нарушить сложившееся в Восточной Европе равновесие сил, сокрушить Орду и двинуться в Азию на великого Тимура, который в это время ходил в Индию, затем в Сирию и Ирак. Длительной «отлучкой» Хромца Железного в походах сначала решил воспользоваться битый Тохтамыш. Но, видно, не про него сложили поговорку «За одного битого двух небитых дают». Тохтамыша разгромил Темир-Кутлуг, и печальный потомок Батыя ушел со своими женами-красавицами к Витовту. Король Литвы воспользовался случаем, напал на Азов, захватил там много пленных, продавать и менять их не стал, а переселил под Вильно и в 1399 году подготовил крупное войско для решительных действий против Орды. В тот же год в Москву прибыл посол Витовта. О чем он говорил с Василием Дмитриевичем в столь ответственный для литовского короля момент, можно догадаться. Ему нужна была помощь Москвы.

Перед великим князем стояла труднейшая задача с двумя неизвестными. С одной стороны — Орда, которой он платил дань и ею откупался от нападений, с другой стороны — Литва, которая постепенно отторгла много русских земель. Как решить эту стратегически важную задачу с наименьшими потерями для Москвы? Василий Дмитриевич нашел точный ход! Он отправил к тестю знатное «семейное посольство» — свою жену, дочь Витовта, с богатой свитой, но открыто не поддержал короля Витовта, хотя и не отказал ему! Чтобы западный сосед не обвинил его в трусости и в нежелании участвовать в борьбе против Орды, великий князь снарядил (он бы сделал это и без домогательств со стороны Витовта!) войско и отправил его в Волжскую Болгарию, которой, как известно, владели в то время ордынцы, недавно разорившие Нижний Новгород.

Русскую рать вел в поход Юрий Дмитриевич, брат великого князя. Он блестяще справился с заданием, взял столицу Волжской Болгарии, вернулся домой с богатой добычей — отомстил восточному соседу за налет на Нижний Новгород. Таким образом, Василий Дмитриевич был чист перед союзником Витовтом.

Литовский король готовился к войне очень тщательно. Жена Ягайлы, польская королева Ядвига, пыталась отговорить его от опрометчивого шага. Она обладала даром предвидения, но самоуверенные люди часто отвергают советы Пифий и Кассандр. Витовт не прислушался к ее совету. Тогда Ягайло, уже ослабевший с годами старик, оказал ему большую помощь: лучшие воеводы знаменитого Ягайлы встали под знамена Витовта. Кроме того, в его войске были дружины русских князей, а также жмудь, волохи, немцы, ордынцы Тохтамыша.

Темир-Кутлуг, не догадываясь о силе противника, подошел к реке Ворскле. Только здесь ему доложили о численности войска противника, о том, что у Витовта есть огнестрельное оружие — пушки, которые могли сыграть в битве против конного войска степняков решающую роль.

Отступать, однако, Темиру-Кутлугу было поздно, да и некуда. Тохтамыш, битый не единожды, мог усилиться и вырвать у него власть в Золотой Орде. Понимая однако, что выиграть битву у Витовта очень сложно, Темир-Кутлуг пошел на хитрость. Он послал в Причерноморье человека к эмиру Белой Орды Едигею, а сам отправился к королю литовскому на переговоры. Витовт вел себя очень гордо, на все предложения Темира-Кутлуга о заключении мира предъявлял невыполнимые требования. Еще не одержав победу, он требовал чеканить ордынские монеты со своим изображением. Это означало бы подчинение Орды литовскому королю. Темир-Кутлуг не мог принять подобные условия, но отрицательного ответа он не дал, юлил, улыбался, тянул время, ждал, делая вид, что не понимает, почему на ордынских монетах нужно чеканить изображение литовского короля.

«Что же тут непонятного, — удивлялся Витовт и гордо повторял хану, словно бы вдалбливал несмышленому ленивому ученику прописные истины, — я старше тебя, значит, мое изображение должно быть на монетах, понимаешь?!» Темир-Кутлуг, хитрый человек, недоуменно разводил руками: «Что старше, понимаю, а что монеты — не очень понимаю, объясни получше». Литовец терпеливо повторял урок, а время шло.

Тут и эмир Едигей подоспел на очередной урок, узнал, в чем суть сложной задачи, и сказал гордому Витовту: «Ты намного старше Темира-Кутлуга, но ты моложе меня, понимаешь? И если уж судить по справедливости, то чеканить ордынские, литовские да и московские монеты нужно с моим изображением». Витовт все понял. Переговоры были сорваны, войско литовцев и их многочисленных союзников, в число которых входили русские князья, участники Куликовской битвы, двинулось на ордынцев.

Едигей выставил в своем арьергарде небольшой отряд и с боями стал медленно отступать. Витовт, не замечая подвоха, гнал войско вперед, побеждал в мелких стычках, используя пушки. Они, правда, вреда противнику, рассеянному по полю, приносили немного, но грохот стоял ужасный, и Витовт гордился победами.

Темир-Кутлуг тем временем скрытно зашел противнику в тыл и нанес литовцам и их союзникам смертельный удар в спину. Битва закончилась быстро. Но долго продолжалась погоня. Около шестисот верст бежали на север побежденные. Ордынцы, настигая их, рубили русских, поляков, немцев, жмудь, воинов других племен и народов без разбора.

Чудом удалось уцелеть Тохтамышу со своим отрядом. Он увильнул от погони и подался в Сибирь. Но дни его были сочтены.

Витовт потерпел сокрушительное поражение, наотрез отказался от мечты чеканить ордынские монеты со своим изображением. Казалось, у Орды появился шанс покорить Литву, уничтожить одну из трех могучих сил в Восточной Европе. Но история потому-то и объективна, что желаний даже таких крупных государственных деятелей, какими были Витовт и Ягайло, Тохтамыш и Дмитрий Донской, Едигей, Темир-Кутлуг и Тамерлан, мало для их осуществления. Их воля, силы сталкиваются с волей и силой других участников исторического процесса. Поражение под Ворсклой отрезвило Витовта, но он был еще очень силен.

В тот же год в Твери скончался Михаил Александрович, опасный соперник Василия Дмитриевича. В последние годы жизни он заключил с великим князем союз. Это самым благоприятным образом сказалось на экономическом развитии княжества Тверского. Михаил по примеру Калиты и других московских князей стал заселять свои земли, предоставляя людям льготы. Но после его смерти Тверь попала в полосу междоусобиц. Бояре и сыновья великого князя, а перед кончиной Михаилу впервые удалось получить у ханов ярлык великого князя всея Руси, разожгли внутри княжества огонь распри, что, естественно, было на руку Москве.

Многие русские князья, в том числе тверской и московский, после битвы при Ворскле не изменили своих отношений с Витовтом. Не поняли всей сложности ситуации лишь рязанский князь Олег и Юрий Святославич, изгнанник смоленский. Они решили выбить литовцев из Смоленска, их в 1404 году постигла неудача, и русский город на 110 лет отошел к Литве. Причин тому было много. И злобность Олега и Юрия, и их недальновидность, и... пассивное отношение к судьбе Смоленска Василия Дмитриевича — человека очень терпеливого. Он многое прощал (деваться ему было некуда, вот и прощал!) своему тестю, даже взятие Смоленска простил ему. Но когда Витовт в 1406 году посягнул на Псков, Василий Дмитриевич, как в случае с Тамерланом, стал готовиться к серьезной войне.

Все попытки великого князя московского кончить дело миром успехом не увенчались. Витовт не шел на мировую, и это вполне понятно: после сокрушительного поражения под Ворсклой ему нужна была столь же значительная победа. Первая боевая операция закончилась для Москвы неудачно: посланное великим князем войско во главе с Иваном Михайловичем не смогло взять города Серпейск, Козельск, Вязьму. Теперь Василий Дмитриевич ожидал ответного удара. Он мог стать для Москвы катастрофическим. Срочно нужно было найти союзников, укрепить русское войско. Великий князь принял решение обратиться за помощью к ордынским ханам. Из двух зол выбирают меньшее. Бояре не согласились с мнением сына Донского. Им казалось, что Литва — меньшее зло. Кто из них прав?

Великий князь отправил в Орду послов, где правил в те годы юный Шадибек. В его свите нашлось много людей, советовавших ему поддержать Москву. Хан дал великому князю несколько тумэнов. Василий

Дмитриевич смело вышел навстречу Витовту. Неподалеку от Тулы два войска встали друг перед другом. Витовт увидел в русском войске ордынские знамена, и сердце его дрогнуло, он согласился заключить перемирие. Однако война на этом не прекратилась. Обе стороны теснили друг друга то там, то здесь. В 1407 году вновь заключили перемирие, и вновь оно оказалось непрочным. Все-таки в 1408 году между Литвой и Русью, между Витовтом и Василием Дмитриевичем мир был заключен. Границей между двумя государствами стала река Угра.

Эмир Едигей, недовольный этим миром, свергнул с престола Шадибека, посадил на его место Булат-Султана (сына бывшего хана), возымел над ним огромную власть и собрался в поход на Москву.

Понимая, что в открытую воевать с русскими опасно, эмир схитрил, послал великому князю грамоту, в которой целью своего похода назвал Литву. Василий Дмитриевич имел в Орде много шпионов и доброжелателей, но никто из них не догадался об истинных намерениях Едигея. В Москве не волновались.

Василий Дмитриевич все же стал беспокоиться, послал в Орду боярина на разведку. Едигей все понял. Его люди задержали боярина, и вдруг Москву потрясла страшная весть: войско Орды стремительно продвигается на север, к Оке. Неплохо руководил государством великий князь, но, справедливости ради, стоит отметить, что многое, достигнутое отцом, он растерял. Например, систему оповещения, которая у Дмитрия Донского была надежнее.

Василий и весь великокняжеский совет проявили в те дни не лучшие свои качества. Они оставили город и уехали в Кострому. В Москве остался пятидесятидвухлетний князь Владимир Андреевич Храбрый, герой Куликовской битвы. Он сделал все необходимое для обороны города: погасил страшное в подобных случаях недовольство людей, заглушил злой ропот толпы, организовал и возглавил оборону столицы.

Едигей подошел к городу 1 декабря. На штурм не решился. И не пушки остановили его, но русские люди, стоявшие на стенах. Опытный полководец быстро оценил степень готовности воинства Владимира Андреевича, боевой дух защитников Москвы. Отказавшись от активных действий здесь, на Боровицком холме, он послал крупный отряд в Кострому и отряды поменьше в другие города — грабить. То, что увидели ордынцы в окрестностях Переяславля-Залесского, Ростова, Дмитрова, других областей, могло их порадовать не только знатной добычей, но и каким-то странным, малопонятным бессилием, внутренней опустошенностью русских. «Не было ни малейшего сопротивления. Россияне казались стадом овец, терзаемых хищными волками. Граждане, земледельцы падали ниц пред варварами; ждали решения судьбы своей, и монголы отсекали им головы или расстреливали их в забаву; избирали любых в невольники, других только обнажали: но сии несчастные, оставляемые без крова, без одежды среди глубоких снегов в жертву страшному холоду и метелям, большею частию умирали. Пленников связывали как псов на смычках: иногда один татарин гнал перед собой человек сорок»[1].

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 79.

Пока один отряд гнался за великим князем, а другие грабили Русь, Едигей с нетерпением ожидал в своем стане под стенами Кремля тверского князя Ивана. От этого сына Михаила Александровича зависело многое. Он мог получить из рук Едигея ярлык на великое княжение, мог оказать ордынцу помощь людьми, но он этого не сделал. Он не приехал на поклон к эмиру, не предал Русь. Три недели стоял враг у стен города. Защитники знали, что продуктов осталось мало, что голод скоро станет их главным врагом, но сдаваться они не думали.

Вернулся отряд из-под Костромы — великого князя он не догнал. Эмир так и не дождался к себе в гости Ивана Михайловича. Продукты в Москве почти кончились. И вдруг Едигей вышел к Владимиру Андреевичу с предложением: ты мне 3000 рублей, а я ухожу в Орду. Удивился герой Куликовской битвы сему предложению, но раздумывать долго не стал, отдал деньги Едигею, и тот повел войско, пленных и обозы в степь. Гроза миновала. В Москву прибыл великий князь.

Верное ли решение он принял, сбежав из Москвы? На этот счет существуют различные мнения, в том числе и мнение тех людей, которые попали в ордынский плен.

Политическая карта Восточной Европы после опустошительного похода Едигея принципиально не изменилась. Здесь по-прежнему главенствовали три мощные силы: Литва, Русь и Орда.

Едигей, возвращаясь в степь, отправил великому князю послание, которое говорит о характере взаимоотношений между Сараем и Москвой: «От Едигея поклон к Василию, по думе с царевичами и князьями. — Великий хан послал меня на тебя с войском, узнав, что дети Тохтамышевы нашли убежище в земле твоей. Ведаем также происходящее в областях Московского княжества: вы ругаетесь не только над купцами нашими, не только всячески тесните их, но и самих послов царских осмеиваете. Так ли водилось прежде? Спроси у старцев: земля Русская была нашим верным улусом; держала страх, платила дань, чтила послов и гостей ординских. Ты не хочешь знать того — и что же делаешь? Когда Тимур сел на царство, ты не видал его в глаза, не присылал к нему ни князя, ни боярина. Минуло царство Тимурово; Шадибек 8 лет властвовал: ты не был у него! Ныне царствует Булат уже третий год: ты, старейший князь в улусе Русском, не являешься в Орде! Все дела твои не добры. Были у вас нравы и дела добрые, когда жил боярин Феодор Кошка и напоминал тебе о ханских благотворениях. Ныне сын его недостойный, Иоанн, казначей и друг твой: что скажет, тому веришь, а думы старцев земских не слушаешь. Что вышло? разорение твоему улусу. Хочешь ли княжить мирно? призови в совет бояр старейших: Илию Иоанновича, Петра Константиновича, Иоанна Никитича и других, с ними согласных в доброй думе; пришли к нам одного из них с древними оброками, какие вы платили царю Чанибеку, да не погибнет вконец держава твоя. Все, писанное тобою к ханам о бедности народа русского, есть ложь: мы ныне сами видели улус твой и сведали, что ты собираешь в нем по рублю с двух сох: куда ж идет серебро? Земля христианская осталась бы цела и невредима,

когда бы ты исправно платил ханскую дань: а ныне бегаешь как раб!.. Размысли и научися!»[1]

Василий Дмитриевич внимательно прочитал послание, но продолжал делать все по-своему.

В 1410 году умер Владимир Андреевич Храбрый. В своем завещании он, в частности, отписал свою треть Москвы всем своим пяти сыновьям, которые владели ею и пользовались доходами погодно.

В последующие пять лет дела Москвы ухудшились. После очередного переворота власть в Орде захватил Зелини-Салтан, симпатизировавший Литве. Витовт воспользовался случаем и пытался даже захватить Новгородское княжество. Несколько поражений потерпели русские дружины в мелких стычках. Казанский царевич с воеводой князя Даниила Борисовича осуществили дерзкий налет на Владимир. Днем, когда все горожане почивали в послеобеденном сне, они ворвались в город...

Нижегородский князь получил ярлык на великое княжение. Тверской князь Иван Михайлович сблизился с Витовтом, собрался ехать в Орду. Василий Дмитриевич, боясь, как бы Тверь не перехватила у Москвы инициативу, тоже поехал на свой страх и риск в Сарай. Великому князю повезло: в Орде опять сменилась власть и ханом стал Керимбердей, который несколько лет назад нашел в Москве убежище после смерти своего отца Тохтамыша... Странной может показаться ситуация в Восточной Европе на рубеже XIV — XV веков: Тохтамыш разорил Москву, а его дети нашли там приют. Витовт породнился с Василием, мечтал покорить его, а в 1422 году в войне с Тевтонским орденом ему помогали московская и тверская дружины. Одни ордынские ханы помогали великому князю в борьбе против Литвы, а другие делали все с точностью до наоборот. А вокруг этих трех главных «друзей-соперников» кружились «друзья-соперники» помельче.

И все же при великом князе Василии Дмитриевиче Москва продолжала развиваться, хотя и не столь быстрыми темпами, о которых могли мечтать жители города до опустошительного нашествия на столицу княжества хана Тохтамыша — сама ситуация «троевластия» в Восточной Европе, изнурительное противоборство Литвы, Орды и Руси не содействовали стремительному росту города. И все же за эти тридцать шесть лет в городе произошли большие изменения.

В 1393 году великая княгиня Евдокия основала у своих хором церковь Рождества Богородицы. На этом месте раньше стояла небольшая деревянная церковь Воскрешения Лазарева. Теперь она стала приделом у алтаря с южной стороны. В тот же год Василий Дмитриевич возвел в восточной стороне великокняжеского дворца церковь Благовещения. В 1404 году на башне великокняжеского дворца серб Лазарь из Афин поставил первые в Москве часы с боем. Они обошлись казне в 150 рублей.

В 1407 году Евдокия основала Девичий монастырь неподалеку от Фроловских ворот и заложила там церковь Вознесения. Этот храм строился под наблюдением великих княгинь Софьи Витовтовны, Марьи

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 81.

(вдовы Василия Темного) ровно шестьдесят лет, вплоть до 1467 года. Великая княгиня Евдокия умерла вскоре после основания храма. «Сия княгиня набожная сколь любила добродетель, столь ненавидела ее личину: изнуряя тело свое постами, хотела казаться тучною; носила на себе несколько одежд; украшалась бисером, являлась везде с лицом веселым и радовалась, слыша, что злословие представляет ее целомудрие сомнительным. Говорили, что Евдокия желает нравиться и имеет любовников. Сия молва оскорбила сыновей, особенно Юрия Дмитриевича, который не мог скрыть своего беспокойства от матери. Евдокия призвала их и свергнула с себя часть одежды: сыновья ужаснулись, видя худобу ее тела и кожу, совершенно иссохшуюся от неумеренного воздержания. «Верьте, — сказала она, — что ваша мать целомудренна; но виденное вами да будет тайною для мира. Кто любит Христа, должен сносить клевету и благодарить Бога за оную»[1].

В 1404 году в Симоновом монастыре была освящена каменная церковь Успения. Строилась она 26 лет. Средств на возведение дорогостоящих каменных храмов не хватало, и все же в Вознесенском, Рождественском, Сретенском монастырях появляются новые сооружения.

В 1411 году в Дорогомилове на своем дворе ростовский епископ Григорий возвел каменную церковь Благовещения.

Но все же после 1409 года, когда Едигей нанес экономике Заокской земли страшный урон, каменное строительство в Москве становится редкостью вплоть до княжения Ивана III.

На рубеже XIV — XV веков в Москве развивается искусство книги. Многие рукописи украшаются прекрасными миниатюрами, орнаментом, заставками. Пишут еще на пергаменте, но все чаще начинают использовать хлопчатую и тряпичную бумагу.

В Москве увеличивается число русских иконописцев. В 1405 году Андрей Рублев, старец Прохор из Городца Радонежского, Феофан Грек расписали Благовещенский собор в Кремле, другие храмы. Они стали родоначальниками московской иконописной школы. Андрей Рублев писал иконы Троицкого собора, а также иконы для Андроникова монастыря, где был погребен после смерти.

В городе развивалось литейное, чеканное, ювелирное дело. В Москве раньше, чем, например, в Пскове, умели лить свинцовые доски для покрытия храмов. Работали в столице прекрасные золотых дел мастера. Изделия Парамина не раз упоминаются в летописях, а Василий Дмитриевич в духовной грамоте говорит о золотом поясе с драгоценными каменьями работы этого мастера.

На монетах Василия Дмитриевича часто встречается мирный всадник с соколом в руке, гораздо реже — конник с копьем.

В конце XIV века в Москве научились производить в больших количествах огнестрельное оружие. Русский генерал В. Г. Федотов, специалист по истории артиллерии, считает датой рождения русской артиллерии 1382 год.

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 97.

В Москве, на Подоле «великого посада», неподалеку от церкви Николы Мокрого развивалось кожевенное и сапожное дело, а также косторезное дело.

Даже неполный перечень ремесел и производств, развивавшихся в Москве на рубеже XIV — XV веков, а также продолжающееся, пусть и не быстрыми темпами, строительство каменных церквей, основание в столице иконописных школ говорит о том, что город помимо черных людей, купцов, бояр и князей с дружиною был населен мастерами, художниками, умельцами и приток их в столицу не прекращался. Москва росла, и жизнь в ней становилась все многослойней и разнообразней.

Москва на рубеже XIV — XV столетий представляла собой бойкий торговый город, в котором уже сложились купеческие роды с богатыми традициями и немалыми капиталами. Они оказывали заметное влияние на политическую жизнь города, что подтверждает история последней распри русских князей, поводом для которой послужил многими забытый, подмененный на свадьбе Дмитрия Ивановича драгоценный пояс, и распря эта надолго отвлекла Василия Васильевича Темного от более важных государственных дел. О ней рассказ в следующей главе.

В 1420 году Василий Дмитриевич потребовал от братьев дать клятву и признать старейшим своего пятилетнего сына Василия. Константин отказался и уехал в Новгород, где его приласкали и одарили уделом. Великий князь молча снес эту обиду.

Умер Василий Дмитриевич в 1425 году.

«Василий Димитриевич не имел ни блестящих свойств отца, ни его доблести воинской, ни его истинно царского великодушия, ни его благородной смелости; но был очень умен, осторожен и действовал так хитро, дальновидно, что Москва, после смерти его, стояла уже на развалинах удельной системы, готовая вступить в решительную борьбу с Литвою и с Ордою. В делах внутренних он следовал более осторожной системе Иоанна Калиты и Симеона Гордого, чем решительной политике своего отца: подобно Димитрию старался увеличить Московскую державу присоединением тех областей, в которых преемники Калиты господствовали как великие князья, не имея права передавать их своему дому в смысле отчины: столь же неутомимо теснил Новгород и князей удельных, вмешиваясь в их распри, требуя их к себе на суд; но все свои действия, по примеру Калиты, подкреплял волею хана Сарайского; для чего, в начале правления, неоднократно ездил в Орду, искал благосклонности царя и тем более успел, что монголы, зная его силу, дорожили его покорностью. При таких мерах князья удельные спасли тень самостоятельности смиренными договорами и постоянною дружбою с Москвою; ни Тверь, ни Рязань не решались вступать с нею в борьбу; а Ростов, Суздаль, Нижний Новгород, Муром один за другим вошли в состав государства Московского.

Усиливая свое княжество внутри, Василий с искусством спасал его извне от властолюбия Литвы и хищности монголов»[1].

---

[1] *Устрялов Н Г* Русская история до 1855 года. Петрозаводск: Корпорация «Фолиум», 1997 г. С. 167 — 168.

Свою первую духовную грамоту он написал в 1407 году. Она была скреплена серебряною с позолотой печатью, на которой изображен был святой Василий Великий и выгравирована надпись: «Князя Великого Василия Дмитриевича всея Руси». В ней он объявил своим преемником старшего сына Ивана, умершего отроком, и добавил: «...а даст Бог князю Ивану великое княжение держати», тем самым желая сыну утвердиться в Орде. После смерти Ивана преемником стал Василий Васильевич. В 1425 году ему исполнилось лишь десять лет.

Основные события жизни Василия Дмитриевича

1371 год. 30 декабря у великого князя Дмитрия Ивановича родился сын Василий.

1383 год. Василий Дмитриевич по поручению отца уехал в Орду, куда отправились давние соперники Москвы — князья тверские.

Василий понравился Тохтамышу, но оставил он в Орде и сына Дмитрия, и сыновей нижегородского и тверского князей.

1386 год. Василий сбежал из Орды в Молдавию, а затем на пути к Москве был задержан Витовтом. Литовский король отпустил Василия с условием, что он женится на его дочери Софье.

1388 год. Кратковременная ссора между Владимиром Андреевичем и Дмитрием Донским прекратилась. Князья возобновили дружеские отношения, обменявшись грамотами. Князь серпуховской обещал повиноваться сыну Дмитрия, Василию, как старшему.

Исполняя данное Витовту обещание, Василий Дмитриевич женился на литовской княжне Софье.

1389 год. 15 августа во Владимире ханский посол Шахмат возвел Василия Дмитриевича на великокняжеский престол. С этого момента все удельные князья признали порядок, по которому великокняжеский престол наследуется только московскими князьями.

1392 год. Василий отправился в Орду. Тохтамыш отнесся к нему очень хорошо — князь московский получил Новгородскую землю в качестве наследственной вотчины великих князей.

25 сентября умер преподобный Сергий.

1392 — 1393 годы. Василий Дмитриевич потребовал от новгородцев платить Москве черную, или народную, дань. Новгородцы отказались. Великий князь совершил с союзными князьями опустошительный поход в Новгородскую землю.

1393 год. После того как московское войско покинуло Торжок, жители этого города взбунтовались. Василий Дмитриевич послал на бунтовщиков войско, повелел привезти в Москву зачинщиков мятежа. 70 человек на виду у народа казнили в Москве.

1395 год. Из Владимира в Москву перенесли икону Божьей матери. На месте встречи иконы был основан Сретенский монастырь. Здесь 26 августа совершался крестный ход.

Тамерлан, осуществляя дерзкий поход в Восточно-Европейскую степь, пошел на север, на Москву, но неожиданно для русских повернул назад.

1397 год. Московская рать осуществила поход в Двинскую землю, где воинов Василия Дмитриевича встретили дружелюбно.

1398 год. Новгородцы, узнав об этом, послали в Двинскую землю восьмитысячное войско во главе с посадником Тимофеем Юрьевичем. Оно разграбило города и селения, взяло крепость Орлец. Двинцы были наказаны за измену, многих простили, но послали великому князю предложение о мире. Василий, зная о сближении новгородцев с Витовтом, заключил с ними мир.

Василий Дмитриевич послал «знатное количество серебра» византийскому императору Мануилу. Империя находилась в критическом состоянии. Финансовую помощь Константинополю по убедительной просьбе великого князя оказали и другие русские князья.

1399 год. 12 августа войско Витовта потерпело в битве при городе Ворске сокрушительное поражение от войска ордынцев. Василий Дмитриевич не поддержал литовцев в этой войне, но в ней погибли многие князья — участники Куликовской битвы.

1401 год. Князь рязанский Олег и князь смоленский Юрий выбили литовцев из Смоленска, но Василий Дмитриевич, к которому Юрий обратился за помощью, не принял участия в той войне, не желая портить отношения с Витовтом.

1404 год. Витовт вновь взял Смоленск. Город отошел от русских земель на 110 лет.

1406 год. Витовт напал на Псков. Василий Дмитриевич, готовый каждую минуту кончить дело миром, все же собирает войска.

Витовт отверг предложения о мире. Василий Дмитриевич попросил помощи у Шадибека, тот послал ему несколько полков, и московское войско выступило навстречу литовцам.

Близ Крапивны Витовт и Василий Дмитриевич заключили перемирие.

1408 год. В Москву приехал сын Ольгерда, Свидригайло, недовольный Витовтом. Василий Дмитриевич отдал ему в удел Владимир с другими городами.

Свидригайло выступил в поход против Витовта, встретился с ним на берегах реки Угры. Сражения не было. Стороны заключили мир. Граница между московскими владениями и Литвой пролегла по реке Угре.

1408 — 1409 годы. Едигей, посланный ханом Булат-Султаном, с крупным войском осуществил поход на Русь, дошел до Москвы, 1 декабря осадил город. 21 день длилась осада, затем по просьбе хана Едигей вернулся в Орду.

1410 год. Умер князь Владимир Андреевич Храбрый.

1411 — 1412 годы. В Орду отправился Василий Дмитриевич. Хан Керимбердей встретил его хорошо. После этой поездки Василий Дмитриевич, видимо, до конца жизни выплачивал Орде подобие дани, но за это ханы помогали ему противостоять Литве, отношения с которой были весьма напряженными.

1414 год. Император Мануил женил своего сына Иоанна на дочери Василия Дмитриевича Анне.

1417 год. Василий Дмитриевич участвовал как посредник в мирных переговорах между Псковом и Литвой.

1425 год. Василий I Дмитриевич умер.

Василий II Васильевич Темный

(1415 — 1462)

Княгиня София, дочь Витовта, жена великого князя Василия Дмитриевича, «не скоро разрешилась от бремени и терпела ужасные муки». Взволнованного супруга успокоил один старец: «Не тревожься! Бог дарует тебе сына и наследника всей Руси». В это же время духовник великого князя, молившийся в своей келье, услышал голос: «Иди и дай имя великому князю Василию». Священник удивился, вышел из кельи, никого рядом не обнаружил, прибыл во дворец и узнал радостную весть: княгиня родила сына!

Москва, Русь ждали великого правителя и надеялись на внука двух крупнейших политических деятелей той эпохи: Дмитрия Донского и Витовта. В этой надежде было гораздо больше, чем обыкновенное упование простолюдинов на гениального правителя, который по щучьему велению и по своему хотенью сделает их счастливыми. В этой надежде проявилось осознание необходимости великих деяний, осознание близких побед Москвы, побед крупных. Иван Калита был внуком Александра Невского. Дмитрий Донской был внуком Калиты. Василий II Васильевич был внуком Дмитрия Донского...

Почему бы ему не стать великим правителем? Прежде чем перейти к рассказу о судьбе и делах Василия II Васильевича, полезно вспомнить мнения авторитетных русских ученых об этом деятеле:

«Преемник Василия Дмитриевича, Василий Васильевич был человеком ограниченных дарований, слабого ума и слабой воли, но вместе с тем способный на разные злодеяния и вероломства...» — пишет Костомаров[1].

«...Его княжение (1425 — 1462) было очень беспокойно и несчастливо», — считает Платонов[2].

«Результаты княжения Василия II Васильевича можно характеризовать как ряд крупных успехов; увеличение территории московского великого княжения, независимость и новая формулировка задач русской церкви, обновленная идея московского самодержавия и внутреннее упрочение власти великого князя... Все это ростки, пышным цветом распустившиеся в княжение Ивана III»[3].

---

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. I. С. 200.

[2] *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. Спб.: Кристалл, 1997. С. 173.

[3] *Брокгауз и Ефрон.* Энциклопедический словарь. М.: Изд-во БРЭ, 1993. С. 102 — 103.



Великие князья Василий Темный и сын его Иоанн

«...Хотя несправедливо именуемый первым самодержцем российским со времен Владимира Мономаха, однако же действительно приготовив многое для успехов своего преемника: начал худо; не умел повелевать, как отец и дед его повелевали; терял честь и державу, но оставил государство Московское сильнейшим прежнего. Ибо рука Божия, как бы вопреки малодушному князю, явно вела оное к величию, благословив доброе начало Калиты и Донского»[1].

Кто же из историков прав? На этот вопрос и в настоящее время существуют противоположные ответы, и оценить их объективность можно лишь разобравшись в той непростой внутри- и внешнеполитической ситуации, которая сложилась в Восточной Европе в первой половине XV века.

После смерти Василия Дмитриевича митрополит Фотий пытался убедить брата умершего, князя Юрия Дмитриевича, навсегда отказаться от борьбы за престол, как то сделал в свое время Владимир Андреевич Серпуховской. Юрий Дмитриевич не внял доброму совету, что явилось главной причиной первой распри среди московских и последней среди русских князей. Брат умершего Василия Дмитриевича стал собирать войско. Великий князь, поддержанный митрополитом Фотием, Витовтом, московскими боярами, купцами, простолюдинами, ответил тем же и с большой ратью подступил к Костроме. Юрий побоялся в открытом

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 142.

бою сразиться с племянником, бежал в Нижний Новгород, а затем — в Галич. Туда вскоре прибыл митрополит Фотий. Ему не удалось договориться с мятежным Юрием, Фотий вернулся в Москву. Но случилось чудо, нехорошее для галичан: сразу после отъезда Фотия на Галич налетела страшная болезнь. Она нещадно косила людей, она напугала Юрия. Он догнал митрополита, уговорил его вернуться в Галич и благословить народ. Согласно летописным легендам, Фотий исполнил просьбу, болезнь из Галича ушла, а Юрий замирился со своим племянником до окончательного решения вопроса о великокняжеском престоле в Орде.

На следующий год на Русь, в том числе и на Москву, в очередной раз налетела моровая язва, но (удивителен род человеческий!) люди, казалось, не обратили на нее никакого внимания. Они горестно оплакивали умерших, лили горькие слезы на могилах, но быстро забывали о чуме, возвращались к своим самым главным делам. Витовт, пользуясь слабостью десятилетнего внука, собрал крупное войско, в котором были «даже богемцы, волохи и дружина хана татарского, Махмета», и напал на город Опочку. Лишь удивительная воинская смекалка русских и страшная буря вынудили Витовта отступить. Однако по пути на родину он осадил Порхов, жители которого, а следом за ними и новгородцы, решили откупиться от воинственного старца.

То был последний поход Витовта. В 1430 году он, видимо, предчувствуя скорую кончину, пригласил к себе в гости всех знаменитых правителей Восточной Европы. В Троку (Тракай) — резиденцию князей литовских — приехали Василий II Васильевич и митрополит Фотий, многие русские князья, послы императора Византии, великий магистр прусский, польский король Ягайло, другие знатные и венценосные особы. Каждый из них старался перещеголять всех в роскоши, но Витовт, восьмидесятилетний седой старик, удивил их роскошью пиров. «Ежедневно, из погребов княжеских отпускалось 700 бочек меду, кроме вина, романеи, пива, — а на кухню приводили 700 быков и яловиц, 1400 баранов, 100 зубров, столько же лосей и кабанов. Праздновали около семи недель в Троках и в Вильне...»[1]

Старик Витовт, поражая всех великолепием и богатством, не забывал, однако, о политике. Он пытался уговорить венценосцев разрешить ему называться королем литовским. Ягайло был категорически против этого, боясь, как бы Литва не отделилась от Польши. Папа римский стоял на стороне интересов Польши. Его понять можно. Витовт, завоевывая земли на востоке, вполне мог войти в тесный контакт с православными русскими и отойти от католиков — поляков. Праздник для великого князя литовского был загублен. Он загрустил, занемог. Гости разъехались. Лишь митрополит Фотий еще некоторое время оставался при больном Витовте, надеясь, видимо, получить у великого князя разрешение на присоединение киевской митрополии к московской.

Тугой, сложнейший узел исторических нитей, судеб, надежд, желаний, иной раз сумасбродных, иной раз вполне объективных, пытались

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 101.

распутать в те семь недель беспрерывного пира гости Витовта. Не распутали.

Витовт вскоре умер. Государство Литовское пережило вместе с ним апофеоз могущества и славы. Князья Тракая и Вильно, потомки Витовта, долгое время представляли грозную силу, но того могущества они уже не имели, того громадного влияния на дела русских князей уже никогда не оказывали.

Василий II Васильевич после смерти знаменитого деда, с одной стороны, потерял поддержку сильного человека, а с другой стороны, получил надежду на то, что давление со стороны Литвы уменьшится. Что было предпочтительнее для юного князя?

В 1431 году исполнилось шесть лет со дня заключения договора между Василием II и Юрием Дмитриевичем, не позабывшим на беду русским людям о великокняжеском престоле и заразившим этой мечтой своих упрямых сыновей. В 1428 году дядя и племянник продлили договор, но по прошествии трех лет Юрий объявил великому князю войну. Тот не хотел кровопролития и предложил дяде решить спор в Орде. Претендент на великокняжеский престол охотно согласился с этим и отправился в Сарай.

Василию II помог московский боярин Иван, который смог убедить хана Махмета оставить ярлык на великое княжение внуку Дмитрия Донского. Счастливый Василий Васильевич вернулся в Москву, и здесь ордынский царевич Улан посадил его на трон. После этого город Владимир окончательно потерял статус столичного.

В том же 1433 году состоялась свадьба великого князя и Марии, правнучки Владимира Андреевича Храброго. Выбор Василия II одобрили все. Только один человек, московский боярин Иван, оскорбился, узнав об этом решении князя московского: у Ивана была красавица дочь. После поездки в Орду и своей ораторской победы в ставке хана Махмета Иван вполне мог рассчитывать на женитьбу Василия II в знак признательности на его дочери — красавице боярыне. Не тут-то было! Рюриковичи со времен Владимира I Святославича, бывшего незаконнорожденным по обычаям тех веков, старались не размывать свою крепко настоенную в течение нескольких столетий княжескую кровь кровью разных ключниц и ключников, купчих и купцов, боярынь и бояр. Это у Рюриковичей получалось хорошо, пожалуй, лучше, чем у многих царствующих династий той эпохи. Московский вельможа Иван, простодушный человек, не понял, что от Василия II в этом деле ровным счетом ничего не зависит, что бояре, священнослужители с митрополитом во главе не одобрят этот «демократический» шаг. Он очень оскорбился, обозвал внука Донского «неблагодарным юношей», обесчестившим его, и злой покинул столицу в канун свадьбы. Сначала он прибыл к Константину Дмитриевичу, который, видимо, не понял его душевных терзаний, а затем через Тверь явился к Юрию Дмитриевичу в Галич: здесь-то он пришелся ко двору со своей злобой и неуемным желанием отомстить за обиду. На Руси начиналась новая тяжкая, но, слава Богу, последняя распря князей.

Распря эта началась в Восточной Европе еще в IX веке. Она нанесла неисчислимые беды Руси, обессилила народ, отдала ордынцам некогда

роскошную и сильную державу Киевскую. Она ничему не научила ни самих Рюриковичей, ни тех, кто воевал в их дружинах... В самом деле, стоило ли драться, людей убивать, князей ослеплять да травить из-за какого-то, пусть очень богатого, пояса?!

Давно утерянный, подмененный еще на свадьбе Дмитрия Донского, золотой, красивый, с цепями, осыпанными драгоценными каменьями и жемчугом, забытый многими (но не всеми!), он вдруг появился на свадьбе Василия II Васильевича и Марии, правнучки серпуховского князя Владимира Андреевича. В 1367 году тысяцкий Василий, видимо, надеялся на то, что суздальский князь Дмитрий Константинович либо его дети победят в борьбе за власть, и тогда драгоценный пояс поможет возвыситься, приблизиться к вершинам власти ему либо его сыну Николаю, женатому на дочери князя суздальского, которому вор и подарил драгоценную безделушку.

Уже тысяцких в Москве давно не было, ликвидировал их Дмитрий Донской, но история с подмененным поясом, начатая ими, еще не закончилась.

На свадьбу Василия II прибыли сыновья Юрия, Дмитрий Шемяка и Василий, который явился во дворец, опоясанный дивным поясом. Не скрывая восхищения, все смотрели на богатую, исполненную прекрасным мастером игрушку, но вдруг Петр Константинович, наместник Ростовского княжества, старый человек, подошел к матери жениха, Софии, и шепнул ей на ухо: «Это тот самый пояс, который подменили на свадьбе великого князя Дмитрия Ивановича». София, неравнодушная, как и большинство женщин, к такого рода изделиям, гордой походкой подошла к Василию Юрьевичу, медленным движением сняла с него пояс.

Василий от неожиданности опешил. Несколько секунд он стоял молча. Пояс достался ему по наследству. Лично он его не подменивал. Значит, он носил его по праву. София опозорила, унизила его. Такое мужчины не прощают. Никому. Ссора вспыхнула вмиг. Василий и Дмитрий Шемяка попытались силой отобрать пояс, но слуги великого князя были начеку. Обиженные и злые, сыновья Юрия крикнули в один голос: «Мы отомстим! И месть наша будет жестокой!» — и покинули хоромы великого князя.

Повод — это не причина. Повод — это последняя капля. Повод — это приманка для слабых и для сильных.

Последняя распря русских князей продолжалась почти двадцать лет. Ею могли бы воспользоваться соседи: Литва и Орда. Но именно в эти годы в Литве началась своя распря между наследниками Витовта, а также с другими соискателями богатейшего приза — государства Литовского. Да и в Орде наметившаяся было во времена правления Едигея стабильность пошатнулась: Золотая Орда в тридцатые годы XV столетия распалась на Сибирское, Казанское, Крымское, Астраханское ханства, а затем и на другие ханства. Ханы этих государств еще представляли собой могучую силу, но влиять на состояние дел в Восточной Европе они уже не могли. Может быть, поэтому последняя распря на Руси продолжалась так долго.

В апреле 1433 года Василий II Васильевич, узнав о стремительном продвижении к Москве войска Юрия Дмитриевича и его сыновей, наскоро

собрал рать и встретил противника на Клязьме. Увидев огромное войско дяди, племянник насмерть перепугался, бежал из Москвы с матерью и молодой женой сначала в Тверь, а затем в Кострому, где был пленен победителем.

Юрий объявил себя великим князем, дал Василию в удел Коломну. Бывшие недруги по-родственному обнялись, Василий уехал в Коломну. И тут-то началось нечто необычное для всех русских распрей прошлого: в удел племянника со всех сторон потянулись бояре, князья, народ — сказалась соответствующая идеологическая обработка населения окружением князя, Юрия называли хищником, давали другие нелестные определения. Самозваный великий князь тоже не дремал, только слушали его плохо. Особенно жители столицы — бояре, которых Юрий лишил их постов, и простолюдины, по неясным причинам проявившие вдруг жалость и любовь к внуку Донского, — встали единодушно в его защиту. «В несколько дней Москва опустела: горожане не пожалели ни жилищ, ни садов своих и с драгоценнейшим имуществом выехали в Коломну, где не доставало места в домах для людей, а на улицах для обозов. Одним словом, сей город сделался истинно столицею великого княжения, многолюдною и шумною. В Москве же царствовали уныние и безмолвие; человек редко встречался с человеком, и самые последние жители готовились к переселению. Случай единственный в нашей истории и произведенный не столько любовью к особе Василия, сколько усердием к правилу, что сын должен быть преемником отца в великокняжеском сане!»[1]

С этим выводом Н. М. Карамзина могут согласиться далеко не все, но сам факт исхода жителей Москвы из любимого города говорит о многом и, главным образом, о том, что на рубеже XIV — XV веков действительно (как об этом писал в XIX веке И. Е. Забелин) «вокруг Москвы-города уже существовал Москва-народ, именно та сила, которая впоследствии заставила именовать и все народившееся Русское Государство — Москвою, Московским Государством»[2].

В этом действе обитателей окрестностей Боровицкого холма впервые столь ярко проявилась одна из главных, определяющих русский дух черт московского характера: невоинственное упрямство, которое можно с большой степенью точности определить всем хорошо знакомым русским «не замай!». Справедливости ради следует отметить, что подобные открытые проявления какого-либо недовольства для московского люда были в последующие века чрезвычайной редкостью. Москва-народ «выступал» исключительно редко. Хотя бунтов всевозможных бывало здесь предостаточно, новгородским духом на Москве и не пахло. Но с виду спокойный, этакий трудяга Москва-народ внутренне всегда готов был устроить нечто подобное «исходу в Коломну».

Посидел князь Юрий в Москве, понял, что управлять пустыми домами, улицами очень трудно, просто невозможно, уехал в Галич, перед этим уведомив соперника в том, что он уступает ему Москву, «где Василий

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 105.
[2] *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 96.

скоро явился с торжеством и славою, им не заслуженною, сопровождаемый боярами, толпами народа и радостным их криком. Зрелище было необыкновенное: вся дорога от Коломны до Москвы представлялась улицею многолюдного города, где пешие и конные обгоняли друг друга, стремясь вслед за государем, как пчелы за маткой, по старому, любимому выражению наших летописцев»[1].

Московский люд всегда был щедрым на авансы всем своим законным правителям. Но далеко не всегда эти авансы шли в дело.

В 1434 году Юрий одержал полную победу над войском Василия, тот позорно сбежал в Нижний Новгород, а победитель после недолгой осады столицы вошел в Москву. Внук Донского в отчаянии решил бежать в Орду, но вовремя подоспела весть о кончине 6 июня 1434 года Юрия Дмитриевича, и распря вспыхнула с новой силой.

Ругались и дрались между собой сыновья Юрия, чем, естественно, воспользовался Василий II Васильевич; затем все Юрьевичи набросились на великого князя... На Русь осуществили дерзкие набеги ордынские царевичи. Возникла необходимость (по сложившейся традиции) разбираться с Новгородом. В 1442 и 1448 годах на Москву обрушивалась моровая язва. Великому князю приходилось решать много других проблем, но распря висела над Москвой, как огромная туча, всегда готовая под действием шального ветра низвергнуться на град Москву убийственным ливнем.

Василий II Васильевич, человек незлобный, однажды не сдержался и повелел ослепить сына начавшего распрю соперника своего — Василия Юрьевича, попавшего в плен после удачного для великого князя сражения. Молча снес жестокую обиду Василий Косой, удалился от дел мирских и жил после этого в грустном уединении двенадцать лет. О чем мечтал Косой в минуты долгие, темные, нетрудно догадаться.

В 1437 году изгнанный из Орды Махмет отошел со своим войском в Белев, в то время принадлежавший литовцам. Василий Васильевич, когда-то получивший из его рук ярлык на великое княжение, теперь послал на бывшего благодетеля войско во главе с Шемякой и Дмитрием Красным, еще одним сыном Юрия (некоторые ученые считают, что был лишь один сын у Юрия с именем Дмитрий, а именно: Шемяка).

Братья шли к Белеву, как по чужой стране: грабили местное население нещадно. Но когда дело дошло до битвы с Махметом, они проявили бездарность и трусость. Русские потерпели жестокое поражение. Василий II Васильевич перестал доверять Шемяке, хотя спустя три года вновь заключил с ним дружественный союз. Махмет покинул Белев — бывший хан был человеком энергичным и упорным, он откочевал в Казань, разрушенную несколько лет назад, восстановил город и основал Казанское ханство. Обиду на русского князя он не забыл.

В 1440 году умер Дмитрий Красный; Шемяка после смерти младшего брата стал еще опасней, будто перешла к нему от родственника ярость и непримиримость по отношению к Василию Васильевичу.

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 106.

Они воевали друг с другом в 1441 году. Игумен Троицкий, Зиновий, примирил их, но ненадолго.

В 1444 году русские воевали уже трижды. Сначала обменялись налетами с Литвой. Войско, посланное Василием на Брянск и Вязьму, дошло чуть ли не до Смоленска, вернулось с богатой добычей. Затем семь тысяч литовцев ворвались в Русскую землю, очистили окрестности Козельска, Калуги, других городов, разгромили наспех собранный русский отряд, ушли домой.

Организовать серьезное сопротивление литовцам помешали ордынцы, вторгшиеся во главе с царевичем Мустафой на Русь с юга. Мустафа шел быстро. Ограбил Рязанскую землю, взял за пленных большой выкуп, отправился на юг, но ранняя зима подловила его. Он понял, что домой ему не добраться, попросил у жителей Переяславля-Рязанского приюта до весны. Переяславцы, не желая лишних осложнений, впустили ордынцев в город, но тут подоспела рать Василия Васильевича, подкрепленная мордвинами, у которых были великолепные для глубокого снега лыжи. Мустафа оказался меж двух огней: жители Переяславля могли взбунтоваться, но выходить на бой в поле, покрытое глубоким снегом, было самоубийством. Царевич, понимая всю безрассудность своего решения, вывел войско к берегу реки Листени и дал последний в жизни и свой лучший бой. Ордынцы дрались самоотверженно и без единого шанса победить. Был у них еще один шанс спастись — смириться с пленом. Ордынцы в тот день выбрали бой вместо плена и погибли почти все.

В тот же год войско хана попыталось отомстить за поражение Мустафы. Рязанцы и мордва встретили ордынцев во всеоружии. Противник отошел на юг, а с востока налетел на Русь хан Махмет. Василий Васильевич моментально собрал рать, выступил на врага, тот благоразумно отступил. Русское войско было распущено.

Тяжелый год прошел, но не прошли тяжелые времена. Ранней весной разведчики доложили Василию Васильевичу о том, что Махмет вновь ворвался в Русскую землю.

На этот раз Шемяка не подал руку помощи великому князю. Василий Васильевич выступил в поход, сразился с превосходящим войском Махмета. В том бою русский князь превзошел самого себя. Дрался он, как былинный богатырь. Но ордынцы выиграли битву и взяли его в плен. В Москву были доставлены лишь золотые кресты Василия.

Расчет ордынцев был гениально прост. Они знали, как благоговейно относятся к законному великому князю жители Москвы, и были уверены в том, что известие о его пленении вызовет в городе панику. Ордынцы не ошиблись. Слухи о силе их войска, явно преувеличенные, и, главное, весть о пленении Василия сделали свое дело. Паника волнами страха прокатилась по окрестностям Москвы. В город со всех сторон устремились люди, покидая родные очаги. Пришла ночь. Город еще не уснул, как в Кремле вспыхнул страшной силы пожар. Он сгубил около трех тысяч человек, все деревянные постройки сгорели, даже каменные стены церквей рухнули. Не выдержали мать и жена великого князя. От ужаса пожара, от страха, от жалости к несчастному Василию дрогнули слабые

сердца, и женщины, не желая понимать, к чему может привести их бегство, покинули Москву.

За ними устремилась в Ростов знать. Город остался без князя, без бояр. Только люди. Чернь. Бежать ей было некуда. Паниковать — смертельно опасно. Сдавать город врагу — подло и бессмысленно: ордынцы, победив, могли предложить им либо рабство (русские рабы хорошо шли на рынках мира), либо смерть. Чернь собралась на площади. Разговор шел без визга и воя. Выбрали вожаков. Те быстро успокоили народ, организовали работы по укреплению города, начали строить жилища. Значит, народ московский был уверен в победе — побежденным жилища ни к чему.

Сыновья Махмета, отправленные в Москву, покружились по примосковским районам, пограбили, но в столицу идти не рискнули. Некоторые ученые, Н. М. Карамзин например, считают, что они имели слишком мало людей. Все верно. Но у Махмета в Нижнем Новгороде войско большое было. Собрав в кулак все свои силы, он мог бы взять пораженную паникой Москву. Но все дело в том, что жители русской столицы с паникой управились быстро и хорошо подготовились к достойной встрече князекрадов.

Понимая это, Махмет решил нанести удар с другой стороны. Он отправил послов к Шемяке. Тот очень обрадовался подвернувшемуся случаю, согласился на все предложенные ему условия. Гнусные, надо сказать, условия принял Дмитрий Юрьевич. В обмен на великое княжение он согласился отдать в вечную зависимость от Орды себя самого (ну это его личное дело) и всю Русь (а вот об этом его никто из сограждан не просил!).

Переговоры велись не так быстро, как хотелось бы Махмету. Не имея точных сведений об их результатах, он заволновался, поверил слухам об убийстве Шемякой своих послов. А тут пришла нехорошая весть о том, что Казань взяли соперники Махмета. Он срочно прекратил переговоры, выпустил из плена (правда, за богатый выкуп) Василия Васильевича, отправился в Казань решать личные проблемы, а великий князь поехал в свою столицу.

В Москву он вернулся через полтора месяца, 17 ноября 1445 года. Город восставал из пепла и руин. Разрушенная пожаром Москва претерпела 1 октября, в день «расставания» Махмета и Василия, невиданное в этих краях бедствие — землетрясение. Оно не нанесло городу страшных бед, но напугало москвичей. Несколько дней они со страхом обсуждали это явление. Но... удивительно, почему так долго ехал из Курмыша в Москву Василий II Васильевич? Сорок семь дней! В чем причина труднообъяснимой медлительности? Чего он ждал? Кого боялся? Может быть, черни? Или Шемяки? Ответить на эти вопросы сложно, но ответы эти могли прояснить многое, затушеванное летописцами, да так и не проявленное позднейшими историками, во взаимоотношениях Рюриковичей и других слоев населения.

Народ встретил Василия с великой радостью. Москва уже была готова к единодержавию. Она и относилась-то к великим князьям как к государям. Но для единодержавия еще не «созрели» многие князья из рода

Рюриковичей. Шемяка пользовался этим. Он вновь, бежав в Углич, объявил войну Василию Васильевичу, и 12 февраля 1446 года пленил его в Троицкой лавре, куда тот, по обычаю, поехал молиться. В ту же ночь войска Дмитрия Юрьевича взяли Москву.

Шемяка повелел ослепить Василия, отправил его в Углич и объявил себя великим князем. Москва приняла Дмитрия Юрьевича настороженно, но приняла. Сила есть сила. Победителей не выбирают. Они приходят сами. Но плох тот победитель, который не может побеждать самого себя. Шемяка знал, как относятся к Василию Васильевичу обитатели Боровицкого холма, как относятся они к самому сану великого князя. Он мог хотя бы прислушаться к этому мнению народа, хотя бы сделать вид, что он государь. Сила есть сила. Она не только покоряет, но часто завораживает, шокирует, пугает. Этим пользуются неглупые победители. Шемяка таковым не был.

Объявив себя великим князем, он управлял государством из рук вон плохо. В этом очень скоро убедились все: чернь, бояре, купцы, воины, князья. И слава Шемяки, а лучше сказать, тот ореол, который создают вокруг победителя люди, стала быстро растворяться, как дым от сухой березовой ветки. Особенно раздражали народ суды Шемяки. Суд — последнее убежище справедливости. Справедливость — последняя надежда победителей, теряющих авторитет у своего народа, восстановить его. Шемяка этого не понимал, потому что выскочил на первые роли случайно. Победа застила ему глаза, а чрезмерное высокомерие и грубость не позволили проникнуть в нужды людей: будь то чернь, будь то князья. Политик из него получился слабый и бездарный. Люди часто прощают правителям многие слабости, но не прощают несправедливости. Шемяка судил именно как избалованный победой выскочка. О справедливости этот человек будто бы и не слышал вовсе. Его бессовестные приговоры породили в народе поговорку «Шемякин суд» (суд несправедливый, незаконный).

И вновь начался исход жителей из Москвы. Он не был таким всеохватным, как несколько лет назад, но недовольных правлением Шемяки с каждым днем становилось все больше. И Дмитрий Юрьевич занервничал.

В день восшествия на престол московские дворяне ему присягнули. Лишь Федор Басенок наотрез отказался служить ему. Смутьяна заточили в темницу, но он вырвался из оков и бежал в Литву к князю боровскому, тоже не признавшему власть сына Юрия Дмитриевича. Только эти два человека в начале правления Шемяки решительно встали на сторону ослепленного Василия да князья ряполовские — Иван, Семен и Дмитрий. Они взяли сыновей Василия — Ивана и Юрия — под свою опеку, спрятали их в монастыре, а затем перевезли в Муром, где была возведена прекрасная по тем временам крепость. Этот благородный поступок ряполовских князей почти не комментируется историками. Отвезли, мол, детей в безопасное место — и молодцы, спасибо вам на том. Но зная жестокий нрав Шемяки, можно предположить, как он мог покарать сердобольных и благородных. До этого момента детей на Руси еще не убивали. Но Иван и Юрий, сыновья Василия, были не просто детьми великого князя,

они были потомственными престолонаследниками, и ряполовцы проявили не только добросердечие в том деле, но и государственную мудрость.

Шемяка, теряя почву под ногами, судорожно искал выхода из опасного положения. Видимо, ему казалось, что слепой Василий теперь не представляет для него угрозы. Зато дети Темного, Иван и Юрий, были силой серьезной! Наследники престола, признанные многими князьями и боярами на Руси и на Москве.

Дмитрий Юрьевич решил нейтрализовать их. На большее он пока не решился. Он попросил князей ряполовских через рязанского епископа Иону привезти в Москву детей, обещал, что даст Василию Темному удел и не будет притеснять его. Спасители сыновей Василия поверили Ионе, привезли мальчиков Шемяке, а тот переправил их в Углич, где под охраной жил низвергнутый и ослепленный великий князь. Неплохой тактический шаг узурпатора, захватившего своих главных соперников в заложники, произвел неожиданный для Шемяки эффект. Оскорбленные вероломством Дмитрия Юрьевича, ряполовские князья объявили ему войну. Они бежали из Москвы, хотели выкрасть Василия с сыновьями, не получилось: дружина Шемяки настигла их. Ряполовские князья выиграли бой, но рисковать не стали, ушли в Литву к боровскому князю Василию Ярославичу.

Действительно, странная борьба развернулась в русских княжествах. Она во многом напоминала сюжеты других многочисленных распрей, но в главном резко отличалась и от междоусобиц Рюриковичей до второй половины XI века, когда конечной целью всех битв была варяжская дорога и Киев, и от бесконечных войн периода феодальной раздробленности, когда основным призом победителя была земля и ярлык на великое княжение. Последняя распря русских князей по внутренней сути своей была не распрей, но гражданской войной, когда граждане той или иной страны ведут между собой яростный спор не за власть, не за уделы, но за стратегию жизни, за тот или иной способ государственного устройства.

Главная беда Дмитрия Шемяки состоит не в том, что он был жестоким, несправедливым, тупым, а в том, что он отстаивал отжившую в Восточной Европе систему государственного устройства. А счастье мягкотелого и очень долго созревавшего для государственных дел Василия Темного заключалось в противоположном: он являлся символом нового государственного устройства. Он был призом за победу — не больше и не меньше.

Шемяка в той ситуации не имел ни единого шанса даже придержать неукротимое движение истории, выиграть у нее время, чтобы попользоваться давно уже потерявшими привлекательность княжескими привилегиями. Вызов, брошенный ему ряполовскими князьями, поддержали другие князья, бояре, люди рангом пониже. Они уходили в Малороссию и готовились к сопротивлению узурпатору. Шемяка в отчаянии призвал к себе священнослужителей. Они посоветовали ему замириться с Василием. Откровенная речь Ионы, занявшего митрополичий двор после удачно проведенной операции с сыновьями Темного, потрясла Дмитрия Юрьевича оценкой содеянного им злодейства, хотя Иона оставил узурпа-

тору шанс на мирное решение конфликта, но только в том случае, если Шемяка сохранит достоинство Василия и его семейства, выполнит свои обещания: «Бог накажет тебя, если ты не выпустишь великого князя с семейством и не дашь им обещанного удела. Можешь ли опасаться слепца и невинных младенцев? Возьми клятву с Василия, а нас, епископов, во свидетели, что он никогда не будет врагом твоим». Дмитрий Юрьевич отправился в Углич.

Встреча в этом городе двух князей могла умилить и растрогать любую добрую душу. Шемяка и Василий были искренни в своих чувствах. Они винились друг перед другом за прошлые грехи, они лили горькие мужские слезы, они были очень похожи в этом на всех Рюриковичей, при встречах, на съездах князей очень чувствительных, прямо как барышни — героини романов XIX века, нежные, даже плаксивые. Василий, растроганный братской встречей, дал клятву и целовал крест. Дмитрий поверил клятве (он был Рюриковичем), и они, довольные, разъехались по своим местам, как боксеры после очередного раунда расходятся по знаку рефери по своим углам. Шемяка отбыл в Москву, Василий — в Вологду.

Но еще слезы не высохли на щеках Темного, как игумен Белозерского монастыря Трифон объявил Василию, прибывшему сюда на богомолье, что клятву, данную «в неволе и страхе», можно считать незаконной, и благословил его вместе со всеми иеромонахами на великое княжение. Прав ли был Трифон? Неважно! Важно другое: по всей Руси быстро росло недовольство Шемякой и столь же быстро возвышался авторитет наследственного владельца великокняжеской власти, о чем в первую очередь говорит факт сближения князя тверского Бориса Александровича с Василием. Два бывших недруга встретились в Твери. Борис Александрович, готовый оказать любую помощь Темному, предложил скрепить союз брачными узами. Сделка состоялась. Семилетний Иван Васильевич был обручен с Марией, дочерью Бориса Александровича.

Свадьба Ивана III Васильевича и Марии состоялась в 1452 году. Впрочем, по свидетельству Н. И. Костомарова, сближение великого и тверского князей состоялось позже, после 1453 года, что не оправдывается логикой событий и не подтверждается летописными сведениями об участии Бориса Александровича в военных мероприятиях Василия Темного против Шемяки в конце сороковых годов.

В 1447 году власть вновь перешла к Василию Темному. Многие летописцы и историки отмечают, что правил он после этого надежно и без явных промахов, медленно, но упорно возвышая и усиливая свою власть и власть Московского княжества над Русью. В 1448 году Василий собрал епископов в Москве, они избрали и посвятили в митрополиты Иону, кандидатуру которого полностью поддерживал великий князь.

На следующий год он законом закрепил «наследственное право юного сына: назвал десятилетнего Ивана соправителем и великим князем, чтобы россияне заблаговременно привыкли видеть в нем будущего государя»[1].

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 133.

В середине XV века стало резко усиливаться Казанское ханство, в котором царствовал Мамутек, убивший отца Махмета. Неоднократно его отряды нападали на Русь. Но в 1451 году Москве пришлось испытать ужас нашествия царевича Ногайской Орды, Мазовши. Василий Темный руководить обороной Москвы сам не мог, доверил это дело митрополиту Ионе и отправился к Волге. Вот еще одна особенность московских людей, московских князей. Казалось бы, самый ответственный период в судьбе города — нашествие ордынского войска. Кому как не великому князю руководить обороной столицы? У многих народов мира повелители в таких случаях по норам не прятались. Жители Москвы почему-то мирились с тем, что их великие князья часто оставляли родной город, доверяя его оборону то воеводам, то князьям, то митрополитам, а то и черным людям. Видимо, ценили и берегли своих государей москвичи, как самый что ни на есть драгоценный клад, как главную, если не единственную надежду на будущее.

Мазовша подошел к городу, поджег посады, откуда дым и шалые искры летели в Кремль. Эту своего рода газовую атаку защитники выдержали, затем осуществили дерзкую вылазку, заставили ордынцев отойти... А утром Мазовши и след простыл. Испугался царевич, ушел с Русской земли.

Убедившись в том, что опасность миновала, митрополит Иона послал за великим князем. Тот вернулся в Москву и сказал людям самые нужные в данный момент слова: «Бог наказал вас за мои грехи: не унывайте... Буду вашим отцом; даю вам льготу; не пожалею казны для бедных». И горожане, успокоившись, стали угощать друг друга всем, что Бог послал.

В 1452 году, окрепнув и почувствовав уверенность в своих силах, великий князь решил уничтожить мятежного Шемяку и отправил в Устюг, занятый Дмитрием Юрьевичем, своего сына Ивана Васильевича. Молодой великий князь изгнал противника из города, но пленить его не смог. Шемяка убежал на север. Митрополит Иона отлучил мятежника от церкви, запретил православным пить и есть вместе с ним, порицал жителей Новгорода, приютивших беглеца...

Уже многие на Руси поняли, что живой Шемяка представляет собой постоянную опасность для внутреннего мира в стране. И вдруг в 1453 году в Москву явился подьячий Беда и доложил великому князю о том, что Дмитрий Юрьевич умер и торжественно похоронен в Юрьевском монастыре. Эта весть так обрадовала князя, что он пожаловал гонца сразу в дьяки. Быть может, это откровение явилось причиной того, что некоторые ученые посчитали смерть мятежника делом московского князя. Н. И. Костомаров пишет: «Тогда в Москве решили расправиться с Шемякой тайным убийством: дьяк Степан Бородатый, при посредничестве Шемякина боярина Ивана Котова в 1453 году подговорил повара Шемяки приправить ему курицу ядом»[1]. Точных свидетельств, доказывающих причастность великого князя к столь грязному делу, нет. Известно другое.

---

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. I. С. 202.

После гибели Дмитрия Шемяки великий князь начал активно крепить единодержавие. Потребность в этих мерах всегда была большая, а ситуация складывалась удачно для наведения порядка в делах управления. Во-первых, Литва, куда сбегали некоторые, говоря языком XX века, диссиденты, то есть противники московских и великих князей, например союзник Шемяки Иван Можайский, ослабла сама, и они уже там не могли получить военную помощь, довольствовались землями, которые им еще давали литовские повелители. Во-вторых, Орда, расколовшись в 1437 году на несколько ханств, не могла оказывать серьезного давления на Москву. В-третьих, сама Москва, экономически уже очень сильная, политически созрела для единодержавия, готова была отстаивать его всеми средствами и силами. В-четвертых, силу Москвы признала и Тверь. В 1454 году тверской князь Борис Александрович заключил с Василием Васильевичем договор, в котором обещал поддерживать Москву во всем.

В 1456 году рязанский князь, почуяв близкую кончину, отдал восьмилетнего сына на попечение великому князю. Василий воспользовался подвернувшимся случаем без осложнений присоединить Рязань, обласкал мальчика, а в Рязань послал своих наместников. В том же году были отвоеваны серьезные уступки у республиканского Новгорода. Кроме денежных компенсаций и возврата земель, завоеванных ими в годы распри, новгородцы обязались писать впредь грамоты не от имени вече, но от имени великого князя и скреплять их княжеской печатью. Вечевой строй в Новгороде доживал последние десятилетия.

В 1460 году великий князь с младшими сыновьями сам прибыл в Новгород. Ивана Васильевича он благоразумно оставил в Москве — положение в этом оплоте демократии было напряженным. Горожане не хотели менять шестисотлетние традиции, отказываться от вече, от вольницы. Они собрались на площади у храма Святой Софии и расшумелись по привычке. Привычки новгородцев были хорошо известны русским князьям. Чуть что не так, чуть что не понравится яростным республиканцам — тут же виновного (обычно воеводу) с моста и на его место выбирают другого. До очередного недовольства.

В тот день новгородцы превзошли себя. Распалившись на вече, они захотели убить великого князя и его сыновей, не подумав даже, что это гости, что это великий князь, а не наместник новгородский. Беда могла случиться очень большая, если бы новгородский владыка не успокоил народ. Он сказал: «В Москве остался старший сын Василия, Иван. Он выпросит у хана войско и разгромит нас». Страсти у Святой Софии поостыли. Люди уже знали, что Иван Васильевич может и сам, без ордынского войска жестоко отомстить за родного отца и братьев. Сила Москвы напугала горожан. Они разошлись, унылые, по домам.

В 1460 году Василий Темный потребовал от князя Пскова дать присягу верности Москве. Князь псковский Александр (был он из литовского княжеского рода) отказался присягать и, не желая воевать с Москвой, отправился в Литву. А Василий с тех пор стал посылать в Псковскую республику своих наместников.

Годом раньше князья ряполовский и Патрикеев вынудили Вятку признать власть Москвы. Это были серьезные приобретения Василия

Темного. Основание Московского государства стало прочнее и мощнее.

В самой же Москве за годы правления Василия II Васильевича Темного было построено немного новых каменных храмов, о чем говорил еще И. Е. Забелин. В своей книге «История города Москвы» он перечислил следующие постройки:

«В 1450 году Владимир Ховрин заложил на своем дворе церковь каменную Воздвижения, на месте первой церкви, каменной же, что распалась в пожаре 1445 года.

В тот же год митрополит Иона заложил на своем дворе палату каменную, а в ней потом, как упомянуто, устроил домовую церковь Положения Ризы Пресвятой Богородицы.

В 1458 году построена в Кремле на Симоновском подворье церковь Введения с палатою.

В 1459 году пристроен небольшой придел у южных врат Успенского собора во имя Похвалы Богородицы.

В 1460 году построена на Троицком подворье в Кремле церковь Богоявления.

В 1461 году построена в Кремле же у Боровицких ворот церковь Рождества Иоанна Предтечи.

В 1462 году была поновлена стена городная от Свибловы стрельницы до Бородицких ворот каменем, предстательством Василия Дмитриевича Ермолина...

В духовной великого князя Василия Темного 1462 года упомянута каменная церковь Егорья на Посаде (Георгиевский монастырь). По случаю пожара в 1472 году упомянута церковь Богоявленное, чудное, как его именовали (Богоявленский монастырь)»[1].

Динамика каменного строительства в Москве говорит о том, что в годы правления Василия Темного темпы каменного строительства в городе упали. Некоторые историки пользуются этим фактом как аргументом при оценке деятельности великого князя. Но нельзя забывать о том, что история подготовила Василию Темному совсем иной заказ, чем-то похожий на ее заказ библейскому царю Давиду.

Да, знаменитый храм построил Соломон, но Давид добыл для него деньги, он своими многочисленными победами создал внешние и внутренние условия, благоприятствующие великому делу, которое блистательно осуществил сын Давида. Царь Македонии Филипп подготовил социально-политическую почву для дерзкой авантюры Александра. То же самое сделал для своего сына Вильгельма дюк Нормандии Роберт Дьявол. Примеров подобных — множество. Человечество могло бы по ним научиться оценивать по достоинству деяния великих и не очень великих людей, в соответствии с обстоятельствами и временем действия их на арене истории. Если так расценивать вклад Василия Темного в историю своей страны, то можно считать, что великий князь Василий II Васильевич с возложенной на него задачей справился. Он с наименьшими людскими потерями выиграл гражданскую войну с Шемякой и его

[1] *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 108 109.

союзниками. Он (опять же с наименьшими потерями) подчинил власти Москвы три упрямые республики: Вятку, Псков и Новгород. Он (и вновь почти без жертв!) подчинил власти Москвы Рязань и Тверь. Своим правлением Василий Темный укрепил в сознании людей мысль о том, что московский вариант, то есть единодержавие, не так уж и плох для Руси. Василий Темный, как в свое время Давид, Филипп, Роберт Дьявол, исполнил свою историческую миссию, суть которой состояла в создании фундамента, опоры для последующего толчка и рывка вперед.

Умер Василий II Васильевич Темный 17 марта 1462 года в возрасте шестидесяти семи лет. Как видно даже из краткого изложения его биографии, заниматься непосредственно московскими делами серьезно и целенаправленно ему было некогда: «последняя распря русских князей» (а лучше все-таки сказать, первая гражданская война на Руси), длившаяся с затуханиями и перерывами почти двадцать лет, отняла у него слишком много времени и сил.

Основные события жизни Василия Темного

1415 год. У великого князя Василия Дмитриевича родился сын Василий.

1425 год. Десятилетний Василий после смерти отца стал великим князем.

Митрополит Фотий уговорил Юрия Дмитриевича, дядю Василия Васильевича, заключить с великим князем мир и не домогаться великого княжения.

1426 год. В Москве вновь вспыхнула эпидемия моровой язвы.

Витовт, пользуясь слабостью малолетнего Василия, своего внука, напал на Опочку, но жителям города удалось отразить натиск литовцев. Не желая обострять отношения с сильным врагом, они заплатили литовскому королю 1450 рублей серебром.

1428 год. Витовт вынудил великого князя отречься от самостоятельной политики в Великом Новгороде и в Пскове, одновременно Юрий Дмитриевич отказался от притязаний на великое княжение, обещал не использовать на своей службе беглецов из Москвы, оставил себе лишь Галич и Вятку. Юрий и Василий клятвой подтвердили договор.

1430 год. Василий Васильевич и митрополит Фотий ездили в Литву по приглашению Витовта в гости. К королю Литвы прибыли многие знатные особы, даже польский король Ягайло.

Восьмидесятилетний Витовт умер.

1431 год. Юрий Дмитриевич объявил войну Василию Васильевичу. Великий князь предложил ему решить спор в Орде и 15 августа отбыл из Москвы.

1432 год. Василий Васильевич получил в Орде ярлык на великое княжение, и ордынский царевич Улан посадил Василия на трон в Москве. С этого момента Владимир перестал быть столичным городом, хотя, как пишет Н. М. Карамзин, в титуле великих князей все еще именовался прежде Москвы.

1433 год. Василий Васильевич женился на Марии, правнучке Владимира Андреевича Храброго.

В день свадьбы началась «последняя распря русских князей», поводом для которой стал подмененный еще на свадьбе Дмитрия Ивановича пояс.

25 апреля на Клязьме встретились войска Юрия и Василия. Великий князь, увидев огромное количество воинов в стане противника, сбежал с поля боя. Юрий вошел в Москву, объявил себя великим князем, отдал племяннику в удел Коломну.

1434 год. Юрий Дмитриевич, не получив поддержки московских бояр и московского народа, вернул великое княжение племяннику.

Юрий внезапно умер. Его сын Василий Юрьевич объявил себя великим князем.

1435 год. Поддержанный другими сыновьями Юрия, Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным, Василий Васильевич вернул себе великое княжение.

Василий Юрьевич потерпел под Костромой поражение и был связан договором не выступать против великого князя.

Дмитрий Шемяка по подозрению в подстрекательстве Василия Юрьевича к выступлению против великого князя был арестован в Перми.

1436 год. Василий Юрьевич вновь выступил против Василия II Васильевича, потерпел поражение в битве, попал в плен, был ослеплен и двенадцать последних лет жил в уединении.

Шемяку освободили, и он получил отчину.

1437 год. Василий II Васильевич заключил с новгородцами невыгодный для себя договор на год, после чего тяжба с ними продолжилась.

Хан Махмет, изгнанный из Орды, взял город Белев, в то время принадлежавший Литве. Василий II Васильевич послал на ордынцев огромное войско во главе с Шемякой и Дмитрием Красным. Они потерпели позорное поражение, но Махмет ушел в разрушенную еще в 1399 году Казань, восстановил город и основал Казанское ханство.

1440 год. Василий II ходил на Новгород, но дело на этот раз закончилось миром.

Великий князь хоть и не доверял теперь Шемяке и Дмитрию Красному, возобновил с ними дружественный союз. Дмитрий Красный вскоре умер.

1441 год. Вражда между Василием II и Шемякой возобновилась, но усилием игумена Троицкого Зиновия вновь на время затихла.

1444 год. Русские воевали с Литвой, обменялись грабительскими походами, в которых чуть удачливее оказались дружинники великого князя.

Царевич Мустафа разграбил Рязанскую землю, но посланная против него рать разгромила ордынцев в битве на берегу реки Листени.

Казанский царь Махмет ворвался в русские земли, был отбит собранным Василием II войском, ушел в Казань, но весной неожиданно вновь напал на Русь, осадил Нижний Новгород. Великий князь к этому времени распустил войско. Узнав об опасности, он вышел с одной московской дружиной навстречу врагу, проиграл битву, попал в плен.

1445 год. Шемяка, вовремя не поддержавший великого князя, теперь занял его место.

Хан Либей напал на Казань и вынудил Махмета освободить Василия II из плена.

17 ноября Василий II Васильевич въехал в Москву, испытавшую полтора месяца до этого сильнейшее землетрясение.

Сбежавший в Углич Шемяка продолжил открытую борьбу за великокняжеский престол.

1446 год. 12 февраля ночью Дмитрий Шемяка захватил в Кремле в плен семью великого князя, а его самого пленил в Троицкой лавре. Через четыре дня, уже в Москве, Василия ослепили.

1447 год. Шемяка правил плохо, восстановил против себя все слои населения в Москве, в других городах. В конце года Василий II вновь въехал в столицу.

1448 год. Великий князь собрал в Москве епископов, и они избрали митрополитом Иону. Митрополита не было на Руси восемь лет.

1449 год. Василий II назвал своего десятилетнего сына Ивана соправителем и великим князем.

1451 год. На Русь напал ордынский царевич Мазовша, подошел к Москве, взять ее не смог. Москва была спасена.

1452 год. Василий ходил на Шемяку в Устюг. Дмитрий, узнав о силе его войска, бежал на север.

1453 год. Умер Шемяка. Есть предположения, что он был отравлен.

1454 год. Между Василием Темным и Борисом Александровичем был заключен договор, в котором князь тверской обязался всегда быть заодно с Москвой.

1456 год. Рязанский князь перед своей кончиной передал своего восьмилетнего сына на попечение Василию Темному. Великий князь отправил в Рязань наместников.

Василий Темный вынудил новгородцев заплатить ему 16 рублей серебром и дать обещание отменить вечевые порядки.

1458 — 1459 годы. Василий II присоединил Галицкий, Можайский и Борский уделы к Московскому княжеству.

Вятка признала над собой верховную власть Москвы.

1460 год. Великий князь потребовал от псковского князя, литовца Александра Чарторижского, присягнуть Москве. Тот отказался и сбежал в Литву. В Псков явились наместники Москвы.

Великий князь гостил у новгородцев.

1462 год. 17 марта Василий II Васильевич скончался.

Экстремальные природные явления, эпидемии, катастрофы, отмеченные в русских летописях

(1359 — 1462 гг.)

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
1360	Москва	Полярные сияния 3 февраля: «Огненная заря от востока, восходящая через небо к западу». В Лаврентьевской летописи: «Облак акы кровав, и свет яко заря»	ПСРЛ, т. 1, с. 230; т. 25, с. 191; т. 30, с. 112
1364	Русская земля	Сильные грозы и «вихри», засуха: «...сухомень велия по всей земле и вся земля горяше». Эпидемия: «...бысть мор велик в Новгороде в Нижнем и... по всем странам и по волостям... А на Белоозере тогда ни един жив обретеся. И бысть скорбь великая по всей земле, и опусте вся земля и порасте лесом, и бысть пустыни всюду непроходимые». «Не успеваху живые мертвых погребати, умираху бо на день по пятидесяти и сту человек и больше». В Переяславле умирало от 80 до 100 человек в день. Мор был и в Костроме, и в Ярославле. Голодный год	ПСРЛ, т. 11, с. 3; т. 20, ч. 1, с. 190 — 191; т. 30, с. 113
1365	Русская земля	Засуха. Эпидемия. Голодный год	ТЛ, с. 381; ПСРЛ, т. 15, в. 1, с. 78 — 79; т. 17, с. 38, 81; т. 25, с. 183
	Москва	Очень большой пожар: «...загорелся город Москва... от Четопорья и погорел посад весь и Кремль и Заречье»	*Там же*
1366	Русская земля	Засуха: «Сухомень и зной велик и воздух куряшеся и земля горяше». Эпидемия: «...мор велик зело». Голодный год. Дороговизна: «...хлебна дороговь повсюду и глад великий по всей земли и с того люди мряху»	ПСРЛ, т. 11, с. 6; т. 30, с. 115

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
1368	Городец, Суздаль	Сильная гроза: «...бысть знамение гром страшен и зажже гром и молния на Городце соборную церковь и в Суздале (церковь) Св. арх. Михаила и по иным градам многим церкви пожже»	ПСРЛ, т. 11, с. 9 — 10; т. 30, с. 116
1370	Москва	Сильная гроза в ночь с 22 на 23 августа	ПСРЛ, т. 15, в. 1, с. 92 — 93
1373	Москва	Пожары	ПСРЛ, т. 11, с. 20; т. 35, с. 105
1378	Московская земля	12 августа «мгла велика вельми»	ПСРЛ, т. 8, с. 33; т. 20, ч. 1, с. 200; т. 35, с. 29
1389	Русская земля	Эпидемия: «...мор на люди»	ПСРЛ, т. 30, с. 187
	Москва	Пожар 21 июля. Сгорела значительная часть Кремля	ПСРЛ, т. 15, с. 157; т. 20, ч. 1, с. 209; т. 25, с. 218
1390	Москва	Сильный пожар: «...згоре дворов несколько тысяч»	ТЛ, с. 346; ПСРЛ, т. 11, с. 122 — 123; т. 15, с. 159; т. 25, с. 218
1395	Москва	Большой пожар на посаде: «...бысть велик зело». Сгорело несколько тысяч дворов	ПСРЛ, т. 11, с. 157
1396	Москва	Гроза 25 декабря: «...был гром, а туча от полуденной страны»	ТЛ, с. 447
1401	Московская земля	Полярное сияние осенью: «...от полуноща и до свети огненные столпы, а конец их в верху яки кровь». Сгорели Москва и Смоленск	ПСРЛ, т. 6, с. 31; т. 11, с. 186; т. 17, с. 331
1404	Московская земля	Бесснежная зима: «...зима же сия незнаема была, гола без снегу, а разводье до великого заговенья, а раскапье было на масляной неделе»	ТЛ, с. 458; ПСРЛ, т. 6, с. 32; т. 25, с. 233
1408	Русская земля	Суровая, многоснежная зима: «Зима тяжка и студено зело,	ТЛ, с. 466 — 470;

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
		снежна преизлишне». Весной сильное наводнение, которого не помнят за предшествующие 20 лет старики — «памятуки». Засуха: «...засуха бо бе велика и буря велия... а человек с тысячу в озере (Ильмень) истопе». Нашествие вредителей: «...до той зимы 3 лета летели белые черви со стороны полуденной к полунощной. Переходили они реки, леса, поля, посевы и поели еловые деревья, от чего погибла вся белка». Эпидемия: «...мор на люди силен по всем странам». Голодный год	ПСРЛ, т. 8, с. 82; т. 18, с. 155; т. 23, с. 142; т. 25, с. 237
1408	Ростов Великий	Большой пожар, во время которого погибло около 1000 человек	ПСРЛ, т. 11, с. 205
1412	Русская земля	В конце августа высокое половодье: «...вода велика во всех реках»	ПСРЛ, т. 11, с. 219
1414	Русская земля	Засуха, сильные грозы: «...бысть засуха велика и громи велицы и страшно зело». Эпидемия: «...болезнь была христианам тяжка зело, костолом по всей земле Русской». Голодный год	ПСРЛ, т. 11, с. 225
1415	Москва	Весной и осенью пожары	ПСРЛ, т. 11, с. 225 — 226
1420	Русская земля	Засуха («меженина»). Ранние морозы, на 15 сентября пошел снег и шел три дня, покрыв землю слоем в «4 пяди». Урожай остался неубранным: «...а всякое жито под снег полегло». Затем наступила оттепель. Зима мягкая: «...вся же зима тепла бысть вельми». Эпидемия: «...мор бысть силен по всей земле Русской». «И тако вымроша, яко и жита бе жати некому». Голодный год	ПСРЛ, т. 6, с. 14; т. 11, с. 236; т. 18, с. 165; т. 24, с. 180; т. 25, с. 244; т. 34, с. 162

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
1422	Русская земля	Засуха («меженина»). Студеная зима. Голодный год: «...глад был велик по всей Русской земле, на Москве оков ржи по рублю, на Костроме по два рубля, в Нижнем Новгороде оков ржи по двести алтын». От голода погибло много народу. Голод был и в Новгородской земле, некоторые жители из Руси ушли в Литву и умерли по пути от голода и морозов. В Новгороде «три скудельницы мертвых наметаша»	Вологодско-Пермские летописцы (ВПЛ), с. 269, 270; ПСРЛ, т. 6, с. 142; т. 11, с. 388; т. 24, с. 181; т. 34, с. 163
	Москва	Сильный пожар 18 августа: «...в полночь загорелося, а назавтрее о полудни преста гореть»	ПСРЛ, т. 34, с. 163
1424	Русская земля	Эпидемия: «...мор силен». «Была скорбь великая по всей земле»	ПСРЛ, т. 11, с. 239
1425	Русская земля	Эпидемия, которая распространилась из Прибалтики в Псков, а затем в Новгород, Тверь и Москву	УЛС, с. 73; ПЛ, ч. 1, с. 35; ПСРЛ, т. 5, с. 263; т. 12, с. 3; т. 15, с. 488; т. 25, с. 247; т. 30, с. 132; Оппоков, с. 39
1427	Русская земля	Эпидемия продолжалась и в этом году: «...бысть мор в Вологде и Белоозере». «На Москве почялъся мор злее прежнего». «И после того мору, как после потопа толико лет люди не почали жити, и сделались недолговечными, худыми и тщедушными»	ПСРЛ, т. 6, с. 263; т. 23, с. 146; т. 25, с. 247; т. 30, с. 132; т. 35, с. 56, 261
1430	Русская земля	Летом засуха. Пожар в Ростове Великом. Сухая осень: «...той же осени вода бысть мала вельми, и земля и лесы горяху и дым мног вельми,	НПЛ, с. 416; ПСРЛ, т. 12, с. 9; т. 16, с. 178; т. 24, с. 182

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
		иногда друга не видети, и с того дыму мряху рыбы и птицы, а рыба дымом воняше и по два года». Голодный год	
1431	Русская земля	Засуха: «...тогда же засуха была, земля и болота горели, того же лета мгла стояла 6 недель, солнце не видели, и рыбы в воде мерли, и птицы на землю падали, не видети летати...». «Глад бысть велик по всей земле Русской». Полярные сияния: «...явишася на небеси три огненных столпа»	УЛС, с. 74; ПСРЛ, т. 8, с. 95; т. 12, с. 9; т. 22, ч. 1, с. 431
1436	Русская земля	Холодное лето, заморозки, погубившие посевы: «...мраз поби по всей Русской земле жито во время жатвы». Голодный год	ПСРЛ, т. 12, с. 22; т. 16, с. 180
1441	Ростов Великий	Сильная буря с градом 17 июня: «...яко и по стенам знати было и верх у колоколицы сорвало»	ПСРЛ, т. 23, с. 183
1442	Москва	Пожар осенью	НПЛ, с. 423; ПЛ, ч. 1, с. 46; ПСРЛ, т. 3, с. 240
1443	Московская земля	Холодная зима: «...зима была студена, а сено дорого». Погибло много скота	ПСРЛ, т. 23, с. 153
1445	Москва	Очень большой пожар 14 июля: все сгорело, «ни единому древесина гради остатися», раскалились камни церквей и городских стен. Погибло 700 человек	ИЛ, т. 8, с. 113; т. 12, с. 65; т. 15, с. 492
1446	Москва	Землетрясение: «...тоя же осени, октября 1 день, в 6 час нощи той, потрясеся град Москва. Кремль и посад и храмы поколебашися». «Бысть облак тученосен и з дождем и паде вкупе пшеница и рожь и жито на поле и на лесе от града за 5 верст, вдали от	ПСРЛ, т. 8, с. 114; НПЛ, с. 427; ПСРЛ, т. 16, с. 189 — 190

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
		Волховца и до Мьсте реке на 15 верст; людье събравше елико кто их обрет и пренесоша в град». Это явление наблюдалось 3 января. Дороговизна: «...ржи коробья по полтине бысть». Голодный год	
1449	Тверская земля	Ранняя весна. К 13 апреля уже начали сеять, а ледоход на Волге прошел за неделю до 25 марта	ПСРЛ, т. 15, с. 494
1450	Москва	В августе сильные грозы: 5 августа «за час до вечерней зари внезапно пришла с востока туча на Москву и гром был страшен». 13 августа «пришла туча с западной стороны и ветер велик зело»	ИЛ, с. 43 — 48; ПСРЛ, т. 5, с. 270; т. 25, с. 271
1451	Москва	Засуха: «...лето бе тогда горяче, засуха велика»	ПСРЛ, т. 8, с. 124; т. 24, с. 184; т. 25, с. 271
1452	Тверь	Теплая осень: «...осень была долга». Волга замерзла 24 декабря	ПСРЛ, т. 15, с. 494
1453	Москва	Пожар 9 апреля	ИЛ, с. 46; ПСРЛ, т. 5, с. 271; т. 23, с. 155
1454	Москва	Сильные дожди и грозы: «...бысть гром страшен того же лета дождь был умножен и не сеяли». Голодный год	ПСРЛ, т. 4, с. 271; т. 12, с. 109
1458	Москва, Муром, Псков	Вероятно, осень была сухая. Пожары в Муроме (29 сентября), в Москве (22 октября), в Пскове и его пригородах	ПЛ, ч. 1, с. 55; ПСРЛ, т. 5, с. 272; т. 12, с. 112; т. 23, с. 156, т. 25, с. 275
1460	Москва, Новгород	13 июля в 6 часов дня с запада появилась очень грозная и темная туча и началась необычайно сильная буря. Бу-	ПСРЛ, т. 4, с. 132; т. 6, с. 182; т. 12, с. 113;

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
		ря разрушила много зданий. Люди ничего не видели. Через час туча пробежала над Москвой. «И наступила тишина и светлость». Вечером следующего дня пришла с севера туча «вельми и грозна». От «страшной бури, порывов ветра, раскатов грома и молний тряслась земля»	т. 25, с. 276; т. 5, с. 272; УЛС, с. 84; ИЛ, с. 51

Часть пятая

Русское государство

(1462 — 1613)

Между трех огней

Стопятидесятилетний период истории Москвы (1462 — 1613) выделен в отдельную главу не случайно. В эти десятилетия русский народ освободился от унизительной данной зависимости от Орды (1480 год) и создал в начале XVI века Русское национальное государство со столицей в Москве. К этому же времени в Восточной Европе окончательно сформировался народ великорусский. Молодое государство, еще не окрепшее, не успевшее разрешить важные внутренние проблемы, вынуждено было в силу объективных причин воевать почти со всеми соседями. Выигрывая войны, присоединяя Казанское ханство, Астраханское ханство, Русское государство превращалось в державу имперского типа.

Этот болезненный для всех стран мира процесс перехода от одного политического состояния — удельно-феодального да еще зависимого от Орды — к другому, к национальному государству, и следом же к третьему, к государству имперского типа, — происходил на фоне напряженной борьбы между князьями Рюриковичами, между Рюриковичами и земщиной, между боярами княжескими, монастырскими и дальними потомками родоплеменной знати, между дворянами — представителями нового, быстро крепнущего, особенно со времен Ивана IV Грозного, сословия и всеми, кто мешал им продвигаться по социальной лестнице к вершинам власти. В тончайших социально-политических нюансах, в причинно-следственных нитях, в драматичных перипетиях той борьбы можно найти объяснение многих последующих событий в стране.

Бесславно закончив многолетние, истощившие казну и народ, но необходимо-неизбежные войны с Литвой, измотанное опричниной (тоже, к сожалению, неизбежной в условиях стремительного перехода от национального государства к империи) Русское государство слегка передохнуло во время правления блаженного царя Федора Ивановича и вновь оказалось в страшной круговерти Смутного времени, закончившегося счастливым финалом для страны, для великорусского народа, для Москвы — столицы державы.

О причинах, породивших Смутное время, и, главное, о причинах столь счастливого финала, логически завершившего стопятидесятилетний период истории Русского государства, можно говорить бесконечно. Русский народ одолел свою буйность, победил самого себя, избрал в цари совсем юного, ничем не скомпрометировавшего себя в суровые годы опричнины и в грустные времена Смуты Михаила Федоровича Романова. Счастливый финал Смутного времени стал возможен потому, что ни великими князьями всея Руси, а позже царями, ни всем народом русским,

исполнявшим строгий заказ истории и создававшим в сложнейших условиях империю, мощное Евразийское государство, грубых просчетов в период с 1462-го по 1613 год (как и в предыдущие периоды) сделано не было. Иначе народы Восточной Европы вспомнили бы эти просчеты-обиды и воспользовались прекрасным моментом во время Смуты. Что могло бы в результате этого произойти, догадаться не трудно. Не произошло. Ни крепко обиженные Вятская, Псковская, Новгородская республики не восстали против Москвы и не явились с войсками на Боровицкий холм за своими вечевыми колоколами. Ни Рязань, ни Тверь, ни другие поверженные Москвой столицы великих княжеств даже не подумали о мести. Ни Казань, ни Астрахань, ни народы Севера и Западной Сибири не предали Москву, не перешли на сторону ее врагов (как внешних, так и внутренних). А гордые чуваши, например, по сию пору хвалятся тем, что они сами, без давления и без просьб со стороны русского народа собрали ополчение, послали его на помощь тем, кто решил спасти Москву, и низкий им за это поклон, как принято в таких случаях говорить на Руси.

Но почему же удалось Минину и Пожарскому дело свое великое сделать, спасти страну от позора и неисчислимых бед? Потому что Москва и проводимая ее правителями политика имели громадный кредит доверия не только у великорусского народа, но и у народов, которые входили один за другим в Российскую державу.

Об этом стоит помнить тем, кто ругает на чем свет стоит деяния Ивана IV Грозного, называя главной причиной Смутного времени его опричнину. У русской Смуты начала XVII века причина была более веская — историческая. Она, конечно, какими-то нитями связана и с опричниной тоже. Но вот какая странная связка просматривается между опричниной и Смутой: царя Ивана IV Васильевича, по признанию даже тех, кто ругает его самыми последними словами, ненавидели многие бояре и князья, но народ почитал. Почему? Может быть, любовь народная настолько зла, что люди могут полюбить даже изверга рода человеческого? Нет! Такой любви не бывает даже в самых жутких сказках! В конце концов инстинкт самосохранения вынудил бы людей навсегда разлюбить того, кто уничтожает народ. Не было такой любви в истории людей. Не было.

Но в том-то все и дело, что опричнина не народ уничтожала, а наносила смертельный удар в первую очередь по князьям из рода Рюриковичей, во вторую очередь — по боярам (тоже из древних русских родов), мешавшим проводимой московскими царями централизации страны. Опричнина — это не прихоть и самодурство несдержанного экзальтированного Ивана IV Васильевича, но отчаянная попытка не очень, надо признать, сильного и не очень терпеливого политика быстро и в срок исполнить заказ истории. Грозный царь в опричнине не повинен. Он повинен в каждом отдельном конкретном злодеянии. Но опричнина не была нацелена на тех, кто любил Ивана IV Грозного, на простонародье, которое в Смутное время спасло страну, спасло Москву...

Политическая централизация Русского государства в целом завершилась к началу правления Ивана IV Васильевича. Чуть позже, во времена

соборов XVI века, проводимых при активном участии Грозного, завершилась и централизация церковного управления: в Православной русской церкви установилось единоначалие, причем «единоначалие московского государя»[1].

Вспоминая в основном спокойные и конструктивные взаимоотношения между великими князьями московскими рода Ивана I Калиты с митрополитами всея Руси на протяжении почти двух веков, можно сделать опрометчивый вывод о том, что процесс централизации церковного управления под единоначалием московского государя проходил спокойно и гладко. Но это далеко не так. История Русской церкви XV — XVII веков не менее драматична и философична, чем история Русского государства, и причины того сложны и объемны. Они уходят корнями в глубь веков, в историю Русской земли, они тесно связаны с историей Византийской империи и византийского православия, с историей всей Евразии.

История Русской церкви настолько крепко сплетена с историей русского народа и неотделима от нее, что даже эпизодическое (но обоснованное) вкрапление сюжетов истории церковной в текст повествования о судьбе Москвы-города и Москвы-народа, во-первых, даст более объемную картину жизни столицы Российской державы в рассматриваемый отрезок времени, во-вторых, позволит думающему читателю по-новому взглянуть на всем известные факты, по достоинству оценить действия тех или иных светских и религиозных деятелей и героев отечественной истории.

В предыдущих главах было сказано о том, что уже первые ханы Орды предоставили Русской православной церкви значительные льготы. Подобное отношение ханов к религиям завоеванных степняками народов оценивается положительно практически всеми учеными. А уже упоминавшийся доктор Эренжен Хара-Даван, как и многие патриоты Великой степи, частенько эксплуатируют этот факт, убеждая неискушенных читателей в том, что Чингисхан справедлив, а его политика, продолженная потомками, была в высшей степени гуманна и человечна по отношению к народам Евразии, по землям которых прокатился огненный каток войск Чингисхана.

«Ярлык хана Узбека, данный митрополиту Петру, трактует московского митрополита как владетельного князя, подчиненного непосредственно хану, дает митрополиту свободу от татарской дани, подтверждает судебные и административные права митрополита и обязывает его за это лишь немногим: «Да молит Бога за нас, и за наши жены, и за наши дети, и за наше племя...»[2]

Всеми признанный факт! А с фактом спорить трудно: ханы Орды относились к вероисповеданиям завоеванных народов, к религиозным институтам, в том числе и к Православной русской церкви, не просто лояльно, но уважительно и даже по-восточному щедро. Многих ученых, не говоря уже о непосвященных, эта щедрость сбивала с толку: некоторые из них восторгались политикой ханов по отношению к Православ-

[1] *Никольский Н. М.* История Русской церкви. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1983. С. 107.
[2] *Там же.* С. 64.

ной русской церкви, кто-то считал и считает, что повелители Орды допустили в данном вопросе серьезную промашку, оставив в покое церкви, монастыри — эти рассадники русского духа, эти обители хоть и завоеванной, но непокоренной русской души. Но и те, и другие забывают о главном: о конечной цели проводимой ханами политики по отношению к Православной русской церкви. А цель-то у великих завоевателей была одна, всем хорошо известная: Евразия «от моря и до моря»! И не на день или два-три месяца, а навечно! А для того, чтобы осуществить эту идею, добиться великой цели, нужно было на уже завоеванных землях посеять скрытую от чистых доверчивых душ людских духовную смуту. Сделать это можно только одним путем, чисто материальным, то есть предоставлением какой-либо части народа более выгодных условий жизни. Любой части!

Ханы Орды предоставили Православной русской церкви огромные экономические льготы. Казалось бы, никакого подвоха в этом нет и не может быть. Церковь — это же часть русского народа, это духовная опора всей Русской земли... Разве могла она отказаться от такого бесценного дара?

Русская церковь приняла ханский пряник в сложный момент, когда феодальная раздробленность в Восточной Европе достигла такой степени, что Русская земля представляла собой лоскутное одеяло, искромсанное удельными князьями. Церковь же, если посмотреть на нее с экономической точки зрения, представляла собой удельно-феодальную организацию, своего рода государство в государстве, которое просто обязано было развиваться экономически быстрее, нежели вся остальная Русская земля. А значит, она должна была привлекать в свое лоно многих русских людей, уставших от междоусобицы и ханской дани. И все они, богатые и бедные русские люди, переходя в непосредственное подчинение церкви, должны были молиться за ордынских повелителей, их жен, их детей, за их победоносное племя. Молились? Молились, но лишь в присутствии баскаков, да и то не громко, чтобы не умереть от стыда...

И молитвы эти нечистосердечные не развеивали дух русский по поднебесью, не убивали тихий, почти кроткий, но упрямый, упорный зов русской души, мечтавшей сто сорок лет о битве великой, о поле Куликовом.

Ханы Орды, обласкав Православную русскую церковь, сделали гениально точный ход, быть может, еще и потому, что они учли в своих расчетах... историю крестовых походов, санкционированных папской церковью!

Ханы Орды не могли не знать о том, какую неотразимую мощь представляют собой армии, скрепленные крепкой духовной идеей. В конце концов подвиги воинов ислама, с которыми не раз сталкивались в битвах и сражениях степняки, были им хорошо известны.

Подводя итог вышесказанному, можно с полной уверенностью констатировать, что политика ханов по отношению к религиям завоеванных ими народов, в том числе и по отношению к Православной русской церкви, проводилась исключительно в корыстных целях и никакими благими намерениями объяснима, а тем более оправдана быть не может.

Ханы хотели изнутри подорвать дух завоеванных народов и как огня боялись крестовых войн.

Чтобы лишний раз убедиться в этом, достаточно вспомнить, как Чингисхан отправил решать религиозные проблемы на тот свет верховного жреца монголов, когда тот перестал ему подчиняться. Никаких иллюзий!

Православная русская церковь приняла навязанные мудрыми ханами дары, но добились ли повелители Орды проводимой ими политикой желаемых результатов? На этот очень важный вопрос существует несколько противоположных ответов, и все они, несмотря на их противоположность и даже антагонистичность, больше дополняют друг друга, чем противоречат, как это ни покажется странным.

«XIV и начало XV веков — золотое время основания монастырей: за один XIV век было основано 80 монастырей, то есть почти столько же, сколько за предшествующие три века вместе (87 монастырей), а в первую половину XV века — 70 монастырей»[1]. Данный факт говорит о многом. Если в XI — XIII веках на территории Руси был зафиксирован быстрый рост городов, то после нашествия Орды эта тенденция если и сохранилась (города продолжали возникать в разных точках Восточной Европы), но темп был потерян. Количество же монастырей наоборот росло. Причем монастыри возникали и в обжитых землях, и в глухих лесных углах, еще не тронутых боярской и княжеской эксплуатацией. Нельзя сказать, что появление монастыря под боком у сельских жителей всегда приветствовалось последними. Но князья и бояре поддерживали монастыри, вообще церковь, часто в своих духовных грамотах отписывали им земли, деньги, другие богатства, потому что не хотели отдавать дары Русской земли, результаты своего труда и труда своих подданных Орде. Они как будто забыли на время правило, что где деньги, там и власть, что церковь разбогатевшая может возвыситься, подмять под себя и князей, и бояр, и купцов, и воинов, не говоря уж о простонародье. Светская власть, подыгрывая власти духовной в XIV и в начале XV века, будто бы не чувствовала угрозы со стороны усиливавшейся год от года церкви, и в этой недальновидности кроется некая тайна, некая необъяснимость.

Ряд ученых, впрочем, объясняет все очень просто: монастыри были задуманы как форпосты борьбы против ордынцев и других внешних врагов, на территориях монастырей, по мнению этих историков, не только хранился в целости и сохранности до лучших времен кладезь русского духа, но и велась боевая подготовка русских воинов, таких, как Ослябя и Пересвет. Кроме того, монастыри, согласно приверженцам данной версии, являлись мощными крепостными сооружениями...[2]

Факты опровергают эту простую, но явно надуманную версию. Как всем хорошо известно, на поле Куликовом сражались лишь княжеские дружины и ополченцы. Ни один русский монастырь, не говоря уж о митрополите Киприане, не послал в войско Дмитрия Ивановича сколько-нибудь крупного отряда, хотя отдельные воины, такие, как иноки Ослябя

[1] *Никольский Н. М.* Указ. соч. С. 65.
[2] *Там же.* С. 66.

и Пересвет, сражались на поле Куликовом. А Дмитрий Иванович перед битвой отправился за благословением на бой не к митрополиту всея Руси, а к игумену одного из новых монастырей Сергию Радонежскому, и не потому, что у него произошел разлад с Киприаном, а только лишь потому, что просить благословения на войну с теми, кто облагодетельствовал Православную церковь, у официального лица этой церкви было бы и недипломатично, и стратегически неоправданно, что и доказали события последующих десятилетий...

Вышесказанное может вызвать у читателей вполне объяснимое возмущение и строгий вопрос: «Уж не хочет ли автор заявить о том, что Православная русская церковь, а также те бояре и князья, купцы и ремесленники, бедные и богатые русские люди, которые отписывали церкви значительную часть своих состояний, а часто сами покидали мир и уходили в монастыри, предавали тем самым Русь, прельщаясь лакомым, необлагаемым ордынским налогом кусочком?! Не обвиняет ли автор Русскую церковь?!» Нет! Автор склоняет голову перед ней.

Политика Православной русской церкви в XIII — XV веках была исключительно мудрой, по-русски мудрой. Она не призывала русский народ к православно-крестовым походам на Орду, и в этом проявилось глубочайшее понимание эпохи, стратегической ситуации, тончайшее чувство меры. Окруженная буквально со всех сторон сильными врагами, истрепанная междоусобицей XI — XIII веков, Русь гипотетически могла откликнуться на призыв церкви и собрать хотя бы один раз, скажем, на перекрестке XIII — XIV веков, русскую рать и повести ее на какого-нибудь Дюденя. Вполне возможно, что эта рать могла разгромить ценою огромных потерь войско Орды где-нибудь в районе современной Астрахани, но этой предполагаемой победой тут же бы воспользовались и шведы, и немцы, и литовцы... Православно-крестовый поход на Орду закончился бы католическим крестовым походом на Русь. Папы римские, надо помнить, еще в XIII веке наводили дипломатические мосты с Ордой. Они никогда не конфликтовали по-крупному со степняками. Католическая Европа нависала над православной Русью, сжатой с востока, юго-востока, юго-запада жестким ордынским полукольцом, и в любую минуту могла оказать услугу ханам, принявшим, надо заметить, мусульманство. Ни о каких православно-крестовых походах в подобных внешнеполитических условиях речи быть не могло.

Перед русскими людьми, перед князьями, митрополитами всея Руси в XIII — XV веках стояла одна задача: выжить, сохранить Русь и народ ее. Именно эта великая цель оправдывала и обосновывала чрезвычайно осторожную политику Православной русской церкви и многих великих князей по отношению к Орде. Католическая Европа могла упредить опасность и броситься сломя голову в крестовые походы, поскольку не имела вокруг себя жесткого кольца врагов. Православная Европа вынуждена была терпеть. Долго терпеть. Двести лет.

Битва на поле Куликовом, как об этом говорилось в главе о Дмитрии Донском, продемонстрировала всем (в том числе и русским людям), что Русь жива, что русский дух крепок, что... не пришло еще время освобождения, а значит, надо терпеть.

После Куликовской битвы ханы Орды не изменили своего отношения к Православной церкви, которая продолжала экономически развиваться быстрее Русского государства, а значит, продолжал расти как на дрожжах ее авторитет.

На рубеже XIV — XV веков резко ухудшились дела в Византийской империи, и как следствие этого ослаб авторитет византийской Православной церкви. Турки отвоевывали у Константинополя все новые земли, поддержать одряхлевшую, уже сделавшую свое дело в истории тысячелетнюю империю было некому, да и незачем. Патриархи византийской церкви все чаще посылали гонцов в Москву с просьбой о материальной помощи.

В это же время в русском народе возросло ощущение собственной силы и, как следствие, национальное самосознание. После знаменитого Флорентийского собора, когда византийская церковь подчинилась папе римскому, русские люди «оценили, быть может, даже выше мер свои политические успехи и стали смотреть на себя, как на Богом избранный народ, новый Израиль, которому суждено играть первенствующую роль среди других православных народов, и в этом отношении занять место отживающей... Византии»[1].

В 1453 году Византийская империя пала, в 1480 году Русское государство освободилось от данной зависимости от Орды, а великие князья московские стали все успешнее проводить политику централизации, являясь по сути дела «царями православия». И нет ничего удивительного в том, что псковский монах Филофей в своем послании к великому князю московскому Василию III Ивановичу выдвинул идею «о всемирном» значении Москвы: «Блюди и внемли, благочестивый царю яко вся христианская царства снидошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третий (Москва) стоит, а четвертому не быти»[2].

Русское государство и Русская церковь действительно стали своего рода духовными правопреемниками византийского православия. В 1547 году великий князь московский официально принял титул «цезаря-царя», Московское княжество стало царством, а в 1589 году высший церковный титул патриарха получил митрополит всея Руси. Церковь к середине XVI века превратилась в своего рода государство в государстве. Боярство тоже обособилось в монолитную структуру, крепко связанную обычаем местничества. У царей, которым оба эти государства в государстве мешали проводить политику централизации, положение было непростое.

Противоречия между боярством и царем вылились в начале второй половины XVI века в опричнину. Жестокость Ивана IV Васильевича не была одобрена честными служителями Православной церкви. Грозный царь жестоко расправился с ними. Он же нанес первый серьезный удар по материальному благополучию церкви. Лишить ее всех преимуществ он не смог. Или не успел.

В начале XVII века Православная русская церковь оставалась крупнейшим владельцем земель, богатых и хорошо возделанных. Факты го-

---

[1] *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. Спб.: Кристалл, 1997. С. 195.
[2] *Там же.* С. 195.

ворят о том, что русские монастыри сыграли позитивную роль в борьбе русского народа против интервентов и бунтарей во времена Смуты, но те же факты говорят о том, что церковь в те труднейшие годы не очень-то спешила поддержать финансами борьбу с интервентами. Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский собирали второе ополчение в основном на народные средства, хотя справедливости ради стоит отметить подвиг защитников Троице-Сергиева монастыря, героическая оборона которого сыграла весьма заметную роль в борьбе против интервентов и бунтарей.

Противоречия между церковной и светской властями в начале XVII века еще не вылились в серьезную борьбу, но борьба была неизбежной, и одной из главных побудительных причин, стоит еще раз подчеркнуть, явилась мощь церкви, ее богатство. А их накопление стало возможно потому лишь, что мудрые ханы Орды в XIII — XIV веках, пытаясь расколоть русский народ, предоставили Русской церкви режим наибольшего благоприятствования.

Ход был верный, но цели своей ханы не добились! Русский народ был един, а значит, силен на поле Куликовом, во время похода в Восточную Европу Тамерлана, на рубеже XV — XVI веков, когда великий Бабур, мечтавший повторить воинские подвиги Чингисхана и Хромца Железного, даже не подумал о завоевании Восточной Европы, а двинулся в ослабленную междоусобицей Индию, взял ее, основал династию Великих Моголов.

Русский народ выстоял в тяжкие годы Смутного времени, избрал себе в цари Михаила Федоровича Романова, отец которого вскоре стал патриархом всея Руси. Тем самым Православная русская церковь обрела в лице патриарха отца законного царя!

Иван III Васильевич

(1440 — 1505)

Последние дни вольностей удельных

Иван III Васильевич родился в 1440 году. К этому времени, во-первых, собранный вокруг Москвы русский люд постепенно начал превращаться в народ с общими для всех устремлениями и целями, и народ этот созрел уже для великих дел, для окончательного и бесповоротного утверждения в стране единодержавия; во-вторых, ослабли две другие, совсем недавно мощные политические силы в Восточной Европе; в-третьих, еще не окрепли в достаточной степени (чтобы активно влиять на судьбу Руси) государства, расположенные сразу за пределами Восточной Европы; в-четвертых, ближайшие предки Ивана III подготовили почву для крупных преобразований.

Еще в 1437 году Золотая Орда распалась в очередной раз, и теперь собрать ее в единое государство не смог бы даже самый искусный политик. Под ударами старых и новых врагов ослабла Литва. Крепко помогало Литве Польское королевство, но не всегда великие князья литовские, мечтающие о самостоятельности, были рады этой помощи, а сами поляки чувствовали себя не совсем уютно из-за постоянного натиска с запада — со стороны германских императоров, да и с юга — со стороны венгров и степняков. В Скандинавии в середине XV века стала нарождаться новая сила -- Швеция, пока зависимая от Дании, но сама контролирующая Финляндию. Время Швеции придет чуть позже, в 1523 году, когда она освободится при Густаве I от Дании, но уже во время правления Ивана III она оказывала заметное влияние на ход дел в Прибалтийском регионе. На востоке от Москвы в сороковых годах XV столетия после распада Золотой Орды было создано Казанское ханство — не очень сильное, но молодое и дерзкое. Сама Золотая Орда контролировала теперь незначительные территории в низовьях Дона и Волги. В середине этого века за Черным морем быстро окрепли турки-османы. В 1453 году они сокрушат одряхлевшую Византийскую империю, захватят Константинополь, продолжат завоевания на Балканах, в других точках Евразии, но до Восточной Европы они доберутся еще не скоро, а значит, не смогут помешать Ивану III вести здесь свои дипломатические игры, от результата которых во многом зависел успех всего дела русских.



Как же распорядился этим политическим наследством Иван III Васильевич, который в 1462 году представлял собой уже опытного политика и военачальника, хотя историки оценивают его деятельность по-разному?

«Историки смотрят на него различно. Соловьев говорит, что только счастливое положение Ивана III после целого ряда умных предшественников дало ему возможность смело вести обширные предприятия. Костомаров судит Ивана еще строже: он отрицает в нем всякие политические способности, отрицает в нем и человеческие достоинства. Карамзин же оценивает деятельность Ивана III совсем иначе: не сочувствуя насильственному характеру преобразований Петра, он ставит Ивана III выше даже Петра Великого. Гораздо справедливее и спокойнее относится к Ивану III Бестужев-Рюмин. Он говорит, что хотя и многое было сделано предшественниками Ивана и что поэтому Ивану легче было работать, тем не менее он велик потому, что умел завершить старые задачи и поставил новые»[1].

Поначалу он действовал осторожно, хотя уже первые его самостоятельные шаги могли подсказать даже очень равнодушному к политике человеку, что Иван III Васильевич будет продолжать политику Даниила Александровича — Ивана Калиты — Дмитрия Ивановича — Василия Темного, то есть политику Москвы.

В 1463 году он, используя дипломатический дар дьяка Алексея Полуэктова, присоединил к Московскому государству город Ярославль. Сделать это было совсем не трудно. Ярославские князья практически не оказали никакого сопротивления. Начинал Иван III с самого легкого. В том же году, уже хорошо представляя себе внутреннюю политику основных своих соперников и, главное, очередность, в которой они будут выходить с ним на бой, он заключил с сильным князем тверским мир, затем женил князя рязанского на своей дочери, признал его самостоятельным князем. Так ведут себя опытные поединщики, когда судьба выводит их на поле боя сразу с несколькими противниками. Нейтрализуя с помощью всевозможных маневров самых сильных из них, они наносят удары по слабым, выводят их из смертельной игры по очереди. Конечно

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 175 — 176.

же, выиграть такой бой могут только исключительно одаренные поединщики, прекрасно чувствующие расклад сил в каждый момент, усыпляя сильного, убивая слабого, держа в нервном напряжении равного. Сложное искусство! Иван III Васильевич владел им в совершенстве.

«В лета пылкого юношества он изъявлял осторожность, свойственную умам зрелым, опытным, а ему природную; ни в начале, ни после не любил дерзкой отважности; ждал случая, избирал время; не быстро устремлялся к цели, но двигался к ней размеренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности и несправедливости, уважая общее мнение и правила века. Назначенный Судьбою восстановить единодержавие в России, он не вдруг предпринял сие великое дело и не считал всех средств дозволенными»[1].

В 1463 — 1464 годах он, «проявив уважение к старине», дал Пскову того наместника, которого хотели горожане, обиженные действиями ставленника Москвы. Но когда, возгордившись, они захотели получить большее, то есть «отложиться» от новгородского владыки и создать свою самостоятельную епископию, Иван III неожиданно проявил жесткость, не пошел на поводу у расхрабрившихся псковичей, повелел, «уважая старину», оставить все как было. Слишком много самостоятельности давать Пскову не стоило. И старина тут ни при чем. Тут под боком Ливонский орден, Литва, Дания, ганзейские купцы, шведы... Самостоятельность и тяга людей к ней похвальны, но только не в приграничных землях и не в такой стране, которая выруливает по дороге истории на колею единодержавия. Иван III очень тонко чувствовал возможности, способы и средства достижения каких-либо целей, плюсы и минусы единодержавия. Новгородцы, обрадованные решением великого князя, попросили у него войско для наказания псковичей. Иван III отругал их за эту инициативу, чем показал, что подобные вопросы в централизованном государстве решает монарх, на то он и существует.

В 1467 году на Русь опять наведалась чума. Народ встретил ее «с унынием и страхом». Устали люди от этой коварной напасти. Народу она погубила великое множество — более 250 тысяч человек. Но сокрушался князь московский не только из-за повального мора: в тот год внезапно умерла любимая жена Ивана III — великая княгиня Мария. Если верить источникам, ее погубила не чума, а яд. Современники считали, что княгиню отравили (тело несчастной невероятно раздуло под действием яда). Сын Василия Темного очень переживал. Он хоть и не поверил, что было совершено отравление супруги, но от этого ему легче не стало.

А тут еще проявил характер митрополит Феодосий. Не нравилось ему, как повредились нравы в монастырях, как вели себя в них монахи. Он боролся с растлением нравов как мог: «Еженедельно собирал он священнослужителей, учил, вдовых постригал в монахи, распутных лишал сана и наказывал без милосердия. Следствием было то, что многие церкви

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. V — VIII. Калуга: Золотая аллея, 1995. С. 176.

опустели без священников». На Феодосия возроптали священнослужители и верующие. Он прекратил борьбу, ушел в Чудовский монастырь, взял к себе в келью прокаженного и ухаживал за ним до последних дней своей жизни. Феодосий ежедневно снимал с прокаженного струпья и, видимо, думал, что тем самым он снимает с людских душ их заблуждения и грехи.

Этот молчаливый бунт, этот своеобразный уход «в пустыню», свойственный, впрочем, правдо- и богоискателям разных эпох и народов, на жизнь страны и Москвы не оказал заметного влияния. Но один прокаженный брат во Христе не остался без помощи, а это и есть самый большой подвиг — возлюбить не человечество вообще, а одного несчастного в отдельности. А на Москве все осталось по-прежнему: народ пребывал в унынии и страхе, росло количество монастырей, Иван III искал способ расшевелить не равнодушных к жизни людей, но несчастиями придавленных, вернуть им волю к жизни. И такой способ нашелся. Он организовал осенью 1467 года поход крупного войска на Казань. Поход прошел неудачно: сказалось то, что русские люди давненько в крупные походы не хаживали. Казанский хан Ибрагим тоже послал свой отряд на Русь, но Иван III, догадавшись о предстоящем ходе хана, укрепил пограничные русские города дружинами.

Через несколько месяцев, уже в 1468 году, великий князь московский снаряжает сразу три похода на восток. Одна дружина во главе с Семеном Романовичем прошла по Черемисской земле (Вятская область и часть современного Татарстана), прорвалась сквозь густые таежные леса, уже покрытые снегом, в богатую землю черемисов и занялась грабежом. Другая дружина — Ивана Стриги-Оболенского — выполняла задачу поскромнее: она отогнала казанцев, вторгшихся в Костромскую землю. Третья — Даниила Холмского — разгромила отряд налетчиков под Муромом. Затем отряды нижегородцев и муромцев сами отправились в Казанское ханство, пограбили там местное население, напустили страху.

Все эти набеги представляли собой своего рода разведку боем. В конце концов Иван III подготовил крупное войско и во главе его сам отправился на Казань. Но в это время в Москву прибыл посол из Литвы, и великий князь вынужден был вернуться в столицу на переговоры.

А войско Ивана III, в 1469 году подступившее к столице ханства, выглядело так внушительно, что Ибрагим был вынужден признать поражение и «заключить мир на всей воле государя Московского». Русские взяли огромный выкуп и, главное, вернули на родину всех пленных, которых казанцы захватили в войнах за предыдущие сорок лет.

Это был первый крупный успех великого князя, успех, стратегически очень важный: он порадовал русских людей победой, возвращением пленных домой, снял с москвичей оковы безысходности, «уныния и страха», вселил уверенность в своих силах, он должен был многому научить недругов и врагов Ивана III, который проявил в войне с Ибрагимом незаурядное терпение, талант организатора, волю и упорство.

Иван III Васильевич не успел порадоваться победе, как из Новгорода пришли невеселые слухи о слишком вольных настроениях в городе. Вольница, вече, гордость, желание жить по старине, по законам пред-

ков... Шестьсот лет Новгород, являясь неотъемлемой частью Русской земли, жил по своим внутренним законам, по законам вечевой республики, в которой сохранилось многое от тех далеких времен, когда, по словам Прокопия из Кесарии, племена славян и антов жили в народоправстве (демократии), где счастье и несчастье было делом общим. Знаменитый византийский историк жил в VI веке. Описывая быт народов Восточной Европы в книге «Война с готами», он сообщал, что эти племена (славяне и анты) выбирали на вече вождей, могли в любое время вновь собраться и скинуть вождя, проштрафившегося, неугодившего чем-нибудь людям крикливым, авторитетным. Подобная практика бытовала в Новгороде и после пришествия на Русь варягов. Даже они, славившиеся упрямством и упорством в достижении своих целей, не решились отменить вече в Новгороде. Впрочем, надо напомнить, что тинги в Скандинавских странах очень напоминали по своей сути вече славянских народов, отличаясь, пожалуй, лишь некоторой аристократичностью и организованностью.

Новгородцы по праву гордились своей вольницей и своими древними обычаями. Судьба долгое время хранила город и его вечевые устои. Ни сильные князья Киевской Руси, ни хаос великой распри, ни жестокая данная зависимость от Орды, ни нашествия чумы, ни частые в этих краях голодные годы не могли изменить отношение новгородцев к вечевому строю, к самой сути своей жизни. И вдруг явился на свет Божий град Москва, стал собирать вокруг себя земли, княжества, менять в корне самою жизнь, устанавливать ненавистное новгородцам единодержавие — разве могли вечные поклонники вече с этим смириться?!

Дело в Новгороде на этот раз в свои руки взяла женщина — вдова посадника Исаака Борецкого Марфа. Марфа обладала ораторским даром и талантом организатора, способна была заставить знать слушать себя. О ее богатстве тоже ходили легенды, как и о ее скупости. Приведем здесь эпизод «знакомства» Марфы и монаха Зосимы, свидетельствующий о ее феноменальной жадности. Зосима жил в селении Толвуй, что на берегу Онежского озера. Судьба долгое время благоволила к нему. У него были богатые родители, они ни в чем не отказывали любимому сыну. Но в один несчастный день оба они умерли, оставив Зосиме богатейшее наследство. Он распорядился им так же, как распоряжались деньгами, не заработанными своим трудом, только самые великие люди: он раздал деньги нищим и отправился на поиски старца Германа. Нашел он его в глухом лесу и уговорил перебраться с ним на Соловецкий остров, чтобы основать новый монастырь. Человеком он был энергичным, деятельным, слов на ветер не бросал. Вскоре на острове была сооружена церковь Преображения, затем общежитие для монахов и церковь Успения.

Когда жизнь в труднейших условиях Севера наладилась, сюда все чаще стали наведываться местные рыболовы, а также послы богатых новгородцев, считавших остров своей землей. Начались утомительные для монахов прения. Знаменитые новгородцы не хотели отдавать обихоженную монахами землю. Особенно трудно было разговаривать с послами Марфы Борецкой. Они гордо повторяли: «Это наш остров! Вы не будете здесь жить».

Зосима решил договориться непосредственно с Марфой, прибыл со своими учениками в Новгород, явился к посаднице. Гордая, жадная и поэтому недальновидная боярыня прогнала монахов со двора. Зосима сказал в сердцах своим ученикам: «Вот наступят дни, когда на этом дворе исчезнет след жителей его, и будет двор этот пуст».

Игумен Соловецкого монастыря обратился к архиепископу Ионе и к правительству Новгорода. Те отнеслись к нему с уважением. Он получил от владыки, посадника, тысяцкого и пяти концов Великого Новгорода жалованную грамоту на весь остров «за осьмью свинцовыми печатями». Бояре пожаловали Соловкам значительную сумму.

Марфа поняла, что из-за своей гордыни, из-за своей жадности осталась одна, а это никак не входило в ее планы. Она пригласила Зосиму и его учеников на пир. Игумен принял приглашение, простил боярыне все, благословил ее и детей ее. Пир был знатным и веселым. Но вдруг, как гласят легенды, Зосима заплакал. Его рыдания испугали Марфу. С трудом игумен взял себя в руки. После пира потрясенная Марфа вновь испросила у него прощения, и он вновь благословил ее.

Когда монахи покинули двор Борецкой, ученик Даниил спросил у игумена:

— Отче, почему ты плакал, глядя на бояр?

Зосима тихо молвил в ответ:

— Я видел шестерых бояр без головы.

— Это только видение, ты утомился, — пытался успокоить игумена добрый ученик.

— Все так и будет, — сказал Зосима и добавил: — Но ты держи это при себе, — и умолк.

Существуют и иные, более благожелательные по отношению к Марфе, версии этой встречи. Но приведенная легенда говорит еще и о том, что Марфа, задумав крупное дело, не пренебрегала союзом ни с боярами, ни со священнослужителями. А дело она задумала чрезвычайно серьезное — не зря мы отличию Новгорода от Москвы посвятили столько места в нашей книге. Собирая на пиры знать, Марфа по-женски яростно ругала Ивана III Васильевича, выясняя попутно отношение к нему своих гостей. Она мечтала о свободном Новгороде, о вече, и многие бояре и купцы с ней соглашались, не зная, правда, как противостоять сильной, с каждым годом крепнущей Москве. Марфа знала. Она наводила дипломатические мосты с Литвой, мечтала выйти замуж за какого-нибудь знатного литовца, может быть, даже за князя, а потом оторвать с помощью западного соседа Новгород от Москвы... Если вспомнить долгую историю этого города, то можно сказать, что ничего сверхъестественно нового по отношению к Москве Марфа не предлагала: не один раз новгородцы угрожали русским князьям связать себя союзными узами с западными противниками Москвы. С этим сталкивались и Василий Темный, и Василий Дмитриевич, и другие русские князья. Почему же Зосиме привиделся столь печальный конец Марфы Борецкой, поддержавших ее бояр и самого Господина Великого Новгорода? Потому, что игумен Соловецкого монастыря угадал, как сказали бы сейчас, требование времени, а оно было не только против вечевого строя, но и против удельной системы.

Иван III Васильевич, зная о деятельности Марфы Борецкой, долгое время проявлял завидное хладнокровие. Новгородцы осмелели настолько, что «захватили многие доходы, земли и воды княжеские; взяли с жителей присягу только именем Новгорода; презирали Иоанновых наместников и послов; властью веча брали знатных людей под стражу на Городище, месте, не подлежащем управе; делали обиды москвитянам». Казалось, пора приструнить зарвавшихся бояр. Но Иван III Васильевич лишь сказал чиновнику Новгорода, явившемуся в Москву по своим делам: «Скажи новгородцам, моей отчине, чтобы они, признав вину свою, исправились; в земли и воды мои не вступалися, имя мое держали честно и грозно по старине, исполняя обет крестный, если хотят от меня покровительства и милости; скажи, что терпению бывает конец и что мое не продолжится»[1].

Великий князь поступил в данном случае как опытный боксер, вышедший на ринг с очень серьезным противником: он притворился на время слабым, даже испуганным.

Чиновник выслушал сию речь и передал ее согражданам. Можно себе представить, как отнеслись к этим словам вольнолюбцы! Они, естественно, посмеялись над ними и над Иваном III. Новгородцы не ожидали подвоха, а Марфа Борецкая настолько уверовала в победу, что даже отправила своих собственных сыновей на вече, чтобы заручиться поддержкой общественного мнения. А поддержка была необходима: народ пока не проявлял явных симпатий к ее планам, скорее наоборот, поддерживал политику Москвы. Марфа сделала ставку на вече, и расчет ее оправдался! Горластые сыновья посадницы были в мать: неплохие ораторы, они осыпали словесной грязью московского князя и московскую политику, говорили страстно, убедительно, закончив речь на вече яростным призывом: «Не хотим Ивана! Да здравствует Казимир!» А им в ответ, будто эхо, ответили возбужденные голоса: «Да исчезнет Москва».

Кое-кто, вероятно, на вече и остался верен Москве, но кто — сие никому не известно. А вот решение вече известным стало: отправить в Литву посольство и просить Казимира быть повелителем Господина Великого Новгорода. Повелителем Господина!

Иван III Васильевич и в этой ситуации не сплоховал. Готовясь к решительным боевым действиям против сторонников Борецкой, собирая войска всех своих союзников, в том числе и псковичан, он посылает в город чиновника Ивана Федоровича Товаркова, и тот зачитывает горожанам воззвание, мало чем отличающееся от того, что говорил недавно сам великий князь новгородскому чиновнику. Эту медлительность некоторые историки называют нерешительностью, но уж слишком показной она была, чтобы свидетельствовать о действительном отсутствии решительности. Просто князь Иван III дал Новгороду шанс опомниться, одуматься, все взвесить и не вступать в унизительный союз с Литвой. Решительной чрезмерно и недальновидной в своей прыти была Марфа. Решительность ее и погубила.

---

[1] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 184.

Товарков, вернувшийся в Москву, поведал великому князю о том, что в Новгороде не внемлют, не слышат, упорствуют в отступничестве, что только «меч может смирить новгородцев». А Иван III все медлил. Предвидел князь, что будет пролито много крови соотечественников, что много горя испытают новгородцы, и хотел (и это желание вполне понятно) поделить бремя ответственности за разрешение распри с мятежными новгородцами со всеми, на кого он опирался в своей политике: с матерью и митрополитом, братьями и архиепископами, с князьями и боярами, с воеводами и даже с простолюдинами. Он собрал Думу, доложил об измене новгородцев и услышал единогласное: «Возьми оружие в руки!» После этого Иван III медлить больше не стал, действовал хотя и осторожно, но точно и взвешенно, а взвесив все и собрав почти всех русских князей, включая князя тверского Михаила, послал Новгороду складную грамоту с объявлением республике войны.

И в то же лето огромная армия двинулась к Новгородской земле. Республиканцы такого оборота дела не ожидали, ведь в Новгородской земле, где много озер, болот, рек и речушек, летом воевать сложно. Неожиданное наступление ратей московских озадачило сторонников Марфы Борецкой и короля Казимира.

Войско Ивана III быстро продвигалось по Новгородской земле несколькими колоннами. Псковская дружина захватила Вышгород. Даниил Холмский взял и сжег Русу. Новгородцы поняли, в какую попали беду, заговорили о мире или хотя бы о перемирии. Но Марфа Борецкая была настолько невысокого мнения о князе московском, что убедила сограждан в быстрой победе над нерешительным Иваном. Война продолжалась. Холмский разгромил под Коростыней, между Ильменем и Русою, внезапно напавшее на него войско новгородцев, состоявшее из ремесленного люда. Много ополченцев попало в плен. Победители, озверевшие от удачи, отрезали несчастным носы и губы и отправили их в Новгород. Идеологическая подготовка к этой войне в стане сторонников Москвы была проведена отменная: воины брезговали брать даже вооружение и обмундирование плененных новгородцев — изменников!

Иван III, развивая успех, приказал князю Холмскому подойти к Шелони, и 14 июля здесь состоялась решительная битва. С криком «Москва!» бросились в бой воины великого князя. Они выиграли сражение и беспощадно расправились с побежденными.

Дружины Холмского и Верейского еще несколько дней грабили Новгородскую землю, а Иван III тем временем распоряжался судьбой пленников: кому-то из них, в том числе и сыну Борецкой Дмитрию, отрубили головы, кого-то посадили в темницы, кого-то отпустили в Новгород. В те же дни московское войско овладело Двинской землей, жители которой присягнули Ивану III Васильевичу.

Одержанная в войне против Новгорода победа, однако, не вскружила великому князю голову. Договор о мире, отраженный в нескольких грамотах, казалось, не соответствовал военным успехам Москвы. Но князь, желающий называться самодержцем всей Руси, и не должен

был наказывать чрезмерно чад своих заблудших, а лишь должен был приструнить их, чтобы научились свои интересы соизмерять с интересами общими. Иван III не упомянул в договоре ни словом Марфу Борецкую, он как бы простил слабой женщине ее проступок. Но в этой рыцарственности не было мягкотелости, неуверенности или осторожности на случай повторения подобных событий в будущем. Это был признак того, что сила Москвы уже неодолима, только всему свое время. В Шелонском договоре, например, Пермь была включена в состав Новгородской земли. Иван смирился с этим, хотя московские князья давно мечтали о богатых приуральских землях. Не прошло и нескольких месяцев, как прибывшие с Урала в Москву люди попросили помощи у князя, защиты от притеснений, чинимых жителями Перми. Иван тут же отправил на обидчиков войско. Федор Пестрый, возглавивший дружину, разгромил в битве при городе Искора пермскую рать, затем устроил рейд по окрестностям, пленил много воевод, и в конце концов в 1472 году Пермь присягнула Ивану III.

В том же году в Русскую землю вторгся с крупным войском хан Золотой Орды Ахмат. Московское войско не пустило его дальше Оки. Очень недовольный и злой, Ахмат отступил, но воевать с Русью не раздумал. Через восемь лет он вернется сюда и вновь встретится с войском Ивана III.

* * *

Теперь попробуем выяснить, что было характерно для первого десятилетия правления Ивана III. Обратим внимание на события, мимо которых проходят, как правило, москволюбы, да и москвоведы тоже.

15 июля 1464 года на Фроловской (Спасской) башне Московского Кремля появилась великолепная, сработанная из белого камня скульптура святого Георгия, появилась вопреки христианским канонам, не поощрявшим сотворение идолов. До середины XV века в Москве, пожалуй, не было ни одной статуи. Разрешение Церкви на скульптурное изображение святого Георгия объяснить можно лишь обширными контактами Руси с Западом, где скульптура стала частью храмового искусства.

Но почему именно он стал изображаться впоследствии на гербе столицы? Не ответить на этот вопрос — значит, не понять московский характер, московскую душу, Москву-народ.

Святой Георгий близок сердцу многих христианских народов Восточной Европы. Его знали и почитали еще до принятия Русью христианства; проник он сюда вместе с преданиями христианских миссионеров и полюбился обитателям Приднепровья за свою земледельческую сущность: ключом родники отворял, поля охранял, колодцы берег, стада пас, а воевать придется — землю защищал.

Русские князья благоговейно относились к нему, давали сыновьям его имя — оно стало популярным на Руси. Ярослав Мудрый при крещении сам принял имя Георгий. Еще в 1030 году Ярослав построил в честь святого город Юрьев, а через семь лет основал в Киеве Георгиевский монастырь, возвел храм напротив «ворот собора Святой Софии». Глубоко

символична дата освящения первого на Руси храма Святого Георгия: 26 ноября 1051 года. Задолго до принятия христианства в этот день земледельцы праздновали окончание осенних полевых работ, и Ярослав Мудрый недаром приурочил освящение храма к столь желанному для сельскохозяйственного труженика дню.

26 ноября стал одним из самых радостных праздников на Руси. Юрьев день — день осеннего Георгия. А главный день святого в средней полосе Восточной Европы, в частности в Московской земле, отмечается 23 апреля (6 мая по новому стилю), перед началом полевых работ. В этот день, согласно легенде, Георгий был казнен.

Со второй половины XI века, когда увеличился приток бродников в междуречье Оки и Волги, и вплоть до Куликовской битвы город Москва, Москва-народ и святой Георгий существовали словно бы порознь. Москва делала первые шаги в истории и вряд ли осознавала свое предназначение. Это осознание пришло после великой победы на поле Куликовом. Недавно ученые нашли печать Дмитрия Донского с изображением всадника с копьем, поражающего змея. Великий князь московский и владимирский имел право скреплять документы такой печатью.

Но Москву и образ святого Георгия уже на рубеже XIV — XV веков слило воедино нечто более существенное, более великое, нежели воинские победы. Юноша Георгиос, согласно легендам, был родом из знатной семьи. Москву основал знатный князь из рода Рюриковичей Георгий Владимирович. Георгиос совершил много воинских подвигов, и Москва, совсем еще юная, одержала много побед. За главный свой подвиг юноша Георгиос принял мученическую смерть, и Москва чуть не погибла во время нашествия Тохтамыша. Георгиос, проповедуя христианство, примирил разные народы, крестил языческого царя, и Москва, куда перемещался в XIV — XV веках центр православия, несла свет христианской надежды и терпимости племенам и народам словом и примером. Но полюбили святого Георгия главным образом потому, что охранял он тружеников, их поля, их дома и скот, и Москва тоже еще до Ивана Калиты принимала, поощряла людей труда, давала им возможность мирно работать, охраняла, когда опасность нависала над ними.

В середине XV века перед московскими князьями стояла одна немаловажная проблема. Воевать им приходилось очень часто: и внутри своих владений, и за их пределами. Это отнимало много сил и у простого народа, и у бояр, и у князей да воевод. Чем же можно было восполнить физические и моральные потери? Как ободрить матерей, отдающих год за годом своих сыновей в дружины? «А никак! — воскликнет не приученный думать человек. — Чернь никогда и никто не спрашивал, много чести. Приходили воеводы в селения, набирали молодцев покрепче...» Э-э, нет! Подобное агрессивное и примитивное поведение в своей собственной отчине никакому владыке не гарантировало успеха на длительный срок. Великим князьям в XV столетии приходилось выискивать любые средства и способы выживания во враждебном окружении: военные, дипломатические и моральные. В то время, когда, как в соседних странах, например, не существовало еще обычая награждать знаками

отличия всех воинов за победы и успешные походы, московские князья стали делать это массово. Награждали, конечно, по-разному: знатному воеводе могли вручить большую золотую медаль (а точнее, знак отличия) на увесистой золотой цепи, простые дружинники получали медали поменьше, часто из позолоченного серебра. Но так уж устроен человек — ему приятно быть замеченным, отмеченным, приятно получать заслуженные награды. Московские князья, начиная, по-видимому, с Ивана III, потребность человека в признании и поощрении верно использовали для поднятия духа в народе служилом.

О том, как выглядели знаки отличия в XV веке, пока точно неизвестно, но в XVI веке сын Ивана Грозного Федор Иванович награждал отличившихся (по свидетельству англичанина Д. Флетчера) медалью с изображением святого Георгия на коне. Того самого святого, которому пели русские люди, выходившие 23 апреля на поля:

Егорий ты наш, храбрый.
Ты спаси нашу скотинку,
В поле и за полем,
В лесу и за лесом...

Великолепный тактический ход нашли те, кто предложил чеканить на боевых наградах изображение мирного по сути своей святого: заступника, помощника в трудном крестьянском деле. С Егорием-то на шляпе (или на рукаве) никакой ворог не страшен.

И скульптура святого Георгия на Фроловской башне появилась не случайно. Государству со столицей в Москве, и самой столице, и людям нужна была своя символика. В 1466 году на той же башне, но с внутренней стороны Кремля, была поставлена еще одна белокаменная статуя — Дмитрия Солунского. Этот святой великомученик так же, как святой Георгий, пострадал во времена императора Диоклетиана. В старинных русских стихах его называют помощником русских воинов в борьбе против темника Мамая. Славянские народы с древних времен чествовали святого Дмитрия Солунского, а сербы и болгары называли его патроном славянской нации, «отечестволюбцем». В 1197 году из греческого города Фессалоники (Солунь) великий князь Всеволод Юрьевич принес икону Святого Дмитрия, написанную, согласно легенде, на гробовой доске великомученика. Икона находилась в Киеве, затем ее перевезли во Владимир, а в 1380 году она была перенесена в Москву и поставлена в Успенском соборе. Многие русские князья в знак особого почтения давали своим первенцам имя Дмитрий. Уже сказанного вполне достаточно для понимания того, насколько был почитаем этот святой, между прочим, современник и соотечественник святого Георгия.

Хотя святость и соперничество несовместимы, но почитатели — люди обыкновенные, со слабостями, и поэтому обе скульптуры установили на Фроловской башне практически одновременно, и не зря! По-прежнему почитая Дмитрия Солунского великомученика, жители Москвы уже в середине XV века относились к святому Георгию великомученику с каким-то трепетным, сложным чувством, в котором соединились уважение и надежда, сострадание и вера, а также тихая гордость и невоин-

ственная радость человека-труженика за победившего зло не копьем — оно-то атрибут аллегорический, не злом — одной внутренней силой, которую вселяет в доброго человека сам Господь, о чем свидетельствует нимб над головой святого. И потому великомученик, за добро пострадавший, признан Победоносцем.

Скульптура святого Дмитрия Солунского вскоре погибла при невыясненных обстоятельствах, и святой Георгий остался один на Фроловской башне. Он встречал и провожал своим спокойным взглядом гостей быстро развивающейся столицы, воинов, друзей и врагов, он видел кровь, в том числе и кровь русских людей, погибающих от рук русских же людей, и было в его взгляде нечто вечное, вневременное, была грустная мудрость веков. Следует напомнить, что еще в IV веке до н. э. в эллинистическом мире существовали надгробия с объемными изображениями всадников, например надгробие военачальника Дексилея, барельеф на котором очень напоминает изображение Георгия на Фроловской башне. Разница лишь в том, что древний воин — воин настоящий и заносит копье над побежденным им человеком. Георгий же — воин небесный, и занес копье он над символом зла — химерой, сотворенной непросветленным сознанием человека.

Статуя Георгия на Фроловской башне была не первым произведением искусства в честь этого великомученика. Уже в 1462 году, а по некоторым данным — еще в конце XIV века, неподалеку от Кремля, в местечке, чуть позже названном Псковской горкой, на улице Варварке, стояла церковь Покрова Божьей Матери, ее москвичи прозвали по названию придела церковью Георгия Великомученика-страстотерпца.

«Известна каменной с 1462 года» другая церковь Георгия Великомученика — на Большой Дмитровке. В начале XIV века в старой Дмитровской слободе начала селиться знать. Вскоре уютный склон покатого холма занял Юрий Захарьевич Кошкин-Кобылин, дядя царицы Анастасии Романовны... Но это уже из другого времени, о котором речь пойдет позже.

С 1460-х годов известна церковь Георгия Великомученика, что в Старых Лучниках. В те времена здесь было урочище Лучники, обитатели которого, по одним сведениям, делали боевые луки, а по другим — продавали лук. Сюда, на лужки, москвичи выгоняли коров, и место это вплоть до XVII века называлось старой коровьей площадкой. Буренкам здесь было хорошо вдвойне, потому что лужки находились рядом с церковью Егория в Лужках, а он издавна считался на Руси покровителем домашнего скота. Таким был путь святого Георгия к сердцу москвичей и в герб Москвы.

Свадьба

Важный период в жизни Ивана III закончился радостным событием — свадьбой. Его женой стала племянница последнего византийского императора Константина Палеолога София.

Византия пала, когда в 1453 году турки взяли Константинополь. Константин Палеолог погиб, защищая столицу уже разрушенной державы. Его братья, Дмитрий и Фома, некоторое время правили Пелопонне-

сом, не имея никакой надежды закрепиться на этом славном полуострове. Братья, воюя друг с другом, вконец ослабели, и турки без труда взяли и Пелопоннес. Султан Магомет II человеком был мудрым, понимал, что надежность создаваемого османами государства будет во многом зависеть от взаимоотношений между побежденными и победителями. Он предложил братьям Константина Палеолога служить ему. Дмитрий охотно согласился, отдал свою дочь в жены Магомету II, получил в награду за это небольшой, но доходный городок и жил там не то чтобы припеваючи, но спокойно.

Фома пошел другим путем. Со всей семьей, со свитой, с драгоценностями и последними богатствами империи, а также со святынями Православной церкви он явился к папе римскому Пию II, получил от него ежемесячное жалованье, довольно неплохое, жил безбедно.

Умер Фома в Риме, оставив сыновей Андрея, Мануила и дочь Софию на попечение нового папы римского Павла II. Сыновья, получая стабильное жалованье, жили в свое удовольствие, как беспечные богатые наследники.

Горевала в Риме лишь София. Ей пора было выходить замуж, но достойного супруга во всей Европе найти она не могла. Упрямая была невеста. Православная. Не пошла она замуж за короля французского, отказала герцогу миланскому, проявив тем самым удивительную для ее-то положения неприязнь к католикам.

Папа римский Павел II, озадаченный таким поведением Софии, но искренне желающий ей счастья, упорно продолжал поиск женихов. От католических мужей ему пришлось отказаться, но среди православных претендентов было не так много правителей столь высокого ранга. Все-таки племянница последнего императора Византийской империи.

Однажды кардинал Виссарион, родом из Греции, посоветовал папе римскому обратить внимание на великого князя всея Руси Ивана III Васильевича. Павел II тут же понял, какую огромную выгоду может получить в результате Римская церковь, и предложил царевне бывшей империи нового жениха.

София быстро согласилась, чем несказанно порадовала и удивила многих. О далекой Руси, уже более двухсот лет платившей дань Орде, в Западной Европе, переживающей во второй половине XV века волну очередного подъема в экономике и в культурной жизни, стали забывать. Но мудрые люди, каким, несомненно, являлся Павел II, никогда не забывали о несметных богатствах, о великой силе духа восточноевропейских народов и племен. Римский папа надеялся с помощью Софии воздействовать на русских упрямцев, убедить их подчиниться Римской католической церкви.

Сватовство прошло удачно, и эту удачу вполне можно отнести к выдающимся успехам московской дипломатии, делавшей при Иване III первые шаги. Павлу II хотелось присоединить, подчинить Риму Русскую православную церковь. Да, его могли подкупить обещания послов великого князя оказать Западной Европе помощь в борьбе с султанами. Да, прав был венгерский король, отказавшийся от заманчивой идеи нанять для войны с османами Орду, которая могла бы, почувствовав вкус побед,

ударить и по европейским странам, повторив подвиги Аттилы. Да, ситуация в XV веке была сложнейшей в связи с крушением христианской державы и вторжением в Европу иноверцев. Но для католического мира усиление православной Руси тоже представляло серьезную опасность. София могла эту опасность нейтрализовать. В конце концов красивая мудрая женщина могла и влюбить в себя Ивана III, и руководить им, влюбленным. Так или иначе, но сватовство состоялось, и 24 июня 1472 года невеста с огромной свитой отправилась из Рима в Любек, оттуда морем она добралась до Ревеля. Встречали там ее очень хорошо. Ливонские рыцари десять дней угощали ее разными яствами, а уж в Псковской земле готовились к встрече невесты, как к Светлому дню, к великому празднику Пасхи.

Павел II послал с Софией легата Антония, гордого человека. Перед ним всегда носили латинский крест — крыж. В Пскове этот священнослужитель, войдя в Соборную церковь, даже не удосужился поклониться святым иконам! Лишь после того, как его одернула София, он приложился к иконе Богоматери.

Ропот пошел среди народа русского. Кого же везут великому князю? Как поступит он с римским легатом? Иван III Васильевич ждал невесту с нетерпением. Несколько месяцев назад римские послы показали ему изображение Софии, и он побыстрее хотел увидеть воочию эту красивую женщину, свою невесту. Но свита племянницы Константина Палеолога медленно приближалась к Москве, слухи достигали столицы гораздо быстрее. И великий князь волновался: как поступить с римским легатом, перед которым везде и всюду носили крыж?

Русский посол Иван Фрязин советовал Ивану уважить папу римского и разрешить легату войти по своему обычаю в Москву, в Кремль, пусть несет впереди себя крест латинян. Но многие бояре и священнослужители побаивались, как бы сей акт не возмутил народ православный. Запутавшись в дипломатических трех соснах, великий князь явился к митрополиту Филиппу и спросил: как же ему поступить? Владыка твердо сказал ему: «Если ты разрешишь легату войти во врата с латинским крестом впереди, то я уйду из города в другие врата. Чтить веру чуждую есть унижать собственную».

Иван III Васильевич после этого урока повелел боярину Федору Давыдовичу отправиться навстречу легату и объявить ему о воле государя Московского и митрополита всея Руси, а если гость будет упорствовать, то, как говорят некоторые летописцы, приказал великий князь взять силой римский крыж и положить оный в сани, что боярин и сделал впоследствии не задумываясь.

Царевна София прибыла с папским легатом в Москву 12 ноября. Иван III Васильевич встретил гостей хорошо, и тут же, не мешкая, благо 14 ноября начинался Филиппов пост, состоялись обручение и накануне поста — 13 ноября — бракосочетание Софии и Ивана III в деревянной церкви, построенной в центре возводимого уже в Кремле нового Успенского собора.

Это бракосочетание сыграло свою знаменательную роль в истории Руси. Оно сблизило Москву с Римом, не до такой, правда, степени, о

которой мечтал Павел II, отношения с многими странами Запада у Руси стали лучше и, если так можно сказать, насыщеннее. Брак этот почти исключил возможность налаживания связей между Русским государством и Османской империей, хотя в XV веке это не очень было заметно; не сделал Русскую православную церковь придатком Римской католической, но, поскольку обе они были христианскими, и не ослабил последнюю, а лишь подчеркнул сходство двух церквей.

Брак Ивана и Софии был прежде всего политическим, и повелитель Московского государства делал все, чтобы получить из этого наибольшую выгоду для страны, но... относился он к супруге, волевой и неглупой, с уважением, даже, может быть, и с любовью.

Было ли иго?

Осенью 1471 года митрополит Филипп повелел готовить камень на строительство в Кремле нового Успенского собора взамен обветшавшего, возведенного еще во времена Ивана Калиты с благословения митрополита Петра. Пока готовился материал, мастера-каменосечцы Ивашка Кривцов и Мышкин ездили во Владимир обмерять знаменитый храм, возведенный еще Андреем Боголюбским и Всеволодом. Затем, уже в начале 1472 года, в апреле они же сделали разметку нового храма, который, по задумке Филиппа, должен был иметь формы владимирского, но по размерам превосходить его в длину, ширину и высоту на полторы сажени, то есть на три с половиной метра. Серьезная задача стояла перед строителями. Взялись они за дело с воодушевлением, выкопали рвы, «набили в их подошву сваи и потом положили основание зданию кладкой»[1]. Вроде бы все грамотно сделали Ивашка Кривцов и Мышкин, но одна незадача случилась с ними и со всеми русскими мастерами-строителями: забыли они напрочь секрет раствора извести, которым скреплялись камни. Раньше-то, во времена Андрея Боголюбского, раствор получался густой, застывая, он становился крепче камня.

Но разве можно было строителям, каменщикам забывать один из главных секретов каменного строительства — секрет раствора?! Что же это за строители такие?

Русские строители! Очень, надо сказать, способные, талантливые люди. Они за трое суток, не на спор, а просто так, по привычке, рубили резные терема неописуемой красоты, они тепло дерева, его возможности, его душевную ценность знали лучше всех в мире. Разве что японские да китайские мастера могли на равных с ними соперничать в искусстве деревянного зодчества. Но давно уже пришло на Русь время камня, кирпича — материала более прочного, хотя и более трудоемкого. Еще со времен Ярослава Мудрого поняли люди ценность этого материала. Время! С XI века стоят на Руси каменные храмы. Около тысячи лет приходят в них люди, приносят сюда свое самое лучшее, самое доброе, а храмы хранят это доброе в себе...

До 1238 года русские люди владели секретом каменного храмостроения. А в 1471 году митрополит Филипп не мог найти на Руси людей,

---

[1] *Забелин И. Е.* История города Москвы. М.: Наука, 1995. С. 113.

сохранивших секрет раствора извести! Жидкую какую-то известь делали Ивашка Кривцов с Мышкиным. Но хоть жидкий, а все же раствор! Надо работать. Отказываться никак нельзя.

К 1474 году «к весне... церковь виделась «чудна вельми и превысока зело», уже была доведена до сводов, которые осталось только замкнуть, чтобы на них соорудить верх большой — среднюю главу»[1]. Ну уж с этой задачей как-нибудь да справились бы русские мастера, если бы их раствор не подвел. Он их подвел и, скажем прямо, вовремя подвел. 20 мая на закате вдруг рухнула северная сторона храма и половина западной стороны.

Какая незадача! Строили-строили, и на тебе — падают стены сами по себе, не дождавшись, пока над ними соорудят верх большой. В чем же дело? Кто виноват в катастрофе?

Кто-то из летописцев сваливает все на землетрясение, которое якобы случилось в тот час. Кто-то упрекает мастеров за то, что они клали стены по старинке (возводился своего рода каркас из внутренних и внешних стенок, между ними укладывались камни, заливаемые раствором). Но этот старинный метод, между прочим, применяется по сию пору в некоторых случаях, и ничего, стоят дома! Некоторые во всем обвиняли высокую лестницу, пристроенную к несчастной северной стороне.

А мастера из Пскова посмотрели на работу своих коллег, похвалили (стены, мол, красивые, гладкие) и принялись ругать раствор. Но когда им предложили возвести знаменитый храм, они наотрез отказались, довольствуясь другими заказами — церквями помельче. Почему? Плохой раствор извести не позволял им соорудить громадный храм? А может быть, что-то более существенное повлияло на их решение? В Пскове и в Новгороде они возводили церкви, красивые, надежные, но не без помощи немцев. Успенский же собор, задуманный митрополитом, был при всей своей внешней простоте сооружением чрезвычайно сложным! Увеличение размера, а значит, и объема здания требовало применения небывалых еще приемов строительства. Тут одними золотыми руками, волей, желанием ничего не сделаешь. Тут нужен был многовековой опыт строительства сооружений таких масштабов.

В конце июля 1474 года Иван III отправил в Венецию Семена Толбузина (первого посла русского происхождения в Западной Европе). Тот справился с заданием и на следующий год вернулся на родину с Аристотелем Фиораванти — знаменитым зодчим, инженером. Он был единственным из многочисленных венецианских мастеров, кто согласился поехать в Восточную Европу учить русских строительному делу и другим премудростям, выпросив себе при этом ежемесячное жалованье в 10 рублей — очень солидное по тем временам.

Семен Толбузин рассказывал об этом человеке были-небылицы. Мол, позвал однажды Аристотель его к себе в гости и показал ему чудо рукотворное. Слуга хозяина дома принес медное блюдо на четырех яблоках, тоже медных и начищенных до блеска. На блюде стоял кувшин, похожий

[1] *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 120.

на умывальник. Аристотель открывал краник, а из него то вода чистая, колодезная лилась, то вино, а то и самый настоящий мед — пей чего хочется душе твоей. Русские-то люди поначалу не верили рассказам Толбузина, но когда Аристотель (по некоторым данным, его звали Муролем) приступил к делу, то даже самые отъявленные неверующие поверили, что этот человек может и кувшин с разными хитростями придумать.

Аристотель-Муроль работал не спеша. Тщательно осмотрел он развалины храма, похвалил каменщиков за гладкость кладки, по примеру псковских мастеров поругал известь, очень «неклеевитую», да и камень признал рыхловатым для такого важного дела. В общем, пожурил он, мягко говоря, русских мастеров, а затем принялся крушить ими возведенные и чудом уцелевшие после «странного землетрясения» стены.

Поставил Аристотель-Муроль около одной стены высокий — из трех сосновых бревен — треножник, повесил на него на канатах дубовую дубину с носом, окованным железом, привязал с другой стороны веревки прочные, и, раскачивая с их помощью дубовую толстую дубину, стали рабочие крушить стены. Эка невидаль! За 25 — 30 веков до рождения Аристотеля-Муроля такими «баранами» пользовались и греки, и римляне, и китайцы, и другие народы. И ордынцы при взятии многих русских городов использовали «бараны». Это русские люди должны были помнить. Забыли напрочь. Ходили они на стройку, как на концерт.

Аристотель уже в начале июня начал копать траншеи под основание храма, после чего соорудил кирпичный заводик неподалеку от Андроникова монастыря. Русские мастера старательно запоминали секреты и новинки итальянского мастера, и дело быстро продвигалось вперед. Он научил их работать с кирпичом, показал, как делается раствор извести, который, если вечером его замесишь, утром тверже камня станет.

Обо всех тонкостях и хитростях этого гения говорить надо в других книгах, но почему так отстали русские от своих европейских соседей?! Почему хоть и не погасла свеча, да нить знаний, навыков мастерства прервалась? Потому что Орда мешала русскому народу жить. Она ворвалась на Русь великим ураганом, смела все подчистую, увела в плен всех мастеров. Ну это бы ладно, подобные ураганы народы не убивают. Но затем Орда на двести с лишним лет нависла густым смогом над Восточной Европой, погрязшей к тому же в феодальных раздорах, измученной чумой. А вот выжить в смоге, сохранив при этом свое лучшее, удавалось далеко не всем оказавшимся в подобном несчастном положении народам. Русские люди чуть было не забыли свой собственный русский вклад в культуру Евразии, и говорить об этом снова и снова нужно хотя бы потому, что нет-нет да и появляются разные теории о благотворном влиянии «ордынского присутствия» в Восточной Европе, о великой пользе этой самой данности, которая — не нашествие Батыя, а именно дань, данность, ярмо на шее — чуть было не превратила русский народ в стадо покорных овец. Ордынская дань столетиями лишала людей — и чернь, и великих князей — жизненного стимула, так необходимого роду человеческому. Она мешала мыслить творчески, всеохватно. Она не позволяла думать о будущем и творить это будущее.

Гнусное и античеловечное состояние — данная зависимость — отбросило русский народ в начало XI века, когда он, очарованный красотой православных храмов, начинал создавать самостоятельно в городах своих и селениях эту неземную красоту. Спустя четыре с половиной века он все начинал сначала, с «барана», разбивающего старые стены. Это тяжелый труд — начинать все сначала.

Иван III Васильевич и митрополит Филипп, как когда-то Калита и Петр, очень вовремя поняли, что волну «уныния и страха» можно сбить радостью творчества, созидательным трудом. Они прекрасно распорядились имеющимися у них средствами, когда не пожалели денег на зарубежных мастеров. Вместе с величественным Успенским собором росли радость и гордость людей, которые готовились к важнейшему событию — к освобождению от ордынской зависимости.

Впрочем, великий князь Иван III Васильевич деньги в Орду давно не возил и не собирался делать этого впредь.

Конец Господина

С приездом царевны Софии в Москву Русь, как это ни печально было для папы римского Павла II, не перестала быть православной, напротив, восприняла из Византийской православной империи многое, в том числе и государственную символику. Например, двуглавый орел — герб Восточной Римской империи — стал гербом Русского государства. А Иван Васильевич, укрепляя единовластие и во дворце, и в стране, по словам Н. М. Карамзина, стал первым русским самодержцем.

В 1475 году он начал поход на Новгород, на сей раз мирный. Он воспользовался древним правом княжеского суда, приехал в город, объявил о цели своего визита, и к нему тут же потянулись жалобщики, которые, как этого и стоило ожидать, предъявили обвинения тем, кто являлся организатором прошлой кровавой смуты. В суде, скорее для проформы, участвовали посадники, представлявшие народ Господина Великого Новгорода, но рядил суд один человек: великий князь всея Руси. Он вынес строгий приговор. Шесть человек были арестованы и вскоре отправлены в Муром и Коломну в темницы. Все попытки смягчить приговор успехом не увенчались. Других обвиняемых Иван III отпустил на поруки, взяв с них в пользу истцов, а также в государственную казну по полторы тысячи рублей.

Затем великий князь знатно попировал, не отказываясь от многочисленных подношений и подарков, и вернулся в Москву. Вслед за ним явились в Кремль послы из Новгорода с богатыми подарками и просьбой смягчить приговор. Иван подарки принял, но просьбу не выполнил. В Москву бить челом, нарушая древний закон о том, что все суды новгородцев должны происходить в городе, начали прибывать другие истцы, искавшие у великого князя управы на произвол. Иван III внимательно выслушивал их и отправлял своих московских слуг за ответчиками, что тоже являлось грубейшим нарушением прав Господина Великого Новгорода.

Город взбунтовался. Вече казнило троих приставов Ивана III. И на этот раз ответ был суровым и последовал незамедлительно. Осенью 1476 года в Новгородскую землю, сильно пострадавшую шесть лет назад,

ринулось войско великого князя, а также дружины других князей. Задача перед ними стояла простая: грабить поселения, убивать всех, кто окажет хоть малейшее неповиновение. Господин Великий Новгород, вечевая республика, скалой стоявшая на северо-западных рубежах Руси более шестисот лет, был обречен на гибель. Сопротивляться он не мог. Он выслал к великому князю послов, и после некоторых очень вялых попыток со стороны Господина отстоять хоть толику свободы, новгородцы согласились на все требования Москвы. «15 января они были приведены к присяге на полное повиновение великому князю. На этой присяге каждый новгородец был обязан доносить на своего брата новгородца, если услышит от него что-нибудь о великом князе хорошего или худого. В этот день был снят вечевой колокол и отвезен в Московский стан»[1].

Без вечевого колокола Великий Новгород и представить-то было трудно, он стоял теперь беззвучный, бессловесный... но все же русский, не польский и не литовский.

Все шестеро бояр, которые пировали несколько лет назад вместе с игуменом Соловецкого монастыря у Марфы Борецкой, были обезглавлены. Ее сын умер в муромской темнице, а сама она, закованная, была отправлена с внуком в Москву на погибель. Злое пророчество Зосимы сбылось. Узнав об этом, он жил недолго, несколько месяцев, и умер 17 апреля 1478 года в печали. Он будто бы предчувствовал, что беды Новгорода, уже не господина самому себе, еще не прошли.

Город вновь взбунтовался, рассчитывая на помощь Казимира. Тот, напуганный резким усилением Москвы, отхватившей громадный и богатейший клин между Балтикой, Белым морем и Уралом, пошел, как говорят сейчас, ва-банк: отправил в Орду послов с предложением напасть на Русь совместно — с юга и с запада. Бунт новгородцев пришелся Казимиру литовскому как раз кстати.

Иван Васильевич действовал в эти дни смело и молниеносно. Он собрал войско и объявил поход на немцев, осуществивших несколько дерзких налетов на Псковскую землю. Новгородцы совсем расхрабрились, восстановили вече, изгнали из города наместников Москвы. Войско Ивана быстро шло к Пскову и вдруг неожиданно для всех, даже для самых верных людей великого князя, повернуло к Новгороду, и вскоре республика содрогнулась от ужаса: дружины московские плотным кольцом окружили город, по стенам и домам которого били из пушек меткие снаряды Аристотеля. Это действительно был великий человек. Он одинаково хорошо строил и крушил. За десять рублей ежемесячно.

Новгородцы, наивный люд, выслали к Ивану людей, они просили его о том, чтобы он гарантировал послам свободный проезд из города в стан князя. Иван даже слушать их не стал, сказал грубо: «Я государь вам. Я помилую лишь невинных. Отворяйте ворота. Войду — никого невиновного не оскорблю!»

Город открыл ворота. И началось привычное для подобных случаев: следствие, пытки, казни. Сто пятьдесят человек лишились жизни! Архи-

[1] *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. I. Калуга: Золотая аллея, 1995. С. 220.

епископ попал в заточение в Чудов монастырь. Его имущество досталось казне, как и имения казненных. После этого из Новгорода по другим городам было расселено более тысячи детей купеческих и боярских. А еще через несколько дней в Москву отправилось победоносное войско с семью тысячами семей, переселяемых в Московскую землю. Их имущество тоже оказалось в казне, и это обстоятельство сыграло чуть позже не последнюю роль в строительстве Московского Кремля и других сооружений в стольном граде, да и в экономико-политическом состоянии Русского государства вообще, о чем прекрасно сказал Н. М. Карамзин: «Хотя сердцу человеческому свойственно доброжелательствовать республикам, основанным на коренных правах вольности, ему любезной; хотя самые опасности и беспокойства ее, питая великодушие, пленяют ум, в особенности юный, малоопытный; хотя новгородцы, имея правление народное, общий дух торговли и связь с образованнейшими немцами, без сомнения отличались благородными качествами от других россиян, униженных тиранством моголов; однако ж история должна прославить в сем случае ум Иоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россию твердым соединением частей в целое, чтобы она достигла независимости и величия, то есть чтобы не погибла от ударов нового Батыя или Витовта; тогда не уцелел бы и Новгород: взяв его владения, государь московский поставил одну грань своего царства на берегу Наровы, в угрозу немцам и шведам, а другую за Каменным Поясом, или хребтом Уральским, где баснословная древность воображала источники богатства и где они действительно находились в глубине земли, обильной металлами, и во тьме лесов, заполненных соболями. — Император Гальба сказал: «Я был бы достоин восстановить свободу Рима, если бы Рим мог пользоваться ею». Историк русский, любя и человеческие и государственные добродетели, может сказать: «Иоанн был достоин сокрушить утлую вольность новгородскую, ибо хотел твердого блага всей России»[1].

Стояние на Угре

Новгород был покорен. Вскоре у Ивана III Васильевича родился сын Василий. Наследник! Радость русского царя была велика. И вдруг ему доложили, что хан Золотой Орды Ахмат прислал к нему гонцов с басмой (своим изображением). Ранее великие князья всегда встречали ордынских послов в местечке на середине современной Новокузнецкой улицы и кланялись басме или болвану (изваянию). То ли София, как считают некоторые историки, уговорила прекратить эту унизительную процедуру, то ли сам Иван проявил инициативу, но уже несколько лет ордынским басмам и болванам поклоны не отбивались. Супруга русского повелителя, «жена хитрая, честолюбивая», властная, знала цену себе и своему мужу, к тому же почувствовала, что пришла пора покончить с ордынцами, и часто по-женски капризно повторяла: «Долго ли мне быть рабыней ханскою?»

Софию оскорблял сам факт расположения ордынского дома на территории Кремля, оскорбляли ордынцы, беспокойно снующие туда-сюда,

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 230.



Иоанн III Васильевич

следящие за каждым движением царственной четы. Великая княгиня недаром была родом из семьи византийских императоров, умела добиваться своего дипломатическими хитростями. Она написала письмо жене Ахмата, в котором убедительно просила ханшу перенести Ордынское подворье из Кремля в другое место, за его стены, здесь ей очень хотелось бы, сообщала доверительно София, построить церковь Николы Гостунского — покровителя гостей. Сделка эта состоялась. София одержала, если верить легендам, первую территориальную победу над ордынцами, она дипломатично попросила их из Кремля.

К женам Рюриковичи относились с некоторым прагматизмом: они не допускались к участию в политической жизни, то есть не заседали в военных советах, не имели права голоса на соборах и в Думе, их главным предназначением было рожать Рюриковичей, и этой своей миссией они должны были быть удовлетворены. И все же влияние женщин на политику князей было немалое, хотя непосредственно государственными делами занималась в Киевской Руси лишь одна княгиня Ольга, мать Святослава.

София Палеолог тоже влияла на политику Ивана III Васильевича. И дело даже не в том, что она, согласно легендам, энергично вторгалась в политику — в эту знакомую ей с детства сферу деятельности, но и в самом Иване, не пренебрегавшем ничьим мнением и не раз просившем у своей матери, а позднее у своей жены, совета.

В тот день, правда, он ни с кем не советовался. К нему во дворец явились послы Ахмата, показали великому князю басму: кланяйся, мол. Иван III взял изображение хана и неожиданно для всех рассвирепел,

всегда очень осторожный, изломал образ, бросил куски его на пол и, не обращая внимания на послов, бояр, князей и слуг, стал топтать ненавистное всем русским изображение. Ярость Ивана III была откровенной, дикой, похожей на чисто женское отчаяние. Но женщины устроить прилюдно эмоциональный взрыв не присоветовали бы никогда. В ярости женской — слабость женская, это они знали. Мужчинам по-женски свирепеть никак нельзя. Стыдно. Смешно. Страшно.

Искореженная, изломанная басма с изображением Ахмата валялась под ногами князя, похожего в те мгновения... нет, не на женщину и даже не на избалованное дитя, но на уставшего вконец русского человека: надоело ему дань платить да услужливо кланяться послам и баскакам, ханам и ханшам, басмам и болванам, надоело. Возненавидел Иван III и его соотечественники двухсотлетнее унижение, покорность данников. Надоело. Надоело делать несчастные физиономии, надоело корчить из себя покорных придурков, жить абы как, потому что на иную жизнь — настоящую, полнокровную — был наложен негласный запрет ханами, всегда готовыми изъять «излишки» в свою казну. Двести сорок лет на Руси не желали «излишков», не хотели ничего чрезмерного, ничего слишком хорошего и красивого... Это очень длительный период, без излишеств жить не интересно человеку разумному, рожденному Творцом, чтобы творить, а не прозябать: день протянул, и ладно. Излишества приносят радость творцу. Русские смертельно устали жить по-звериному, им захотелось познать радости творчества. Пора настала сборщиков дани гнать в шею.

Но действительно ли настала? Хан Ахмат заручился поддержкой Казимира, и эти два врага могли натворить много бед на Руси. Может быть, стоило повременить с топтанием басмы? Примерно так думали свидетели сего акта, с волнением и удивлением наблюдавшие за разбушевавшимся князем. Да, Русь уже в шестидесятые годы XV столетия освободилась от жесткой опеки Орды, что подтверждает монументальный и величественный Успенский собор в Кремле, дерзко воздвигнутый на Боровицком холме. Такое дорогостоящее удовольствие мог позволить себе только народ, освободившийся от психологического рабства, переставший испуганно оглядываться по сторонам из-за боязни наказания за любой самостоятельный шаг. Приглашая в Москву Аристотеля и других мастеров из Италии, Иван III мечтал о великих стройках, о великолепии града Москвы. Не жалея на это средств, он чувствовал, что русский народ окончательно созрел для самостоятельного творчества, для красоты и на ее создание тоже не пожалеет ни сил, ни средств.

Совсем распалившись, топча ногами басму, краснея в гневе, он грозно глянул на всех и вдруг приказал... убить послов, убить гостей в собственном доме, кроме одного, которому он крикнул, еще не успокоившись от тяжкой работы: «Передай Ахмату, что если он не оставит меня в покое, то я с ним сделаю то же самое. Уходи!»

Историю с топтанием басмы не все признают реальной: она слишком не вяжется со сложившимся образом Ивана III, который отличался сдержанностью, мог просчитывать ответные ходы противников, наперед пред-

угадывать возможные последствия любых действий. Таким бешеным и неуправляемым его видели не часто. И не женщины, конечно же, повлияли на то, что он вдруг изломал и истоптал басму Ахмата. Женщинам, кстати, еще предстоит сказать свое слово в этой истории.

Хан Золотой Орды, узнав о случившемся, воскликнул: «Так поступает раб наш!» Он решил сурово наказать ослушавшихся рабов. Только жестокой, изощренной казнью, показательной и массовой, искупали рабы всех стран и времен свою вину, когда проявляли дерзость и своеволие.

Хан решил напасть на Русь вместе с Казимиром с двух сторон и жечь, и грабить, и брать в полон, и цепями тяжелыми оковывать русских и Русь. Литва и Орда изготовились к прыжку.

Русские тоже собирали войска. Союзник Ивана III, крымский хан Менгли-Гирей, напал на литовскую Подолию, отвлек Казимира. Взаимоотношения русского царя и крымского хана говорят о мудрой дипломатии первого. Иван III сумел разными способами привлечь на свою сторону победителя этого отколовшегося от Золотой Орды ханства, натравливал его то на Ахмата, то на Казимира, не суля, в общем-то, взамен великих благ Менгли-Гирею. Крымский хан, надо сказать откровенно, свой союзнический долг исполнял честно, несмотря даже на то, что Москва приютила его брата и врага — Нордоулата.

Иван III, видимо, оттого, что имел в то время большие финансовые средства и располагал крупными людскими ресурсами, дерзнул пойти на риск: надежно защитив границы своих владений вдоль Оки, он послал дружину во главе с Нордоулатом и князем звенигородским Василием Ноздреватым... на Орду! Это был вызов — давно забытый русскими князьями прием борьбы со степняками. Бить противника на его территории, его же средствами, в данном случае используя для налетов небольшие мобильные отряды, — подобный прием часто помогал разным народам мира одолевать своих врагов. Так было, в частности, во время войны Древнего Китая с племенами хунну, когда полководец Ли Му научил китайцев воевать со степняками «по-хуннски» и выиграл важную для народов Поднебесной войну.

Ахмат вывел почти все свое войско из Орды. Остались там старики, дети, женщины — народ небоевой, победить его несложно. Нордоулат и Ноздреватый затем ушли по Волге на юг, чтобы грабить, жечь, убивать всех, кто окажет хоть малейшее сопротивление, — Орду бить надо поордынски. Пришел черед русским внушать страх Орде. Иван III явно шел на риск... Но оправдан ли он был? А вдруг Ахмату и Казимиру удастся выиграть войну? Что сделают они с русскими, узнав о злодеяниях Нордоулата и Ноздреватого? Великий князь всея Руси поставил страну на край пропасти.

Хан Ахмат прямиком на Москву не пошел, не решился форсировать Оку с боем и повел войско к реке Угре — притоку Оки. Здесь он рассчитывал соединиться с Казимиром и общими усилиями разгромить войско Ивана, истоптавшего басму повелителя своего.

И тут-то великий князь испугался! Под Новгородом такой решительный и самостоятельный, он вдруг оставил войско во главе с сыном Ва-

силием на берегу Угры, а сам вернулся в Москву, расположился лагерем в селе Красном, объявил удивленным согражданам о том, что приехал он в столицу посоветоваться с матушкой, духовенством и боярами (семью свою он предусмотрительно отослал из столицы). Посоветоваться с нужными людьми всегда полезно, но в данном случае это было бессмысленно. Русское войско, стоявшее на Угре, никаких альтернатив не имело — нужно было биться за Русь, за Москву, за Успенский собор. Это прекрасно понимали все, в том числе и Иван III. Но страх — это кратковременное помешательство разума — бывает трагически капризен, налетает на человека подчас в самые ответственные моменты. Кого не посещала неуверенность, на кого не накатывала минутная слабость в самый решающий момент жизни?

Бояре, духовенство и матушка явились к Ивану III, струсившему, сказали в один голос: «Иди смело на врага!» Сын его, призванный отцом в Красное село, отказался покинуть войско, ответив: «Ждем татар. Дождемся и будем биться». Даже родные братья, с которыми он постоянно ссорился, осознали серьезность положения, забыли обиды, решили драться вместе с общим врагом. Иди, Иван, на врага! Деваться тебе некуда, на Новгород ты ходил сам, а на Орду с Литвой идти боишься?

Не сразу принял решение Иван III. Но все же одолел свой страх и окреп в самом желании дать решительное сражение сильному врагу, приехал в войско, расположенное на берегах Угры, за которой уже стояли ордынцы.

Они тоже не спешили начать бой. Их напугала мощь московского войска. Ахмат стал ждать Казимира — вдвоем наказывать рабов сподручнее и веселее, а добычи на Руси хватит на всех с лихвой, торопиться некуда. Разбогатели подданные Ивана III Васильевича, деньги у них появились лишние, храмы они стали строить громоздкие. Почему же не потрясти их карманы, казну?

Прошло несколько тревожных дней. На берегах Угры стояли друг против друга два войска. Русские контролировали широкий фронт в шестьдесят километров и зорко следили за каждым движением опасного врага. То там, то здесь случались мелкие стычки. Разведотряды ордынцев рыскали по берегу Угры в поисках безопасного брода. Воины Ахмата кричали через реку: «Дайте хану путь, будет хуже!» Но куда уж хуже — двести сорок лет дань платить, терпеть ханское хамство, ездить в Орду за ярлыком на княжение в собственной земле! Ахмат с каждым днем становился все грустнее. Казимир не сдержал слово, не пришел грабить Русь. А вид русского войска, меткие стрелы и громогласные пищали пугали не только багатуров, но и самого хана.

Невесел был и князь Иван. Он оказался между трех огней. Казимир мог управиться с Менгли-Гиреем и ворваться в Русскую землю. От Ахмата ждать пощады бессмысленно. Кроме этого есть еще и новгородцы! Походы московского войска нанесли республиканцам неисчислимый ущерб, но ведь часто слабые и обреченные крушили всех, переворачивали вверх дном государства куда более сильные, чем Русь была в 1480 году. Чуть позже, когда закончится стояние на Угре, князь мог бы и посмеяться над собой, но в те тревожные дни ему было не до смеха.

Несколько раз он посылал к Ахмату послов с предложением о мире. Хан предъявлял такие условия, на которые мог согласиться лишь самоубийца. Иван не принимал предложения хана. Тогда Ахмат смягчил гнев, повелел Ивану III прислать к нему в стан сына или брата. Князь отказался. Всегда раньше русские спокойно отсылали в Сарай и Каракорум братьев, детей, внуков. К родственникам русских князей в ставке ханов так привыкли, что отказ Ивана очень удивил и разозлил Ахмата. Злиться, впрочем, он мог лишь вполсилы, потому что русское войско стояло за Угрой, организованное, сильное, с пищалями. Особенно не позлишься. Сначала нужно победить злых русских, залить им глаза их собственной же кровью, пожечь Русь да Москву, сломать силу ее, а уж потом злиться в полную мощь — так, чтобы вой стоял над лесами русскими и полями, чтобы стонала сама земля Русская от ханской злости. Победа! Как нужна была хану победа!

Он боялся проиграть войну, как не боялся этого ни один монгольский военачальник со времен Тогрула, Джамухи и Чингисхана, потому что слишком мало осталось людей в войске хана и в разорванной на куски Золотой Орде, где, помимо всего прочего, было немало врагов у Ахмата. Заменить павших воинов даже в случае ничейного результата сражения, даже в случае незначительной победы над русскими он не смог бы. Ему нужен был полный разгром Ивана III, полная победа.

Зима приближалась все быстрее. Но нагрянула она внезапно: Угру сковало толстым льдом буквально за ночь. И снегу намело, и поняли ордынцы, что пришел час битвы, что не дождаться им Казимира. Нужно было немедленно начинать битву с русскими и разгромить их.

7 ноября 1480 года Иван III Васильевич приказал своему войску отступить к Кременцу, чтобы занять удобные позиции для решительной битвы. Шуметь при этом он не приказывал. Зачем лишний шум в таком деле? Русские потянулись от берегов Угры сначала не спеша, будто им все равно, где бить врага, потом пошли чуть быстрее. Ахмат, узнав о маневре противника, вышел из палатки и грустно улыбнулся: знаю я эти уловки. Он вернулся в шатер, прибыли разведчики, доложили, волнуясь, о том, что в стане противника наметилась паника.

Воины арьергардных русских полков действительно запаниковали. Они видели, как на противоположном берегу Угры собираются ордынцы, с волнением ожидавшие приказа о наступлении. Ордынцев было много. Вот-вот они ринутся в бой на русский арьергард.

— Они бегут! — кричали ордынцы, не веря собственным глазам.

Из шатра вышел Ахмат, прищурился и тихо-тихо молвил:

— Они хотят заманить нас в ловушку!

Это тихое страшное слово волной страха побежало, опережая приказы и повеления начальников и самого Ахмата, по рядам ордынского войска. Ловушка. Страшное слово для ордынского воина. Сколько раз степняки использовали этот прием, сколько прекрасных побед одержали, сколько воинов врага перерезали! Самим попадать в ловушку им не хотелось.

— Ловушка! Ловушка!! — все громче кричали они и бежали, бежали от страшной Угры, от страшной беды подальше.

Шум в стане врага пугал русских. Они думали, что за Угрой готовится мощнейший удар по арьергардам, и бежали сломя голову подальше от реки, совсем не шумной, закованной в лед.

Это, с военной точки зрения, странное столкновение двух войск на реке Угре стало гибельным для Ахмата. С богатой добычей он прошел через земли, принадлежащие в то время Литве, к Волге, а там на него напал тюменский князь Иван. Хан с ним не стал сражаться, побежал, оторвался от погони, успокоился у Малого Донца и неподалеку от Азова, очень довольный богатством, награбленным на севере, осел зимовать. Радовался он совсем недолго. Однажды ранним утром Иван неожиданно ворвался в стан Ахмата и сам лично зарезал его, присвоив себе все имущество хана.

* * *

Стояние на Угре считается финалом татаро-монгольского ига. Действительно, это была последняя попытка ханов Золотой Орды сохранить прежние порядки на Руси.

Жители Москвы, Руси, летописцы, а также позднейшие историки поразному оценивают влияние Ивана III Васильевича на ход событий, на сам итог той, мягко говоря, невыдающейся военной операции, столь благоприятно завершившейся для Москвы, для русского народа.

«Был единственный случай в его жизни, — пишет Н. И. Костомаров, — когда он мог показать собою пример неустрашимости, твердости и готовности жертвовать жизнью за отечество; но тут он явился трусом и себялюбцем: он отправил прежде всего в безопасное место свою семью и казну, а столицу и всю окрестную страну готов был отдать на расхищение неприятелю, покинул войско, с которым должен был защищать отечество, думал унизительным миром купить себе безопасность, и за то сам вытерпел нравственное унижение, выслушивая резкие замечания Вассиана»[1].

Н. М. Карамзин дает иную оценку первому русскому царю: «Заметим тогдашнее расположение умов. Несмотря на благоразумные меры, взятые Иоанном для избавления государства от злобы Ахматовой; несмотря на бегство неприятеля, на целость войска и державы (очень, надо сказать, неплохие показатели деятельности любого повелителя, вождя, полководца! — *А. Т.*), московитяне, веселяся и торжествуя, не были совершенно довольны государем: ибо думали, что он не явил в сем случае свойственного великим душам мужества и пламенной ревности жертвовать собою за честь, за славу отечества. Осуждали, что Иоанн, готовясь к войне, послал супругу в отдаленные северные земли, думая о личной ее безопасности более, нежели о столице, где надлежало ободрить народ присутствием великокняжеского семейства... И так славнейшее дело Иоанново для потомства, конечное свержение ханского ига, в глазах современников не имело полной, чистой славы, обнаружив в нем, по их мнению, боязливость или нерешительность, хотя сия мнимая слабость происходит иногда от самой глубокой мудрости человеческой,

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 250.

которая не есть Божественная, и, предвидя многое, знает, что не предвидит всего»[1].

Так или иначе, но стояние на Угре в 1480 году, через сто лет после поля Куликова, стало вехой в жизни быстро растущего и крепнущего Московского государства и в жизни князя московского Ивана III Васильевича.

Земная обитель для покровительницы небесной

В период с 1472-го по 1481 год, несмотря на широкомасштабные военные операции, на изнурительную борьбу с Новгородом, на энергичную дипломатическую деятельность, Иван III не забывает о переустройстве, обновлении стольного града. В эти годы, как уже говорилось выше, в Москве был возведен величественный Успенский собор. В это же время купцы и знатные, богатые горожане резко изменили свое отношение к камню как к строительному материалу. Раньше в Москве любили дерево. Мастера-плотники рубили из этого материала избы и терема, дворцы и храмы. Деревянные жилые здания считались полезными для здоровья. К тому же возводили их быстро, и леса вокруг строевого, дешевого было много. В 1450 году митрополит Иона возвел в своем дворе первую жилую каменную постройку. Убедить народ московский в целесообразности, пользе каменного строительства он не смог даже личным примером. Дерево! Влюбленный в благостную тишину соснового сруба, в мягкие тона звуков, мелодий, речей в бревенчатой избе, родившийся в этом уютном мирке, дождавшийся рождения здесь же, в своей избе, детей, внуков, правнуков, привыкший к ребристым стенам дома, человек с трудом (и далеко не каждый) может перейти в «палаты каменные». Именно этим можно объяснить тот факт, что в постройке Ионы была позже устроена обетная церковь Ризположения «в память избавления от татарского нашествия царевича Мазовши», а вторая жилая каменная постройка в Москве появилась лишь в 1471 году, когда купец Тарокан «заложил себе палаты кирпичные, у городовой стены, у Фроловских ворот, в одно лето и построил их». Через два года митрополит Геронтий на митрополичьем дворе заложил новую каменную палату, куда владыка переехал 13 ноября 1474 года.

Уже эти первые жилые здания убедили москвичей в том, что камень, на вид скупой и немногословный, грубый и непластичный, может в умелых руках мастера стать рельефнее дерева, пластичнее, веселее и... надежнее. В XV веке камню и кирпичу не суждено было заменить в жилом строительстве дерево, произойдет это гораздо позже по причине относительной дороговизны нового для столицы стройматериала, отсутствия мастеров и осторожности, инерционности населения, наследственно влюбленного в таинственные ароматы сосновых срубов.

В 1478 году псковские мастера поставили в Москве церковь Иоанна Златоуста, но, конечно же, главной постройкой этого периода правления Ивана III Васильевича являлся Успенский собор, торжественно освященный 12 августа 1479 года «митрополитом Геронтием с архиепископом

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 239 — 240.

Ростовским Вассианом, епископом Суздальским Евфимием и Сарским Прохором».

В эти же годы, особенно после решительного удара по Новгороду, весьма удачной войны на Угре и «сдачи в эксплуатацию» Успенского собора, Иван III стал все активнее зазывать на Русь мастеров из Западной Европы. Они ехали в Москву с опаской, но грандиозные планы освободителя Русской земли от Орды их подкупали: какой творец не мечтает о великих свершениях!

Великий координатор

В последующую четверть века (с 1480-го по 1505 год) Иван III Васильевич проявил себя как расчетливый, хладнокровный, циничный, целеустремленный политический деятель высочайшего класса. То был великий координатор. Редко покидая Москву, он словно бы восседал перед никем не видимым, кроме него, пультом управления историческими процессами в регионах и странах Восточной Европы, корректировал, подправлял, а то и направлял их в единое русло, в упрямый поток истории. Для этой серьезной работы ему очень нужны были боеспособная, мощная армия, финансовая мощь и внутренняя стабильность.

В 1480 году, еще в августе, войско Ливонского ордена осадило Псков. Жители города в отчаянной атаке нанесли налетчикам серьезный ущерб, деморализовали их. Той же ночью военачальник ливонцев Бернгард увел своих людей домой. Псковичи, боясь повторного нападения сильного врага, обратились за помощью к братьям великого князя Андрею и Борису, но те отказали им, да еще и разграбили, пожгли несколько селений. Магистр Ливонского ордена распустил свои войска, уверенный, что у Ивана, отвлеченного ханом Ахматом и Казимиром, и без ливонцев дел много. Он грубо просчитался в тот раз. Бескровная война против ордынцев на Угре сохранила в полной боевой готовности войско великого князя, и в феврале 1481 года он отправил двадцатитысячную рать во главе с князьями Иваном Булгаком и Ярославом Оболенским на Ливонию. В Пскове к нему присоединились новгородские полки, возглавляемые князем Василием Федоровичем и боярином Иваном Зиновьевичем. Результат этого похода для Ливонского ордена был плачевным: русские практически без боя взяли многие города в Ливонии и с огромной добычей вернулись домой. В 1483 году между послами магистра и великого князя было заключено перемирие на 20 лет.

Периодически накалялись отношения между Литвой и Русью. Иван охотно шел на переговоры, но предъявлял жесткое условие: вернуть русским земли, захваченные при Витовте. Литовцы добровольно отдавать награбленное не собирались, требуя от Ивана Великие Луки и Новгород. Но воевать некоторое время ни та, ни другая сторона не хотели, надеялись с помощью сильных союзников нанести врагу поражение.

Союзниками тех и других могли стать хан Крыма Менгли-Гирей, король Венгрии Матфей Корвин, а также другие ближние соседи Литвы

и Руси. Богатыми дарами и обещаниями драться с Ордой, ненавистной крымскому хану, Иван III сумел, образно говоря, надолго пристегнуть к себе Менгли-Гирея. Долгие годы тот был верным его союзником, хотя иной раз и выходил из повиновения. Отношения с королем Венгрии были путаными, ярко выраженной ненависти к Орде у короля не было, хотя он и был заинтересован в сближении с Русью, мечтал с ее помощью отвоевать богатые земли у Польши. Но особой активности венгры не проявляли. Еще одним союзником Ивана III стал с 1457 года господарь Молдавии Стефан III Великий, знаменитый тем, что одержал несколько побед над венграми, поляками, турками, и хотя в 1476 году, проиграв войну Турции, признал зависимость Молдавии от Турецкой империи, все еще оставался сильным и влиятельным монархом, очень опасным для любого противника полководцем. Великий князь всея Руси и господарь Молдавии, в одинаковой степени заинтересованные в союзе, скрепили его брачными узами: дочь Стефана, Елена, была отдана за Ивана Молодого, старшего сына Ивана III.

Укрепляя единодержавные позиции в стране, великий князь в 1485 году силой окончательно покорил Тверь. Почуяв опасность, князья Ярославля отдали миром свои земли Ивану III Васильевичу.

В апреле 1487 года войско великого князя взяло Казань. Иван III поставил там нового хана — Махмет-Аминя, повелел передушить его противников, князей и казанских уланов, бывшего хана Алегама с женой сослать в Вологду, а его мать и сестер — на Белоозеро.

В том же году он нанес очередной удар по уже покоренному, но еще способному восстановить свое могущество Новгороду, который перестал быть господином своей судьбы, но оставался при этом Великим. Ивану III доложили о заговоре против наместника Москвы Якова Захарьевича, и великий князь приказал схватить заговорщиков. Много людей пострадало в тот год. Слуги Ивана кому-то отрубили головы, кого-то повесили. А семь тысяч человек вывезли из Новгорода. На следующий год из города вывезли и поселили в Нижнем Новгороде еще тысячу человек. Более восьми тысяч знатных купцов были признаны виновными в заговоре против наместника царя! Это слишком много для заговора. Убить Якова Захарьевича могли бы и несколько человек. То был не заговор, то было непокорство Новгорода Москве. Впрочем, Ивану III разбираться в подобных мелочах было некогда. Новгород, расположенный на торговой вилке, в устье двух торговых потоков Восточной Европы, мог в любую минуту воскреснуть, ожить. И против этого великий князь ничего не имел. Он лишь не хотел, чтобы воскрес Господин Великий Новгород. Никаких великих господ в стране быть не должно: об этом знает любой уважающий себя самодержец, даже очень сильный, а тем более слабый. Иван III Васильевич еще не раз обратит свой взор в сторону Новгорода.

В 1489 году центральная власть окончательно покорила Вятку. Самые яростные приверженцы старых республиканских обычаев из местных были казнены, богатые и знатные жители Вятки расселены в Боровске, Алексине, Кременце, а торговые люди — в Дмитрове. Их место на родине заняли законопослушные обитатели Московской земли.

В 1490 году случилось непредвиденное. Цепочку счастливых событий, казалось нескончаемую, прервала болезнь старшего сына великого князя — Ивана Ивановича. Он был достойным наследником Ивана Васильевича, его деятельным и активным соправителем. Отец любил своего первенца, гордился им. Полюбился Иван Молодой и простому народу за храбрость на войне, за спокойствие и мудрость в делах мирных. Заболел он опасным недугом — ломотой в ногах. В Москве в то время служил лекарем Мистр Леон из Италии. Он во всеуслышание заявил великому князю, что вылечит любимого сына его, а если нет, добавил гордо врач, «то вели меня казнить смертной казнью». Ну уж об этом он мог бы и не просить. За пять лет до болезни Ивана Молодого немецкий врач Антон, как считают летописцы, уморил лекарствами одного татарского князька, проживавшего в Москве. Несчастные родственники умершего отправились прямиком к великому князю. Иван III выслушал их и моментально принял решение выдать им немца-лекаря. Он прекрасно знал, что сделают с ним татары и как отреагируют на это специалисты разных стран Европы, которых русские послы зазывали в Москву. Татары отблагодарили чуткого к чужому горю великого князя, взяли под руки горе-врача и повели его, грустно дрожащего, к Москворецкому мосту. Там шумно текла река. Там татары и зарезали немца-врача.

Этот случай напугал и оскорбил иностранцев, а Аристотель Фиораванти вообще чуть не покинул Москву. Иван III Васильевич узнал о его намерении и распорядился по-своему: отправил великого зодчего, инженера, строителя под домашний арест, естественно, под арест в московском доме, а не в итальянском. Аристотель некоторое время побуянил, а затем остыл, понял, что в строгости своей Иван III не только прав, но и справедлив. Разве разные прохиндеи, в том числе и врачи, не могли попользоваться случаем и явиться в русский город, ни бельмеса не понимая в медицине?! Деньги в Москве платили хорошие, здоровье у местных жителей было отменное, почему бы и не рискнуть? Аристотель понял это, уезжать из Руси раздумал, а к тому времени великий князь простил его, и знаменитый человек остался в Москве.

Мистр Леон из Италии наверняка слышал о печальном финале немца Антона... Сын великого князя стоически переносил прижигания больных ног стеклянными сосудами с горячей водой, пил разные горькие зелья, не кричал от боли, страдал тихо и долго, угасая на глазах, и угас действительно молодой — в возрасте 32 лет.

Огорченный отец не забыл в великом своем горе об уговоре с Мистром Леоном, повелел арестовать врача. Сидел он в темнице около шести недель. Ждал. Ивана Молодого похоронили с почестями. Помянули. Через девять дней после смерти вновь помянули Ивана. Затем прошли сороковины и еще два дня. А тут и срок казни пришел. Вывели Мистра Леона из темницы, повели за Москву-реку, к месту казни, где теперь на площади Таганской появился знаменитый театр. Мистр Леон шел не спеша — куда спешить-то?! — и удивлялся: почему его не подталкивают, не заставляют идти быстрее? Потом он понял, почему. Привели его на Болвановку, а народу там... и все шли люди с разных сторон. Поэтому-то

и не спешили палачи, уважали они свой не приученный к строгому распорядку жизни народ.

При этом-то честном народе казнили Мистра Леона, а уж какой он специалист был по врачебному искусству, о том знают лишь те, кого он лечил.

После смерти Ивана Молодого внутренняя политика великого князя стала еще жестче. В стране было немало недовольных единодержавием. Некоторые из них бежали в Литву, надеясь дождаться перемен к лучшему на родине, кто-то остался на Руси. Собрать свои силы в единый кулак они не могли по разным причинам. Этим пользовался Иван III Васильевич, добивая очаги удельщины по одному и все чаще подумывая о главных соперниках — братьях Андрее Васильевиче и Борисе Васильевиче. Отношения с ними были напряженными всегда. Но до смерти матери, инокини Марфы, в 1484 году взаимная антипатия не прорывалась наружу. Сыновья уважали матушку, и ей было нетрудно удерживать их от опрометчивых шагов. В последние шесть лет отношения между братьями накалились до предела. Иван, опасаясь, как бы Андрей и Борис не окружили себя противниками единодержавия, ждал удобного момента для нанесения решительного удара по главным своим противникам.

Хотя и была еще свежа горечь утраты любимого сына, но великий князь не упустил случая осуществить давно задуманное. В 1491 году великий князь по просьбе Менгли-Гирея послал в устье Донца крупное войско с заданием помешать золотоордынцам вторгнуться в пределы крымского хана. В походе на Донец должны были принимать участие братья Ивана III Васильевича. Андрей не послал свою дружину в помощь русскому войску. Но золотоордынцы и без того сильно перепугались, узнав о крупной рати на Донце, повернули обратно.

Иван III Васильевич до поры до времени скрывал свою неприязнь к брату, боясь, как бы испуганный Андрей не сбежал от него в Литву, решил действовать наверняка. Осенью брат приехал из своего Углича в Москву. Великий князь радушно встретил его. До позднего вечера они мило беседовали друг с другом, и никто из присутствующих даже подумать не мог о том, что произойдет на следующий день. Впрочем, играть в дружелюбие приходилось еще и потому, что рядом с Андреем всегда были верные ему бояре. Быть может, их боялся великий князь?

На следующий день гостей пригласили на обед. Иван III Васильевич встретил их с улыбкой, был добр и мягок, послал бояр в столовую, а сам взял брата под руку, о чем-то с ним поговорил и якобы по срочному делу вышел в соседнюю комнату. Андрей все понял, но остался спокойным: чему быть, того не миновать. Арестовал его Семен Ряполовский, храбрый князь, одержавший в боях много побед. Он явился в комнату со свитой и, не скрывая чувств своих, со слезами на глазах объявил волю государя. Человек он был неглупый, хороший, но заключил под стражу брата Ивана III беспрекословно. С Андреем расправились сурово: его удел был присоединен к великому княжеству, а сам узник скончался в темнице в 1493 году.

Бориса великий князь пожалел, видимо, понимая, что тот без брата не представляет собой никакой опасности для трона. Этот спокойный человек ушел через три дня в Волок, но Андрея он пережил ненадолго.

В 1492 году войной с Литвой начался новый период правления Ивана III Васильевича. Но перед тем как рассказать о перипетиях того сложного времени, следует поведать о делах московских с 1482-го по 1492 год.

Итальянские зодчие

Возведенный Аристотелем Фиораванти Успенский собор возвышался над старыми и новыми строениями Кремля и всей Москвы, и любому человеку, мало-мальски чувствующему красоту рукотворную и земную, бросалась в глаза дисгармония неудачного сочетания величественного здания храма и окружавших его низких ветхих построек. Впрочем, все понимали, что Успенский собор строился «на вырост» Москве — он должен был положить начало новой архитектуре, задать новый масштаб городу. Иван III замыслил крупные строительные работы не только на Боровицком холме, но и в других районах. Но не хватало на Руси, истрепанной ордынским присутствием, внутренними раздорами да волнами чумы, своих мастеров. Аристотеля же Иван III «перебросил» на важнейшее для того времени дело: поручил лить пушки и колокола. Ему нужны были пушки — для побед, колокола — для душевной радости.

Великий князь посылал людей в Италию и к немцам с приказом привозить оттуда мастеров. Время шло быстро, а чужеземные зодчие, инженеры, художники думали долго. Пришлось задействовать псковских строителей. 6 мая 1484 года они по заказу Ивана III начали возводить в Кремле на месте старого дворцовый храм Благовещения. Он строился пять лет. В тот же год мастера из Пскова начали строительство митрополичьей церкви Ризположения, а 31 августа 1486 года ее уже освятили.

В 1485 году итальянские зодчие начали возведение кремлевских стен и башен. Строительство этого сложного архитектурного и фортификационного сооружения осуществляли приезжавшие в разное время в Москву Марко Руффо (Марк Фрязин), Антонио Джиларди (Антон Фрязин), Пьетро Антонио Салари (Петр Фрязин) и Алоизо ди Каркано (Алевиз). Десять лет понадобилось мастерам, чтобы закончить работу. Кремлевские стены и башни явились не только великолепной огранкой еще не вполне сформировавшегося комплекса на Боровицком холме, но и господствующей над городом высотой, ядром новой Москвы. Забегая чуть вперед и выходя за временные рамки рассказа об Иване III Васильевиче, следует напомнить, что окончательное архитектурное оформление крепости на Боровицком холме завершилось в 1508 году сооружением глубокого рва, выложенного белым камнем и кирпичом «со стороны торга и Красной площади», а со стороны Неглинной — устройством прудов, «из которых по рву Неглинная была соединена с Москвою-рекою, так что крепость со всех сторон окружилась водою и Кремль стал островом».

О Москве тех времен осталось очень мало сведений. И. Е. Забелин в своем труде «История города Москвы» приводит описание города итальянцем Павлом Иовием, датируемое 1535 годом: «Город Москва по своему

положению в самой середине страны, по удобству водяных сообщений, по своему многолюдству и, наконец, по крепости стен своих есть лучший и знатнейший город в целом государстве. Он выстроен по берегу реки Москвы на протяжении пяти миль, и домы в нем вообще деревянные, не очень огромные, но и не слишком низки, а внутри довольно просторны, каждый из них обыкновенно делится на три комнаты: гостиную, спальную и кухню. Бревна привозятся из Герцинского леса; их отесывают по шнуру, кладут одно на другое, скрепляют на концах, — и таким образом стены строятся чрезвычайно крепко, дешево и скоро. При каждом почти доме есть свой сад, служащий для удовольствия хозяев и вместе с тем доставляющий им нужное количество овощей; от сего город кажется необыкновенно обширным. В каждом почти квартале есть своя церковь; на самом же возвышенном месте стоит храм Богоматери, славный по своей архитектуре и величию; его построил шестьдесят лет тому назад Аристотель Болонский, знаменитый художник и механик. В самом городе впадает в реку Москву речка Неглинная, приводящая в движение множество мельниц. При впадении своем она образует полуостров, на конце коего стоит весьма красивый замок с башнями и бойницами, построенный итальянскими архитекторами. Почти три части города омываются реками Москвою и Неглинною; остальная же часть окопана широким рвом, наполненным водою, проведенною из тех же самых рек. С другой стороны город защищен рекою Яузою, также впадающею в Москву несколько ниже города... Москва по выгодному положению своему, преимущественно пред всеми другими городами, заслуживает быть столицею; ибо мудрым основателем своим построена в самой населенной стране, в середине государства, ограждена реками, укреплена замком и по мнению многих никогда не потеряет первенства своего»[1].

В 1485 году каменные хоромы стали строить большие бояре: Дмитрий Ховрцы, а затем и его старший брат Иван по прозвищу Голова — сыновья казначея Ивана III Васильевича. После них каменное здание заложил боярин Василий Федорович Образец. И только после этого сам великий князь всея Руси стал строить себе у церкви Благовещения каменные хоромы. 5 апреля 1492 года он перебрался во двор Ивана Юрьевича Патрикеева и повелел разрушить деревянный двор, поставить на его месте каменный.

Итальянские мастера параллельно со строительством кремлевских стен и башен возводили на территории Кремля общественные здания и учреждения: Набережную палату, Грановитую палату...

Задача с двумя неизвестными

В начале 1492 года из Москвы в Варшаву на переговоры с Казимиром выехал Иван Никитич Беклемишев. Задание у него было несложное: потребовать от короля польского и литовского возврата Руси ее исконных земель — городков Хлепен, Рогачев и других. Переговоры не состоялись. 25 июня скончался король Казимир.

---

[1] *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 143.

В этой сложной ситуации литовцы решили избрать самостоятельного, независимого от Польши великого князя. Им стал младший сын Казимира Александр. Старший сын умершего, Альберт, воссел на королевский польский престол.

Трудно сказать, почему литовцы, силы которых стали заметно таять, решились на такой шаг. Оторвавшись от Польши, они лишили себя мощной опоры в борьбе с Русью, все настойчивее требующей возврата захваченных при Витовте земель, но не потеряли пока самостоятельности, независимости. Что важнее: сильный союз против Руси, в котором Литва на вторых ролях, или непредсказуемая самостоятельная жизнь? На этот вопрос каждый народ отвечает сам, и рецептов здесь быть не может.

Иван III Васильевич, узнав о «разводе» Польши и Литвы, послал людей в Крым и в Молдавию, к своим союзникам Менгли-Гирею и Стефану, и, не дожидаясь их ответа, решил начать боевые действия против Александра — отправил полки на территорию противника. Великий князь литовский очень быстро почувствовал силу Москвы. Понимая, что в одиночку ему с Иваном III не управиться, он решил примириться со своим самым сильным врагом и заключить с Москвой союз, а женитьбой на одной из дочерей русского самодержца закрепить его.

Но только начались переговоры, как в Москве раскрыли заговор: князь Иван Лукомский, перешедший из Литвы на русскую службу, был уличен в коварном злодействе и схвачен при попытке отравить великого князя всея Руси по приказу к тому времени уже почившего Казимира. Нашли у перебежчика и яд. Он не отпирался, охотно выдал следствию еще двух злоумышленников: поляка Матиаса и русского князя Федора Бельского — родственника Казимира. Кроме того, он выдал двух братьев-смолян, которые тайно пересылали в Литву важные сведения из Москвы, где они, взятые в плен во время очередной западной военной кампании Ивана III, вошли в доверие к князю и жили на свободе, не испытывая ни в чем нужды. Дело Лукомского завершилось быстро, и великий князь объявил приговор: главных зачинщиков заговора посадить в клетку и сжечь в ней на берегу Москвы-реки, Федора Бельского сослать в Галич, одного из братьев-смолян засечь кнутом до смерти, другому, чтобы не мучился, отрубить голову, переговоры с литовцами прервать, боевые действия продолжить.

Александр в этой ситуации проявил великолепные дипломатические качества, сумел остановить войну, вновь начать мирные переговоры. Очень точно оценивая свои возможности, а также силы своих союзников и немалый потенциал Литвы и всех ее доброжелателей, Иван III пошел на переговоры. Россия к тому времени отвоевала у неприятеля Вязьму и Алексин, Тешилов и Рославль, Венев и Мстислав, Тарусу и Обнинск, Козельск и другие города. Но в руках литовского великого князя все еще оставались большие территории Русского государства, в том числе и Киев. Александр очень ценил именно это приобретение своих предшественников на литовском великокняжеском престоле. Он даже обещал называть официально Ивана III государем всея Руси в обмен на то, чтобы повелитель Москвы не требовал от него Киева.

Иван III смирился с этим требованием. Сил у Руси еще не хватало для столь крупных военных и политических акций. Согласился он и на предложение литовцев скрепить союз женитьбой Александра и Елены, дочери своей, выставив при этом жесткое условие: княгиня Елена останется в православной вере.

Этот сложнейший дипломатический маневр чуть было не разрушил союз Ивана III с Менгли-Гиреем, который, получив из Москвы объяснения, касающиеся мира Руси с Литвой, написал в ответ: «С удивлением читаю твою грамоту: ты ведаешь, изменил ли я тебе в дружбе, предпочитал ли ей мои особенные выгоды, усердно ли помогал тебе на врагов твоих! Друг и брат великое дело; не скоро добудешь его: так я мыслил и жег Литву, громил улусы Ахматовых сыновей, не слушал их предложений, ни Казимировых, ни Александровых: что ж моя награда? Ты стал другом наших злодеев, а меня оставил им в жертву?.. Сказал ли нам хоть единое слово о своем намерении? Не рассудил и подумать с твоим братом!»[1]

Ивану III Васильевичу удалось поладить с Менгли-Гиреем, но крымский хан и его сыновья обиду не забыли и не простили. Совсем скоро, когда Османская империя достигнет своего могущества и распространит свое влияние практически на все Причерноморье, крымские ханы станут верными союзниками этой державы, во многом зависимыми от нее, и русским царям, русскому народу придется вести с этими двумя противниками долгую двухвековую борьбу. Но Ивана III нельзя винить в том, что он нарушил добрососедские отношения с ханами. Перед ним стояла более важная задача: вернуть Руси ее исконные земли, отторгнутые Литвой. И он их возвращал.

Многие историки называют крупной ошибкой Ивана III Васильевича разрыв с ганзейскими купцами. Ганза, торговый и политический союз немецких городов, сформировалась еще в XIV веке. Главой этого союза были купцы города Любека. Ганза осуществляла и контролировала посреднические торговые операции между странами Западной, Северной и Восточной Европы и оказывала заметное влияние на все сферы жизни народов этого региона.

В Новгороде проживало 40 ганзейских купцов из Любека, Гамбурга и других городов Ганзейского союза. Новгородцы вели с ними взаимовыгодную торговлю, выступая посредниками между Ганзой и Москвой. Такие посредники в единодержавном государстве могут быть только в том случае, если прибыль будет поступать в казну, а не оседать в Новгороде. Иван III Васильевич видел в ганзейских купцах не только рассадник своеволия и непослушания, но и источник трудно просчитываемых центральной властью доходов новгородского купечества, а значит, источник будущих смут. Смуты государю были не нужны.

Дело ганзейских купцов началось на рубеже 1493 — 1494 годов, когда ливонские немцы, по свидетельству немецкого историка, «всенародно сожгли в Ревеле одного россиянина, уличенного в гнусном преступлении,

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 279.

и легкомысленные из тамошних граждан сказали его единоземцам: «Мы сожгли бы и вашего князя, если бы он сделал у нас то же»[1].

Иван III Васильевич отреагировал на это мгновенно. Он потребовал от ливонского правительства выдать ему ревельский магистрат, а затем, получив вполне естественный отказ, приказал арестовать всех немецких купцов, проживавших в Новгороде. Тяжкая купцам досталась доля: весь товар на миллион гульденов был отправлен в Москву, а их самих, закованных, бросили в темницы.

Ганза всполошилась, прислала людей в Москву, они пытались воздействовать на Ивана III. Он злился два года, никак не мог остыть: сжечь в Ревеле русского человека, разве можно такое прощать немцам?! Но по прошествии двух лет сердце его успокоилось, и он дал приказ освободить купцов, томившихся в сырой крепости.

За двадцать четыре месяца некоторые из них погибли, остальные едва дышали. Но лишения и беды их на этом не кончились: по пути из Ревеля в Любек их настиг шторм, многие купцы погибли, лишь малая часть вернулась на родину.

После столь жестокой расправы русского государя с купцами Ганзейский союз порвал все отношения с Москвой, что самым плачевным образом сказалось на экономическом положении Новгорода да в некоторой степени на экономике всей Русской земли. Но почему только в некоторой степени?! Разве, нанеся удар по положению Новгорода, Иван III не нанес тяжкий урон всей экономике быстро развивающегося государства со столицей в Москве? Разве не совершил он этим карающим заносчивых немцев актом грубейшую ошибку?

Ошибка, видимо, была, но не такая уж значительная, как изображают оппоненты князя. Могущество Ганзейского союза в конце XV века резко пошло на убыль, хотя продержался он вплоть до 1669 года. Купцы — народ цепкий, они борются за свои интересы до последнего. Иван III Васильевич будто бы предвидел, восседая перед никем, кроме него, не видимым пультом политической жизни Восточной Европы, что большого проку Руси от Ганзы нет и не будет, зато мороки с ней может быть много хотя бы потому, что под боком у Пскова расположился Ливонский немецкий орден, подпитываемый немцами из Ганзейского союза.

В последние два года XV века великий князь имел возможность на своем примере убедиться в том, что нередко великие люди в частной жизни бывают уязвимы и их чисто человеческие беды становятся страшными и опасными для государства в целом, поскольку даже гениальные правители здесь оказывались беспомощными, как малые дети.

После смерти Ивана Молодого возникла серьезная проблема престолонаследия. Кому отдавать в руки государство: внуку Дмитрию, сыну умершего, или сыну своему от второй жены Софии Палеолог, Василию Ивановичу? Точного ответа на сей важный вопрос Иван Васильевич не знал. При дворе образовались две партии. У той и у другой в этом деле были свои интересы. Жену Ивана Молодого, Елену, окружали бояре,

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 282.

вельможи — все русские. Они надеялись, что сын Дмитрий, унаследовав от отца все лучшее, будет править государством мудро и праведно, а им, его верным сторонникам, будет при нем великая польза. Союзники и доброжелатели Софии Палеолог имели на этот счет иное мнение. Они говорили великому князю о том, что приезд племянницы последнего императора Византии в Москву — событие глубоко символичное, что Русское государство стало после женитьбы Ивана на Софии преемником Византийской империи, а значит, сын ее, Василий, просто обязан наследовать престол. Это сыграет важную роль в международных делах.

Но какое решение принесет стране большую пользу и меньший вред? Иван Васильевич думал над этим сложнейшим уравнением с двумя неизвестными очень долго. Да так и не нашел верного ответа, которого с нетерпением ждали от него родные и близкие, приближенные ко двору бояре и князья, весь народ. И тогда самые заинтересованные люди решились помочь великому князю найти ответ.

София и Елена обе чужеземки, а значит, в равной мере равнодушные к проблемам русского народа. Обе тщеславные, воспитанные во дворцах, знакомые с интригами родителей и родных не понаслышке, обе в равной мере ненавидевшие друг друга именно потому, что после смерти Ивана III Васильевича им вместе на Русской земле жить будет очень тесно, обе коварные притворщицы, они долго готовились к решительной схватке друг с другом.

Шансы победить были у той и другой. Иван III Васильевич ценил и уважал жену старшего сына, но Софию он любил и не только как племянницу последнего византийского императора.

В конце 1498 года союзники Софии (впрочем, это могли быть и ее коварные враги) перешли к действиям. Дьяк Федор Стромилов и его сообщники, люди молодые и горячие, ровесники Василия Ивановича, стали нашептывать ему, что великий князь хочет объявить наследником Дмитрия Ивановича, который, получив власть, обязательно погубит сына Софии как законного престолонаследника. Василий поверил в это и дал вовлечь себя в заговор. Его союзники разработали несложный план убийства Дмитрия и бегства в Вологду, где находилась казна Ивана III Васильевича. Число заговорщиков быстро росло. Они давали клятвы верности друг другу, но нашелся среди них предатель, доложивший обо всем великому князю.

В страшном гневе Иван III приказал взять под арест и пытать всех участников заговора. Пытки дано терпеть далеко не всем. Люди быстро признавались в грехах тяжких, и тут же звучали приговоры. Четверым отрубили головы, двоим отрубили сначала ноги, потом руки, а потом и головы. Многих пожалели, отправили в темницы — жилось им там несладко. К Василию приставили стражу. У Софии в покоях схватили каких-то женщин, обвинили их в колдовстве и, не долго думая, утопили несчастных в Москве-реке. Великую княгиню, однако, не тронули. Иван III Васильевич прервал с ней все отношения.

Задача, кажется, была решена. Одно неизвестное удалось нейтрализовать, а второе из неизвестных тут же превратилось в известное — в

законного наследника! Иван III назвал Дмитрия «своим преемником и возложил на него венец Мономахов».

Но решение задачи и ответ не понравились великому координатору! Человек, который почти всегда удачно манипулировал сложнейшими политическими ситуациями, спасовал вдруг, решая семейную задачку. Союзники победившей Елены быстро поняли, что государь остался недоволен навязанным ими ответом. Он упрямо искал иной, верный ход.

В 1499 году Иван III Васильевич изменил решение с точностью до наоборот. Приговор его был очень суров. Он не пожалел даже князя Ряполовского, отец которого много лет назад, рискуя собственной жизнью, спас Ивана III, тогда мальчика, от Дмитрия Шемяки. Отрубили голову Семену Ряполовскому. Хотели то же самое сделать с головой князя Ивана Юрьевича Патрикеева, человека, который тридцать шесть лет служил верой и правдой Ивану III, одержал много великих побед на полях сражений, много полезных и важных для государства мирных дел совершил, но не пожалел его великий князь, запутавшись при решении уравнения с двумя неизвестными. Митрополит Симон и другие священнослужители, не боясь гнева государева, смело вступились за князя Патрикеева, просили пощадить сего мужа, спасли Ивана Юрьевича и старшего сына его; оба они постриглись в монахи. Младший сын остался под домашним арестом.

Эта первая боярская опала, как пишет Н. М. Карамзин, «изумила вельмож, доказав, что гнев самодержца не щадит ни сана, ни заслуг долговременных». Впрочем, главная цель так и не была достигнута, Иван III так и не решил задачу. Он назвал Василия государем, великим князем Новгорода и Пскова, не лишив Дмитрия сана великого князя владимирского и московского, и перенес решение этой задачи на более позднее время.

Последние битвы

Последние шесть лет жизни Ивана III Васильевича прошли в войнах. В Восточной Европе сложились в конце XV века две коалиции. Литву поддерживала Польша. В 1499 году на Виленском сейме было установлено, что «впредь великий князь литовский не будет выбираться без согласия Польши и, наоборот, Польша не должна выбирать короля без соглашения литовского дворянства». Это сближение двух государств заметно улучшило позиции Литвы в противостоянии ее с Русью. В 1501 году, когда война между этими государствами достигла значительной напряженности, умер король Альберт, и, согласно Мельницкому договору, заключенному в том же году и постановившему, что Литва и Польша составляют единое государство и должны иметь одного короля, избираемого на сейме в Кракове, престол двуединого государства занял Александр. Воевать с Иваном III он побаивался, хотя его поддерживали магистр Ливонского ордена Вальтер фон Плеттенберг, а также хан совсем ослабевшей Золотой Орды Шиг-Ахмет. На стороне Александра стоял папа римский. И кроме того, Ивану III доставляли много забот князьки Казанского ханства, мечтавшие освободиться от опеки Москвы.

Вторую коалицию составили русский князь, крымский хан и господарь Стефан Молдавский. В 1502 году, правда, Стефан отошел от Руси, узнав о том, что Иван III по какому-то поводу приказал приставить к Елене и Дмитрию стражу, объявив Василия наследником престола. Кто был повинен в этой опале стефановых внука и дочери, трудно сейчас сказать точно, но господарь Молдавии очень оскорбился, и даже мудрый Менгли-Гирей не смог примирить его с Иваном III. Потеряв сильного союзника, Иван III не потерял инициативу в войне с Литвой, тут-то и всполошились монархи Европы и папа римский Александр VI.

Дело в том, что в начале XVI века резко усилилась Османская империя. Захватив чуть ли не весь Балканский полуостров, войска султана Баязета не остановились на этом, стали угрожать Италии, взяли два города Венецианской республики. Кровопролитная война в Восточной Европе ослабляла христианский мир. В 1503 году папа римский и кардинал Регнус отправили в Москву послов, которые пытались убедить Ивана III прекратить борьбу, дать возможность Польше и Венгрии воевать против Порты и советовали самому участвовать в этой войне.

Иван III Васильевич не стал противопоставлять себя всему христианскому миру, согласился на переговоры, между прочим, еще и по иной причине — Русь устала воевать, нужна была мирная передышка, а великий князь «держал руку на пульте» уверенно! Диалог с послами Александра повел он на высочайшем дипломатическом уровне, не поддался ни на какие уловки противника, отстоял интересы своей державы и заключил не вечный мир с Литвой, как она того ждала, а лишь перемирие, потому что Литва еще владела землями Руси, чужими землями, а чужой землей вечно владеть еще никому не удавалось.

О том, насколько серьезны были доводы папы римского и кардинала Регнуса, можно судить по последней воле Стефана Молдавского. Поругавшись с Иваном III, он не пошел в союзники Польши, как ни уговаривали его послы Александра, а перед смертью завещал сыну Богдану и молдавской знати... покориться Османской империи. «Знаю, как трудно было мне удерживать право независимого властителя, — сказал он. — Вы не в силах бороться с Баязетом (Баязидом. — *А. Т.*) и только разорили бы отечество. Лучше добровольно уступить то, чего сохранить не можете». Эта предсмертная мудрость великого молдавского государственного деятеля, заботившегося прежде всего о счастье своего народа, а не о призрачной славе победителя или геройски погибшего бойца, может подсказать пытливому наблюдателю причины возвышения Османской империи и бурного расширения ее границ в XV — XVI веках. Турки побеждали не только силой оружия, но и силой разума. Они, как это ни прискорбно слышать христианам, побеждая, завоевывая, уничтожая непокорных, строптивых, в конце концов устанавливали на завоеванных землях режим, благоприятствующий мирной жизни местного населения, не богатой, но именно мирной. А мира на Балканах, как и во всем Причерноморье, и в других районах, захваченных Османской империей, до этого не было, о чем убедительно свидетельствует хронология войн, походов и сражений в Европе хотя бы с VI по XV века нашей эры.

Богдан послушался доброго совета умирающего отца. Иван III Васильевич проявил исключительную прозорливость, не дав послам папы римского втянуть себя в активную антиосманскую политику. Об этом почему-то редко говорят, вспоминая плюсы и минусы Ивана III Васильевича. Но великий координатор до последних дней своей бурной жизни не терял чувства меры — очень важного качества всех крупных государственников. «<...> начало его единовластия не представляло в сущности никакого нового поворота против прежних лет. Ивану оставалось идти по прежнему пути и продолжать то, что было уже сделано при жизни отца. Печальные события с его отцом внушили ему с детства непримиримую ненависть ко всем остаткам старой, удельновечевой свободы и сделали его поборником единодержавия. Это был человек крутого нрава, холодный, рассудительный, с черствым сердцем, властолюбивый, непреклонный в преследовании избранной цели, скрытный, чрезвычайно осторожный; во всех его действиях видна постепенность, даже медлительность; он не отличался ни отвагою, ни храбростью, зато умел превосходно пользоваться обстоятельствами; он никогда не увлекался, зато поступал решительно, когда видел, что дело созрело до того, что успех несомненен. Забирание земель и возможно прочное присоединение их к московскому государству было заветною целью его политической деятельности; следуя в этом деле за своими прародителями, он превзошел всех и оставил пример подражания потомкам на долгие времена. Рядом с расширением государства Иван хотел дать этому государству строго самодержавный строй, подавить в нем древние признаки земской раздельности и свободы, как политической, так и частной, поставить власть монарха единым самостоятельным двигателем всех сил государства и обратить всех подвластных в своих рабов, начиная от близких родственников до последнего земледельца. И в этом Иван Васильевич положил твердые основы; его преемникам оставалось дополнять и вести дальше его дело»[1].

В постоянных заботах и тревогах он чуть было не упустил... женитьбу сына Василия!

Престолонаследнику было уже двадцать пять лет, уже великий князь стал чувствовать себя неважно, а достойной невесты Василию найти не удавалось: в 1503 году сорвалось сватовство будущего государя всея Руси и принцессы датской Елизаветы. Как ни обидно было отцу, он, понимая, что жить ему осталось недолго, согласился женить Василия на соотечественнице.

Согласно легенде, в хоромы великого князя свезли со всей земли Русской 1500 благородных девиц, одна другой краше. Тысяча пятьсот невест! У любого жениха глаза бы разбежались. Все — знатных родов, все — на вид милые, добрые, все очень замуж хотят. Поди-ка выбери из них единственную, чтобы и уму, и сердцу радость от нее была, чтобы крепких детей рожала она, да обязательно сыновей, чтобы мужа во всех его делах поддерживала да не перечила ему, не мешала повелевать государством огромным. Выбирал Василий жену себе недолго, увидев краса-

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 204.

вицу Соломонию, дочь совсем не знатного Юрия Константиновича Сабурова, потомка Мурзы Чета, огорошил своим выбором всех знатных бояр да князей. Но царское слово — закон. Дворянин Сабуров обрадовался этой неожиданной, прямо-таки сказочной удаче, но не на счастливой свадебной ноте закончилась жизнь Ивана III Васильевича.

Во время свадьбы, в день веселия великому князю доложили о том, что Махмет-Аминь, хан Казанский, присягнувший Москве, убил посла великокняжеского, русских купцов, их жен, детей, стариков родителей, проживавших в Казани, разграбил все имущество, роздал его своим подданным и сколотил из них крепкое войско в шестьдесят тысяч человек. Действуя решительно и азартно, хан осадил Нижний Новгород. Ситуация для осажденных была очень опасной. В городской темнице томились триста литовцев, прекрасных стрелков, попавших в плен во время последней войны между Иваном III и Александром. Воевода Нижнего на свой страх и риск, без одобрения Москвы выпустил пленников из темницы и сказал, что если с их помощью он одержит победу над казанцами и их союзниками ногайцами, то всех до единого литовцев он, Хабар Симский, отпустит на родину. Литовцы приняли условие, взяли ружья и вышли на огневой рубеж.

Казанцы приготовились к штурму. Руководил ими хоть и молодой, но опытный шурин хана. Литовцы, выждав момент, повели прицельную стрельбу по бегущим к стенам казанцам. Первым же залпом был убит военачальник штурмующих крепость. Увидев полководца мертвым, они стушевались. Раздался второй, а затем и третий залп — ряды атакующих дрогнули. Махмет-Аминь снял осаду. Деморализованное войско с позором бежало от стен города.

Воевода Хабар Симский выполнил обещание. Литовцы со славой и с большой наградой за воинский подвиг отправились на родину. Иван III послал на казанского хана стотысячное войско, но Махмет-Аминю удалось без потерь уйти от жестокой расправы. А вскоре после этого болезнь свалила с ног великого князя всея Руси, и 27 октября 1505 года Иван III Васильевич скончался.

В целом положительная, а в некоторых эпизодах даже восторженная оценка деятельности этого великого человека, данная здесь, не является единственной и общепринятой. Скорее наоборот: разные историки характеризуют Ивана III Васильевича и подытоживают его дела совершенно поразному, подчас мнения их диаметрально противоположны одно другому.

Новые законы для новой жизни

Одним из важнейших итогов деятельности Ивана III Васильевича стал Судебник 1497 года — свод законов нового Русского государства. До этого начиная с XIII века на Руси рядили суды по Кормчим книгам, представлявшим собой сборники церковных и светских законов, источниками которых являлись болгарские и сербские переводы византийских Номоканонов, а также Русская правда, княжеские уставы и так далее. Коренное изменение государственной структуры, государственного строя потребовало изменения законов, ориентации их на новые условия жизни.

В 1491 году Иван III выдал дьяку Владимиру Гуляеву собственное Уложение, «писанное весьма ясно и основательно», и повелел проработать, где нужно исправить Кормчие книги, все древние законы. Через шесть лет Судебник был готов.

«Главным судиею был великий князь с детьми своими: но он давал сие право боярам, окольничим, наместникам, так называемым волостелям и поместным детям боярским, которые, однако ж, не могли судить без старосты, дворского и лучших людей, избираемых гражданами. Судьям воспрещалось всякое пристрастие, лихоимство; но осужденный платил им и дьякам их десятую долю иска, сверх пошлины за печать, за бумагу, за труд»[1].

Надо признать, что кажущиеся на рубеже XX — XXI веков «варварскими» некоторые пункты Судебника 1497 года вполне соответствовали духу той эпохи. На Руси, например, по вновь принятому закону «все решалось единоборством». То есть истец и ответчик выходили на бой и «острым железом» определяли виновность того или другого. А, скажем, в Южной Азии в XVI — XVII веках лакмусовой бумажкой, выявлявшей преступника, служили... пятки обвиняемого. При всем честном народе он, предварительно попарив пятки в горячей воде, чтобы стали они мягче, чувствительнее, бросался на беговую дорожку, густо усыпанную раскаленными углями. Если ему удавалось пробежать несколько десятков метров по огненной дорожке и не упасть, то он, еще не очень счастливый, подходил к судьям и показывал им свои ступни, распаренные и обожженные огнем. Вина преступника устанавливалась моментально: у большинства огненных спринтеров на ступнях появлялись кровавые волдыри. Подобные методы судопроизводства практиковались в те же века и в других частях планеты.

Иван III, приняв закон о единоборстве как о самом надежном средстве определить виновного, культивировал в народе уважение к силе, а не жестокость или толстокожесть пяток. Стране нужны были воины сильные и ловкие. Она только-только начала свой путь в большой истории и обязана была не просто защищать сильных, иначе они быстро превратились бы в слабых, но создать условия для воспитания сильных. Судебные поединки содействовали этой благородной цели.

Очень уж мягкотелые люди обвиняют Ивана III, да и других русских царей и императоров, в том, что они не отменили телесные наказания. Иван III в Судебнике 1497 года тоже ввел этот метод воспитания преступников. По степени жестокости кнутотерапия мало чем отличалась от других «цивилизованных» способов наказания. В Европе, например, в те века ярко пылали костры инквизиции, на Индостане палачами служили хорошо натренированные слоны, подбрасывающие приговоренных высоко вверх, а затем нанизывающие их на острые толстые бивни. Средневековое человечество понимало гуманность несколько иначе, чем в более поздние века. Но Иван III и в этом оставался великим патриотом.

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 319 — 320.

Однажды он стал свидетелем страшного для русского человека поединка. Жил в те годы в Москве прекрасный боец. Никто не мог его одолеть. Схватился он на поле брани с литовским поединщиком. Русский-то силушкой и ловкостью намного превосходил соперника, но литовец был хитер и знал неизвестные на Руси приемы военного единоборства. Да, в стародавние времена, еще до прихода в Восточную Европу варягов, здесь были великие мастера этого дела. О них ходили легенды далеко за пределами Восточной Европы. Еще в VI веке нашей эры разведчиков-славян охотно нанимали в войска Велизарий и Нарзес — знаменитые византийские полководцы. Куда все делось?! Кольчуга варягов отучила славян, совершавших подвиги похлеще, чем современные ниндзя, воевать тем, что дает им в руки природа, — разумом. Литовец исхитрился, провел один прием, затем другой, и русский боец — из Москвы родом — запутался, потерял бдительность, получил смертельный удар в висок.

Тут Иван III Васильевич разволновался не на шутку. Наших бьют! Разве это мыслимо?! Надо что-то делать, и очень срочно, пока на поединках не полегли все русские богатыри. Времени на обдумывание ситуации у великого князя, к сожалению, не было. А то бы он открыл в каком-нибудь монастыре школу военного искусства, дал бы приказ русским богатырям в совершенстве овладеть всеми хитростями и подлостями искусства военного единоборства, но... в этот раз он так сказал: не нужны нам судные поединки между русскими и чужеземцами, без них разберемся, кто прав, а кто виноват. И баста. Хороший пример монаршего патриотизма продемонстрировал Иван Васильевич.

Город-солнце

Следил он и за порядком в стольном граде: учредил полицию, организовал почту, ямы, селения на почтовых трактах. Особое внимание великий князь уделял дорогам.

При Иване Васильевиче было положено начало чиновной иерархии. Высшим чином в государстве стал боярин, им жаловал своих подчиненных сам великий князь, а затем и другие цари. Чуть ниже находился чин окольничего. В первые годы XVI века в Москве стал функционировать разряд (приказ), следивший за внутренним порядком в городе, а также посольский приказ...

В конце XV столетия Москва представляла собой большой деревянный город, с многочисленными куполами церквей, возвышавшихся над изящной кремлевской стеной, разбросанных по посадам, Подолу. Много церквей было срублено из местной сосны, но в Кремле каменные храмы уже не являлись редкостью. На Боровицком холме разместились среди церквей княжеские, боярские и монашеские дворы (подворья); городских дворов здесь становилось все меньше из-за огромной стоимости земельных участков. Кремль превращался в административный, духовный, культурный центр, ядро не только Москвы, но и быстро развивающейся, расширяющейся страны.

Гораздо дешевле стоила земля на Подоле — низменной части кольца кремлевских укреплений, где размещались служебные постройки князей

и бояр, проживающих на вершине холма. В XV веке Подол стал резко уменьшаться. На него со стороны Боровицкого холма надвигались строения Кремля, а с противоположной стороны — Посад. Подол, современное Зарядье, — древнейшая часть Китай-города.

В конце XV века «Подол пользовался особой юрисдикцией, тогда как остальная нагорная территория великого посада, начиная от Варварки, составляла иной судебный округ. Небольшие размеры судебного округа в Подоле по сравнению с другими частями Москвы объясняются его большой населенностью... Китайгородская гора заселялась позже низменного Подола, поэтому она составила вместе с прилегавшими к ней районами новый судебный округ Москвы»[1].

До правления Ивана III Москва, как свидетельствуют летописцы и данные археологических раскопок, представляла собой значительный, быстро растущий город. Но по своей внутренней структуре, да и по внешнему виду, он не отвечал еще новому своему назначению, оставаясь скорее великокняжеским городом, нежели столицей Русского государства.

Иван III, создавая остов Московского государства, устраивал для него и столицу, главный город крупной европейской державы, где появились, как сказано выше, новые службы (например, посольский приказ), где быстро менялась сама психология горожан — от князей и бояр, приближенных ко двору, до обыкновенного смерда и черных людей. Все это нужно было учитывать при застройке города, при планировании новых посадов, изменении старых районов, в том числе и Кремля.

В 1492 году Иван III наконец-то решил строить каменное здание для жилья, переехал на время с семьей во двор Ивана Юрьевича Патрикеева, затем, когда началась разборка деревянных хором, построил себе временное жилье за восточной стороной Архангельского собора. Два пожара 1493 года в Кремле на шесть лет приостановили работы, и закладка каменного дворца произошла лишь в 1499 году. Возведением так называемого Теремного дворца руководил Алевиз Фрязин. Он закончил работу уже после смерти Ивана III — в 1508 году.

Расширяясь, Москва медленно наступала на знаменитые московские красивые Красные села, многие из которых принадлежали когда-то легендарному Степану Ивановичу Кучке. Так, например, над Яузой, над современной Серебрянической набережной, на правом берегу реки, находилось село Воронцово, в начале XVI века уже оказавшееся в черте города. В этом неспешном росте еще было трудно угадать одно из отличительных свойств великого города: его солнечную, или атомарную, планировку с ярко выраженным центром (ядром), разбегающимися в разные стороны лучами-улицами, с окружностями-сферами, соединяющими в одно целое разные районы, микрорайоны, кварталы, дома, семьи, людей, с разбросанными вокруг города деревушками, селениями, городами-спутниками. Эта ярко выраженная солнечная планировка еще не проявлялась столь заметно, как, скажем, в конце XVII столетия. Но после окончания основных работ по возведению кремлевской стены чер-

[1] *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва. М.: Книжный сад, 1997. С. 71.

ты города-солнца уже определились в абрисе, и с каждым десятилетием они пропечатывались на картах Москвы все четче.

Данный факт не является заслугой или достижением великого князя всея Руси Ивана III Васильевича. Он не проводил разметку города, как это, согласно легендам, сделал в свое время Александр Македонский в Александрии Египетской, он в данном вопросе действовал скорее по-китайски, чем по-европейски: не срывал холмы, не закапывал овраги, не нивелировал почву, в том числе и «историческую почву» — обычаи, нравы, устои многовековые. Он, подстраиваясь под природное и человеческое, расширял и менял вместе с изменением социального климата жизни городское хозяйство, городской быт, а значит, и внешний облик Москвы.

И вот что удивительно! Москва, словно бы получив какой-то глас свыше, менялась и расширялась с тех пор по солнечному принципу, хотя многие города других времен и народов, начиная свою жизнь с обыкновенной крепости и некоторое время развиваясь по тому же принципу, в конце концов уходили от него, очень сложного, обязывающего, избирали иной градостроительный принцип — вавилонский, квадратно-гнездовой. В некоторых случаях люди пытались, кто-то успешно, кто-то нет, соединить эти принципы, но Москва осталась верна идее города-солнца, в чем может убедиться любой человек, просмотрев схемы и планы всех крупных и мелких городов мира на рубеже XX — XXI веков...

Иван III завещал столицу с волостями и путями полностью Василию III Ивановичу, положив конец третному владению городом. Оно началось после смерти Ивана Калиты, завещавшего Москву трем сыновьям — Семену, Ивану и Андрею. Эта система владения столицей, как было уже рассказано в книге, мешала организовывать жизнь и управлять городом, часто приводила к недоразумениям. Но никто из великих князей долгое время не решался отменить третное владение, и даже Иван III оставил особого наместника «на княжение Володимерской трети»[1].

И подытожить рассказ о жизни Ивана III хочется словами историка С. Ф. Платонова: «<...> Когда он начал княжить, его княжество было окружено почти повсюду русскими владениями: Господина Великого Новгорода, князей тверских, ростовских, ярославских, рязанских. Иван Васильевич подчинил себе все эти земли или силой, или мирными соглашениями. В конце своего княжения он имел лишь иноверных и иноплеменных соседей: шведов, немцев, литву, татар. Одно это обстоятельство должно было изменить его политику. Ранее, окруженный такими же, как он сам, владетелями, Иван был одним из многих удельных князей, хотя был и самым сильным; теперь, уничтожив этих князей, он превратился в единого государя целой народности. В начале своего княжения он мечтал о примыслах, как мечтали о них его удельные предки; в конце же он должен был думать о защите целого народа от иноверных и иноземных его врагов. Коротко говоря, сначала его политика была удельной, а затем эта политика стала национальной»[2].

---

[1] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 176.
[2] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 176.

Основные события жизни Ивана III Васильевича

1440 год. У Василия Васильевича Темного и Марии Ярославны 22 января родился сын Иван.

1447 год. Состоялось торжественное обручение Ивана Васильевича и Марии, дочери князя тверского Бориса Александровича.

1449 — 1450 годы. Иван Васильевич в договорах отца с Новгородом именуется великим князем.

1450 год. Десятилетний отрок Иван водил дружину против казанских царевичей, вторгшихся в муромские и владимирские земли.

1452 год. Иван Васильевич участвовал в войне против Шемяки.

1461 год. Молодой великий князь отразил набег ордынцев, разгромил их войско у Коломны.

1462 год. После смерти Василия Темного началось великое княжение Ивана III Васильевича.

1463 год. Иван III удовлетворил просьбу Пскова и дал городу наместника, угодного псковичам, но не разрешил им «отложиться» от новгородского владыки. Великий князь отправил в Псков дружину для борьбы с немцами. В тот же год Ярославль оказался под властью Москвы.

1464 год. Иван III женил рязанского князя на своей сестре. Рязанское княжество он признал самостоятельным владением, но, как считает Н. И. Костомаров, совершенно взял его в свои руки.

1465 год. Хан Золотой Орды Ахмат собрал войско для похода на Москву, но крымский хан Кази-Гирей вмешался в дело, начал войну с Ахматом.

1466 год. В Восточную Европу вновь явилась моровая язва, она сгубила в общей сложности более 250 тысяч человек. Скоропостижно умерла жена Ивана III — великая княгиня Мария, которую, как подозревают, отравили.

1467 год. Великий князь послал войско во главе с князьями Иваном Юрьевичем Патрикеевым и Стригой-Оболенским на Казань. Поход был неудачным.

1468 год. Русская рать во главе с князем Семеном Романовичем осуществила поход в Черемисскую землю. Он дошел почти до Казани. Иван Стрига-Оболенский изгнал отряды казанцев из Костромской земли. Князь холмский Даниил — из Муромской земли.

В тот же год Иван Васильевич собрал крупное войско, пошел на Казань, но затем сам вернулся в Москву, а войско доверил московскому военачальнику Руно и устюжскому князю Ивану Звенцу. По иному маршруту на Казанское ханство ходил нижегородский князь Федор Хрипун-Ряполовский с московской дружиной. Оба войска нанесли ханству ощутимый урон, но Ибрагим не остался в долгу, присвоил Вятку.

1469 год. Иван III организовал новый крупный поход на Казань, неудачный. Русские понесли большие потери. Мать Ибрагима помогла сыну — лживыми обещаниями дезорганизовала действия русских дружин.

Великий князь в этом же году вновь послал на Казанское ханство крупное войско, на этот раз во главе со своими братьями Юрием и Андреем. Они нанесли под Казанью крупное поражение Ибрагиму, и тот вынужден был заключить мир, исполнив все требования Ивана III.

1470 год. Началась решительная борьба с Новгородом. Жители города, подстрекаемые знатными людьми, в том числе боярыней Марфой Борецкой, решили искать союзников в Литве.

1471 год. 23 мая Иван III Васильевич объявил Новгороду войну. За несколько дней он собрал крупное войско, какого еще не водили русские князья на Новгородскую землю, начал широкомасштабные боевые действия на всей территории вечевой республики. В июне его войско нанесло противнику сокрушительное поражение при реке Шелони, а немногочисленная рать воеводы Образца и воеводы Бориса Слепого разгромила Василия Шуйского в Заволочье. Новгородцы признали поражение, но еще пытались сохранить старые порядки. 1 сентября Иван Васильевич с огромной добычей двинулся в Москву.

1472 год. Московская рать покорила Великую Пермь. Владения великого князя теперь простирались до Уральского хребта.

Хан Золотой Орды Ахмат в этом же году с попустительства Литвы вторгся в Русскую землю. Иван III, узнав об этом, двинул на врага почти двухсоттысячное войско. Ахмат сжег Алексин, но, когда увидел сосредоточенные за Окой дружины русских, не решился продолжать войну.

В тот же год Иван сватает Софию Палеолог. 12 ноября царевна прибыла в Москву. Свадьбу сыграли тут же.

Авторитет государства и его повелителя растет на Западе и на Востоке. Иван III делает все, чтобы в Москву приезжали художники, архитекторы, мастера-строители, выдающиеся ремесленники.

1473 год. Началась война с Литвой. Союзником Москвы в ней оказался крымский хан Менгли-Гирей.

1474 год. Совместная борьба с Литвой закончилась заключением мирного договора между Иваном III и Менгли-Гиреем.

1475 — 1477 годы. Иван III дипломатическими методами пытается подчинить Новгород Москве.

В этот же период налаживаются контакты между Русским государством и Венецианской республикой.

1478 год. Новгород ищет союза с Казимиром литовским. Великий князь, узнав об этом, привел московские дружины к Новгороду. Город открыл ворота. Вечевой строй в Новгороде был сокрушен, город подчинен Москве окончательно.

1480 год. После так называемого стояния на Угре русских и ордынских войск официально закончилась данная зависимость Руси от Золотой Орды.

1481 год. Двадцатитысячное войско, посланное Иваном III, во главе с Иваном Булгаком и Ярославом Оболенским ворвалось на подконтрольную Ливонскому ордену территорию и нанесло ливонцам материальный ущерб.

1482 год. Менгли-Гирей подписал с Литвой мир. Но Иван III с помощью большого войска и ловких дипломатов Юрия Шестака и Михайла Кутузова вынудил крымского хана воевать с Литвой.

Венгерский король Матиаш Хуньяди (Матвей Корвин) прислал в Москву чиновника Яна, а Иван III отправил в Венгрию дьяка Федора Курицына. Переговоры прошли успешно. Великий князь заключает союз с Венгрией для совместного ведения войны с Польшей.

Состоялось обручение Ивана Молодого, старшего сына великого князя, и Елены Волошанской, дочери господаря Молдавии Стефана III Великого.

1483 год. В Нарве заключено двадцатилетнее перемирие между Ливонией и Русью.

1485 год. Иван III объявил войну князю тверскому Михаилу, обвинив его в сношениях с Литвой. Михаил вынужден был пойти на серьезные уступки Москве, хотя несколько месяцев Тверь формально оставалась независимой. В сентябре Иван III выступил в поход на Тверь. Тверчане вышли из города и встретили Ивана как законного государя. Тверское княжество прекратило существование.

1487 год. 9 июля русское войско взяло Казань.

1489 год. К Русскому государству окончательно присоединена Вятка.

1490 год. Умер сын Ивана III, наследник великокняжеского престола Иван Молодой.

1491 год. Иван III арестовывает своего брата Андрея за невыполнение договорных обязательств — не прислал вовремя войско царевичу Салтагану.

1492 год. Русские заложили неподалеку от Нарвы каменную крепость Иван-город.

1493 год. Иван III арестовал ганзейских купцов в Новгороде. Это на долгие годы ухудшило внешнюю торговлю Руси с балтийскими странами.

1494 год. После смерти в 1492 году Казимира королем польским стал его старший сын Альберт, а великим князем литовским — младший сын Александр, что ослабило Литву. Иван III усиливает дипломатическое и военное давление на западного соседа. Не в силах сдержать этот натиск, Александр принял предложение Москвы и в феврале обручился с дочерью Ивана III Еленой.

1496 год. Закончилась датско-шведская война, в которой русские оказали серьезную помощь датскому королю Хансу Ольденбургскому, ставшему затем королем Швеции.

1498 год. Иван III объявил престолонаследником своего внука Дмитрия Ивановича (сына Ивана Молодого) и венчал его в Успенском соборе на царство.

1499 год. Иван III после пересмотра дела о заговоре Софии против Дмитрия нарек сына Василия великим князем Новгорода и Пскова.

В это же время Иван III подчинил своей власти северо-западную Сибирь, издавна платившую дань Новгороду.

1500 год. Русские одержали крупную победу над Литвой. Русское государство постепенно возвращает захваченные Литвой земли.

1501 год. 27 августа большое русское войско потерпело в битве под Изборском поражение от войска магистра Ливонского ордена фон Плеттенберга, поддержавшего Литву. Победитель устремился к Пскову, но

из-за повального недомогания людей в войске магистр вернулся в свой замок.

1501 — 1502 годы. Желая отомстить Ливонскому ордену, Иван III послал в поход князя Даниила Щеню. Тот провел операцию великолепно: около сорока тысяч воинов неприятеля было или убито, или пленено, взята огромная добыча. Окрестности Дерпта, Нейгаузена, других городов были опустошены. Фон Плеттенберг ответил на это налетами на Русскую землю.

1502 год. Сын Софии Палеолог Василий был посажен отцом на княжение Владимирское и Московское, но не на все Московское царство.

Иван III поддерживал союзнические отношения с Менгли-Гиреем. Тот разорил окрестности Луцка, Турова, Львова, других городов Литвы и Польши.

Летом этого же года крупные силы русских осуществили очередной поход в Литву, осаждали Смоленск, но из-за нехватки продовольствия вернулись с богатой добычей в Москву.

1503 год. Иван III заключил с Литвой выгодный для себя мир.

1503 — 1505 годы. Иван III, как и в предыдущие годы, активно и успешно занимался внешней политикой. Силу и государственный ум русского царя оценили многие монархи Европы.

1505 год. Казанский хан Махмет-Аминь восстал против Москвы, убил гостей, посланных Иваном III, вступил с шестидесятитысячным войском в пределы Руси, осадил Нижний Новгород. С помощью трехсот литовских пленных, прекрасных стрелков, воевода Хабар Симский спас город. Литовцы за этот подвиг получили свободу и вернулись домой.

27 октября этого же года Иван III Васильевич умер.

Василий III Иванович

(1479 — 1533)

Престолонаследие не по Алексию

Иван III Васильевич в конце жизни оставил сыновьям одну из важнейших задач для любого государства — задачу передачи власти — нерешенной. Умирая, он позвал к себе внука Дмитрия и, как написано в труде Герберштейна, сказал: «Я согрешил перед Богом и пред тобою, заключив тебя и лишив законного наследия. Прости мне сию жестокость. Ты свободен, иди и пользуйся своим правом!»

Сейчас, спустя почти пять столетий, проверить достоверность этого разговора трудно, но поверить в его реальность еще труднее! Иван III должен был знать, что сын Василий, который являлся соправителем отца в последние три года, имел во дворце много преданных слуг, готовых исполнить любой приказ сына Софии. Разве справедливо поступил дед, признавший свой грех и отправивший внука «пользоваться своим правом», не объявив об этом во всеуслышание?!

Дмитрий, совсем еще юный и кроткий, простил деду его грех, нежно простился с умирающим и... оказался в руках слуг своего дяди, который повелел препроводить племянника (законного престолонаследника с точки зрения той схемы передачи власти, о которой мечтал еще митрополит Алексий) в темницу. Если поверить в правдивость описанной чужеземцем сцены, сцены прощания деда и внука, то Василий III Иванович предстает перед потомками как обыкновенный узурпатор власти. Историки, называя «царствование Василия продолжением Иванова» царствования и описывая в подробностях успехи и неудачи правления этого самодержца, как-то вскользь, словно бы с неохотой повествуют о тех событиях в судьбе сына Софии Палеолог, которые так или иначе связаны с упомянутой выше нерешенной Иваном III задачей.

Все верно! Громкие победы, заслуженная слава Василия III Ивановича глубоко историчны по своей сути. «...Мало в истории примеров, когда бы царствование государя могло назваться продолжением предшествовавшего в такой степени, как это. Василий Иванович шел во всем пути, указанном его родителем, доканчивал то, на чем остановился предшественник, и продолжал то, что было начато последним»[1]. С этим спорить трудно.

---

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. I. С. 276.

Василий Иванович «посадил в железа племянника своего, великого князя Дмитрия Ивановича, и в палату тесну посадил»[1]. В какой именно темнице сидел сын Ивана Молодого, в точности неизвестно, это дает право некоторым историкам считать, что Дмитрий Иванович провел последние годы жизни под домашним арестом. Так или иначе, законный, венчанный на царство прямой наследник Ивана III был надежно нейтрализован Василием III. Так надежно, что Дмитрий (то ли смирился со своей участью?) никак и ничем себя не проявил в последний период жизни, что избавило государство Российское в очень ответственный для страны момент от кровопролитной борьбы за престол.

Брат Дмитрий

В 1506 году великому князю сообщили о том, что пленный царевич Куйдакул хочет принять православную веру. Приятная весть обрадовала Василия. Пленника вызвали из Ростова в Москву, привели к самодержцу. Василий в присутствии священнослужителей побеседовал с Куйдакулом и остался доволен: царевич оказался приятным в общении молодым человеком, искренним в своем желании принять крещение, незлым на вид, неупрямым, спокойным. Как раз то, что и нужно было великому князю для осуществления задуманного им дела: великий князь всея Руси решил сбросить Махмет-Аминя, проводившего антимосковскую политику, с казанского престола.

Однажды утром вышел Куйдакул в окружении всего великокняжеского двора на берег Москвы-реки и в торжественной обстановке принял крещение по православному обряду, стал называться Петром. Через месяц казанский царевич породнился с великим князем московским Василием III, женившись на его сестре Евдокии.

Вскоре крупное войско во главе с Дмитрием, братом Василия, отправилось в Казань. В конце мая русские полки вышли к цели, но потерпели обидное поражение от Махмет-Аминя. Василий узнал о первой осечке, послал на Казань закаленного в битвах князя Василия Холмского, предупредив брата, чтобы тот не проявлял инициативы, не лез в драку, неумелый. Дмитрий принял совет к сведению, но, неискушенный в военном деле, решил отличиться. Махмет-Аминь предоставил ему прекрасную возможность отыграться за первое поражение. Казанский хан, уверенный, что русские, крепко побитые, побегут не оглядываясь в Москву, вышел с князьями и со свитой на Арский луг, где народ готовился к открытию знаменитой ярмарки.

Дмитрий поднял своих воинов, и они внезапно атаковали Махмет-Аминя. Казанцы переполошились, почти не сопротивляясь, они ринулись к крепости, давя друг друга. У брата великого князя появилась великолепная возможность ворваться в Казань на плечах противника. Но Дмитрий не сделал ни того, ни другого. Невоенным он был человеком, беспечным. Он увидел на Арском лугу богатые шатры, а на лотках напитки и разные яства, услышал голоса своих воинов и военачальников:

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 429.

«Пора отдохнуть, князь! Да и добыча здесь великая!» и дал слабинку, разрешил русским повоевать с купцами, прибывшими на Казанскую ярмарку. Этот бой закончился славной победой Дмитрия. Его воины набросились на купцов, ограбили их, устроили шумный пир до глубокой ночи. Утром пиршество возобновилось. Пили все: князья и воины, сам Дмитрий и стража. Много пили. Устали пить. А тут и Махмет-Аминь за дело взялся. Долго он смотрел со стен крепости, как старательно орудуют на лугу русские, жаль ему было богатств, но не спешил он, дал как следует насладиться радостью беспечной жизни воинам Дмитрия и, когда они совсем потеряли бдительность, налетел на них смертельным ураганом.

Полегло русских в той резне множество. Остатки войска позорно бежали с поля боя, хотя сил еще было достаточно, чтобы организовать достойный отпор врагу.

Василий не мог сурово наказать воевод за этот провал, потому что главным полководцем в том походе был его брат. С ним он считался. А Дмитрий после бесславного, позором закончившегося похода на Казань отправился в свой удел в Углич, где жил тихо, спокойно, так спокойно, так тихо, что даже жениться не рискнул, умер безбрачным в 1521 году в возрасте 37 лет. В его судьбе, неприметной и скромной, удивительно не то, что он совершил два неудачных похода (первый поход был на Смоленск в 1502 году), а то, что семьей он так и не обзавелся.

За три года до его смерти умер еще один брат Василия III, Семен Иванович. Тоже безбрачный. Это странное совпадение в судьбах двух братьев великого князя позволило историкам предположить, что русский самодержец не разрешал жениться Семену и Дмитрию. И причина тому была у великого князя веская, хотя не всем добрым людям понятная.

Псковский колокол

В 1506 году умер Александр, король польский и великий князь литовский. Василий III поспешил утешить вдову Елену, свою сестру, а заодно попросил оказать ему содействие в важном государственном деле. Русский самодержец хотел занять престол польский и литовский, объединив тем самым три сильные европейские державы. Комментируя этот факт из биографии Василия Ивановича, Н. М. Карамзин пишет: «Мысль смелая и по тогдашним обстоятельствам удивительная, внушенная не только властолюбием монарха-юноши, но и проницанием необыкновенным. Литва и Россия не могли действительно примириться иначе, как составив одну державу: Василий без наставления долговременных опытов, без примера, умом своим постиг сию важную <...> истину; и если бы его желание исполнилось, то Север Европы имел бы другую историю. Василий хотел отвратить бедствия двух народов, которые в течение трех следующих веков ругались между собой о древних и новых границах. Сия кровопролитная тяжба могла прекратиться только гибелью одного из них; повинуясь государю общему, в духе братства, они сделались бы мирными властелинами полунищей Европы»[1].

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 339.

Не успела Елена прочитать письмо брата и выслушать от доверенного лица его просьбу, как преемником ее супруга был объявлен Сигизмунд, брат Александра.

Отношения с ним у великого князя всея Руси поначалу не ладились. Мирные переговоры то и дело срывались, в 1508 году из Москвы сбежал Константин Острожский, нарушивший клятву верности, данную Василию III, чуть позже из Литвы в Москву перебежал не менее знатный князь Михаил Глинский. Дела у Сигизмунда внутри страны тоже шли не блестяще. Но он, прознав о том, что Василий, Менгли-Гирей и волохи готовят с разных сторон нападение на Литву, сумел принять единственно верное в той ситуации решение и сам пошел в наступление, причем Константину Острожскому повелел вести литовские полки в Москву! Великий князь всея Руси вовремя отреагировал на неожиданный ход противника, и война в итоге закончилась вничью, правда, с некоторым моральным, да и позиционным преимуществом Сигизмунда.

Король польский сам предложил мир. Василий, понимая многосложность задачи, стоявшей перед русским самодержцем, благоразумно принял предложение Сигизмунда. Мир с Литвой был заключен.

Через некоторое время и Менгли-Гирей подтвердил дружественные отношения с Василием III. А в следующем, 1509 году Московское государство заключило четырнадцатилетний мирный договор с Ливонией.

Прекрасное начало внешнеполитической деятельности для молодого русского правителя! Нужно было теперь использовать мирную передышку с наилучшей пользой для страны. Василий III Иванович сделал это блистательно. В том же году он осуществил великолепную операцию, которой позавидовали бы знатные хитрецы разных времен и эпох типа римского царя Тарквиния Гордого, средневекового ученого Ланфранка, индийского царя Ашоки I или французского кардинала Ришелье.

Началась эта многоходовая операция осенью того же 1509 года, весьма насыщенного, напряженного для великого князя всея Руси, когда он с огромной свитой отправился в Новгород. Сопровождали его брат Андрей, царевич Петр, царь Летиф, коломенский епископ Митрофан, бояре... О цели этой поездки не знал никто, даже самые близкие и доверенные люди. Слишком большой был риск. Одно неосторожное слово могло разрушить план Василия III, и тогда заголосил бы вечевой колокол в Пскове, сбежался бы люд на площадь со всех концов города, зашумело бы вече, оскорбился бы народ, разбуянился — и войны бы с Псковом не миновать. А войны-то как раз и не хотел хитрец, решив подчинить город мирными средствами, коварными.

Он приехал в Новгород, и бывший Господин Великий, низверженный отцом Василия, ожил на глазах. «Народ с радостью встречал юного монарха: он ехал медленно с величием». Торжественное, пышное начало операции не могло не радовать монарха. Жители Пскова, узнав о визите Василия в Новгород, послали туда семьдесят знатных бояр. Великий князь принял их, взял дар Псковской земли, выслушал приветствия и жалобу, которую он ждал больше, чем даров и сладкозвучных слов. «Обижены мы твоим наместником, а нашим князем Иваном Михайловичем Репней и его наместниками в псковских городах и их людьми».

— Неужто обижают? — недоуменно покачал головой Василий Иванович, едва сдерживая радостную улыбку.

— Обижают! Будь правосуден! Защити нас, добровольных людей, псковитян! — сказали доверчивые псковичи.

Не поняли они, в какую игру играет с ними великий князь, а он совсем уж расхрабрился, возвестил торжественно и громко:

— Я вас, свою вотчину, буду жаловать и оборонять, как отец наш и деды наши! — А затем он тем же уверенным голосом добавил, зорко осматривая жалобщиков (не появилось ли в их взглядах недоверие?!): — Ступайте, я найду на них управу.

Далее события развивались по известному с давних пор сценарию. Псковская делегация вернулась в родной город и на вече доложила согражданам о разговоре с великим князем. Чуть позже туда же явились окольничий Петр Шуйский и дьяк Долматов. Они больше слушали наместника и людей наместника, которые обвиняли во всех бедах псковичей и сами жаловались на них.

В Новгород явились новые послы. Не понимая, к чему могут привести Псковскую республику их жалобы, они слезно просили князя сменить наместника Репню-Оболенского. Василий готов был сделать это, но только «правовым путем». Пусть, сказал князь, ко мне в Новгород приедут все недовольные Репней, я их выслушаю и рассужу по чести. Радостные послы возвратились в Псков, оповестили всех о решении великого князя. Вече радостно загудело. Знатные псковичи написали во все волости письма, в которых они предлагали согражданам ехать в Новгород и докладывать все о проделках Репни. Казалось бы, ничего коварного. Но коварство потому и является страшным оружием, что доверчивые люди его не замечают.

Услышав радостную весть (наконец-то их рассудит сам государь!), самые знатные псковичи валом повалили в Новгород жаловаться не только на Репню, но и друг на друга! Много их прибыло на суд. Василий (с ним же было отборное войско) стал строже, повелел, чтобы к нему явились посадники и купеческие старосты якобы для очной ставки с наместником. А если посадники не приедут, то, объявил совсем строго великий князь всея Руси, «будет вся земля виновата»! А раз «вся земля виновата», то пойдет Василий на Псков войной.

Поняли псковичи, на какой крючок они попались, да деваться им было некуда. Девять посадников, купеческие старосты всех рядов, а за ними бояре да воеводы явились в Новгород... и еще несговорчивее, суровее стал Василий. «Собирайтесь все, кто приехал, ко дню Крещения Господня в архиерейский дом, и я разберу ваши жалобы», — сказал он.

В тот день, шестого января 1510 года, вся верхушка Пскова — чиновники, бояре, купцы, воеводы вошли в палату архиерейского дома и замерли в тревожном ожидании. «Вот приедет барин, барин нас рассудит». Вот явится в палату князь и разрешит все наши споры. Василий в архиерейский дом не пришел. Бояре великокняжеские пришли вместо него и сказали: «Вы пойманы Богом и государем Василием Ивановичем». И весь сказ! Подобную операцию, если верить Титу Ливию, осуществил за две тысячи с лишним лет до подчинения Пскова Москве римский царь

Тарквиний Гордый, оставив без военного, гражданского и административного руководства вражеский Риму город Габий. На Апеннинах без жертв не обошлось: вся верхушка города Габия была уничтожена. Василий III Иванович сработал чище...

Псковичи узнали о случившемся от купца Филиппа Поповича. Тут же прозвучал тревожным набатом колокол, люд собрался на вече, загалдел. Что же делать? Воевать? Но псковичи совсем недавно целовали крест, клялись не поднимать руку на великого князя! Значит... простить коварство? Нельзя прощать! Князь пойдет дальше и уничтожит вечевое правление в Пскове. Но воевать с Василием бессмысленно. У него огромное войско, опытные полководцы, современное вооружение, пищали!

Что же делать?

Может быть, попросить помощи у ливонцев, шведов или литовцев? Они всегда были рады... Ну уж этого делать псковичи не думали. Да, великий князь всея Руси поступил с ними так, как ни один чужеземный владыка не поступал, вторгаясь в Псковскую землю. Обидно терпеть подобное от соотечественника, от единоверца. Но Русь предавать никак нельзя.

И заплакали псковичи слезами горькими, послали к Василию Ивановичу людей. Те просили великого князя помиловать свою «вотчину старинную». Молча выслушал их просьбу князь, а затем в Псков явился дьяк Третьяк Долматов, вышел он на вече и зачитал грамоту: «Если вы, вотчина моя, посадники псковские и псковичи, еще хотите по-старому пожить, то должны исполнить две мои воли: чтобы не было у вас веча и колокол вечевой сняли долой, чтобы в Пскове было два наместника...» «А иначе, — сказал дьяк Третьяк, — у государя наготове крупное войско и пойдет он войной на Псков и уж тогда добра от него не ждите».

Псковичи молча выслушали приговор своей вольнице, поклонились послу и перенесли решение важного вопроса на утро. Утро вечера мудренее. Но не о мудрости думали в тот вечер псковичи, а о колоколе своем, который отстоять не было никаких сил. И ночь они выпросили не для отдыха и мудрых мыслей, а для прощания. Как говорится в «Повести о Псковском взятии», всю ночь во всех домах города горько плакали псковичи. Прощались с вольницей своей, с вече, с колоколом. Простились.

А утром дьяк Третьяк выслушал речь посадника, признавшего все требования великого князя, и приказал снять вечевой колокол. Псковичи опять плакали. А колокол молчал. Его отвезли в Новгород.

Василий III Иванович приехал в Псков победителем. 27 января на бывшей вечевой площади собрались жители поверженного города. Им сообщили, что «Божиею милостию царь и государь всея Руси объявляет вам свое жалованье; не хочет вступать в вашу собственность: пользуйтесь ею и ныне и всегда. Но здесь не можете остаться: ибо вы утесняли народ и многие, обиженные вами, требовали государева правосудия. Возьмите жен и детей, идите в землю Московскую и там благоденствуйте милостию великого князя»[1].

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 350.

В ту же ночь в столицу Русского государства было отправлено 300 семейств, самых богатых и самых знатных. Людей, чином пониже и победнее, успокоили: не будет великий князь вас выселять из города и притеснять. Но веры этим словам не было, и люди вновь давились слезами, не зная, что будет с ними на следующий день. Для людей суровых, бесслезного характера, эта история может показаться слишком сентиментальной, плаксивой. Много слез пролилось в Пскове. Псковичи, не смирившиеся с приговором судьбы и не желающие покидать родной город, постригались в послушники и послушницы семьями, лишь бы их не трогали. То был молчаливый протест, молчаливое неприятие действий центральной власти.

Василий III Иванович, почувствовав силу, нанес побежденным последний, страшный удар. Он «велел быть наместниками во Пскове боярину Григорию Федоровичу Давыдову и конюшему Челяднину, а дьяку Мисюрю ведать дела приказные, Андрею Волосатому — ямские, определил воевод, тиунов и старост в пригороды; установил новый чекан для монеты и торговую пошлину, дотоле неизвестную в земле Псковской, где купцы всегда торговали свободно, и не платя ничего; роздал деревни сосланных псковитян московским боярам; вывел всех горожан из Застенья, или Среднего города, где находилось 1500 дворов, указал там жить одним государевым чиновникам, боярским детям и московитянам, а купеческие лавки перенести из Довмонтовой стены в Большой город; выбрал место для своего дворца и заложил церковь Святой Ксении, ибо в день ее памяти уничтожилась вольность Пскова; наконец, все устроив в течение месяца, оставив наместникам тысячу боярских детей и 500 новгородских пищальников, с торжеством поехал в Москву, куда отправился за ним вечевой колокол. Взамен убылых граждан триста семейств купеческих из десяти низовых городов были переселены во Псков»[1].

Могущество и экономическая самостоятельность города были подорваны в одночасье. Иностранные купцы, а также ремесленники покинули Псков. Опустели когда-то шумные пригороды.

Опять дань?

В последующие после разгрома и подчинения Пскова двенадцать лет Василий III Иванович был полностью поглощен проблемами внешнеполитическими. Решал он их по-отцовски не спеша, осторожно, стараясь лишний раз не воевать, отстаивая всеми возможными способами интересы Москвы, Русского государства, Православной церкви. В первой половине XVI века повелителю восточноевропейской державы делать это было легче, чем его предшественникам на великокняжеском троне: силу московских князей почувствовали не только казанские, астраханские, крымские, ногайские ханы, великий князь литовский, король польский, магистр Ливонского ордена, король Швеции Густав I Эриксон Ваза, который окончательно освободил свою страну от господства датчан, но и датские короли, императоры Священной Римской империи, папа римский,

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 350 351.

султаны Османской империи, шахи Персии и даже Великие Моголы, основавшие в Индии новую династию.

Авторитет Русского государства был чрезвычайно высок при Василии III Ивановиче. Но у каждого повелителя соседних держав, а также у повелителей стран «второго кольца вокруг Руси» и даже стран совсем отдаленных от Москвы имелись свои корыстные интересы в Восточной Европе. Великому князю нужно было действовать очень мудро. Если, например, для Бабура и его сына Хумаюна Россия важна была как страна, вдоль границ которой протекает Волга-река — торговая дорога из Европы в Азию, и, ясное дело, никакой военной опасности Великие Моголы для Москвы не представляли, то Османская империя, медленно заглатывающая Причерноморье, уже стала выходить на рубежи Киевской Руси, а это порадовать Москву никак не могло. Стамбул был опасен и тем, что, усиливаясь, он усиливал крымских ханов, а те в свою очередь усиливали антимосковские настроения казанских и астраханских ханов, не забывших свои наивные мечты о возрождении славы Батыевой Орды. Папы римские не раз предлагали Ивану III и Василию III соединить усилия христиан в борьбе с неверными под знаменами католической церкви, и это предложение было чревато для Москвы потерей Русской церковью самостоятельности. С одной стороны, великие князья не хотели рвать связи с христианским миром, но они безоговорочно отвергали возможность слияния двух ветвей христианства под главенством папы римского — это привело бы неизбежно к ликвидации Православной церкви. С другой стороны, самостоятельно, без союзников противостоять Османской империи тоже сил пока не хватало. Рановато было Москве воевать со Стамбулом.

Василий III Иванович решал сложнейшие внешнеполитические задачи успешно, хотя были у него и неудачи, и не всегда с победами возвращались в столицу его войска.

Между тем великий князь не забывал о внутреннем устройстве страны. В 1517 году, вслед за Муромом и Черниговом, он присоединил к московским владениям Рязанское княжество. Несколько лет до этого в нем господствовала княгиня Агриппина от лица своего малолетнего сына Ивана. Но сын вырос. Ему захотелось самостоятельно править в богатом и выгодно расположенном на перекрестках торговых дорог княжестве. В одиночку справиться с великим князем он не мог, хотя и дерзнул заявить ему во всеуслышание о своих намерениях. Василий выслушал его спокойно, ничем не выдал своего гнева, своих планов.

Иван вернулся в Рязань и послал людей к крымскому хану с предложением заключить союз и скрепить его семейными узами. Магмет-Гирей согласился выдать за Ивана свою дочь. Слух о сближении Крыма и Рязани дошел до Василия III. Он, опять же ничем не выдавая своих планов, призвал к себе Ивана. Тот долго отказывался от опасного приглашения, но все-таки согласился поехать в Москву. Великий князь, поймав птичку в клетку, не церемонился с гостем. Обвинив Ивана в измене, он отдал его под стражу, взял Рязань, отправил Агриппину в монастырь. Рязанское княжество к тому времени стало богатейшим в Русском государстве, и это приобретение Василия III дало стране мед, птицу, зверя, рыбу,

хлеб, а также сильных опытных воинов. Из города были выселены знатные бояре, а воеводой в Рязань Василий послал опытнейшего полководца Хабара Симского.

«Он (Василий. — *А. Т.*) не терпел ни малейшего противоречия; все должны были безмолвно соглашаться с тем, что он скажет; все были полными рабами и считали волю государя волею самого Бога, называли государя «ключником и постельничьим Божьим»; все, что ни делал государь, по их понятию, все это делал сам Бог; и если говорилось о чем-нибудь сомнительном, то прибавлялось в виде пословицы: «об этом ведает Бог да государь». Никто не смел осуждать поступков государя... Так, когда Василий сам лично вовсе неспособный к войне, возвращался из похода с большой потерей, все должны были прославлять его победоносные подвиги и говорить, что он не потерял ни одного человека. Жизнь и имущество подданных находились в безотчетном распоряжении государя. Василий не стеснялся присваивать себе все, что ему нравилось, и вообще в бесцеремонности способов приобретения не только не уступал родителю, но даже в ином и превосходил его»[1].

В тот же год Магмет-Гирей с огромным войском ворвался в пределы Московского государства и, поддержанный Саип-Гиреем — крымским ханом, подошел к Москве. Налетчики сожгли монастырь Святого Николая на Угреше, село Остров и расположились станом на Воробьевых горах. Попивая мед, Магмет-Гирей смотрел на Москву и, видимо, не знал... что делать дальше! Если бы знал, то мед бы он не пил, а послал бы воинов на штурм города, пораженного паникой. Некоторые историки считают, что брать столицу он не решился из-за наличия у русских пушек. Но у русских пушкарей не хватало пороха для серьезного дела, и наверняка Магмет-Гирей знал об этом.

В московской неразберихе нашел лазеечку Иван Рязанский, сбежал из темницы и благополучно достиг Литвы. Точно такие же лазеечки могли использовать другие недруги Василия, который в это время в Волоке собирал русскую рать.

Московские бояре, не желая кровопролития, вышли с богатыми дарами на переговоры. Магмет-Гирей дары принял и выдвинул потрясающее по глупости условие, согласно которому он обещал покинуть пределы Русского государства только в том случае, если Василий будет платить ему дань. То ли меду перепил Магмет-Гирей, то ли приболел он какой-нибудь манией, неизвестно, но московские бояре выслушали его с пониманием и вскоре явились к хану с грамотой, в которой Москва обязалась выплачивать Крыму дань. Опять дань? Да нет, конечно же! Времена дани для Руси прошли безвозвратно, это понимал даже султан, даже папа римский, даже Бабур. Это понимал и Магмет-Гирей, и его по-детски глупую выходку с грамотой можно объяснить лишь воздействием меда.

Крымское войско отправилось, обремененное богатым обозом и пленными, на юг. Шел Магмет-Гирей через Рязань. Около города остановил-

---

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 276 — 277.

ся, разбил шумный лагерь, повелел Хабару Симскому явиться к нему в стан как даннику. Рязанский воевода отказался: пока, говорит, лично грамоту не увижу, не поверю в то, что Русь стала данницей Крыма.



Гордый Магмет-Гирей послал ему грамоту. Хабар Симский взял ее в руки, подержал, прочитал и передал важный документ... своим верным людям. А чтобы крымчане удостоверились в его решительных намерениях, приказал он пушкарю, немцу Иордану, сделать выстрел в скопление воинов врага, которые, пока шли переговоры, осторожно подбирались к крепости, надеясь неожиданным для противника броском овладеть ею. Выстрел был очень удачным. Много налетчиков погибло, остальные разбежались кто куда.

Магмет-Гирей, в мгновение ока потерявший и грамоту, и уверенность воинов в победе, стал юлить, изворачиваться. Потребовал выдать ему немца Иордана, получил отказ, обещал жестоко отомстить всем рязанцам, но вдруг снялся с места и поспешил домой, напуганный известием о вторжении в Крымское ханство астраханцев. Горе-мечтатель! Над ним нависла с юга глыба Османской империи, с востока то и дело кололи его астраханцы, на севере прижимали его к морю Литва и Польша, в Запорожье рождалась казачья вольница, с запада ему угрожали венгры, а он вздумал дань потребовать с Москвы.

Самым верным делом для крымцев были набеги на соседей. На большее им рассчитывать не приходилось. Ни о каких данях речи быть не могло. Когда они осознали свое историческое предназначение в сложившемся окружении — налетать исподтишка и грабить беспощадно, — дела у них пошли неплохо, если можно так выразиться. Двести последующих лет с лишним вплоть до Григория Потемкина они будут заниматься этим внешнеполитическим промыслом безнаказанно.

Может быть, впервые осознал историческую миссию Крымского ханства именно Магмет-Гирей. Не получилось у него с данью. Перехитрил его Хабар Симский. Вернулся он домой без грамоты. Но с какой добычей! Крымчане «пленили несметное число жителей, многих знатных жен и девиц, бросая грудных младенцев на землю; продавали невольников толпами в Кафе, в Астрахани; слабых, престарелых

морили голодом: дети крымцев учились над ними искусству язвить, убивать людей»[1]. И кроме выручки за русских пленных, которые всегда высоко ценились на мировых рынках, воины Магмет-Гирея захватили великое множество богатств русских сел, городов, монастырей. Такую дань не получали золотоордынские ханы в лучшие свои годы.

Зачем она — дань?! Зачем брать у людей богатство просто так? Это расслабляет народ, приучает его к безделью, отучает воинов воевать. Это очень плохо. Особенно для относительно небольшого Крымского ханства, народ которого, окруженный сильными, быстро растущими державами, постоянно должен быть в полной боевой готовности. Разве не мог так думать неглупый Магмет-Гирей после казуса с грамотой под Рязанью? Вполне мог! Во всяком случае крымские ханы о дани больше никогда не помышляли, добывали богатства своими собственными руками, точнее — разбоем и набегами, и вот что показательно — просуществовало Крымское ханство 340 лет — с 1443-го по 1783 год — больше, чем всем известная Золотая Орда!

Последний удел

Еще в 1517 году Василий III Иванович хотел нанести удар по удельному князю новгород-северскому Василию Шемяке, внуку печально известного Дмитрия Шемяки. Великому князю доложили, что его тезка налаживает связи с Литвой. Это был обычный прием, с помощью которого самодержцы Москвы громили уделы. Василий Шемяка, узнав о грязном доносе, написал великому князю: «Прикажи мне, холопу твоему, быть в Москве, да оправдаюсь изустно и да умолкнет навеки клеветник мой... Исследуй дело: если я виновен, то голова моя пред Богом и пред тобою». Василий III, покоренный откровением Шемяки, призвал его к себе, и удельному князю удалось полностью оправдаться.

Пять лет он правил спокойно в Новгороде-Северском, не давал поводов для обвинений и наветов, честно исполнял гражданский долг. Всем был хорош Василий Шемяка! Но не понял он, что наговор в 1517 году был не случаен, что самодержец как бы дал ему, обладателю последнего самостоятельного удела в государстве, возможность самому признать власть Москвы над собой, отдать Новгород-Северское княжество Василию III Ивановичу. В 1525 году самодержцу вновь доложили об измене Шемяки. Вместе с митрополитом Даниилом Василий III Иванович написал внуку Дмитрия Шемяки письмо, в котором, обещая неприкосновенность, призвал его прибыть в столицу и объясниться.

Василий Шемяка исполнил повеление великого князя. Тот встретил гостя радушно, но через несколько дней повелел заковать его в цепи и бросить в темницу. Супругу последнего удельного князя тоже не пожалели, отняли у нее всех боярынь ее пышной свиты.

В Москве отнеслись к этому по-разному. Кто-то одобрил поступок великого князя и митрополита всея Руси, кто-то винил их в этом, впрочем, негромко: суровый нрав самодержцев внушал многим дикий страх.

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 378.

Лишь два человека не боялись в открытую высказывать свое мнение. Какой-то юродивый (или мудрый шут?) ходил по улицам Москвы с корявой метлой, размашисто водил ею по земле и громко приговаривал: «Время очистить Московское государство от последнего сора!» Народ улыбался, понимая, о чем говорит юродивый, а ему-то радость: слушают люди правду русскую, понимают... только сказать ничего не могут, а тем более предпринять что-то полезное и разумное. Но в том вины юродивого нет, он свое дело делал старательно. И никто ему, юродивому, не мешал.

Закованный Шемяка грустил в сырой темнице, а Василий III Иванович отправился, по обыкновению, в Троицкий монастырь. О выходке юродивого он слышал, но обращать на это внимания не стал и правильно сделал. В монастыре к самодержцу подошел игумен Порфирий и смело заявил: «Если ты приехал сюда в храм Безначальной Троицы просить милость за грехи свои, будь сам милосерд над теми, которых гонишь ты безвинно, а если ты, стыдясь нас, станешь уверять, что они виновны перед тобой, то отпусти по Христову слову какие-нибудь малые деяния, если сам желаешь получить от Христа прощения многих талантов».

Взбешенный Василий повелел выгнать Порфирия из монастыря, и бывший игумен отправился на Белоозеро. Но мытарства смелого человека на этом не кончились. По прошествии некоторого времени в Москву явились монахи, состряпавшие донос на бывшего игумена. Василий III Иванович повелел заковать его и заключить в темницу.

Порфирий безропотно стерпел наказание. Тюрьма или пустыня? Для кого-то пустыня — тюрьма, для кого-то тюрьма — пустыня, для Порфирия пустыня, а равно и тюрьма являлись тем местом, тем уединением, которого жаждет истомившаяся от жизненной суеты добрая душа, посвятившая себя служению Богу. Бог везде! И в тюрьме. И в тюрьме тоже люди живут. Жена тюремного сторожа, тихая, кроткая душа, увидев Порфирия в оковах, сжалилась над ним, освободила несчастного от оков, организовала ему побег. Бывший игумен спрятался в тайнике в ожидании ночи, замер в своем ненадежном убежище. Явился сторож. Он, ничего не зная о побеге, увидел оковы без Порфирия, задрожал от страха, забегал суетливо по тюрьме. Он хорошо знал тюрьму, но жена его знала тюрьму лучше. Долго бегал по темнице сторож, рвал на себе волосы, плакал, боялся выйти на свет Божий. Там ждали его пытка жестокая и страшная казнь. Немало он пожил, всякое повидал, пытки он видел, и пуще смерти он боялся пыток. Не найдя беглеца, сторож успокоился, смирился со своей участью, взял в руки нож острый, хотел зарезать себя, чтобы избежать пыток, но Порфирий вышел из своего укрытия, спас его, человека невинного, сказал ему кротко: «Не убивай себя, господин Павел. Я здесь. Делай со мной, что хочешь». Сторож в изумлении опустил руку с ножом.

Василий III Иванович был суровее отца своего, особенно когда дело касалось неповиновения ему, самодержцу. Но, узнав во всех подробностях историю неудавшегося побега, он выпустил Порфирия из тюрьмы, не наказал никого... Порфирий удалился на Белоозеро и провел остаток дней своих среди таких же, как он, подвижников.

Василий Шемяка умер в 1529 году в оковах. Его сын, Иван, скончался иноком Троицкого монастыря в 1561 году.

Пошли, Бог, наследника

В 1524 году Василий послал на Казань крупное войско. Русские воеводы осадили крепость и имели шанс завершить дело полной победой, но удовольствовались они миром в обмен на богатые дары и обещание казанцев исполнить все требования великого князя.

Русское войско вернулось домой, потрепанное на обратном пути болезнью. Самодержец предал опале Ивана Бельского, и лишь защита митрополита спасла полководца от большой беды; затем в Москву явились послы Казани, они обещали по-прежнему быть во всем послушны воле великого князя, просили его утвердить на казанском троне хана Сафа-Гирея.

Василий выполнил их просьбу, но, чтобы окончательно обезвредить восточного соседа, нанес серьезный удар по экономике Казанского ханства: повелел открыть в Нижегородском княжестве новую ярмарку, запретив русским купцам торговать на Казанской ярмарке. Место избрали в Нижегородской земле на берегу Волги, неподалеку от монастыря Святого Макария Унженского. Макарьевская ярмарка не сразу принесла ожидаемые плоды, и первые годы была убыточной для русских, но со временем она стала известной и популярной: сюда приезжали люди из Астрахани и Персии, Армении и других стран. Казанцы терпели огромные убытки.

В 1525 году великий князь, успешно завершив международные и внутренние дела, вдруг вспомнил о второй главной своей задаче: о передаче власти. Это неверно сказано — помнил о ней он всегда. Но если раньше у него была хоть какая-то надежда на то, что Соломония родит ему сына, то сейчас, когда со дня их свадьбы прошло уже двадцать лет, надеяться на супругу было если не бессмысленно, то опасно: время бежало все быстрее, а Соломония не рожала.

Однажды, проезжая по лесу на позолоченной колеснице, Василий III Иванович увидел птичье гнездо и неожиданно для всех заплакал, приговаривая сквозь слезы и не стесняясь слез своих: «Тяжело мне! Кому уподоблюсь я? Ни птицам небесным — они плодовиты, ни зверям земным — и они плодовиты, ни даже водам — и они плодовиты: они играют волнами, в них плещутся рыбы»[1].

Окружавшие его воины смиренно понурили головы, не зная, как помочь самодержцу, да и не к ним обращался Василий, он искренне тянулся душою своею к тому, кто один мог помочь в столь важном деле: «Господи! И земле я не уподоблюсь: земля приносит плоды свои на всякое время и благословляют они тебя, Господи!»

В тот же день, успокоившись, Василий принял решение отправить жену свою Соломонию в монастырь. А приняв его, стал действовать так, как он действовал при покорении Пскова и Рязани, Новгорода-Северского и Казани, поступил так, как поступал со своими сильными и слабыми

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 290.

противниками и своими врагами: осторожно, расчетливо, взвешенно — в начальной стадии того или иного мероприятия, и стремительно, напористо, зло — когда ситуация полностью прояснялась, и он начинал чувствовать себя уверенно. Сцену с птичьим гнездом и свое слезливое откровение великий князь выбросил из головы. Теперь ему было не до лирики. Теперь ему нужно было спешить.

Вернувшись в Москву, Василий посоветовался с боярами, уверенный, что они будут на его стороне, что порфириев среди них больше не найдется. «Кому царствовать после меня на Русской земле? Братья и своих уделов не могут устраивать!» Бояре, сообразив, куда он клонит, покорно кивали головами и приговаривали: «Неплодную смоковницу отсекают и выбрасывают из виноградника!»

Поддержка бояр укрепила желание великого князя, и он собрал самых именитых людей Русского государства на совет и сказал, что отсутствие прямого наследника может привести государство к великим потрясениям. С этим охотно все согласились. Затем великий князь, обвинив Соломонию в бесплодии, спросил, абсолютно уверенный в ответе, нужно ли ему развестись со своей супругой и жениться во второй раз?

Каково же было удивление Василия, когда он услышал отрицательный ответ инока Василия Косого, бывшего князя Патрикеева, а также Максима Грека и князя Семена Федоровича Курбского. Это были высокопочитаемые люди, они свершили в своей жизни немало воинских и мирных подвигов во славу русского народа, во славу Московского государства. Семен Федорович Курбский, например, покорил Москве Пермь и Югру, это в значительной степени укрепило экономическое положение великих князей, сопутствовало успехам Ивана III и Василия III. Можно ли с ним спорить? Можно. И нужно. Когда речь идет о государственной безопасности, о таких важных вопросах, как престолонаследие. Самодержавие в самом чистом своем виде невозможно без прямого наследования власти. Неужели такие мудрые люди не понимают этого?! Неужели они не понимают, что с Соломонией произошла ошибка, что надо исправить эту ошибку?! Почему Василий Косой, Максим Грек и Семен Курбский не хотят, чтобы у законного самодержца появился прямой наследник? Потому, что они — враги Василия III Ивановича. Враги.

Благо, что на том совете не нашлось больше врагов у великого князя, а то бы он разволновался не на шутку. Не разволновался. Спокойно довел свое дело до конца. Митрополит Даниил и почти все духовенство одобрили его план.

А Соломония его любила! В последние годы она чувствовала, что Василий охладел к ней, делала все возможное, чтобы удержать при себе мужа. Женские ее чары оказались бессильными против огромного желания великого князя иметь прямого наследника, и тогда Соломония стала искать чародеев, знающих приворотные средства. Один из них прямо сказал супруге Василия, что родить ей не суждено, но это не остановило Соломонию. Какие только средства не использовала она — все тщетно. Василию нужен был прямой наследник.

Соломония не согласилась добровольно уходить в монастырь. В Рождественском девичьем монастыре к ней явились митрополит и советник

великого князя Иван Шигона. Она сопротивлялась, кричала, плакала. Ее постригли насильно. Митрополит Даниил поднес ей кукуль. Она схватила ее, бросила на пол и со злобой и отчаянием стала топтать, уже не жена, не женщина, но инокиня, хотя еще не смирившаяся с этим. Иван Шигона сильно ударил ее плетью, она вскрикнула: «Как ты смеешь бить меня?!» Иван спокойно ответил: «Мне приказал государь».

Надевая кукуль (ризу инокини), Соломония громко и торжественно заявила, будто бы мир и окружавшие ее насильники нуждались в этом: «Свидетельствую перед вами: меня постригли насильно. Пусть отомстят ему за такое оскорбление!» Митрополит и Шигона устало вздохнули, покинули сие богоугодное заведение, а Соломонию отправили в Покровский Суздальский монастырь.

Через некоторое время, как гласят недостоверные, впрочем, легенды, выяснилось, что Соломония беременна! Императорский посол в Москве Герберштейн, современник тех событий, писал, что Соломония родила сына, назвала его Георгием, но отказалась показать его слугам великого князя, заявив высокопарно, что «они недостойны видеть ребенка, а когда он облечется в величие свое, то отомстит за обиду матери»[1]. Те же легенды говорят, что Василий пришел в ужас, узнав об этом, раскаивался, может быть, даже чистосердечно, впрочем, у него к тому времени была вторая жена, с которой тех же самых забот и тревог у него хватало: не рожала новая супруга великого князя Елена Глинская, племянница славного своими подвигами князя Михаила Глинского.

Уж и свадьбу роскошную справили — три дня гуляли, много лет вспоминали. И любил-то Елену великий князь, помолодел любя, бороду обрил, подтянулся, походку изменил, нежил-холил супругу юную, ночи не спал, ласкался с ней, счастливый, а она все не рожала и не рожала! Ни дочери, ни сына. Вот беда!

В 1530 году огромное войско, посланное Василием на Казань, штурмовало город, было близко к победе, но в самый отчаянный момент Иван Бельский пошел на мировую, как подозревают многие летописцы и историки, задобренный богатыми дарами. И вновь Василий на переговорах проявил сдержанность и благоразумие, и вновь он пошел на значительные уступки, приняв клятву верности у казанцев. Щедр он был в то лето.

Елена Глинская не могла родить четыре с половиной года. Не считаясь со временем и с государственными задачами, великий князь не раз ездил с любимой супругой по святым местам, они молились в Переяславле и Ростове, Ярославле и в Вологде, на Белоозере. Сама Елена пешком ходила в отдаленные обители, щедро раздавала милостыню, неустанно молилась, просила Бога послать ей сына. Она отвечала на любовь Василия взаимностью и мечтала, и ждала маленького чуда, ради которого судьба сделала ее избранницей великого князя.

Люди видели ее на русских дорогах, в церквях, монастырях и обителях, ощущали тепло, источаемое ее доброй душой, искренне желали ей того счастья, за которым ходила она по русским дорогам. «Во всех рус-

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 433

ских церквах молились о чадородии Василия. Из монастырей доставляли ему и его великой княгине хлеб и квас — ничто не помогало... пока, наконец, царственная чета не прибегла в своих молитвах к преподобному Пафнутию Боровскому. Только тогда Елена сделалась беременной. Радость великого князя не имела предела. Еще не родился ребенок, а уже о нем заранее составлялись предзнаменования... Один юродивый, по имени Дементий, на вопрос беременной Елены: кого она родит? отвечал: «Родится сын Тит, широкий ум»[1].

25 августа Елена Глинская родила прямого наследника престола: Ивана IV Васильевича. Летописцы утверждают, что в тот самый счастливый для Елены Глинской миг, когда появился на свет ее сын, в небе вспыхнула громадная молния и раздались небывалой силы громовые удары...

Василий III Иванович чувствовал себя самым счастливым человеком на свете: он решил вторую задачу самодержца, дал народу прямого наследника престола. Через год Елена родила еще одного сына — Юрия.

Забота о столице

Василий III Иванович не забывал о еще одной важнейшей задаче всех князей московских — об обустройстве города.

В середине лета 1506 года Василий III заложил в Кремле кирпичную церковь Николая Чудотворца на месте деревянной церкви Николы Льняного. Через девять недель, 1 октября, храм был освящен. Его назвали храмом Николы Гостунского по чудотворной иконе, которую поставил в церкви великий князь. Каменное строительство в Кремле вытесняло деревянные строения из исторического центра Москвы, но Василий уже думал о большем. В 1508 году соорудили ров со стороны Фроловской башни, и Кремль стал островом.

Василий III в 1514 году приказал Алевизу Фрязину заложить каменные и кирпичные церкви на Посаде, в разных местах которого итальянский мастер возвел девять церквей.

В 1508 году великий князь переселился в новый свой кирпичный дворец и повелел расписать дворцовую церковь Благовещения мастеру Феодосию Денисьеву с братией. После этого Василий, не жалея средств, приказал «украсить стенописью» Успенский собор. Работа была закончена 27 августа 1515 года. Великий князь и митрополит всея Руси в сопровождении бояр и духовенства вошли в церковь, и показалось им, что они очутились на небесах: такой чудесной росписи не видели еще в Москве-граде. Церковь Благовещения расписал русский мастер Федор Едикеев.

В столицу Русской державы продолжали прибывать выписываемые из Италии мастера: архитекторы и пушечные литейщики, техники по металлическому производству (литье колоколов, украшения икон окладами, изготовление церковной и домашней утвари), серебряных и золотых дел мастера.

---

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 295.

Большое внимание Василий уделял развитию искусства литья колоколов. В 1503 году Петр Фрязин отлил колокол, на который, не считая олова, пошло только меди 350 пудов. В 1532 году Николай Фрязин отлил колокол уже в 500 пудов. На следующий год отличился Николай Немчин: его колокол весил 1000 пудов.

Понимая, что пришла пора переустройства многих русских городов, Василий III организовал и в значительной степени финансировал строительство каменных стен в Нижнем Новгороде и Туле, Коломне и Зарайске.

Летом 1533 года на охоте под Волоком-Ламским на левой ноге великого князя появился подкожный нарыв. Поначалу Василий не обратил на него внимания, но вскоре от нарыва пошла по телу страшная боль, и великий князь слег. Предчувствуя беду непоправимую, он послал в строгой тайне от всех стряпчего Мансурова и дьяка Меньшого Путятина в Москву за духовными грамотами, своею и отца своего, а когда приказ был выполнен, повелел свою духовную сжечь. Пришла пора подводить итоги царствованию.

Карамзин, опиравшийся на старые источники, оценивает время правления Василия III как благотворное для страны: «Василий стоит с честью в памятниках нашей истории между двумя великими характерами, Иванами III и IV, и не затмевается их сиянием для глаз наблюдателя; уступая им в редких природных дарованиях — первому в обширном, плодотворном уме государственном, второму в силе душевной, в особенной живости разума и воображения, опасной без твердых правил добродетели, — он шел путем, указанным ему мудростью отца, не устранился, двигался вперед шагами, размеренными благоразумием, без порывов страсти, и приближался к цели, к величию России, не оставив преемникам ни обязанности, ни славы исправлять его ошибки; был не Гением, но добрым правителем; любил государство более собственного великого имени и в сем отношении достоин истинной, вечной хвалы, которую не многие венценосцы заслуживают. Иваны III творят, Иваны IV прославляют и нередко губят; Василии сохраняют, утверждают державы и даются тем народам, коих долговременное бытие и целость угодны провидению»[1].

Русский самодержец, оставив дела государственные, внешние и внутренние, думал теперь о главном, о новой духовной, о порядке в стране после его кончины. Он был тяжело болен и потому, как и многие в его положении, слегка наивен. Болезнь быстро прогрессировала. Великого князя перевезли по его просьбе в Иосифов монастырь. Он отслушал там литургию и отправился в Москву, повелел сопровождающим принять все меры, чтобы въезд в столицу был тайным.

Сразу по приезде Василий собрал совет, и дьяки написали новую духовную грамоту. Отдав последние распоряжения, Василий попросил Даниила и епископа Коломенского Вассиана постричь его. Между присутствующими боярами вспыхнул спор. Кто-то считал, что делать этого не нужно, кто-то упорно стоял на точке зрения Василия. Ему было совсем

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 403.

плохо. Он держался из последних сил, настаивая на своем. Его все-таки постригли, и он, спокойный, скончался.

Митрополит Даниил тут же, в передней избе, взял у братьев великого князя Андрея и Юрия клятву в том, что они будут служить верой и правдой Ивану Васильевичу и Елене. Братья целовали крест. За ними дали клятву верности новому повелителю бояре и боярские дети. Митрополит, сделав главное на этот час дело, отправился утешать Елену. Великая княгиня, увидев его, братьев, бояр, все поняла и упала в обморок.

«Троицкий игумен Иосиф и старцы Иосифова монастыря наряжали усопшего: расчесали ему бороду, подостлали под него черную тафтяную постель, положили тело на одре, начали над усопшим служить заутреню, часы и каноны, как делали при живом. Приходило к нему прощаться много народу: и боярские дети, и княжата, и гости, и другие люди, и был плач великий. Наконец митрополит велел звонить в большой колокол. Троицкие и Иосифовские старцы понесли тело великого князя на головах в переднюю избу, а оттуда на крыльцо и вынесли на площадь. Дети боярские вынесли великую княгиню Елену из ее хором в санях; позади шли князья Василий и Иван Шуйские, Михайло Львович Глинский. Василия схоронили возле отца, в каменном гробу, в Архангельском соборе»[1].

Основные события жизни Василия III Ивановича

1479 год. 25 марта у великого князя всея Руси Ивана III Васильевича и Софии Палеолог родился сын Василий.

1498 год. Иван III объявил престолонаследником своего внука Дмитрия Ивановича (сына Ивана Молодого) и венчал его в Успенском соборе на царство.

1499 год. После пересмотра дела о заговоре Софии против Дмитрия Иван III нарек Василия великим князем Новгорода и Пскова, но не лишил Дмитрия прав на престол.

1502 год. Василий посажен отцом на великое княжение Владимирское и Московское, но пока не на царство, а Елену, вдову Ивана Молодого, и Дмитрия постигла опала.

1503 год. 7 апреля скончалась София Палеолог.

1505 год. 4 сентября митрополит Симон венчал в Успенском соборе Василия Ивановича и Соломонию, дочь дворянина Сабурова.

Дмитрия заковали «в железа» и бросили в темницу.

1506 год. Войско великого князя под руководством Дмитрия, третьего сына Ивана III, осуществило неудачный поход на Казань. Василий III Иванович отлучил его навсегда от государственных дел.

В августе умер великий князь литовский Александр, и Василий решил продолжить по отношению к Литве политику отца, который начал возвращать захваченные Литвой русские земли. У него даже родилась мысль занять польский и литовский престол, о чем он тайно известил Елену. Но преемником Александра стал Сигизмунд.

---

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 298.

1508 год. Василий и Сигизмунд заключили союз. Король отказался от всех земель, отошедших к Руси при Иване III и разрешил, правда, на словах, князьям Глинским выехать из Литвы в Москву.

1509 год. В великой нужде, в тюрьме умер Дмитрий Иванович, внук Ивана III Васильевича.

С Ливонией заключено перемирие на 14 лет.

1510 год. В Москве гостила жена Менгли-Гирея Нурсалтан с царевичем Саипом. Затем она уехала в Казань, уговорила сына Махмет-Аминя не воевать с Русью.

Василий подчинил Москве Псков, ликвидировав вечевое правление и самостоятельность этой республики.

1512 год. Сыновья Менгли-Гирея, подкупленные послами Сигизмунда, осуществили несколько налетов на Русскую землю.

1513 год. Василий явился инициатором новой войны с Литвой, король которой якобы нанес оскорбление Елене, сестре великого князя всея Руси, вдове Александра. В этой войне русские одержали ряд важнейших побед.

1514 год. Русские вернули Смоленск, Василий въехал в город победителем.

Оставленный воеводой в Смоленске князь Василий Васильевич Шуйский вовремя узнал об антимосковском заговоре и казнил заговорщиков, желавших присоединения Смоленска к Литве.

В феврале в Москву приехал посол Священной Германской империи. От имени императора Максимилиана он заключил союзный договор с Россией. Вскоре, однако, отношения католической Западной Европы с православной Русью испортились.

В Москву прибыло посольство из Константинополя (Стамбула) от султана Селима, свергнувшего своего отца Баязета.

1515 год. Василий пытался с помощью султана подействовать на активного Махмет-Гирея, и в какой-то степени ему это удалось.

Умер Менгли-Гирей, верный союзник Москвы. Отношения с Крымским ханством стали ухудшаться. Власть в Крыму наследовал Махмет-Гирей.

1517 год. Между Данией и Русью был заключен союз, по которому стороны обязались помогать друг другу в борьбе Дании со Швецией и Руси с Литвой. Этот договор так и остался на бумаге.

1518 год. Умер брат Василия Семен Иванович.

1518 — 1519 годы. Русские войска осуществили несколько разорительных походов на Литву.

1519 год. В Казани умер Махмет-Аминь. Василий послал в Казань ханом Шиг-Алея.

1521 год. Василий окончательно подчинил Москве Рязань, послал туда воеводой Хабара Симского.

Махмет-Гирей осуществил дерзкий налет на Москву.

Между Москвой и Ливонским орденом возобновлен мирный договор на десять лет.

Василий прекратил успешную для русских войну с Литвой.

Умер брат Василия Дмитрий Иванович.

1522 год. Между Рязанью и Литвой заключено перемирие на пять лет.

1523 год. Василий подчинил власти Москвы последний самостоятельный удел на Руси, Северский, которым владел Василий Шемяка, внук Шемяки.

1524 год. Русское войско осуществило поход на Казань. 15 августа город был осажден. Казанцы молили Василия о пощаде. Он утвердил по их просьбе Сафа-Гирея ханом.

Василий построил в устье реки Суры город Васильсурск и открыл здесь ярмарку с целью нанести экономический урон Казани, где долгие годы действовала своя ярмарка.

1526 год. После того как насильно постригли в Рождественском девичьем монастыре первую жену Василия Соломонию, великий князь женился во второй раз на Елене, дочери Михаила Глинского.

Между Литвой и Русью продлено перемирие до 1533 года.

Василий послал к папе римскому Клименту VII переводчика и ученого Герасимова, изъявляя тем самым желание быть с папой римским в дружественных отношениях.

1527 год. Сын Махмет-Гирея царевич Ислам вторгся на территорию Русского государства, но воеводы, князья Одоевский и Мстиславский, прогнали его от Угры, разгромив в битве и захватив много пленных.

1530 год. Казанцы изгнали Сафа-Гирея, просили Москву поставить любого хана. Был поставлен Шиг-Алей, но казанцы его тоже изгнали.

Против Москвы выступил хан казанский Сафа-Гирей. Василий III послал на Казань крупное войско. Русские не взяли город.

У великого князя Василия и его супруги Елены родился сын Иван.

1531 год. Василий Иванович послал в Казань находящегося на службе у Москвы Еналея, брата Шиг-Алея, который в свою очередь получил от Москвы Каширу и Серпухов.

1532 год. Шиг-Алей за самовольное возобновление контактов с Казанью был лишен Василием Ивановичем обоих русских городов и сослан с женой на Белоозеро.

1533 год. Саип-Гирей посочувствовал родственнику и в знак мести осуществил поход на территорию Русского государства. Войско Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского преградило путь налетчикам.

3 декабря умер великий князь всея Руси Василий III Иванович.

Иван IV Васильевич Грозный

(1531 — 1584)

Казнить нельзя помиловать

История не выбирают, и поэтому она не может быть ни судьей, ни подсудимой. Однако неподсудность истории не дает основания считать, что при анализе исторических событий нельзя их рассматривать как бы в сослагательном наклонении. Более того, это делать необходимо, если мы хотим использовать исторический опыт, чтобы стал он неотъемлемой частью современной культуры. История сослагательна для тех, кто находится в ее эпицентре, то есть на точке соприкосновения прошедшего с будущим, для тех, кто ее делает в настоящее время.

Сына Василия III Ивановича Ивана Васильевича готовили к роли творца истории, пророчили ему с детства великое будущее — уж очень был он одаренным мальчиком, может быть, даже вундеркиндом. Легенды говорят, что однажды беременной Елене Глинской известный московский юродивый Домитиан, а попросту — Дементий, предсказал: «Ты будешь матерью Тита-широкий ум».

К предсказанию юродивого можно относиться по-разному, но данный факт говорит о том, что историческое мышление московским Рюриковичам было свойственно уже в XV — XVI вв., если предсказатели пользовались историческими аналогиями. Говорит он и о смысле исторических параллелей, о качестве исторических ассоциаций. Римский историк Светоний Гай Транквилл называет одного из первых двенадцати цезарей Тита Флавия Веспасиана Божественным, способным, подобно Богу, широко и глубоко видеть суть проблем. Он приписывает Титу Веспасиану умение, доведенное до степени искусства, вызывать всеобщее к себе расположение и особый дар быть угодным своим подданным. Поэтому предсказание юродивого о судьбе будущего великого князя московского Ивана IV Васильевича мы можем рассматривать и как «социальный заказ» москвичей на государя, Богу угодного, ума широкого, недюжинного, способного охватить, осмыслить и освоить все разнообразие и новизну задач крепнущего государства. Кроме этого, Домитиан, сравнив римского императора периода расцвета империи с великим князем московским XVI века, как бы предопределил неизбежное превращение Московии в империю.

Собирая вокруг себя русские княжества, притягивая к своей окуймене товарами и продовольствием иноязычные племена Перми, вогулов,



исследуя земли за Югорским камнем, Москва уже в годы правления Василия III Ивановича стала и сама меняться структурно, постепенно приобретая черты многонациональной державы с сильным, организующим все территории центром. Этот процесс резко ускорится в годы правления Ивана IV Васильевича. Фатальная необходимость изменения внутренней структуры государства, созданного Иваном III, и столь же фатальная неизбежность связанных с этим процессом потрясений самих основ жизни стали одной из главных причин всех трагедий людских в правление Ивана IV.

Мы не вправе сомневаться в прозорливости Домитиана, который определил одним знаковым словом — Тит — направление движения страны к империи и не ошибся в оценке душевных качеств будущего московского самодержца, сопоставляя их с качествами Тита Божественного. Тит, по определению Светония, «...телесными и душевными достоинствами блистал еще в отрочестве, а потом, с летами, все больше и больше: замечательная красота, в которой было столько же достоинства, сколько приятности; отменная сила, которой не мешали ни невысокий рост, ни слегка выдающийся живот; исключительная память; способность едва ли не ко всем военным и мирным искусствам. Конем и оружием он владел отлично; произносил речи и сочинял стихи по-латыни и по-гречески с охотой и легкостью, даже без подготовки; был знаком с музыкой настолько, что пел и играл на кифаре искусно и красиво». Многие сообщают, что даже писать скорописью умел он так проворно, что для шутки и потехи состязался со своими писцами, а любому почерку подражал так ловко, что часто восклицал: «Какой бы вышел из меня подделыватель завещаний!» Одним словом, Тит был творческой натурой, и в этом человечек, мирно покоившийся в материнском уютном ложе, сын Елены Глинской, будущий первый русский царь, был очень похож на императора Римской державы.

Родила она его под шумные овации грозной бури, и жизнь у него была бурная. Но был ли он в этих бурных метаниях, в кровожадных, гнусных оргиях, в демоническом экстазе Титом, оправдал ли он «предвидение» юродивого мудреца?

Чтобы не запутаться в этих вопросах, нужно пройтись по маршрутам судьбы Ивана IV Грозного, начиная с того момента, когда Елена Глинская

стала правительницей крупного восточноевропейского государства при малолетнем сыне, и кончая последней фразой царя, которую выдавил он из себя, слегка приподняв голову со смертного одра. В этой последней фразе, быть может, кроется разгадка тайны Ивана IV Грозного, не дающей покоя ученым и пытливым людям, но до нее еще далеко, до нее вся жизнь царя, которая (и только она!) может расставить знаки препинания во всем известной с детства формуле: «Казнить нельзя помиловать».

Государственный опыт Елены Глинской

«Боголюбие, милость, справедливость, мужество сердца, проницание ума и явное сходство с бессмертною супругою Игоря» (Н. М. Карамзин), а также некая схожесть внутриполитической ситуации в Киевской Руси IX века и стране Московии XVI века предоставляли великой княгине Елене Глинской, правительнице при малолетнем сыне, гипотетическую возможность повторить подвиги жены Игоря.

Ольга была правительницей после Рюрика — основателя династии, после Олега и Игоря. Варяги, по легенде, пришли в Восточную Европу, воспользовавшись приглашением местных племен, а если говорить точнее, беспорядками, то есть великой смутой, разразившейся в здешних местах после того, как увлеченные потоками Великого переселения народов крупные группы славян в V — VII вв. отошли на Балканы и даже в Малую Азию.

Ослабевшие без них племена восточноевропейцев не сумели эффективно сопротивляться натиску «благодетелей» с северо-запада. А натиск был нешуточный, о чем свидетельствует предание о расправе княгини Ольги над неплательщиками дани. Ольга, если верить летописцам, не просто по-бабьи зло отомстила убийцам своего мужа, она создала остов страны Рюриковичей. В XVI в. могучее древо этого рода разрослось сказочно — куда ни кинь, всюду потомки Рюриковичей. Шесть веков они правили Киевской Русью, удельными княжествами, Московским государством.

Но в середине XVI в. до заката эры Рюриковичей оставалось совсем немного: Иван IV, Федор и после Бориса Годунова Василий Шуйский. Кстати, в IX в. тоже был свой Годунов в лице «безродных» воевод — Аскольда и Дира.

В IX в. не знающая пределов энергия Рюриковичей возбуждает дикую энергию в обиженной женщине-вдове. Жестоко отомстив жителям Искоростени за убийство мужа, Ольга создает для своего сына и для всех Рюриковичей такой порядок в государстве, при котором их никто из местных обитателей пальцем не смел тронуть, разве что в бою и то по незнанию.

В XVI в. от Елены Глинской требуется решить аналогичную задачу: укрепить государство для своего малолетнего сына. Разница только в том, что созидательная энергия Рюриковичей почти угасла.

Судьба к Елене Глинской вначале была благосклонна: Василий III перед смертью передал ей «скипетр Великия Руси до возмужания сына». Сразу после его кончины в помощь правительнице были созданы

Верховная дума, в состав которой вошли двадцать два самых знатных и знаменитых деятеля государства, и Опекунский совет из семи опытных в делах мира и войны человек. Затем в присутствии священнослужителей, князей, бояр, воевод, купцов и народа в Успенском соборе Московского Кремля митрополит Даниил благословил трехлетнего Ивана IV Васильевича властвовать страной, во все концы которой отправились гонцы с важными новостями, с заданием принять клятву верности новому повелителю. Прошла мирная неделя.

Елене доложили о том, что дядя Ивана IV дмитровский князь Юрий Иванович замыслил сбросить племянника с престола и даже заручился поддержкой Андрея Шуйского, которого правительница освободила из дмитровской темницы. Не все летописцы говорят об измене Юрия. Некоторые историки имеют противоположное мнение. Но в этом деле нас интересует другое: поведение Елены Глинской, имевшей «явное сходство с бессмертной супругою Игоря», а также бояр, обязанных помогать юной правительнице быть справедливой и мудрой.

Узнав о навете, Юрий Иванович наотрез отказался бежать из Москвы и сказал своим добрым слугам: «Я приехал в Москву закрыть глаза государю брату и клялся в верности к моему племяннику; не преступлю целования крестного и готов умереть в своей правде»[1]. Его взяли под стражу, заключили в темницу и предоставили полное право «умереть в своей правде».

Ответом на эту несправедливость, напугавшую многих, явилось бегство в Литву князя Симеона Федоровича Бельского и окольничего Ивана Лятцкого — опытного военачальника. Они готовили в Серпухове войско для ожидаемой войны с западным соседом, но вдруг переметнулись к королю Сигизмунду. За сим последовал очередной ход бояр: главный воевода и член Верховного совета князь Иван Бельский, а также князь Воротынский вместе с сыновьями были закованы и брошены в темницу без расследования и торжественного суда. Уже один этот факт говорит о том, что в высшем эшелоне власти началась драка за влияние на Елену Глинскую, официальную правительницу государства.

Предваряя описание дальнейших событий, Н. М. Карамзин дает блистательную характеристику того способа правления, который, в сущности, доминировал в Москве с 1533-го по 1546 год: «Мучительство олигархии есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться от одного, нежели от двадцати гонителей. Самодержец гневный уподобляется раздраженному Божеству, пред коим надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имеют сей выгоды в глазах народа: он видит в них людей ему подобных и тем более ненавидит злоупотребление власти»[2].

Олигархи на Руси, как и в любом государстве, были всегда. Такие это живучие люди. Даже тогда, когда умирает государство, они лишь перерождаются слегка, но продолжают оставаться олигархами. При некоторых оговорках олигархом вполне можно назвать Степана Ивановича

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 442.
[2] *Там же.* С. 442.

Кучку, московских тысяцких и конечно же бояр. Напряженную, жестокую борьбу с ними вели практически все московские князья, за исключением разве что хитроумного Калиты, но никогда ранее боярам не удавалось так приблизиться к вершинам власти, как это случилось после смерти Василия III Ивановича. Олигархи. Это звучит гордо.

Может быть, потомственная гордость сгубила Михаила Глинского, дядю правительницы, которая, похоронив своего мужа, великого князя, влюбилась в князя Ивана Овчину-Телепнева-Оболенского. Любовь, как известно, всеядна. Она не признает ни этикетов, ни моральных ограничений, ни законов, ни обычаев... Иван Телепнев, человек волевой, беспринципный, тщеславный, воспользовался прекрасной возможностью, то есть безграничной любовью вдовы, и, захватив власть в Думе, фактически один правил государством. Жестко правил, будто бы готовил страну к зверствам ненасытных опричников.

Дядя правительницы не выдержал — хоть и олигарх, но человек добропорядочных нравов, взорвался, сказал Елене напрямую, по-родственному, никого не боясь, все, что он думает о разврате, о пагубном его воздействии на державу. Елена, влюбленная, но вряд ли возлюбленная, тем же вечером пожаловалась Телепневу. У него на это был свой ответ, который, необходимо подчеркнуть, в тот момент устроил многих бояр, многих олигархов. Михаил Глинский, человек сложной судьбы, странных решений, но чрезвычайно порядочный, был обвинен в измене, попал в темницу, где вскоре скончался.

Чуть позже, 26 августа 1536 года, в темнице умер от голода Юрий Иванович, дядя великого князя Ивана IV Васильевича. Его младший брат, Андрей Иванович, узнав о страшной кончине близкого родственника, не на шутку перепугался и с перепугу совершил грубую ошибку: не поехал к Елене по ее приглашению, сославшись на болезнь. Правительница, подстрекаемая любимым Телепневым, отправила к дяде Ивана врача, тот нашел его абсолютно здоровым...

У Рюриковичей на протяжении шестисот лет не было осложнений с женским вопросом. Кроме княгини Ольги, никто из особ слабого пола не помышлял о том, чтобы править державой. Конечно же, без женщин и здесь не обходилось. Помогали они мужчинам управлять страной, уделами, но в рамках варяжских порядков, покоившихся на платформе патриархата. Когда в XVI веке Рюриковичи сильно сдали, то власть в огромной стране в ответственный период перехода ее из состояния национальной державы к более сложному — к многонациональной империи они доверили на 14 — 15 лет, до возмужания Ивана IV, юной, к тому же влюбчивой вдове.

Она с одобрения, если не по властному требованию, возлюбленного послала к дяде епископа Досифея. Тот тщетно пытался успокоить перепуганного Андрея, а тем временем вслед за Досифеем к нему отправилась крупная дружина во главе с Телепневым и Никитой Хромым. И тут-то дядя Ивана IV перешел к активным действиям. Он бежал из Старицы вместе с семьей и дружиной, разослал во все концы страны воззвание, в котором предлагал боярам перейти к нему на службу, не подчиняться Верховной думе, правительнице и ее любовнику, и взял курс на Новгород.

Князь Иван Телепнев перехватил возмутителя спокойствия, своим воззванием поставившего страну на грань гражданской войны. Андрей — еще решимость драться за власть не покинула его — вывел свою дружину на поле боя, расположил полки. До начала гражданской войны, зародыш которой уже созрел в державе Рюриковичей, оставалось несколько мгновений. И тут нервы у дяди Ивана IV не выдержали, он пошел на переговоры с Телепневым, потребовал от него дать клятву и целовать крест на том, что Елена забудет все на веки вечные. Андрей поступил в данном вопросе как настоящий Рюрикович. Сколько клятв давали они друг другу за шестьсот лет, сколько крестов перецеловали, сколько раз нарушали клятвы — а среди них были куда более порядочные люди, чем любовник и любовница при троне! Разве можно было доверять Телепневу?! Можно, если ты настоящий Рюрикович.

Иван Телепнев дал клятву, доставил несчастного дядю к Елене Глинской. Та устроила ему образцово-показательный урок на тему «Кто какие клятвы может давать», накричала на своего возлюбленного, во гневе приказала заковать Андрея и бросить его в темницу. Еще не остыв от гнева, правительница повелела взять под стражу семью Андрея, арестовать всех советников и приближенных, а также слуг смутьяна. И начались жестокие пытки. Они сломили многих. Люди оговаривали всех, кто был близок Андрею, кто в разговорах с ним холодно отзывался об Елене Глинской и Телепневе. Далее правительница действовала по-римски, хотя даже ребенку понятно, что Андрею Ивановичу очень далеко до Спартака. Елена приказала поставить на дороге, ведущей из Москвы в Новгород, тридцать виселиц на значительном расстоянии друг от друга и повесить на них измученных пытками «изменников».

Через полгода после заключения в тесной темнице умер насильственной смертью князь старицкий, сын Ивана III Андрей Иванович. Гражданская война не состоялась. Дело закончилось «торговой» казнью бояр Андрея Ивановича, многие из них принадлежали к знатным древним родам, например князья Оболенские, Пронский, Хованский и другие. Их вывели на торговую площадь и принародно отстегали кнутом, как значительно позже русские помещики будут стегать кнутом крепостных крестьян.

Борьбу за власть, за укрепление самодержавия Елена Глинская вела с большим преимуществом в свою пользу и в пользу сына. Это обстоятельство сыграло не последнюю роль во внешнеполитических успехах русского правительства и в развитии экономики в стране. Москва заключила дружественные договоры со шведским королем Густавом Вазой, с магистром Ливонского ордена Плеттенбергом, с молдавским воеводой Петром Стефановичем, а также с ногайским и астраханским ханами. Кроме того, Верховная дума и Елена Глинская пытались расширить и восстановить былые дипломатические связи со странами Европы. Успешная в целом внешнеполитическая деятельность помогала стране Московии вести борьбу (не обязательно военными средствами) с главными своими соперниками в Восточной Европе: Крымским ханством, Великим княжеством Литовским и Казанским ханством. Надо отдать должное и Верховной думе, и Елене Глинской, а в некоторой степени и Ивану

Телепневу: часто, оказываясь под ударами двух, а то и трех противников, Москва четко организовывала противодействие, посылала войска на запад, юг и восток, сдерживала натиск всех намеревающихся воспользоваться малолетством Ивана IV и оттяпать от Руси землицы побольше противников. Эти заслуги соправителей Глинской будут сказываться на будущих успехах первого русского царя.

Не забывала Елена и об укреплении города. Еще Василий III Иванович задумал возвести вторую крепостную стену — Китайгородскую. 20 мая 1534 года начались работы по ее сооружению.

Укрепляла она и рубежи государства, при полной поддержке бояр Елена основала несколько крепостей, выделила средства на скорейшее восстановление уничтоженных пожарами Владимира, Ярославля, Твери, на обустройство других городов. При Елене Глинской были казнены «фальшивомонетчики», которые вместо чисто серебряных монет стали отливать поддельные — с примесью других металлов. Когда обман вскрылся и виновных поймали, правительница приказала отсечь преступникам руки и вливать в рот растопленное олово — одну из составляющих фальшивых монет. С тех пор на Руси появились монеты с изображением великого князя на коне с копьем в руке (а не с мечом, как было раньше). Это великокняжеское копье и дало название знаменитой русской копейке.

И все же не могла угодить народу Елена. Как пишет Н. М. Карамзин, подводя итог деятельности правительницы: «...Елена ни благоразумием своей внешней политики, ни многими достохвальными делами внутри государства не могла угодить народу: тиранство и беззакония, уже всем явная любовь ее к князю Ивану Телепневу-Оболенскому возбуждала и ненависть и даже презрение, от коего ни власть, ни строгость не спасают венценосца, если святая добродетель отвращает от него лицо свое»[1]. Любовь — дело не государственное, но сугубо личное, и горе тем влюбчивым людям, которых судьба возносит к вершинам власти, где люди не могут руководствоваться этим чувством — они должны подчиниться строгим законам этикета. А любовь, если это не любовь к ближнему, не признает эти рамки, эти условности. У любви свои условности, своя цель, свои святыни и добродетели. О них знают не только очень влюбчивые люди. Но... была ли любовь у Елены Глинской и Ивана Телепнева?

Этот вопрос, а вернее, ответ на него, имеет принципиальное значение для тех, кто пытается осмыслить важнейший период в жизни Ивана IV Васильевича, еще не Грозного, а впечатлительного мальчика-венценосца, период, который остался за пределами внимания исследователей личности первого русского царя, и подобное пренебрежение, мягко говоря, непонятно. Грозными, как и суровыми, рождаются очень редко, обычно ими становятся. Родился ли Иван IV Васильевич разнузданно-грозным человеком, сказать трудно, но среда, в которой он обитал, начиная с трехлетнего возраста, когда память даже у средних людей начинает фотографировать и закладывать в бесчисленные свои ячейки самые яркие

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 455.

сцены жизни, а также душевные впечатления от них, была средой, наиболее благоприятной для взращивания неуравновешенных, дерзких, эгоистичных особей человеческого рода, злых и нежных, суровых и плаксивых, грозных и трусливых, любвеобильных и низменных, чутких и жестоких, умных и разболтанных одновременно.

Из благочинной, почти идиллической семейной обстановки трехлетний мальчик попадает в эпицентр политической жизни, в окружение семи бояр Опекунского совета и двадцати двух бояр Верховной думы, где каждый имел свою цель, свою олигархову сверхзадачу.

Но, может быть, все это было не так уж губительно для детского сердца. Может быть, Ваню не отягощали назойливым вниманием государственные деятели, может быть, он был далек от всего, что творилось в те годы в Москве, и мирно играл в кремлевском садике, строил песчаные города-крепости, устраивал под ними подкопы, а потом уходил в окружении сладкозвучных воспитательниц в хоромы каменные, по два раза в день спал, ни о чем не тревожась, не вникая в жизнь взрослых? Нет, не было этого! В детские годы Ваня, сын Василия III, может быть, и играл, но взрослые дела покоя ему не давали сызмальства, и подтверждением тому является хорошо известный факт, произошедший в 1538 году перед началом очередной войны с Литвой.

Ее начал король Сигизмунд. Боярская дума призвала митрополита, семилетнего Ванечку, Елену Васильевну на совет: воевать — не воевать. Ваня сидел на троне. Митрополит сказал ему громогласно: «Государь! Защити себя и нас! Действуй, мы будем молиться». Ваня после этого совета пошел спать, а русское войско ночью отправилось в поход. О чем мог думать засыпая семилетний мальчик, которого еще в 1534 году лишили Опекунского совета, затем двух дядей, дедушки Михаила Глинского? Что чувствовал и что думал он в тот несчастный день, когда внезапно умерла еще молодая, энергичная, волевая, жизнерадостная Елена Глинская?

Она скончалась вдруг, 3 апреля 1539 года во втором часу дня. В тот же день ее похоронили. «Бояре и народ не изъявили, кажется, ни самой приторной горести. Юный великий князь плакал и бросился в объятия к Телепневу...» В тот грустный для чувствительного ребенка миг Ваня потянулся к... самому близкому человеку. Может быть, и потому, что Телепнев был чуть ли не единственным, о причинах не будем говорить, искренне опечаленным кончиной Елены Глинской человеком. Бедный сирота к нему-то и бросился искать защиты, к фактическому губителю всех своих родственников!

Этот факт говорит о том, что у Вани и Ивана были до тех пор очень теплые взаимоотношения, и о том, что Телепнев не был только лишь фаворитом. В основе взаимоотношений его с Еленой по всей видимости было нечто большее, чем властолюбие высокопоставленного пройдохи и влюбленность распутной правительницы. Их могла связывать любовь, которая вдруг налетела, как зимняя гроза, в неурочный час на двух для любви не там посеянных судьбой людей. Им пришлось заниматься проблемами Москвы, обсуждать государственные дела, поведение бояр, угодных и неугодных им, но любовь никуда не исчезла при этом. И наверняка

Ваню приглашали участвовать в этих обсуждениях, что приучало ребенка смотреть на все глазами государственного человека, приучало решать судьбы других людей.

Данная версия спорна, картина семейной идиллии может смутить искушенного в истории читателя, но бесспорно то, что бросившийся к Телепневу сын Елены Глинской уже в те дни слышал об отравлении своей матушки. Отравили! Не все летописцы доверяют этим слухам, хотя никто из них не сообщает о какой-нибудь болезни молодой правительницы либо о каком-то происшествии, несчастном случае, приведшем ее к смерти. Умерла цветущая женщина, похоронили ее, и точка.

Ивану IV Васильевичу было в день похорон матери восемь лет. Это возраст, когда у большинства людей взамен периода накопления впечатлений наступает период поиска. В восемь лет ребенок ищет точку опоры, систему ценностей, идет поиск того, чем можно дорожить, на что можно опираться, поиск смысла жизни и в том числе поиск виновных, если ребенка сызмальства много обижали, — отравили матушку!.. Читатель в дальнейшем поймет из письма Грозного Курбскому, как подействовали детские впечатления на дальнейшие отношения его с подданными.

Вторая женщина в державе Рюриковичей, рискнувшая взять штурвал власти, скорее всего была антиподом супруги Игоря, хотя в некоторых действиях и штрихах личностных напоминала свою предшественницу. Но страна была уже не та: и старше на пятьсот лет, и сословий побольше, и олигархи помощнее прежних родовых старшин. После гибели правительницы потомки Рюрика еще на один шаг придвинулись к роковой для всего рода черте.

Бояре, а мы к вам пришли!

Через семь дней после похорон к надзирательнице великого князя боярыне Агриппине и ее брату, бывшему возлюбленному Елены Глинской, князю Ивану Телепневу явились слуги Василия Шуйского, вооруженные. «Бояре, а мы к вам пришли!»

Иван IV Васильевич кричал, топал ногами, плакал в детском исступлении, просил, требовал, умолял не трогать самых близких ему людей. Слуги действовали строго по указанию Шуйского. Они аккуратно нейтрализовали бесившегося Ивана IV Васильевича, заковали в цепи боярыню Агриппину и Ивана Телепнева и увели их. Ребенок перебесился, затих, а затем к нему явились Василий и Иван Шуйские, которые, по словам самого Ивана IV Грозного, «самовольно навязались мне в опекуны и таким образом воцарились, тех же, кто более всех изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея, и на этом дворе его люди собрались подобно иудейскому сонмищу, схватили Федора Мишурина, ближайшего дьяка при отце нашем и при нас, и, опозорив его, убили»[1].

Началось правление бояр. «Не делай другому того, чего не желаешь себе» — гласит древняя мудрость. Телепнев уморил голодом Андрея,

[1] *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. II. М.: Воениздат, 1957. С. 138.

Шуйский уморил Телепнева. Боярыню Агриппину в Каргопольском монастыре постригли. Ее брат, Иван Телепнев, как пишет Н. М. Карамзин, «имел ум, деятельность, благородное честолюбие; не боялся оставлять двора для войны и, еще не довольный властию, хотел славы, которую дают дела, а не милость государей». Сложная натура. Стоило ли ради славы морить с голоду людей, чтобы быть самому уморенным?

Пятидесятилетний низвергатель Телепнева Василий Шуйский решил пойти дальше несчастного князя, женился на юной Анастасии, сестре Ивана IV, дочери казанского царевича Петра. Пытаясь всеми известными способами укрепить власть, он выпустил из темницы князя Ивана Бельского в надежде, что тот окажет ему поддержку. Иван Бельский человеком был всегда самостоятельным и после темницы остался верен себе. Вскоре к боярину Бельскому вновь пришли вооруженные люди: «Бояре, а мы к вам пришли!» Бельского опять отправили в темницу, его советников сослали в деревни, а дьяка Федора Мишурина пытали. Долго мучили дьяка, зачем — непонятно, а когда он от пыток изнемог совсем, слуги Шуйского сорвали с него одежду, выволокли еле живого на тюремный двор, ткнули носом в плаху и отрубили голову.

Шуйский ненадолго пережил дьяка. Он достиг уже огромных успехов, куда больших, чем недавно Телепнев, и вдруг умер, никто не знает, по какой причине. Не от радости же, не от счастливого головокружения от большой высоты, на которую вскинула сего боярина судьба и собственная хватка. «Свято место» в Думе занял Иван Шуйский. Этот уже не мог остановиться. Его единомышленники — тоже. Обвинив митрополита Даниила в преступном сговоре с Бельским, бояре пришли к архипастырю, потребовали у него расписку в добровольном отказе от сана и 2 февраля 1539 года сослали его в монастырь.

«Нас же с единородным братом моим, в бозе почившим Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде, и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле, и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не взглянет — ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ. Кто же может перенести такую гордыню?.. Сколько раз мне и поесть не давали вовремя...»[1].

Шуйские так увлеклись укреплением собственной власти при дворе, что забыли о делах государственных. Этим тут же воспользовались крымские и казанские ханы. Дело дошло до того, что казанцы, почувствовав слабинку в Кремле, два года терзали многочисленными набегами Русскую землю. Урон от них можно сравнить с уроном, причиненным Восточной Европе нашествием Батыя. Большой удачей можно считать то, что другие соседи не набросились в это время на Русь.

В 1540 году митрополит Иосаф, заменивший Даниила по настоянию Шуйского, обратился к десятилетнему Ивану IV и к Думе с просьбой выпустить из темницы Ивана Бельского. Иван Бельский вернулся в

[1] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1981. С. 139.

Думу — к мнению митрополита отнеслись со вниманием — расклад сил там резко изменился: Дума стала работать конструктивнее, миролюбивее, «с уверенностию и благоразумием».

Весной 1541 года Саип-Гирей, крымский хан, с огромным войском, а практически со всей своей ордой, с обозом, в котором находились семьи воинов, покинул Крым и двинулся на Москву. Его поддержал в этой войне османский султан, прислав хану сильную дружину с огнестрельным оружием. По пути к Саип-Гирею присоединялись отряды астраханцев, азовцев, других любителей повоевать. Желание огромной орды Саип-Гирея, рискнувшего пойти в поход весной, говорит прежде всего о прекрасной осведомленности налетчиков. Они знали наверняка о том, что войско их не умрет с голода, что сыты будут десятки тысяч лошадей. У Саип-Гирея нашли приют предатели, некоторые русские, в том числе и Симеон Бельский, взявшийся вести врага в Москву, показывать безопасные броды, удобные дороги, вдоль которых располагались богатые селения. Но речь в данном случае идет не о предателях, а о благосостоянии страны, способной прокормить весной большое войско налетчиков.

В Москве узнали о предстоящем походе Крымской орды, где долгое время жил русский посол Александр Кашин. Были приняты соответствующие меры предосторожности, собрана крупная рать, разосланы на дороги разведчики. Саип-Гирею не удалось внезапно напасть на Русь, впрочем, вряд ли он рассчитывал только на эффект неожиданности: с такой громадной ордой пройти по Восточной Европе незамеченным трудно. Вероятнее всего, он рассчитывал на слабость власти, на хаос в Боярской думе.

Русские собрали рать под Коломной. Разведка сообщила сведения о продвижении противника. В Москве было тревожно.

Десятилетний Иван с младшим братом Юрием помолился в Успенском соборе перед Владимирской иконой Божией Матери и перед гробом святого Петра, заплакал, не выдержав напряжения, и сказал в абсолютной тишине, которую нарушал лишь шелест свечей: «Боже!.. Защити нас, юных, сирых! Не имеем ни отца, ни матери, ни силы в разуме, ни крепости в деснице; а государство требует от нас спасения!» Затем вместе с митрополитом он явился в Думу и спросил у бояр: «Скажите, оставаться ли мне в Москве или покинуть город?» В Думе разразился спор. Одни считали, что Ивану IV и его брату Юрию в целях личной безопасности нужно покинуть Москву, как это не раз в подобных случаях делали предки великого князя. Другие говорили, что безопаснее всего будет в Москве. Это мнение в конце концов взяло верх, и, как показало ближайшее будущее, оно было верным.

Присутствие в городе Ивана и Юрия вдохновило жителей Москвы. Они готовились к осаде, готовились не только защитить себя, свой город, но и своих смелых малолетних князей. В русском войске на Оке положение было иное. Там переругались князья в борьбе за власть, и рать находилась на грани саморазвала. В этот ответственный миг Иван IV послал в Коломну вдохновенное письмо, в котором просил бояр, князей и воевод забыть обиды между собой и отстоять отчизну.

Орда крымского хана была уже совсем близко. Дмитрий Бельский прочитал письмо и тут же собрал всех воевод. Письмо малолетних князей

подействовало на всех волшебным образом: воеводы преобразились до неузнаваемости, забыли обиды, клялись друг другу стоять насмерть, погибнуть, но не пропустить врага.

Юному великому князю было чуть меньше одиннадцати лет. Значительно позже в своих посланиях и письмах он удивит мир литературным дарованием и даже скажет свое веское слово в русской литературе, расширит возможности русского литературного языка, но вряд ли в июле 1541 года он сам писал это вдохновенное послание Дмитрию Бельскому...

Саип-Гирей подошел к Оке со своей ордой, увидел русское войско, прекрасно организованное, ободренное, готовое драться не на жизнь, а на смерть. Он отругал Симеона Бельского, уверявшего его в том, что в Московии он встретит деморализованную рать, и повернул обратно в Крым.

В этой счастливой для Ивана IV истории, кроме благополучного финала, важна еще та сцена в Думе, когда бурно обсуждался вопрос о местонахождении великого князя в столь ответственный момент. Летописцы и позднейшие историки ничего не говорят о попытке физического устранения юного венценосца и его младшего брата. Бояре, считавшие, что Ивану IV лучше быть в Москве, аргументировали свое мнение тем, что в других городах страны неспокойно. Новгород, Псков и Тверь слишком близко расположены от Великого княжества Литовского, другие города — от казанцев. В этой аргументации чувствуется явное лукавство. Не иностранцев побаивались бояре, хотя, думается, литовцам, казанцам, крымцам и прочим соседям пришелся бы по нраву такой трофей! Денег, а то и земель они в обмен на десятилетнего Ивана IV получили бы немало. Но русские бояре боялись куда более страшного зла, на которое не решился бы ни один иностранец, они боялись физического устранения Ивана IV.

Да, для многих бояр малолетство детей Василия III являлось прекрасной возможностью обогатиться, обрести побольше власти. Все так. Но в Москве были люди, которые мечтали о большем. Эпизоды с Юрием и Андреем Ивановичами (а редко кто допускает их невиновность, многие считали, что они с помощью заговора хотели взять власть) говорят о том, что идея самодержавия хоть и окрепла окончательно в сознании россиян, но они еще не определились в одном важном вопросе: каким образом осуществлять эту идею, обязательно ли в этом вопросе соблюдать правило прямого наследования престола? «Бунт» ближайшего родственника, дяди Ивана IV — Андрея Ивановича — яркое тому доказательство.

...Победа над Саип-Гиреем усыпила бдительность Ивана Бельского. Он, человек миролюбивый, проморгал заговор, организованный коварным Иваном Шуйским, поддержанный многими знатными князьями, а также дворянами и воеводами. Действовал Иван Шуйский широко и смело. Ему присягнули на верность войска во Владимире, он послал в Москву к своим единомышленникам триста человек и приказал действовать. «... его сторонники, Кубенские и другие, еще до его прихода захватили боярина нашего, князя Ивана Федоровича Бельского, и иных

бояр и дворян и, сослав их на Белоозеро, убили, а митрополита Иосафа с великим бесчестием прогнали с митрополии. Потом князь Андрей Шуйский и его единомышленники явились к нам в столовую палату, неиствуя, захватили на наших глазах нашего боярина Федора Семеновича Воронцова, обесчестили его, оборвали на нем одежду, вытащили из нашей столовой палаты и хотели его убить. Тогда мы послали к ним митрополита Макария и своих бояр Ивана и Василия Григорьевичей Морозовых передать им, чтобы они его не убивали, и они с неохотой послушались наших слов и сослали его в Кострому; а митрополита толкали и разорвали на нем мантию с украшениями, а бояр толкали в спину»[1].

Когда-то одиннадцатилетний Владимир Андреевич Храбрый давал клятву своему брату Дмитрию Ивановичу Донскому. Клятву! В одиннадцать лет! Вполне серьезные, мудрые люди, митрополит Алексий например, считали, что в таком возрасте человек уже способен действовать серьезно, брать на себя обязательства осознанно. Прошло время. Двенадцатилетнего Ивана IV не то чтобы не подпускали к участию в государственных важных делах, но всячески игнорировали его, человека не менее способного, нежели Владимир Андреевич. На государственные «спектакли», один из которых состоялся в Успенском соборе в 1541 году во время нашествия орды Саип-Гирея, бояре и духовенство с удовольствием приглашали сироту Ивана IV даже на роль главного героя. Но переворот Ивана Шуйского в 1542 году говорит о том, что юный великий князь им нужен был в качестве игрушки. Игрушки, сломать которую и выбросить в мусорную яму почему-то никто не решался. Почему? Потому что олигархи никогда добровольно не возвышали никого из своих рядов. И эта слабость олигархов дала Ивану IV возможность выжить.

Шуйские, захватив власть в Думе, отменили восстановленные Иваном Бельским льготы в областях, где полную власть захватили их наместники. В стране начался откровенный грабеж. Росло молчаливое недовольство. Иван Шуйский, больной и старый, передал власть своим родственникам. Среди них особенно выделялся своей наглостью и свирепостью князь Андрей Шуйский. Он видел, какое влияние на Ивана IV имеет советник Думы князь Федор Семенович Воронцов, и мечтал расправиться с ним. Повода, однако, долго не было. И тогда клан Шуйских решил действовать в открытую.

На торжественном заседании Думы в присутствии поставленного Иваном Шуйским митрополита Макария, а также Ивана IV люди Шуйского — это было в 1543 году — набросились на Воронцова с обвинениями, ничем не подтвержденными и никак не аргументированными. Воронцов спокойно отметал одно обвинение за другим, но это только распаляло Андрея Шуйского и его сторонников. Окончательно рассвирепев, они налетели на Воронцова, выволокли его в соседнюю комнату и стали бить в диком остервенении.

Иван IV, дрожа от страха и гнева, слезно просил митрополита вызволить из беды несчастного, а князья Шуйские, Кубецкие, Палецкие, Шкурлятовы, Пронские и Алексей Басманов продолжали бить Воронцова. Тот

[1] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 139.

продолжал кричать, юный великий князь — умолять Макария, и наконец митрополит с боярами Морозовыми проследовал в комнату. Слова первосвятителя «подействовали» на Шуйских и на их сообщников. «Мы не убьем его!» — злорадно кричали они и били Воронцова еще некоторое время. Затем едва живого они бросили его в темницу. Иван IV вновь послал к ним митрополита, просил через него отправить избитого служить в Коломну. Фома Головин встретил Макария, мягко говоря, неучтиво: наступил на мантию митрополита, порвал ее в клочья. Священнослужитель, не обратив на эту дерзость внимания, передал Шуйским просьбу Ивана IV. «Бояре! А мы к вам пришли!»

Бояре стояли на своем. Они вынудили тринадцатилетнего человека утвердить противный его душе приговор, и Воронцова отправили вместе с сыном в Кострому. Мог ли не запомнить этого великий князь? Мог ли он простить боярам их своевластие, грубость, дерзость? Не мог! И это должны были понимать те, кто отплясывал над Воронцовым дикую пляску, кто кучковался вокруг Шуйских, явно увлекшихся в своих «подвигах», о которых — это надо помнить! — наслышаны были и князья, и бояре, и дворяне, и воеводы, и купцы, и ремесленники, не исключая смердов и черных людей. Очень часто олигархи совершали в разных странах и в разные времена одну и ту же ошибку: в своем исступленном самомнении, в своей дерзкой гордости, в своих делах и поступках они, игнорируя окружающих их сограждан, противопоставляли себя всему роду человеческому, разжигали губительный для себя же самих огонь ненависти.

Удивительно! Бояре в период с 1533-го по 1546 год сделали все, чтобы озлить, настроить против себя Ивана IV и весь народ московский.

После расправы с Воронцовым они решили заняться «воспитанием» будущего самодержца и воспитывали его в своем духе, разжигая, себе на беду, низменные инстинкты в душе чувствительного князя, пытаясь привязать его к себе. Не получилось. Слишком хороша была память у юного князя, слишком много зла он претерпел от Шуйских и их приверженцев. Иван, не отказываясь от грубых затей, охоты, шумных и уже не детских игрищ, все чаще прислушивался к мнению своих дядей Юрия и Михаила Васильевичей Глинских, людей «мстительных, честолюбивых». Они говорили племяннику о том, что пора ему брать власть в свои руки и самому решать, кого миловать, а кого наказывать.

Слушал их, слушал Иван IV, думку думал, уже не мальчик, но еще не муж, но пока ничего не предпринимал. Вокруг него стали собираться бояре, ненавидевшие Шуйских. Но те, как в свое время Иван Бельский, ничего опасного для себя не замечали. Осенью 1543 года Иван съездил на молитву в Сергиев монастырь, затем охотился, по уже сложившейся традиции, потом были веселые праздники, настало Рождество Христово. Веселым и бесшабашным казался Шуйским Иван IV Васильевич. Никто из них не догадывался в последние месяцы 1543 года, что великий князь уже стал Грозным.

Он созвал бояр в Думу, и вдруг все услышали его твердый, суровый голос, повелительный, жесткий тон. Иван IV в полной тишине сказал, что бояре, пользуясь его малолетством, самовольно властвовали в стране,

многих невинных людей убили для собственной выгоды, многих ограбили, восстановили народ против себя и, главное, против центральной власти. Беспрекословный тон, твердость взгляда и мысли, спокойствие и уверенность в сочетании с умеренной, еще не разбушевавшейся страстью могли напугать даже очень непугливого человека. «Повинных в беззакониях много, — продолжил великий князь, — но я накажу только самого виновного — Андрея Шуйского».

Не успели Шуйские отреагировать на эти слова, как к их лидеру подбежали вооруженные люди. Отдать его, свирепого, на растерзание псам повелел великий князь, и приказ его был исполнен мгновенно. Не известно, что за псы терзали князя Андрея Шуйского. В те неспокойные века в Западной Европе, натравливая псов на людей, тренировали их. В войсках конкистадоров, ринувшихся в Америку, «служили» псы-мастифы. По приказу хозяина они набрасывались на местных жителей, никогда собак не видевших, подпрыгивали, огромные, вгрызались зубами в беззащитные животы индейцев, вспарывали людскую нежную плоть и, сочно рыча, пожирали несчастных под дикий нечеловеческий крик. Какие собаки пожирали Андрея Шуйского, летописцы и историки не уточняют, но приговоренному князю от этого было не легче. Тяжелая это смерть, собачья.

Однако первый жестокий приговор никого ничему не научил. То ли не знали олигархи известное еще в V веке до нашей эры во многих странах древнего мира правило: в период нестабильности, смуты не лезь наверх, не высовывайся, живи тихо-тихо; то ли не догадывались, что смута на Руси уже родилась и что породило ее боярское правление, то ли не было у олигархов никакой возможности затаиться, жить в безвестности, жить ради того, чтобы жить; то ли по каким-то иным причинам, но практически никто из бояр не согласился добровольно отказаться от борьбы за власть, от борьбы за влияние на юного самодержца. А тот, ничего не выдумывая, не изобретая, действовал методами и средствами, предложенными ему сначала матушкой Еленой Глинской, затем Боярской думой. Он лишь использовал эти методы и средства все жестче и жестче и все в больших масштабах.

Афанасия Бутурлина, например, через несколько месяцев после того, как Андрея Шуйского сожрали собаки, обвинили в том, что он нелицеприятно отозвался об Иване IV. Великий князь, узнав об этом, приказал отрезать болтуну язык. Через некоторое время в опале оказался Федор Семенович Воронцов в компании с... Кубенским, Петром Шуйским-Горбатым, Дмитрием Палецким. Митрополит на этот раз отстоял бояр, их отпустили, но ненадолго. Вскоре у великого князя на охоте произошла стычка с новгородскими пищальниками, направлявшимися в Москву с какой-то жалобой. Василий Захаров, ближний дьяк, и князья Глинские, узнав об этом, заявили Ивану IV о том, что пищальники шли в столицу по приказу заговорщиков Ивана Кубенского, Федора и Василия Воронцовых. Юный самодержец охотно поверил в самою версию мятежа, не стал расследовать дело, приказал отрубить «виновным» головы.

Князья и бояре, вошедшие в милость великого князя, даже не догадывались о том, что жизнь его только начинается, а Иван IV, не давая им

повода для грусти, ездил по разным областям своей державы, чтобы видеть славные их монастыри и забавляться звериной ловлею в диких лесах; не для наблюдения за делами государственными, не для защиты людей от притеснения корыстолюбивых наместников. «Так он был с братьями Юрием Васильевичем и Владимиром Андреевичем во Владимире, Можайске, Волоке, Ржеве, Твери, Новгороде, Пскове, где, окруженный сонмом бояр и чиновников, не видал печалей народа и в шуме забав не слыхал стенаний бедности; скакал на борзых ишаках и оставлял за собой слезы, жалобы, новую бедность: ибо сии путешествия государевы, не принося ни малейшей пользы государству, стоили денег народу: двор требовал угощения и даров. — Одним словом, Россия еще не видела отца-монарха на престоле, утешаясь только надеждою, что лета и зрелый ум откроют Ивану святое искусство царствовать для блага людей»[1].

К данным высказываниям Н. М. Карамзина можно добавить лишь то, что описанные им два года жизни юного самодержца, любителя ездить по стране и охотиться на дикого зверя, были самыми спокойными, да и самыми счастливыми в его жизни и в жизни Московского государства.

Иван-завоеватель

К семнадцати годам нагулялся великий князь Иван IV Васильевич, наохотился, вдоволь напутешествовался, окреп физически, возмужал. Однажды он долго о чем-то беседовал с митрополитом Макарием — порадовал священнослужителя, а через три дня назначил сбор всех князей, бояр и воевод во дворце. Юный князь, удивляя собравшихся серьезным видом и благочинной речью, сказал, что хочет жениться, причем на соотечественнице. «Во младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, — говорил Иван IV, обращаясь к митрополиту, — могу не сойтись с иноземкой: будет ли тогда супружество счастием? Желаю найти невесту в России по воле Божией и твоему благословению»[2]. Макарий благословил намерение венценосного юноши.

Эта умилительная сцена до глубины души растрогала бояр. Они плакали. Седовласые мужи и юные, враги и друзья, опальные (князь велел прибыть во дворец всем) и те, которых успел приблизить к себе Иван IV, — плакали все, и никто не догадывался, что оплакивают они страну Рюриковичей — целую эпоху в жизни Восточной Европы. И это хорошо, что они ни о чем не догадывались.

Иван IV не торопил их, как хороший артист, чувствующий вибрирующую энергию зала, подождал, сам невольно растроганный слезами бояр, и, не теряя строгости в голосе, гордо произнес, что хочет он перед свадьбой венчаться на царство, и приказал митрополиту и боярам как следует подготовиться к сему знаменательному событию не только в своей личной судьбе, но и в жизни всей державы.

Обряд венчания на царство — впервые на Руси — состоялся 16 января 1547 года. А через месяц, 13 февраля в храме Богоматери митрополит

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 472.
[2] *Там же.* С. 474.



Знамя Ивана Грозного

Макарий венчал Ивана IV и Анастасию Романовну Захарьину. Она была дочерью Романа Юрьевича, окольничего; воспитывалась, как и царь, без отца, отличалась кротким нравом и щедрой душой. Свадьба продолжалась несколько дней. Во дворце, в Кремле, в Москве гулял народ и радовался.

Молодожены однажды утром покинули дворец и пешком отправились в Троицкую лавру, где провели в ежедневных молитвах первую неделю Великого поста, первую неделю своей совместной жизни, самую мирную неделю, самую спокойную.

Идиллическое начало супружеской жизни и царствования Ивана IV кануло в Лету, как только супруги вернулись в Москву, где управляли в то время бояре Глинские. Они уже расставили по городам своих наместников, которые грабили народ и издевались над людьми хуже иноземцев. Весной не выдержали надругательств и поборов граждане Пскова, отправили к царю семьдесят послов. Иван IV встретил их по случаю в селе Острове. Люди добрые не успели рта раскрыть, рассказать юному царю-батюшке о злодеяниях царского наместника, как Иван IV неожиданно быстро рассвирепел, закричал на них, затопал ногами, начал рвать их седые бороды. Люди молча сносили гнев буйного юноши, мечтая лишь о том, как бы добраться до родных очагов и успокоиться, забыться. Царь, однако, совсем озлился. В его резких движениях, в истошном крике, в других выходках — он лил горячее вино на несчастных и злорадно при этом улыбался — было что-то... не свойственное Рюриковичам, была разнузданная дерзость, не оправдываемая ничем. Даже молодостью.

Несчастные граждане Пскова покорно ждали смерти, потому что только смерть могла спасти их от болезненно разбушевавшегося царя.

Но спасло их чудо. Из Москвы прискакали гонцы, доложили о том, что упал Большой колокол. Царь резко изменился в лице, будто бы даже обрадовался случаю, сел на коня и ускакал в Москву. Неизвестно, чему радовался царь, может быть, судьбе, которая уберегла его от бессмысленного убийства ни в чем не повинных людей, но псковичи, угрюмо поднимаясь с земли, имели более убедительную причину радоваться.

В жизни Ивана IV Васильевича было много еще бессмысленного, и не всегда падали колокола на землю, спасая его самого и подданных его от постыдных выходок самодержца.

Многие мыслители и «человекописатели», рассказывая о судьбах великих, да и невеликих людей, выискивая причины духовного перерождения своих героев, часто выискивают в их жизни всякого рода «колокола», исследуют, были ли в ней напряженные моменты, а также стрессовые ситуации, которые в конце концов и являются, по мнению авторов, причиною резких перемен и в образе жизни, и в образе мышления тех или иных персонажей. Н. М. Карамзин, тонкий мыслитель, тоже не брезгует поиском «колоколов». «Характеры сильные, — пишет он, — требуют сильного потрясения, чтобы свергнуть с себя иго злых страстей и с живою ревностью устремиться на путь добродетели»[1].

Удивительно! Вид лежащих на весенней земле голых семидесяти псковичей, по лицам которых текли горькие слезы горячего Иванова вина, не потряс царя. Таких картин он с детства насмотрелся.

Его потрясли знаменитые московские пожары 1547 года. Их было три. В середине апреля огонь спалил Китай-город. Пострадали купцы. Пожар уничтожил лавки с товарами, а также казенные гостиные дворы — их в Москве было уже много. Огонь на этом не остановился, двинулся в сторону Кремля, подхватил высокую башню, в которой хранился порох, вскинул ее к небу и бросил с грохотом в Москву-реку. Через неделю пожар сровнял с землей жилые кварталы ремесленников за Яузой. Огонь словно бы проводил разведку, искал слабое место, готовился к решительному штурму города. Жители Москвы не обратили внимания на эти маневры огня — старого московского врага — думали, что двух пожаров в год вполне достаточно.

Но через два месяца огонь явился вновь. Он дождался удобного момента, когда по улицам Москвы носился с шумом страшный ураган, спалил на Неглинной несколько домов, а на Арбате церковь Воздвижения и пошел, быстро разгоняясь, жечь избы и храмы, казенные дома и лавки купцов, каменные и деревянные постройки. В мгновение ока пожар завладел всем городом, набросился на Кремль. Остановить его было невозможно. Он уничтожил «царские палаты, казну, оружие, иконы, древние хартии, книги, даже мощи святых истлели». Ущерб пожар нанес огромный. В огне сгорело 1700 человек, много детей. Спалив город, огонь, почернев от неутоленной злобы, затих, и черные люди появились на черных улицах.

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 477.

Царя в Москве не было. Он сбежал в Воробьево, он не знал, как ему вести себя в столь трагическую для всех минуту. Первым его действием был приказ восстановить дворец в Кремле. Бояре, следуя примеру царя, занялись постройками своих хором. А простонародье угрюмо ходило по черным улицам города, и недавняя злоба огня передавалась им. Энергия зла накопилась быстро. Нужен был только повод, а лучше сказать — жертва, на которую излилась бы эта кипящая огненная лава зла.

Иван IV Васильевич отправился со свитой бояр в Новоспасский монастырь навестить митрополита Макария, получившего ранение в тот момент, когда его пытались спустить по тайному ходу из охваченного пламенем Кремля к Москве-реке. Во время встречи с первосвятителем царю доложили, что пожар возник не самопроизвольно, но по вине «некоторых злодеев». Юный самодержец лишь удивился и повелел расследовать это дело. Неизвестно, то ли не догадывался он по молодости лет, куда приведет расследование, то ли все точно просчитал Иван и решил нанести удар по тем, кто его именем фактически управлял страной, но через два дня в Кремле, на площади бояре собрали огромную толпу и с этакими невинными лицами спросили: «Кто поджег столицу?» Из толпы несколько голосов громко крикнуло: «Глинские! Глинские!»

То был очередной заговор. Противники Глинских в Боярской думе пустили слух по городу о том, что княгиня Анна Глинская, мать фаворитов царя, извлекала из трупов сердца, «клала их в воду и кропила ей улицы». От того и пошел по Москве огонь.

Толпа на кремлевской площади по-волчьи взвыла: «Глинские!», и вой этот привел в ужас стоявшего в окружении бояр Юрия Глинского, сына Анны, которая в это время находилась со вторым сыном в Ржеве. Юрий ринулся в Успенский собор, надеясь там найти спасение. Но люди ворвались в храм и убили несчастного. В Москве такого еще не бывало, во всей стране Рюриковичей до сих пор такого кощунства еще не бывало, чтобы в храмах убивать людей.

Одного Глинского толпе не хватило. Имение знатных бояр было разграблено, дети и слуги убиты. Но и этим не насытилась толпа. Люди, черные от дыма, от съедавшей их души злости, бродили по городу, собирались в кучки, жаждали крови. Такую толпу угомонить может лишь кровь.

В эти опасные дни царь пребывал на Воробьевых горах во дворце. Он не знал, что делать, как успокоить народ. К нему из Новгорода явился иерей Сильвестр, приятель митрополита, и свершилось чудо: со Священным писанием в руках иерей грозным голосом возвестил трепетавшему от страха юноше, что Москва сгорела от огня Небесного, что Бог наказал людей. Далее священнослужитель изложил по Священному писанию законы, данные Богом всем царям... В той критической ситуации явление Сильвестра русскому самодержцу было воистину чудодейственным, очень своевременным. Но надо заметить, что иного продолжения событий просто быть не могло: в жизни представителей верховной власти очень много логичного, даже несмотря на то, что личностные качества могут вносить в нормальное течение событий хаос на какое-то время.

Иван IV Васильевич не принять «чудо» Сильвестра просто не мог! И все же, как это ни противоречиво будет звучать, величие Грозного состоит именно в том, что в те летние дни 1547 года он понял, кто и зачем ему нужен в данный ответственный момент. Он это понял. И Сильвестр остался во дворце, сблизившись с любимцем царя Алексеем Федоровичем Адашевым, человеком, по мнению Андрея Курбского и Н. М. Карамзина, чистой души, бескорыстным, щедрым на добро, искренне преданным. Только такие люди нужны были царю в тот период — период великих свершений и великих завоеваний.

Царь находился еще в состоянии душевного потрясения от всего случившегося, еще не осознавал перемены, произошедшей с ним, как вдруг из Москвы в Воробьево явилась мятежная толпа. Может быть, она пришла к царю по собственной инициативе, но скорее всего был организован, спровоцирован данный поход теми, кто выкрикнул первым фамилии виновных в пожаре. «Глинских! Княгиню Анну! Михаила!» — снова выла по-волчьи толпа... Что могло случиться, если бы царь дал слабинку — пошел бы, например, с ними на переговоры, — догадаться нетрудно. Вероятнее всего организаторы послепожарного заговора рассчитывали именно на эту слабинку, на получение возможности крутить царем, вертеть им как захочется.

«Глинских! Глинских!» — требовали люди, и царь приказал открыть огонь по бунтовщикам. Ситуация тут же изменилась. Крик еще стоял над Воробьевом, но то кричали раненые люди; они просили пощады, а не княгиню и князя Глинских. Для острастки пришлось казнить несколько человек, но царь быстро успокоился, и, как ни странно, с этого момента началось самое плодотворное десятилетие его правления.

Царь — вот когда Иван IV стал действительно царем на Москве — повелел прибыть в столицу представителям каждого сословия, собрал их на площади у лобного места и после молебна вышел в сопровождении дружины к соотечественникам в окружении бояр, священнослужителей и в полной тишине сказал, сначала обращаясь к митрополиту, а затем к народу, свою знаменитую речь, зафиксированную в Степенной книге и в летописях. Знаменита эта речь тем, что обращена она была к народу. Не просто к нищим или простолюдинам, к воинам или ремесленникам, а именно ко всему народу огромной державы.

Во всеуслышание, никого не боясь, Иван IV Васильевич обвинил во многих бедах народа московских бояр, использовавших его малолетство в своих корыстных целях. «Сколько слез, сколько крови от вас пролилося? Я чист от сея крови! — заявил царь и вдруг добавил леденящее душу: — А вы ждите суда небесного!..» Принародно один из последних Рюриковичей обвинил Рюриковичей в бедах страны, открестившись от Рюриковичей в пользу народа. Для князей и бояр его слова прозвучали приговором. До опричнины, подточившей моральный дух, физические и материальные силы Рюриковичей, было еще далеко, но первые грозные нотки, предвещающие бурю, уже прозвучали.

Не останавливаясь, великолепный оратор и неплохой актер Иван IV Васильевич поклонился во все стороны и обратился непосредственно к народу: «...нельзя исправить минувшего зла; могу только впредь спасать

вас от притеснений и грабительств. Забудьте, чего уж нет и не будет! Оставьте ненависть, вражду; соединимся все любовию христианскою. Отныне я судия вам и защитник».

Очень жаль, что, исследуя все перипетии опричнины, так далеко зашедшей, историки не слишком много внимания уделяют этой пламенной речи: она могла подсказать ответ на вопрос, почему опричнина, подтачивавшая опорный стержень страны Рюриковичей, то есть ликвидировавшая самих Рюриковичей и ослабившая тем самым государственный иммунитет, если можно так выразиться, Московского государства, так долго просуществовала.

Чтобы все поставить на свои места, Иван IV в тот же день резко возвысил Алексея Адашева, доверив ему (опять же принародно) принимать челобитные от народа. «Ты не знатен и не богат, но добродетелен. Ставлю тебя на место высокое не по твоему желанию, но в помощь душе моей, которая стремится к таким людям, да утолите ее скорбь о несчастных, коих судьба мне вверила Богом! Не бойся ни сильных, ни славных, когда они, похитив честь, беззаконствуют. Да не обманут тебя и ложные слезы бедного, когда он в зависти клевещет на богатого! Все рачительно испытывай и доноси мне истину, страшася единственно суда Божия!»[1]. Вот до чего перевернула душу самодержца высказанная Сильвестром мысль о неотвратимости Божьего суда. Впрочем, до опричнины было еще далеко, еще только начиналась эпоха побед Ивана IV Грозного, для которых тот спектакль тоже сыграл выдающуюся роль: зрители, оросив слезами умиления и радости площадь на лобном месте, разъехались по своим городам, рассказали там об увиденном и пережитом, и народ наконец-то понял, что на Руси появился настоящий царь-батюшка, справедливый и добрый, готовый постоять за правду, за своих сограждан.

В том же 1547 году[2] на территорию Казанского ханства Иван IV отправил войско С. М. Пункова-Микулинского. Оно продвигалось на восток через Владимир и Нижний Новгород. Этот поход из-за плохой организации снабжения прошел неудачно. Полководец вынужден был повернуть назад.

После описанных весенне-летних событий в Москве, после знаменательной речи царя на лобной площади изменилось отношение к военному делу как во дворце, так и в народе. В 1550 году Москва снарядила второй поход на Казань, который возглавил сам Иван IV. Русские окружили мощную крепость, но взять все же не смогли. Ивану IV пришлось снять осаду и уйти в Москву. Но, уходя, он повелел построить в двадцати пяти километрах от столицы ханства, на левом берегу Волги, крепость Свияжск. Это был великолепный стратегический ход в войне с Казанским ханством. Когда-то отец Ивана IV великий князь Василий III Иванович основал неподалеку от Казани город Васильсурск, ставший, если так можно сказать, экономической базой в борьбе с беспокойным восточным соседом. Сын пошел дальше отца. Крепость Свияжск стала

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 480 — 481.
[2] *Разин Е. А.* Указ. соч. С. 355.

военной опорой русских в Поволжье, сковала действия казанцев, поугомонила черемисов, мордву, чувашей, которые противодействовали русским, мешали им в борьбе с Казанским ханством.

Кому принадлежала идея основания крепости под боком Казани, точно неизвестно, но все военные теоретики сходятся в одном: создание русскими «базы осады» под Казанью намного опередило теоретическую военную мысль XVI века. Лишь во второй половине XVII века французский инженер Вобан обосновал необходимость такой базы при длительном противостоянии противника[1]. Данный факт говорит о полководческом даровании русского царя, о его стратегической хватке.

После второго похода на Казань Иван IV Васильевич вплотную занялся важными государственными делами. В 1550 году он созвал в Москве первый Земский собор. На нем был исправлен Судебник 1497 года и утвержден Судебник 1550 года — юридическая опора задуманного царем и его ближайшими советниками крупнейшего внутреннего переустройства в Русском государстве. О главной причине, побудившей менять порядок в государстве, пишет С. Ф. Платонов: «Так как примитивная система кормлений не могла удовлетворять требованиям времени, росту государства и усложнению общественного порядка, то ее решено было заменить иными формами управления. До отмены кормления в данном месте кормленщиков ставили под контроль общественных выборных, а затем и совсем заменили их органами самоуправления. Самоуправление при этом получало два вида: 1) В ведение выборных людей передавались суд и полиция в округе («губе»). Так бывало обыкновенно в тех местах, где население имело разнословный характер. В губные старосты выбирались обыкновенно служилые люди, и им в помощь давались выборные же целовальники (то есть присяжные) и дьяк, составлявшие особое присутствие, «губную избу». Избирали вместе все классы населения. 2) Ведению выборных людей передавались не только суд и полиция, но и финансовое управление: сбор податей и ведение общественного хозяйства. Так бывало обыкновенно в уездах и волостях со сплошным тяглым населением, где издавна для податного самоуправления существовали земские старосты. Когда этим старостам передавались функции и губного института (или, что то же самое, наместничьи), то получалась наиболее полная форма самоуправления, обнимавшая все стороны земской жизни. Представители такого самоуправления назывались разно: излюбленные старосты, излюбленные головы, земские судьи. Отмена кормлений в принципе была решена около 1555 года, и всем волостям и городам предоставлено было переходить к новому порядку самоуправления...»[2]

Уже из приведенного отрывка видно, что юридическая реформа Ивана IV Васильевича в первую очередь затрагивала интересы князей и бояр, которые после разгрома удельного княжения еще пользовались огромной властью как в Москве, так и в городах, куда царь мог направить их

[1] *Разин Е. А.* Указ. соч. С. 355.
[2] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 201 — 202.

наместниками. Теперь же значение бояр и князей в органах власти резко снижалось, и понравиться им это не могло. Конфликт между царем и боярами назревал, но именно с Земского собора 1550 года, в котором участвовало много бояр и князей, Иван IV Васильевич прочно удерживал инициативу в своих руках, не давал боярам возможности повести против него борьбу.

Вслед за юридической реорганизацией Иван IV Васильевич начал реорганизацию военную. В 1550 году было выделено из детей боярских 1071 человек лучших слуг. Их разместили вокруг столицы в радиусе 60 — 70 километров. И эта «избранная тысяча» стала основным поставщиком командного состава русского войска.

Чуть позже, после взятия Казани, в 1555 году вышло уложение о службе. В нем военная служба вотчинников и дворян объявлялась обязательной и наследственной. За несение военной службы дворяне и вотчинники получали надел размером от 150 гектаров до 3 тысяч, а также жалованье от 4 до 1200 рублей, выдаваемое перед очередным походом либо перед каждым третьим годом службы. Вотчинники и дворяне обязаны были поставлять в войско одного воина в доспехах и на коне за каждые 50 гектаров выделенной земли. За поставку большего количества воинов полагалось денежное вознаграждение, за уклонение от службы — строгое наказание. В полном смысле слова считать создаваемое Иваном IV Васильевичем войско регулярным конечно же нельзя, но, принимая во внимание время, вполне можно предположить, что поставляемый вотчинником или дворянином воин был обучен, подготовлен к военной жизни и мало чем отличался от тех, кто постоянно находился в дружинах князей. (Речь не идет о пушкарях, пищальниках, стрельцах, которые появились позднее.) Поместье, выделенное дворянину за службу, являлось, как и сама служебная должность, наследственным. С пятнадцатилетнего возраста дворянина зачисляли в служилые списки, в «десятню», регулярно проводились смотры военной подготовки «новобранцев». Подобная организация военного дела позволила Ивану IV Васильевичу иметь до 50 тысяч хорошо подготовленной, способной быстро собраться в установленном месте поместной дворянской конницы, которая составляла костяк русского войска.

После завершения работы Земского собора в Москве в феврале 1551 года царь созвал Стоглавый собор, который разработал сборник церковных правовых норм из ста глав.

Закончив организационные дела, Иван IV занялся подготовкой нового похода на Казань. Организован он был блестяще, привлечены были имеющиеся средства, учтены все известные приемы ведения военных действий, силы противника (русские приняли ряд мер предосторожности на южных подступах к Москве, опасаясь активных действий крымского хана Девлет-Гирея).

16 июня войско Ивана IV выступило в поход. Предпринятая Девлет-Гиреем попытка прорваться к Москве закончилась неудачей под Тулой. 13 августа русские были уже в Свияжске. Здесь они отдохнули четыре дня, затем форсировали Волгу, 23 августа обложили город со всех сторон плотным кольцом, а 2 октября пошли на штурм.

О подробностях этого отчаянного штурма хорошо известно. Казань пала. Иван IV одержал свою первую военную победу.

После взятия Казани между боярами и царем вспыхнула ссора. Казалось, причин для споров и разногласий быть не должно. Казанский хан Едигер признал себя побежденным и даже захотел креститься. Победители отнеслись к побежденным милостиво, племена черемисов и чувашей, обитавшие в земле Казанской, тоже покорились Ивану IV, обещали платить Москве ежегодный ясак. Победа! Можно спокойно отправляться в столицу, там дел у царя было много. Но бояре, не доверяя побежденным, уговорили Ивана IV остаться до весны с тем, чтобы навести порядок в завоеванном ханстве, на территории которого проживало много небольших, но воинственных народов, в любую минуту готовых взяться за оружие и своим примером поднять на борьбу соседей.

Такая опасность действительно существовала. Но царь на то и царь, что сидеть он должен в столице и только в исключительных случаях отлучаться из центра управления страной в те или иные ее уголки. Слишком большой стала страна Московия! Если бы Иван IV Васильевич по полгода отсутствовал в Москве, куда тянулись все нити государственных связей, то многие из них просто бы порвались. Уже поэтому у Ивана IV имелась веская причина покинуть Казань, оставив в ней верных людей. Кроме того, у него были еще и личные мотивы, которые манили его в Москву. Жена Анастасия готовилась стать матерью. Очень ответственный момент в жизни супругов-сирот, царя и царицы! Очень важное дело — государственное! Иван IV Васильевич, двадцатидвухлетний победитель, просто не мог пустить это дело на самотек. Он же был романтиком, хотя не все числят это счастливое качество за первым русским царем. А бояре, пытавшиеся оставить его в Казани, сами романтиками не были и даже не предполагали, что среди них мог появиться таковой. Между прочим, среди Рюриковичей романтиков практически не было, хотя их представление о княжеском достоинстве вовсе не исключало наличие этого возвышенного качества души. Так или иначе, но Иван IV Васильевич был самым выдающимся романтиком в роде Рюриковичей. Он не мог оставаться в Казани.

Бояре обиделись, не поняв романтической души его. «Когда же мы божьей волей с крестоносной хоругвью всего православного христианского воинства ради защиты православных христиан двинулись на безбожный народ казанский, — вспоминает этот грустный эпизод в своей жизни царь Иван IV в первом послании к Курбскому, — и по неизреченному божьему милосердию одержали победу над этим безбожным народом, и со всем войском невредимые возвращались восвояси, что могу вспомнить о добре, сделанном нам людьми, которых ты называешь мучениками? А вот что: как пленника, посадив в судно, везли с малым числом людей сквозь безбожную и неверную землю! Если бы рука всевышнего не защитила меня смиренного, наверняка бы я жизни лишился...»[1]

На самом деле все было немного не так. Иван IV Васильевич все же уехал домой, практически без охраны, да еще повелел отправить в Москву

[1] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 141 — 142.

конницу, несмотря на дождливую осень. Конница, как сказано выше, набиралась в войско из поместных дворян. Им нужно было платить немалые деньги за пребывание в Казани, да и оставлять их под опекой ненадежных бояр было опасно. Возвращаясь домой, конники потеряли много лошадей, но это уже не волновало царя.

У него родился сын Дмитрий! И радовался царь своему первенцу как двадцатидвухлетний венценосный романтик.

Следующий, 1553 год был для Ивана IV тяжелым. Из Казани поступили неутешительные вести о бунте черемисов и вотяков. Бояре чувствовали себя победителями, не желая признавать одну простую истину: взрыв в Казанском ханстве, несмотря на взятие столицы и внешнее проявление воинственными народами покорности, мог случиться в любое время. Поэтому не должен был русский царь сидеть в Казани до тех пор, пока там все не успокоится, пока русские не «обрусят» завоеванную землю. Черемисы и вотяки одержали несколько побед. В Москве заволновались.

Царь собрался в новый поход, но болезнь свалила его с ног. Горячка несколько дней мучила Ивана IV. Он бредил, терял сознание, приходил в себя, вновь бредил. Москва выглядела растерянной. Надежды на выздоровление царя таяли с каждым днем. Он все реже приходил в сознание. Дьяк Михайлов стоял у одра и ждал.

Наконец бред отступил, будто горячка решила предоставить умирающему несколько минут для того, чтобы закончить главные земные дела. Царь верно понял этот подарок судьбы и продиктовал завещание, согласно которому его сын Дмитрий стал преемником Ивана IV Васильевича... Болезнь не переходила в атаку, ждала: не все дела земные завершил царь.

Дьяк Михайлов призвал бояр, зачитал им завещание, сказал, что нужно присягой утвердить завещание. И тут разразился спор. Некоторые из бояр присягать грудному Дмитрию не хотели. Среди них оказался и брат двоюродный, сын князя старицкого Андрея Ивановича, Владимир Андреевич. Он вел себя вызывающе, гордо. Князю Воротынскому брат царя крикнул: «Как ты смеешь ругаться со мной?!» Воротынский смело ответил: «Я могу и подраться с тобой, как верный слуга моих и твоих государей Ивана IV и Дмитрия!» Спор разгорался. Совсем ослабевший Иван неимоверным усилием воли призвал бояр к себе, спросил тихим голосом: «Кого же вы хотите избрать в цари? Дмитрий — вы в этом клялись мне — для вас есть законный царь... Вы будете отвечать перед Богом». — «Царь, — сказал Федор Адашев, — мы не хотим служить Захарьиным. Мы знаем, что такое боярское правление. Но мы не против Дмитрия». Бояре покинули его в тяжком раздумье. Никто из них не догадывался о том, что болезнь может уйти.

На следующий день бояр вновь призвали к Ивану IV. Ему стало еще хуже (то ли артистом он был гениальным, то ли болезнь написала чудосценарий). С трудом одолевая слабость, царь сказал, обращаясь к Воротынскому и Мстиславскому, уже присягнувшим ему и его сыну: «Не дайте боярам извести Дмитрия, бегите с ним в чужую землю». А затем голосом, слегка окрепшим, обратился к Захарьиным: «А вы-то почему не присягнули? Думаете, вас бояре пожалеют? Они вас первыми погубят».

В тихом голосе царя было столько правды, столько жизни, что все стоявшие у одра (да нет, не смертного) тут же дали клятву и присягнули в верности Дмитрию.

Они покинули покои царя в тяжких предчувствиях. Опять боярское правление на многие годы! Опять хаос во дворце, томительная постоянная неизвестность. Что может быть страшнее?

Страшнее может быть только мстительный романтик на троне. Романтизм может быть полным надежд, жизнерадостным. Но, как правило, романтики — это бурные, буйные, как майская гроза, и необузданные люди. Их романтизм сродни идеализму пополам с мечтательностью, он убийственно беспощаден. А если романтик на троне еще и избалован, то бед от него жди через край! Романтик Иван IV Грозный был как раз из этих, последних: ущемленный в детстве и отрочестве, избалованный в юности, недополучивший материнского тепла и материнской ласки, изодранный боярами, разуверившийся в людях, он жил «от противного», вопреки, таким же был его романтизм. Может быть, именно неутоленная жажда жизни спасла его в те дни. Он выздоровел.

И озлился на Сильвестра, который не дал на растерзание боярам Владимира Андреевича, и на Адашева, все чаще проявляющего независимость. Царям независимые ни к чему.

Между тем дела государственные отвлекали Ивана IV от расправы. Московское государство налаживало связи с Западом, в частности с Англией, товары которой стали поступать на Русь через Архангельск. Справившись с восстанием в Казанской земле и надежно пристегнув ее к России, Иван IV в 1556 году покорил Астраханское ханство, значительно расширив границы государства. После присоединения Астрахани перед Боярской думой, ближайшим окружением царя и самим Иваном IV Васильевичем встал важнейший вопрос, в какую сторону направить экспансию: на Крым, на Литву или куда-то еще. Жизнь подсказала ответ на этот сложнейший вопрос через четверть века. В 1556 году его еще не знал никто.

Царь давно мечтал сокрушить Литву, и когда началась Ливонская война в 1558 году, он увяз в ней, как и Литва, Швеция и Польша. Сильвестр и Адашев убеждали его в том, что сначала нужно захватить Крым, а уж потом, используя выгоды сего приобретения, вплотную заняться западным соседом. В этом предложении был свой резон. Приобретя Крым, Московия прижалась бы к Литве и Польше жестким полумесяцем, который в конце концов поглотил бы западного противника. Если бы не одно «но»: если бы не грозная могущественная Османская империя, которая ни при каких обстоятельствах в XVI — XVII веках никому не разрешила бы завоевать Крым. Об этом Сильвестр и Адашев не подумали, как и Андрей Курбский, прекрасный полководец, писатель, историк, знаменитый более всего тем, что бежал от царя в Литву.

Несколько походов в сторону Крыма успехов не имели. Это отрицательно сказывалось на всех делах государства и раздражало Ивана IV. Приближался разрыв царя с Сильвестром, Адашевым и Курбским, приближалась опричнина. Захарьины и царица Анастасия тоже обвиняли недавних любимчиков царя в крымских неудачах. Зимой 1559 года Силь-

вестр, овдовевший и уже не имевший никаких причин оставаться в Москве, отправился в отдаленный монастырь, Адашев — в Ливонию, в войско. А 7 августа следующего года неожиданно скончалась Анастасия. Последние годы жизни она держалась, как говорится, единым духом святым: болела часто и хоть сопротивлялась, тянулась к жизни, но угасала на глазах. Июньский пожар 1560 года так перепугал ее, что вся силушка, державшая ее на плаву жизни, ушла. А с нею ушло, исчезло в ее муже все, что позволяло называть Ивана IV не Грозным, а, скажем, Иваном-Завоевателем.

Храм Василия Блаженного

В «московском подгороднем» селе в 1469 году в семье крестьянина родился сын Василий. Отец отдал его к сапожнику в обучение. Василий, трудолюбивый и богобоязненный, понравился мастеру. За обучением да суетой в мастерской быстро побежало время. Однажды, как говорится в житии Василия Блаженного, к сапожнику явился молодой гордый заказчик и попросил сшить ему сапоги красивые и прочные: чтобы несколько лет им сносу не было и чтобы вид они не потеряли. Деньги обещал немалые, оставил большой задаток. С размахом был человек — сапожник таких любил. Он обещал выполнить заказ в срок и в этот момент заметил на лице ученика улыбку. Когда посетитель вышел, мастер сердито спросил ученика: «Почему ты так недоверчиво улыбался? Одним своим видом ты мог напугать заказчика».

Юноша Василий грустно пожал плечами и сказал, что он не хотел пугать странного посетителя, который заказывает сапоги на несколько лет, хотя жить ему осталось меньше суток. Хозяин занялся своим делом, но на следующий день молодой гордый человек действительно умер.

Неудивительно, что с таким даром предсказания один был путь Василию — в пророки. Он покинул мастерскую сапожника и стал юродивым. Без одежды, с тяжелыми веригами на плечах, босой в любое время года (его так и прозвали — «нагоходец»), он частенько появлялся на Фроловском мосту, за которым, над кремлевским рвом, стояла церковь Святой Троицы. Здесь собирались нищие, калеки, старики «и жалобными заунывными голосами испрашивали себе подаяние у прохожих и проезжих»[1].

Юродивый Василий, «нагоходец», даже среди нищих был нищим. Всего плотского, телесного, мирского лишил он себя сам, чтобы очистить дух, возвыситься духом над плотью, чтобы чистым искренним словом и личным примером учить народ нравственной жизни. Прозвали его на Москве Блаженным.

Обладая даром ясновидца, он на базаре без жалости позорил лжецов и проходимцев. Однажды «нагоходец» подошел к калачнику и разбросал румяные, еще горячие калачи по пыльной земле. Собрался московский люд, и калачник во всеуслышание сознался, что подмешивал в муку мел и известь. Через некоторое время Василию Блаженному подарили богатую

[1] *Пыляев М. И.* Старая Москва. М.: Московский рабочий, 1990. С. 276.

шубу. Она ему конечно же была не нужна. Он отдал бы ее беднякам или церкви. Но в тот день он появился на базаре в богатом одеянии. Местные воры, не решаясь на открытое богохульство, быстро разработали нехитрый план, подбежали к Василию, сказали, что умер их товарищ, и попросили у юродивого на погребение. «Нагоходец» к горю людей был неравнодушен. Он подошел к человеку, притворившемуся мертвым, сбросил с плеч своих богатую шубу, накрыл ею «мертвого», но обнаружил обман и твердо сказал: «Буди же ты отныне мертв за лукавство твое; ибо писано: лукавые да потребятся»[1]. Вор-обманщик умер, его дружкам, потрясенным случившимся, воровать расхотелось и плутовать тоже.

Василий Блаженный, совершая подвиг юродства, относился ко всякой фальши с нескрываемым презрением, именно поэтому он охотнее принимал подаяние от бедных, чем от богатых; именно поэтому тянулись к нему нищие и убогие, и он утешал их добрым словом. А когда слов не хватало, когда юродивый сердцем своим чувствовал беспомощность свою перед грозной бедой, тогда оставалась одна лишь надежда на Бога.

Летом 1547 года Василий Блаженный пришел в Вознесенский монастырь на Остроге (на современной Воздвиженке), встал перед церковью на камни и долго молился. Молча молился юродивый. Он не хотел, чтобы его разговор с Богом, его великая просьба к Богу была услышана людьми. Он слишком хорошо знал людей, за которых просил Всевышнего. Он не доверял им своей тайны, надеясь на собственные силы, на то, что его молитва будет услышана. Великий юродивый просил Бога пощадить людей, грешных и безгрешных, безвинных и виновных, добрых и злых — всех. В какой-то момент Василию показалось, что Всевышний услышал его, и слезы умиления и радости потекли по его щекам. Но вдруг умиление и радость исчезли. Остались слезы, надежда, всего лишь надежда. Люди, наблюдавшие за этой тихой сценой, не знали, о чем просил Всевышнего Василий Блаженный в то жаркое лето 1547 года.

А на следующий день в Вознесенском монастыре вспыхнул страшный пожар... Бог наверняка услышал молитву плачущего юродивого, оставил ему надежду. Но Бог непредсказуем в своих выводах и деяниях и не подотчетен людям и даже великому юродивому. Москва сгорела дотла.

* * *

Иван IV Васильевич хорошо знал Василия Блаженного и, как написано в житии святого, боялся его «яко провидца сердец и мыслей человеческих», чтил и уважал. После московского пожара 1547 года юродивый заболел. То ли не выдержала душа его стойкая страшных сцен пожара, то ли доброе, человеколюбивое сердце его не вынесло гибели многих тысяч людей, то ли Бога он не понял, ниспославшего на город грозную кару, то ли время пришло, и силы покинули старца, и не смог он больше сопротивляться жизненным напастям, заболел, и болезнь оказалась сильнее уставшего юродивого.

---

[1] *Брокгауз и Ефрон.* Энциклопедический словарь. Т. III. М.: БРЭ, 1993. С. 99.

Царь с царицей неоднократно навещали его. Василий Блаженный был рад этому вниманию, но когда Иван IV с Анастасией уходили в Кремль по Спасскому мосту через Спасские ворота и больной старец оставался один, то на щеках его иссохших появились две-три слезинки, а в глазах — все та же великая надежда, которую видели люди в глазах Василия Блаженного, молящегося летом 1547 года за день до пожара.

2 августа 1551 года знаменитый московский юродивый умер. Царь с боярами несли его гроб, митрополит Макарий совершал обряд погребения. Похоронили Василия Блаженного на кладбище церкви Троицы на Рву.

На следующий год Иван IV Грозный осуществил успешный поход на Казань, взял город, присоединил Казанское ханство к Русскому государству.

После каждой важной победы русского войска в той войне в Москве рядом с церковью Святой Троицы на Рву возводилась деревянная церковь, посвященная тому святому, день которого совпадал с днем успешной боевой операции. То были первые столь крупные победы и приобретения созданного Москвой государства. Все участники строительства храмов вокруг церкви Святой Троицы понимали это, как понимали важность происходящих в стране перемен и многие москвичи. Победы в Казанском походе радовали; радость расковывала творческие возможности и замыслы зодчих, строителей. Они рубили деревянные небольшие церкви с таким душевным подъемом, что это не могло не отразиться на внешнем виде возводимых храмов. Семь промежуточных побед одержали русские воины, штурмуя Казань. Семь храмов возвели строители.

Иван IV, вернувшись из похода, увидел творения зодчих, подивился несказанной красоте и повелел мастерам Барме и Постнику Яковлеву построить вместо деревянных каменные церкви.

Зодчие (есть, правда, версия, что это одно лицо — Иван Яковлевич Барма) решили задачу необычно.

Они соорудили одно большое основание и расположили вокруг центрального храма восемь столпообразующих церквей: получился храм, «оригинальнейший во всем свете по своей архитектуре»[1].

Центральный храм был посвящен Покрову Богоматери, отмечавшемуся 1 октября, когда были взорваны стены Казани и город взят приступом. Строительство велось с 1555-го по 1561 год. Здание возвели из кирпича — в ту пору еще сравнительно нового материала (из белого камня были выполнены фундамент, цоколь и некоторые элементы декора). Строители, желая подчеркнуть, что здание кирпичное, расписали его сверху донизу «под кирпич». Вплоть до конца XVI века собор был самым высоким зданием в Москве (свыше 60 метров) и с момента возведения сделался популярнейшим храмом города[2].

---

[1] *Пыляев М. И.* Указ. соч. С. 276.

[2] Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. Т. II. М.: АО «Книга и бизнес», АО «Кром», 1994. С. 18.

В 1588 году у гроба Василия Блаженного стали совершаться чудеса. Поэтому «патриарх Иов определил праздновать память чудотворца в день его кончины, 2 августа. Царь Федор Иванович велел устроить в Покровском соборе придел во имя Василия Блаженного, на месте, где он был погребен, и соорудить для мощей его серебряную раку. Память Блаженного в Москве издревле праздновалась с большою торжественностью: служил сам патриарх и при богослужении присутствовал обыкновенно сам царь»[1].

По приделу чудный собор Покрова Божией Матери на Рву получил второе название — храм Василия Блаженного.

Издавна, со времен Владимира I Святославича, русские князья перед крупными битвами или походами давали обеты и, победив врага, возводили церкви. Издавна Православная церковь являлась попечительницей и кормилицей нищих, убогих и калек. Начиная с Ивана I Калиты, московская жизнь была уже немыслима без юродивых, которые честно говорили правду-матку простолюдинам и царям, бедным и богатым, несчастным и счастливым... Очень сложно говорить любому человеку о нем самом всю правду. На это решались самые смелые представители бесстрашного племени юродивых.

Опричнина — гражданская война

Весной 1553 года Иван IV вместе с Анастасией и сыном Дмитрием отправился в далекое путешествие в монастырь Святого Кирилла Белозерского. Бояре были против этой поездки, опасной для здоровья еще слабого царя, пережившего тяжелую болезнь, и для крошки-сына. Да и обстановка в стране оставалась напряженной: борьба с Казанью в то время еще не угасла.

Иван IV не слушал веские аргументы бояр. Несколько месяцев назад, больной, он дал обет в случае выздоровления поехать в монастырь, помолиться святым мощам. Остановить его никто не смог. Даже Адашев. Даже Сильвестр. Царь будто бы искал что-то очень важное.

В обители Святого Сергия он посетил Максима Грека, долго с ним беседовал. Знаменитый старец отговаривал самодержца от утомительного путешествия, видимо, догадываясь, что «ищет он в стране далекой». Уже после беседы с царем Максим Грек попросил Адашева и Курбского передать Ивану, что долгий и утомительный путь может отнять у него сына, но даже это страшное предсказание не остановило Ивана IV, одержимого идеей найти нечто важное для себя самого. Пророчество Максима сбылось, Дмитрий умер в июне, но путешествие по отдаленным обителям продолжалось...

Во всех монастырях царь вел сокровенные беседы со старцами. Чему они учили его? В Дмитрове, в Песношском Николаевском монастыре, царь посетил бывшего Коломенского епископа Вассиана. Во времена правления Василия III тот пользовался огромным авторитетом у великого князя, имел большое влияние, большую власть. Боярам такой человек понравиться не мог. Они лишили его сана и сослали в монастырь. Не

[1] *Брокгауз и Ефрон.* Указ. соч. Т. III. С. 99.

только влияние и политический вес Вассиана пугали бояр, но и его образ мышления. Находясь в «системе ценностей» Рюриковичей, бояре не могли признать и не признавали самодержавия. Вассиан же настаивал на установлении абсолютизма, понимая, что время удельщины прошло, даже прошло время Ивана III вместе с его национальным государством, в некоторой степени похожим на западные королевства, что восточно-европейское русское государство устремилось на всех скоростях к созданию многонационального государства. И в нем решающее слово должно оставаться за верховным правителем.

Иван IV по молодости лет не знал и не мог знать этого, но на ощупь, интуитивно шел в этом направлении. Сейчас он искал поддержки и одобрения своим мыслям, ведь решать все самому — это же бремя, бремя власти, причем неимоверное. Его разговоры со священнослужителями остались за пределами исторической науки. Кроме одного разговора. С Вассианом. Царь спросил у старца: как править страной? Бывший коломенский епископ сказал ему: «Если хочешь быть истинным самодержцем, то не имей советников мудрее себя; держись правила, что ты должен учить, а не учиться, повелевать, а не слушаться. Тогда будешь тверд на царстве, грозою вельмож. Советник мудрейши государя неминуемо овладеет им».

Эти слова Иван IV Васильевич услышал впервые в 1553 году, и, надо думать, они не только глубоко врезались в память, но и частенько требовали от царя соответствующих действий, решительных мер. Я — царь, а вы — мои подчиненные. Этим взаимоотношениям с Рюриковичами надо было еще учиться. Но Иван IV не спешил, понимая свою беспомощность, неопытность в государственных делах. Он ждал, набирался ума, учился всему, что необходимо знать повелителю огромной страны. Правда, многому он так и не научился (вспомним его провалы в Ливонской войне, в хозяйственных делах), но слова Вассиана помнил он всю жизнь. Он мечтал стать полновластным самодержцем многонациональной державы, не понимая даже, что Московия сделала лишь первые шаги к такой державе, что находится она, если сравнивать ее с Римской империей, на уровне 146 года, когда только что закончились Пунические войны, была одержана победа над Ахейским союзом и разрушена его столица Коринф. Римская держава, став по сути своей, как говорилось выше, империей уже в середине II века до нашей эры, еще около ста пятидесяти лет «привыкала» к новой своей политической одежде в муках гражданских войн. Подобных примеров в истории мировых империй можно найти немало.

Московии еще предстояло пройти через свои гражданские войны, смуты, через жестокую бескомпромиссную внутреннюю борьбу, и закончится она не скоро, через сто пятьдесят лет после того разговора Вассиана и Ивана IV Васильевича в Песношском Николаевском монастыре.

Многие добролюбивые историки ругают бывшего коломенского епископа за то, что он напитал душу юноши-царя ядом. Нет. Знаменитый старец меньше всего повинен в бесчеловечных проделках Ивана Грозного.

Рассказ об опричнине нельзя начинать без еще одного вводного слова. Оно необходимо не для того, чтобы миловать или казнить, но чтобы глубже вникнуть в ту беду, которая низринулась на Московию как будто

с небес и грохотала несколько лет ударами копыт опричниковых коней, визжала диким голосом откормленных в Александрове свирепых, распоясавшихся самцов-губителей, выла тихонько голосом обреченных... Практически все человечество, оценивая опричнину, делится на два лагеря: одни считают, что злодейская мера оправдана сложившейся ситуацией, другие ругают изверга-царя и всех его подручных. И мало кто задает себе вопрос: откуда же явилась в Восточную Европу эта напасть?

Этот вирус неутолимой кровожадной злобы налетает на человечество с необратимой периодичностью. На рубеже XV — XVI веков он в очередной раз расшевелил звериные инстинкты в душах людей. Появившиеся в бассейне Карибского моря испанцы, по свидетельству испанского же монаха Бартоломео де Лас Касаса, уничтожили за два-три года практически все местное население, что-то около трех миллионов человек. Опомнившись, конкистадоры собрали с многочисленных островов оставшихся в живых аборигенов (всего 300 человек!) и поселили их на небольшом острове...

Чуть позже на западном побережье Южной Америки, в стране инков, незаконнорожденный полукровка Атауальпа, совершив переворот и захватив власть, сгубил весь род инков, почти всех полукровок, а также тех, кто прислуживал инкам во дворцах. Государство инков к тому времени стало империей. Император Атауальпа правил, однако, недолго. Страну, резко ослабленную погромом незаконнорожденного, захватили европейцы.

В 1526 — 1527 годах потомок Тамерлана Бабур прошел с огнем и мечом из Средней Азии в Индию, основал империю Великих Моголов. Человеком он был талантливым. Его лирическая поэзия вошла в золотой фонд мировой литературы. Но и он приказывал резать, вешать, убивать непокорных. Прекрасная империя Великих Моголов рождалась на крови далеко от родины Бабура, где у него был лишь небольшой удел.

В 1572 году в ночь на 24 августа в Париже католики вырезали несколько десятков тысяч гугенотов. В конце XVI века на Дальнем Востоке активизировались маньчжуры. Вскоре они набросятся на Китай, погрязший к тому времени в гражданских войнах. Об изощренных пытках XVI — XVII веков в самых разных точках планеты написано много. В начале XVII века в Османской империи расплодились разбойники. Они ради наживы вытворяли с несчастными жертвами такое, чему позавидовали бы мастера пыток всех времен и народов. Восточный сосед Османской империи Иран в те же годы нападал на Армению, захватывал пленных селениями и городами, перегонял армян в Иран, как табуны лошадей. Работорговля в XVI — XVII веках процветала в Азии, Европе, на севере Африки. Торговали людьми все кому не лень. Человек был меновой монетой. Да и костры инквизиции, полыхавшие в странах Западной Европы в те века, ярко характеризуют описываемую эпоху.

Не известно, почему эпидемия злобы разбушевалась на огромных пространствах планеты, почему человек перестал уважать себе подобного, ценить себе подобного. Может быть, в том повинна чума, которая, появившись в середине XIV века, волнами накатывалась на людской род в последующие 150 — 200 лет, осуществляя страшный по дикости есте-

ственный отбор, приучая человека к массовым смертям — целыми городами, районами, низводя человека до положения беззащитной жертвы. Может быть, что-то другое подготовило почву для резкого размножения вируса злобы, но Иван IV Васильевич (Грозный) был не одинок в своих зверствах, а если говорить начистоту, то далеко не первое место занимает он в ряду государственных деятелей своей эпохи и других времен по этому античеловеческому показателю. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить китайского политика Цинь Шихуанди, который, создавая империю, уничтожил бесценную гуманитарную литературу и приказал закопать живьем 460 ученых; рядом с ним можно поставить и дюка Нормандии Вильгельма Завоевателя, сокрушившего Альбион и сгубившего на туманном острове сотни тысяч местных жителей.

После смерти Анастасии царь будто бы сорвался с цепи. Первой жертвой его стали Сильвестр и Адашев. Их обвинили в том, что они будто бы извели злыми чарами жену Ивана IV. Он легко поверил злому навету. Ему не нужно было советника, который был бы умнее его. Некому было разубедить царя. Сильвестр через митрополита Макария просил Ивана разрешения явиться в Москву и на суде доказать свою невиновность. Иван IV боялся Сильвестра, вспоминая первый день знакомства, когда пришелец из Новгорода потряс юного самодержца силой своего духа. Не зря некоторые историки говорят о «злых чарах» Сильвестра. Вполне возможно, что он обладал сильнейшим даром внушения. Царь не раз испытывал сам эту завораживающую силу на себе. Он легко согласился с теми новыми своими друзьями, которые были против приезда в Москву Сильвестра. На соборе, специально созванном по этому поводу, приговорили Сильвестра к ссылке в Соловки.

Затем последовал удар по Адашеву, его отправили в Дерпт, заключили под стражу. Вскоре Алексей Адашев скончался от горячки. Начались расправы над сторонниками и единомышленниками Сильвестра, Адашева и Курбского. Но опричнины еще не было. Для нее еще чего-то важного не хватало.

После смерти Анастасии царь стал вести откровенно разнузданную жизнь. Все последующие женитьбы не изменили его. Окружение (он ведь сам выбирал себе друзей) этому очень радовалось. Иван IV Васильевич превращался в озленного зверя. Казалось, пора, пора было объявить опричнину. Но опричнину объявил — это обстоятельство многие историки и политологи упускают, каждый по своим причинам, из виду — не царь-зверь в желании покуражиться над жертвами перед тем, как их либо придушить, как сытый кот несчастную мышку, либо сожрать, как голодный зимний волк, попавшую ему на зуб зверушку. Объявил ее крупнейший и очень рисковый государственный деятель, на беду свою понявший раньше других, что время Рюриковичей кончилось, что новому государству (то есть созревающей в недрах страны Рюриковичей империи) они не нужны, они бесполезны, они опасны для него, они превратились в тяжкие, неподъемные вериги для бегущей в новое время Московской державы. Не сумасбродство или бесчеловечность стали причиной опричнины, но фатальная необходимость сокрушить, пусть даже физически, государственный порядок, созданный Рюриковичами.

Об этом же говорит в своих лекциях С. Ф. Платонов.

«В полемике Грозного с Курбским вскрывался истинный характер «избранной рады», которая, очевидно, служила орудием не бюрократически-боярской, а удельно-княжеской политики, и делала ограничения царствующей власти не в пользу учреждений (думы), а в пользу известной общественный среды (княжат)...

Такой характер оппозиции привел Грозного к решимости уничтожить радикальными мерами значение княжат, пожалуй, даже и совсем их погубить. Совокупность этих мер, направленных на родовую аристократию, называется опричниной. Суть опричнины состояла в том, что Грозный применил к территории старых удельных княжеств, где находились вотчины служилых князей-бояр, тот порядок, какой обыкновенно применялся Москвой в завоеванных землях. И отец и дед Грозного, следуя московской правительственной традиции, при покорении Новгорода, Пскова и иных мест выводили оттуда наиболее видных и для Москвы опасных людей в свои внутренние области, а в завоеванный край посылали поселенцев из коренных московских мест... Лишаемый местной руководящей среды завоеванный край немедля получал такую же среду из Москвы и начинал вместе с ней тяготеть к общему центру — Москве. То, что удавалось с врагом внешним, Грозный задумал испытать с врагом внутренним. Он решил вывести из удельных наследных вотчин их владельцев — княжат и поселить их в отдаленных от их прежней оседлости местах, там, где не было удельных воспоминаний и удобных для оппозиции условий, на место же выселенной знати он селил служебную мелкоту на мелкопоместных участках, образованных из старых больших вотчин. Исполнение этого плана Грозный обставил такими подробностями, которые возбудили недоумение современников»[1].

О недоумении современников, надо полагать, Иван IV Васильевич думал меньше всего. Дело-то он задумал не только объемное по масштабу и глубине, но и очень опасное. А вдруг у него ничего не получилось бы?! Вдруг бояре да князья, да и священнослужители, среди которых было немало представителей так называемой оппозиционной аристократии (по С. Ф. Платонову), олигархии (по Н. М. Карамзину), то есть представителей рода Рюриковичей, не смирятся с приговором, соберутся воедино, поднимут верных своих воинов и сметут с лица земли реформатора вместе со всеми его амбициями?

История говорит ясно: такого не случилось. Логика событий подсказывает, что одряхлевший в шестисотлетней борьбе с внешними врагами и между собой род не способен был на организованное сопротивление опричнине. Но это сейчас ясно, по прошествии 434 лет. А каково было Ивану IV Васильевичу, когда он, видимо, наслушавшись советов Вассиана и его единомышленников, решился объявить в стране опричнину, которую вполне можно назвать самой настоящей гражданской войной.

В 1564 году это случилось.

К этому времени русские одержали ряд побед в Ливонской войне, которая еще в 1562 году, после разгрома Ливонии, когда Швеция и

---

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 204 — 205.

Польша потребовали от Ивана IV Грозного очистить завоеванные земли, превратилась сначала в войну против Польши, а позднее — и против Швеции. В 1564 году русские войска захватили почти всю территорию современной Белоруссии. Положение Москвы казалось прочным. Жители завоеванных областей «уличены в тяготении, вследствие схизмы, к московитам; они публично молятся о даровании московитам победы над поляками», — писал Поссевин.[1]

Но положение русских не было столь прекрасным, и в первую очередь понимали это два человека: талантливый полководец Андрей Курбский, сбежавший в Литву, и царь Иван Грозный, который в силу монаршего своего положения видел многосложность и опасность ситуации для окруженной со всех сторон противниками и врагами страны, уставшей постоянно воевать.

Многие бояре побаивались усиления самодержавия и единовластия Ивана IV Васильевича, они отговаривали его от войны с Ливонией. В их доводах было много смысла: действительно, после завоевания Казани и Астрахани логичной была бы мирная передышка для освоения новых областей. Но неутомимый Иван IV рвался в бой. Ему мешали разные советчики, он переживал каждую неудачу чрезвычайно сильно, как может переживать очень мнительный человек, подозревал всех советчиков-бояр в злых намерениях. Он торопил события.

В конце года царю доложили о том, что из Литвы в сторону Полоцка продвигается крупное войско, а с юга на Москву идет Девлет-Гирей. И в этот момент Иван IV Васильевич решил устроить всенародный спектакль, который Н. И. Костомаров, например, считает комедией, сыгранной перепуганным царем. Но бояться-то Ивану было нечего! К тому времени, когда эта «комедия» началась, то есть 3 декабря, Девлет-Гирей уже повернул от Рязани назад, в родные степи, и на западе дела слегка улучшились: не пошли литовцы на Полоцк. Да и не военные дела тревожили в те дни русского самодержца, а дело гражданское. Тут нужно было поиграть.

Утром 3 декабря 1564 года на кремлевской площади появилось вдруг много саней, и забегали шустро слуги. Царь явился в Успенский собор, повелел митрополиту служить обедню. Он был очень спокоен, приветлив. Бояре целовали ему руку, он улыбался им. Затем он сел с семьей в сани, и длинный кортеж двинулся из Москвы в неизвестном направлении. Перед зимними празднествами царь со всем своим личным богатством, окруженный новыми любимчиками, в сопровождении целого полка всадников покинул столицу государства. Ни бояре, ни митрополит не знали, куда отправился он, и томящая душу неизвестность порождала тревогу. С каждым днем тревога усиливалась, на это, видимо, и рассчитывал царь Иван.

Только 3 января (то был великолепный сценарий и точная игра актера) в Москву прибыли из Александровской слободы, где поселился царь, два посланника. Константин Поливанов вручил одну грамоту митрополиту. В ней Иван IV Васильевич с пафосом незаслуженно обижен-

[1] *Разин Е. А.* Указ. соч. Т. II. С. 373.



ного юноши описал всю свою несчастную жизнь: он подробно перечислял пережитое им в годы правления бояр, обвинял их во всех бесчинствах, в жестокости, в казнокрадстве; затем так же подробно Иван IV описал великие трудности, которые испытал он, уже воцарившись на троне, и причиною которых были нерадивые бояре, князья, воеводы, да и многие священнослужители. Такие плохие бояре! Царь всей душою стремился сделать державу могущественной, а сограждан — счастливыми, а ему мешали те, на кого он должен был рассчитывать и надеяться.

Иван IV, говоря языком других веков, бросил перчатку боярам, обвиняя их во всех бедах государства. Бояре перчатку не подняли!

В тот же день дьяки Путило Михайлов и Андрей Васильев зачитали московскому народу другую грамоту. В ней самодержец успокоил сограждан, обещал им, что «опала и гнев его не касаются народа». Нет, не комедия то была. В начале XVI века, как сказано было чуть раньше, на другом континенте незаконнорожденный полукровка Атауальпа изысканным военным коварством захватил власть в империи инков и уничтожил создавший это государство род. Государство Русское создали Рюриковичи. Плохие или хорошие они были, можно прочитать в летописях, в трудах русских историков. Инки, если судить по книге Инки Гарсиласо де ла Вега «История государства инков», проводили миролюбивую политику в завоевываемых ими землях. По закону инков, каждая женщина в любой захудалой деревушке просто обязана была желать мужчину-инка.

Особенно царя, который, дабы это желание не угасло, постоянно разъезжал по огромной стране и утолял законное желание провинциалок. Атауальпа родился именно по такому случаю и почему-то этот случай, этот закон и придумавших его инков люто возненавидел. Свидетельства русских летописцев и даже иностранных хронографов ничего не говорят о том, что в стране Рюриковичей было нечто подобное. Было другое: в течение шестисот лет страной правил один могучий клан, не подпускавший к вершине власти никого. Те же источники редко упоминают о случаях, подобных тому, который случился на Боровицком холме, когда нерюрикович Степан Иванович Кучка пал от руки Рюриковича Юрия Владимировича Долгорукого. Затем в Боголюбове было дело Кучковичей, позже в Москве — дело тысяцких... Можно по пальцам пересчитать эти случаи явного проявления неповиновения Рюриковичам. Правили они неплохо. Но очень уж долго, особенно для тех быстротекущих веков: шесть столетий! Ни Чингисиды, ни Тимуриды, никакая другая крепкая династия не продержалась на вершине власти так долго.

Сам ли, а может быть, по подсказке Вассиана, — неважно, Иван IV Васильевич понял, что Рюриковичи задержались на сцене жизни, и бросил им перчатку: уходите! Но параллельно — до чего ж рисковый был человек! — он обратился к народу, не побоялся народа! Призывы типа «Я с вами, ребята!», «Я ваш, народ!», «Айда за мной громить бояр!» очень опасны своими последствиями для всего народа, в котором, между прочим, есть свое почетное место и для бояр, Рюриковичи они или нет — безразлично.

Заслушав послание царя, народ Москвы пришел в ужас. Москва-то привыкла со времен Ивана Калиты под царем-батюшкой жить. По-иному она и не могла. Такой уж он, народ московский. А тут на тебе: ни царя, ни власти. Что делать? Плакать конечно же!

«Государь нас оставил! — вопил народ. — Мы гибнем! Кто будет нашим защитником в войнах с иноплеменными? Как могут овцы жить без пастыря?!» Сокрушались люди, собравшиеся вокруг Путилы Михайлова и Андрея Васильева, а в Кремле другая часть московского народа — бояре, священнослужители, чиновники (их в Москве уже расположилось премного) — лила горькие слезы и говорила митрополиту: «Пусть царь казнит всех виновных, но не оставляет государства без главы! Мы все поедем бить челом государю и плакаться!»

Ах, как много людей погибнет из тех, кто ревьмя ревел в тот день в Москве! Они били челом государю, и он, повторив в пространной речи все, что уже знали москвичи из зачитанных им грамот, согласился-таки «взять свое государство», добавив при этом упрямо: «А на каких условиях, вы узнаете».

Как можно назвать это действо комедией? Это была завязка страшной (может быть, и преждевременной) трагедии.

2 февраля был обнародован устав опричнины:

«1) Царь объявлял своею собственностью города Можайск, Вязьму, Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин, Ярославец, Суходровью, Медынь, Суздаль, Шую, Галич, Юрьевец, Балахну, Вологду, Устюг, Старую Руссу, Каргополь, Вагу, также волости Московские и другие с их доходами;

2) выбирал 1000 телохранителей из князей, дворян, детей боярских и давал им поместья в сих городах, а тамошних вотчинников и владельцев переводил в иные места; 3) в самой Москве взял себе улицы Чертольскую, Арбатскую с Сивцовым Вражком, половину Никитской с разными слободами, откуда надлежало выслать всех дворян, не записанных в царскую тысячу; 4) назначил особенных сановников для услуг своих: дворецкого, казначеев, ключников, даже поваров, хлебников, ремесленников; 5) наконец <...> указал строить новый царский дворец за Неглинною, между Арбатом и Никитскою улицею, и, подобно крепости, оградить высокою стеною. Сия часть России и Москвы, сия тысячная дружина Иванова, сей новый двор, как и отданная собственность царя, находясь под его непосредственным ведомством, были названы опричниною, а все остальные — то есть все государство — земщиною, которую Иван поручал боярам земским...»[1]

Через день царь приступил к исполнению данного в грамоте обещания. Утром палачи повели на лобную площадь князя Александра Борисовича Горбатого-Шуйского и его семнадцатилетнего сына Петра. Прекрасный полководец, герой взятия Казани, потомок святого Владимира, Всеволода Большое Гнездо и юный князь держали друг друга за руки и лица их были спокойны. Сын первым подошел к плахе, не желая видеть гибель отца. Но знаменитый воин, славный Рюрикович крепкой рукой отодвинул сына от места смерти (хоть минуту еще поживи) и положил голову свою на плаху. Палач был опытный. Голову Александра Борисовича, ловко отсеченную от тела, поднял сын, прильнул к отцовским теплым губам, посмотрел на небо, пожил подаренные ему отцом две-три минуты (палачи не торопили его в этот торжественный страшный миг) и, бесшабашно улыбаясь, положил свои кудри на плаху, холодную почему-то. Затем казнили нескольких князей, а также шурина Александра Борисовича Горбатого-Шуйского, окольничего Головина, грека. Больше всего досталось князю Шевыреву. Его посадили на кол, он весь день страдал, но не кричал от дикой боли, от нестерпимой обиды, от жалости к самому себе, умирающему в столь неестественной для человека разумного позе. Он пел канон Иисусу, на воскрешение не надеясь.

Двум князьям, Куракину и Немому, несказанно повезло: их просто постригли.

В тот же день царь придумал для обреченного рода Рюриковичей систему уничтожения, известную еще в древних странах. Он объявил князьям Салтыкову, Серебряному, Охлябинину, Осину-Плещееву, что те могут спасти свои жизни, представив ручателей за себя, которые, в случае, скажем, бегства своих подопечных, обязаны были внести в казну огромную сумму денег. Повязав Рюриковичей взаимной ответственностью, Иван в первые же дни опричнины подготовил прекрасную почву для полного уничтожения знаменитого рода. А чтобы чувствовать себя совсем уверенно, он вместо заявленной тысячи набрал в новую дружину шесть тысяч человек, молодых бесшабашных парней из незнатных родов.

Почему же Рюриковичи смирились с горькой участью почти бессловесных баранов, которых хозяин выбрал на шашлык для знатного пира,

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 34 — 35.

а его слуги повели «молчаливых животных» под нож? Почему летописцы и позднейшие историки ничего не пишут о сколько-нибудь серьезном, организованном сопротивлении Рюриковичей, опытных воинов, полководцев, богатых людей? Потому что — и это понял Иван IV Васильевич, — отправив из Александровской слободы одно послание боярам и духовенству, а другое — народу, имея все для успешного противостояния царю, они не имели в стране, где правили шестьсот лет, опоры в людях. Это обстоятельство явилось одной из причин удачно осуществленной расправы над родом основателей Русского государства.

Опричники получили от Ивана IV Васильевича странную символику. К седлам они прикрепляли собачью голову и метлу. Собаки олицетворяли собой грызунов, которые грызли князей и бояр беспощадно, а метлами опричники якобы выметали (только куда — непонятно) из Московии мусор. Собака, как считают почти все естествоиспытатели, произошла от волка. Голова волка была изображена на знамени тюрков, которых водили в походы в VII — VIII веках Кутлуг, Тонъюкук, другие знаменитые полководцы Великой Степи. Волки Кутлуга принесли неисчислимые беды многим народам. Тюркский каганат одно время занимал территорию от Волги до Маньчжурии. Народы этого региона разгромили тюрков, разодрали на куски знамена с изображением волков, но память о кровожадном оскале вечно голодного животного запечатлелась на генных негативах злой половины человечества. Волчья символика не раз еще всплывет в памяти этих людей на беду людям другим.

Иван IV Васильевич неплохо знал историю. На Руси, как и во многих других странах, волков не любили, волками пугали детей. Царь заменил волка собакой. Собака уже тогда считалась другом человека. Сколько же собак нужно было обезглавить, чтобы каждому опричнику повесить знак принадлежности к псам-охотникам царя на седло? С этим знаком опричники носились по всей земле Русской, грызли Рюриковичей и их доброжелателей и метлами выметали из страны. С этими метлами тоже не все понятно. Бабу-Ягу, любительницу покататься на своем метлолете, побаивались в русских деревнях и селах... Странную символику изобрел Иван IV Васильевич, было в ней что-то сатанинское.

Аппетит у псов-опричников был огромный. С каждым днем метлам приходилось работать все больше. Но они не уставали, исполняя волю царя, сметали с земель земщины бывших ее владельцев, пытали и душили, морили голодом и сажали на кол, убивали самыми изощренными способами новых и новых врагов Ивана IV Васильевича, а он свирепел все больше. Митрополит Колычев, поставленный царем против своей воли, в Успенском соборе однажды во всеуслышание отказался благословить царя, сказал ему все, что думает о бесчинствах и злодеяниях. Иван IV не сдержал себя от гнева, с силой ударил жезлом о каменный пол, затаил лютую злобу на владыку, а на следующий день в ответ на дерзость первосвятителя в Москве начались новые казни, а также пытки всех, близких к Филиппу Колычеву людей.

Но этого опричникам уже не хватало для полного куража. Летом 1568 года, ночью они во главе с Афанасием Вяземским, хоть и князем, но оказавшимся в опричниках, Малютой Скуратовым, Василием Гряз-

ным пошли к боярам. С диким шумом врывались они в дома бояр, купцов, дьяков. «Бояре, мы невесту выбирать!» Из домов налетчики выволакивали молодых и красивых дочерей боярских, бросали боярынек в телеги и с грохотом неслись по городу. Москва молчала.

За городом по утру ждал их сам царь. Услужливые слуги, постоянно облизывая губы, подводили к нему лучших боярынек, купчих, дьячих. Иван IV Васильевич в этом деле знал толк. Он выбрал себе девушек получше, отдал остальных верным сподвижникам, и началась кутерьма. Боярыньки не сопротивлялись, опричники дергались от счастья, как дергается несчастный в эпилептическом припадке. Радость прерывалась попойкой и бешеной скачкой по июльскому Подмосковью. Отряд налетал на беззащитные селения, горели усадьбы опальных бояр, в шум пожаров врывались вопли и стоны пытуемых, лилась на июльские густые травы, уже созревшие для второго покоса, кровь бояр, их слуг; тихонько плакали боярыньки, некоторые из них при этом грустно-грустно осматривали мир, прощаясь с ним.

Поздней ночью вернулись погромщики в столицу, где в домах и избах при свечах сидели грустные родители уведенных насильно от них дочерей. Опричники отпустили по домам боярынек, купчих, дьячих. Кто-то из молодых женщин пересилил беду, кому-то из них повезло, они (позже, конечно, когда тревожный шум души утих) вышли замуж, нарожали деток, взрастили их, может быть, их потомки даже дожили до сего дня. Но многим участницам той оргии детей рожать было не суждено: умерли они от горя и от стыда за мужчин, за будущих отцов своих детей. Есть такие женщины на белом свете, целомудренные. Нелегко живется им, особенно в минуты роковые, когда обрушиваются на мир разные волки и собаки.

В ноябре того же года Иван IV Васильевич расправился с Филиппом Колычевым. Опричник Алексей Басманов вошел с вооруженными людьми в Архангельский собор, прервал обедню, зачитал указ. Митрополита обвинили в измене и, главное, в колдовстве. Последнее обвинение было для Ивана IV Васильевича более весомым. Заколдованный злобой, он уже не мог и не хотел расколдовываться. Именно поэтому пострадал Сильвестр, а теперь страдал Филипп Колычев, его отправили, закованного, в обитель Святого Николы Старого. Но больше всего досталось родственникам этого митрополита, многих из них казнили. Племяннику Филиппа отрубили голову и прислали ее опальному священнослужителю.

После этого опричники направили удар на русские города. Первым пострадал Торжок. В день ярмарки слуги царя учинили дебош, их, естественно, побили, и на город обрушилась царская «гвардия». Жителей Торжка пытали, топили в реке. Затем пришла очередь Коломны...

До некоторого времени Ивану IV Васильевичу, обремененному внутри страны делами опричнины, удавалось вести успешную международную политику, русские еще побеждали в Ливонской войне, но в 1569 году османский султан Селим задумал осуществить крупный поход в Восточную Европу. Весной семь тысяч турецких всадников и сорок тысяч воинов крымского хана Девлет-Гирея, а также крупный флот двинулись из Азова к Дону, затем по реке и по берегам — к Переволоке, откуда

Селим хотел выйти к Волге, чтобы напасть на Астрахань и отбить ее у русских.

Планы у османского султана были громадные. Его держава приближалась к зениту славы и могущества. Завоеваны были обширные пространства, но еще не раздумал султан захватывать чужие земли. Селим мечтал покорить Астраханское, Ногайское, Крымское ханства, окольцевать своими владениями Черное и Азовское моря и двинуться дальше, на страну Московию и Речь Посполитую.

Остановить мощное войско врага было некому. Слишком много сил у Ивана IV Васильевича отнимали внутренняя борьба, Ливонская война. Царь отправил на юг дружину князя Петра Серебряного. На небольшом острове, неподалеку от Переволоки русский воевода увидел войско противника, в бой не вступил, понимая, что проиграет его, отошел на судах вверх по Волге. Полководец османов, мечтая, видимо, о лаврах Кира Великого, большого любителя строить ирригационные сооружения, решил соорудить «Волго-Донской канал» и с завидным рвением принялся за осуществление этой глобальной идеи, не понимая, что теряет время, упускает преимущество, которое дает внезапность нападения. Захватив в степях много пленных (русских мирных людей), он пригнал их на «объект». Пленные работали плохо. Дело шло медленно, время шло куда быстрее. Наконец-то сообразив, что Киром ему не стать, полководец османов отослал флот с тяжелыми пушками в Азов, продолжил путь налегке и в сентябре 1569 года подошел к Астрахани, разбил лагерь напротив города.

Князь Серебряный, внимательно отслеживая все передвижения противника, ночью под носом у османов провел свои суда в Астрахань, оказав тем самым великую услугу защитникам. Без тяжелой артиллерии полководец османов не рискнул штурмовать город. Он укрепил свой лагерь, постоянно посылал в разведку небольшие отряды, они досконально изучили окрестности, но так и не нашли слабые места в обороне русских. Это очень опечалило османов и, главное, их союзников, крымчан. Воины хана Девлет-Гирея хорошо знали, какие суровые в этих краях зимы, они не хотели оставаться здесь до весны. Паша (полководец у османов) долго не реагировал на волнения в стане союзников, пока крымчане в отчаянии не взбунтовались. В тот же день по лагерю пошли слухи о том, что в Астрахань из Москвы спешит на подмогу князю Серебряному крупное войско.

В конце сентября османский полководец повелел сжечь укрепления и дал приказ отступать. Союзники спешно исполнили приказ и той же ночью бежали из-под Астрахани. На обратном пути вел их Девлет-Гирей. Позже, оправдываясь перед русским царем, он хвалился тем, что специально завел войско в безводные степи на землю черкесов, в результате чего османы потеряли чуть ли не всю свою армию.

Действительно, паша привел в Азов лишь горсть измученных людей. Ему понадобилось много золота, чтобы смягчить приговор Селима и спастись от его гнева, но данный поход и поведение в нем Девлет-Гирея, который все еще мечтал воссоздать Золотую Орду, должны были подсказать Ивану IV, что на южных границах Московии нарастало напряжение,

а значит, русскому царю нужно было уделять больше внимания этим вопросам, а не борьбе с родом Рюриковичей.

Девлет-Гирей

Девлет-Гирея конечно же нельзя сравнивать с великим Ганнибалом, вписавшим в анналы истории блистательные победы над римлянами, но так и не победившим Рим. Обидится карфагенянин за такое сравнение, ругаться будет. Да, Девлет-Гирей и как полководец, и как личность, устремленная к великой, но недостижимой цели, заметно уступает Ганнибалу, но на некотором промежутке времени крымский хан являлся для Москвы и ее обитателей таким же грозным и опасным противником, каким был всю свою сознательную жизнь (а она началась еще в детстве, после данной отцу клятвы бороться с Римом) Ганнибал для Вечного города. Девлет-Гирей своим предательством во время османского похода на Астрахань доказал, что он всегда держит камень за пазухой и всегда готов обрушиться на Москву.

Впрочем, Ивана IV это мало волновало. В конце 1569 года он вывел из игры своего двоюродного брата, товарища молодости по охотам да ловлям Владимира Андреевича, не без оснований опасаясь, как бы тот не сбросил его с престола. Василий Грязной и Малюта Скуратов явились в хоромы князя, обвинили его в том, что он покушается на жизнь царя, доставили близкого родственника самодержца вместе с женой и двумя сыновьями к повелителю. Владимир Андреевич просил у брата пощады, разрешения постричься, уйти в монастырь. Царь был неумолим в своем желании сгубить одного из самых главных Рюриковичей. «Вы задумали отравить меня ядом, так выпейте его сами», — сказал он спокойно. Владимир Андреевич с мольбой смотрел на брата, тот равнодушно оглядывал обреченных. Тогда слово взяла женщина, супруга Владимира Андреевича, Евдокия. «А лучше принять смерть от царя, чем от палача!» — сказала она твердо, и муж ее, уже спокойный, выпил яд. Затем так же спокойно отравили себя Евдокия и двое ее сыновей.

После этого против царя восстали боярыни и служанки Евдокии. Увидев своих господ мертвыми, они по-бабьи, не боясь и не стесняясь, высказали царю все, что думают о его изуверствах. То был бунт! Иван IV приказал содрать с дерзких женщин одежду и расстрелять их. А уж после этого утопили в реке Шексне инокиню Евфросинию, мать Владимира Андреевича.

В 1569 — 1570 годах Иван IV Васильевич нанес сокрушительные удары по Пскову и Новгороду, а чтобы его верные слуги не зазнавались, он повелел казнить самых любимых своих собак-грызунов: Алексея Басманова, его сына Федора и Афанасия Вяземского. Не забывал царь при этом отчитываться перед народом, как будто народ дал ему задание истребить бояр. 25 июля 1570 года он повелел устроить образцово-показательную массовую казнь на большой торговой площади, где были поставлены триумфальные арки царевых побед — 18 виселиц, аккуратно разложены орудия пыток и подвешен над огромным костром столь же огромный адский котел с водой, быстро закипевшей. Народ московский в ужасе разбежался по домам. Иван IV очень этому удивился и послал

слуг зазывать жителей на спектакль, на котором разыгрывалась жизнь 300 сограждан. Видно, ужас народный умилостивил изверга — не всех казнили в тот день. Многих царь миловал — и народу это очень понравилось. Но те, кто должен был умереть, претерпели страшные муки. Их обвинили во всех тяжких грехах, пытали и лишили жизни...

Удивительный был все-таки род Рюриковичей! Их губили сотнями, тысячами, а они даже на смертном одре оставались верны самим себе. Они так и не восстали против изверга и его грызунов. Лишь некоторые из них перед смертью, уже в руках палача, давали волю своим словам. Но — не более того. Молчан Митьков отказался выпить с Иваном IV Васильевичем чашу с медом — царь во гневе воткнул в него жезл. Молчан молча перекрестился и отдал Богу душу.

«Таков был царь, таковы были подданные! Ему ли, им ли должны мы наиболее удивляться? Если он не всех превзошел в мучительстве, то они превзошли всех в терпении, ибо считали власть государеву властью Божественною и всякое сопротивление беззаконием; приписывали тиранство иваново гневу небесному и каялись в грехах своих; с верою, с надеждою ждали умилостивления, но не боялись и смерти, утешаясь мыслию, что есть другое бытие для счастия добродетели и что земное служит ей только искушением; гибли, но спасали для нас могущество России: ибо сила народного повиновения есть сила государственная»[1].

Не все согласятся с выводом отца русской истории Н. М. Карамзина, но вряд ли найдется человек, который не удивится этому упорному качеству русского народа — смиренному повиновению — и не поразится силе его духа, способной совершать в столь мрачной ситуации воистину великие подвиги самопожертвования и героизма. А подвиги в эпоху Грозного были...

Иван IV увлекся войной на Западе, послал крупное войско в Ревель, приказал взять крепость. Воеводы потеряли под стенами города много людей, на русскую рать налетела чума, пришлось вернуться назад, распустить войско по домам.

И в этот момент на Русь явился Девлет-Гирей. Он внезапно подошел к Московской земле и, догадываясь, что в районе Коломны его ждут русские полки, повернул чуть влево и вышел к берегам Оки неподалеку от Серпухова, где стояло отборное войско самого Ивана IV. Опричники! Они своими дерзкими налетами на боярские усадьбы, русские селения и города наводили ужас на соотечественников, а против Девлет-Гирея действовали как слепые котята. Крымский хан так напугал героев опричнины, что те вместе с царем побежали сначала в Коломну, а оттуда, не задерживаясь, в Александровскую слободу, где на царя напал такой страх, что он, повсюду видя измену, боясь, как бы его не выдали казанцам, поспешил дальше, в Ростов. Если осмелиться сравнивать Ганнибала с Девлет-Гиреем, то почему бы не сравнить действия Квинта Фабия Максима, предложившего римскому сенату идею изматывания ворвавшегося на Апеннины войска карфагенянина, с хаотичным, похожим разве что на броуновское, движением отряда опричников? Нет. Здесь не может быть

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 69.

параллелей. На Апеннинах был точный расчет мудрого воителя, под Москвой — трусливое виляние собак-грызунов, напуганных дерзким Девлет-Гиреем. Большая разница. Римский консул, уличенный в трусости, попрощался бы навеки с политической карьерой; московский царь... просто не мог быть никем ни при каких обстоятельствах обвинен ни в чем. Тем более в трусости.

Воеводы, стоявшие с полками под Коломной, отошли к Москве, укрылись в городе. Но лучше бы они остались на воле.

Девлет-Гирей приблизился к русской столице, остановился в Коломне. Чужеземцы принялись безнаказанно грабить и жечь окрестные селения, слободы вокруг города. Тяжелые столбы дыма тянулись в небо, растворяясь в синеве. Надрывно горели срубы, трещал огонь, пробегая по изгородям, шумели в пламени сады.

Утром огонь вплотную прижался к Москве. Вдруг резко усилился ветер, и огонь подмосковного пожара переметнулся, влекомый порывистыми вихрями зародившейся бури, на деревянные стены города, а оттуда, будто с трамплина, прыгнул в столицу.

Ветер носился по улицам, быстро материализуясь, краснея, звеня колоколами, криками обезумевших людей, тщетно пытавшихся сначала справиться с огнем, а затем — спастись, спасти своих детей. С каждой минутой звон колоколов становился все тише. Одна за другой сгорали звонницы, рушились, колокола падали на землю, замолкали. Все тише звучала поминальная песнь по Москве. Вдруг раздался страшной силы взрыв — взорвались пороховые склады в башнях Кремля и Китай-города.

Люди собирались в тесные толпы у северных ворот, карабкались друг на друга в три ряда, давили нижних, цеплялись за стены, подтягивались, лезли, отчаянно вылупив глаза, наверх, спасались, оставляя нижние ряды сограждан сгорать заживо. Воины, кто посильнее и без совести, по рядам, по нижним, карабкались в жизнь. Три часа пожар бушевал — город был полностью разрушен.

Девлет-Гирей наблюдал эту почти мистическую картину с Воробьевых гор. Брать город он не стал. Некоторые особенно жадные, желающие пограбить побольше, пытались что-то найти в осыпанном жарким пеплом городе. Погубил многих из них этот пепел. Крымский хан отправился домой, послав перепуганному русскому самодержцу нахальное, злобное письмо. Он, видимо, уже видел себя царем Золотой Орды и требовал от Ивана IV дани, да побольше. Тот с перепугу пошел на большие уступки, а договорившись с Девлет-Гиреем, набросился, будто оголодавший мастиф, на «изменников», на бояр да князей. Много было кандидатов в изменники в те годы на Руси, многих из них загубил Грозный.

Встреча на Молоди

В середине шестидесятых годов Московское государство терпело страшные беды. Чума, войны, опричнина, народ погибал целыми семьями от этих напастей.

Иван IV понимал, что южные соседи воспользуются ослаблением его государства, пытался договориться с ханом, уступал ему Астрахань, призывая его в союзники. Хан уже подумывал о другом. Он договорился

с Селимом о войне против Московии, готовился к крупным боевым действиям. Селим и Девлет-Гирей поделили между собой еще не завоеванную Русь. Осталось только убить медведя!

Русский царь собирал по всей стране рать. Воинов было мало. Не хватало опытных полководцев. Пришлось привлечь казаков, ополченцев, холопов боярских, дворян. С полком стрельцов набралось около тридцати пяти тысяч человек.

В 1572 году Девлет-Гирей двинул в Москву пятьдесят тысяч отборных воинов, не считая крупного подразделения прекрасной османской артиллерии.

Русским в той войне проигрывать было никак нельзя. Это могло привести к большим и трудновосполнимым физическим и моральным потерям. Полководцы Ивана IV Васильевича детально разработали план боевых действий, особое внимание уделив отрядам казаков, которые, курсируя на стругах по Оке, должны были не пропустить врага на Московскую землю или нанести ему при переправе как можно больший урон. Но крымский хан перехитрил русских полководцев. Ночью он осуществил скрытый маневр, форсировал Оку у Сенькиного брода. Воевода Хворостинин прозевал противника, узнал о переправе крымчан, бросился на них с небольшим отрядом и тут же отступил. Сила у хана была немалая. Он походным маршем направился к Москве. Войско Девлет-Гирея прикрывало с тыла отряды, возглавляемые сыновьями хана. Русские шли следом, будто провинившиеся дети. Атаковать неприятеля было безрассудно. Разработанный план боевых действий разрушили воины врага. Они внимательно следили за противником, не пропуская его вперед, сами шли быстро.

Князь Хворостинин, однако, не отчаивался, ждал благоприятного момента для атаки. Сыновья Девлет-Гирея расслабились — он тут же вступил в бой, одержал победу. Хан дал детям подкрепление в двенадцать тысяч человек — русские бой не прекратили. Москву сдавать крымчанам они не имели права. Вместе с князем Воротынским они разработали несложный план, и теперь многое зависело от того, как долго продержится Хворостинин.

Второй отряд русских тем временем оборудовал и укреплял позиции на холме неподалеку от деревни Молоди. Воротынский окружил здесь косогор подвижными повозками — «гуляй-городом» — средневекового прообраза бронепоезда, воины встали у амбразур, зарядили пищали, пушки.

Хворостинин не выдержал натиска врага, отступил. Он не хотел отступать, цеплялся за каждый овражек, но крымчане были сильнее. Они упрямо теснили русских к... «гуляй-городу» Воротынского. «Отступательный» маневр князь осуществил великолепно, вывел врага точно на пищали и пушки русских. Уже первый залп защитников Москвы нанес неприятелю ощутимый урон. Кони крымские остановились, воины поворачивали их назад, а русские дали еще один залп, а за ним и третий. Много крымчан погибло у «гуляй-города», да не «гуляй» то был для людей Девлет-Гирея, а «умирай-город».

Потрясенный двумя поражениями, хан разбил лагерь у Пахры, привел полки в порядок, ожидая, что противник ринется в атаку. Но князья

Воротынский и Хворостинин не спешили с атакой. Они надежно оборудовали позиции и стали ждать штурма, приготовив хану небольшой сюрприз. Девлет-Гирей ждал-ждал русской атаки, не дождался и сам начал бой. Сначала крымчане ударили по стрельцам. Те сделали свое дело, раздразнили врага, но все до единого погибли. Девлет-Гирей вошел в азарт, очистил от русских противоположный склон холма и начал штурм «гуляй-города».

Главный воевода хана Дивей-Мурза лично отправился на разведку и попал в плен перед решающим сражением. Эта потеря вывела из себя Девлет-Гирея. Он бросил на штурм все силы. Первая атака захлебнулась, хан, не давая передышки, перегруппировал полки, и вновь была атака.

Воины крымского хана рвались на холм, преодолевали выкопанный противником ров, оставляли в нем десятки трупов, приближались к «гуляй-городу», несмотря на крупные потери. Русские кололи их пиками, рубили топорами, саблями... Пришел вечер.

Девлет-Гирей двое суток отходил от того боя, воины его залечивали раны, готовились к продолжению штурма. Они не знали, что у русских на холме кончилась вода! Воротынский и Хворостинин приказали копать колодцы, но, удивительно, до воды воины так и не докопались. Всего-то в трехстах метрах отсюда текла река Рожай. Родников там — через каждые двадцать метров. Но не добраться до них. Дня три нужно было потомить русских без воды. Девлет-Гирей не знал об этом: в Подмосковье от жажды никто не умирал.

2 августа была еще одна атака. Воины Девлет-Гирея, особенно его сыновья, чувствовавшие за собой вину, дрались прекрасно, хотели освободить из плена Дивей-Мурзу. Русские отражали атаки, изнывая от жажды и ни единым движением не давая понять врагу, какая беда у них приключилась. И опять пришел в шуме нескончаемого боя вечер. Крымский хан боя не прекратил, но проморгал маневр Воротынского, который незаметно вышел из укрепления, обошел противника и затаился с отрядом у него в тылу.

Атака на «гуляй-город» продолжалась. Как вдруг, дождавшись условного сигнала, отряды Воротынского с тыла, а Хворостинина — в лоб ударили по врагу. Победа была полная. Девлет-Гирей потерял сына, внука, несколько полководцев, сам чуть не попал в плен, и, очень грустный, отправился подальше от Москвы на юг.

Князья Воротынский и Хворостинин своей победой совершили в те жаркие дни чудо. Они спасли Москву от большой беды и закрепили Казань и Астрахань за Русским государством.

Царь в этом деле не участвовал. Видимо, абсолютно уверенный в победе небольшой рати Воротынского и Хворостинина, он отправился в Новгород для руководства общим боевым действием русского войска в Ливонской войне. Узнав о результате битвы при Молоди, царь, не скрывая радости, награждал всех щедро, а затем, гордый и величественный, явился с семьей, с двором в столицу. Народ встречал его как победителя, и он в порыве чувств, а может быть, по подсказке медленно возвышающегося Бориса Годунова, отменил опричнину.

Впрочем, она уже свое дело сделала: сокрушила род Рюриковичей, выпустила на сцену истории новых героев, в частности дворян, утолила

жажду царских собак-грызунов, загубила вместе со многими Рюриковичами еще больше людей, знатностью поменьше, и окончательно закрепила в сознании народа — основателя империи, тогда еще находившейся во младенчестве, — представление о царе-батюшке — справедливом, добром избавителе народном от всех лиходеев.

«...Прямая цель опричнины была достигнута, и всякая оппозиция сломлена. Достигалось это не только системой принудительных переселений ненадежных людей, но и мерами террора. Опалы, ссылки и казни заподозренных лиц, насилия опричников над «изменниками», чрезвычайная распущенность Грозного, жестоко истязавшего своих подданных во время оргий, — все это приводило Москву в трепет и робкое смирение пред тираном. Тогда еще никто не понимал, что этот террор больше всего подтачивал силы самого правительства и готовил ему жестокие неудачи вне и кризис внутри государства»[1].

Опричнина была отменена, изменить свой нрав, безудержно жестокий, царь не мог. Каждая неудача порождала в нем бурю нечеловеческих страстей, желаний. Он набрасывался то на одного несчастного, то на другого, и верные прихвостни, убрав с седел своих коней черепа собак и метлы, продолжали зверствовать с нарастающей дикостью.

В 1577 году русские войска одержали в Ливонской войне свои последние значительные победы. В Речи Посполитой восходила звезда Стефана Батория, избранного в 1576 году королем Польши. Мудрый политик и прекрасный полководец перехватил инициативу у Ивана IV Васильевича и прочно завладел ею. Царь еще не догадывался об этом, но даже если бы он знал наверняка, что для серьезной борьбы с литовцами, поляками и шведами в Ливонской войне ему нужны будут такие великолепные воители, каким был князь Михаил Воротынский, то вряд ли Грозный изменил бы отношение к нему.

Полководца, героя Казани, битвы при Молоди, Ливонской войны, человека, который участвовал в разработке стратегии боевых действий против крымского хана, собственный холоп обвинил в чародействе. Царю этого было достаточно. Михаила Воротынского заключили под стражу и стали пытать. Ничего необычного в тех пытках не было. Вся Западная Европа в те века пытала и губила на кострах инквизиции колдунов и ведьм, среди которых часто попадались и знатные. Но монархи стран Западной Европы сами очень редко принимали участие в сих действиях. Других дел у них было много. Да и выдающихся своих полководцев, политиков, священнослужителей они старались не трогать. На Руси был только один выдающийся человек — Иван IV Грозный. Он приказал связать шестидесятилетнего Михаила Воротынского, уложить его на дерево, по обеим сторонам которого горели два костра, и стал его пытать: чародей ты или нет, хотел ты извести меня или нет? Говори правду. Михаил Воротынский по степени полководческого дарования и количеству побед в битвах и сражениях не уступал своим согражданам, русским воеводам XV — XVI веков, незаслуженно забытым историей, — Даниле Щени, Хабару Симскому, Дмитрию Хворостинину и другим неорди-

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 205—206.

нарным людям. Все они в свою очередь ничуть не уступали по «военным показателям» Камиллу и Марцеллу, Марию и даже Сулле, все они являются выдающимися военачальниками. Все они делали русскую историю, бились с врагами, не щадя живота своего. Им просто некогда было колдовать и чародействовать. Иван IV Грозный не верил в это. Он неспешно подгребал угли к подпаленному уже Михаилу Воротынскому, извивавшемуся в веревках от боли, и повторял: чародей ты или нет? С кем колдовал, хотел извести меня?!

Спаситель Москвы в деле против Девлет-Гирея уже привык к боли огня, к невкусному запаху подпаленного своего тела, к облакам в сетке берез, но он никак не мог привыкнуть к дикости вопросов. Никто не мог привыкнуть к проделкам главного опричника. К этому привыкнуть нельзя.

Михаил Воротынский так и не сознался, чуть ли уже не закопченный, в своих несуществующих грехах. Его повезли на Белоозеро. Привыкать. Но он не дожил до этой славной для нелюдей минуты, когда человек начинает привыкать к запаху людской неизживной беды. Замечательный русский полководец Михаил Воротынский, не колдун, не чародей, умер по пути в монастырь. Главной его виной была... богатейшая вотчина.

...И я скажу, кто ты

Один из семи мудрецов Древней Греции изрек всем известную теперь фразу: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Это — интересный и сложный метод познания личности, но не единственный. Существуют специалисты, оценивающие человека по линиям руки, по жестам; итальянцу Чезаре Ламброзо достаточно было знать биологические признаки (антропологические стигматы) испытуемого, кто-то довольствуется делами исследуемого.

Древнекитайский мыслитель Конфуций предложил совсем уж удивительный способ познания внутреннего мира человека — тончайший, философски очень глубокий. Согласно легендам, он пришел изучать музыку к известному во всей Поднебесной учителю. Тот провел с ним урок, дал задание, определил недельный срок для подготовки к следующему занятию. Конфуций честно выполнил требуемое, изучил несложную пьесу на простеньком инструменте. Учитель похвалил его, хотел дать новое задание и на более сложном инструменте. Но ученик попросил предоставить ему еще неделю на осмысление произведения. Удивленный мастер смирился с желанием ученика, исправно платившего деньги. Так продолжалось несколько раз. Наконец Конфуций явился на урок и рассказал потрясенному учителю все об авторе музыкальной пьесы, вплоть до его роста, физической силы, темперамента, склонностей...

Любой творец в каждом произведении прежде всего творит самого себя. И царь Иван IV Васильевич в своих литературных и музыкальных произведениях (некоторые из них до сих пор исполняют в храмах Александрова) творил самого себя.

Многие исследователи считают, что Грозным его прозвали из-за бесчеловечных и диких его поступков. Очень немногие уводят этимологию этого слова к слову «гроза».

Грозными на Руси звали всегда правителей серьезных, суровых, на грозу похожих, недаром сознание народное грозу с ее громом и молнией и страх перед ней связало воедино, воспринимало ее как наказание Илией-пророком, громыхающим во время грозы на своей небесной колеснице, пророчествуя о наказаниях за грехи. Грозным был и Иван III, с точки зрения современников. Но память народная навеки закрепила этот титул только за царем Иваном IV Васильевичем.

Как в политике, в расправах с неугодными, так и в литературных произведениях Иван IV был Грозным. Он уже осознал грозную мощь свою и сжился с ней, как с реальностью. И эта реальность рвалась наружу, выплескивалась, подминала под себя, крушила старые каноны, хотя и пользовалась ими при случае: рычала, смеялась, дерзила, пугала, заливала смелой фразой необработанные еще нивы и пашни русской словесности.

Творческая натура Грозного-писателя бурлила, дерзала. Человеку царствующему можно было в творчестве быть безоглядно дерзким, ему дозволялось все. Так же, как он царствовал экспериментируя, пробуя разные модели поведения, комбинируя их с разными способами управления страной, так же он и писал. Его слово было искренним и злым, надменным и до наивности веселым, высокопарным и светлым, чистым, как умытая ливнем радуга, запальчивым и простодушным. Его творчество было до такой степени естественным в способах и средствах самовыражения, что некоторые исследователи считают, будто сам творец почти не сознавал себя писателем, художником. Как жил, так и писал, а то и диктовал. Может быть, оно и так. Но вряд ли человек, могуче одаренный музыкально, поэтически, обладающий чувством литературного такта, ритма, композиции, имеющий близкий к абсолютному «литературный слух», не сознавал себя творцом.

Он был творцом, хотя он был и царем, и политиком, что, впрочем, в те сумасбродные средние века встречалось нередко: вспомним Бабура, этого азиатского фантома, да и предшественник его, Великий Хромец Железный, был не без литературных дарований.

Время и пространство — это те вериги, которые тянут на плечах и ногах великие мира сего (творцы, поэты, политики) и которые оставляют в душах и сердцах, в творениях и деяниях избранников глубокие метины. Время Ивана Грозного было злым и хитрым, антагонистичным и неистовым. А страна? Страны как таковой еще не было. Московия — что за страна? Что за люд московский, славянами да угро-финнами зачатый, Рюриковичами организованный, дикой вольницей Степи обильно разбавленный? Буйный люд, злой, трудолюбивый, переживший, перестрадавший от междоусобиц и от Орды, закружившийся на огромной территории в бешеном танце жизни новой могучей народности, подминающей под себя пространство и время.

Этой зарождающейся народности нужны были крепкие, мудрые цари, способные брать умом и силой, брать и не отдавать, потому что на данном этапе развития человечеству понадобились крупные государства: империи, султанаты. И внутренней логикой этого процесса продиктованы были стремления правителей к созданию крупных государств. Но люди сопротивлялись! В них дух язычества, дух вольности сидел прочно.

Они бились за вольность насмерть. Одними мечами да копьями, пушками да пытками усмирить их было трудно. Слово человеческое приобретало в этой борьбе особую ценность.

Слово Ивана Грозного было мощным орудием. Во всяком случае он того желал, как творец и как царь. Иначе не объяснить стилистической многосложности его посланий, с удивительной точностью выдержанных в каждом конкретном случае по тональности, словесному ряду, образности, по этико-социальной мотивации.

Грозный не питал иллюзий по отношению к человеку грешному, соглашаясь с теми мудрецами, которые считали, что человек по натуре зол, — и это было хорошо. Но как творец, он понимал и других, столь же великих мудрецов, исходящих из противоположного принципа: человек по натуре добр, и в своем творчестве, подчиненном, необходимо подчеркнуть, историческому моменту, он сумел найти ту гибкую, невидимую, почти неподвластную разуму, а осязаемую лишь душой линию между этими Сциллой и Харибдой человеческой натуры, с помощью которой ему, одному из немногих, оказавшихся в его положении, удалось в творчестве остаться и художником, и царем одновременно, что особенно убедительно иллюстрирует его переписка с одним из первых в зарождающейся империи говорящих и пишущих диссидентов — князем Андреем Курбским.

В других произведениях Грозный постоянно помнил об этой линии, но там задачи перед ним стояли иные, более приземленные. И каждую задачу он решал, исходя из конкретного материала — из личностных качеств своего адресата.

Как и многие крупные государственные деятели, Иван IV Васильевич был хорошим артистом. Он мог нарядиться в баранью шубу, выйти в ней к гонцу крымского хана, прикинуться дурачком и с невинными глазами произнести: «Видишь же меня, в чем я? Так де меня царь зделал! Все мое царство выпленил и казну пожег, дати мне нечево царю!»

С литовскими же послами он и пошутковать мог, чувствуя силу над ними.

И в литературе Грозный часто лицедействует, переодевается, пишет то от имени бояр, то под шутовским псевдонимом «Парфений Уродивый». И стиль письма его меняется от послания к посланию. В переписке с Василием Грязным, оказавшимся в плену у татар, Грозный может и пошутить, вспомнив былые времена и былые застолья, но шутка у него ядовитая, колкая, не оставляющая пленнику надежд. Без ненужной в данном случае риторики, до обыденности просто, с нарастающим раздражением царь доводит бывшего приближенного до отчаяния, вынуждая молить о пощаде в последующих посланиях Грозному.

А уж как уверен был в себе Василий Грязной! Одно слово — близкий слуга, добросовестный опричник. Именно ему доверил Иван IV важное дело, дал отряд лучших воинов и отправил в 1573 году в степь с заданием захватить языков у татар. Крымские татары принесли много бед русским, трудно бороться с неуловимыми, прекрасно знавшими степь налетчиками! В тот век на мировых рынках хорошо шел русский раб, работящий мужик, покладистый, да и сноровистые, незаменимые в доме бабы

русские стоили дорого. Нравилось татарам торговать награбленным добром и русским рабом. Иван IV пытался разными способами оградить соотечественников от повальной беды, грозящей им с южных степей: и дань платил, лишь бы крымцы не терзали Русь набегами, и воевал. Ему очень нужны были языки. Хотел он знать о положении дел, о связях степного врага.

Василий Грязной готов был послужить царю-батюшке верой и правдой. Но герою-опричнику не повезло, не взял он языка. Неопытный в серьезных военных делах, он попал в ловушку, принял бой с огромным войском противника, дрался зло и смело: все бы на свете опричники позавидовали ярости, с какой рубил он налево-направо татар. Но ни один полководец не похвалил бы Василия Грязного — военачальника. Слишком беспечно действовал он в степи, как настоящий опричник, власть имущий, царем прикрытый, законов государства и Божеских законов не признающий.

В степи этого мало. Татары окружили отряд русских, многих порубили, многих взяли в плен, налетели на Грязного. Как он дрался! Копье сломал, застрявшее в груди врага, выхватил у мертвого саблю, продолжил бой, сабля раскололась, будто сухая ветка березы, схваченная на излом. Только руки остались у бойца и... зубы, хорошее оружие у озверелых, привыкших к людской крови опричников. Грязной хватал крымцев, кусал в шею, до смерти закусал шестерых (вот где опричная хватка пригодилась!), а еще двадцать два человека покалечил своим кусающим оружием. Крымцам, однако, удалось схватить его. Несколько дней пленник приходил в себя, затем написал письмо царю. Очень бодрое. Я, раб и друг твой, верный опричник, лучший помощник, порешил в бою несть числа татар, потом шестерых закусал насмерть, многих покалечил. Герой я, друг твой, любимец, со мной тебе и пировалось в усладу, и... Перегнул палку Василий, слишком возвысил, приблизил себя к Ивану. А зачем грозным царям такие слуги, которые могут напомнить повелителю о былых пирах, шутействах и прочих забавах? Разве Грозный разрешил Грязному такие откровения в письмах рассказывать? А вдруг письмо прочитали враги! Разозлился царь, и поиграл он с опричником в переписочку; поглумился над ним, пожелавшим обменяться на крымского военачальника Дивей-Мурзу! То была литературная, изящно оформленная крупным мастером игра в кошки-мышки. Мышка напугалась до смерти, но не скончалась. Кошка устала играть. Грязного выкупили, но больше о нем историки не вспоминают.

С блеском царь разыграл письмо-пьеску к Стефану Баторию, в те годы еще не окрепшему, затем подурачился в послании к Симеону Бекбулатовичу. В Кирилло-Белозерский монастырь он послал развернутое письмо-исповедь, начал которую велеречиво, пересыпал письмо множеством цитат из ученых и библейских книг, постепенно перешел к страстному, сработанному словом упругим, быстрым обвинению, а закончил гневной просьбой о том, чтобы монахи сами научились решать свои проблемы, не надоедали ему...

С церковью считались все русские цари. Особо важную роль она сыграла в биографии Ивана IV Васильевича. В детские годы церковь пыталась воспитывать и обучать царя и во многом преуспела: царь был

яростным поборником православия, отстаивал его идеи, хотя часто его личные планы и амбиции шли вразрез с планами митрополитов. Иван IV Васильевич уже в детстве понял, какой могучей силой и властью обладает церковь. На всю жизнь остались в памяти сцены переворотов, в которых активно участвовали митрополиты Даниил, Иосаф, Макарий. Начиная с 1547 года в жизни царя большую роль, как сказано выше, играл протопоп Сильвестр.

Огромное влияние оказывала на него церковь, но не всевластное. Царь есть царь. Я царь, а вы мои подчиненные. Все. В том числе и служители церкви. Вы должны помогать, а не мешать мне. Таковой была его доктрина царской власти. Ее проводил в жизнь Грозный-царь. И чем взрослее, суровее становился он, тем жестче и бескомпромисснее вел себя по отношению к церкви, вынудив ее разрешить ему четвертый, запрещенный канонами христианства брак, а затем и пятый, шестой, седьмой.

В послании в Кирилло-Белозерский монастырь Иван IV Грозный обращается к монахам с удивительным для этого неистового самодержца тактом; чувствуется, что сдержан он от признания за священнослужителями особой власти над ним, он не принуждает, он убеждает их с упрямством несгибаемого логика, используя богатейшие знания жизни и книг.

Многое можно понять в натуре Грозного по письмам. Творчество всегда выдает творца с головой, особенно если он обращается, уязвленный, к человеку, его уязвившему. Этим человеком был Андрей Курбский, и в письмах к нему Иван решает помимо своих личных задач еще несколько государственных.

Что это? Эпистолярное творчество или публицистика; обвинительная речь на суде времен Цицерона или попытка оправдать деяния свои перед историей; бурный поток страстей или талантливо скомпонованное письмо, а может быть, крик души? Кто он, Иван Васильевич, в этих письмах: царь смертельно уставшей страны Рюриковичей или зачинатель нового литературного языка новой национальной общности, своей царственной смелостью и природной дерзостью позволивший себе литературно излагать мысли на просторечном, народном, истинно русском языке; мудрый государственный деятель или художник, не сознающий в полной мере своего истинного предназначения; а может быть, изверг рода человеческого; обыкновенный человек с бедами и несчастьями своими или толстокожий тиран? Ответить на эти вопросы и просто, и сложно. Можно сказать так: Грозный был и тем, и пятым, и десятым — со всеми противоречиями, невероятными, непостижимыми. Царь был самим собой всегда — и в письмах к Андрею Курбскому тоже.

Иван IV — политик, государь быстро набирающей мощь страны, вокруг которой закружились другие государства Европы, страны, почти созревшей для стремительного рывка на восток, на юг. Он выполнит свою миссию, несмотря ни на что. Так, видимо, ощущал свое предназначение Иван Васильевич. Курбский для него — не просто болтливый перебежчик, он — символ освобождения от власти всевидящего и всеслышащего самодержца. Это опасно.

Грозный обязан был уничтожить эту заразу, раздавить ее физически и морально. Но на символ веры костры, пытки, жезлы и прочие устрашающие

акции не всегда действуют, их — проповедников, вождей — надо уничтожать словом.

Грозный бросается в схватку с изменником Курбским, не понимая — о чудак человек! — что перебежчиками становятся от судьбинушки горькой, если, конечно, человек не патологически преступен, от несправедливостей тиранов, потому не с Курбским бороться надо, а с порядками в государстве, порождающими таких отступников. Но порядок устанавливал он, а с собой бороться у него сил не было — не дано, не судьба.

В начале первого послания Грозный в стиле велеречивом, словом церковно-славянским определяет точно место, которое занимает он сам, царь, и указывает своему оппоненту на место, которое тот займет в истории. Высокое место у Ивана Васильевича. Царское. Православный христианский самодержец. Третий Рим. Прелюдия еще не окончена, но уже расставлены акценты: я царь православной державы, а ты изменник, преступник «честнаго и животворящего креста господня», губитель христианский. Для грубого политика дальше можно было бы не продолжать: предатель ты, а с таковыми у нас один разговор — на дыбу. Но Грозный не заканчивает послание и терпеливо разъясняет изменнику содеянное им и, главное, то, к чему приведет предательство: «Аще ти с ним и воевати, тогда и церкви разоряти, и иконы попирати, и християн погубляти...»

Велеречивость прелюдии быстро уступает место неистовому напору мысли и слова. Политик еще чувствуется в каждой строке, но все образнее становится речь, все больше в ней страсти, душевного откровения. Никаких преград, никаких канонов. Как хочу, так и пишу. Грозный с напряженным терпением продолжает излагать изменнику — да не ему, конечно, а тем, кто рискнет повторить его опыт, — свою точку зрения, призывая в помощники Священное писание, историю давнюю и близкую, обильно пересыпая мысли поговорками и пословицами, изречениями мудрецов и пророков.

История давняя учит. История близкая душу теребит, томит. Жизнь Грозного была суровой в годы юности, многое пришлось испытать царствующему мальчику, юноше, в том числе по вине опекуна — Андрея Курбского, и в послании к нему царь не пытается даже остановить себя от разоблачений. Воспоминания детства сработаны крепко.

Это — детство! Иван IV Васильевич с малых лет отличался крайней чувствительностью. Ребенок. В три года потерял отца. Ну уж не с ним одним беда такая приключилась, может возразить ненавидящий жестокость человек, и матушка, царица Елена Глинская, жива была. И то верно! Да только не в тихом тереме отчем, под мерный шелест сосновых лап в отдаленном от людской суеты местечке, благодатном для сказок, жила-была, детей растила вдовая царица, а во стольном граде, в самом Кремле, в центре бурлящего страстями государства. Не зря Иван IV называет матушку «несчастнейшей вдовой», от разыгравшихся нежных чувств пишет он в послании к Курбскому о юных летах своих: очень они были суровыми! Вдова с трехгодовалым Иваном и годовалым Юрием жила, «словно среди пламени находясь: со всех сторон на нас двинулись войной иноплеменные народы — литовцы, поляки, крымские татары,

Астрахань, ногаи, казанцы». Казалось, князья да бояре должны сплотиться, забыть личные обиды, сообща биться за страну, но — нет! Почти все приближенные ко двору мечтали лишь о том, чтобы возвыситься, стать опекуном малолетнего царя и грабить царскую казну — богатую! Много злата-серебра собрали отец и дед Ивана IV, великие планы они мечтали осуществить. Не нужны планы князьям — деньги нужны. Перевороты в Кремле следовали друг за другом. Детей, однако, не убивали, понимая, что при малолетнем великом князе больше шансов урвать кусок...

До смерти царицы детьми еще занимались, но в 1538 году Елена Глинская умерла, и для Ивана IV начались самые страшные годы жизни. Об этом он с неподдельным чувством горечи и обиды, на высокой нервной ноте пишет Курбскому. Зачем? Разве нельзя было сухим канцелярским языком разделаться с предателем? Конечно же можно! Но о другом думал Грозный — о самооправдании. Да не перед князем, а перед потомками. Насмотрелся он с юных лет гадости человеческой, одичал, глядя на непрекращающуюся драку людей, бояр да князей, веру в них потерял. Еще в юности. Потерял, но не окончательно. И в надежде, что письмо дойдет до адресата, писал потомкам, предупреждая и поучая: не теребите детские души, не дразните драчливыми сценами неокрепшие сердца, не разрыхляйте разум, от рождения спокойный, способный взращивать из мудрых зерен добрые плоды. Я, Иван IV Грозный, жизнь свою рассказываю и кричу: берегите детей, если не хотите воспитать из них чудовищ, жадных до крови и драк. Я, Ванечка, сын Василия, во время так называемого боярского правления по закону — царь, по положению — беспризорный во дворце, видел ужастики не по видикам, но в жизни.

Очень современен для людей третьего тысячелетия нашей эры честный писатель Иван IV Васильевич в своем послании к Курбскому и особенно в том месте, где ведет он рассказ о своем детстве.

Но на этом разговор с беглым князем не окончен.

И вновь строгий учительский тон, и на каждом шагу стилистические инверсии, образы, навеянные разумом и душой, выражения крепкие и этакие покорно-приторные, страсти восклицательные и вопросительные. Грозный хорошо чувствует риторическую волну, умело использует взлеты и падения, ритмику фразы, возможности игры в вопросы и ответы. И все лишь с одной целью: изобличить изменника, нарисовать гнусный образ предателя «християн», державы, детей господних. Удалось ему это сделать? Несомненно. Но главной цели царь не достиг. Не совладал он с этой страшной для государства болезнью — синдромом диссидентства...

Нет никакого желания оправдывать зверства Грозного — сам зверем станешь, или желания перещеголять тех, кто ругает русского царя, — отупеешь от такого щегольства. Но есть сложная биография талантливого человека, волею судьбы оказавшегося на русском троне. Есть русский язык, именно Ивану Грозному обязанный тем, что музыка и образное великолепие простонародной речи вдруг смело ворвались в литературу, и она волей-неволей приняла простонародную речь в объятия. Между прочим, с этим нельзя не считаться, хотя бы потому, что не всегда подобные процессы в истории мировой литературы проходили быстро и

гладко. В Италии, например, 22 октября 1441 года (эпоха Возрождения в расцвете) во Флорентийском соборе состоялось публичное соревнование между гуманистами, приверженцами использования латыни в литературе и в научных трудах, и писателями, сторонниками употребления для этих целей тосканского языка. Первые ростки реформации появились тогда во Флорентийском соборе. Слушателей собралось много: члены правительства, архиепископ, высшее духовенство, послы, весь литературный мир, десять судей из лагеря гуманистов.

Этот спор затеял Леон Баттиста Альберти, уверенный в необходимости и великом благе для общества использования народного тосканского языка в качестве литературного, научного, государственного. Затея Альберти с треском провалилась. Серебряный венок, предназначенный победителю, стал собственностью собора, а латынь надолго заняла прочные позиции в Италии. Хорошо это или плохо? Ответила на данный вопрос история: итальянский язык, поэтический, образный, мелодичный — оперный! — занял подобающее ему место... хотя и с большим опозданием, быть может, потому, что не было во Флорентийском соборе своего царя Ивана, свет Васильевича, который врезал бы жезлом по мрамору пола и крикнул: «Ну, вы, злобесные латинисты, дайте волюшку родному языку!»

Кто поставит последнюю точку?

В творческой биографии Ивана IV есть один печальный штрих: царь не ответил на третье послание Курбского, датируемое 15 сентября 1579 года. Он и не мог ответить, потому что в споре с предателем-диссидентом — прекрасным стилистом, историком, высокоэрудированным писателем, обвинившим Ивана Грозного в злодеяниях, в вынужденном бегстве из страны многих славных и знатных князей и бояр, предрекавшим самодержцу великие беды за гнусные его дела, — крыть русскому царю было нечем. Беды великие действительно начались.

После побед русских войск в Ливонской войне в 1575 — 1577 годах ситуация здесь резко изменилась. Напуганные успехами царя Польша и Швеция активизировали действия против Москвы. В 1579 году пошел в свой первый поход на Русь Стефан Баторий. Преодолев отчаянное сопротивление противника, он взял Полоцк, а 1 сентября — важный стратегический пункт, крепость Сокол. Понимая, что крупномасштабную борьбу в этом регионе государство не осилит из-за истощения финансовых ресурсов, Грозный предложил Польше мир. Андрей Курбский знал о положении дел в войне.

Тон его третьего послания (и предыдущих двух) был менторским, нравоучительным, поучительным. Вот как он пишет в конце этого послания:

«И если погибают цари и властелины, которые составляют жестокие законы и невыполнимые предписания, то тем более должны погибнуть со всем своим домом не только составляющие невыполнимые законы и уставы, но и те, которые опустошают свою землю и губят подданных целыми родами, не щадя и грудных младенцев, а должны были бы властелины каждый за подданных своих кровь свою проливать в борьбе с врагами...

...А ты еще думаешь, что ради того, о чем даже слышать тяжело и нестерпимо, тебе и воинству твоему будет помогать сила животворящего креста?..

Не губи себя, и вместе с собой и дома своего!

Как говорит Давид: «Любящий неправду, ненавидит свою душу», и тем более залитые кровью христианской исчезнут вскоре со всем своим домом!..»[1]

Уже из этих финальных фраз последнего послания Андрея Курбского ясно, что он пророчествует царю и всем его подданным, залитым христианской кровью, кару Господню.

Известно, что опричнина была уже лет семь как отменена. И хотя Иван IV продолжал, пусть и меньшими темпами, не так широкомасштабно, как прежде, вести политику уничтожения уделов, физического устранения знатных Рюриковичей, но прежних бесчинств, разгула, разврата с 1579 года за ним не числилось. Подустал Грозный сам от себя, и его лучшие телохранители подустали от бесчинств, и вся его страна подустала от него к этому времени. Курбский не просто напоминает жестокому самодержцу о былых преступлениях и, как перед одичалым от гнева быком, играет перед царем красной тряпкой, он, не чувствуя или не желая чувствовать перемены в жизни страны и ее повелителя, продолжает старую песню: христиане, залитые кровью невинно ими убиенных, исчезнут. Исчезли же 1 сентября 1579 года многие, ни в чем не повинные православные христиане, защитники Полоцка, Сокола, других городов. Первый русский «пишущий» диссидент, зная об этом, не выразил жалости к бывшим своим согражданам, не отреагировал на беды русских. Для него гибель христиан являлась обычным, нормальным явлением... не потому ли, что многие простолюдины, принявшие, как это ни покажется неприятным для приверженцев Курбского, опричнину идейно, тоже становились виновными в зверствах собак-грызунов, а значит, и на них, простолюдинов, распространялись «опала» предателя-князя и его пророчества! Подобные опричнине мероприятия без массовой опоры, без согласия (пусть молчаливого) толпы не проходят, тем более в течение семилетнего периода. И это молчание народа — а молчали и холопы, и бояре некняжеского рода — бесило Курбского. Он считал и народ «залитым кровью христиан», и народу он пророчествовал беду великую.

Ивану Грозному, конечно же, хотелось ответить «злобесному» князю не только обличительным словом, но и делами серьезными, государственными успехами. А вот с делами-то у него было плохо в тот момент. Нечем ему было отвечать. Нечем крыть!

Стефан Баторий, будто бы желая подтвердить пророчества беглеца, взял Великие Луки, Заволочье, Подсошь, другие города, а летом 1581 года, перед очередной военной кампанией, он объявил главной задачей взятие Пскова. Догадываясь об этом, Иван Грозный послал в город воевод, отряд, впрочем, небольшой, но ответить Курбскому так и не решился, да и последующие его действия говорят о том, что в победу русских он верил с трудом.

---

[1] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 179 — 180.

Князь-беглец не переживал из-за этого. Может быть, он уже готовился писать четвертое послание царю, в котором можно было, взирая на поверженный Псков, на тысячи мертвых христиан, окончательно заклеймить позором Ивана Грозного в гибели дома его, то есть Русской земли. А может быть, бывший русский князь тешил себя мечтой о том, что после победы Стефана Батория царь признает-таки свои преступления и покается на крови подданных.

Так или иначе, но Иван Грозный не ответил ему, а польский король начал тщательную подготовку к решающему в Ливонской войне походу. В одном из своих указов он писал, настраивая своих воинов и многочисленных наемников к трудной боевой работе: «Москвитяне, при обороне крепостей, своею стойкостию и мужеством превосходят все прочие нации». Стефан Баторий был не единственным политическим деятелем той эпохи, который с таким уважением отзывался о «москвитянах».

Секретарь польского короля Сигизмунда II Августа литовский гуманист Михалон Литвин (Венцеслав Миколаевич) в своем трактате «О нравах татар, литовцев и москвитян», в частности, говорил: «Москвитяне и татары намного уступают литвинам в силах, но превосходят их трудолюбием, любовью к порядку, умеренностью, храбростью и прочими достоинствами, которыми упрочиваются королевства»[1].

Ни литовский дипломат, ни сам Стефан Баторий даже не думали о том, что в XVI веке в Европе и в Азии найдется сила, способная изничтожить дом русского царя, добиться «исчезновения» православных христиан: свое бы не порастерять в борьбе с Московским государством! И только Андрею Курбскому, мудрому человеку, почему-то упрямо казалось, что за грехи Ивана IV Васильевича должны отвечать он сам, весь дом его и все православные христиане. Почему? Почему мечтал об этом беглец? Почему Грозный не ответил на третье послание? Потому что дела у русских были в тот год действительно плохи! И понимали это многие. И в случае победы Стефана Батория... не мог ли мечтать мудрый Курбский, Рюрикович, о восшествии на русский престол, не являлись ли его письма своего рода предвыборными лозунгами, в которых талантливый автор изложил свое видение, свой идеал монарха — воистину справедливого, доброго, человеколюбивого, опирающегося в правлении на Священное писание, на Цицерона, Давида и так далее?

Подобные вопросы жители Пскова себе не задавали. Некогда было. Они готовились к войне. Они по-своему разрешили спор Курбского и Грозного.

Польские магнаты поддержали Стефана Батория, выделили ему значительные средства. Король вооружил сорок тысяч опытных воинов, поляков и литовцев, а также пригласил со всей Европы еще шестьдесят тысяч наемников: венгров и французов, датчан и шведов, румын и немцев, шотландцев и австрийцев... Ажиотаж вокруг похода напоминал события прошлых веков, когда папы римские и европейские монархи собирали со всего континента войска для крестовых походов.

---

[1] *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Наука, 1964. С. 75.

В Пскове не было гроба Господня. В Пскове были великие богатства, о которых ходили легенды. Стотысячное войско Стефана Батория замыкал большой отряд купцов, а также разных прохиндеев, любителей легкой наживы. Не исключено, что, собирая громадную армию, король рассчитывал на большее, чем взятие Пскова, этих, пока закрытых для пришельцев, ворот в Русскую землю, и причины тому были весьма веские. В Литве и Польше внимательно следили за ходом приватизации Москвой удельных княжеств, вечевых республик и последующих разорительных погромов Пскова, Новгорода и других городов. Чужеземцы вполне могли рассчитывать на то, что среди русских городов (например, в Пскове, семьдесят лет назад поголовно рыдающем, оплакивающем свой вечевой колокол, свою вольницу) найдутся такие, которые по примеру князей, вынужденных покидать родину (но не обязательно при этом — предавать свой народ), согласятся добровольно сменить «гражданство». Сам Стефан Баторий подумывал об этом. Не говоря уж о Курбском. Но русским и на эту тему думать было некогда — они готовились к обороне.

Продвигаясь на восток, чужеземцы взяли крепость Воронеч на дальних подступах к городу, затем Остров, важный пункт в непосредственной близости от Пскова, можно сказать, пригород. 18 августа в нескольких километрах от города появились авангардные отряды врага, а через шесть дней подошло и основное войско во главе со Стефаном Баторием.

Псков поразил пришельцев благолепием, величием и мощью фортификационных сооружений. «Господи, какой большой город! Точно Париж! Помоги нам, Боже, с ним справиться», — написал в дневнике участник похода Ян Пиотровский, будто бы уже в тот, первый день предчувствуя, что без Божьей помощи им город не взять.

Чтобы русские не сомневались в серьезных намерениях иностранцев, Стефан Баторий и коронный гетман Ян Замойский решили начать дело с грандиозного парада. Выучка у воинов была отменная, военачальники строили их в парадные колонны, и они медленно и с этаким показным шиком проходили по солнечному густо-зеленому полю, которое очень хорошо осматривалось со стен Пскова. Лучшие воины Европы, пехотинцы, конники, не спеша маршировали под грохот литавр перед жителями города, которые за всю свою жизнь красоты такой пестрой, чужеземной, грозной не видывали! И стояли они на стенах, изумленные (дети и женщины, старики и воины), и дивились невидалью, будто скопище чужеземных артистов пожаловало под древние стены Пскова. За кавалеристами кони с низким грохотом потащили осадные пушки громадных размеров...

На что рассчитывал, демонстрируя мощь войска, король? На панику, конечно. Паника убийственна. Опытный полководец знал об этом. Но искоса поглядывая на стены города, Стефан Баторий не мог не удивиться: русские были абсолютно спокойны. Более того, в их движениях, в вялых каких-то перемещениях по стенам чувствовалась силища могучая и далеко не всем понятная. Перед псковичами проходило лучшее войско Европы, стотысячное, оснащенное самой современной техникой, возглавляемое опытнейшими военачальниками. Неужели там, на стенах, этого не понимали?

Несколько часов шла «психическая» атака. Она не подействовала на твердолобых русских. Польский король дал приказ начать осадные работы. Воины действовали сноровисто, как на показательных учениях. Но как только они подошли к городу, оттуда грохотнули пушки. Стреляли русские очень метко. Снаряды десятками и сотнями срывались со стен и летели на головы врагов. Это озадачило короля, он приказал своим воинам маневрировать по лесным массивам. Но русские будто бы ждали этого заранее: и в лесах чужеземцев настигали тяжелые русские ядра, размером с голову.

Подальше от жерл пушек Баторий разбил свой стан. Ночью псковичи разгромили его — пушкари у русских были всевидящие. Пришлось королю отойти от города подальше. Этот факт, кстати сказать, говорит о том, что у хваленого полководца плохо работала стратегическая разведка, не предупредившая его о тактико-технических данных артиллерии противника.

Псков защищали десять тысяч обученных ополченцев, семь тысяч стрельцов и конницы и практически все жители города. Руководил обороной князь Иван Петрович Шуйский. Его первым помощником являлся главный воевода города Василий Федорович Шуйский-Скопин. Им, в свою очередь, помогали воеводы и князья — все из рода Рюриковичей. Огромная роль отводилась дьяку пушечного приказа Терентину Лихачеву. Он обеспечивал пушки порохом и ядрами. Дьяки Сульмен Тимофеевич Булгаков и Афанасий Викулин сын Малыгин отвечали за хозяйственные дела. Самый важный участок обороны между Покровской и Свинусской башнями возглавлял храбрый князь Андрей Иванович Хворостинин.

Первый штурм города, отчаянный и драматичный, окончился для воинов Стефана Батория неудачно. Он потерял пять тысяч человек убитыми, более десяти тысяч ранеными. У русских погибло восемьсот шестьдесят три человека, получили ранения тысяча шестьсот двадцать шесть человек.

На следующий день русские принялись восстанавливать разрушенные стены, а Стефан Баторий созвал совет. Его военачальники выглядели обескураженно. Многие из них еще не остыли от жаркой битвы, многие разуверились в том, что Псков вообще можно взять, но Баторий отступать не привык. Он заготовил еще в Польше несколько сюрпризов для русских и хотел их продемонстрировать, надеясь с помощью хотя бы одной какой-нибудь хитрости взять город.

Чужеземцы решили прорыть под Псков девять подкопов. Русские разгадали план, перехватили все подкопы. Подземная война закончилась. Еще до этого псковичи отказались от заманчивого предложения польского короля сдаться в плен. Выгоды он обещал немалые. Псковичи, за последние три четверти века натерпевшиеся от центральной власти так, что обиженному Курбскому и не снилось, наотрез отказались ото всех льгот и благ.

Затем началась война огненная. Целый день в город летели каленые ядра. Они поджигали дома, здания, сооружения, но жители не давали хода огню, быстро тушили пожары: работали стар и млад. Никому из них польские льготы были не нужны.

В октябре в бой пошли каменотесы, мужики жилистые, сильные. Ночью они пробрались со своим инструментом и большими щитами к стене, принялись за тяжелую работу, надеясь разрушить стену, завалить огромный кусок ее в воду. Баторий уже готовил для прорыва в том проеме ударную группу, но вдруг увидел вызывающую смешанные чувства и смешную, и страшную картину. Псковичи первое время никак не могли вывести из строя вражеских каменотесов. Те работали под прикрытием щитов под стеной, подрубая ее под корень. Наконец кто-то из защитников города предложил прекрасную идею... и вскоре польский король увидел на фоне стены болтающихся на огромных крюках своих доблестных каменотесов. Кричали они по-звериному. Больно было очень. Кто-то из них поддет был крюком за бок, кто-то — за живот, кого-то крюк подхватил за грудь — и трепыхались они в воздухе, кричали, прощались с жизнью.

Тогда же, в конце октября, в войске Батория начался голод. Попытка разжиться в Псково-Печерском монастыре продуктами, порохом и ядрами не увенчалась успехом. Монахи выстояли. Воины польского короля вернулись под Псков измученные: туда они прошли 56 километров и оттуда 56 километров. Голодные.

5 ноября чужеземцы перешли от активных боевых действий к осаде.

«Русские при осаде городов не думают о жизни, — скажет позже с восхищением Стефан Баторий послу папы римского Антонио Поссевино, — хладнокровно становятся на места убитых или взорванных действием подкопа и заграждают пролом грудью, день и ночь сражаясь; едят один хлеб, умирают с голоду, но не сдаются»[1].

Пришли холода. А вместе с ними увеличилось недовольство воинов, особенно наемников. Когда-то, лет тридцать до осады Пскова Михалон Литвин написал в своем трактате: «...Москвитяне не готовят в войско наемников, которые когда-нибудь уйдут из их земли, и не расточают деньги на них, но стараются поощрять своих людей к усердной службе, заботясь не о плате за службу, но о величине их наследства»[2].

Литовский гуманист несколько идеализирует отношение русских царей и великих князей к наемникам, но в чем-то он глубоко прав: русские редко прибегали к помощи наемников, понимая, что в любую минуту те могут подвести «работодателя».

Первыми покинули войско Стефана Батория немцы. Ушли они домой по студеной чужой земле, оставив польского короля в тяжком раздумье. 4 января псковичи совершили очередную дерзкую вылазку и нанесли врагу страшный урон: только 80 знатных военачальников-поляков пало в том бою. Огромную добычу взяли псковичи.

Король был страшно озабочен. Никто в его ближнем окружении не догадывался, что он предпримет ночью. Весь день он ходил грустный. Вечером позвал к себе русского пленника, дал воину письмо для Шуйского и богатый ларец с золотом, мечтательно звеневшим под замком,

---

[1] Повесть о прихождении Стефана Батория под град Псков. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 20.

[2] *Михалон Литвин.* Указ. соч. С. 93.

ключ от которого воин упрятал за пазуху. «Доставь это князю и скажи, что я им восхищен. Он будет получать у меня много денег, и слава о нем будет греметь по всей Европе». Воин отправился в кромешной тьме к Пскову, дошел до ворот, постучал, продрогший. Его впустили и привели к И. П. Шуйскому. Тот внимательно выслушал уставшего воина, но вскрывать тяжелый ларец не стал, вызвал мастеров.

Они кумекали над ларцом недолго, осторожно вскрыли его и ахнули: в ларце торчали во все стороны двадцать четыре заряженных ствола. Любое неверное движение ключом — и кому-то из любопытных не посчастливилось бы.

Испытав все ему известные методы осады, Стефан Баторий 17 января 1582 года повел свое войско домой. Ему повезло. Иван IV Грозный не смог достойным образом воспользоваться этой замечательной победой русских воинов, видимо, потому, что плохо знал подданных. Они своим героизмом, своей мало кому из иностранцев понимаемой любовью к Родине решили и еще одну задачу, нерешенную царем: ответили на третье послание Курбского Ивану Грозному. Они сами и с Божьей помощью, пусть и залитые «кровью христианской», отстояли свое право «не исчезнуть», жить, причем жить навеки вечные с Русью.

Эти высокопарные слова, к сожалению, пробегают мимо глаз тех, кто срывается, злобством влекомый, на грехи тяжкие, а также и тех, кто, грехи эти никоим образом не воспринимая ни душой, ни разумом, отгораживается от всего родного, корневого, создает вокруг себя этакую безгрешную зону, чистоплюйское пространство и, уверенный, что не грешит, грешит не меньше первых.

17 января 1582 года в Псков прибыл человек, сообщивший о том, что между Русским государством и Польшей заключено десятилетнее перемирие. В 1583 году было заключено трехлетнее перемирие со Швецией. Страна Московия потеряла на сто сорок лет выходы к Балтийскому морю, то есть фактически проиграла двадцатичетырехлетнюю Ливонскую войну.

В том же году умер Андрей Курбский, человек талантливый, добрый, принципиальный. Стоит ли осуждать его за то, что он, отстаивая добролюбивые принципы, предал Родину, воевал против бывших сограждан, изысканно глумился над соотечественниками, оказавшимися в руках врага, ни словом не упомянув об этой беде в третьем послании, а значит, внутренне надеясь на то, что Стефан Баторий возьмет еще и Псков. Опальный князь мечтал сделать Грозного добрым любым путем, даже вмешательством извне. Псковичи решили иначе. И пятидесятипятилетний Курбский скончался, так и не дождавшись кары Господней на Ивана IV Васильевича, на его телохранителей, да и на весь русский народ, очень странный, не желающий себе самому добра «по Курбскому».

Русский царь еще жил.

Золотые ворота

Многие окружавшие Московское государство противники мечтали воспользоваться неудачным для русских финалом Ливонской войны, но сделать это им не удалось, потому что явный провал русских в войне со

Стефаном Баторием оказал незначительное влияние на общее положение дел в царстве Грозного, как это ни странно звучит. Хотя Н. М. Карамзин, например, считал обидное поражение на западе чуть ли не катастрофой, обвинял Ивана IV: «...Иван, имея триста тысяч добрых воинов, терял наши западные владения, уступая их двадцати шести тысячам полумертвых ляхов и немцев...»[1] Многие исследователи того периода жизни главного опричника не могут простить ему проигрыш в Ливонской войне, не желая понимать, что Московии в третьей четверти XVI века нужно было вплотную заниматься Казанским и Астраханским ханствами, а также владениями сибирского хана Кучума, расположенными за Югорским камнем.

В 1563 году этот сын бухарского эмира выиграл долгую борьбу у хана Едигера, пленил его, погубил. Тонкий политик, Кучум внимательно следил за событиями в Восточной Европе, мечтал отнять у русских Казань, где они только-только стали обживаться. В 1569 году во время упомянутого похода османского войска при поддержке крымского хана на Астрахань Кучум изготовился к прыжку на Казань. После того как османы и крымские татары отступили, повелитель Сибирского ханства послал в Москву дань в 1000 соболей. Через два года Девлет-Гирей сжег столицу Русского государства, и Кучум обещаниями материальной и военной поддержки спровоцировал черемисов и другие племена, входящие в Казанское ханство, поднять восстание. В 1573 году его воевода Маметкул перешел через Югорский камень, налетел на русские селения. Узнав о разгроме Девлет-Гирея Хворостининым и Воротынским в битве на Молоди, Кучум вернул Маметкула в Сибирь и десять лет ждал, когда же у Ивана IV Грозного ухудшатся дела.

В конце семидесятых годов у русских начались неприятности в Прибалтике, и Кучум отправил царевича Алея в Пермский край. Он постоянно готов был нанести удар по русским владениям, он даже не догадывался о том, что «Белый Царь» в столь сложный для него момент рискнет снарядить войско и отправит его в Сибирь.

Но восточной проблемой Иван IV занимался постоянно. Еще в 1567 году по его приказу два атамана, Иван Петров и Бурнаш Ялычев, прошли с дружественным визитом в Китай и описали земли от Байкала до Корейского полуострова. Русских манила Сибирь, в те десятилетия слабая в военном отношении и богатейшая ресурсами. И в этой связи нужно признать, что слишком пристальное внимание, уделяемое Иваном Грозным Ливонской войне, его неуемное желание вернуть стране западные области, были, мягко говоря, преждевременными.

Древние китайцы говорили: «Вода течет туда, где ниже...» Военно слабая Сибирь с ее необъятными богатствами и возможностью относительно мирными способами осваивать их, являлась именно той низиной, куда, хотел того Иван Грозный или нет, устремился энергетический поток формирующейся империи.

На западных границах Московского государства ситуация была прямо противоположной. Союз Литвы и Польши резко увеличил военные

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 150.

возможности Речи Посполитой, поддерживаемой католической церковью, сильными государствами Центральной и Западной Европы. Во второй половине XVI века стала усиливаться Швеция. Русские войска одерживали над ней победы, но это лишь раздражало молодого зверя, всегда готового к прыжку. Странная политика крымских ханов, в любую минуту способных переметнуться на сторону Речи Посполитой, отрицательно сказывалась на балансе сил в данном регионе для Русского государства... Воевать до победного конца с могучими соперниками на западных и северо-западных границах было рановато.

История «поправила» яростное желание Ивана IV Грозного выиграть, причем обязательно с большим преимуществом, Ливонскую войну. Здесь нужно было, вспомнив Эпикура, довольствоваться малым. Русский царь по своей натуре не мог стать эпикурейцем. В результате жизнь вынудила его довольствоваться ничем. Но в делах восточных история проявила завидную благосклонность к русским, которые стали упрямо просачиваться в долины Камы и Двины. Иван IV Грозный поддерживал это, надо почеркнуть, невоенное проникновение русскоязычного элемента на восток и северо-восток. Среди «всельников», селившихся в этих богатых краях, был и купец Аникин; согласно легендам, он первый стал торговать с зауральскими жителями. Происходил он, опять же если верить легендам, от ордынца Спиридона. Однажды его схватили татары и за какую-то провинность пытали несчастного тяжкой пыткой, застрогав беднягу насмерть. Его потомки стали носить фамилию Строгановых, столь известную в России и в Москве.

Царь обратил внимание на братьев Якова и Григория Строгановых, деятельных и удачливых. В 1558 году призвал их к себе и после разговора с ними, в котором выяснилось, на что братья способны, дал им жалованные грамоты на громадные территории Пермской земли, разрешив купцам осваивать богатый край, возводить здесь крепости и опорные пункты, строить селения, открывать соляные варницы, предприятия по рудному делу.

Строгановы взялись за дело, переманивая в свои владения «бродяг и бездомников». Вскоре братьям понадобились воины, способные защитить их людей, плоды труда этих людей от набегов кучумовских отрядов. Строгановы, не надеясь на царские полки и дружины, заручились поддержкой Ивана IV Грозного и пригласили на службу волжских атаманов Ермака Тимофеева, Ивана Кольцо и других. Казачьи шайки наносили большой вред государству. Иной раз дело доходило до того, что царь посылал на Волгу и Дон, где буйствовали казаки, крупные карательные отряды, а Ивана Кольцо он за его «подвиги» даже приговорил к смерти. Строгановы в своем письме к атаманам обещали им и их казакам не только милость царя, но и возможность разбогатеть и прославиться ратным трудом.

Суровый царь и в этом вопросе (с подачи Строгановых, разумеется) проявил завидное благоразумие, предоставив буйным казачкам возможность влиться в жизнь страны, проявить себя и свои воинские способности, как говорится, во благо Родины. Этот ход еще раз говорит о том, что Грозный в своей внутренней политике не гнушался опираться на все

слои населения, включая и те, которыми гордые Рюриковичи традиционно пренебрегали, если не сказать больше. А ведь казачки появились на больших торговых дорогах не сами по себе. Сами по себе даже грибы не растут — им почва нужна соответствующая да дожди теплые вперемежку с солнцем.

Иван Грозный относился к атаманам, как к врагам отечества, посылал на казачков крупные отряды, в частности в 1577 году стольник Мурашкин осуществил карательную экспедицию на Волгу. Но просьбу Строгановых он исполнил, разрешив им набирать в свои дружины казаков.

Прочитав послание братьев, атаманы решили круто изменить жизнь и приняли приглашение знаменитых купцов, явились к ним с отрядом в 540 человек. Какая малость! — может воскликнуть читатель, вспомнив Н. М. Карамзина, который говорил, как указано выше, что у Грозного было на счету около 300 тысяч воинов, да не бродяг-убийц, а героев, неоднократно подвигами своими спасавших Родину. Ну, во-первых, войско у русского царя было нерегулярным, во-вторых, у него и средств не хватало оплачивать сомнительные экспедиции и мероприятия, а в-третьих, о чем уже говорилось, эксперимент Строгановых с Ермаком и его «сотоварищи» мог в значительной степени разрядить «разбойное напряжение» на торговых дорогах страны.

В июле 1581 года отряд Ермака разгромил Мурзу Бегулия, и, поверив в казаков, в их воинский талант, Строгановы снарядили 840 человек во главе с Ермаком для похода в Сибирь, в ханство Кучума.

О том знаменитом походе написано много книг, много песен сложено, и поют их благодарные потомки по сей день. Три года шла неравная борьба отряда Ермака с войском Кучума, Маметкула, Карачи. Много побед одержали казаки, но, не поддержанные центральной властью, они не могли справиться с многочисленными врагами да на чужой территории в одиночку. Отряд Ермака таял. Продолжая борьбу, Кучум заманил Ермака в ловушку, напал ночью на его совсем крохотный отряд. Ермак погиб.

Но дело он сделал для Московского государства великое: он сокрушил Сибирское ханство, развеял миф о силе хана Кучума и, главное, подорвал веру в него его подданных. Это был конец одного из последних осколков некогда могучей Орды.

Казаки Ермака «прорубили ворота» в богатейшую страну Сибирь. Местные племена, несмотря на громадную разницу в истории и культуре, были чем-то удивительно похожи на русских людей. Может быть, потому, что и те, и другие — трудяги-«лесовики»: как русского человека, так и сибиряка невозможно представить себе оторванным от леса.

Неизвестно, как бы наградил Иван IV Грозный героев того беспримерного по сложности похода и Ермака, не случись с атаманом беда неминучая, но с тех пор сибирские богатства (мех, дерево, мед, ягода, другие дары леса, могучих рек) укрепляли казну и в значительной степени влияли на все дела Русского государства. Сибирь явилась тем самым рычагом, который, опираясь на Югорский камень, как точку опоры, стал медленно поднимать Московское государство над Евразией.

Еще не вечер

Зимой 1584 года к Земле явилась комета. Иван IV, увидав ее с Красного крыльца, сказал гордо и грустно: «Вот знамение моей смерти». До этого момента он упорно боролся с болезнью. Его организм, измотанный громадным нервным напряжением, адскими сладострастными оргиями, устал от огня и крови, отработал свое. Лишь усилием воли Грозный еще заставлял его работать. Убийство собственного сына подорвало эту могучую силу. Царь угасал на глазах, но сопротивлялся, не верил в близкую смерть, мечтал... жениться (в восьмой раз!) на племяннице английской королевы, несмотря на то, что очередная его жена родила ему сына Дмитрия. Он верил в чудо. Но вместо чуда явилась на земные небеса комета, и царь резко сдал.



Большая государственная печать Иоанна IV

Не доверяя никому, даже Богу, Иван IV Васильевич призвал в Москву шестьдесят волхвов из глухих русских селений и из Лапландии, поселил их в столице и ежедневно посылал к ним Бельского, которому языческие знатоки комментировали поведение земной гостьи. Видимо, ничего хорошего для Грозного они не говорили, и царь вдруг опасно заболел: тело его стало пухнуть, гнить изнутри, источая отвратительный запах разложения.

Смерть надвигалась быстро. Комета не улетала. Волхвы не радовали. На вопрос о том, когда он умрет, они ответили единогласно: вечером 18 марта. Иван IV, узнав об этом, приказал им молчать, чтобы не тревожить московский люд, а заодно уведомил их о том, что если они обманулись в своих расчетах, то их всех сожгут на костре.

Шестьдесят волхвов, царские слуги, бояре, приближенные к дурно пахнущему телу, сам Иван Грозный с волнением ожидали этот день. Семнадцатого марта царю стало лучше. Он тут же забыл о думах, истомивших его в последние недели, быстро превращался в самого себя. На следующий день он сказал Бельскому: «Объяви волхвам, что я не забыл про казнь. Костер ждет их». Волхвы на это спокойно ответили: «Еще не вечер. Солнце еще не зашло». Уговор есть уговор. Зайдет солнце, и заполыхает костер.

Царю приготовили теплую ванну. Он пролежал в ней три часа. Ему было хорошо. Все лучше становилось Ивану IV Васильевичу, и, видимо, в головушке его буйной рождались страшные мысли и планы. Шестьдесят волхвов-болтунов сгорят завтра прилюдно. Но останавливаться на этом никак нельзя. Надо всех волхвов изничтожить, дров в стране хватит.

Впрочем, Грозный мог думать и о другом. Например, о племяннице английской королевы, о будущих ласках перегнившего, перестрадавшего, победившего болезнь пятидесятитрехлетнего монарха с недавно пережившей оспу, но победившей болезнь англичанкой. Эта пара могла многое изменить в европейских делах, во внешнеполитических делах Московии.

После ванны он, очень радостный, лег на кровать, потом встал, надел халат, потребовал шахматную доску, расставил фигуры, хотел выиграть — он любил выигрывать — в шахматы у Бельского, недобро улыбнулся и... завалился на пол, бездыханный. Болезнь проявила к этому человеку милосердие. Умер он не в муках боли, как, например, закопченный Воротынский; не в судорогах удушаемого равнодушными крепкими лапами опричников, не в томящей голодной тоске под шорох крупных крыс, истинных хозяев «кромешных» темниц... умер он, тепленький, после теплой ванны, в предвкушении очередной победы над неглупым царедворцем Бельским.

В некоторых источниках говорится о том, что Иван Грозный умер чуточку позже, не до первого хода, а в процессе игры. Мол, Бельский неосторожным словом (или победным ходом?) вызвал у царя приступ страшного гнева, с которым ослабленный организм справиться уже не смог. В разных источниках приводятся и разные даты смерти Грозного: 18 и 19 марта. Так или иначе, но сразу после смерти над еще не остывшим от гнева и от жизни трупом священнослужители совершили обряд пострижения, назвали его Ионой, исполнив волю скончавшегося. Спас ли этого человека монашеский сан от ада, простил ли Всевышний все грехи тяжкие Ивану IV Васильевичу, о том летописцы и позднейшие историки умалчивают, не жалея слов на лестные и нелестные оценки Грозного, первого русского царя.

Итоги жизни

Чтобы не впадать в неоправданную эйфорию, в обвинительный или оправдательный экстаз, нужно сказать сразу: в мировой истории Иван IV Грозный рекордсменом ни по величию, ни по злодейству не является, хотя по многим показателям он надежно входит в двадцатку, а то и в десятку лидеров. Именно поэтому, например, многие добролюбивые историки обзывают его «кровопийцей»... Но если говорить очень коротко и непредвзято, то что же можно сказать об итогах жизни первого русского царя?

1. Он имел семь жен (по некоторым данным, чуть больше), и этот результат ни один инка, ни один владелец азиатского гарема не признает выдающимся.

2. Грозный за семь лет опричнины (да и в последующие годы) попытался извести род Рюриковичей, нанес князьям-олигархам сокрушительный удар. Атауальпа, Цинь Шихуанди, «герои» гражданских войн в Риме, Вильгельм Завоеватель на Альбионе и многие другие «кромешники» в иные времена и в иных странах делали то же самое, то есть уничтожали олигархов, и даже с еще большим размахом, с большей кровожадностью и нетерпимостью.

3. Покорив в первые годы своего самостоятельного правления Казань, Астрахань, он как завоеватель выглядит гораздо слабее Саргона I Аккадского и Ашоки из династии Маурьев, Асархаддона и Кира Великого, Александра Македонского и Юлия Цезаря...

4. Отправляя послов-разведчиков «с дружественным визитом» на восток, он сильно уступает многочисленным правителям, организовывавшим экспедиции в дальние страны, начиная с древнеегипетской царицы Хатшепсут и кончая руководителями Советского Союза с их смелым прорывом в космос.

5. Как писатель Грозный тоже не единственный, кто писал, сидя на троне. Давид, Соломон, Цезарь, Бабур, Исмаил I и другие государственники-творцы оставили после себя значительное литературное наследство.

6. Как законодатель Иван IV Васильевич уступает египетским фараонам и Хаммурапи, Моисею (автору Синайского законодательства) и Ликургу, по законам которого Спарта жила и побеждала несколько сот лет, тому же Ивану III, Наполеону, отцам-основателям Соединенных Штатов Северной Америки, да и творцам Великой Октябрьской социалистической революции, буквально в считанные мгновения перевернувшим Российскую империю, образовавшим по сути своей новое государство на старой территории, дав ему при этом новые законы.

7. В убийстве сына своего Грозный-повелитель-отец был тоже не одинок, к несчастью для убитых сыновей.

8. В своей эпохе Иван Грозный тоже не является личностью уникальной по всем показателям, и подтверждением тому служат биографии политических деятелей XVI века. Испанский король Филипп II возглавил католическую реакцию в Европе и инквизицию. В результате его жестоких мер Испания ослабла, а в Нидерландах вспыхнула буржуазная революция. Английская королева Мария Тюдор, возглавившая жесточайшие гонения на протестантов, получила имя Кровавой не зря. Английский король Генрих VIII издал кровавые законы против крестьян, которых сгоняли с земель и вынуждали превращаться в наемных рабочих. Турецкий султан Селим I Грозный (это прозвище было в ходу не только у русских) на рубеже XV — XVI веков покорил Восточную Анатолию, Армению, Курдистан, Северный Ирак, Сирию, Палестину, Египет, Хиджаз...

Уже перечисленные достижения и итоги жизни и деятельности царя Ивана IV Васильевича говорят о том, что он — больше обыкновенный, чем великий и гениальный, но, стоит повториться, обыкновенный в двадцатке, а то и в десятке государственных деятелей, «посеянных» мировой историей в те точки пространственно-временного поля, из которых державы, управляемые ими, начинали свое шествие к империям.

Ивана IV Васильевича нельзя обвинять во многих глобальных проектах, даже в организации опричнины, которая, как говорилось выше, являлась не причиной, но следствием сложного движения Московского государства на важнейшем участке истории, но Грозного нельзя прощать за каждого конкретного человека, преданного им казни, за убийство сына, за сексуальную распущенность, за князя Воротынского... и так далее, и так далее, и так далее.

* * *

А Москве в годы правления Ивана IV Васильевича крупно не повезло. Государь-царь занимался больше созданием державы, чем ее столицей. Но все же след его в Москве велик. Город несколько раз опустошался пожарами, а царь не проявлял особого рвения к восстановлению города, как то было в годы правления его отца и деда. Но, несмотря на лихие беды и некоторое равнодушие к делам московским со стороны царя, Москва расширялась, появлялись на ее улицах новые здания, в том числе каменные.

В 1543 году итальянский мастер Петр Фрязин (Малый) при колокольне Ивана Великого (Святого), заложенной еще в 1532 году, но окончательно построенной в 1600 году, возвел в Кремле храм Воскресения, который достраивали уже русские зодчие, в 1552 году приделав к храму лестницы. К этому времени отечественные строители, переняв секреты мастерства у зарубежных архитекторов и инженеров, «выработали свой самобытный, своеобразный Русский стиль церковных построек, превращая старозаветные типы и образы своих деревянных строений в кирпичные сооружения с прибавкою к ним фряжских образцов, что касалось мелких деталей по преимуществу в так называемых обломах по отделке и украшению поясов, карнизов и всяких подзоров»[1].

Собор Покрова, построенный в честь взятия Казани, построен именно в этом стиле.

В 1561 году Иван IV Васильевич возвел для своих сыновей во дворце особые хоромы с храмом Сретения Господня.

В 1563 — 1564 годах над папертями Благовещенского собора были надстроены четыре придела.

В 1565 году неподалеку от колокольни Ивана Великого построена Посольская палата.

Во времена Ивана Грозного было основано много городов в разных районах и областях, а так как московский люд часто переселялся на новые земли, и, кроме того, столицу опустошали опричники, пожары и другие беды, то не вызовет удивления свидетельство посла папы римского Антонио Поссевино, по мнению которого, в Москве в 1581 году насчитывалось всего тридцать тысяч человек, то есть в пять раз меньше, чем десять — двадцать лет назад. К оценкам зарубежных свидетелей нужно относиться осторожно. Дело в том, что они могли не видеть московские окрестные села, где, вполне вероятно, расселялись после гибельных пожаров обитатели столицы на время восстановления домов в городе. Во всяком случае тридцать тысяч населения для столицы громадного государства, к тому же города-труженика и купца, — цифра, говорящая красноречиво о людских потерях при первом царе московском.

Портрет Ивана Грозного, написанный пером разных историков

«Время Ивана Грозного привлекает к себе внимание ученых и беллетристов необычайным в русской истории драматизмом положений и

[1]. *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 156—157.

яркостью характеров. В эпохе Грозного много содержания: бурное детство великого князя; период светлых реформ и счастливых войн на востоке; ссора с советниками и опала на них; опричнина, которая была, в сущности, глубоким государственным переворотом; сложный общественный кризис, приведший к опустошению государственного центра; тяжелая и неудачная борьба за балтийский берег — вот главнейшие факты, подлежащие нашему вниманию в царствование Ивана Грозного»[1].

«Рожденный с пылкою душою, редким умом, особенною силою воли, он имел бы все главные качества великого монарха, если бы воспитание образовало или усовершенствовало в нем дары природы; но рано лишенный отца и матери и преданный в волю буйных вельмож, ослепленных безрассудным, личным властолюбием, был на престоле несчастнейшим сиротою державы Российской: ибо не только для себя и для миллионов готовил несчастие своими пороками, легко возникающими при самых лучших естественных свойствах, когда еще ум, исправитель страстей, нем в юной душе и если, вместо его, мудрый пестун не изъясняет ей законов нравственности»[2].

«Иван Васильевич, одаренный... в высшей степени нервным темпераментом и с детства нравственно испорченный, уже в юности начал привыкать ко злу и, так сказать, находить удовольствие в картинности зла, как показывают его вычурные истязания над псковичами. Как всегда бывает с ему подобными натурами, он был до крайности труслив в то время, когда ему представлялась опасность, и без удержу смел и нагл тогда, когда был уверен в своей безопасности; самая трусость нередко подвигает таких людей на поступки, на которые не решились бы другие, более рассудительные»[3].

«Он (Иван IV Васильевич. — *А. Т.*) в такой трезвости держит своих людей, что ни в чем не уступает татарам, рабом которых некогда был; и он оберегает свободу не мягким сукном, не сверкающим золотом, но железом; и он держит людей своих во всеоружии, укрепляет крепости постоянной охраной; он не выпрашивает мира, а отвечает на силу силой, умеренность его народа равна умеренности, а трезвость — трезвости татарской; говорят, что образом жизни он подражает образу жизни нашего героя Витовта»[4].

«Сия набожность Иванова, неискренняя любовь к добродетельной супруге, не могли укротить его пылкой, беспокойной души, стремительной в движениях гнева, приученной к шумной праздности, к забавам грубым, неблагочинным. Он любил показать себя царем, но не в делах мудрого правления, а в наказаниях, в необузданности прихотей; играл, так сказать, милостями и опалами: умножая число любимцев, еще более умножал число отверженных; своевольствовал, чтобы доказывать свою независимость, и еще зависел от вельмож, ибо не трудился в усвоении

---

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 198.
[2] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 469 — 470.
[3] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. I. С. 366.
[4] *Михалон Литвин.* Указ. соч. С. 80.

царства и не знал, что государь истинно независимый есть только государь доброжелательный»[1].

«Одностороннее, себялюбивое и мнительное направление его политической мысли при его нервной возбужденности лишило его практического такта, политического глазомера, чутья действительности, и, успешно предприняв завершение государства, заложенного его предками, он незаметно для себя кончил тем, что поколебал самые основания этого порядка. Карамзин преувеличил очень немного, поставив царствование Ивана — одно из прекраснейших по началу — по конечным его результатам наряду с монгольским игом и бедствиями удельного времени. Вражде и произволу царь жертвовал и собой, и своей династией, и государственным благом. Его можно сравнить с тем ветхозаветным слепым богатырем, который, чтобы погубить своих врагов, на самого себя повалил здание, на крыше которого эти враги сидели»[2].

«Он был велик ростом, строен; имел высокие плечи, крепкие мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный ус, нос римский, глаза небольшие, серые, но светлые, проницательные, исполненные огня, и лицо некогда приятное. В сие время он так изменился, что нельзя было узнать его: на лице изображалась мрачная свирепость; все черты лица исказились; взор угас; а на голове и в бороде не осталось почти ни одного волоса, от неизъяснимого действия ярости, которая кипела в душе его» (Иван Грозный вернулся из Александровской слободы, уже готовый объявить опричнину. — *А. Т.*)[3].

«...Ясно, что мы имеем дело с крупным дельцом, понимавшим политическую обстановку и способным на широкую постановку правительственных задач. Одинаково и тогда, когда с «избранной радой» Грозный вел свои первые войны и реформы, и тогда, когда позднее, без «рады», он совершал свой государственный переворот в опричнине, брал Ливонию и Полоцк и колонизовал «дикое поле», — он выступает перед нами с широкой программой и значительной энергией. Сам ли он ведет свое правительство или только умеет выбирать вожаков, — все равно: это правительство всегда обладает необходимыми политическими качествами, хотя не всегда имеет успех и удачу. Недаром шведский король Иоанн, в противоположность Грозному, называл его преемника московским словом «durak», отмечая, что со смертью Грозного в Москве не стало умного и сильного государя»[4].

«В заключение скажем, что добрая слава Иванова пережила его худую славу в народной памяти: стенания умолкли, жертвы истлели, и старые предания затмились новейшими; но имя Иваново блистало на Судебнике и напоминало приобретение трех царств монгольских: доказательства дел ужасных лежали в книгохранилищах, а народ в течение веков видел Казань, Астрахань, Сибирь как живые монументы Царя — Завоевателя: чтил в нем знаменитого виновника нашей государственной

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 476 — 477.

[2] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. II, лекция 30 из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Т. V — VIII. Калуга: Золотая аллея, 1995. С. 575.

[3] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 34

[4] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 213.

силы, нашего гражданского образования; отвергнул или забыл название Мучителя, данное ему современниками, и по темным слухам о жестокости Ивановой доныне именует только Грозным, не различая внука с дедом, так названным древнею Россиею в хвалу, нежели в укоризну. История злопамятнее народа»[1].

Основные события жизни Ивана IV Грозного

1530 год. 25 августа у Елены Глинской, второй жены Василия III Ивановича, родился сын Иван.

1533 год. После смерти Василия III страной правила Елена, опираясь на Верховную думу, состоящую из двадцати знаменитых бояр. За четыре года ее правления были загублены два единоутробных брата Василия III, другие близкие к трону люди. Тогда же при малолетнем царевиче был создан Опекунский совет из семи человек.

1534 год. Опекунский совет из-за непримиримых разногласий с Думой был распущен.

По приказу Елены 20 мая начали копать ров от реки Неглинной вокруг Посада к Москве-реке.

1535, 1537 годы. Москву два раза посетили послы шведского короля Густава Вазы. В результате между Швецией и Русским государством было заключено шестилетнее перемирие.

Заключен семнадцатилетний мир с Ливонией. Елена и Боярская дума поддерживали хорошие взаимоотношения с Молдавией, Османской империей, пытались наладить дипломатические связи с Карлом V, его братом Фердинандом, королем венгерским и богемским.

Продолжились с переменным успехом военные действия между Литвой и Москвой.

Была заложена вдоль рва стена с четырьмя воротами. Новый город получил татарское название Китай.

1538 год. Елена Глинская скоропостижно скончалась 3 апреля.

1538 — 1547 годы. До воцарения Ивана IV Васильевича в Думе несколько раз побеждала то одна группировка, то другая. Смена власти сопровождалась кровопролитной борьбой, жестокостями, свидетелем диких сцен в детстве и отрочестве был Иван Васильевич.

1542 год. В Москву прибыл архиепископ Новгородский Макарий, назначенный митрополитом всея Руси. Вместе с ним в столицу перебрались те, с кем он собирал «великие миней-четьи», в том числе Сильвестр, оказавший заметное влияние на воспитание и образование Ивана IV Васильевича.

В Москве заключено очередное перемирие с Литвой на семь лет. Сложными оставались взаимоотношения Москвы с Казанским и Крымским ханствами. С Астраханью и Молдавией отношения были дружественными.

1547 год. 16 января Иван IV Васильевич венчался на царство.

13 февраля в храме Богоматери был совершен обряд бракосочетания Ивана IV Васильевича и Анастасии, дочери окольничего Романа Юрьевича Захарьина.

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 190.

Трижды — 12 апреля, 20 апреля, 24 июня — горела Москва. Июньский пожар, разразившийся в сильную бурю, был самым страшным и опустошительным за многие века. Народ обвинил в поджогах Глинских. Князь Юрий, сын княгини Анны, бабки царя, был убит, имения Глинских разграблены.

Потрясенный Иван IV Васильевич под благотворным воздействием Сильвестра начал изменяться в лучшую сторону, и наступил самый плодотворный и конструктивный тринадцатилетний период правления царя. Ему помогала «Избранная рада» (по А. Курбскому), или «Священный союз» (по Н. М. Карамзину).

1550 год. По предложению царя было пересмотрено и дополнено Уложение Ивана III; результатом этой работы стал Судебник, вышедший в 1550 году и ставший вторым полным сводом законов Русского государства.

Из боярских детей выбрана тысяча наилучших, которых наделили в окрестностях Москвы поместными землями, что явилось годом рождения московского дворянства.

1550 — 1551 годы. В Москве заседал Собор слуг Божиих, Стоглавый собор. Был составлен «Стоглав» — сборник постановлений канонического характера.

1552 год. Русское войско взяло Казань.

1553 год. Во время тяжелой болезни Ивана IV Васильевича выяснилось, что члены Избранной рады, на которых опирался и в которых верил царь, хотят воцарения двоюродного брата Грозного, князя Владимира Андреевича, а не прямого наследника, малолетнего Дмитрия. После этого у царя начались столкновения с боярами.

В Двинский залив вошел английский корабль капитана Ченселера, которого доставили в Москву. Между Иваном IV Васильевичем и Марией Тюдор была протянута нить, впрочем, еле видимая, взаимоотношений.

1554 год. 28 марта родился второй сын Ивана IV, Иван. Царь в порыве радостных чувств написал завещание, в котором объявил Владимира Андреевича наследником трона в случае, если новорожденный умрет в детстве.

1555 год. Поход Девлет-Гирея, крымского хана, в пределы Русского государства закончился безуспешно. Хан лишился богатейшего обоза, погибло много воинов, однако на следующий год он вновь ходил на Русь.

1556 год. Русское войско заняло Астрахань. На следующий год Астраханское ханство полностью было подчинено Русскому государству.

1557 год. После подчинения Казани и Астрахани сибирский князь Едигер, признав силу Москвы, стал платить русским ежегодную дань: с каждого человека по соболю и белке. В Сибирском ханстве в то время насчитывалось тридцать тысяч семьсот человек.

Иосиф Непей, вологжанин, отправился со второй экспедицией Ченселера в Англию. Корабли попали в шторм. Ченселер погиб. Иосиф Непей был доброжелательно принят Марией Тюдор. Осенью вологжанин вернулся в Москву с ремесленниками, рудокопами и медиками.

1557 — 1559 годы. Между Иваном IV Васильевичем и Радой обнаружилось взаимное непонимание на почве ведения Ливонской войны. Царь провел реорганизацию в войске, заметно усилив его. Русские выиграли Ливонскую войну. Добить орден помешали ходатайства датского короля Фридерика II, а также грабительские налеты на Русь Девлет-Гирея.

1558 год. Ливонская война в 1560 году переродилась в Литовскую, а затем и в Шведскую.

1560 год. Ливонцы начали боевые действия против Московского государства, надеясь на поддержку извне.

Умерла Анастасия. Закончился победоносный период в жизни Ивана IV Васильевича.

Произошел разрыв Избранной рады с Иваном IV Васильевичем. Сильвестра и Адашева сослали, начались репрессии царя против бояр.

1561 год. 21 августа состоялось бракосочетание Ивана IV Васильевича и Марии, дочери знатного черкесского князя Темрюка.

28 ноября Ливонский орден прекратил свое существование.

1562 — 1563 годы. Началась война с Литвой.

1563 год. 15 февраля русские войска во главе с Иваном IV взяли Полоцк.

Умер Юрий, брат Ивана IV Васильевича.

Умер митрополит Макарий.

1560 — 1563 годы. Духовником Ивана IV Васильевича Андреем (позже митрополитом Афанасием) была составлена Степенная книга, в которой автор-составитель изложил русскую историю от Владимира I Святославича до Ивана IV включительно.

1563 год. Иван IV Васильевич повелел, а митрополит Макарий благословил учредить Печатный двор (типографию Ивана Федорова), которую расположили в том месте, где в настоящее время стоит дом № 15 на Никольской улице.

1563 — 1564 годы. После неудачных переговоров продолжилась война с Литвой.

1564 год. Иван Федоров, дьякон церкви Святого Николая Гостунского, и Петр Тимофеевич Мстиславец издали первую печатную русскую книгу «Апостол» — новозаветные книги Деяния и Послания апостолов Христа.

Началось бегство князей и бояр, напуганных жестокостью Ивана IV Васильевича, в Литву.

В Литву сбежал князь Андрей Курбский.

В начале декабря царь покинул Москву с огромным обозом и отправился в неизвестном для бояр и горожан направлении. К Рождеству Христову он прибыл в Александровскую слободу, которая стала на долгие годы его резиденцией.

1565 год. В феврале, после того как бояре и чиновники несколько раз слезно просили Ивана IV Васильевича вернуться в Москву и воссесть на русский престол, царь прибыл в столицу, «созвал духовенство, бояр и знатнейших чиновников» и предложил им ознакомиться с уставом опричнины.

Девлет-Гирей осуществил поход на территорию Русского государства, дошел до Болхова, взять город не смог, отступил. Король польский и великий князь литовский Сигизмунд, несмотря на обещания, не поддержал его.

1566 год. Земский собор, уловив настроение Ивана IV Васильевича, высказался за продолжение войны с Литвой, которая до этого готова была пойти на любые уступки ради заключения мира.

В июле в сан митрополита был возведен игумен Соловецкого монастыря Филипп (Колычев). Он долго отказывался от верховного сана Православной русской церкви из-за неприятия опричнины.

В Соловецком монастыре скончался Сильвестр.

1567 год. Девлет-Гирей ходил на земли Сигизмунда.

Иван IV Васильевич совершил поход в Литву. Не взял ни одного города, вернулся в столицу, оставив войско в Великих Луках и Торопце.

1568 год. Аналогичный по последствиям поход на Русь совершил Сигизмунд.

Митрополита Филиппа лишили сана и отправили в Тверской монастырь (Отрочий).

1569 год. Заключено соглашение (Люблинская уния) об объединении Польского королевства и Великого княжества Литовского и образовании Речи Посполитой.

Султан Селим II послал на Астрахань крупное войско. Поход оказался неудачным.

Умерла вторая супруга Ивана IV Васильевича, княгиня Мария. Опричники пустили в народе слух о том, что ее отравили, и начались новые, еще более страшные убийства и гонения.

Иван IV Васильевич заставил Владимира Андреевича, его супругу и их детей выпить яд, якобы в наказание за измену.

Иван IV Васильевич вывел из Пскова пятьсот семейств, а из Новгорода — сто пятьдесят семейств, поселил их в Москве.

В декабре отряды опричников разорили земли, принадлежавшие когда-то Тверскому княжеству. Малюта Скуратов, посланный Иваном IV Васильевичем, задушил митрополита Филиппа.

1570 год. Около шести недель Иван IV Васильевич и его опричники разоряли Новгород и убивали там всех без разбора. Город опустел. На многолюдной совсем недавно Торговой площади сломали опустевшие дома и возвели на их месте дворец царя.

В Москве на Торговой площади в Китай-городе 25 июля были установлены восемнадцать виселиц, рядом, на скамьях, уложили орудия пыток. Здесь же над огромным костром кипела в котле вода. Начались московские казни, руководил которыми любимый народом Иван IV Васильевич. Казнили «изменников», в том числе и... некоторых опричников.

1571 год. Девлет-Гирей осуществил поход на Москву, 24 мая подошел к городу, поджег со всех сторон посады. Брать город хан не стал, ушел в степь.

28 октября Иван IV Васильевич в третий раз женился. Его супругой стала Марфа Васильевна Собакина. Через две недели она умерла.

1572 год. Царь всея Руси женился на Анне Алексеевне Колтовской.

Русские войска разгромили вновь вторгнувшегося на Русь Девлет-Гирея в битве на реке Рожай, и налетчик бесславно удалился в степи.

Ливонская война продолжалась. Иван IV Васильевич возглавил восьмидесятитысячное войско в походе на Нарву, крепость в Эстонии, взял город. Во время штурма погиб Малюта Скуратов, один из самых оголтелых опричников.

Умер Сигизмунд II Август, король польский с 1530 года и великий князь литовский с 1529 года.

Иван IV Васильевич выставил свою кандидатуру на престол Речи Посполитой. Но сейм избрал Генриха Валуа, который в 1574 году отбыл во Францию.

Слово «опричнина» заменено словом «двор».

1573 год. Война в Ливонии на время прекратилась. Датский принц Магнус женился на княжне Марии Владимировне.

1575 год. Между Швецией и Русским государством заключено перемирие на два года, однако военные действия возобновились в Ливонии.

Иван IV Васильевич женился в пятый раз. Супругой его теперь стала Анна Васильчикова.

Ок. 1576 года. Иван IV Васильевич, сослав Анну Васильчикову в Тихвинский монастырь, женился в шестой раз на вдове Василисе Мелентьевой.

1576 год. Семиградский князь Стефан Баторий стал королем Речи Посполитой, и ситуация в Ливонской войне резко изменилась не в пользу русских.

Девлет-Гирей осуществил очередной поход на Русь, но, узнав о крупных силах противника, сосредоточенных на Оке и в Калуге, где находился сам Иван IV, повернул назад.

1577 год. Русское пятидесятитысячное войско подошло к Ревелю, но взять город не смогло.

Русские войска во главе с Иваном IV Васильевичем взяли крепость Венден. Немцы, находившиеся в городе, заперлись со своим имуществом в замке и не хотели выходить. Царь приказал расстрелять замок из пушек. Немцы подорвали порох, замок взлетел на воздух. В развалинах нашли Бойсмана, чудом уцелевшего, но едва дышащего. Через несколько минут он умер. Труп посадили на кол. «Венденская кара» возбудила у местного населения страшную ненависть к русским.

29 июня умер Девлет-Гирей. Крымским ханом стал Магмет-Гирей.

1578 год. Между Данией и Русским государством было заключено перемирие на пятнадцать лет на очень выгодных для Ивана IV условиях. Недовольный этим договором король Дании лишил милости своих послов, подписавших важный документ.

1579 год. Стефан Баторий отбил у русских Полоцк.

1580 год. Польский король взял Великие Луки.

В январе царь созвал Земский собор, на котором обсуждались два вопроса: мирные переговоры с Речью Посполитой и предложение Ивана IV Васильевича, в котором царь потребовал от церкви вернуть государству все земли и селения, отказанные в те или иные годы духовенству князьями.

Грозный женился (в седьмой раз) на Марии Федоровне Нагой.

1582 год. У Марии Федоровны родился сын Дмитрий Иванович.

Войско Стефана Батория осадило Псков. Лишь героизм и самоотверженность защитников спасли город от беды.

Между Стефаном Баторием и Иваном Грозным было заключено перемирие на десять лет. Русские уступили победителям все завоеванные в этой войне земли.

1583 год. Иван IV Васильевич заключил на невыгодных для Русского государства условиях мир со Швецией. Ливонская война была полностью Грозным проиграна.

26 мая Иван IV Васильевич заключил со шведами перемирие сначала на два месяца, а затем на три года, уступив противнику после короткой войны Яму, Иван-город и Копорье.

1582 — 1584 годы. Ермак завоевал Западную Сибирь, что резко улучшило экономическое и внешнеполитическое положение Московского государства.

1584 год. В устье Северной Двины основан город Архангельск.

18 марта умер Иван IV Васильевич Грозный.

Федор Иванович

(1557 — 1598)

Первый сын царицы Анастасии

Старший сын царицы Анастасии Иван, родившийся в 1554 году, был, по мнению многих летописцев и современников, «вторым Грозным». Похожий на отца внешне, он и характером, и разбойной натурой, и «чувствительностью к славе», и страстным женолюбством напоминал Ивана Грозного. Царь, не скрывая ни от кого своих намерений, готовил сына себе в воспреемники. Народ, особенно бояре да князья, с ужасом следил за этой «подготовкой». В 1582 году сын Иван уже кое в чем обогнал отца: он отправил двух жен, Сабурову и Соловую, в монастырь, имел третью супругу, Елену Ивановну Шереметеву. Кроме законных жен, у наследника московского престола было много наложниц. Иностранные источники повествуют о страшных злодействах Ивана Ивановича. Участвуя в пытках и казнях, он топтал тела убитых, вонзал в их трупы острый жезл свой. От отца к сыну передался интерес к литературному творчеству, и так же, как отец, был он мстителен. Однажды его фаворитка-любовница пожаловалась на своих подружек, посмеивающихся над ней. Возмущенный престолонаследник доложил об этом отцу. Тот повелел привести нескромных болтушек ко двору, слуги кинулись исполнять приказ, а царь в это время придумал для провинившихся наказание. Девушек раздели донага в присутствии толпы зевак и заставили бегать по сугробам; зима была в тот год студеная, снежная. Иван Васильевич сказал спокойно любовнице своего сына, которую он прекрасно знал еще до того, как она стала наложницей Ивана Ивановича: «Они смеялись над тобой — теперь ты посмейся над ними».

Впрочем, к делам государственным у наследника тоже была немалая склонность, жаждал он и подвигов на бранном поле, во всяком случае его готовность возглавить русское воинство историками зафиксирована.

В 1582 году во время переговоров о мире с послами Стефана Батория, войска которого пытались взять Псков, Иван Иванович не остался равнодушным к ходу переговоров. Он видел грустные глаза бояр и воевод — прекрасных русских полководцев, ни в чем не уступавших военачальникам Речи Посполитой, да и самому Стефану Баторию, — вспоминал великолепные победы русских войск и верил, двадцатисемилетний

азартный человек, что неудачи последних лет случайны, что ход войны еще можно изменить. Он был молод и упрям, он был горяч и несдержан. Он выслушал горестные слова бояр и смело пошел к отцу: «Дай мне войско! Я освобожу Псков, выгоню Батория с Русской земли!»



Грозный вдруг возмутился. Он увидел в сыне своем силу, решимость постоять за Отечество и... испугался этой силы, способной, при некотором стечении обстоятельств, сокрушить его самого, уже состарившегося, измотанного оргиями, опричниной и нервными перегрузками.

Многие ученые считают верной иную версию последнего разговора Ивана-сына с Иваном-отцом, согласно которой между царем и наследником произошла драка из-за избиения Грозным беременной невестки, Елены Ивановны Шереметевой. Надо заметить, что эти две версии, во-первых, не противоречат одна другой, а во-вторых, могут взаимодополнять друг друга: жена могла присутствовать при полыхнувшей вдруг ссоре и воздействовать на нее как поддувало, разжигающее страшный огонь в душах царя и своего мужа. Важно здесь другое. Иван Грозный, как это ни шокирующе будет выглядеть, не в тот, так в другой день убил бы своего сына, просто обязан был это сделать. Так поступал он всегда с верными подданными. А этого последнего, достойного воссесть на московском троне вместо него, он не пощадил бы тем более.

Конечно, останься жить первый сын Анастасии, продлилось бы еще на некоторое время существование и правление «на Москве» славного рода Рюриковичей, но возродить его не в силах были даже самые сильные и мудрые государственные деятели. Финал жизни Грозного, прошедшей в гонениях на Рюриковичей, был бы нелогичен. И даже не потому, что, как пишет Карамзин, царствование жестокое готовит царствование слабое, а потому, что, уничтожая методично и хладнокровно своих конкурентов на троне, Иван IV уничтожил свой род и по логике вещей должен был самоуничтожиться, истребив предварительно все потомство.

...Грозный вмиг рассвирепел, набросился на сына с диким ревом: «Ты хочешь со своими боярами сбросить меня с престола и занять мое место!» Тут, согласно летописным сведениям, в драку вмешался тридцатидвухлетний Борис Годунов, из тех, кого Рюриковичи называли безродными. Очень логичное вмешательство. Очень странный исход драки

между одряхлевшим Грозным и двумя тридцатилетними крепкими мужиками. Странная была драка.

А может быть, и не было никакой потасовки между отцом и сыном? Может быть, они лишь словесно «дрались» друг с другом, после чего разъяренный царь ударил сына своим жезлом? После первого удара царя Борис Годунов, вероятнее всего, бросился на помощь Ивану-сыну, но это вмешательство, наверняка этакое «бархатное», нерешительное, лишь разозлило Грозного. Бориса, впрочем, понять можно. Отнять жезл у царя или остудить жар разъяренной души хорошим ударом в лоб или в челюсть он бы не посмел, а только эти экстренные меры могли спасти обреченного Ивана-сына. Грозный, во гневе позабывший, что перед ним не жертва «кромешных» пыток, но собственный сын, последняя надежда рода Рюриковичей, нанес обреченному еще несколько ударов — самый сильный из них в голову.

Иван Иванович окровавленный рухнул на пол, на богатый ковер. И Грозный вмиг изменился, бросился к сыну, забыл о царском величии, обо всем на свете забыл отец-сыноубийца, обнял голову чада своего, прижал ее, кровомокрую, к груди и завыл, зарыдал: «Я убил сына!» и голосом не своим, не царским, не грозным, а отеческим, отчаянным, безысходным стал звать на помощь людей-лекарей, пытаясь дрожащими ладонями остановить густой поток крови, бьющей упругим фонтаном из смертельной глубокой раны.

Иван IV Васильевич, логически завершив дело своей жизни, не мог в те страшные мгновения принять эту жестокую логику, он видел глаза умирающего сына и просил у него прощения, просил у Бога помощи, а сын, забыв о воеводах, смотрел в глаза отца, не мятежные совсем, но мятущиеся, ищущие, безнадежно взволнованные, и, как настоящий Рюрикович, шептал отцу добрые слова напутствия: «Не отчаивайся, ты ни в чем не повинен, я умираю твоим верным сыном и подданным. Успокойся!» Никогда ранее эти два человека не испытывали друг к другу такой нежности, такой жалости. Все, что было в их жизни дикого, бесчеловечного, необузданного до того рокового удара, вдруг куда-то исчезло. Совместные пытки и казни, наложницы и гулянки, друзья и враги — все ушло. Осталось — родное. Родная кровь родного сына, убиенного родным отцом. 19 ноября в Александровской слободе умер Иван Иванович. Три дня просидел у гроба Иван Грозный. Молча сидел, не думая ни о чем. На сына смотрел.

Через несколько дней принесли гроб с телом в Москву и в храме Святого Михаила Архангела предали сына Грозного земле. На похоронах царь Иван дал волю чувствам: он кричал, одетый по-простому, по-человеческому, бился о гроб головой да о землю, и люди плакали. Много людей хоронили Ивана-сына, и все они плакали, и в слезах всеобщих было нечто большее, чем обыкновенная жалость, столь естественная для добрых душ в похоронный час: в той печали было предчувствие великой трагедии.

Звонарь

Царица Анастасия в 1557 году родила сына Федора, для трона совсем непригодного, тихого, кроткого. «Не наследовав ума царственного, Фе-

дор не имел ни сановитой наружности отца, ни мужественной красоты деда и прадеда: был росту малого, дрябл телом, лицом бледен, всегда улыбался, но без живости; двигался медленно, ходил неровным шагом от слабости в ногах, одним словом, изъявлял в себе преждевременное изнеможение сил естественных и душевных»[1]. Иван IV в цари его не готовил, да и не стоило время тратить на него, блаженного. Еще в детстве, посылая «слабоумного сына на колокольни», отец не без укора частенько повторял: «Из тебя хороший звонарь вышел бы, а не царь».

Но был ли Федор Иванович слабоумным — вот вопрос, на который не так-то просто ответить тем, кто оценивает людей с точки зрения их способностей повелевать.

В 1551 году 2 августа в Москве умер Василий Блаженный, юродивый московский. В житиях его называли трудолюбивым и богобоязненным. В юношеские годы он случайно обнаружил в себе дар предсказания, покинул мастерскую сапожника, «начал подвиг юродства», о чем кратко было поведано выше. Никто в Москве — от смерда до царя — не назвал бы Василия Блаженного слабоумным. Потому что московский юродивый имел возможность поступать так, как подсказывали ему его душа, его разум, способный преодолевать непреодолеваемое — время, и предсказывать людям их будущее, своим жизненным подвигом учить людей «нравственной жизни», а смелым словом своим громогласно указывать царям и простолюдинам на их недостатки, на их пороки. Иван IV Васильевич уважал и побаивался этого могучего человека, после смерти Блаженного нес вместе с боярами его гроб...

Федор Иванович был человеком блаженным, но ему крупно не повезло: он родился в семье грозного царя, деспота не только в стране, но и в семье. Младшему сыну Анастасии нравилось звонить в колокола. Но ему не нравился укоризненный, пренебрежительный голос отца: «Иди потрезвонь!» Как и любая душа блаженная, душа Федора воспринимала звуки, исходящие из глубин колокольных, по-особому. Он слышал в колокольных голосах говор человеческих душ и удивлялся, всегда с волнением взбираясь на колокольни, почему его отец, человек музыкально одаренный, с такой беспечной грубостью относится к нему, к сыну своему. Федор Иванович родился не править страной, но блаженствовать, блаженно слушать музыку молитв и шорох горящих свечей, дергать себе на радость и в успокоение души своей струны колоколов, говорить негромким, совсем тихим голосом всем правду, которую во все времена и во всех странах имели право говорить только юродивые.

Это очень грустно: родиться блаженным и стать царем. Это — несправедливо. Это гораздо хуже, чем родиться царем и стать юродивым.

Но коль скоро случилась сия беда с блаженным человеком и стал он царем, то как же он правил страной, Москвой, справился ли Федор Иванович с задачей, поставленной перед ним судьбой, историей? Можно ли оценить его деятельность, исходя, естественно, не из общепринятого

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 204—205.

мнения о том, что второй сын Анастасии был слабоумным, но из того, что родился он блаженным?

Блаженный сын, звонарь по призванию, прибыл 10 марта 1584 года к больному отцу вместе с боярами и писцом. Иван IV выглядел утомленным, но еще не сломленным тяжкой болезнью. Царь боролся. Ему не хотелось уходить из этого мира. Спокойным взором осмотрел он вошедших в его покои, приказал писать завещание. Не известно, почему он написал такое завещание. Может быть, потому, что сильно надеялся выжить.

Иван IV Грозный «объявил царевича Федора наследником престола и монархом, избрал князя Ивана Петровича Шуйского, Ивана Федоровича Мстиславского, Никиту Романовича Юрьева, Бориса Годунова и Бельского в советники и блюстители державы, да облегчают юному Федору (слабому телом и душой) бремя забот государевых; младенцу Дмитрию с матерью назначил в удел город Углич и вверил его воспитание Бельскому»[1].

Федор, блаженный, внимательно слушал отца, хотя и улыбался при этом тихой, робкой улыбкой: то ли блаженной детской, то ли блаженной мудрой. Отец поблагодарил всех присутствующих за победы и подвиги во славу Отечества и обратился непосредственно к сыну. В своем последнем слове царь, ослабленный болезнью, не смог продиктовать трудолюбивому писцу нечто вроде «Поучения Мономаха», либо трактата Константина VII Багрянородного «Как управлять империей», либо знаменитого «Кабус намэ», а то и «Артахашастры» — времени осталось слишком мало у грозного царя, он был краток. Иван IV завещал сыну править страной «благочестиво, с любовью и милостью», стараться не воевать, снизить налоги согражданам, выпустить из плена всех иноземцев, заботиться о благе соотечественников.

Он был очень добр в тот день. Престолонаследнику могло показаться, что действительно можно править страной с этаким миролюбивым, нежным придыханием: ах, ничего, я во всем разберусь, всех удовлетворю, со всеми помирюсь, всех облагодетельствую и буду ежедневно звонить в колокола и слушать колокольные мелодии.

Последние семь дней жизни Ивана Грозного многие москвичи провели в тягостных раздумьях. Встревожило их известие о завещании царя, о будущем царствовании Федора Ивановича. «Угадывая, что сей двадцатисемилетний государь, осужденный природой на всегдашнее малолетство духа, будет зависеть от вельмож или монахов, многие не смели радоваться концу тиранства, чтобы не пожалеть о нем во дни безначалия, казней и смут боярских, менее губительных для людей, но еще бедственнейших для великой державы, устроенной сильною нераздельною властью царскою»[2].

Опасались люди не зря. Сразу после смерти отца Федор поручил управление государством избранной Грозным пятерке. Началась кратковременная пентархия, власть пяти, но она под энергичным напором одного из них быстро уступила ему одному «святое место» — мудрому, коварному, безродному, богатому, целенаправленному Борису Годунову.

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 175.

[2] *Там же.* С. 205.

Без преувеличения можно сказать, что период русской истории с 1584-го по 1606 год — это время Бориса Годунова. И все же, как бы ни влиял этот одаренный политик на общее положение дел в стране на протяжении двадцати с лишним лет, но, во-первых, одно присутствие в Кремле блаженного монарха, бездеятельного, с точки зрения монархов — творцов истории, энергичных людей, сдерживало все же самодеятельность правителя и бояр, а с другой стороны, Борису Годунову, каким бы великим ни представляли его некоторые историки, приходилось делать то, что требовалось от него текущим историческим моментом. Увлеченный и радостный, он не заметил вовремя, куда ведет его и весь его род жизнь. Впрочем, о деятельности и полном жизненном фиаско этого замечательного хитреца речь пойдет позже. Сейчас важно отметить другое: деятельность (да-да, деятельность!) блаженного царя.

«Надеяние есть тоже деяние». «Собака лает — караван идет». Цезарь погиб, но Рим, несмотря на этот печальный случай, неуклонно преобразовывался из образца демократии в империю. Любое резкое движение последнего Рюриковича на троне (о Василии Шуйском особый сказ впереди), любая попытка царя Федора Ивановича противопоставить себя напористому Годунову могли повлечь за собой невинные жертвы, от которых устала Русь за прошедшее царствование. Понимал он или нет, что Рюриковичи, свершив предназначенное судьбой, ушли вместе с Иваном IV Грозным в вечность, — неизвестно, но вел он себя (может быть, в силу своего кроткого нрава, своей блаженности) очень верно с точки зрения «исторической необходимости».

Пентархия (или Верховная дума) начала действовать в первые же минуты после смерти Грозного. Ночью 18 марта из Москвы в ссылку были высланы самые близкие к бывшему царю бояре, слуги, воеводы. Некоторые из них попали в темницу. Всех родственников Марии Нагой взяли под домашний арест. Утром город взволновался. Боярское правление вызывало у многих неприятные воспоминания, но пентархия в первые, самые счастливые дни свои действовала уверенно: бояре присягнули Федору, доложили народу через глашатаев о воцарении второго сына Анастасии, назначили день торжественного венчания на царство, отослали в Углич Марию Нагую, ее сына, родственников, слуг, отряд стрельцов. Федор провожал Нагую печальный, с Дмитрием простился нежно, да вдруг разрыдался. «Слабоумным» столь ярко выраженная грусть, откровенные рыдания прощаются. Бог дал им право плакать, изливать в слезах боль души своей. Но улыбающийся Федор Иванович плакал не дебильными слезами, хотя на этот факт даже присутствующие не обратили внимания. Он плакал так же горько и «осмысленно», как некогда плакал старец Зосима на пиру у псковской Марфы Борецкой, предугадав большие беды тем, кто сидел за боярским столом и пил мед, радуясь жизни. Младенец Дмитрий тоже радовался: весна была, солнце, теплые потоки воздуха, жизнь в рост пошла. Что-то недоброе почувствовал блаженный царь в тот день.

Видимо, что-то недоброе заподозрил и Бельский, отказался ехать в Углич, остался в Москве. Его решение вызвало разные кривотолки в городе, кто-то (наверняка из пентархии!) воспользовался слухами, под-

бросил в разгорающийся костер сухих веток: полетела по улицам и домам столицы весть — Бельский отравил царя Ивана Васильевича, а теперь готовит яд для Федора, чтобы посадить на московский трон Бориса Годунова. Народ доверчив как малое дитя, особенно, если у него есть объект или субъект симпатии. Московскому люду люб был Федор Иванович. Спокойный, тихий, с доброй невызывающей улыбкой, с мелким шагом, сам некрупный, невзрывной, очень предсказуемый и в предсказуемости своей безвредный — разве можно такого сына царя не полюбить?! Разве не вызывает такое ангельское создание жалости?! А народу (любому, между прочим) приятно, когда есть кого жалеть. А уж царя жалеть — большое счастье для людей.

Но если бы это наивное дитя, московский народ, спросило бы самого себя, с какой стати Бельскому нужно было травить Рюриковичей, чтобы возвести на престол безродного Годунова, то вряд ли оно нашло бы вразумительный ответ. Предполагают, что явную ложь на улицы города запустили князья Шуйские через рязанских дворян Ляпуновых и Кикиных. У Шуйских были свои счеты с Бельским, но устранение соперника еще более возвысило их врага Бориса Годунова, и без того возвысившегося в последние годы правления Ивана IV Васильевича. Не понимать этого Шуйские не могли.

Но слух быстро сделал свое дело, разжег огонь страстей, в Москве вспыхнул бунт.

Если верить летописцам, в нем принимали участие двадцать тысяч воинов, простолюдины, боярские дети, купцы, ремесленники. Все они, очень влюбленные в царя, ринулись с тревожным, быстро нарастающим ропотом в центр города, к Кремлю. Там гостей никто не ждал — чудом удалось вовремя закрыть ворота, организовать горстку стрельцов для защиты.

Пентархи собрали Думу на совет, а бунтовщики, в советах не нуждаясь, захватили Царь-пушку, развернули ее в сторону Фроловской башни. По родному Кремлю да из мощной пушки, которая еще по врагам-то не палила, разве можно стрелять? Федор Иванович, не зная, чего хотят возмутители спокойствия, послал к ним на переговоры Мстиславского и Никиту Романовича, а также дьяков братьев Щелкановых. Они вышли из Кремля, приблизились к могучему орудию, спросили у народа, в чем причина волнений.

«Бельских-отравителей подавайте сюда!» — крикнул кто-то из толпы, и вся она вдруг завопила грозно: «Бельского! Бельского!»

Дело, которое начал Иван IV Васильевич, поигрывая с неподготовленной толпой в демократические игры, переходило в следующий этап, когда толпа, почувствовав свою силу, становится вдруг слишком уж высокомерной, когда резко завышается ее самооценка, когда она диктует свои условия.

«Бельского!» — ревела толпа, а Иван IV Васильевич мирно почивал в гробу, не догадываясь, с какими трудностями столкнется сын-звонарь в первые дни царствования.

Парламентеры обещали разобраться в важном деле, доложили царю о причине возмущения. Федор наверняка знал, как в подобной ситуации

поступил его отец в юные годы. Повторять этот «подвиг» было никак нельзя, и не только захваченная бунтовщиками Царь-пушка являлась тому причиной, но и двадцать тысяч вооруженных воинов, и слабость кремлевского гарнизона, и, главное, душа Федора, незлобная, негрозная, миролюбивая. К тому же он прекрасно знал, что Бельский чист перед ним.

Переговоры продолжились. Толпе предложили компромиссное решение, и она его приняла: Бельского отправили воеводой в Нижний Новгород. Одним человеком в пентархии стало меньше, но это не уменьшило ее влияния на дела страны, а скорее наоборот.

Бунтовщики в своих дерзких воплях не коснулись имени Годунова, родного брата жены Федора Ивановича, Ирины.

Некоторые ученые связывают этот странный факт (Бельского услали, а его сподвижника оставили в покое!) с именем сестры, в которую царь, как известно, был ласково влюблен, оставаясь и в любви своей блаженным — скромная, надо сказать, доля для любого венценосца.

Ирина же в те весьма ответственные для мужа дни «утвердила» союз царя и брата, который, находясь в расцвете сил, еще при Грозном успел зарекомендовать себя как тонкий политик. «Величественною красотою, повелительным видом, смыслом быстрым и глубоким, сладкоречием обольстительным превосходя всех вельмож... Борис не имел только <...> добродетели; хотел, умел благотворить, но единственно из любви к славе и власти; видел в добродетели не цель, а средство к достижению цели; если бы родился на престоле, то заслужил бы имя одного из лучших венценосцев в мире; но рожденный подданным, с необузданной страстию к господству, не мог одолеть искушений там, где зло казалось для него выгодою — и проклятие веков заглушает в истории добрую славу Борисову»[1].

Столь суровая и безапелляционная характеристика, данная Н. М. Карамзиным одному из самых ярких деятелей Русского государства, не является единственной и исчерпывающей. Об этом пойдет речь чуть позже. Но весьма нелицеприятная оценка Бориса Годунова содержит в себе немало точных штрихов: именно с таким человеком связал царственную судьбу блаженный Федор Иванович.

Борис Годунов первым делом наказал виновников московского бунта, сослал Ляпуновых, Кикиных и других активных смутьянов в окраинные города, повелел заключить их в темницы. Не очень суровое наказание! За подобные дела на Руси, да и за ее пределами виновных обычно казнили.

В последний день мая 1584 года был совершен торжественный обряд венчания Федора Ивановича на царство. Главными «ассистентами» митрополита Дионисия в этом действии были три человека: Борис Федорович Годунов, Дмитрий Иванович Годунов (дядя царицы) и Никита Романович Юрьев, брат Анастасии. Ни одного чистокровного Рюриковича!

После торжественного обряда в Архангельском соборе Москва целую неделю пировала, веселилась, радовалась. Празднества закончились

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 297.



громадным военным парадом на большой поляне за городом. Только в сопровождении царя находилось двадцать тысяч пеших и пятьдесят тысяч конных, роскошно экипированных воинов. Стрельцы были одеты в тонкое сукно и бархат.

К слову будет замечено, иностранные авторы, гости Москвы — современники тех событий, дают в своих сочинениях убедительные сведения о положении дел в столице Русского государства после Ивана IV Грозного. В частности, некоторые из них пишут о том, что в Москве в середине 80-х годов проживало всего 30 тысяч жителей, в шесть раз меньше, чем до опричнины. Но тридцатитысячный город не смог бы организовать столь богатые празднества!

В чем же тут дело? Иностранцам вроде бы ни к чему говорить напраслины, сочинять небылицы. Да и Москва, по свидетельству русских летописцев, действительно претерпела во времена Ивана Грозного жесточайшие беды: многочисленные пожары, нашествие Девлет-Гирея, голод, болезни унесли в могилы многие тысячи, десятки тысяч людей. Как же москвичам удалось с такой роскошью отметить восшествие на престол последнего из Рюриковичей? Может быть, царь, бояре и духовенство, выложив все свои сбережения, решили, что называется, удивить мир, выписали из соседних городов людей, нарядили их соответствующим образом?.. Нет, то была не привозная бутафория.

Иностранные писатели, а вслед за ними и некоторые русские историки (вот что непонятно!), описывая Москву в первые годы после смерти

Грозного, забывали один важнейший для столицы Русского государства факт: город Москва с самых первых лет своего существования представлял собой сложный социально-политический (единый!) организм с ярко выраженным образующим и организующим Московское пространство центром, расположенными вокруг него «ближними» селами, которые по мере расширения города входили и входят до сих пор в его состав. Находясь на разном расстоянии от «ядра», эти дальние селения связаны со столицей производственными, культурными, военными, административными нитями. Кроме того, все князья, великие князья, цари в той или иной степени участвовали в обустройстве Московской земли и Москвы как ее центра и столицы державы. Даже Иван IV Грозный, относившийся к боярской Москве с прохладцей, а то и с издевкой, а то и со злобой, дал своей отборной тысяче воинов-дворян поместья, расположенные в шестидесяти — семидесяти километрах от города, расширив тем самым «активную площадь» Московского пространства, создав очередное оборонительное кольцо вокруг столицы. В будущем эти поместья перерастут в села, и на их основе родятся города. В середине 80-х годов непосредственно в Москве, в этом образующем и организующем ядре, могло действительно проживать всего тридцать тысяч человек, но в ближайших и дальних окрестностях города, в крупных селах и деревнях, воедино связанных, стоит повторить, многочисленными нитями со столицей, обитали люди (москвичи, между прочим), которые буквально в течение двух-трех лет могли отстроить вновь город теремами да срубами, оживить его, расширить и украсить. Это удивительное свойство самовосстанавливаемости не раз еще поразит иностранных наблюдателей, как было после Смуты или, например, после пожара 1812 года.

Федор Иванович, с любезной улыбкой принимая щедрые дары от счастливых подданных и иностранных гостей, завершил шумные празднества воистину по-царски: он уменьшил налоги, освободил из темниц тех, кто пострадал безвинно от политики отца, и вернул им поместья, выпустил с миром пленных, жаловал саном боярина многих заслуженных людей. Он наградил Ивана Петровича Шуйского великокняжеской частью доходов города Пскова. Но Бельского царь из Нижнего Новгорода не выпустил. Бориса же Годунова, которого почему-то причисляют к друзьям Бельского, Федор Иванович одарил с такой щедростью, что брат царицы Ирины в одночасье стал самым богатым человеком Русской земли, а значит, и самым влиятельным, не нуждающимся более в пентархии. О ней все быстро забыли: Мстиславский, Юрьев и Шуйский превратились в обыкновенных думных бояр, а Борис Годунов стал полновластным правителем крупнейшей восточноевропейской державы при блаженном царе.

Царь и правитель

Состояние, в котором Русское государство находилось в первые семь лет царствования Федора Ивановича, можно с некоторыми оговорками назвать мирным сосуществованием двух властей: официальной — царской, пассивной, но тем не менее конструктивной, необходимой в тот взрывоопасный момент, и полуофициальной власти правителя Бориса

Годунова, набирающего силу и авторитет, приучающего и приручающего к себе, безродному, народ московский. Очень благосклонна была в данном случае судьба к русским людям, предоставив им четырнадцать лет — громаднейший срок, чтобы присмотреться к Борису Годунову, привыкнуть к самой мысли о том, что престол может занять кто-то не из Рюриковичей. Да, Иван IV Грозный, срезав верхушку славного рода, подготовил смену династии сверху, но для спокойного, нереволюционного перехода власти к новому роду необходимо было осуществить столь же мощную подготовку снизу, чтобы избежать появления новых тысяцких, новых заговоров и убийств.

У любого народа память на героев цепкая. Тохтамыш выиграл сражение у темника Мамая только своим происхождением, своей родословной, берущей начало от Чингисхана. И таких случаев в истории было немало, хотя и обратных примеров много. Понимали это блаженный царь и напористый правитель или нет, сказать непросто, но оба они делали все от них зависящее, чтобы процесс «привыкания», смена «династического душевного настроя» проходили в глубинах народных гладко, без резких скачков мнений, без всплесков людской энергии.

Четырнадцать лет было отпущено историей русскому народу на эту внутреннюю перестройку. Семь из них Федор Иванович и Борис Годунов действовали каждый на своем месте безукоризненно.

Федор Иванович после шумных пиров, истомивших его тихую душу, отправился в нескончаемый поход по Русской земле, от монастыря к монастырю. Вот уж радость-то была для человека блаженного, вот уж повезло ему с воцарением! В былые времена, во времена отцовские о таком благе он и мечтать не мог. Ходил он по русским дорогам вместе с царицей Ириной, сопровождаемый пышной свитой да полком телохранителей, навязанных Борисом, умилял народ своим скромным ликом, своей безобидной, почти беспечной улыбкой, и радовались люди, глядя на тихого царя, миру и покою, источаемыми его доброй душой.

А он ходил от обители к обители, и народ, неглупый, небездушный, привыкал к этому ходоку, заодно привыкая к тому, что страной правит Борис Годунов, и правит энергично, негрубо, уверенно, отстаивая всеми средствами интересы сограждан.

Годунов, используя свой дипломатический талант, сумел погасить разгоревшийся в Казани бунт черемисов. Они прислали в Москву старейшин, он царской властью помиловал всех, явившихся с повинной, и повелел строить крепости на берегах Волги.

В те годы Годунов активно занимался Западной Сибирью, посылая туда на помощь Ермаку (Борис не ведал, что тот уже погиб) новые отряды. Вскоре русские захватили царство Кучума. В 1586 году из Сибири в казну поступило 200 тысяч соболей, 10 тысяч черных лисиц, 500 тысяч белок, много бобров и горностаев.

Первые полтора года царствования Федора Ивановича и правления Годунова прошли в мирных делах. Борис, опираясь на поддерживающих его Никиту Романовича Юрьева и князя Ивана Федоровича Мстиславского, руководил страной уверенно и спокойно. Но Юрьев умер, а Мстиславский, человек нерешительный, поддался уговорам Шуйских, Воро-

тынских и Головиных, вошел в их союз и согласился, пользуясь доверием правителя, зазвать его к князьям на пир.

Рюриковичи хотели на пиру убить Бориса, но верные люди донесли о готовящемся злодеянии Годунову. Тот доложил о заговоре царю. Федор наказал провинившихся совсем не жестоко: Мстиславского насильно постригли и отправили в монастырь, Воротынских и Головиных посадили в темницы, Шуйских, впрочем, не тронули. Казнить никого не решились даже после того, как Михайло Головин сбежал к Баторию, что явилось для Годунова убедительным доказательством существования заговора. Борис проявил в этом деле завидное хладнокровие. Жертвы ему были не нужны. Пока. Пока народ присматривался к нему, сравнивая его с Грозным Рюриковичем и с Рюриковичем Блаженным.

Во внешней политике Годунов действовал по старой схеме, которой придерживался еще Иван III Васильевич: старался со всеми ладить без ущерба для страны и воевал лишь в исключительных случаях.

А Русской земле позарез нужен был мир. И дело даже не в назревшей необходимости менять династию, а в приобретенных крупнейших, богатейших территориях, обихаживать которые, воюя на севере, на северо-западе, западе, юго-западе и на юге, было просто невозможно.

Закончив походы по монастырям, Федор Иванович иной раз щекотал нервы своему шурину, не приглашая его на обед. У Бориса нервы были крепкие, он созывал на свой, куда более роскошный обед самых видных бояр, и гости царские завидовали ему, как свидетельствуют источники.

Впрочем, этот факт не влиял на политику Годунова, да и на его взаимопонимание с мужем сестры Ирины, и с многими боярами в Думе. Борис мог ладить со всеми. В Совете пятерых, например, он всегда занимал четвертое место, но это не мешало ему быть первым в обсуждениях и, главное, в принятии важных решений.

Князья, не имея никакой возможности скомпрометировать правителя, авторитет которого неуклонно возрастал среди соотечественников, духовенства, а также среди иностранных послов, использовали последний козырь — происхождение, уже в открытую «стыдились унижения Рюриковых державных наследников», с откровенной радостью слушали тех, кто называл Годунова тираном, готовящимся к свержению законной и древней династии.

Годунов догадывался о недовольстве князей, но в открытую бороться с ними не решался. Он обратился за помощью к митрополиту Дионисию. Тот внимательно выслушал правителя, призвал к себе в кремлевские палаты псковского героя Ивана Петровича Шуйского и Бориса Федоровича Годунова, долго и терпеливо говорил им о том, что страна нуждается в мире, что надо забыть все обиды, простить друг другу мелкие грехи и служить Отечеству верой и правдой. Знаменитый полководец из древнего рода Рюриковичей и не менее знаменитый новый политик и государственный деятель делали вид, что они понимают и разделяют мысли митрополита и готовы последовать его совету. Митрополит успокоился. Борис подал Ивану руку первым. Шуйский ответил на рукопожатие. Они поклялись быть верными друзьями, помогать друг другу во всех государственных делах.

Князь вышел на площадь перед Грановитой палатой, рассказал все собравшимся людям. Москвичи радовались. Вражда между этими деятелями ничего хорошего не сулила никому. Сил было много и у Шуйского, и у Годунова.

«Иван Петрович! Что вы наделали? И нас, и вас Борис погубит!» — крикнули из радостной толпы два купца, не уберегли себя, не смогли сдержаться. Шуйский промолчал, в толпе зашумели на несдержанных, а ночью их взяли люди Годунова и отправили так далеко, что больше о них никто не слышал.

Соперники Бориса в борьбе за власть решили нанести ему открытый удар. Понимая, что приязнь Федора к правителю во многом зависит от Ирины, митрополит Дионисий, Иван Петрович Шуйский с многочисленными единомышленниками из разных сословий договорились явиться к царю и просить его развестись с бесплодной женой, избрать себе другую супругу, чтобы та родила наследника престола.

В самом деле, без наследника никак нельзя! Род Рюриковичей в опасности! Нельзя доверять власть безродному Годунову! Доброхоты умирающего рода нашли сыну Грозного подходящую невесту, сестру Мстиславского, погибшего по воле Годунова, написали Федору послание.

Они все продумали до мелочей. Сестра Мстиславского, будь она женой царя, исхитрилась бы, нашла бы нужные слова, ласки, приговоры и... не видать бы Годунову его почета, славы, авторитета, отправился бы он по следам князя Мстиславского. Очень точен был расчет. Всего два момента не учли сторонники митрополита и Шуйского. Первое — блаженные (особенно блаженно влюбленные) не изменяют даже бесплодным женам. Второе — Борис не шутки ради и не по случаю взобрался на вершину власти, откуда он зорко следил за каждым движением противника.

Годунов не был Рюриковичем, и это ему помогло! Он не верил никому и ничему. Его не смутили искренние слова князя Шуйского во время их примирения, правитель не расслабился, не опустил вожжи.

Узнав о заговоре, он этакой кроткой овечкой явился к митрополиту и стал убеждать его в том, что развод при законной здоровой жене есть беззаконие, что делать этого нельзя. Дионисий был потрясен речью Бориса, а главное, тихим, пронизывающим душу голосом правителя, его всеубеждающей логикой. Он стоял перед Годуновым как провинившийся мальчишка. Плохи дела были у Рюриковичей. Борис Федорович, продолжая игру, обещал не мстить людям, которые, желая добра Отечеству, не знали, где это добро находится. А он знал.

Митрополит Дионисий разволновался от переполнивших его патриотических чувств, обещал ради спокойствия и мира внутри страны никогда больше не помышлять о разрушении царской семьи (а значит, и благополучия Годунова), а Борис в свою очередь поклялся не преследовать виновных в этом деле.

На том они и разошлись.

Исполняя обещания, правитель оставил заклятых врагов в покое. На некоторое время. За попытку разрушить супружеский союз Ирины и Федора пострадала ни в чем не повинная сестра князя Мстиславского. Летописцы не сообщают, как она отреагировала на планы знаменитых

мужчин и что при этом думала, о чем мечтала. Отказаться от заманчивого предложения ей было бы трудно, как и любой княжне, как и любой девице на выданье. Она и не отказалась. И попала за это в монастырь. Чтоб другим девицам на выданье неповадно было мешать Годунову.

В Москве отнеслись к этому событию спокойно. Главное, чтобы царь здравствовал, чтобы не буйствовали в городе злые люди, чтобы не носились по улицам в ночные часы бешеные конники.

Годунов, однако, о мести не забыл. Он не стал ждать удобного случая для нанесения по врагу ответного удара, другие важные дела уже увлекли его, не оставляли времени на подготовку какого-нибудь изощренного ответа. Он соблазнился самым примитивным способом мести — ложным доносом.

Слуга князей Шуйских прибыл во дворец, доложил Годунову о том, что его господа вместе с купцами московскими замыслили измену царю. Этого доноса вполне хватило для начала следствия. Князей Шуйских, а также их друзей и единомышленников, дворян, купцов, слуг взяли под стражу. На представителей княжеского рода рука у палачей не поднялась, зато дворянам, купцам, слугам в те дни крупно не повезло. Пытали их самыми изощренными пытками, спрашивали при этом о заговоре, об участии в нем Шуйских и их друзей. Но заговора никакого не было. И доносчиков не было среди испытуемых. Они молчали. Они были верны своим князьям, своим господам, своей чести.

Доносчик остался один. Но Годунову больше и не нужно было! Дыма без огня не бывает. Приговор внешне выглядел несуровым. Всех князей Шуйских сослали в отдаленные области, лишь Василию Федоровичу разрешили жить в Москве, отняв у него при этом каргопольское местничество.

Друзей Шуйских разослали в места еще более отдаленные, благо у русских царей теперь появилась Сибирь. Больше всего не повезло в этом деле московским купцам: семерым из них отрубили головы.

Митрополит Дионисий и Крутицкий архиепископ Варлаам смело выступили против беззакония Годунова, во всеуслышание обвиняя его в тирании. Правитель без церковного суда лишил того и другого высокого сана и отправил в заточение в монастыри. В митрополиты был посвящен Ростовский архиепископ Иов.

Но на этом Борис не остановился. По свидетельству летописцев, он повелел удавить главных врагов своих из рода Шуйских: Андрея Ивановича и псковского героя Ивана Петровича. Их и удавили без особого труда. Рюриковичам был нанесен очередной страшный удар. Но шанс продержаться еще чуть-чуть у них был, только вот шанс этот был неспасительный: помощи им ждать было не от кого.

Об этом шансе Борис прекрасно знал. В Ливонии жила Мария, вдова короля Магнуса, дочь князя Владимира Андреевича Старицкого с двухлетней дочерью Евдокией. Годунов, общаясь с иностранцами, мог знать, что на Западе в XVI веке женщины восседали на престолах. Мария Тюдор, Мария Стюарт, Екатерина Медичи справлялись с монаршими обязанностями. На Русской земле эту роль вполне могла исполнить королева по отцу Магнусу, прямой потомок Рюрика, Евдокия!

Годунов и здесь поспел. Обольстив несчастную, бедствовавшую в Пильтене вдову богатыми обещаниями, он выманил ее из Ливонии, она, радостная, явилась в Москву и услышала суровый приговор: тюрьма или монастырь. Мария выбрала иночество, уговорив злодея оставить при ней дочь. Злодею было все равно, где губить двухлетнюю Евдокию, она вскоре умерла на руках у матери, как считают историки и летописцы, неестественной смертью. После этого Годунов мог немного передохнуть от утомительной борьбы с остатками могущественного рода.

Практически все исследователи того периода русской истории и биографии Бориса Годунова считают, что он уже в первые годы царствования Федора Ивановича мечтал о престоле: действительно, многие поступки его (особенно во время борьбы с Рюриковичами) говорят в пользу этого предположения. И если согласиться с тем, что правитель медленно и упорно расчищал перед собой дорогу к русскому престолу, то следующей жертвой его просто обязан был стать юный Дмитрий.

Где искать ошибку?

Царь Федор Иванович продолжал, по образному выражению Н. М. Карамзина, «дремать» на троне, не занимаясь государственными делами. «Федор вставал обыкновенно в четыре часа утра и ждал духовника в спальне, наполненной иконами, освещенной днем и ночью лампадами. Духовник приходил к нему с крестом, благословением, Святою водою и с иконою Угодника Божия, празднуемого в тот день церковью. Государь кланялся до земли, молился вслух минут десять и более; шел к Ирине, в ее комнаты особенные, и вместе с нею к Заутрене; возвратясь, садился на креслах в большой горнице, где приветствовали его с добрым днем некоторые ближние люди и монахи; в 9 часов ходил к Литургии, в 11 обедал, после обеда спал не менее трех часов; ходил опять в церковь к Вечерне и все остальное время до ужина проводил с царицею, с шутами и с карлами, смотря на их кривляния или слушая песни — иногда же любуясь работою своих ювелиров, золотарей, швецов, живописцев; ночью, готовясь ко сну, опять молился с духовником и ложился с его благословением. Сверх того всякую неделю посещал монастыри в окрестностях столицы и в праздничные дни забавлялся медвежьею травлею. Иногда челобитчики окружали Федора при выходе из дворца: «избывая мирские суеты и докуки», он не хотел слушать их и посылал к Борису» (этот фрагмент из сочинения Д. Флетчера Н. М. Карамзин в собственном переводе поместил в своем труде.[1]

Своим поведением, беспомощностью, бездеятельностью царь Федор Иванович очень напоминает императора Гонория, короля Англии Эдуарда Исповедника, Инку Васкара и других последних представителей разных династий, а в чем-то и российского императора Николая II. Тяжкая доля выпала на этих добрых, смиренных, ни в чем не повинных людей. Им пришлось лицезреть печальный процесс гибели своей династии, целой эпохи в жизни своей страны и участвовать в этой драме.

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 233.

Впрочем, Годунова мало интересовали моральные нюансы династических проблем. Он «всеми правдами и неправдами расчищал и укреплял себе путь к царствованию, очень заботился о том, чтобы своими деяниями на пользу народа и государства привлечь на свою сторону и народное сочувствие. Для достижения этой цели виднее всего была особенная заботливость именно о добром устройстве города Москвы, о безопасности народного жилища и вообще о городском благосостоянии народа», — пишет в «Истории города Москвы» И. Е. Забелин, высказывая общую для многих историков мысль о том, что Годунов, властолюб этакий, все хорошее делал (а он немало сделал хорошего!) только лишь из-за огромного желания стать царем, а не из каких-то иных побуждений. При этом исследователи биографии Бориса чуть ли не вменяют ему в вину, как становится ясно из приведенной цитаты Забелина, благие дела: специально, мол, натворил, злодей, дел добрых, чтобы охмурить народ! Какой нехороший человек Годунов: четырнадцать лет царствования Федора Ивановича хорошие дела делал, лжец такой-сякой! Четырнадцать лет!

«Многие грады каменные созда и в них превеликие храмы <...> и многие обители устрои — и сам богоспасаемый град Москву, яко некую невесту, преизурядною лепотою украси, многие убо в нем прекрасные церкви каменные созда и великие палаты устрои, яко и зрение их великому удивлению достойно; и стены градные окрест всея Москвы превеликие каменные созда, и величества ради и красоты проименована его Царь-град внутри же его и палаты купеческие созда во упокоении и снабдении торжников и иное многое хвалам достойно в Русском государстве устрои»[1].

Четырнадцать лет до воцарения трудился в поте лица своего Годунов, для одной только столицы он сделал так много, что все, сотворенное в эти годы, считает И. Е. Забелин, составило новую эпоху в истории градостроительства. Но, оказывается, работал он не покладая рук лишь с одной целью: обмануть народ, обольстить его. Почему же так невзлюбили Годунова историки, почему даже явные его достижения некоторые исследователи очерняют, называют их вынужденными?

После разгрома князей Шуйских в 1586 году Годунов, по версии Н. М. Карамзина, Н. И. Костомарова, И. Е. Забелина и других, якобы боясь бунта и волнений московского люда, хорошо относившегося к проигравшим важную очередную битву за власть Рюриковичам и их сподвижникам, решил ублажить столичных жителей громадной стройкой.

По черте Земляной осыпи (Земляного вала) он повелел соорудить каменные стены. По цвету камня новый крупный район получил название Белый город, а чуть позже — Царь-град. Грандиозная по тем временам стройка велась семь лет, руководил ей русский архитектор Федор Конь. (Надо подчеркнуть, что во второй половине XVI в. в Москве и во всей стране появилось много отечественных мастеров строительного дела, своя русская школа зодчества. Федор Конь, например, возвел в 1595 — 1602 годах великолепные крепостные стены вокруг Смоленска.) На работах

[1] *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 158.

в Белом городе были задействованы москвичи, жители подмосковных сел и деревень занимались заготовкой и подвозом камня. Все они своевременно получали хорошее жалованье, но... делал это Годунов ради своих корыстных темных интересов. Какой нехороший Борис! Людей на большое дело организовал, деньги им платил, многих осчастливил, а сам, понимаешь, думку черную задумал, царем захотел стать! Как не стыдно ему было в глаза-то людям смотреть? Небось, догадывались они, неглупые от роду, почему так старается Борис. Догадывались. Но все равно радовались. Потому что людям всегда радостно было получать хорошие деньги за дело, которое еще и душе любо.

Годунова они в дни получения жалованья не ругали, а хвалили. Хвалили они его долго. Но что-то после гибели царевича Дмитрия с русским народом случилось для Годунова неожиданное, странное. Мудрый царедворец, тонкий знаток политических игр совершил какой-то грубый просчет в сложнейшей многоходовой комбинации, которая в конце концов Бориса к трону привела, дело всей его жизни погубила. Впервые об этой ошибке он мог задуматься уже после воцарения, даже после почти двухлетнего царствования, когда в конце 1600 года в народе слух пошел: царевич Дмитрий жив. Это была убийственная для родоначальника новой династии весть. Его поразило не то, что Дмитрий жив, а то, что народ принял этот слух за правду. Народ доверчив, но в меру, он знал это. «Оживить» в его сознании последнего сына Ивана Грозного мог в том числе и его просчет, о котором сам Борис Годунов долгое время не догадывался, уверенно играя партию своей жизни, а лучше сказать — уверенно проводя сеанс одновременной игры с очень серьезными соперниками, причем выигрывая почти у всех. Выигрывая с большим преимуществом. Выигрывая до конца 1600 года, когда на всех досках, где игра еще продолжалась, вдруг случилось страшное, непонятное, и Борис стал медленно упускать инициативу, сдавать позиции, нервничать в жестоком цейтноте. Если бы у него было время на раздумья, он хотя бы попытался отыскать ошибку, первопричину надвигающегося краха. Но у Бориса Годунова времени не было. Оно появилось у хронистов и авторов житийной литературы, у историков и писателей. Все они в поисках фактов и событий волей-неволей давали оценки тем или иным поступкам правителя, а позже царя, отвечая на вопрос, который безответно волновал Годунова: где же была совершена стратегическая ошибка? Почему слух о Дмитрии живом с легкостью огня в засушливое лето разнесся по стране? Когда началось то, что погубило дело Бориса?

Главная ошибка

После смерти в декабре 1586 года Стефана Батория — короля польского и великого князя литовского между Речью Посполитой и Русским государством началась долгая дипломатическая игра в выборы нового короля польского. Поляки еще в 1584 году, сразу после воцарения Федора Ивановича, знали, со слов своего дипломата Сапеги, что представляет собой новый русский монарх.

Польский дипломат находился в год смерти Грозного в Москве и после получения указания Батория вести себя с Федором жестко, насту-

пательно, явился 22 июня на прием к царю. Цель у него была простая: востребовать от Федора возвращения отнятых русскими земель, установить границы, существовавшие во времена Витовта. Сапега увидел Федора на троне и несказанно удивился. Русский царь, с виду совсем ребенок, с детской наивной улыбкой, бледный, с увлечением рассматривал скипетр и тихо что-то говорил при этом обескураженному послу. «Хотя про него говорили, — напишет позднее Сапега, — что у него ума немного, но я увидел, как из собственного наблюдения, так и со слов других, что у него вовсе его нет!» Вот радость-то для всех недругов русских. Вот о чем могли мечтать они в счастливых снах: на Руси царь дурачок!

Но радость та была преждевременной. Потому что рядом с троном стоял Годунов. В 1584 году Сапега не придал этому обстоятельству большого значения. Но в 1586 году, после смерти Батория, поляки уже знали, кто на Руси царь, а кто — вершитель всех дел. Более того, к этому времени они, как и другие соседи Русского государства, догадывались о том, что в Москве грядут великие события и Годунов в них будет играть главную роль.

Дипломатическая игра в выборы польского короля закончилась явно не в пользу Москвы. Королем Речи Посполитой в 1587 году стал Сигизмунд III Ваза, крупный государственный деятель своего времени. В 1592 году он займет и шведский престол, а в начале XVII в. станет одним из организаторов интервенции в государство Московское.

Так, может быть, беды Годунова начались именно с осечки на польском дипломатическом фронте? Нет, ошибок русские в той схватке не совершили, как и в других международных делах. Стараясь не ввергать страну в военные конфликты, Годунов тем не менее доказал в 1590 году, что он может собрать, обмундировать и вывести на поля сражений крупные боеспособные войска. В начале того года русские собрали трехсоттысячное войско на северо-западных границах, объявив войну шведам, разбойничавшим в Заонежье, в Олонецкой земле, в долинах Ладоги и Двины.

В той войне принимал участие царь Федор Иванович. Вместе с царицей он выехал из Москвы в Новгород, затем, оставив супругу в городе, сел на боевого коня... Сделал он это не по собственной воле. Для счастливой жизни ему вполне хватало Московского Кремля, походов с женой по московским и подмосковным монастырям, но Годунову царь нужен был в той войне, царь нужен был войску. Борис собрал огромные силы. Русские полки возглавляли Федор Мстиславский, Дмитрий Хворостинин, сибирский царевич Маметкул, Ураз-Магмет Онданович Киргизский, известные в ратном деле воеводы. Руководить ими Борису было сложно из-за местнических в рядах полководцев настроений, с которыми боролись русские цари до него и будут бороться еще долгие десятилетия.

Федор Иванович, каким бы слабоумным его ни называли, удовлетворил просьбу правителя и, пока хватало у него сил, хотя бы своим присутствием и царственным видом помогал Борису совладать с местническим упрямством знатных полководцев.

В той войне Россия одержала победу, по своим последствиям незначительную. Шведы, не обладавшие столь громадными людскими ресурсами,

достойно сражались против русских. Этот факт мог подсказать и Годунову, и воеводам, и царю многое: русские могли уже почувствовать пока еще едва заметное свое отставание в вооружении. Но они не почувствовали этого. Они надеялись на безграничные людские ресурсы, на огромные средства, с помощью которых всегда можно было собрать трехсоттысячное войско.

Никто из русских не обратил внимания на тот факт, что у шведов было людей гораздо меньше, но они были лучше оснащены и организованы. Годунова нельзя винить в том, что триста тысяч русских воинов не смогли одержать в той войне полную победу, хотя он на нее рассчитывал. Но помимо военных итогов и выводов после, мягко говоря неудавшейся затеи обнаружилась в той кампании еще одна, на первый взгляд незначительная, деталь, которая говорит о том, что даже в 1590 — 1591 годах положение правителя не было прочным и устойчивым.

Все иностранные министры и монархи той эпохи, принимая посланников Москвы, первым делом слышали от них следующее: Борис Федорович Годунов есть начальник земли; она вся приказана ему от самодержца и так ныне устроена, что люди дивятся и радуются. Цветет и воинство, и купечество, и народ. Грады украшаются каменными зданиями без налогов, без работы невольной, от царских избытков, с богатою платою за труд и художество. Земледельцы живут во льготе, не зная даней. Везде правосудие свято: сильный не обидит слабого; бедный сирота идет смело к Борису Федоровичу жаловаться на его брата или племянника, и сей истинный вельможа обвиняет своих ближних даже без суда, ибо пристрастен к беззащитным и слабым!

Казалось, такому авторитетнейшему человеку не стоило большого труда выиграть самому войну со шведами, без присутствия в войске царя. Нет! Все оказалось гораздо сложнее. «Всесильный правитель» просил царя сесть на коня, гарцевать перед воинами, поднимая их боевой дух, а заодно тихим голосом укоряя воевод в непослушании Годунову! Ситуация анекдотичная. «Вань, я медведя поймал». — «Ну так веди его сюда». — «А он меня не пускает...» «Я всесильный правитель при царе Федоре». — «Ну так правь воеводами!» — «А они меня не слушаются».

Не такой уж он был и всесильный, если не смог один справиться с войском. Приглашая царя поучаствовать в войне, он показал всему миру свою беспомощность не столько перед Рюриковичами, которых бил-бил не добил еще Грозный, затем добивал не добил сам Годунов, сколько перед обычаем. Физически уничтожив род Рюриковичей, оба эти государственных деятеля не смогли уничтожить местничество — древний обычай, прочно укоренившийся в сознании русского человека. Впрочем, эта его ошибка — призвать на помощь блаженного царя и устроить из войны спектакль с неизвестным финалом — была не самым главным его просчетом. Был еще один: Годунов неверно распорядился потоком богатств, поступавших из Сибири, Астрахани, Казани, из других регионов. И этот просчет не был для него лично судьбоносным.

В 1591 году греческое духовенство одобрило Соборной грамотой учреждение Московской патриархии. Как считает Карамзин, в этом важном деле особую роль сыграл Годунов, надеясь на то, что избранный не

без влияния Бориса Федоровича первый Московский патриарх Иов будет верным сподвижником и единомышленником, помощником правителя, уже возмечтавшего о царской власти.

Однажды, как говорят летописцы, он призвал к себе предсказателей и спросил их о своем будущем. Волхвы ответили, что его ждет трон, но затем они добавили, что царствовать он будет всего лишь семь лет. На это счастливый Годунов воскликнул: «Хотя бы семь дней, лишь бы царствовать!»

Трудно сказать, реальна эта сцена или вымышлена, но именно в ней заложена та трагическая ошибка, которую совершил Борис Федорович и которая часто остается за пределами размышлений историков.

Вся жизнь Годунова, начиная с того момента, когда он был приближен ко двору после свадьбы Ирины и Федора, была нацелена на трон. И в этом ничего плохого для соотечественников и ничего опасного для «соискателя» нет. Он честно и с полной отдачей отрабатывал свое желание, являясь гарантом мира в стране, уже вплотную приблизившейся к гражданской войне и смуте. Его нельзя винить даже в том, что, имея для этого некоторую возможность, он не смог направить потоки богатств на развитие хозяйства страны, не попытался даже, используя опыт Строгановых, дать подобным людям возможность работать с полной отдачей. Совсем недавно многие историки, сетуя на отставание России от стран Запада, обвиняли во всем так называемое татаро-монгольское иго. Но после 1586 года, когда в Москву ежегодно стали поступать из Сибири сотни тысяч шкурок драгоценнейшего меха, у правителей и царей появилась прекраснейшая возможность «догнать и перегнать» страны Западной Европы. Борис Годунов в силу самых разных, в том числе и объективных, не зависящих от него причин об этом даже не подумал.

Он думал только о царской власти, считал, что родство с царем — не простое совпадение, что в нем, в родстве, — его шанс, и, чтобы его не упустить, он готов был принести в жертву всех стоящих на пути к успеху, не исключая и последнего малолетнего наследника.

Но что-то хитроумный правитель все же упустил из виду, что-то очень важное оставил вне поля своего внимания, и это невидимое нечто в итоге отозвалось бумерангом, погубило весь род Годунова.

Неужели он совсем не знал, какова природа царской власти, неужели думал, что некому в Русском государстве разгадать его планы, что сойдут ему с рук убийства наследников трона, как сходили с рук царю Ивану его многочисленные изуверства, что сумеет он задобрить народ и простит он, несмышленый, ему, все предусмотревшему, всех обезвредившему, многое за многочисленные льготы и послабления?

Он ловил на себе презрительные взгляды князей, бояр и людей чином пониже и раньше, до убийства царевича Дмитрия. И после смерти царевича не сразу молва зачислила его гибель за Борисом. Ученые, летописцы, писатели до сих пор размышляют, нужна ли была Годунову смерть царевича, мог ли он организовать убийство, было ли вообще убийство Дмитрия, кто из многочисленных лжедмитриев мог быть действительно царевичем...

Борис Годунов имел огромную власть, преданных ему, а лучше сказать — его деньгам, людей, готовых на все. Он мог бы организовать убийство наследника престола, за которым стояли еще не поверженные Рюриковичи, народ. Но! В 1561 году казаки помогли некоему греку Василиду, объявившему себя племянником самосского герцога Александра, захватить молдавский престол и править целых два года! Это было известно Годунову. В 1574 году казаки выступили с самозванцем Ивонией, назвавшимся сыном молдавского господаря Стефана VII. Через три года они помогли третьему самозванцу, Подкове, «брату Ивонии». Об этом Годунову тоже было известно. В 1591 году в истории украйной вольницы произошел четвертый аналогичный случай! Самозванщина мутила головы казаков и всех любителей половить рыбку в мутной воде в смутные дни. Борис Годунов понимал, что мертвый Дмитрий мог стать для него врагом куда более страшным, чем живой.

Так или иначе, но 15 мая 1591 года царевич Дмитрий был убит в Угличе во дворе царского дворца. На крик кормилицы, свидетельницы преступления, прибежала мать, а затем и толпы людей, озверевших, готовых убивать всех, причастных к убийству. В тот день погибли в результате обычного самосуда несколько человек. Только после этого город затих.

«Когда известие об убиении царевича пришло в Москву, — вспоминал позже Исаак Маас, — сильное смущение овладело и придворными, и народом. Царь Федор в испуге желал, чтобы его постигла смерть. Его по возможности утешили. Царица также была глубоко огорчена, желала удалиться в монастырь, так как подозревала, что убийство совершилось по внушению ее брата, сильно желавшего управлять царством и сидеть на троне»[1]. С сестрой Борис тоже договорился быстро, успокоил ее. А о народе он в те дни еще и не думал как о серьезном своем сопернике. Хронограф Сергей Кубасов пишет о том, что Борис, видя возмущение народа по поводу убиения Дмитрия, «послал по Москве людей запалить славные дома, чтобы отвлечь подданных от угличского дела и занять их делами личными»[2]. Сам Сергей Кубасов не видел и не слышал, как Годунов раздавал приказания о поджогах, но важно здесь другое: он слушал слухи, Годунов не обратил в тот момент на слухи никакого внимания. Он уже научился, привык не считаться с толпой, не видеть ее. Зато она его видела очень хорошо.

Вскоре в Углич прибыла следственная комиссия из трех человек: князя Василия Ивановича Шуйского, окольничего Андрея Клешкина и дьяка Вилузгина. Две недели они пытались найти улики... самоубийства царевича Дмитрия, якобы зарезавшего себя ножом во время приступа падучей, и, собрав необходимый материал для отчета, вернулись в Москву.

И с этого момента Годунов перестал чувствовать себя спокойно. Сколько-нибудь обоснованно изложить версию о самоубийстве не удалось, но именно ее и приняли, несмотря ни на что. Уже один этот факт

---

[1] *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 159.

[2] *Там же.*

мог насторожить всех заинтересованных: эпилепсия не столь уж редкая болезнь, но не так часто в припадке падучей больные убивали себя.

Не имея серьезных доводов и, главное, возможности высказать свое мнение, народ молчал. Ждал. Недолго ждал.

Федору поднесли доклад Собора, который был созван специально для рассмотрения этого дела. В докладе говорилось: «Жизнь царевича прекратилась судом Божиим; Михайло Нагой есть виновник кровопролития ужасного, действовал по внушению личной злобы и советовался с злыми вещунами, с Андреем Мочаловым и с другими; граждане углицкие вместе с ним достойны казни за свою измену и беззаконие. Но сие дело есть земское: ведает оное Бог и государь; в руке державного опала и милость. А мы должны единственно молить Всевышнего о царе и царице и тишине и благоденствии народа!»[1]

Федор выслушал доклад и передал дело боярам, приказав казнить виновных. Это действительно слабоумное решение ставит под сомнение «блаженность» царя, блаженные не убивают. Самое большее, на что они способны, — предсказывать. Федор, то ли устав блаженствовать, то ли действительно был он ленивым недоумком, этим приговором обрек на смерть более двухсот ни в чем не повинных людей. Исполняя волю царя, одних несчастных казнили, другим отрезали языки, многих бросили в темницы, выслали большую часть населения Углича в сибирский город Пелым. Это был один из самых глупейших приговоров за всю российскую историю. Борис Годунов, от которого во многом зависело окончательное решение царя, проявил в тот момент политическую близорукость. Возвысившись над всеми у трона, он к этому времени превратился в самоуверенного правителя, пренебрегающего мнением и оценками народными его собственных действий. Да, на вид народ — это толпа, она безлика, тупа, бараноподобна. Однако она конденсирует плюсы и минусы человеческих настроений, раз речь идет о поисках справедливости, то она идет не о толпе, а о народе. И этими процессами правители обязаны уметь управлять. Годунов мог бы смягчить приговор слабоумного, но он этого не сделал. И ответ пришел тут же — народ, не имея иных средств борьбы с зарвавшимся правителем и слабоумным Рюриковичем, вспомнил одно свое старое-старое средство — слухи. Не со зла вспомнил, но от обиды за двести невинно убиенных и тех, кому вырезали якобы за ненадобностью языки в городе Угличе.

В конце июня до Москвы дошла страшная весть о том, что к столице продвигается громадное войско крымского хана. Годунов в этой ситуации вел себя достойно: не паниковал, разослал по всем городам гонцов, повелел через них воеводам срочно отправляться в поход к Серпухову, где был назначен сбор войск, принял меры предосторожности в Москве, вспоминая разорительное нашествие Девлет-Гирея в 1571 году, когда огонь спалил всю столицу.

В начале июля войско Казы-Гирея подошло к столице. Борис облачился в доспехи, сел на боевого коня. Федор передал ему всех своих

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 255.

телохранителей, которые до этого всегда находились при нем, ушел вместе с Ириной в палату и стал там молиться. Годунов в сопровождении царской свиты прибыл в войско, передав бразды правления князю Мстиславскому, окружил себя воинской думой из шести полководцев. И битва началась. Отчаянная битва равных по силе соперников.

Федор в тихой палате истово молился, просил Бога помочь его подданным одолеть заклятого врага. Устав молиться (а бой все продолжался), царь по обыкновению крепко заснул, проспал более трех часов, проснулся в добром расположении духа, увидел рядом стоявшего Григория Васильевича Годунова, напуганного ходом сражения, заплаканного, и сказал ему с тихой улыбкой праведника: «Не плачь. Мы победим!»

Русские одолели-таки крымцев, те побежали домой. Мстиславский и Годунов организовали погоню. Затем между ними возник инцидент, впрочем, незначительный, но все кончилось миром: блаженный царь не стал выделять из них главного, наградил обоих золотыми португальскими медалями. И других героев не обделил. Казалось, все должны были радоваться — такая удача! И радовались, и пировали, и раздавали всем царские милости.

И вдруг мрачнее тучи стал Борис. Пошел по Русской земле упрямый слух о том, что это он, Годунов, загубив наследника престола, призвал из Крыма Казы-Гирея, чтобы с его помощью захватить царский трон. Это было невероятно! В это поверить мог только безумец! Годунов приказал отрезать сотням жителей Углича языки, чтобы народ молчал. Он не стал молчать, возроптал на своем языке, на языке слухов.

Годунов озлился, послал верных людей в города, откуда растекались по стране фантастические слухи, и начались слежка, доносы, в том числе и ложные, началась резня. Многие города, особенно Алексин, пострадали так же, как и Углич. Годунов победил в этой схватке. Но народ не смирился с поражением. Он не способен еще был мстить, но прощать подобные над собой изуверства ему уже порядком надоело. Годунов этого не замечал. Он продолжал управлять государством уверенно и спокойно. В 1597 году Борис уверенно «подтвердил закон о прикреплении крестьян к земле», то есть отменил Юрьев день окончательно. В этом указе было объявлено о поимке бежавших из поместий крестьян в течение пяти лет. Те, кто не хотел быть пойманным, уходили на юг к вольным казакам. Прикрепление крестьян к земле было объективно необходимо государству, закабалив одних людей, оно улучшило положение других служилых людей. Отмена Юрьева дня и последующее издание холопского закона очень не понравились тем, кто превращался после полугода работы на хозяина в крепостного. Борис Годунов иного способа придержать людей в центральных районах страны не нашел. Но народ не принял душой отмену Юрьева дня, не изъявил никакого желания добровольно превращаться в холопов. То там, то здесь начались крестьянские волнения.

А 7 января 1598 года после недолгой, но тяжелой болезни умер царь Федор Иванович. Тихо умер, без хлопот. Уснул с блаженной своей улыбкой и не проснулся. Он и жил так же нехлопотно, о чем мастерски на-

писал Карамзин: «Двор московский отличался благолепием. Не одни любимцы державного, как бывало в грозные дни Ивановы, но все бояре и мужи государственные ежедневно, утром и ввечеру, собирались в Кремлевских палатах видеть царя и с ним молиться, заседать в Думе (три раза в неделю, кроме чрезвычайных надобностей: в понедельник, в среду и в пятницу, от семи часов утра до десяти и более) или принимать иноземных послов, или только беседовать друг с другом. Обедать, ужинать возвращались домой, кроме двух или трех вельмож, изредка приглашаемых к столу царскому: ибо Федор, слабый и недужный, отменил утомительные, многолюдные трапезы времен своего отца, деда и прадеда; редко обедал и с послами. Пышность двора его увеличивало присутствие некоторых знаменитых изгнанников Азии и Европы: царевич хивинский, господари молдавские (Стефан и Дмитрий), сыновья Волоцкого, родственник императоров византийских, Мануил Мускополович, селунский вельможа Дмитрий и множество благородных греков являлись у трона Федора, вместе с другими чиновными иноземцами, которые искали службы в России. Перед дворцом стояло обыкновенно 250 стрельцов с заряженными пищалями и фитилями горящими. Внутреннею стражею палат Кремлевских были 200 знатнейших детей боярских, называемых жильцами: они, сменяясь, ночевали всегда в третьей комнате от спальни государевой, а в первой и второй — ближние царедворцы, постельничий и товарищи его, называемые спальниками; каждую дверь стерег истопник, зная, кто имел право входить в оную. Все было устроено для порядка и важности»[1].

Историки, писатели и мыслители в своих оценках и характеристиках царя Федора Ивановича и его роли в истории Русского государства единодушны, но теплоты и человечности в этих оценках, пожалуй, больше у Н. М. Карамзина, а в теплоте этой кроется одна мысль, ускользающая от взоров холодных людей, ценящих лишь ощутимые и зримые победы.

«Народ любил Федора, как Ангела земного, — писал Н. М. Карамзин, — озаренного лучами святости, и приписывал действию его ревностных молитв благосостояние отечества; любил с умилением, как последнего царя Мономаховой крови».

Народную любовь проигнорировал Борис Федорович. Но уже через полтора года после восшествия на престол он если не пожалеет об этом, то очень удивится действиям тех, кто поначалу уважал его, затем боялся и в конце концов невзлюбил.

В жизни Федора Ивановича можно найти некие «душевные» параллели, которые роднят его, например, с упомянутым выше Эдуардом Исповедником и с другими монархами отживших свой век династий, отличающимися кротким нравом, таким кротким, что у некоторых людей некротких появляется вдруг подозрение об их умственных способностях.

Но кроткость — это не порок. И очень часто она бывает... вынужденной.

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 282—283.

Основные события жизни Федора Ивановича

1557 год. У первой жены Ивана IV Васильевича Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой родился сын Федор.

1582 год. 19 октября у седьмой жены Ивана Грозного Марии Федоровны Нагой родился сын Дмитрий.

Иван Грозный убил своего старшего сына Ивана Ивановича.

1584 год. После смерти Ивана Грозного 4 мая царем стал Федор Иванович, но фактическая власть перешла к пентархии, которую вскоре уничтожил Борис Годунов, ставший на годы царствования Федора Ивановича полновластным правителем Русского государства.

31 мая Федор Иванович венчался на царство.

Борис Годунов усмирил восставших в Казанской земле, продолжил завоевание Сибири.

В мае в Москве был подавлен мятеж, спровоцированный рязанскими дворянами Ляпуновым и Кикиным. Одного из членов пентархии — Бельского по требованию бунтовщиков отправили в ссылку.

Воеводы Нащокин и Волохов основали Архангельск.

1585 год. Борис Годунов разоблачил заговор Шуйских, Воротынских, Головиных и Мстиславского, пытавшихся заманить его на пир и убить. Мстиславского постригли, остальных сослали. Шуйских Борис пока не тронул.

Михайло Головин ушел к Баторию, косвенно подтвердив своим бегством серьезные намерения заговорщиков.

В декабре между Русским государством и Швецией заключено перемирие на четыре года без всяких территориальных уступок. Налаживались отношения с Данией.

Русские восстановили Терскую крепость на Кавказе и взяли под свое крыло Грузию, которой постоянно грозили то османы, то персы, а царь Федор стал именоваться в официальных документах государем земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкасских и горских князей. Пока — только на бумаге.

1586 год. В декабре умер Стефан Баторий. Началась кампания по выбору короля Польши. В ней принимал участие и Федор Иванович.

В Москве вокруг Большого посада был заложен Белый город, или Царев град.

Иван Петрович Шуйский принародно заявил о дружбе с Годуновым.

Сибирь поставила в казну двести тысяч соболей, десять тысяч черных лисиц, пятьсот тысяч белок, много бобров и горностаев.

1587 год. Борис Годунов, явно заигрывая с английской королевой Елизаветой, разрешил ее подданным торговать в Русском государстве беспошлинно.

13 декабря в Кракове коронован Сигизмунд. Оказавший ему помощь канцлер Ян Замойский выдвинул перед своим ставленником условие воевать с Русским государством, взять Москву или хотя бы Смоленск.

Крымцы осуществили два налета на Украину.

1588 год. В июле в Москву приехал патриарх Константинопольский Иоаким. В Москве была учреждена Московская патриархия.

1589 год. В январе был избран первый патриарх всея Руси, ставленник Годунова Иов.

Новый крымский хан Казы-Гирей сообщил Федору Ивановичу о нападении крымцев на Литву и Галицию.

1590 год. Федор Иванович принял личное участие в очередной войне со Швецией. Она прошла удачно для русских, которые отвоевали Ямы, Иван-город, Копорье, взяли большую добычу, в том числе огнестрельное оружие.

1591 год. 1 января заключено перемирие с Польшей на двенадцать лет.

15 мая в Угличе при неясных обстоятельствах погиб царевич Дмитрий.

2 июня Василий Шуйский доложил Боярской думе результат расследования, согласно которому царевич Дмитрий сам зарезал себя в эпилептическом припадке.

В июне в Москву доставлена из Константинополя Соборная грамота, одобряющая учреждение Московской патриархии.

В Москве вспыхнул пожар. Годунов повелел взять под арест людей Афанасия Нагого, якобы повинных в поджогах. Их не казнили.

Казы-Гирей осуществил поход на Москву. Русские одержали победу в битве под Москвой. В народе пошел слух о том, что Борис Годунов якобы специально пригласил Казы-Гирея, надеясь с его помощью занять московский трон.

Виновников в организации волнений в Угличе казнили, горожан сослали в Пелым.

Во время нашествия Казы-Гирея шведы устраивали налеты на северо-западные русские земли.

1592 год. Был отменен Юрьев день.

Жена Федора Ивановича Ирина родила дочь Феодосию. Девочка умерла через год. Опять появились слухи о том, что Феодосия умерла не своей смертью.

Зимой русские начали успешные боевые действия против шведов.

Люди Годунова ловили распространителей слухов, которых и губили и пытали нещадно.

1593 год. В Москву явился посол шаха Аббаса I Великого с ласковым письмом царю Федору от своего повелителя. Шах уступил русским Иверию, в чем не последнюю роль сыграл знаменитый герой Грузии Великий Моурави — Григорий Саакадзе.

В январе было заключено новое перемирие со Швецией, королем которой после смерти Иоанна в ноябре 1592 года стал его сын Сигизмунд.

Восстановив город-крепость Курск, основав Ливны, Кромы, Воронеж, царь Федор Иванович повелел строить Белгород, Оскол, Валуйку, пытаясь перекрыть все дороги, ведущие из Крыма в Москву.

Федор тщетно пытался с помощью султана воздействовать на чрезмерно активного Казы-Гирея.

1594 год. С Казы-Гиреем обменялись грамотами. Три года крымцы, помогавшие султану в войне против Венгрии, Русь не беспокоили.

Москва послала австрийскому императору на военные издержки против султана меха на громадную сумму. Толку от этого не было никакого, зато фурор в Европе русские послы произвели.

1595 год. Между Швецией и Русским государством заключен «вечный мир».

Продолжалась «письменная связь» русского царя и английской королевы, очень заботящейся о своих подданных — купцах, торгующих в России.

Царь Федор объявил себя владыкой Киргизской Орды.

1596 год. Королева Елизавета поблагодарила царя Федора за его внимательное и доброе отношение к английским купцам. (Немцы и купцы других стран не очень-то радовались условиям своей торговли с Москвой.)

Началось строительство крепости в Смоленске. Оно продолжалось четыре года.

Ослеп Семен Бекбулатович, один из возможных, хотя и маловероятных претендентов на московский трон. Слухи и это несчастье приписали Годунову.

1598 год. 7 января царь Федор Иванович умер.

Борис Федорович Годунов

(1552 — 1605)

Основатель династии?

Английский дипломат Джайлс Флетчер был послом в Москве в 1588 — 1589 годах. Еще живы были царевич Дмитрий, королевна Евдокия, внучка Владимира Андреевича Старицкого, еще не был ослеплен и сослан Семен Бекбулатович, еще сильны были некоторые представители рода Рюриковичей.

Вернувшись на родину, Д. Флетчер написал и издал в 1591 году (до гибели царевича Дмитрия) книгу «О государстве Русском». В этом сочинении, в частности, сказано: «Младший брат царя (Федора Ивановича), дитя лет шести или семи, содержится в отдаленном месте от Москвы (т. е. в Угличе) под надзором матери и родственников Нагих. Но, как слышно, жизнь его находится в опасности от покушения тех, которые простирают свои виды на престол в случае бездетной смерти царя»[1]. Там же английский дипломат делает вывод о том, что «царский род в России, по-видимому, скоро пресечется со смертью особ, ныне живущих, и произойдет переворот в русском царстве».

Этот вывод конечно же не является плодом размышлений одного только английского дипломата. Наверняка подданные Федора Ивановича, способные трезво анализировать ситуацию, догадывались, чем закончится история Рюриковичей. Смена династий в Русском государстве действительно была исторически неизбежна, в Москве даже действовали люди, готовые занять престол.

В этой борьбе, потаенной, коварной, Борис Годунов имел в 1584 году значительное преимущество: тогда только-только воцарившийся Федор Иванович начал щедро раздавать милости, подарки и дары, желая хоть таким образом загладить вину своего предшественника перед подданными. Многих он в те дни осчастливил, а брата своей жены, Бориса Годунова, сделал страшно богатым человеком. Слово «страшно» употреблено здесь намеренно, потому что богатство в руках таких людей может не только превратиться, и в руках Годунова оно превратилось, в средство достижения личных целей, удовлетворения личных амбиций и осуществления своих потаенных помыслов, но может влиять даже и

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 258.



на ход истории, как в данном случае оно повлияло на ход истории Русского государства.

По оценке того же Д. Флетчера, Борис Годунов имел со своих владений, дарованных ему царем, доход, который позволял ему выставлять при надобности крупное войско. С такими огромными средствами да при его организаторском таланте правитель за время царствования Федора Ивановича сумел создать политический капитал, и немалый: обеспечил себе поддержку духовенства, международную известность, окружил себя людьми, готовыми за деньги исполнить любые его поручения. Можно без преувеличения сказать, что более могущественного и влиятельного политического и государственного деятеля в Восточной Европе в 1598 году не было. Общественность, свою и зарубежную, методично готовил он к признанию за ним одним права на занятие царского престола.

А когда пришел срок, он взял власть не грубо — изящно, вынудив предварительно попросить себя, поуговаривать стать царем на Руси. Да не только бояре просили, но и духовенство, и народ. Об этом великолепном политическом спектакле написано много. Но главное в нем стоит отметить: в той сцене упрашивания Годунов праздновал публично победу над боярами, пытавшимися всеми средствами и любой ценой ограничить самодержавие, установить над царем думский контроль.

После заседания Собора, на котором волю Годунова диктовал патриарх Иов, было назначено три дня молитв и поста. Три дня молились

русские люди, отмаливали грехи свои, очищали себя постом. Очистились.

И двадцатого февраля патриарх Иов во главе выборных со всей Русской земли людей (впрочем, преобладали на том Соборе москвичи) отправился из Кремля в Новодевичий монастырь, где Годунов — этот гениальный сценарист, режиссер и дирижер — молился. Чуть меньше пятисот человек пошли из Кремля в Новодевичий к молебну, но с каждым шагом к торжественной процессии присоединялись новые люди. Народ, как известно, зрелища любит. А тут еще, если верить летописцам, люди Годунова стали стращать доверчивых москвичей, пугать их: если не пойдете уговаривать Бориса на царство, то по два рубля пени сдерем с вас. Почему не пойти? Пойдем! Люди, конечно, понимали, что если Годунова не просить на царство, то его и не поставят, тогда брать пени некому будет — разбегутся от него «верные люди». Но все равно шли. Почему? Потому что спектакль.

Пришел народ к Годунову в Новодевичий монастырь. А тот сказал Иову: «Не буду я царствовать, не мое это дело». Патриарх вернулся к людям, объявил им решение Бориса и сказал, что назавтра надо принести к нему икону Богородицы. «А уж если он опять откажется, то отлучу его от церкви», — заявил решительно патриарх. Интрига-то какая! А вдруг и впрямь отлучит? Как тут не пойти на следующий день к Борису на поклон?

Двадцать первого февраля еще больше народу собралось, во всех московских церквах зазвонили колокола, и под звоны колокольные отправилась Москва в Новодевичий монастырь. Отлучат или не отлучат?

Поначалу казалось, что Бориса надо отлучать от церкви: опять заартачился Годунов! Уж и сестра его, сданная им в монастырь и в иночестве принявшая имя Александры, уговаривала брата, и патриарх грозился очень артистично отлучить непослушного от церкви, и народ давил из себя слезу на февральском морозце, а он все упирался, не хотел брать царство. Но вдруг устал от всего этого спектакля, сдался и согласился! Только не плачьте, не уговаривайте, не давите из себя слезы на морозе — буду царствовать!

И стал Борис Годунов царствовать. И делал он в первый год все для людей. «... Он освободил весь сельский народ от податей на один год, а равно и всех иногородцев от платежей. Всем торговым людям Борис дал право беспошлинной торговли на два года, служилым людям выдал одновременно годовое жалованье... Закрыл кабаки... Преследовал бесчинное пьянство, что нравилось добронравным людям. Сидевшие в тюрьмах получали свободу, опальным прежнего царствования давалось прощение; вдовы, сироты, нуждающиеся получали от щедрот царя всепоможение. Борис непрестанно кормил и одевал неимущих. Казней не было. Борис даже воров и разбойников не наказывал смертью...»[1]

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. I. С. 476.

Какой замечательный царь! Но почему же, почему в народе потаенно, с самых первых дней царствования Годунова росло недовольство им, его политикой? Почему? Может быть, люди не могли простить ему невинных жертв — но Ивана-то IV Васильевича он все равно не превзошел! Может быть, они обиделись на него в те дни, когда стояли у Новодевичьего монастыря, а люди Годунова беззастенчиво пинали их в спины и шипели зло: плачьте! — но не такая уж это невидаль, да еще в те времена, чтобы помнить лицемерие сие всю жизнь. Или все-таки спектакля натужного православный народ и не простил ему? Почему народ московский не принял Годунова?

Любое государство развивается по чрезвычайно сложным законам. Существует среди них и такая закономерность движения от генераторов политических идей к их реализаторам, далее — к накопителям и затем к потребителям.

Ивана III Васильевича (тоже Грозного) с некоторыми оговорками можно назвать генератором идеи единодержавного национального Русского государства. Судебник 1497 года — правовое воплощение этой идеи. Василий III Иванович по сути своей был реализатором, он своей экономической деятельностью укрепил замысел отца. Иван IV Васильевич, используя достижения деда и отца, стал накапливать богатства, в том числе и территориальные, незаметно даже для самого себя создавая условия для генерации новой идеи. А какой она будет, определяло время потребителей, они отсеивали, использовали и присваивали, проверяли на зуб, на запах и вкус, на прочность государственное творчество предшественников.

Период правления и царствования Бориса Годунова является ярко выраженным временем потребителей, у которых есть все: идеи, материальные богатства и т. д. Можно жить, ничего нового не создавать, ничего не выдумывать, не генерировать, все в основном создано — нужно просто использовать, брать, хапать, как в народе говорят, загребать, плохо представляя себе, даже совсем не представляя, откуда все взялось: это золото, эти меха, откуда соль, хлеб, металл, откуда сказания, откуда молитвы взялись на этой земле.

Но, может быть, все сказанное Бориса не касается — бездельником на троне его не назовешь. После нашествия Казы-Гирея в 1591 году Борис Годунов организовал московский люд на крупное строительство нового города. Действительно, в течение одного года вокруг всех посадов была возведена деревянная крепостная стена, скрепленная высокими башнями, мощными воротами. Новый город называли Скородумом и Скородомом, так как его быстро задумали и быстро построили. Он представлял собой кольцеобразный четырнадцатикилометровый красивый дом, которым восторгались не только русские люди, но и иностранцы. Для строительства этого уникального сооружения потребовалось много леса. Заготовители и подвозчики, а также мастера-строители получали хорошее жалованье и славили по справедливости Бориса Годунова, тогда еще правителя.

В 1600 году архитектор Бон Фрязин построил в Кремле колокольню «Иван Великий» высотой в 81 метр. В царствование Годунова народ

называл ее «Годунов столп». Существует предположение о том, что задумана она была еще и как смотровая, сторожевая башня, с высоты которой обозревались подступы к Москве.

К зданию Посольского приказа, возведенному еще в 1565 году, Годунов в 1602 — 1604 годах пристроил большое здание для приказов (присутственных мест). В те же голодные годы, чтобы дать людям возможность заработать на хлеб, он соорудил здание в Кремле на взрубе, впоследствии названное Запасным двором.

В 1595 году, после пожара, уничтожившего весь Китай-город, Годунов организовал строительство новых каменных торговых рядов, чем очень потрафил купцам.

Архиепископ Елассонский Арсений, приверженец Бориса Годунова, составил список его дел, который приводит в своем сочинении «История города Москвы» И. Е. Забелин: «Он (царь Борис), говорил архиепископ, возобновил и украсил многие церкви и монастыри; храм Богородицы (Успенский собор), патриархию покрыл железною крышею; украсил, возвысил и покрыл золотом большую колокольню (Ивана Великого); в большом дворце внутренние палаты золотые расписал живописью (Грановитую палату); воздвиг вновь большой дворец близ реки Москвы (на взрубе, как выше упомянуто); построил большой мост в середине Москвы со многими намарами (лавками, мост через Неглинную, у Воскресенских или Неглиненских ворот); еще воздвиг с основания большой храм Николая Чудотворца в Москве на Арбате (Николы Явленного); устроил много серебровызолоченных рак, украсив их многочисленным жемчугом и драгоценными камнями и переложив в них чудотворные святые мощи святых, просиявших в Москве и во всей России, иже во святых митрополита Московского и всея России Алексея чудотворца, св. Блаженного Василия чудотворца, преподобного Макария Калязинского чудотворца, преподобного Пафнутия Боровского чудотворца, устроил и другие многие ковчеги из чистого золота и положил в них все святые частицы мощей, которые находились в царской казне и которые патриарх вместе с царем и со всем архиерейским и священным чином приносят в Великую пятницу с торжественною литаниею в соборную церковь Пресвятой Богородицы и поют великие часы и после часов и вечерни снова относят в соборный храм Благовещания в казну, где они хранятся. Этот же царь устроил плащаницу с изображением Господа Христа с Божьей матерью, двенадцатью апостолами и Иосифом и Никодимом из чистого золота тонкой работы, достойной удивления. На изображение Господа Христа пошло чистого золота 200 литр и на изображение апостолов по 200 литр. Он же отлил два больших колокола, один для Москвы, в который звонят в великие праздники, а другой в монастырь св. Троицы. Подобной величины колоколов и такой красоты нельзя найти в другом царстве во всем мире. Он возобновил и украсил девичий (Новодевичий) монастырь близ Москвы и совершил многочисленные другие прекрасные дела и украшения»[1].

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 162.

Действительно, все это в Москве построено и украшено при Годунове, но по его ли почину, по великой ли его идее об устройстве земли Русской сделано все это или из желания заработать очки у глазастого и языкастого народа московского?

Борис Годунов был гениальным потребителем. Об этом говорит в своем очерке и Н. И. Костомаров: «Ничего творческого в его природе не было. Он не способен был сделаться ни проводником какой бы то ни было идеи, ни вожаком общества по новым путям: эгоистические натуры менее всего годятся для этого»[1]. Нельзя согласиться с категоричным приговором эгоистическим натурам, потому что и среди них были великие генераторы, например, тот же Александр Македонский или Чингисхан. Не эгоистичность, а именно ярко выраженная потребительская сущность Бориса Федоровича, оказавшегося ко всему прочему в потребительской эпохе истории страны, определяла его политические и человеческие возможности. В качестве государственного правителя, совершенно справедливо подметил Н. И. Костомаров, он не мог быть дальнозорким, понимая только ближайшие обстоятельства, и пользоваться ими мог только для ближайших и преимущественно своекорыстных целей.

Весной 1598 года до Москвы дошли слухи о том, что крымский хан двинулся с крупным войском в центр Русского государства. Годунов — прекрасный организатор, ничего не скажешь — собрал под Серпуховом крупнейшее за всю предыдущую историю Руси войско, по сведениям летописцев, в нем было около полумиллиона человек.

Великий Собор, полностью подчиненный его воле, повелел боярам и дворянам забыть местничество, и знатные воины исполнили этот приказ, они становились в строй по первому слову Годунова, не спрашивая, где им положено стоять согласно разрядным книгам, в которых тщательно велись записи (своего рода военная летопись) о том, какой князь или боярин, дворянин или воевода командовал таким-то полком, чтобы потомки его знали и свой полк, и свой чин. Подобная практика часто очень мешала выявлять талантливых военачальников... Борис в том царском походе разрешил все связанные с местничеством проблемы.

Воины подчинялись ему беспрекословно. Он ощущал себя на вершине счастья. Вероятнее всего, тот поход явился апофеозом политической карьеры Годунова. Царь, еще, правда, не венчанный на царство, так полюбил военное дело, что ежедневно устраивал смотры, руководил войсками — это очень будоражило его тщеславие.

Крымцы не появились. То ли испугались они пятисоттысячной армии, то ли слухи оказались ложными, то ли царь-батюшка сам запустил их через своих людей (есть и такие предположения), но 18 июня вернулся в русский лагерь посланный к Казы-Гирею гонец и сообщил Годунову о том, что крымский хан очень ласково его встретил, «наградил деньгами и чином».

Эта демонстрация силы Годунова, но отнюдь не Русского государства, породила и порождает до сих пор разные толки среди военных

---

[1] *Костомаров Н. И* Указ. соч. С. 453.

специалистов и историков. Но был ли то очередной спектакль или нет, а Борис свое дело сделал, политические дивиденды себе обеспечил, по-доброму простился с войском и, оставив на полумиллионный пикник яства, мед, вино, одарив бархатами и парчами чиновников и воевод, поехал в Москву. Прямо царь Дарий, на которого в Европе не нашелся, к счастью для русских людей, юноша Александр.

Первого сентября 1598 года Годунов уверенно венчался на царство. Уже в январе следующего года в Москву прибыл победитель Кучума воевода Воейков, после чего освоение Сибири приняло еще более широкий размах, а значит, увеличилось количество шкурок ценнейшего меха, поступавшего в Москву.

Дела международные развивались успешно. Все шло хорошо у основателя новой династии. И вдруг...

Война со слухами

В конце 1600 года среди самых разных русских людей слух пошел упрямый, будто бы не убили царевича Дмитрия, спасли его, припрятали до поры до времени добрые люди. Об этом узнал Борис Годунов, содрогнулся сердцем. Злым он себя никогда не считал, даже тогда, когда замысливал лютые казни против врагов, оттесняя их подальше от царей: сначала от Ивана Грозного, затем — от его сына. И теперь он себя злым не считал, но дело было очень серьезным, и царь Борис вступил в войну с невидимым, грозным врагом — со слухом народным — не задумываясь.

С первых же дней этой ни на день не прекращающейся битвы Годунов резко изменился. Если раньше он старался быть на виду у всех этаким спокойным, умудренным многолетней работой на вершине власти, то теперь лицо его стало мрачным, взгляд — недоверчивым, слово — резким. Через верных людей царь пытался отыскать следы того, кто называл себя царевичем Дмитрием, но сделать ему это не удалось. И тогда он нанес удар по предполагаемым противникам: отправил в ссылку Богдана Бельского, который был ближе всех к Дмитрию, а затем — бояр Романовых, приходившихся Федору Ивановичу двоюродными братьями. С точки зрения добросовестного сыщика, он сделал верный ход: удалил подальше от столицы тех, кому распространение слухов было наиболее выгодно. Самого мудрого из Романовых — пятого двоюродного брата Федора Ивановича насильно постригли под именем Филарета в монастыре Антония Сийского.

Но слухи о царевиче Дмитрии, который якобы жив, не утихали — наоборот, распространялись все быстрее по огромной стране.

Годунов, не понимая, куда может привести его каждый сделанный им неосторожно шаг, нанес второй удар по возможным распространителям зловредных слухов: в ссылку отправились близкие Романовым люди: Черкасский, Репнины, Пушкины и другие.

Слухи не угасли.

Страна наводнилась шпионами. Сначала ими становились только близкие Годунову люди, но вскоре шпионили уже и попы, дьяконы, бояре, холопы... Доносили друг на друга все, даже родственники. За

каждый сколько-нибудь обоснованный донос холопы, например, получали свободу, остальные — хорошо награждались либо из казны, либо из средств отправленного в ссылку подозреваемого в распространении слухов.

Борис Годунов уже не выглядел ни мудрым, ни добрым, ни спокойным. Он вновь взрыхлил и даже удобрил то поле, которое несколько десятков лет назад засеял Иван Грозный, когда во времена опричнины дело дошло до того, что муж доносил на жену, брат на брата. Опасные зерна! Из них обычно вырастают демоны смуты, люди без душевных тормозов, способные на любые злодеяния. Годунова это не интересовало. Он, видимо, надеялся, что ему удастся вовремя остановить этот процесс, убить демона смуты, как это удалось сделать Грозному. Или он не очень представлял, с чем страна может столкнуться, когда у ее обитателей так сильно повреждается нравственность.

Не объясняя суть своих претензий к схваченным по доносам людям, он повелел их пытать. Многие не выдерживали пыток, «сознавались» во всех грехах, но... о Дмитрии они сказать ничего не могли, потому что никто толком ничего не знал. Только слухи. Где-то живет-поживает-мужает царевич Дмитрий. Страшная это опасность — слухи — для любого правителя. Опасаться их надо, как огня в знойное лето. Слухи — это первый показатель растущего недоверия к любому правителю, это первое предупреждение о том, что в государстве есть какие-то неполадки, которые надо обнаружить и устранить.

Быстро распространяющиеся слухи о спасении царевича Дмитрия говорили о большем: народ отказывает в доверии Борису... Но царь не верил в это и о доверии народа не думал! Он повелел перекрыть границу с Польшей, расставить на дорогах караулы, повелел ловить слухи, позабыв о том, что их поймать нельзя, что эта ловля порождает в народе новые слухи. То был неравный бой.

В 1601 году страну поразил неурожай. Борис Годунов сделал все от него зависящее, чтобы спасти малоимущих от голода, но справиться с несчастьем ему не удалось. Хлеб дорожал. Люди съели всех собак, кошек. В Москве на рынках появилось человеческое мясо. В 1602 году опять был неурожай! У Годунова было много денег, много сибирского меха. Но почему-то ему не удалось закупить в других странах хлеб. Почему?

«Современники говорят, будто в эти ужасные годы в одной только Москве погибло до 127 000 человек» (Н. И. Костомаров). По другим данным, от голода тех лет в одной только Москве умерло 500 тысяч человек, «а в селах и в других областях еще несравненно более, от голода и холода...» (Н. М. Карамзин). К этим цифрам нужно относиться очень внимательно. Они могут рассказать о многом. В том числе и о путанице в самих цифрах. Так, например, некий автор утверждает, что после опричнины и последующей жесткой политики Грозного в Москве якобы осталось всего чуть ли не 30 тысяч жителей. И вдруг через неполных двадцать лет в городе, по одним данным, умирает 127 тысяч, а по другим — 500 тысяч (не считая погибших в подмосковных селах).

Несмотря на бурную рождаемость, а также на приток в окрестности Боровицкого холма людей из других областей страны, цифры — 30 и 127, тем более 500 не стыкуются. Хотя, конечно, нужно верить летописцам: голод и холод первых трех-четырех лет XVII века унесли много жизней. И как тут не вспомнить некоторые показушные дела Годунова — лицедея и лицемера. На одном только пикнике осенью 1598 года под Серпуховом полмиллиона воинов съели столько яств, сколько спасло бы тысячи, десятки тысяч человек от голодной смерти. Народ не мог не знать о том пикнике...

Тяжело было Борису управлять страной, по которой шальным ветром носились слухи о законном престолонаследнике. Чтобы поправить государственные дела, он попытался выдать свою дочь за Иоанна, брата датского короля, но тот неожиданно скончался в октябре 1602 года — и вновь заметался в разгоряченных мозгах очередной слух, будто бы сам царь отравил своего будущего зятя. Это уже были не слухи, но слухами выражаемый протест против всего, что бы царь ни делал. Годунов, однако, еще сопротивлялся.

Лишь в начале 1604 года Борису удалось ухватиться за одну ниточку: он узнал, что назвавший себя Дмитрием находится у казаков и что они под водительством «царевича» готовятся к походу на Москву.

Войну со слухами царь Борис проиграл подчистую, потери его были невосполнимыми, он напрочь потерял доверие русского народа, и это самым непосредственным образом сказалось на войне между Лжедмитрием и Годуновым, которая началась после того, как 16 октября 1604 года самозванец с небольшим войском польской шляхты и примкнувшими к нему казаками пересек границы Русского государства.

Польский вариант

Кто был в действительности Лжедмитрий I, да и Лжедмитрий II, не столь важно. В конце концов подобные «герои» в истории человечества встречались не раз, и мало кто из них надолго задерживался на тронах и делал для народа той или иной страны нечто славное, доброе. Главное в данном случае другое: кому самозванец был нужен, кому принес он больше пользы.

Польские магнаты Вышневецкие и Юрий Мнишек очень скоро поверили молодому человеку из придворной челяди, назвавшемуся сыном Ивана IV Грозного, оповестили об этом короля Сигизмунда III, а тот, в свою очередь, еще быстрее понял, какую прибыль от него может получить Речь Посполита: смута в соседнем большом государстве — что может быть лучше? Между прочим, еще год-два до «появления на свет» самозванца из Руси польский король строго потребовал от казаков отваживать от себя «разных господарчиков», а тут он вдруг проявил неожиданное рвение в деле придворного человека Адама Вышневецкого, пригласил к себе Лжедмитрия I, выделил ему ежегодный пансион в сумме 40 000 золотых в обмен на обещание возвратить в случае победы Смоленск и Северские земли Польскому государству.

Сделка состоялась. Ее старались не афишировать, так как между Речью Посполитой и Русским государством еще действовало перемирие. Самозванец при поддержке новых друзей подготовился к войне и пошел в поход на Москву.

И тут с Борисом Годуновым случилась самая страшная беда: он узнал, что на воззвание Лжедмитрия положительно откликнулась казацкая вольница, без боя сдались ему Моравск и Чернигов, жители прибрежных деревень на Десне встречали его хлебом-солью. Народ поверил в законного да еще и обойденного судьбою царевича. А вероятнее всего, он хотел в них верить... Слухи — не ветер беспечный: хочу — гоняю туда-сюда бахрому трав или тяжелые шапки деревьев, а хочу — спать залягу хоть на месяц. Слухами земля полнится не потому, что травы или звери, или птицы разносят их по всему земному шару, но потому, что люди живут на земле, которым слухи эти интересны, а то и жизненно необходимы, может быть, как мечта необходимы. Народная мечта, как народная идея, заложено в ней очень много. Мечту «подслушать» можно из слухов. Не смог Борис этого сделать, и народ пошел от него к самозванцу. Ситуация требовала от него принципиально новых решений, но лицедей-царедворец не знал их. Он мог только гениально потреблять созданное другими.

11 ноября 1604 года воевода Басманов в Новгород-Северском отразил несколько атак войска Лжедмитрия, от которого тут же побежала польская шляхта. И сам-то претендент поспешил от удачливого воеводы в Путивль. Но не успел Борис порадоваться победе, как пришли новые печальные вести: самозванца признали Курск, Севск, Кромы, другие города, у него собралось уже 15 000 воинов! Всего-то пятнадцать тысяч. У Годунова на параде, а затем на пикнике было пятьсот тысяч. Куда же все делись? Как же Борис смог так быстро промотать свой политический капитал? Действительно — гениальный потребитель, мот.

21 января правительственная армия нанесла Лжедмитрию поражение под Севском, но русские города продолжали сдаваться самозванцу. Годунов отправил послов в Польшу с требованием выдать «вора»! Ответ польского сейма не удовлетворил безродного царя Бориса. Ян Замойский после пламенной речи сказал: «Этот Дмитрий называет себя сыном царя Ивана. Об этом сыне у нас был слух, что его умертвили. Он же говорит, что наместо его умертвили другого! Помилуйте, что это за Платова или Теренцева комедия? Возможное ли дело: приказали убить кого-то, да притом наследника, и не посмотрели, кого убили. Так можно зарезать только козла или барана! Да если бы пришлось возводить кого-нибудь на московский престол, то и кроме Дмитрия есть законные наследники — дома владимирских князей: право наследства приходится на дом Шуйских. Это видно из русских летописей».

Не понравился такой ответ Годунову. Еще бы! О Борисе в русских летописях ничего не говорилось как о человеке, имевшем право на престол!

Положение его резко ухудшилось. Народ продолжал переходить на сторону Лжедмитрия. За дело взялся патриарх. Но ни его грамота, ни

проклятие церковью самозванца не подействовали на народ. Лжедмитрий наступал. Бориса могло спасти только чудо. Но «спасла» его смерть: 13 апреля 1605 года Годунов внезапно умер.

Подведем итог жизни царя Бориса словами Н. М. Карамзина:

«Величественною красотою, повелительным видом, смыслом быстрым и глубоким, сладкоречием обольстительным превосходя всех вельмож (как говорит летописец), Борис не имел только... добродетели: хотел, умел благотворить, но единственное из любви к славе и власти; видел в добродетели не цель, а средство к достижению цели; если бы родился на престоле, то заслужил бы имя одного из лучших венценосцев в мире; но рожденный подданным, с необузданною страстью к господству, не мог одолеть искушений там, где зло казалось для него выгодою — и проклятие веков заглушает в истории добрую славу Борисову.

<...> Престол казался Годунову не только святым, лучезарным местом истинной, самобытной власти, но и райским местом успокоения, до коего стрелы вражды и зависти не досягают, и где смертный пользуется как бы божественными правами. Сия мечта о прелестях верховного державства представлялась Годунову живее и живее, более и более волнуя в нем сердце, так, что он наконец непрестанно занимался ею»[1].

Н. М. Карамзину вторит С. М. Соловьев, добавляя, что рожденный подданным редко способен править. «...Этот престол для знаменитого конюшего боярина был самою лучшею меркой нравственного величия, и тотчас обнаружилось, что он не дорос до этой мерки... Он искал престола не по одному только властолюбию, он искал его и по инстинкту самосохранения... Годунов принадлежал к новому, второму поколению бояр московских... Годунов воспитался, достиг боярства во вторую половину царствования Грозного, в то время, когда боярин не мог безнаказанно обнаружить самостоятельность своего характера, когда он должен был сохранить свою жизнь, свое приближенное положение к царю только при ясном сознании своей слабости, своей полной зависимости, беспомощности, только заботливо наблюдая за движением наверху и около себя, с напряженным вниманием озираясь во все стороны... Годунов, который, будучи боярином, казался достойным царствовать, явился на престоле боярином, и барином времен Грозного, неуверенным в самом себе, подозрительным, пугливым, неспособным к действиям прямым, открытым, привыкшим к мелкой игре в крамолы и доносы, не умевшим владеть собою, ненаходчивым в случаях важных, решительных»[2].

Равнодушных к правлению Бориса Федоровича, к его времени среди крупных историков нет — очень ответственное было время, время потребителей, с одной стороны, а с другой — время напряженного поиска нового пути. Оно закончилось Смутой. В недрах Смуты родилась новая политическая и государственная идея, которую принялись воплощать в

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 207, 250.

[2] *Соловьев С. М.* В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Т. IX — XII. Калуга: Золотая аллея, 1995. С. 319.

жизнь русские люди во главе с представителями новой династии царей Романовых. Надо подчеркнуть, что эта идея несколько отличалась от созревавшей в недрах эпохи Грозного — Годунова, на что повлияли многие причины, связанные между собой странными связями: неудача в Ливонской войне и прорыв в Сибирь, богатства которой некоторым образом разнежили русских правителей XVII века, хотя в конце концов явились для России мощной опорой стабильности и силы; Смута, логически завершившая время потребителей, благоприятнейшая международная обстановка, сложившаяся вокруг Русского государства в начале так называемого бунташного века. Но речь об этом пойдет позже.

Основные события жизни царя Бориса Федоровича Годунова

1552 год. Родился Борис Федорович Годунов. Согласно родословным, он происходит из рода татарского мурзы Чета, прибывшего в Москву из Орды на службу к князю Ивану Калите. Согласно версии Р. Г. Скрынникова, Борис Годунов — «худородный» потомственный боярин из Костромы.

1570 год. Борис Годунов принимал участие в Серпуховском походе рындою при царском луке со стрелами.

1571 год. Борис Годунов — дружок на свадьбе Ивана IV Васильевича с Марфой Васильевной Собакиной.

Борис Годунов женился на дочери Малюты Скуратова-Бельского Марии Григорьевне.

1578 год. Борис Годунов стал кравчим.

1580 год. Иван IV Васильевич избрал сестру Бориса Ирину в жены сыну Федору. Борис Годунов пожалован в бояре.

1581 год. 31 мая после совершения обряда венчания на царство Федора Ивановича Борис Годунов получил знатный чин конюшего, звание ближнего великого боярина и наместника царств Казанского и Астраханского и других богатых земель. Ему также были доверены казенные сборы.

1584 год. После смерти Никиты Романова Борис Годунов выдвинулся на первое место в дворцовом окружении царя.

Опала постигла князей Головиных.

1584 — 1598 годы. Борис Годунов — правитель при царе Федоре Ивановиче.

1585 год. Летом насильственно пострижен старый князь Мстиславский.

1587 год. Борис Годунов пресек заговор бояр и митрополита Дионисия, пытавшихся убедить Федора Ивановича развестись с Ириной и отправить ее в монастырь.

Опала постигла Шуйских. Старшие из них, знаменитые Иван Петрович и Андрей Иванович, умерли в темницах (может быть, удавлены).

Митрополитом всея Руси стал ставленник Бориса Годунова Иов.

1588 год. Дума дала Борису Годунову официальное право сноситься с иностранными державами.

1589 год. Дума издала еще одно постановление, подтверждающее право Бориса Годунова вести международные переговоры от имени царя и Думы.

1598 год. 21 февраля Борис Годунов согласился стать царем всея Руси.

Весной в Москву прибыли гонцы с вестью о приближении к столице огромного войска Казы-Гирея. Борис Годунов собрал пятисоттысячное войско под Серпуховом, ждал врага, устраивал парады. Казы-Гирей не пожаловал на битву.

В конце лета воевода Воейков отправился в поход на Обь. Войну против хана Кучума он выиграл.

В Сибири основан город Верхотурья.

1 сентября произошло торжественное венчание Бориса на царство.

Борис Годунов «возобновил жалованную грамоту, данную Иваном митрополиту Афанасию», оставлявшую духовенству значительные льготы.

Борис Годунов вызвал к себе Густава Адольфа, сына сверженного шведского короля Эрика XVI, хотел женить его на своей дочери Ксении, дал ему Кимру в удел, надеялся, что город станет базой для завоевания Ливонии. Густав вел себя легкомысленно. Его время придет позже, когда он станет королем Швеции. Сватовство не состоялось.

1600 год. В народе пошел слух, что царевич Дмитрий жив.

В Москве опасно заболел и умер принц датский Иоанн, еще один потенциальный жених красавицы Ксении.

В Сибири основаны города Мангазел и Туринск.

Борис Годунов послал в Европу человека с просьбой привезти в Москву профессоров и докторов с целью организовать в столице университет. Духовенство помешало осуществить эту идею.

1601 год. Борис Годунов пошел на смягчение закона, отменяющего Юрьев день, разрешил крестьянам в некоторые годы менять владельцев.

1601 — 1603 годы. Из-за неурожаев резко обострилась внутриполитическая ситуация в стране. Слухи о живом царевиче усилились. Борис Годунов повсл с ними борьбу, обреченную на неудачу.

1602 год. В Польше при дворе магната Вышневецкого объявился Лжедмитрий I. Польский король решил использовать его в своих целях. Он поддержал Лжедмитрия, по слухам — монаха-расстригу Гришку Отрепьева, материально, заключил с ним тайный договор, согласно которому в случае победы самозванца к Польше отходили Смоленск и Северская земля. Началась так называемая скрытая польская интервенция 1604 — 1606 годов.

1603 год. В южной и центральной России вспыхнуло восстание крестьян под руководством Хлопка. Восставшие разгромили крупный отряд правительственного войска, но 9 сентября потерпели сокрушительное поражение. Хлопок был казнен.

Казаки напали на карасанский улус. Казы-Гирей в знак протеста выслал из Крыма русского посла.

26 октября в Новодевичьем монастыре скончалась Ирина, вдова Федора Ивановича.

1604 год. Борис Годунов хотел выдать Ксению замуж за одного из герцогов шлезвигских, но сам умер, не довел дело до конца.

В Сибири основан Томск.

Октябрь. Самозванец перешел границу Русского государства, взял Моравск, двинулся к Чернигову. Жители города перешли на его сторону. Крепость пала.

11 ноября. Лжедмитрий с отрядом в восемь тысяч человек осадил Новгород-Северский.

21 декабря. В сражении у реки Узруй польский ставленник одержал победу над русской ратью Мстиславского.

Декабрь. Начало осады Кром запасной ратью под командованием воеводы Шереметева.

1605 год, 21 января. Русское войско одержало победу над самозванцем под Добрыничами. Преследование организовано не было, Лжедмитрий спасся бегством.

13 апреля. Умер Борис Годунов, царем стал шестнадцатилетний сын его Федор.

Конец Годуновых

После смерти Бориса Годунова патриарх Иов объявил царем шестнадцатилетнего Федора, сына Бориса. Москва присягнула новому царю. Законному!

Понимая, что править юноше будет сложно, его мать Мария и патриарх приказали князю Мстиславскому, князьям Василию и Дмитрию Шуйским прибыть в столицу. Они оставили войско и явились в Кремль. Из темницы был освобожден князь Дмитрий Бельский. Дума в лице прибывших получила опытных государственных деятелей. Главнокомандующим в войско, отражавшее натиск продвигавшихся к сердцу страны полков Лжедмитрия, был отправлен способный военачальник Басманов. Первым делом он вместе с митрополитом Исидором принял от воинов присягу верности новому царю. Казалось, шанс разгромить Лжедмитрия у Федора Борисовича появился.

Но вдруг в Москву пришла страшная весть: Басманов переметнулся к самозванцу! Несколько дней он тайно готовился к этому, вел переговоры с Лжедмитрием, получил от него щедрые обещания, подговорил других князей и воевод. 7 мая предатель выехал на коне перед войском и громко крикнул: «Дмитрий есть царь московский!» Беда была не в том, что среди кремлевских вельмож появилось много сторонников самозванца, и даже не в том, что Федор Борисович не мог еще в силу своей молодости организовать противнику достойное сопротивление. Беда в том, что Басманов, хитрец предатель, действовал наверняка, он знал, какой будет реакция русских воинов на это известие. Рязанский полк первым, за ним и другие полки (а это тысячи людей) закричали в безумной радости: «Да здравствует Дмитрий Иванович, наш отец, государь наш!» И дело тут, конечно, не в гнусности Басманова, желавшего выслужиться перед новым повелителем и занять — чем черт не шутит — место, самое близкое к трону лжецаря, как об этом пишут многие историки. А дело в том, что в войске верили в возможность спасения законного престолонаследника. И, может быть, Басманов тоже верил в это. Мнение народное подтолкнуло Басманова к измене царю законному, обрекло новую династию на гибель в самом начале ее правления.

— Дмитрий! Дмитрий! — скандировало войско.

Но почему народ выбрал «сына» Грозного, а не сына Годунова? Почему, выбирая Лжедмитрия, народ отрекся от всего, что связано было с Борисом? Почему со дня воцарения Федора по Москве от дома к дому,



Федор Годунов

от человека к человеку распространялась злорадная весть: «Недолго ему царствовать! Дмитрий Иванович близко!»

В первый день лета в столицу прибыли послы от Лжедмитрия — Плещеев и Пушкин. Сначала они зачитали грамоту самозванца в одной слободе. Претендент на московский престол, поведав согражданам о своих успехах, обещал всем большие льготы. Народ, хоть и надоел ему Годунов, хоть и ходили слухи о том, что сын Ивана IV Васильевича рядом, был неглуп и отнесся к грамоте настороженно. Слобода не проявила радости даже по поводу обещания льгот.

В Москве послов Лжедмитрия повели на Красную площадь. Разбираться нужно было всем миром. Москва слушала грамоту, думала, решалась. Не решилась, однако. Призвала князя Шуйского — одного из членов комиссии по расследованию дела в Угличе. Так убили царевича или нет? Василий Шуйский, человек не злой, но робкий, вышел к лобному месту и трусовато слукавил: нет, мол, не убили в Угличе царевича. Это был приговор Годуновым, стране и себе в том числе.

По дикому шуму толпы находящиеся в Кремле бояре и патриарх могли понять, что произошло непоправимое. Иов, не в силах предпринять что-либо, плакал. Бояре онемели от ужаса. Мстиславский, Бельский и еще несколько сильных духом бояр вышли к людям, пытались схватить Плещеева и Пушкина, но было поздно. Рюриковичи совершили еще одну грубую ошибку: они не заткнули рот Шуйскому, человеку изворотливому, неискреннему. А народ, хоть и сам не ангелочек этакий с умильным личиком, все же, как дитя, больше всего ненавидит неискренность. Уже насмотрелся народ на Годунова: тот был поразительно неискренен даже

в радости. В этом отношении он являл собой прямую противоположность Грозному, да и Нерону, которого, если верить римским историкам, народ любил, Наполеону и дюку Нормандии Вильгельму, сыну Роберта Дьявола... Шуйский, бывший всегда на вторых ролях, словно бы пропитался неискренностью, взлелеял ее в душе своей, незлобной и робкой, и в конце концов она его сгубила.

«Смерть Годуновым!» — рычала одуревшая от прозрения толпа: Дмитрий-то Иванович жив, поди, вот радость-то какая, и народ устремился в Кремль.

Федор Борисович сидел на троне. Юноша, ничего не понимающий в государственных делах, на вид неглупый, физически сильный, с хорошими для русского царя, для грядущего времени задатками. «Нет, — ревела толпа. — Смерть Годуновым!» Царя законного, совсем недавно принимавшего у этой же самой толпы присягу, толпа сбросила с престола. Мать Федора, дочь Малюты Скуратова, забыв о царском своем положении, бросилась в ноги одичавшим людям. Не убивайте! Пощадите!

Пощадили пока. Злость еще не вскружила головы людям. Царя, его мать и сестру перевели в дом Бориса Годунова, поставили у дверей стражу, и растеклась толпа по Кремлю, взломала двери домов всех родственников Годуновых. Много там было добра! Бояре не смогли предотвратить погром — народ ринулся в казенные погреба. Но тут уж слово свое сказал Богдан Бельский. Погреба-то теперь не Годунова, а законного царя Дмитрия! Разве ему понравится это самоуправство?

Народ одумался. На царское не посягнул, присягнул Лжедмитрию, а затем добил сторонников Годунова: патриарха Иова, поиздевавшись сначала над ним как ставленником узурпатора, отослали в Старицкий монастырь, бояр — приспешников Годунова — в отдаленные города да в темницы.

А затем настал час Федора Борисовича. 10 июня семь человек вошли в дом Годунова: два князя, Голицын и Мосальский, два чиновника, Молчанов и Шерефетдинов, и три вооруженных стрельца, зверовидных, как пишут хронисты.

Федор и сестра Ксения сидели рядом с Марией и ждали приговора народа. Приговор был жестокий. Царя и Ксению развели по отдельным комнатам, царицу молчаливую стрельцы удавили без труда. Затем перешли в комнату Федора, набросились на него. Он, совсем юный, стал сопротивляться. Стрельцы почувствовали силушку царя, но одолеть их он все-таки не смог. Удавили сына Бориса Годунова, внука Малюты Скуратова, и зачем только дед лютовал-старался, если внуку от этой лютости лишь удавка злодеев досталась... да в шестнадцать-то лет!

Ксению они могли бы той же удавкой удавить, но Лжедмитрий, даром что царь, любил боярынек красивых, а уж внучка у Скуратова Малюты была хороша. Отвели ее к Мосальским в дом. Природа одарила ее не только женской красотой, но и добрым умом, а Борис постарался дать ей образование. Была она «писанию книжному искусна» и «гласи воспеваемы любляше». И нравом она отличалась добрым, и с людьми самыми разными находила общий язык: чем не невеста? Борис Годунов куда только сватов не посылал, да не успел выдать замуж красавицу. В возрасте

двадцати трех лет попала она к самозванцу. А уж этот мужик покуражился над ней, повеселился. Полгода играл он с ней, чуть не заигрался, пока отец Марины Мнишек не потребовал от Лжедмитрия отослать ее подальше с глаз долой.

В одном из Белозерских монастырей появилась инокиня Ольга. Но на этом судьбинушка горькая не оставила Ксению — Ольгу в покое. Вскоре Василий Шуйский, воцарившись, призвал дочь Бориса в Москву, где при ее участии состоялось торжественное перенесение останков ее отца, матери и брата в Троице-Сергиев монастырь. Здесь пережила она осаду интервентов, охраняя родные могилы, а затем отправилась в Новодевичий монастырь, столь памятный всем Годуновым.

Но и здесь Ксении не было душевного покоя. В 1611 году ворвались в монастырь казаки Заруцкого, разграбили обитель, надругались над инокиней Ольгой, и не смогла она, красавица, каких даже на Руси было не так много, женщина с изломанной судьбой, оставаться в Новодевичьем монастыре — перебралась инокиня Ольга во Владимир, где и умерла в 1622 году в возрасте сорока лет, никому не причинив зла.

А уж какая невеста была!

Лжедмитрий I

В тот же день, 10 июня 1605 года, когда стрельцы удавили Федора Годунова, в Москву вошло войско Лжедмитрия: восемь тысяч польской шляхты, во главе с новым русским царем. В золотом платье, украшенном богатым ожерельем, статный, широконосый, с рыжеватыми волосами, с умными глазами, верхом на красавце-коне, окруженный знатью, ехал Лжедмитрий по улицам Москвы.

Еще недавно ликовавшие от переполнявших их чувств жители столицы насторожились: зачем так много шляхты русскому царю? Почему польские музыканты играют на трубах и бьют в литавры во время церковного пения? Почему русский царь, если воспитывался он, согласно слухам, долгое время в русских монастырях, совершает православные обряды не по-русски? Что-то тут было не так.

И все же Лжедмитрию народ все простил, как только отец добрый умеет прощать родного сына. И в этом прощении кроется некая важная тайна для всех, мечтающих понравиться русскому народу.

Лжедмитрий, по многим свидетельствам современников, имел изысканные манеры, впрочем, выдававшие в нем польское воспитание. Правил он спокойно, казней и других жестокостей избегал. В первый же день Басманов раскрыл заговор, доложил самозванцу о том, что Василий Шуйский пытался с помощью купцов вооружить против него народ. Царь, чисто по-европейски, передал дело в суд, не стал самолично расправляться с заговорщиками. Суд, а не царь приговорил признавших свою вину людей к ссылке, а Василия Шуйского — к смертной казни.

Его привели на лобное место. Он вел себя достойно. «Умираю за веру и правду!» — крикнул он толпе и подошел к плахе, одетый в богатый кафтан, украшенный дорогими жемчугами. Палач пожалел жемчуга и кафтан, хотел снять их с приговоренного, чтобы не пачкать мертвою кровью. «Я в нем отдам Богу душу!» — сказал князь, ничего уже теперь не жалея. Палач обиделся — ему-то еще было чего жалеть! — но на площадь прискакал гонец от царя: «Дмитрий дарует Шуйскому жизнь!» И то хорошо: кафтан не испачкан и князь живой.

То был, пожалуй, самый искренний, самый геройский поступок Василия Шуйского. Впрочем, в этом эпизоде отличился и Лжедмитрий. А народ смотрел. Безмолвствовал пока.

В это же время произошло событие, укрепившее положение царя. Инокиня Марфа — сосланная в монастырь Мария Нагая — признала его



Дмитрий-самозванец

своим сыном, и даже в самых недоверчивых людях поутихло сомнение, затеплилась надежда — а не впрямь ли он законный наследник московского трона?

Дела у нового царя пошли неплохо. Народ к нему стал привыкать, а он в свою очередь управлял страной мирно, хотя человеком был импульсивным, сумасбродным, поражавшим думцев странными идеями: мечтал, например, завоевать Османскую империю... Ничего странного в этом желании нет — хорошо известно, что Лжедмитрия I поддерживал папа римский — тот всегда мечтал найти «пушечное мясо» для борьбы с османами, о чем, в частности, говорят события позднейшей истории России. Перед Северной войной Борис Петрович Шереметев ездил по странам Европы, искал союзников, налаживал дипломатические отношения, во многом преуспел. Папа римский и Великий Магистр Мальтийского ордена вынудили его за соответствующую поддержку в будущей войне дать обещание воевать против турок. Петр I выполнил это обещание, организовав печально известный Прутский поход в 1711 году, когда до окончания войны со Швецией оставалось десять лет.

Вполне возможно, что и Лжедмитрий мог обещать папе римскому подобное. И его планы завоевания Османской империи, о которых он громко и часто говорил, не кажутся нам сколько-нибудь из ряда вон выходящими. Но в 1605 году идея союза с папой римским была в Думе не принята.

По свидетельству самих же думцев, царь неоднократно проявлял недюжинные политические способности во внешних и внутренних делах... Что же его подвело? Что привело его к гибели? Многие специалисты считают, что Лжедмитрию многое бы простили на Москве, только не Марину Мнишек. Кто-то утверждает, будто русский народ в конце концов отверг его за чрезмерное увлечение иностранным, польским. Кто-то обвиняет Василия Шуйского, совершившего государственный переворот уже одним только признанием факта спасения младенца Дмитрия. Все эти доводы вместе взятые повлияли на мнение народное, которое в конце концов решило судьбу самозванца. Прав С. Ф. Платонов, точно подметивший: «Лжедмитрий сослужил свою службу, к которой предназначался своими творцами, уже в момент своего воцарения, когда умер

последний Годунов — Федор Борисович. С минуты его торжества в нем боярство уже не нуждалось»[1].

Да, бояре строили против лжецаря «ковы» с первых дней. А он, увлекшись самим собой — царем, своими делами царскими и Мариной Мнишек, этой блистательной и упрямой авантюристкой, даже верного, как собачка, Басманова не слушал, когда тот взволнованно докладывал ему о заговоре. Не верил себе на беду!

2 мая 1606 года в Москву прибыл отряд поляков в две тысячи человек с невестой самозванца Мариной Мнишек. К тому времени были готовы в Кремле два деревянных дворца — для него и для Марины. Москва заволновалась: зачем так много оружия, так много польской шляхты в Кремле?

7 мая ночью совершился обряд обручения Лжедмитрия и Марины, и в тот же день нетерпеливый царь повелел сыграть свадьбу, пренебрегая православными обычаями. Этого Москва не прощала никому.

Через несколько дней Басманов вновь доложил царю о заговоре. Не слушал его Лжедмитрий. 17 мая вспыхнуло восстание. Но лучше все же сказать — был совершен государственный переворот, организованный



Лжедмитрий

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 291.

боярами во главе с Василием Шуйским, которого то ли в знак компенсации за испытание смертью на лобном месте, то ли в знак благодарности за последовательную оппозиционность узурпаторам власти, то ли за его неспособность держать крепко бразды правления, то ли по всем резонам сразу вскоре после убийства Лжедмитрия I Боярская дума сделала царем. Чего же, собственно говоря, хотели думцы, выбирая такого покладистого, но и авторитетного в какой-то мере в народе царя? Если говорить очень коротко, они хотели ограниченной монархии. Была ли эта форма государственной власти необходима на Москве в начале XVII века, вопрос спорный. А что из этого получилось, известно, — смута.

Василий Шуйский

(1552 — 1612)

Шуйского избрали «криком». Поутру 19 мая на Красной площади собрался московский народ. Бояре предложили действовать не спеша: выбрать патриарха, разослать по всей стране гонцов, созвать в столицу «советных людей», чтобы всем русским народом, сообща избрать нового царя. Но в толпе раздались неистовые голоса: «Шуйского в цари! Василия Шуйского!!»

А у Шуйского в Москве сила была немалая. Стал бы он в одиночку организовывать опасное мероприятие — убийство царя, не будь ее. Никто из собравшихся на Красной площади не рискнул противоречить или высказывать свое несогласие тем, кто грозно кричал: «Шуйского на трон!» И стал царем всея Руси Василий Шуйский.

Венчаясь на царство в Успенском соборе, он дал присягу никого не лишать жизни без приговора Думы, не преследовать родню обвиненных в том или ином преступлении, не верить доносам.

Затем в разные концы Русского государства были посланы грамоты, в которых царь пытался доказать, что Дмитрий был самозванцем, а сам он, Шуйский, занял престол законно.

Но еще не все русские люди узнали о новом царе, как волна народного недовольства прокатилась по Москве. Не прошло и месяца после воцарения Шуйского, как 15 июня в столице вспыхнул бунт. Царь в недоумении призвал думцев и стал укорять их, предполагая, что это они взбаламутили народ: «Если я вам не нравлюсь, избирайте другого царя. Я отдаю вам скипетр, державу и престол».

Можно обвинять Шуйского в трусости, изворотливости, мягкотелости, других грешках, но в тот день он был искренен с боярами. Они это почувствовали и не рискнули принять из его рук престол, потому что многие понимали, что любой из них будет обречен на троне, что Русь ожидают тяжкие времена. Бояре успокоили народ.

А в конце лета докатились до Москвы тревожные вести с окраин. Там, лишь только весть об убийстве Лжедмитрия и воцарении Шуйского достигла северских земель и «дикого поля» (польского юго-востока), вспыхнули антиправительственные восстания. «А как после Росстриги сел на государство царь Василий, и в Польских, и в Украинных, и в Северских городах люди смутились и заворовали, креста царю Василию не целовали, воевод и ратных людей начали побивать и животы их гра-



Василий Иоаннович Шуйский

бить, и затем будто тот вор Расстрига с Москвы ушел, а в его место будто убит иной человек»[1]. Подобная реакция окраинных районов могла удивить любого плохо знающего русский народ человека. Как же так? В Москве прилюдно убили самозванца, а род Шуйских продолжает род святого Владимира! Почему же взбунтовались русские люди?

Да потому, что не приняли они боярского ставленника — может быть, и хорошего человека, да самовольно избранного в цари. А царя-батюшку всем миром нужно выбирать, как в стародавние, но еще памятные на северских землях времена избирали вождей да князей... Обиделись русские люди на самоуправство бояр, но не это было главной причиной разгоревшегося бунта: еще и страх перед людьми Шуйского, которыми царь заменял бывших начальников в городах, поддержавших Лжедмитрия I, еще и надежда половить рыбку в мутной воде, еще и желание отомстить своим врагам и недругам заставляли людей брать в руки оружие.

На юге восставших возглавил бывший крепостной Иван Болотников — человек лихой и опытный, познавший жизнь, побывавший во многих странах. Еще в юности бежал он от боярской кабалы, но был пленен. Татары продали его в рабство к туркам. Некоторое время он плавал на турецких галерах, дождавшись удобного момента, бежал в Венецию, оттуда прибыл в Польшу, перебрался на юг, где уже вовсю бурлил народ, нуждавшийся в таких людях, как Иван Болотников.

---

[1] *Белокуров.* Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 8.

Беглый холоп, талантливый полководец, бывалый человек — разве могла судьба придумать более страшного и опасного врага боярскому царю? Иван Болотников, бывший крепостной, за народ душой болеющий, вольно или невольно плеснул масла в огонь смуты, взбудоражил не только простолюдинов, но и представителей знати. Борьба с ним отняла у Шуйского много энергии и средств. Армия Болотникова, дойдя до окрестностей Москвы, была остановлена у села Коломенского. Крестьянско-казацкое войско потерпело поражение и перешло к обороне, откатилось к Туле. Здесь четыре месяца героически сражались русские люди против русских людей, в конце концов Болотников капитулировал 10 октября 1607 года и был сослан в Каргополь, где через полгода его утопили в проруби. Но дух бунтарства не утонул в проруби вместе с ним.

Совладав с Болотниковым, Василий Шуйский женился на княжне Буйносовой-Ростовской, но спокойной жизни он так и не дождался. Вместо казненного нового лжецаря из войска Болотникова объявилось вдруг еще несколько лжецарей. «В Астрахани объявился царевич Август, называвший себя небывалым сыном царя Ивана Васильевича. В украинских городах явилось восемь царевичей, называвших себя разными небывалыми сыновьями царя Федора... Все эти царевичи исчезли так же быстро, как появились. Но в северской земле явился наконец долгожданный Дмитрий»[1].

Еще в июле 1607 года в Стародубе объявился новый самозванец, Лжедмитрий II. Его вновь поддержали поляки, литовцы, а крымский хан обещал помощь Речи Посполитой. Никто из них в одиночку, в открытую рвануться на истерзанное смутой Русское государство не решался, но всех их устраивали разные лжецари, бунтари, вожди, атаманы, которые со своими шайками, бандами, отрядами и армиями делали главное дело: разоряли, ослабляли страну, расчищая ее для вторжения иноземцев, натравливая соотечественников друг на друга. Борьба с Лжедмитрием II была еще более напряженной и драматичной, чем с Иваном Болотниковым. Лжедмитрий II собрал крупное войско польской вольницы и казаков, отправился на Москву весной 1608 года, не встречая почти никакого сопротивления, дошел до столицы и в июле разбил в Тушине свой лагерь. Оттуда он снаряжал отряды, которые рыскали по Русской земле, добиваясь признания Лжедмитрия II, а заодно и снабжая интервентов провиантом и снаряжением.

Много подвигов совершили русские люди, сопротивляясь напору интервентов. Они наконец стали понимать, что несут стране поддерживаемые иностранцами самозванцы. Нельзя не вспомнить героическую оборону Троице-Сергиевого монастыря — этого символа русского духа, оплота православной церкви, где в 1380 году отец Сергий благословил на битву с темником Мамаем великого князя московского Дмитрия Ивановича. Монастырь, окруженный отрядами Сапеги и Лисовского, имел незначительный гарнизон из стрельцов, казаков, пушкарей, посадских людей, крестьян плюс, конечно же, монахи. А руководили

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. I. С. 537.

этим отрядом в две с половиной тысячи человек воеводы Долгоруков и Голохвостов. И дрались они с врагом десять месяцев! В строю осталось всего двести человек. 31 мая 1609 года поляки пошли на штурм: били из пушек, лезли к стенам монастыря, как саранча, но отразили русские люди атаку врага, а затем еще три. И прекратили воины Сапеги и Лисовского военные операции, устроили осаду крепости. У осажденных кончилось продовольствие, остался один выход... Сдаваться? Нет. Атаковать.

15 августа они внезапной атакой отбили у врага целое стадо коров. Осада продолжалась. Сапега и Лисовский стали осторожней и больше ошибок не допускали. Но нельзя было Троице-Сергиев монастырь сдавать врагу. 19 октября пришла долгожданная подмога из Александровской слободы. 900 воинов князя Скопина-Шуйского пробились сквозь заслон врага к воротам крепости! А через два с половиной месяца еще 500 человек прорвались к осажденным на помощь. И поняли Сапега и Лисовский, что не совладать им с русским войском, сняли они осаду.

Деблокада Троице-Сергиевого монастыря совпала — и неспроста! — с изменением духовного настроя многих русских людей, которые стали понимать, что на этот раз угроза стране идет с запада, что засевший в Тушинском лагере самозванец является ставленником польских магнатов, что конечным итогом всей его эпопеи станет оккупация Русского государства Речью Посполитой. Тушинский вор (это прозвище дал ему прозревший народ) проводил политику, навязанную иностранными советниками, которым нужны были лишь богатства русских земель. Вера в Лжедмитрия быстро таяла. Коломна, Ростов, города Севера, Верхней Волги оказывали интервентам сопротивление, а вслед за этими городами поднялись Вологда, Устюг, Галич, Нижний Новгород, Кострома, Кинешма. Не русские войска, а русский народ перешел в наступление. В начале 1609 года народное ополчение города Устюга разгромило один из тушинских отрядов...

У царя Василия появилась прекрасная возможность возглавить народное движение. Но Шуйский этого не сделал, и винить его в нерешительности нельзя. Он был возведен на трон боярами, а они, по вполне понятным причинам, народу не доверяли. Но Москва была в блокаде, обложена со всех сторон отрядами Тушинского вора, и царь Василий обратился за помощью к Швеции, король которой Карл IX давно предлагал русским свою помощь. Впрочем, помощью русско-шведский союз против Польши назвать никак нельзя: Шуйский слишком дорого платил шведам за помощь — уступал им город Корелу и отказывался от борьбы за Ливонию.

Польша продолжала помогать Тушинскому вору, а в середине 1609 года открыто нарушила договор о перемирии и осадила Смоленск.

С этого момента начался самый тяжелый период в царствовании Василия Шуйского. Правительственным войскам удалось разгромить войско Лжедмитрия II. Самозванец бежал в Калугу, но от борьбы не отказался. В том же году русское войско потеряло прекрасного полководца Скопина-Шуйского, которого, как предполагают историки, отра-

вили сторонники царя, опасаясь резкого возвышения талантливого военачальника, пользовавшегося огромным авторитетом у русских людей. Через несколько месяцев правительственное войско потерпело под деревней Клушино страшное поражение от гетмана Жолкевского. Бездарно в этом бою действовал брат царя, Дмитрий Шуйский, не помогли русским и шведы во главе с Делагарди, который, попав в окружение со всем своим лагерем, решил принять предложение противника о почетной капитуляции, по сути дела, предав союзников.



Князь М. В. Скопин-Шуйский

Последний Рюрикович или первый царь — носитель новой государственной идеи?

Столица в годы Смуты напоминала разграбленный и разрушенный дом. «В Кремле, на царском дворе, в святых Божиих церквах и в палатах, и по погребам — все столху Литва и Немцы и все свое скаредие творяху, — свидетельствует Филарет. — Все палаты и хоромы были без кровель, без полов и лавок, без окончины и дверей; все деревянное поляки пожигали для отопления своих жилищ»[1].

17 февраля 1609 года в столице произошел бунт против царя. В Кремль ворвалась бушующая толпа во главе с князем Романом Гагариным. Настроение у людей было боевое. «Шуйского с престола вон!» — кричали люди. К ним вышел патриарх Гермоген, начал уговаривать бунтовщиков прекратить волнения. Сам Гермоген не раз был не согласен с Шуйским — все это знали, поэтому и послушали принципиального патриарха, решительно вставшего на защиту законного царя. И это спасло Шуйского. Ураган людских страстей затих.

Но город не знал покоя. Купцы, столичные и приезжие, пользуясь блокадой, заламывали цены на хлеб, не брезговали торговать и с Тушинским вором. Оказалось, иметь два дорогих рынка — в Москве и в Тушине — выгодно. А народ, глядя на это, копил злобу.

В апреле люди Шуйского раскрыли новый заговор против законного царя, боярин Крючков-Колычев был казнен. Москвичей казнь не устрашила, только раззадорила еще больше. Москва стала дерзить царю, Шуйскому сообщили даже, что его убьют на Николин день, затем — на Вознесенье. В Кремль то и дело врывались голодные и грозно требовали от царя организовать поставки продуктов в столицу.

Шуйский обещал, принимал все возможные меры, чтобы сдержать обещание, но купцы, понимая, что сил у царя не хватает и не хватит для наведения порядка в объятой всеобщим бунтом стране, прятали, как и во времена Годунова, хлеб. После гибели Скопина-Шуйского царя спасти никто бы уже не смог.

---

[1] *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 163.

Сигизмунд, король польский, узнал, что русские готовы признать своим царем королевича Владислава, и послал в Москву войско гетмана Жолкевского — человека, одаренного в одинаковой степени военным талантом и политическим тактом.

Трагедия под Клушино была предпоследним актом грустной драмы царя Шуйского: королевичу Владиславу стали присягать русские воины, военачальники, целые города.

Гетман Жолкевский забросал голодную Москву посланиями, в которых щедро раздавал от имени Владислава обещания сделать жизнь русского народа счастливой, сытой и спокойной.

Активней стал действовать и Тушинский вор, вышел с войском из Калуги, разбил лагерь в Коломенском.

В этот ответственный момент свое веское слово сказали дворяне — братья Ляпуновы. Прокопий командовал в войске Болотникова отрядом рязанских дворян. В ноябре 1606 года он перешел на сторону царя, стал думным дворянином. В середине июля 1610 года он предложил брату Захару и боярину Василию Голицыну осуществить двойную операцию: сбросить с престола московского царя и разделаться с Тушинским вором.

Захар взялся за дело решительно. Он собрал за Арбатскими воротами бояр и дворян, сказал им, что нужно наконец-то покончить с Василием Шуйским, незаконно захватившим московский трон, и с вором.

Люди выслушали его с пониманием. По решению сходки в село Коломенское отправили посла с предложением убрать вора. Но в Коломенском собрались люди ушлые — не зря они тянулись к вору. Они дали послу Захара Ляпунова хитрый ответ: «Сначала сбросьте своего Шуйского, а потом мы займемся своим Дмитрием».

Захар, по натуре не вор, но и не политик, воспринял эти слова как согласие помочь и повел бояр, дворян, купцов и чернь к царю. Василий Шуйский вышел навстречу грозной толпе. Люди остановились. Захар — здоровяк, косая сажень в плечах, молодой, упрямый — выдвинулся вперед и сказал пламенную речь, закончив ее гневными словами: «Сойди с царства!»

Шестидесятитрехлетнего, невоинственного вида Шуйского, Рюриковича родом, слова дворянина вывели из себя. Он выхватил нож из ножен и пошел на обидчика...

Рюрикович, царь огромной, пусть и взбунтовавшейся державы, как какой-нибудь бандюга из новелл Проспера Мериме, хватается за нож (оружие кухарок и разбойников) и с криком бросается на подданного: «Мне такого даже бояре не говорят!»

У немецких разведчиков бытовала до недавних пор поговорка: «Wenn Kundschafter zur Pistoler greifen mub, so ist zu spet» («Если разведчик хватается за пистолет, значит, он опоздал»). Здоровенный Захар показал царю кулак и грозно рыкнул: «Сделаешь еще шаг, я тебя в порошок изотру вместе с твоей железякой!»

Василий Иванович онемел, остановился. И правильно сделал. Времена стояли неспокойные. Не то что в 1147 году, когда вот такого же задиристого Степана Ивановича Кучку люди Юрия Долгорукого скрутили

вмиг и без суда, по одному лишь мановению руки князя суздальского отправили к праотцам.

Захар Ляпунов повел толпу к лобному месту, послал за духовенством, боярами, служилым людом. Настойчиво зазвонили колокола. Жители Москвы потянулись к Красной площади, к Лобному месту. Патриарх Гермоген хотел было вступиться за царя, немилого ему, да раздумал, покинул сходку.

Князь Воротынский пришел к Василию Шуйскому и сказал: «Весь народ против тебя, оставь царство, не доводи людей до беды».

Василий Шуйский внял доброму совету, положил жезл и отправился в свой дом. Страна оказалась без царя. Власть перешла к боярам.

А коломенцы на следующий день не только отказались от своих слов, но еще и поиздевались над москвичами, нарушившими клятву верности законному царю. Тут только жители столицы вспомнили народную мудрость: «С волками жить — по-волчьи выть». Пораньше бы они вспомнили ее!

Низложение царя осудил патриарх Гермоген. Шуйский попытался организовать стрельцов и вернуть царский посох, но вездесущий Захар опередил его. 19 июля он с верными людьми ворвался в княжий дом Шуйского, схватил его и увез в Вознесенский монастырь.

Такого позора ни один Рюрикович еще не испытывал. Несчастного Андрея Боголюбского убили заговорщики, но чтобы какие-то дворяне позволили себе насильно постричь Рюриковича в монахи — такого на Руси еще не было. Рюриковичи насильно постригали в монахи всех, кого хотели, в том числе и князей, и княгинь из своего рода. Но...

«Я не хочу!» — кричал Василий, когда, согласно обряду, монахи спросили его согласия. Князь Тюфякин за Шуйского спокойно произнес положенные слова, а Захар в это время крепко держал бывшего царя своими здоровенными ручищами. Дворянин весил чуть ли не в два раза больше насильно постригаемого, к тому же он был и моложе Шуйского.

Обряд закончился. Василия отвезли в Чудов монастырь. В тот же день в том же монастыре, быть может, в те же самые минуты насильно постригли Марию Петровну, супругу царя.

А еще через три дня в Москву явился гетман Жолкевский, и Москва вынуждена была согласиться с тем, что на русский трон сядет Владислав, сын короля Сигизмунда.

И такого еще не бывало на Руси! Не просто иноземец на троне — иноверец! Патриарх Гермоген, долгое время противившийся избранию Владислава, смирился-таки с обстоятельствами, но с одним непременным условием: сын Сигизмунда должен был креститься по православному обряду.

Жолкевский не принял требования патриарха всея Руси, «но заключил такой договор, который показывал, что гетман вовсе не думал о порабощении Руси Польше, напротив, уважал и даже ограждал права русского народа»[1]. Но не только это явилось причиной того, что московские бояре, знать других городов, духовенство согласились на избрание

[1] *Костомаров. Н. И.* Указ. соч. С. 542.

царем всея Руси иноземца. «Московское государство избирало царем своим Владислава, — констатирует Н. И. Костомаров, — с тем, что власть его была ограничена по управлению боярами и думными людьми, а по законодательству думою всей земли».

Ограниченная монархия! Московские купцы и бояре еще в 1147 году мечтали об ограничении власти князя. Они мечтали об этом во времена Дмитрия Донского, мечтали так неистово, что своровали у князя роскошный пояс, украшенный жемчугами. Они мечтали об этом во время последней распри русских князей и во времена Ивана III и еще более грозного Ивана IV. Желание ограничить великокняжескую или царскую единодержавную власть несколько веков жило среди бояр и духовенства.

Любая смута (революции, гражданские войны, бунты, восстания) обычно заканчивается либо самой жесткой диктатурой внутри страны, либо столь же сильной властью с экспансионистскими амбициями (Чингисхан), либо вторжением извне (Англия перед 1066 годом, Китай перед нашествием Абахая и Нурхаци, Киевская Русь), либо, если народу данной страны очень уж повезет, ограниченной монархией. Других вариантов выхода из смуты нет.

Даже бегло осматривая сложившуюся в Русском государстве в 1610 году ситуацию, можно прийти к выводу, что самый счастливый для мирных людей исход, то есть ограниченную монархию, страна могла получить только из рук... иностранца! Ни один политический и государственный деятель Руси, каким бы он гениальным ни был, на ограниченную монархию, которую, естественно, очень хотели бояре и дворяне, не согласился бы, потому что смута, брожение в умах сограждан, желание всевозможных Захаров показать кому угодно, а хоть и самому царю-батюшке свои бицепсы были еще очень сильны. И не было в 1610 году той скрепляющей народ идеи, духовной и душевной точки опоры, с помощью которой гневливые успокаиваются, ленивые думать («все пошли царя сбрасывать, и я пошел») призадумываются, неуравновешенные обретают внутренние тормоза, добрые перестают бояться самих себя, злые добреют, и этого вполне хватает для их собственного счастья и, главное, для счастья окружающих. В конце XX века подобное состояние народных умов назовут национальной идеей — сложный «раствор», скрепляющий великое множество людей в народ.

Бояре, дворяне, духовенство, с одной стороны, были рады тому, что наконец-то осуществилась их вековая мечта о «думском ограничителе», а с другой стороны, вольно или невольно самим актом избрания иностранца-иноверца они упредили рождение той самой национальной идеи, в которой так нуждался во времена Смуты русский народ.

Жители Москвы — те, что попроще, кому в Думе не выступать и думскими вопросами не заниматься, — очень быстро разочаровались в действиях боярства. Недовольных избранием на русский престол Владислава становилось все больше. Люди стали все чаще вспоминать Василия Шуйского. Бояре заволновались. У Шуйского вновь появился шанс занять трон. Если бы судьба вновь вытолкнула его на вершину власти, да еще рукой народа, то, естественно, ни о какой ограниченной монархии

мечтать уже не приходилось бы. Василий IV Иванович, хоть и не проявил себя за годы правления (трудные то были годы для любого правителя), некоторыми своими смелыми действиями показал, что при соответствующих условиях он вполне мог бы стать настоящим монархом, не нуждающимся ни в каких ограничениях. Народ, с которым легко нашел общий язык Иван IV Грозный, теперь сам, без подсказки, стал переходить на сторону Шуйского.

Это было очень опасно для всех думцев. Бояре не на шутку перепугались. Страх так подействовал на некоторых из них, что они не шутя предложили перебить весь род Шуйских. Гетман Жолкевский (о нем многие историки отзываются очень хорошо), прекрасно понимая положение трусоватых бояр, взял дело в свои руки: он объявил, что Сигизмунд потребовал беречь бывшего царя. Думцы спасовали перед отцом угодного им «ограниченного» монарха и разрешили Жолкевскому взять Шуйских под свою опеку. Василия и жену его переправили под Смоленск, где поляки, изнурив защитников города упорной осадой, готовились к решительным действиям. 3 июня 1611 года они взяли крепость, а в конце октября король Сигизмунд торжественно въехал в Варшаву. То был триумф польского оружия. Поляки радовались и гордились по праву.

Гетман Жолкевский ехал вслед за Сигизмундом, в войске находились русские пленные: бывший царь Василий IV Иванович Шуйский, его супруга Мария Петровна, братья, воевода Смоленска Шеин, послы Голицын и Филарет... На Шуйского смотрели все поляки. Это был уставший до предела человек, красные больные глаза его суровым взором оглядывали мир, в них не было страха, было лишь мрачное осознание свершившегося, трагичного и безысходного для него, Василия Шуйского, но не для страны, которой недавно он властвовал.

В тот же день состоялась аудиенция у польского короля. Сигизмунд гордился успехами подданных, но ненавидел Жолкевского, который в Москве проявил своеволие (с точки зрения здравого смысла — благоразумие) и тем самым не дал Сигизмунду воссесть на русский престол.

В зал вошли пленные во главе с худым и, казалось, отрешенным от мира сего, ушедшим в себя и свою печаль Василием Шуйским. Гетман Жолкевский, блестящий оратор, сказал пламенную речь, закончившуюся следующим пассажем: «Ныне стоят они жалкими пленниками, всего лишенные, обнищалые, поверженные к стопам вашего величества и, падая на землю, молят о пощаде и милосердии».

Далее бывший русский царь должен был пасть на землю, вскинуть руки к Сигизмунду и молить, молить о пощаде... О какой пощаде? Василий Шуйский в пощаде не нуждался. Его не пощадил собственный народ, его унизил Захар Ляпунов. От Шуйского отказались бояре. А духовенство в лице патриарха Гермогена лишь изредка исполняло свою роль, без особого вдохновения защищая царя. От него отказалась Русская земля. Что мог дать ему Сигизмунд?

Василий Иванович поклонился, придерживая левой рукой большую шапку из черной лисы, коснулся пальцами правой пола, поднес их к губам. В красных больных глазах его печаль уже остыла. Это спасло

царя от слез. Братья поклонились вслед за ним три раза. Иван Пуговка не выдержал и расплакался. За всех: за неудачника-царя, за родных его, за Русь. Правильно он сделал, что не стал зажимать в себе боль: кто-то должен был плакать в тот день в тронном зале. Потому что плакать — это естественно, когда унижен ты не твоим победителем (поляки благодаря Жолкевскому вели себя достойно), а твоими собственными ошибками и ошибками твоего народа.

Сигизмунд к Шуйскому был благосклонен: отправил его вместе с родственниками в Гостынский замок, где пленники не бедствовали. Но жить бывший царь Василий Шуйский уже не мог. Печаль свела его в могилу через несколько месяцев.

«Престол явил для современников слабость в Шуйском: зависимость от внушений, склонность к легковерию, коего желает зломыслие, и к недоверчивости, которая охлаждает усердие. Но престол же явил для потомства и чрезвычайную твердость души Василиевой в борении с неодолимым Роком: вкусив всю горесть державства несчастного, уловленного властолюбием и сведав, что венец бывает иногда не наградою, а казнию, Шуйский пал с величием в развалинах государства. <...> хотел снискать ее (Москвы. — *А.Т.*) и России любовь подчинением своей воли закону, бережливостью, беспристрастием в наградах, умеренностью в наказаниях, терпимостью общественной свободы, ревностью к гражданскому образованию, — который не изумлялся в самых чрезвычайных бедствиях, оказывал неустрашимость в бунтах, готовность умереть верным достоинству монаршему, и не был никогда столь знаменит, столь достоин престола, как свергаемый с оного изменою: влекомый в келию толпою злодеев, несчастный Шуйский являлся один истинно великодушным в мятежной столице»[1].

Затем неволя и стыд свели в могилу брата Дмитрия и его жену Екатерину. Мария Петровна нашла в себе силы вернуться на родину. Умерла она в Новодевичьем монастыре инокиней Еленой в 1625 году.

В 1620 году Сигизмунд повелел построить в Варшаве богатый мавзолей, куда торжественно был перенесен гроб с телом пленного царя. Это тешило самолюбие польского короля, но вскоре и он умер.

В 1635 году, когда на Руси были совсем иные времена, царю Михаилу Федоровичу Романову удалось договориться с королем Польши Владиславом о возвращении на родину тела Василия Шуйского и его родственников. (Не последнюю роль в этом деле сыграли сибирские соболя.)

Когда открыли могилу и нашли в каменной палатке гробы Василия, Дмитрия и Екатерины, Владислав повелел изготовить новые гробы, более обширные. В них уложили гробы с телами пленных и повезли их в Москву.

В июне 1635 года в Дорогомилове московские бояре и дворяне встретили останки бывшего царя, взяли гроб на плечи и понесли через всю столицу в Кремль, где в траурных одеждах ожидали его царь со свитой.

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 448, 457.

11 июня тело Василия IV Ивановича Шуйского, последнего русского царя из рода Рюриковичей, было погребено в Архангельском соборе рядом с другими потомками святого Владимира.

Основные события жизни Василия IV Ивановича Шуйского

1547 год. Родился Василий Иванович Шуйский. Шуйские являлись «старейшей братьей» среди Рюриковичей, потомками старшего брата Александра Невского — Андрея Ярославича.

1580 год. Имя Василия попадает в разрядные книги.

1581 год. Василий Шуйский принимает в качестве воеводы участие в охране Русской земли от набегов крымского хана.

1583 год. Василий Шуйский вновь числится среди воевод, отправленных Иваном Грозным на берег Оки.

1584 год. Царь Федор Иванович жалует Василия Шуйского боярином.

1585 год. Василий Шуйский послан воеводой в Смоленск, где находился до 1587 года.

Шуйский женился на княжне Репниной, породнившись тем самым с «Романовским кружком».

1587 год. Василий Шуйский возвратился в Москву.

1590 год. Василий Шуйский был первым воеводой в Великом Новгороде.

1591 год. Вместе с митрополитом Геннадием и окольничим Клешиным Василий Шуйский расследовал дело в Угличе. Это расследование не способствовало росту политического влияния Шуйского.

1600 — 1601 годы. Шуйский вновь послан воеводой в Новгород. Годунов запретил ему жениться во второй раз.

1605 год. Годунов назначает Василия Шуйского и Мстиславского главными начальниками над войском, отправленным на борьбу с самозванцем.

Русское войско 20 января разгромило войско Лжедмитрия под Добрыничами.

На Красной площади 1 июня Василий Шуйский прилюдно сказал о том, что Дмитрий в Угличе не был убит.

10 июня Лжедмитрий вошел в Москву.

В конце июня раскрылся заговор против царя, «названного Дмитрия», во главе которого стоял Василий Шуйский.

30 июня Лжедмитрий миловал отправленного на казнь Василия Шуйского. Смерть на плахе заменена ссылкой.

Шуйского вернули из ссылки.

В конце года Лжедмитрий узнал о существовании еще одного заговора, но проигнорировал это сообщение.

1606 год. 2 мая в Москву прибыла Марина Мнишек с большим отрядом иностранцев.

17 мая в Москве вспыхнуло восстание, бояре расправились с Лжедмитрием, 19 мая возвели на престол Василия Ивановича Шуйского.

Середина 1606 года. В Русском государстве вспыхнуло восстание, охватившее почти всю территорию страны. На юге движение народных масс возглавил Иван Болотников.

Август. Правительственные войска потерпели неудачу под Кромами, это способствовало дальнейшему распространению восстания, расширению сферы влияния Ивана Болотникова, укреплению материальной базы восставших.

Под Ельцом восставшие 7 сентября одержали победу над войском Воротынского, двинулись к Москве.

Сентябрь — октябрь. Иван Болотников разгромил у реки Угры войска В. И. Шуйского, затем разбил на реке Лопасне отряд князя Кольцова-Мосальского, отбросил его к Пахре, но потерпел здесь поражение от Скопина-Шуйского, отступил, пошел на Москву окружным путем: через Малоярославец, Можайск, Волок Ламский.

Октябрь — ноябрь. Армия восставших, безуспешно осаждая Москву, потерпела 26 и 27 ноября два поражения в боях, которые подорвали моральное состояние осаждавших: Болотникова стали покидать воины.

2 декабря правительственное войско одержало победу у деревни Котлы, и крестьянская рать отошла от Москвы к Калуге, Туле, Веневу.

1607 год, май. Иван Болотников, более пяти месяцев державший оборону в Калуге, нанес войску Шуйского поражение, отошел к Туле на соединение с крупными силами восставших.

Июль. В Стародубе объявился Лжедмитрий II, к нему потянулись польская шляхта, литовцы и русские. Польские магнаты Ружинский, Мазовецкий, Лисовский и Ян-Петр Сапега поддержали нового самозванца.

Сентябрь. Лжедмитрий II выступил в поход, нанес под Козельском поражение небольшому правительственному отряду, подошел к Туле.

10 октября после четырехмесячной осады Тулы Василий Шуйский вынудил восставших сдаться, дал клятву помиловать «тульских сидельцев», но не выполнил ее: Ивана Болотникова через полгода ослепили и утопили в проруби.

17 октября самозванец, узнав о поражении Болотникова, бросил свое войско и побежал в Путивль, где его поддержали поляки.

1608 год, январь. В войско Лжедмитрия II, остановившегося в Орле, влились большие силы запорожских казаков, поляков, литовцев.

Июнь. Самозванец форсировал реку Москву, расположился у деревни Тушино.

Июль. Русское правительство заключило с польским королем перемирие на 3 года и 11 месяцев, но в Тушинский лагерь продолжали приходить отряды поляков.

23 сентября отряды Сапеги и Лисовского подошли к Троице-Сергиевому монастырю, началась героическая оборона русской святыни. Она продолжалась до 12 января 1610 года. Интервенты не смогли справиться с горсткой защитников, а когда Скопин-Шуйский прислал в монастырь подмогу, Сапега и Лисовский сняли осаду.

Конец 1608 года. Значительная территория Русского государства оказалась в руках нового самозванца, но взять Москву он долгое время не мог. В борьбу против интервентов активно включился простой народ Севера и Верхнего Поволжья.

Начало **1609 года.** Ополченцы под Устюжной разгромили отряды тушинцев, отбросили остатки войска врага к Москве. В Выборге заключен

военный союз Швеции и Русского государства против Польши, весной в Новгород прибыл отряд наемников во главе с Яковом Делагарди.

5 июня русские одержали победу на реке Ходынке, через 20 дней тушинцы потерпели поражение на Ходынском поле.

18 августа русские разгромили на реке Жабне отряд Яна Сапеги.

9 сентября польское войско, нарушив договор о перемирии, пересекло границу Русского государства, 13 сентября захватило город Красный.

19 сентября началась героическая оборона Смоленска.

28 декабря Лжедмитрий сбежал в Калугу.

1610 год, 12 марта. Скопин-Шуйский вошел в Москву.

24 июня русское войско потерпело сокрушительное поражение у деревни Клушино. После этого бояре свергли Василия Шуйского, избрали царем польского королевича Владислава.

1610 — 1612 годы. Шуйский пленен в Польше.

1612 год. Василий Шуйский умер в плену от тоски.

1635 год. Тело Василия Шуйского — последнего царя из рода Рюриковичей — вернулось в Москву. Погребено в Архангельском соборе в Кремле.

Минин и Пожарский

В конце 1610 года рязанский воевода П. П. Ляпунов собрал для борьбы против польских интервентов первое земское ополчение, в которое вошли простые люди, незнатные воеводы и дворяне. Вскоре к нему присоединились туляки, жители Калуги, Нижнего Новгорода, обитатели Среднего Поволжья и русского Севера. Об этом узнали в столице и поляки, и московские патриоты. И те и другие стали готовиться к предстоящим боям.

Боярин Салтыков предлагал полякам искусственно возбудить в городе волнения и расправиться с теми, кто с оружием в руках ожидал подхода земского ополчения. К чести иноземцев будет сказано, они не последовали провокационному совету, предоставив возможность патриарху совершить в вербное воскресенье 17 марта 1611 года традиционное шествие в Кремль.

Мирно шли люди по родному Кремлю вслед за патриархом, спокойными были их лица. Напряженными взглядами провожали их интервенты. Салтыков нашептывал польским воеводам: «Ныне был случай, и вы не били, ну так они вас во вторник будут бить». Он оказался прав, знал, видать, соотечественников.

Во вторник, 19 марта, готовясь к встрече земского ополчения, поляки стали вытаскивать из Китай-города пушки, привлекли к этой нелегкой работе москвичей. Таскали русские люди пушки и потяжелее, но не для того, чтобы из них по своим же, по русским, спешившим на помощь столице, стрелять. Непосильная то была работа! В любую секунду мог вспыхнуть пожар войны. И он вспыхнул: извозчики не выдержали, вступили в пререкания с поляками, и тут же, будто огонь поднесли к пороховой бочке, разразилась битва. Восстание вмиг распространилось по всему городу. Посадские люди, холопы, крестьяне, ратники, дворяне и некоторые бояре принимали участие в боях. Не вынесла русская душа позора, не дождалась двух-трех дней до подхода ополчения — кинулись москвичи на врага.

В эти дни в Москве оказался князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

Он родился 1 ноября 1578 года в семье князя Михаила Федоровича Глухого-Пожарского, одного из представителей древнего рода Рюриковичей, и Евфросиньи (Марии) Федоровны Беклемишевой. Дед Дмитрия, Федор Михайлович Третьяков-Пожарский, имел совсем небольшой чин. Отец — Михаил Федорович — почти всю жизнь провел в вотчинах удельного Стародубского княжества, а также в деревне Лужной на реке Угре,



Стяг князя Д. М. Пожарского

в Деревенской пятине Новгородского уезда и в деревне Медведково, что находилась на Яузе в пятнадцати километрах от Москвы.

Быть может, и жизнь Дмитрия Михайловича прошла бы тихо, в стороне от бурных событий эпохи, если бы в 1578 году после кончины отца мать будущего героя не переехала в Москву, где ей удалось пристроить детей на службу.

В 1598 году Дмитрий Михайлович был назначен стряпчим, через четыре года — стольником. Служил он стольником и при Лжедмитрии I, и при Василии Шуйском. Осенью 1608 года, получив небольшой отряд, воевода Пожарский совершил первый подвиг во славу Родины. Банда Лисовского пыталась захватить Коломну, перекрыть последнюю дорогу, по которой к Москве поступали продукты. Отряд Пожарского скрытно от врага подошел к городу. Воевода узнал от разведчиков расположение банды Лисовского и в предрассветной дымке осеннего тумана неожиданно атаковал и разгромил врага. Весной 1609 года князь одержал убедительную победу над атаманом Салоковым, после чего Василий Шуйский направил его воеводой в Зарайск.

Князь Пожарский был человеком надежным: честность и осторожность, преданность законному царю и разностороннее полководческое дарование позволяли на него опереться любому, кому дорога была честь и безопасность Родины. В Зарайск к Пожарскому прибыл человек от П. П. Ляпунова, стоявшего во главе рязанского дворянства, и предложил выступить против Шуйского. Зарайский воевода наотрез отказался от

войны против царя, которому целовала крест столица Русского государства. Обиженный гость отбыл в Тулу, а к Пожарскому явились посадские люди, затем его дальние родственники с противоположным требованием: признать Тушинского вора. Воевода и на этот раз отказался выполнить противоречащее его убеждениям требование.

Но как только в Москву вступили поляки, Пожарский сразу же решил перейти на сторону рязанского ополчения и поехал в столицу, чтобы вывезти оттуда семью. Он был, повторим, очень надежным человеком.

Очутившись в центре событий, он собрал людей у церкви Введения Богородицы, что на Лубянке, построил здесь острожок (баррикаду), а бойцов отослал на Пушечный двор. Быстро и без суеты работал князь. Поляки не догадывались, что происходит на Лубянке, готовились к решительной атаке. Но вдруг из-за острожка раздался залп нескольких орудий. Пока иноземцы соображали, что им предпринять, пушкари Пожарского «втоптали неприятеля в Китай-город». Восставшие уже готовились к атаке, но в этот миг из-за Китай-города обрушился на них шквал огня: это с отчаяния поляки подожгли дома, а ветер кинул злобное пламя на москвичей. Атака захлебнулась. Пришла ночь.

Поляки хорошо подготовились к бою, выделили две тысячи человек, дали им гнусный приказ поджечь Москву. И еще солнце не взошло, а те уже начали делать свою работу: с факелами в руках пронеслись они по городу, загорелась — в который уж раз! — Москва, заохала, застонала в огненном бреду. Только каменный Кремль не горел. Там были поляки.

Князь Дмитрий Пожарский не покидал своего поста до конца. Его ранило. Он упал на землю и, теряя сознание, крикнул: «Ох, хоть бы мне умереть, только бы не видеть того, что довелось увидеть!» Его подхватили воины, отнесли к повозке и отправили с верными людьми в Троице-Сергиев монастырь. Там князя подлечили, и он уехал в свою вотчину.

А через несколько месяцев по русским селениям и городам пронеслась печальная весть: после двадцатимесячной осады пал Смоленск! Двадцать месяцев осады! К 2 июня 1611 года, когда поляки наконец изготовились к штурму, в городе осталось двести человек, способных держать в руках оружие, причем каждому человеку приходилось оборонять более двадцати метров крепостной стены. Капитуляцию интервенты даже не предлагали смолянам, знали, что такие бойцы в плен не сдаются. Но знали они и другое: житель Смоленска, изменник, выдал им слабое место в крепостной стене. Туда один из рыцарей Мальтийского ордена, не раз участвовавших в войне на стороне Речи Посполитой, подложил порох.

В полночь интервенты приблизились к городу. Грянул взрыв, в проход бросились поляки и рыцари. Под натиском противника защитники медленно отходили к огромной горе, на которой стоял собор. Под собором, в подвалах, хранился порох...

Двадцать месяцев русская крепость держала у своих стен огромную армию неприятеля, как бы давая возможность русским разобраться в сложившейся ситуации, подумать, передохнуть и организовать сопротивление. Подумать русским людям было о чем. Вот уж пятьдесят без малого лет, с 1565 года, с опричнины, введенной Иваном Грозным, металась

по стране, мучила соотечественников страшная беда, когда сосед предавал соседа, а затем и родственника, частенько и брата, и даже жену, затем и его самого оговаривали и отдавали царским опричникам на расправу другие люди. Беда эта не минула и самих царских слуг — они тоже стали грызться между собой... Так Иван Грозный проводил политику укрепления царской власти, мечтая, видимо, превратить Русскую землю в вотчину Кремля. Кто-то считал и считает эту политику верной, кто-то является яростным противником использования подобных средств для достижения любой цели, даже самой что ни на есть великой. Кто прав? Кто с точностью до «дважды два — четыре» ответит на этот важнейший вопрос? Скорее всего объективней всех окажутся те, кого принесли в жертву политике Грозного. А жертв было много. Уже опричнину отвергли, но страшная духовная болезнь, имя которой бесчеловечность, прогрессировала. А тем временем поднимался по ступеням власти будущий царь Борис Годунов, при котором подозрительность, всеобщее недоверие, быстро перерастающее в ненависть, продолжали распространяться в Русском государстве.

Именно подозрительность, всеобщее недоверие, злоба явились главной причиной того, что народ так легко принимал всех лжецарей, метался от одного вождя к другому, губил не только соотечественников своих, но и душу свою.

Но, позвольте, скажет не искушенный в истории читатель, может быть, он собственными руками хотел уничтожить Русское государство? Да нет же, нет! Не было у него таких мыслей и в помине! Это доказали последние защитники славного города Смоленска. Они медленно отходили на холм, заманивая к себе поближе врагов. Они сделали свое дело честно, и теперь осталось сделать последний шаг... Взрыв страшной силы прогремел над городом... Нет, когда надо, находились у государства защитники. Оборону города возглавлял воевода Шеин. Прекрасную крепость построили люди под руководством Федора Савельева (Коня).

Трех месяцев не прошло после падения Смоленска, а в Нижнем Новгороде 1 сентября 1611 года на должность посадского старосты вступил Кузьма Минин, человек с хваткой купца, с умом государственным, с сердцем истинного патриота. Очень энергичный человек.

Приступил он к обязанностям посадского старосты и первым делом о Родине вспомнил, сказал народу на сходке у собора: «Православные люди, поохотим помочь Московскому государству!»

Земский собор в Нижнем Новгороде единодушно поддержал предложение Кузьмы Минина: спасать нужно Отчизну! И возликовали люди — какое великое дело сделали. Постановили же, все как один сказали: «Русь надо спасать!» Но прошел день, второй, третий, а она не спасалась! Оказывается, деньги большие для этого дела нужны: на вооружение, на воинов. Людей, способных драться с любым врагом за спасение Отечества, в волжском городе было много, но денег на организацию похода в богатом купеческом Нижнем Новгороде не нашлось ни алтына. Потому что как раз за день-два до Земского собора один купец отправил товар на Каспий, другой — заложил деньги в Архангельске, третий — отправил приказчиков в Сибирь и так далее, и так далее: от самого бедного до

самого богатого купца. Дело купецкое, видно, такое сложное: сегодня ни гроша, а завтра или через неделю-другую будет и алтын, и поболее того.

Но Родину-то нужно спасать сегодня!

Опять на сходке у собора зашумел народ, притих, когда слово взял Кузьма Минин. Знал он про нижегородский люд многое, бывалый был человек, хоть и не самый богатый, не самый знатный. Но что знание! Слово нужно верное найти, верный ход. И нашел верное слово староста, сказал по-простому: «Православные люди! Не пожалеем животов наших, да не токмо животов — дворы свои продадим, жен, детей заложим, и будем бить челом, чтоб кто-нибудь стал у нас начальником. Дело великое! И какая хвала будет всем от Русской земли, что от такого малого города, как наш, произойдет такое великое дело: я знаю, только мы на это подвинемся, так и многие города к нам пристанут и мы избавимся от иноплеменников».

Понравилась речь посадского старосты нижегородскому люду. Загалдели все на площади: «Заложим жен и детей, но спасем Русскую землю!» А Кузьма Минин, даром что бывалый человек, тут же приказал выборным людям силой взять — постановили же! — и выставить на продажу в холопы семьи всех богатых горожан. А кто, если спросить начистоту, откажется от соблазна иметь в собственном доме работницу с купецким званием?! К примеру, купецкая дочь да в холопочках — прелесть-то какая, отрада для души. Ни дать ни взять.

Тут уж встревожились купецкие сердца: своих родненьких жен да детей они уважали, любили и точно знали, что государство начинается в родном доме, за семейным столом. И за такое государство они горой стояли. Факт. Иначе бы нижегородские семьи в те смутные времена распались бы, и что бы делала без этих семей спасенная Русь, трудно сказать.

Но случилось все, как в доброй русской сказке: нижегородские купцы полезли в свои тайники, набили кошельки, выкупили на торгах жен и детей своих, вернулись в хоромы и стали жить-поживать и добра наживать, с гордостью детям и внукам рассказывая по вечерам о своем подвиге во славу Родины и на счастье семьи.

Кузьме Минину, однако, было не до рассказов. Великое дело началось с шутки, первые средства поступили в казну ополчения, но их явно не хватало. На Земском соборе приняли решение собирать «пятую деньгу» с посада, городских монастырей и их вотчин. Многие жители Нижнего Новгорода вносили добровольные пожертвования. Кузьма Минин вел строгий учет каждой копейке и думал о воеводе ополчения.

Выбор его пал на князя Д. М. Пожарского, еще, правда, не залечившего раны. Народ согласился. Почему? Может быть, князь Пожарский одержал к этому времени великие победы, прославившие его имя на века? Победы, конечно, были, но «местного масштаба». Они говорили о полководческом даровании, которому еще нужно развиваться в боях и сражениях. Опыта крупных битв у Пожарского явно не хватало. Почему же именно его избрали воеводой ополчения? Потому что ни его ближайшие предки (хотя бы отец и дед), ни сам он ничем себя не скомпрометировали в бурных событиях XVI века, и сам Дмитрий Михайлович

зарекомендовал себя «честным мужем, кому заобычно ратное дело... и который во измене не явился».

Нижегородцы собирали ополчение на святое дело — Русское государство спасать. В таких делах и люди нужны святые, пусть и не самые талантливые, не самые могучие. Это ведь не профессиональное войско, которому предстоит поход в дальние края, не банда разбойников... это народное ополчение. Принимали в него дворян, детей боярских, стрельцов, пушкарей, посадских людей, крестьян. Не отказывались от услуг партизан и отдельных казаков.

Но когда к воеводе прибыли наемники, изъявив желание вступить в его войско, он ответил им строго: «Наемные люди из других государств нам теперь не надобны». И мнение князя поддержали все в земском ополчении, хотя было ясно, что отвергнутые наемники (а также крупные банды казаков) могут перейти на сторону поляков. Не пугало это ни Минина, ни Пожарского, ни рядовых ополченцев. На святое дело хотели идти они с чистой совестью, не запачканной кровью сограждан, не отягченной грехом грабежа и насилия.

Атаман казаков Заруцкий, прознав о планах Минина и Пожарского, пытался захватить Ярославль — перекресток торговых дорог Поволжья. Князь опередил его, взял важный стратегический пункт в свои руки.

Вскоре в Ярославле был сформирован Совет всей земли Русской, фактически исполнявший функции русского правительства. Сюда прибыли послы английского короля с предложением о помощи. Пожарский отказался от услуг заморских наемников. Со шведами же, захватившими Новгород и Тихвин, он вел хитроумные переговоры с одной лишь целью: оттянуть время, запутать шведских дипломатов. Ему это удалось: русские укрепили крепости, мимо которых мог пролегать путь шведов на Москву от Новгорода и Тихвина, если бы они вздумали использовать тяжелые времена на Руси.

Летом 1612 года среди казаков наметился раскол. Многие из них решили перейти на сторону земского ополчения, а Заруцкий со своими людьми отошел от Москвы в Калугу.

Пожарский понял, что настал час активных действий, и 26 июля ополчение двинулось из Ярославля в столицу Русского государства. Шли ускоренным маршем. Минину и Пожарскому сообщили о том, что к Москве устремились части гетмана Ходкевича. Ополченцам нужно было опередить подкрепление, шедшее к полякам. Под Москвой стояли казаки Д. Трубецкого — все какой-то люд ненадежный: то им хотелось колобродить по земле Русской под знаменами разных лжецарей, вождей и атаманов, то вдруг они изъявили желание сражаться в ополчении Минина и Пожарского, но, кто знает, что взбредет в их буйные головушки, когда они увидят войско гетмана? Ненадежный люд.

Спешили передовые отряды второго земского ополчения к Москве, за ними шли, не отставая, основные части Дмитрия Пожарского. Нужно было опередить врага. Нужно было успеть. Не жалей ноги и руки свои, плечи и спины, воин, — быстрее, быстрее к Москве. Август стоял жаркий. Пот тек градом с посеревших от родной пыли лиц. Ноги шуршали по пыли — спешили...

Земское ополчение опередило войско гетмана на полтора дня: в ночь на 20 августа нижегородцы вместе с другими патриотами земли Русской (а среди них были и камские булгары — чуваши, и татары из Касимова, и представители иных народов, для которых Русская земля уже стала родной), вошли в столицу, окружили Кремль, принялись укреплять лагерь на Яузе. На противоположном берегу реки расположились казаки Трубецкого. Они, однако, вели себя сдержанно.

Через день подоспел гетман, прямо с походного марша послал свои войска в бой. Действительно, зачем оттягивать час разгрома какого-то земского ополчения! У гетмана были прекрасные специалисты военного дела, одни венгры да запорожские казачки чего стоили. Именно эти части ринулись на лагерь Пожарского, потеснили ополченцев, а с тыла ударили поляки, засевшие в Кремле. Жаркой была битва. Князь Трубецкой, получивший перед этим от воеводы земского ополчения пятьсот всадников, в бой вступать не спешил, будто бы ждал чего, будто бы проверял на крепость воинов Пожарского... Но не выдержали этого ожидания преданные Трубецкому люди: самовольно, без его приказа, контратаковали врага, кстати, вместе с казаками, у которых сердца были тоже русскими. Этот удар был решающим в первом бою с поляками. Трубецкой похвалил своих людей. Дмитрий Пожарский — тоже.

Еще через день гетман Ходкевич одновременно атаковал и казаков Трубецкого, и ополченцев Пожарского. Перед боем Пожарский получил от одного из польских панов язвительную записку: «Лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей». Воевода земского ополчения сказал негромко: «Обязательно отпущу, но сначала вас всех отправлю по домам. Либо в русские могилы». И начался бой.

По сведениям военных специалистов, интервентов в городе было в общей сложности до пятнадцати тысяч воинов. У русских — около десяти тысяч ратников. Значительный перевес, особенно если учитывать профессиональную выучку иноземцев и русских новобранцев-ополченцев, в большинстве своем наспех обученных. Кроме того, изменник Орлов в ночь на 23 августа провел отряд гайдуков к церкви Георгия на Яндове, что позволило иноземцам закрепиться в очень важном районе, откуда они могли нанести по русским неожиданный удар. В тот же день противник сосредоточил основные силы в Донском монастыре. Это заставило перегруппироваться ополченцев и казаков Трубецкого: Пожарский четко отслеживал перемещения врага, реагировал на них моментально.

Рано утром 24 августа Ходкевич бросил в бой основные силы — личную дружину, конных венгров, украинских казаков, запорожцев, — отбросил русских к валу Земляного города и приказал штурмовать вал. Битва на Земляном валу продолжалась более пяти часов. Ничего не могли поделать русские с превосходящими силами врага! Пожарский тоже сражался на валу, успевая одновременно руководить общим ходом битвы. Все что могли ополченцы и казаки Трубецкого сделали, но вынуждены были отойти, уступить Земляной вал неприятелю.

Воины Ходкевича ворвались в Замоскворечье и продолжали двигаться дальше. Пехотинцы — венгры и запорожцы — дошли до Клементовского

острожка, к ним на помощь ринулись из Кремля и Китай-города поляки, смяли русских, порубили всех до единого, заняли острожек.

Ходкевич был настолько уверен в победе, что не побоялся даже ввезти в Замоскворечье огромный обоз, который так ждали осажденные в Кремле поляки. Победа действительно была близка.

Но вдруг казаки Трубецкого, получившие подкрепление, перегруппировались и нанесли неожиданный контрудар по Клементовскому острожку — противник в результате потерял семьсот человек убитыми. Иноземцы замешкались.

Тем временем Пожарский отправил Авраама Палицына к казакам, которые, обвинив ополченцев в отступлении, начали рассыпаться в разные стороны. Их всех нужно было... уговорить продолжить бой. Палицын сумел раззадорить казаков, пообещав скорое наступление.

Пожарский придерживал до поры до времени русскую пехоту, вместе с Мининым затевал всеобщее контрнаступление. Минин вдобавок к пехоте собрал несколько сотен конников, и, как только прозвучал сигнал, началась общая контратака.

Она была неожиданна для врага и так стремительна, что войско Ходкевича сначала подалось назад, а получив еще один крепкий удар русской конницы, в панике бежало к Донскому монастырю. Потери поляков были огромными, напрочь расхотели они воевать и на следующий день поспешили из Москвы в сторону Можайска и Вязьмы.

Русские воины окружили Китай-город, где окопались интервенты, и через два месяца вытеснили их в Кремль. А 27 октября поляки Кремль сдали. Победители радовались, думали о созыве Земского собора для избрания на престол нового царя, но вдруг Пожарскому сообщили, что войско короля Сигизмунда III устремилось к Москве. Все бы не страшно: разбили Ходкевича, можно разгромить и Сигизмунда, но Пожарский к этому времени распустил значительную часть ополчения. Оставалась одна надежда на казаков.

Трудно разговаривать с вольнолюбивыми людьми, но надо. Поехал князь Пожарский к атаманам, обещал им поместья, всем казакам — жалованье да участки для строительства домов в Москве. Богатая награда за ратный труд. Но кто такой Дмитрий Пожарский? Разве имеет он право распоряжаться московской землей? Не имеет. С другой стороны, верный он человек, надежный. Свое слово сдержит. Подумали-подумали атаманы, вышли на круг и порешили единогласно: «Надо разгромить Сигизмунда III, спасти Москву».

И налетели казаки на поляков, растрепали их войско, погнали на запад.

А затем в столице Русского государства собрался Земский собор, на котором после долгих споров был возведен на престол шестнадцатилетний Михаил Романов, сын патриарха Филарета. Дмитрий Пожарский, Дмитрий Трубецкой, Кузьма Минин сложили свои полномочия, передали бразды правления законно избранному монарху. Случилось это 21 февраля 1613 года.

Дмитрий Михайлович стал боярином, Кузьму Минина зачислили в думные дворяне, и занялись они своими делами. Жизнь при царском дворе удручала высокообразованного и скромного князя Пожарского,

трудно ему было уживаться с теми, кто возвысился при новом царе и завидовал огромному авторитету спасителя Отечества. Не раз бояре строили козни против героя, но вот пришла беда на Русь — известный атаман Лисовский стал разорять набегами земли на юго-западных границах государства, и царь отправил на грабителей отряд во главе с князем Пожарским. А кому еще доверить такое дело? Говорунам да лизоблюдам? Нет, такие люди во дворце хороши, на поле боя они бесполезны.

В начале 1615 года неподалеку от Орла встретились два старых противника. Разгорелась битва. Атаман Лисовский атакой конницы смял позиции второго русского воеводы Ислентьева. Тот бежал с поля боя, увлекая за собой ратников. Пожарский на своем участке отразил атаки, тут же организовал оборонительные укрепления из обозных возов, осмотрел-пересчитал оставшихся с ним людей. Маловато! У польской шляхты, готовой уже к яростной атаке, было, по самым скромным подсчетам, в три раза больше сил. Но Пожарский уверенно принял бой. «Лисовчики», как он назвал их перед сражением, ринулись на укрепления русских, были встречены градом огня, откатились назад, неся большие потери, не поверили в случившееся, вновь атаковали позиции князя Пожарского и вновь с потерями отступили.

Сбежавшие за Ислентьевым воины услышали шум боя, пристыдили друг друга по-русски крепко, повернули назад, помчались к своим на подмогу. Этого поляки никак не ожидали! Русские одержали полную победу, захватили обоз, много пленных, со славой вернулись в Москву.

Через три года Дмитрий Пожарский принял активное участие в разгроме армии польского королевича Владислава, решившего отнять у русского царя русский престол.

В декабре 1618 года с Речью Посполитой был заключен мир, и в Московии наступил долгожданный покой. Князь Дмитрий Пожарский с 1619-го по 1642 год занимал ответственные должности, людям зла не делал, и люди уважали его. Насколько сплотил русских людей опыт совместной борьбы с интервентами, история свидетель. Даже казаки вспоминали те дни как славные и праведные.

Между прочим, в 1637 году казаки войска Донского, дети тех, кого водили под своими знаменами Минин и Пожарский, подошли к сильно укрепленной турецкой крепости Азов и взяли важнейший стратегический пункт. Царь, правда, официально не поддержал «своевольную выходку» казаков, и во многом он был прав: не хватало пока силенок у Русского государства воевать с могучими османами. Но казаки, люд упрямый, решили не отдавать туркам крепость. Ни за что! В 1641 году турецкий султан, перед янычарами которого трепетали многие армии Европы, Азии и Африки, послал на Азов огромное войско: перевес сил был в пользу турок огромный — в 4 — 6 раз, а по заверениям некоторых очевидцев, гораздо больше! Три месяца османы осаждали крепость. Казаки отразили 24 штурма! Но крепость они не сдали. 26 сентября 1641 года турецкое войско отступило от Азова. Но в Москве решили крепость вернуть могучим османам.

Скончался Дмитрий Михайлович 20 апреля 1642 года. Перед смертью, по обряду тех времен, князь принял схиму, взяв имя Кузьмы в честь друга своего и соратника Кузьмы Минина, умершего еще в 1616 году.

Основные события Смутного времени

Июль **1610 года.** Союзное войско Скопина и Делагарди разгромило у Твери войско тушинцев, но шведские наемники, вовремя не получавшие жалованье, стали разбегаться по домам.

Начало сентября. Шведский отряд Делагарди осадил город Корелу. Полгода держались гарнизон и защитники. В живых осталось сто человек, изможденных голодом и цингой. Они капитулировали.

21 сентября. Жолкевский ввел в Москву восемьсот немецких и три с половиной тысячи польских воинов.

Осада Иван-города шведам не удалась, в их войске взбунтовались наемники.

1611 год. Рязанский воевода П. П. Ляпунов сформировал первое земское ополчение. Вскоре к нему присоединились тульская окраина, Калуга (Д. Т. Трубецкой и И. М. Заруцкий), Нижний Новгород, а также Среднее Поволжье и Север.

Февраль. Шведы ходили на город Колу, тот выстоял, интервенты отступили.

Март. Шведы пытались захватить Соловецкий монастырь и Сумской острог, но жители ушли в леса, спрятав запасы продовольствия. Чужеземцы, оказавшись без продуктов питания, покинули эти края.

19 — 20 марта. В Москве вспыхнули уличные бои. Восставшие перешли в наступление. Интервенты решили сжечь весь город, надеясь победить русских огнем, выделили для этого две тысячи человек.

24 марта. К Москве подошло ополчение, но справиться первому ополчению, разнородному и плохо организованному, с интервентами не удалось.

2 — 3 июня. Интервенты взяли Смоленск после долгой осады.

16 июля. Изменники впустили в Новгород отряд Делагарди, затем шведы взяли Орешек, Копорье, Ям, другие города. Псков, однако, выстоял.

1 сентября. В Нижнем Новгороде посадский староста Кузьма Минин призвал народ организовать сбор средств для нового ополчения. Во главе ополчения был поставлен князь Д. М. Пожарский.

Королем Швеции стал талантливый полководец Густав Адольф.

1611 — 1613 годы. Шведы проиграли войну Дании, она утвердила свое господство на Балтике.

1612 год, начало апреля. Второе ополчение вошло в Ярославль, где был сформирован Совет всей земли Русской, осуществлявший функции русского правительства.

26 июля. Войско Пожарского выступило в поход на Москву.

20 августа. Второе ополчение расположилось у Арбатских ворот.

24 августа. Второе ополчение под руководством Д. М. Пожарского разгромило в уличных боях поляков, выбило их из Москвы.

22 октября. Ополченцы и казаки Трубецкого захватили Китай-город.

27 октября. Польский гарнизон в Кремле капитулировал.

1613 год, весна. По северным городам прокатилась волна антишведских восстаний. Жители Тихвина, Порхова, Гдова выбили шведов из родных мест.

1614 год, 14 июля. Русское войско потерпело неподалеку от Новгорода, у Бронниц, поражение от шведов.

1615 год, 29 июля. Шведский король прибыл к Пскову с войском в девять тысяч человек. Защитники города выдержали осаду. 17 октября Густав Адольф покинул лагерь.

1616 год. Скончался Кузьма Минин.

1617 год. Швеция и Русское государство заключили между собой Столбовский мир, по которому шведы обеспечили себе торговлю на Балтике, а русские купцы оказались отрезанными от моря.

1642 год. Скончался Дмитрий Михайлович Пожарский.

Экстремальные природные явления, эпидемии, катастрофы, отмеченные в русских летописях (1462 — 1613 гг.)

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
1465	Тверь	При пожаре 12 ноября сгорела половина Кремля	ПСРЛ, т. 15, с. 496
1466	Русская земля	14 мая пошел снег: «...снег пал пяди и лежал два дни». Спустя 12 дней это необычное явление повторилось. Выпавший 26 мая снег лежал весь день: «...по всей Русской земле хлеб призяб, ржи иные ушли, иные призябли, а яровое жито все призябло, опричь ячменя». Заморозки летом: 18 августа «мраз был и другой мраз был того же месяца 27 и ярь побил». Голодный год	УЛС, с. 86; ПСРЛ, т. 12, с. 117; т. 16, с. 219; т. 24, с. 186
1467	Ростовская и Московская земли	14 января был столь сильный мороз, что «множество людей изомре по дорогам на Москве и по другим городам и землям». В Ростовском озере раздавались странные, подобные молотьбе, звуки, которые не давали спать жителям Ростова Великого	ПСРЛ, т. 8, с. 117; т. 24, с. 186
1467	Тверь	Большой пожар. Сгорело 110 дворов	ПСРЛ, т. 15, с. 497
1467 — 1468	Москва, Казань	Холодная, дождливая осень и суровая зима	ИЛ, с. 55; ПСРЛ, т. 6, с. 187; т. 12, с. 118; т. 18, с. 217; т. 25, с. 279

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
1468	Москва	23 мая большой пожар на посаде: «...истомно же тогда было внутри города», поскольку был ветер с порывами («вихор мног»)	ИЛ, с. 57; ПСРЛ, т. 24, с.187; т. 25, с. 282
1468	Московская земля	Эпизоотия: «...мор бысть велик на кони». Голодный год	ПСРЛ, т. 24, с. 187
1469	Москва	15 апреля наблюдались ложные солнца. 30 августа была сильная буря с градом и грозой. Пожар. Ночью начался сильный ветер, горящие головни и бересту «добре далече носило за много верст»	ПЛ, ч. 2, с. 167; ИЛ, с. 61; ПСРЛ, т. 24, с. 188; т. 25, с. 39, 283
1470	Москва	Возврат холодов 25 мая: «...на ночь пал снег, но на утро к обеду растаял». Суровая зима	УЛС, с. 88; ПСРЛ, т. 24, с. 188
1470	Москва	15 апреля «явился круг на небе, один край был посреди неба, а другой спустился к западу»	ПСРЛ, т. 6, с. 157
1471	Москва	Землетрясение: «...потрясеся земля»	ВПЛ, с. 269; ПЛ, ч. 2, с. 185 — 186
1472	Москва	20 июля во время бури начался пожар. «Была буря вельми велика, огонь метало за 8 дворов и более. С церквей и хором срывало крыши»	ПСРЛ, т. 25, с. 297
1473	Москва	Сильный пожар 4 апреля. Сгорело много домов и складов с зерном	ПСРЛ, т. 25, с. 300
1474	Москва	Весной был «трус в граде Москве». Во время землетрясения рухнула почти достроенная церковь Св. Богородицы. Потряслись все храмы, и колебалась земля	ПСРЛ, т. 24, с. 194
1475	Московская земля	23 апреля сильная гроза: «...взошла туча, да гром сперва мал, потом и велик с полудень, а с молнию, да и дождик велик, а морозы и	ПСРЛ, т. 23, с. 161; т. 25, с. 303

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
		студень до 2 мая». С этого числа ежедневно шли дожди. 19 сентября нашла «слоть», потом выпал снег, ударил мороз. Снег сошел вскоре, но 6 ноября выпал снова, 8 ноября замерзли реки. Голодный год	
1475	Москва	Сильный пожар 10 июня. Ложные солнца 9 ноября	*Там же*
1476	Москва	31 августа очень сильная гроза: «...гром страшен и молния велика». Проливной дождь. Дождливая осень: «...дождя шло много». 25 февраля наблюдались полярные сияния, 11 апреля — гало	УЛС, с. 9; ПСРЛ, т. 25, с. 308, 309; т. 30, с. 136
1476	Москва	Пожар 2 октября	ПСРЛ, т. 23, с. 161 — 162
1476	Псков, Москва	Пожары в Пскове (10 октября), в Москве (сентябрь), в Новгороде. Сгорело много зданий и церквей. Погибло много людей	ПЛ, ч. 2, с. 211; ПСРЛ, т. 12, с. 169; т. 25, с. 309
1476/ 1477	Московская земля	Бесснежная зима: «...сия же осень суха была и студена, река стала 12 ноября, а веденьеве дни дождь был о оттоля морозов великих николико, а снегу не бывало. Генваря 9 с четверга на пяток снег пошел и на заутра, а не много же, а на пядь, не бывало и во всю зиму»	ПСРЛ, т. 12, с. 169; т. 24, с. 195; т. 25, с. 309; т. 26, с. 275
1477	Москва	Сильные грозы: 1 сентября «был гром великий зело». От удара молнии упала «глава церковная и шея», и земля вокруг поколебалась «от гремения страшного»	ПСРЛ, т. 23, с. 162
1478	Москва	25 марта прошел лед на Москве-реке, а на следующий день «почали бродити через нее на конях»	ПСРЛ, т. 25, с. 323; т. 12, с. 189

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
1480	Угра	Во время противостояния русских войск и татарских орд Ахмета начались сильные морозы, и, когда река начала покрываться льдом, «татары, страхом одержимые», побежали от русских войск. Татарские орды сильно пострадали от морозов и эпидемий	ПСРЛ, т. 8, с. 205; т. 25, с. 326
1481	Москва	Большой пожар, сгорела большая часть города	ПСРЛ, т. 23, с. 183
1485	Москва	Пожар	ПСРЛ, т. 8, с. 216
1486	Москва	13 августа был большой пожар. Зимой Москва горела вновь	ПСРЛ, т. 12, с. 219; т. 23, с. 162
1488	Москва	13 августа — большой пожар. Погибло 5 тысяч человек	ПСРЛ, т. 6, с. 238
1491	Москва	Суровая зима: «...сия же зима люта бысть». «Мразы быша велики, и снеги, а на весне на Москве и везде поводь зело велика бысть и за много лет такой воды не помнят»	ИЛ, с. 131
1493	Москва	Пожары 16 апреля и 16 июля. 6 июля буря с грозой. Круги у солнца. Небывало большой пожар 28 июля во время сильного ветра: «...в том часу воста буря велия зело, и кинуло огонь на другую сторону Москвы-реки... и нечисленно нача горети во многих местах». Сгорела большая часть города. В церквах сгорели книги и казна. «Больше двою сот человек сгорело, а животов бесчисленно выгоре, а все погоре единого полудни до ночи». «Летописец и старые люди сказывают, как Москва стала, таков пожар на Москве не бывал»	ПСРЛ, т. 24, с. 239 — 240
1495	Москва	25 октября в 5 часов утра началась сильная буря и «весь день был ветер силен на Москве, хоромы трясло, с иных	ПСРЛ, т. 26, с. 290

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
		верхи срывало, и кровли драло, и людей било»	
1496	Русская земля	Суровая снежная зима, а весной небывалое наводнение: «...сия же зима вельми люта бысть. Мразы быша велицы и снеги, а на весне на Москве и везде поводь зело великая бысть»	ПСРЛ, т. 6, с. 40; т. 8, с. 231; т. 12, с. 242; т. 24, с. 242
1507	Москва	Большой пожар 21 мая: «...весь посад и торг до Сретенья погорел»	ПСРЛ, т. 30, с. 140
1510	Московская земля	29 августа наводнение: «...поводь была велика, много портило мельниц и прудов». Голодный год	ПСРЛ, т. 24, с. 216
1512	Русская земля	Дороговизна: «...было дорого жито по всей земле Русской и многие люди с голоду умирали». Голодный год. Засуха	ПСРЛ, т. 24, с. 217; Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы, с. 50
1516	Москва	Дождливое лето. Урожай в сентябре погиб от дождей: «...того же лета месяца сентября перемежилося хлеба на Москве, ржи негде было купити». Голодный год	ПСРЛ, т. 6, с. 280
1518	Москва	28 сентября выпал снег: «...снежек маленький был»	ПСРЛ, т. 6, с. 262
1521	Псков, Москва	Эпидемия (мор)	ПЛ, ч. 2, с. 102; ПСРЛ, т. 6, с. 29
1525	Московская земля	Засуха с конца мая до середины августа: «...и мгла бысть велика 4 недели, солнца и луны не видеть, и земля горела и дымове велики». Неурожай: «...не родилось никакое жито, ни обилье, ни сено». «Ярового хлеба и сен было скудно...» Голодный год	ПСРЛ, т. 26, с. 20, 205, 271; т. 34, с. 15
1526	Москва, Вологда,	В русских городах был дорог хлеб: «...на Москве четверть	ПСРЛ, т. 26, с. 313;

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
	Тотьма	по шти [шести] алтын, а на Вологде и по иным городам по двадцать алтын и более, а на Тотьме купили четверть по рублю». Голодный год: «...глад велик зело, множество людей маломощных з голоду мерло»	т. 28, с. 181
1529	Москва	Летом сильные дожди, бури, грозы. Порывами ветра срывало верхи многих церквей, сносило с основания хоромы. Голодный год	ПСРЛ, т. 6, с. 282
1530	Москва, Новгород	Сильная гроза: «...гром страшен зело и блистание молнии... по всем областям земли Русской. Подобного грома и трясения воздуха не было от сотворения земли. В часу ночи был гром и молния, туча и ветер. Зело страшен, яко мнети всей земли поколебатися от основания»	ПСРЛ, т. 3, с. 251; т. 6, с. 287; т. 30, с. 176
1530	Русская земля	Были сильные пожары в Москве, Холмогорах, Вильно, Нижнем Новгороде и других городах России	ПСРЛ, т. 6, с. 287; т. 17, с. 292; т. 33, с. 149, 167; т. 35, с. 170
1533	Москва	Сильная гроза: «...гром велик и молния»	ПСРЛ, т. 13, с. 68 — 69
1534	Московская земля	Ранняя весна. Таяние снега началось в «масляное заговение», «да и дорогу порушило, без пута стала. Реки прошли за две недели до Благовещения (25 марта)». С 25 марта начали пахать землю и сеять. «А весна была северна, студени были, а озимя не были»	ПСРЛ, т. 28, с. 162
1546	Москва	Ранняя зима, глубокий снег	ПСРЛ, т. 20, с.111
1547	Москва	Засуха: «...тая же весны пришла засуха великая и вода в одну неделю спала, а уда на	ПСРЛ, т. 13, с. 152 — 154;

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
		Москве реке обсушило». Сильный град: «...бысть град силен и велик с яблоко лесное». 12 апреля был пожар, при котором сгорели многие торговые ряды и целые улицы. Взрывом разметало «стрельницу» (пороховой погреб), разбросало кирпичи по берегам Москвы-реки и в реку. 21 июня снова был большой пожар во время бури: «...бысть буря велика и потече огонь, якоже молния». Буря способствовала распространению пожара, подобного которому не бывало на Москве со времени ее основания. «Множество народа сгореша. 1700 мужского полу и женска и младенец». Сгорели церкви, икона Рублева и многие другие. Голодный год: «Хлеба было скудно»	т. 28, с. 151; т. 34, с. 182 — 183; Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы, с. 52
1548	Москва, Владимир, Казань	«После крещения... быша дожди многие, а снегов не быша ни мало». Небывалая оттепель, начавшаяся 3 февраля: «...пришла теплота великая... Волгою итить нельзя», оттепель также «речки малые все попортила». Лето было дождливое	ПСРЛ, т. 29, с. 55; т. 13, с. 155 — 156; т. 29, с. 55, 154; т. 34, с. 184; Разрядные книги, т. 1, ч. 2, с. 346
1548	Москва	Полярное сияние 13 января: «...ночью появились на небе огненные лучи на северной стороне. Наблюдались всю ночь до утренней зари». 14 июня была сильная гроза: «...взошла туча с зимнего запада и молния велика и гром страшен»	ПСРЛ, т. 13, с. 156
1549	Москва	Полярное сияние	ПСРЛ, т. 13, с. 157
1551	Москва	В ноябре были сильные дожди и высокое половодье. Лед прошел, как весной. Оттепель причинила много убытков людям. Затем была суровая зима.	ПСРЛ, т. 20, ч. 2, с. 579

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
1557	Русская земля	Сильные дожди, заморозки: «...во время жатвы дожди были великие, а за Волгою во всех местах мороз хлеб побил». Суровая зима: «...великие морозы во всю зиму и ни одни дни с оттепелью не наблюдались». Голодный год: «...бысть глад на земле по всем Московским городам и по всей земле, а больше всех в Заволжье»	ПСРЛ, т. 12, с. 279; т. 29, с. 253 — 254
1559	Москва	13 июля пожар. Сгорело много дворов. Через шесть дней снова был пожар, более сильный. Сгорело множество церквей и жилищ	ПСРЛ, т. 29, с. 287
1564	Москва	«Бысть дожди велицы, и разводие велико, и реки позамерзшие повзломало, и лед пошел, и стояло разводие две недели. По рекам в судах ездили до Рождества Христова»	ПСРЛ, т. 13, с. 373
1565	Москва	Большой пожар в районе Неглинной 25 сентября. Дождливая осень: «...были дожди, и в реках поводь была велика». Реки замерзли 17 декабря	ПСРЛ, т. 13, с. 386, 392
1566	Русская земля	Эпидемия: «Лихое поветрие». Большая смертность. Во многих местах некому было хоронить мертвых	ПЛ, ч. 2, с. 248; ПСРЛ, т. 29, с. 352
1570	Русская земля	Возврат холодов в начале лета. Морозом побило хлеб во время цветения. В Москве и во всех русских землях был «глад велик». Эпидемия: «...мор был силен по всей Русской земле». Голодный год.	ОЛ, с. 197; Сборник летописей, с. 76
1571	Москва	Большой пожар 24 мая	ПСРЛ, т. 30, с. 158
1584	Москва	31 мая на рассвете разразилась ужасная буря, гроза. Ливень затопил многие улицы. Зима была суровой	ПСРЛ, т. 14, с. 34; Карамзин Н. М. История государ-

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
			ства Российского. Т. IX. С. 15
1587/ 1588	Русское государство	Продолжительная и студеная зима стояла во всех восточноевропейских странах — от Русского государства до Литвы и Крыма. В Крыму лежал снег в течение пяти месяцев. В районе Пскова сильные снегопады прошли в конце мая. Значительная часть посевов пострадала, и начался голод. Неурожай имел тяжелые последствия прежде всего для многомиллионной массы крестьян, однако причинил немало бед и мелкому дворянству. «Российский рынок зарегистрировал в 1588 году большое повышение хлебных цен на территории от Пскова и Новгорода до Москвы, Владимира и Холмогор». Голодный год	ПЛ, ч. 2, с. 264; Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы, с. 109; ПСРЛ, т. 32, с. 177
1588/ 1589	Москва	После неурожая и голода 1588 года власти ввели в столице весной 1589 года осадное положение	ПСРЛ, т. 32, с. 171
1591	Московская земля	Большой пожар в начале лета, «когда солнечная теплота жгла, помогая неудержимому яростному пламени испепелять Москву». Голодный год.	Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы, с. 199
1594	Москва	Большой пожар: «...выгоре весь град и церкви, и монастыри без остатка везде»	ПСРЛ, т. 34, с. 196
1595	Москва	Сильная буря: «...буря велия, дворы многие поломало и людей и скот носяще ветром»	ПСРЛ, т. 14, с. 46; т. 31, с. 145
1595	Москва	Мягкая зима: «...ни зима, ни лето, ни осень, ни весна, аж до месяца мая... снегу не было»	ПСРЛ, т. 31, с. 145; т. 32, с. 183
1599	Москва	Весной сильный пожар: «...в	ПСРЛ,

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
		Китае-городе выгореша все дворы и лавки во всех рядах без остатку и на городе кровли. И не избысть в Китае-городе ничего от того пожару, ни един дом»	т. 34, с. 239
1601	Москва	Сильные заморозки 28 июля: «...великий мраз и позябе всяко жито и всякий овощ, и бысть глад велик 3 лета». В летописи указан 7110 (1602) год, что, по мнению В. И. Корецкого, является ошибкой переписчика, так как в других кратких летописцах, хранящихся в ЦГАДА (ф. Оболенского, № 44, л. 21об) и в ГИМе (Собрание синодальное, № 944, лл. 367 — 368), указывается 1601 год, а наступление первых морозов отнесено к 28 июля	Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы, с. 120
1603	Русское государство	«Лета 7111 (1603) и за всего мира безумное молчание, еже о истинне к царю не смеющее глаголати о неповинных погибели, омрачи господь небо облаки, и толико дождь пролися, яко вся человецы по ужасть впадоша. И преста всяко дело земли, и всяко семя сеянное, возрастши, разседяся [сгнило] от безмерных вод, лиемых от воздуха, и не обвея ветер травы земные за десять седмиц дней, и прежде простертия серпа поби мраз сильный всяк труд дел человеческих в полях и виноградах и яко от огня поядена бысть вся земля. Году же сему прошедшему, ох, ох горе, горе всякому естеству воскличющу, и во вторый злейши бысть, такоже и в третье лета...»	*Там же,* с. 180

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
		В одной только Москве в трех скудельницах было погребено 127 тысяч человек. Но это только часть погибших в столице от голода. Ведь в Москве тогда было более 400 церквей, на кладбищах которых «неведомо колико погребеше христолюбцы гладных, а еже во всяких грядех и селех — никто же исповети может, несть бо сему постижения». В Москве, Смоленске и других городах эпидемия: «...зело лют мор». Живые не успевали погребать мертвых.	
1604	Москва	Очень сильная буря: «...пришла буря велия... с Воробьевой горы прямо на [Новый] монастырь... верхи и кресты посломало со всей церкви... многие хоромы ломало»	ПСРЛ, т. 34, с. 111
1605	Москва	Сильные бури	Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы, с. 115, 128
1607	Москва	Большое наводнение. Москва-река вышла из берегов	*Там же,* с. 155
1608	Москва	Сильные дожди, погубившие урожай. Дороговизна: «четь ржи» стоила 7 рублей. Голодный год	ПСРЛ, т. 14, с. 87

Часть шестая

Век боярского правления

(1613 — 1712)

Почему устояло Русское государство?

Михаилу Федоровичу Романову, занявшему русский престол в 1613 году, достались разоренное государство, полуразрушенная столица, даже в самом сердце ее — в Кремле — видны были следы пребывания иноземных проходимцев. Многие москвичи лишились крова, имущество народа было разграблено или сгорело в бесчисленных пожарах, в городах и селах царило запустение.

Иноземцы ушли, ополчение было распущено, но не остыли еще буйные головы сумасбродников, попривыкших за время смуты грабить безнаказанно сограждан — в душах многих людей царило такое же запустение, как и в стране, — еще пахарь не взялся за соху, еще не отстроились русские люди, не обрели былую уверенность в себе.

Но все же появилась в московитах какая-то новая стать, новая походка и говор — все же сами справились, народным ополчением справились с врагами своими и чужими, а теперь выбираем царя себе сами... Новый царь, новые порядки, новые надежды.

Почему же государство Русское устояло, и не только устояло, но даже заметно окрепло в XVII в. и накопило мощный потенциал, которым с такой пользой для страны распорядится вскоре Петр?

Разные ученые отвечают на этот вопрос по-своему: одни утверждают, что хорошо сработали первые представители династии Романовых, другие хвалят ограниченное монархическое правление, третьи отдают дань русскому народу. Но редко кто рассматривает пристально мир, окружавший Русь Великую, Малую, Белую, княжества Астраханское, Казанское и прочая, и прочая, и прочая, а также политическую ситуацию во всей Евразии. А она, как это ни странно звучит, благоприятствовала Русскому государству, которое в XVII столетии находилось в своего рода политической теплице.

Чтобы в этом убедиться, познакомимся хотя бы бегло с политической картой мира.

Еще во второй половине XV века в западноевропейские страны (Испанию, Португалию, Голландию...) по морским дорогам планеты со всех концов света потянулись тяжело груженные золотом, корицей и прочими богатствами огромные корабли. Европа, прорвавшись в дальние страны, быстро богатела, разбазаривая на пирах и гуляньях золото мира. Но золота

было очень много. Дальновидные государи той эпохи пускали деньги в дело, в развитие промышленности, в усовершенствование вооружения, в техническое переоснащение армий. Все они были не прочь рвануть на Восток по сухопутью, пройти через пораженную бедами Смутного времени уставшую Русь на бескрайние просторы Сибири. Подобные мечты не давали покоя шведам, усилившимся к началу XVII века, полякам, еще могучим, не успевшим растерять свой боевой пыл, датчанам, англичанам, подумывающим всерьез об устройстве на Русской земле огромного склада богатств, откуда можно было бы бесплатно либо за бесценок брать пушнину и рыбу, зерно и лес... Но!

В 1566 году началась нидерландская буржуазная революция, втянувшая в водоворот бурных событий все страны Европы, включая и Османскую империю, которая сумела воспользоваться ситуацией и развязать Кипрскую войну (1570 — 1573 гг.). Хуану Австрийскому, возглавлявшему испано-венецианский флот в морском сражении у мыса Скрофа (Лепантский бой), удалось разгромить турецкий флот, но созданная папой римским Пием V для борьбы против Османской империи Священная лига (Испания, Венеция, папа римский и итальянские княжества) войну проиграла. Кипр достался туркам.

Испания, не желая сдавать свои позиции в Европе, построила громадный флот, «Непобедимую армаду», но вступившая в Нидерландскую войну Англия послала на армаду флот адмирала Дрейка, и тот разгромил ее.

Поражение в Нидерландской войне Испании положило конец периоду испанского преобладания в Европе, хотя это государство еще оставалось очень сильным и вполне обоснованно мечтало о реванше.

В 1618 году вспыхнула Тридцатилетняя война, надолго отвлекшая многие страны от других проблем, в том числе от мечтаний поживиться чужим богатством в Восточной Европе. Германия и Испания (Католическая лига), с одной стороны, и протестантские княжества Южной и Западной Германии, Дания, Швеция, Франция (Евангелическая уния), с другой, в течение трех десятков лет держали друг друга в напряжении. Война закончилась разгромом Германии, она распалась на 300 самостоятельных государств, потеряв при этом до 75 процентов населения.

Победа для Евангелической унии была нелегкой. Многие страны потеряли лучших полководцев и много воинов и тоже нуждались в передышке, так что с запада и северо-запада русские большой беды могли не ждать.

Устала завоевывать и Османская империя. В XVI веке у нее появился грозный соперник на востоке: государство Сефевидов. Сразу после удачной для Османской империи Кипрской войны османы втянулись в другую войну, ирано-турецкую, которая продолжалась с 1578-го по 1639 год. Так и не выявив победителя, она заметно ослабила обоих противников. Имея у себя под боком Сефевидский Иран, Османская империя в XVII веке даже думать не могла о крупномасштабных операциях в Восточной Европе. Но и набирающий силу Иран не мог позволить себе этакую роскошь: попытаться прорваться по Кавказскому коридору к Астрахани. У сефевидов, кроме Османской империи на западе, был еще один мощный соперник на юго-востоке: империя Великих Моголов,

достигшая при Аурангзебе (правил с 1658-го по 1707 г.) вершины могущества. Чуть позже, в XVIII веке, шахи Ирана будут вести успешные войны против империи Великих Моголов, но к тому времени Русское государство превратится в Российскую империю, которая сама будет диктовать свои условия всем соседям.

Далеко на востоке от Русского государства на рубеже XVI — XVII вв. окрепли маньчжуры. Не надо думать, что Маньчжурия очень уж далеко от Восточной Европы. Не намного дальше, чем реки Орхон, Онон и Керулен, в долинах которых в XII — XIII веках созрела энергия громадной завоевательной силы. Согласно легендам, потомки Чингисхана несколько веков хранили печать Тэмуджина, как символ власти, как символ веры в то, что попытку создать государство «от моря и до моря» можно повторить еще раз, еще сотни раз — до тех пор, пока не осуществится эта сумасбродная идея. Маньчжурский хан Нурхаци (1559 — 1626 гг.) в 1616 году основал династию Поздняя Цзинь, вел войны с соседними племенами, с Кореей, с Китаем. Его сын Абахай первым делом добыл у потомков Чингисхана печать основателя державы монголов, тем самым заявив о себе как о воспреемнике идей Тэмуджина.

«Вода течет туда, где ниже, и в этом ее мудрость». Мощный энергетический поток из долин трех вышеуказанных рек растекался именно по тем направлениям, где было ниже, где энергетический потенциал племен и народов, стран и империй, ослабевший из-за всемировой смуты XI — XV веков, заметно уступал потенциалу людей типа Чингисхана, взявших, попросту говоря, то, что плохо лежало.

У Нурхаци и Абахая задача была посложнее, чем у Чингисхана и его потомков. Они слышали о казаках, подданных Белого царя, которые с упрямством морской волны накатывались на Сибирь, продвигались все дальше и дальше на восток, чувствовали их силу.

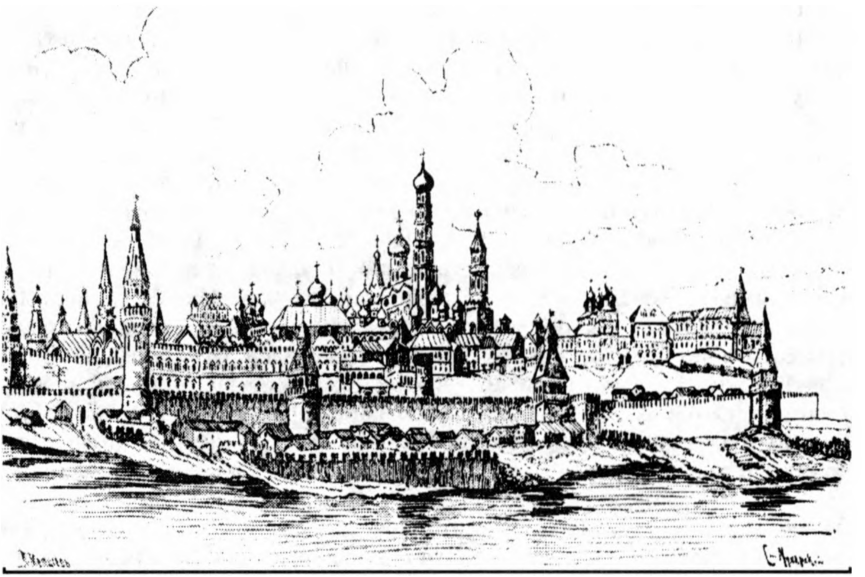
Как обладатель печати Чингисхана, Абахай не мог не думать об империи «от моря и до моря». Но, мудрый человек, он знал, какую мощь несут в себе упорные казаки, как высок потенциал того народа, из недр которого волнами расходятся по Сибири отряды. Вода течет туда, где ниже. Абахай повел маньчжуров на юг — в громадный Китай, пораженный долгой, кровопролитной гражданской войной, завоевал Поднебесную, основал Маньчжурскую династию.

Очень повезло русскому народу в XVII столетии: все страны Евразии, обнимавшие Русское государство с запада, с юга и с востока, были заняты своими проблемами. С севера Русское государство омывал Ледовитый океан.

Первые Романовы, а также все, кто участвовал в управлении Русским государством, могут показаться этакими баловнями судьбы: страна досталась им богатая, народ — в меру бунташный, вокруг международная политическая теплица, да и только.

Именно так жили первые Романовы и возглавляемая ими держава. Эта неторопливость позволила русским с минимальными душевными, духовными и физическими потерями преодолеть непростую временну̀ю дистанцию (1613 — 1682 гг.) и накопить силы для будущего прорыва.

Во главе «пирамиды власти» Русского государства в XVI — XVII веках стоял царь всея Руси. На второй сверху ступени социальной лестницы располагались митрополиты, а затем патриархи всея Руси, а также «особо приближенные» к царю бояре, родственники царя, которые пользовались громадным авторитетом у самодержца и, естественно, оказывали



Кремль в начале XVIII столетия (со старинной гравюры)

заметное влияние на политику государства. Такими, например, были любимцы Ивана IV Васильевича Грозного, активно проводившие в жизнь все начинания царя (в том числе и опричнину) и от него принявшие смерть, а также Борис Годунов, который уже в годы правления Грозного заметно возвысился, а при Федоре Ивановиче стоял на одной ступени социальной лестницы вместе с царем.

На ступеньку ниже располагались думные бояре, заседавшие в Боярской думе: Григорий Карпович Котошихин (1630 — 1667 гг.), подъячий Посольского приказа, в своем сочинении о России времен царствования Алексея Михайловича Романова пишет, что «прежние большие роды князей и бояр многие без остатку «чиновалися», и перечисляет думных бояр, которые «в окольничих не бывают: князей Черкасских, князей Воротынских, князей Трубецких, князей Голицыных»[1] и так далее.

Думный боярин являлся первым думным чином Боярской думы.

Окольничий с середины XVI века — второй думный чин. Пробиться в думные бояре ему было очень сложно, продолжает Г. Котошихин. — Мешало местничество, система распределения служебных мест, которая учитывала происхождение, положение, занимаемое предками, и в послед-

[1] *Шукшин Василий.* Я пришел дать вам волю. Бунташный век (Из сочинений Григория Котошихина). М.: Молодая гвардия, 1983. С. 419.

нюю очередь — заслуги. Зато уж в свои ряды, на свою ступень они старались никого не пропускать. Г. К. Котошихин называет в числе окольничих роды князей Куракиных и Долгоруковых, Бутурлиных и Ромодановских, Пожарских и Волконских.

Третьим чином в Боярской думе были думные дворяне.

Четвертым чином — думные дьяки. «И в тех думных дьяках бывают из дворян и из гостей, и ис подьячих. И ис тех думных дьяков посолской дьяк, хотя порою бывает менши, но по Приказу и по делам выше всех»[1].

Дьяки занимали должности секретарей приказов, начальников, письмоводителей канцелярии. В XVII веке их в Русском государстве было около сотни, причем многие из них были людьми простого происхождения, делали карьеру благодаря знаниям, служили с ответственностью, трудолюбием, без которых невозможно вести сложное делопроизводство.

Спальник — придворная должность в Русском государстве XV — XVII веков. В его обязанности входило дежурство в комнатах царя и сопровождение его в поездках. Эта должность была очень выгодной. «Спальники, которые сидят у царя в комнате посуточно, по переменам, человека по четыре, — продолжает Г. Котошихин. — И многие из них женатые люди, и бывают в том чину многие годы, и с царя одеяние принимают и разувают. А бывают в тех спальниках изо всех боярских и окольничих и думных людей, которых царь кажет, а иные в такой чин добиваются и не могут до того притти. И быв в спальниках, бывают пожалованы болших бояр дети в бояре, аз иных, менших, родов дети в окольничие, кого чем пожалует царь по своему рассмотрению; и называют их комнатной боярин или окольничей, а в посолственных письмах пишут ближними бояры и окольничими, потому что от близости пожалованы». Спальники подчинялись постельничим.

Столь же перспективными и выгодными должностями в XV — XVII веках в Русском государстве оставались еще с прошлых столетий должности стольника, стряпчего. Московские дворяне в XVII веке быстро укрепляли свои позиции в государстве. Цари охотно посылали их в города на ответственные должности, доверяли им воеводства, посольские и другие дела. Уже при Иване IV они участвовали в политической жизни страны, были надежной опорой государей, но местничество мешало им продвигаться вверх по социальной лестнице, сдерживало инициативу этих энергичных людей.

Местничество корнями своими уходило во времена Ивана I Калиты, когда в Москве вокруг княжеского стола собралось очень много именитых, богатых бояр, съезжавшихся в город из южной и западной областей страны. Отношения между великими князьями московскими и боярами, по общему признанию летописцев и позднейших историков, были вплоть до середины XV века очень хорошими. Бояре и князь заключали между собой договор, согласно которому бояре обязались «служить князю», а князь — кормить бояр, награждать по заслугам. Из духовной грамоты Дмитрия Ивановича Донского видно, что князья уважительно относились к боярам, советовали своим детям прислушиваться к мнению бояр,

[1] *Шукшин Василий.* Указ. соч. С. 420.

опираться на их опыт. «Словом, московские князья и бояре составляли одну политическую силу»[1] вместе с московским духовенством. Эта триединая сила, всегда и полностью поддерживаемая московским народом, к середине XV столетия одержала, как говорилось ранее, великие исторические победы, ставшие опорой для следующих успехов, изменивших социальную структуру стольного града и самый состав московского боярства. Подчиняя и присоединяя уделы, вечевые республики, ханства, московские князья посылали туда из Москвы верных бояр, а позже и дворян наместниками, воеводами, а местную знать оттуда переселяли в столицу. После того как Литва в 1386 году приняла унию с католической церковью, в Москву потянулись литовские и русские князья и бояре, верные православию. Они, именитые, знатные, требовали к себе соответствующего подхода и отношения, и великие князья московские жаловали их высокими чинами.

Эта политика, известная в мировой истории с самых древних времен, о чем говорит, например, дело Секста Тарквиния — сына римского царя Тарквиния Гордого, с одной стороны, обезглавливала уделы, вечевые республики и ханства, давала возможность великим князьям московским, а позже царям всея Руси с наименьшими потерями и в быстрые сроки претворять в жизнь идею создания централизованного государства, а с другой стороны, сильно разбавляла до этого монолитный состав московского боярства. Бояре-старожилы, естественно, мечтали сохранить свои прочные позиции у великокняжеского, а затем — у царского престола и делали все, чтобы поставить постоянно прибывающих в Москву бояр в подчиненное положение.

Так зарождалось местничество. В строгом смысле оно не являлось законом, скорее обычаем, но исполнялся обычай очень строго. «Каждый князь или боярин, принимая служебное назначение, справлялся, не станет ли он в равноправные или подчиненные отношения к лицу, менее его родовитому по происхождению, и отказывался от таких назначений, как от бесчестящих не только его, но и его род»[2].

До поры до времени великие князья московские терпели этот обычай. Москва, присоединяя все новые земли, продолжала поставлять в бывшие уделы и республики своих людей, являясь своего рода кузницей кадров для создаваемой повелителями Боровицкого холма державы. В начале XVI века сформировалось в Москве боярское сословие, замкнутое в себе самом, организованное «по степеням родовитости», со своим «незаконным законом» — местничеством. Если вспомнить, что к этому же времени в Русском государстве сформировалась еще одна мощная замкнутая в себе самой социальная структура — духовенство, то можно представить, как сложно было Василию III Ивановичу и Ивану IV Васильевичу сокрушить эти силы. В единодержавном государстве должна быть одна вершина власти — монарх, слово которого является законом для всех в равной степени, а не обычай, как прежде. Эта формула, конечно, идеал, который никогда ни в одном государстве полностью не реализовался. Но

---

[1] *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. Спб.: Кристалл, 1997. С. 191.
[2] *Там же.* С. 192.

к нему всегда стремились самодержцы, особенно в такие вот периоды истории, в котором оказалось Русское государство в начале XVI века. Бояре не хотели мириться с диктатом царей. Цари не могли терпеть своевольства бояр. Но местничество даже Грозный царь, упрямый и упорный человек, не смог уничтожить. Местничество было отменено лишь в 1682 году, но бороться с остаточными явлениями этого обычая приходилось и Петру I, и даже позднейшим монархам Российской империи...

В царском дворце постоянно спали так называемые жильцы, они всегда были готовы выступить в поход, отправиться в любую точку государства по поручению царя. Жильцов набирали из детей дворянских, дьячих и подъячих. За хорошую службу их награждали высокими чинами и должностями: стряпчих, стольников, военачальников разных рангов.

Подьячий — это канцелярский служащий в приказах и местных органах власти Русского государства XVI — XVII веков. Они разделялись на старших, средних и младших подьячих и были первыми советниками дьяка, занимая ответственные должности начальников структурной части приказа — стола и повытья.

Пристав, должностное лицо в Русском государстве в XV — XVII веках, посылался за теми, кого вызывали на великокняжеский, а позже на царский суд.

Огромный штат был у цариц, жен царей всея Руси. Он состоял из жен, вдов и дочерей бояр, окольничих и других, приближенных к монарху, так называемых ближних бояр. Г. К. Котошихин перечисляет этот штат царских жен:

«1) Боярыни: казначея, крайчая, постелница, судья.

2) Столники: и те в столники берут боярских, и околничих, и ближних людей детей, лет по 10 ростом; а как они будут лет пятнадцати и семнадцати, и они в том чину не бывают, а бывают в царской чин взяты, в столники ж или в спальники; а бывают их в столниках человек с 20.

3) Мастерицы: швеи, мужни жены и вдовы и девицы, честных и середних чинов дворовых людей, которые делают и шьют золотом и серебром и шолками с каменьем и з жемчугом.

4) Постелницы которые постели постилают под царицу и под боярон и те постелницы и мастерицы спят у царицы в Верху посуточно, по переменам.

5) Мовницы, которые платья моют, жены дворовых же людей.

6) Дети боярские; и тех детей боярских служба такова; посылают боярыни во всякие посылки, и ездят с царицею в поход, и спят у царицы в Верху для сторожи и оберегания, в ниских местах, посуточно, по переменам.

<...>

11) Да в царском же чину, и у царицы, и у больших царевичей учинены истопники, которые полаты и хоромы топят, и метут, и у дверей для отворяния стоят, человек со сто, люди честные и пожалованные поместьями и вотчинами; и живут на Москве по полугоду, человек по 50»[1].

[1] *Шукшин Василий.* Указ. соч. С. 428 430.

Шталмейстер — придворный чин 3-го класса в Русском государстве, в подчинении которого находились царские конюшни.

Конюший, придворная должность в Русском государстве XV — XVII века, высший думный чин. Со второй половины XVI века конюший возглавил Конюшенный приказ.

Чтобы точнее видеть картину московской жизни в XVII веке, нужно иметь представление о царских дворах и приказах. Царских дворов было несколько: Казенный, Сытенный, Житенный, Хлебный, Конюшенный...

Казенный двор (а в нем Казенный приказ) ведал царской казной. Руководил им казначей. У него в подчинении находились два дьяка. Казначей по рангу был выше думных дворян. Казна обеспечивала всем необходимым царя, царицу, царевичей, царевен. Из казны выплачивалось жалованье боярам, окольничим, думным людям, стольникам, дворянам и дьякам: им выдавали бархатные шубы на соболях.

Дворяне, стряпчие, жильцы, переводчики, подьячие получали из царской казны сукна, камки и тафты. Особой статьей расхода являлось жалованье представителей Византийской православной церкви, частенько гостивших в Москве В зависимости от ранга им давалось жалованье, а также средства на ремонт и восстановление православных храмов.

Денежный доход Казенному приказу приносили посадские торговые люди, которых во времена царствования Алексея Михайловича было около 500 человек. Эти деньги шли на оплату услуг подьячих, а также постоянно служивших в Казенном приказе скорняков, портных. Из царской казны отпускались средства на строительство и восстановление соборных церквей, которых только в Москве было около сорока, а в других городах церквей было до полутора тысяч, и служило в них более восемнадцати тысяч человек.

Из царской казны получали жалованье все, кто обслуживал царя, царевичей, цариц, царевен, а также московские стрельцы, стрельцы других городов, донские казаки и послы.

Сытенный двор ведал питием. Руководил им степенной ключник, ему помогали четыре путных человека. Степенной ключник следил за царскими погребами, учитывал приход и расход напитков, руководил подачей напитков во время трапез царя и его родственников. Путные ключники с теми же обязанностями сопровождали монарха в пути. В штате Сытенного двора кроме них служили двенадцать чашников. Они подносили царю напитки, которые у них принимали стольники и спальники. Стряпчие отпускали питье и еду по чину. Сытники сопровождали царя в походах. Все перечисленные чины Сытенного двора получали жалованье в деньгах, а также поместьями. Кроме них в Сытенном дворе служили винокуры и пивовары, сторожи и бочкари.

Кормовой двор обеспечивал питание царя, цариц, царевичей, царевен. Руководил им степенной ключник. Ему помогали два путных ключника и пятнадцать подключников. Чин у них был такой же, как и у людей Сытного двора. На Кормовом дворе работали повара и мастера, полумастера и ученики, судомои, водовозы, сторожа — всего более ста пятидесяти человек.

Хлебным двором руководил степенной ключник. Ему помогали два путных стряпчих. Здесь же работали двадцать подключников, хлебники, калачники, мастера пирожных, сторожа общей численностью до пятидесяти человек.

Житным двором руководил дворянин. Ему помогал подьячий. У них было около трехсот житниц. Они следили за приемом хлеба с царских дворцовых сел, с городов Нижнего Поволжья.

Доходами и расходами Сытного, Кормового, Хлебного, Житного дворов ведал Приказ Большого дворца.

Очень большим был Конюшенный двор с Конюшенным приказом. Руководил им в XVI веке конюший боярин. Ему помогали ясельничий, дворянин и два дьяка. Конюший — первый боярский чин. Им был в конце XVI века Борис Годунов. После его смерти цари решили понизить чин руководителя Конюшенного двора, опасаясь давать в одни руки такую огромную власть. В XVII веке двором ведал ясельничий, ему помогали дворянин и дьяки. Хозяйство у них было огромное. Средства отпускались соответствующие. Но того значения, влияния и той власти, которые имел в свое время Борис Годунов, они уже не имели.

Конюшенный двор был крупнейшим предприятием. Помимо приказчиков, стремянных, задворных, стряпчих, конюхов, обслуживающих двор в Москве, на этом «предприятии» служили двести стадных конюхов, которые пасли лошадей в окрестностях столицы, в других городах и селах, ремесленники (каретники, седельники, коновалы, кузнецы и так далее).

Конюшенный приказ имел одних лошадей более сорока тысяч! За ними нужно было следить самым тщательным образом, всех их нужно было кормить, всегда наготове нужно было иметь сани или кареты, колымаги или каптаны для царицы и царевен. Конюшенный вплоть до Бориса Годунова не зря пользовался огромным влиянием и авторитетом. Таким крупным приказом мог руководить человек высочайших организаторских способностей.

Конюшенный приказ кроме своих непосредственных функций ведал еще и зимней и летней потехой (охотой) на зверей: лосиной, оленьей, медвежьей, волчьей, лисьей. «И устроены для той потехи под Москвой лесные рощи, а в них дворы по 7, и по 10, и по 15, и по 20 верст и болши. А для ловли тех зверей и для потехи устроены потешники и ловцы, псари, со 100 человек, да псов со 100 ж. А ловят тех зверей тенеты ночною порою. И от Москвы верст по 30 на все стороны никому в своих лесах и угодьях таких зверей ловити и бити не велено и заказано под жестоким наказанием и пенею. А будет кто в тех заповедных лесах учнет про свой обиход сечь лес, и такому, поймав, бывает жестокие наказания и пени»[1].

---

[1] *Шукшин Василий* Указ. соч. С. 473 — 474.

Михаил Федорович Романов

(1596 — 1645)

Марфа и Миша

Теперь читатель имеет представление о том, как был устроен царский двор к тому времени, когда в январе 1613 года в Москву съехались из пятидесяти русских городов выборные люди по делу важному: царя избирать. Долго спорили они, судили-рядили, предлагали в качестве кандидатов Шуйского (еще не знали в Москве, что умер бывший царь Василий Иванович в польской неволе от тоски смертной, от обиды на бояр), Воротынского, Трубецкого. И Михаила Федоровича Романова — сына Филарета — тоже предложили. Некоторые современники тех событий утверждают, что в выборной кампании активно участвовал князь Дмитрий Пожарский, освободитель Москвы, якобы потративший на привлечение к выборам сторонников своих двадцать тысяч рублей! Да, герой второго ополчения пользовался заслуженным авторитетом у жителей столицы. Но не у бояр, опасавшихся этого прямого человека, еще не раскрывшего все свои возможности. С опаской к нему относились и другие избиратели. Герой есть герой. Может и царем стать. А став царем, Дмитрий Пожарский вряд ли был бы послушным исполнителем воли бояр, Боярской думы. А ведь именно о таком способе правления — об ограниченной монархии — мечтали уже не первое десятилетие члены Боярской думы и многие добромыслящие граждане Русского государства, насмотревшиеся на ужасы управления монархов-тиранов, какими были оба грозных Ивана.

Дмитрий Пожарский был из обедневшего княжеского рода, и шансов воссесть на русский престол у него не было совсем — это понимали многие. Да и сам он, как человек практического ума, вряд ли питал надежды на чудо.

Не устраивали избирателей и другие кандидаты по той же самой причине; любой из предлагаемых на царство мог со временем узурпировать всю власть и править, опираясь лишь на свой клан, а не на «землю», не на Земский собор.

«Выберем Мишу Романова, он молод и нам будет поваден», — писал в те дни Ф. И. Шереметев В. В. Голицыну, и это мнение вскоре стали разделять почти все. Миша Романов, шестнадцатилетний сын Филарета, был не только молод, но и спокоен, невластолюбив, податлив на добрые советы, почти не упрям, в меру меланхоличен.



Согласно легендам, первыми предложили кандидатуру Михаила Федоровича не высокопоставленные бояре, а мелкие люди: неизвестный дворянин из Галича, какой-то казак с Дона, представители городов, пришедшие к Авраамию Палицыну со смиренной просьбой передать их мнение Земскому собору. Надеялись, видать, крепко, что юный Михаил, по всем сведениям и слухам, человек не злобный, не буйный, так и страной править будет. А земские соборы помогут ему управлять государством.

Надо учесть и тот факт, что представителей народа, «мелких людей», очень легко можно было подкупить, всучив в их натруженные руки письма к Земскому собору.

Нужно ли об этом помнить в разговоре на данную тему? Может быть, и не нужно. Но ведь кому-то было нужно чернить имя Дмитрия Пожарского! Кто-то до сих пор называет его, повторяя Н. И. Костомарова, человеком бесталанным, серым, случайно оказавшимся во главе второго ополчения! Случайного в жизни любого человека, даже гениального, не так уж мало. Но во времена, подобные русской Смуте, случайные люди, взлетая иной раз на самые высокие места, тут же опускаются вниз. Случайная личность не смогла бы довести дело второго ополчения до логического финала, хотя, справедливости ради, нужно согласиться и с теми людьми, которые, отдавая дань Дмитрию Пожарскому — освободителю Москвы, признавая его военный и организаторский талант, весьма скептически относятся к его таланту и возможностям «царским»: у каждого человека существует свое «гени-



Перед избранием Михаила Федоровича Романова

альное дело», где он только и может проявить до конца свои возможности.

Кандидатура молодого Романова пришлась по душе многим выборным людям. Земский собор принял решение отправить послов в города, чтобы узнать мнение русского народа непосредственно от него самого. В это же время из городов в Москву стали прибывать вести о полной поддержке Михаила Федоровича и даже о том, что некоторые северные города уже присягают ему!

21 февраля на торжественном заседании Земского собора в Успенском храме Михаила Федоровича Романова единогласно избрали на московский престол. В тот же час Земский собор присягнул новому царю.

В Кострому отправилась делегация во главе с архиепископом Рязанским и Муромским Феодоритом, Авраамием Палицыным и Шереметевым. 14 марта к Ипатьевскому монастырю вышла из города торжественная процессия: послы Земского собора, «сопровождаемые крестным ходом». Мать Михаила, инокиня Марфа, узнав о цели визита, наотрез отказалась от предложения Земского собора. Она, как и многие опытные царедворцы, была неплохой актрисой. Люди московские, говорила она

сердито, «измалодушествовались», думают только о себе, и править ими шестнадцатилетнему дитяти невозможно.

Обыкновенная игра. Никому уже не интересно было знать, о чем мечтает и чего хочет сам Михаил Романов, его выбрали в цари, и его дело — быть «повадным». Но поиграть, конечно, можно. Для истории. Для потомков.

Наконец спектакль был окончен, и новый царь вместе с матушкой отбыл к «измалодушествовавшемуся» народу. Династия Романовых воцарилась на русском престоле.

По пути в Москву юный царь видел, в каком состоянии находится его страна. «Все дороги были разрушены, многие города и селения сожжены. Внутренние области сильно обезлюдели. Поселяне еще в прошлом году не могли убрать хлеба и умирали от голода. Повсюду господствовала крайняя нищета»[1].

А в Москве так одни малодушные и остались. Мало чувства и законности. Чиновники грабят всех кого можно, естественно, больше всех достается от них самым бедным, бессловесным. Удивительно! Как этим измалодушествовавшимся москвичам и жителям других городов пришла в голову такая странная мысль: избрать на русский престол Михаила Федоровича Романова?! Почему голодная, опустошенная страна сделала такой выбор? Потому что верили люди русские, что именно такой застенчивый, даже робкий юноша — и только он — вытянет их из разрухи, при этом не даст в обиду, не опозорит, не нахамит, опираться будет в своем правлении на Земский собор. Нищего ведь очень легко обидеть. Страна была нищей. Обижать ее в те годы было никак нельзя. Оскорблять нельзя было.

Первым оскорбили князя Дмитрия Пожарского. Родственники инокини Марфы Салтыковы, окружившие юного царя, относились ко всем боярам свысока: мол, мы теперь у власти, нам, неизмалодушествовавшимся, подчиняйтесь и слушайтесь нас.

Дмитрий Пожарский вместе с другими активными участниками второго ополчения, приближенными к царю, не мог ужиться с родственниками Марфы. Он отказался объявить боярство Борису Салтыкову, и его, измалодушествовавшегося, тут же поставили на место — выдали новому боярину «головой» по приказанию царя-батюшки. Знаменитого князя дьяк привел пешком (это было актом бесчестия) во двор Салтыкова, поставил его на нижнее крыльцо быстро богатеющего дома и громко объявил: «Царь всея Руси Михаил Федорович выдает головой князя Пожарского боярину Борису Салтыкову!» Хозяин на радостях одарил дьяка и небрежно бросил герою: «А ты ступай домой. Да не вздумай в моем дворе садиться на свою лошадь!»

Обычно выданные головой, опозоренные прилюдно ругались на чем свет стоит, а хозяин при этом гордо молчал. Дмитрий Пожарский покинул двор Салтыкова без слов. Затем сел на коня своего и, не обращая внимания на смех салтыковской челяди, поскакал к себе домой, в село

---

[1] *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. II. Калуга: Золотая аллея, 1995. С. 6.

Медведково, вздыхая то и дело: «Хорошо, что царь Михаил Федорович не приказал бить меня батогами на радость Салтыкову».

Могло быть и такое. Инокиня Марфа и все ее родственники очень не любили, когда кто-либо вставал на их пути. Это поняли многие царедворцы и чиновники «на местах», старались не конфликтовать с Салтыковыми и потихоньку занимались своими делами: почти откровенно присваивали все, что плохо лежало. Окружившие молодого царя лживые и корыстолюбивые люди старались захватить себе как можно больше земель, присваивали даже государевы дворцовые села. Чиновники рангом пониже расхищали богатства страны на своем уровне. При этом очень часто страдали малодушные беззащитные, бессловесные простые люди.

Остановить этот лавинообразный процесс ни Михаил Федорович, ни Салтыковы, ни Марфа, ни даже земские соборы не могли. Лихоимство продолжалось, «как бы их ни смещали, кем бы их ни заменяли». Н. И. Костомаров, описывая это пагубное явление, не забывает указать его причины: «малодушество» и «всеобщая порча нравов». Однако на Руси, как и в других странах, с самых древних времен существовала по данному поводу всем известная поговорка: «Рыба тухнет с головы»...

Вполне возможно, что эта поговорка не верна по отношению к сложившейся в стране после Смуты ситуации, и правы инокиня Марфа и историк Костомаров: может быть, действительно во всем повинны всеобщая порча нравов, всенародное моральное растление — прямое следствие пронесшегося над страной лихолетья. Но чем выше человек поднимается по социальной лестнице, тем виднее, заметнее становятся все его действия. Известный факт. А значит, и ответственность его за всеобщую порчу нравов возрастает в геометрической прогрессии. Да и вина — тоже. Инокиня Марфа об этом не думала. Недосуг ей было.

Голландец Исаак Маас, современник тех событий, писал: «Надеюсь, что Бог откроет глаза юному царю, как то было с прежним царем Иваном Васильевичем; ибо такой царь нужен России, иначе она пропадет; народ этот благоденствует только под дланью владыки и только в рабстве он богат и счастлив». Это нелицеприятное мнение о русском народе, вокруг которого стала собираться могущественнейшая империя, можно простить чужаку, плохо понимающему самую суть движения истории Русского государства, но примерно в то же самое время еще совсем молодой царь сказал: «Вы разве не знаете, что наши московские медведи в первый год на зверя не нападают, а начинают только охотиться с летами»[1].

Если действительно эту мысль высказал Михаил Федорович, если предположить, что она могла стать внутренним, не показным девизом его царствования, то все действия этого незлобного человека, оказавшегося на русском троне, можно считать (по двухбалльной системе) удовлетворительными, какие бы доводы ни приводили недоброжелатели этого царя. Но можно ли назвать удовлетворительными действия земских

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. II. С. 8.

соборов и всех, кто числился в те или иные годы в ближайшем окружении царя?

Первые три года царствования новой династии прошли в тяжелой борьбе с шайками разбойников, с корпусом Лисовского, ворвавшимся из Польши на территорию Русского государства, в поисках денег на военные и государственные нужды.

На Земском соборе постановили собрать недоимки и просить взаймы у богатых купцов, промышленников и даже у иностранцев. К братьям Строгановым отослали особые грамоты от Михаила Федоровича и от Земского собора. Промышленники тут же откликнулись, прислали в казну три тысячи рублей. Через год на Строгановых положили «по разверстке» сорок тысяч рублей. Государство совсем обеднело? Нет, не похоже на то. В совсем обедневшем государстве нечего было бы делать десяткам разбойничьих банд, корпусу Лисовского, тысячам чиновников разного ранга. Беда была не в тотальной бедности, но в разрушенных за первые пятнадцать лет XVII века экономических связях, возникших еще при Иване III Васильевиче. Создать новую схему хозяйственного взаимодействия постоянно расширяющегося на восток государства в таких условиях было чрезвычайно сложно.

В 1614 году московскому правительству удалось покончить с Заруцким, засевшим в Астраханском кремле вместе с Мариной Мнишек и ее сыном. Участь их была печальной. Заруцкого и «воренка» казнили, Марина Мнишек умерла в тюрьме, оставив недобрую память о себе и дневник. В том же году правительственные войска разгромили несколько отрядов казаков, не согласившихся на предложение Земского собора перейти на службу к царю. Именно от Земского собора, от «земли» шли все указы из Москвы. Русская земля объединилась в борьбе против разбойников. Михаил Федорович вообще не распускал Земский собор вплоть до 1622 года, а только менял его состав. Все сколько-нибудь серьезные проблемы он решал только совместно с выборными со всей Русской земли людьми. Это была уже не Боярская дума, это был Земский собор, выражающий интересы всех сословий.

Положение на русско-польской и русско-шведской границах оставалось крайне напряженным. Москва долгое время не могла справиться со свирепым и неуловимым Лисовским, а затем, после его смерти в 1616 году (он упал с лошади и разбился насмерть), с «лисовчиками». Не в силах была Москва справиться и со шведами, русские обращались даже за помощью к голландцам и англичанам. В Европе отнеслись с пониманием к нищим послам из богатейшей страны. Голландцы, например, выдали русским послам 1000 гульденов на пропитание.

С помощью европейских дипломатов Москве удалось выйти на переговоры со Швецией, король которой, Густав Адольф, как и многие европейские монархи, готовился к Тридцатилетней войне. В декабре 1616 года, когда в селе Столбово начались русско-шведские переговоры, никто еще не знал, когда эта война начнется, как разложится военно-политический пасьянс в Европе и что это даст Швеции и России, но... знали бы русские послы о предстоящих великих событиях в Европе, быть может,

и вели бы они себя на переговорах посолиднее... Впрочем, Густав Адольф был очень силен, и дразнить его было опасно.

В том же году у русского царя появилась еще одна важная задача: женитьба! Михаилу Федоровичу исполнилось двадцать лет. Возраст для создания царской семьи подходящий. Этим важным для государства делом занялась мать Михаила Федоровича, инокиня Марфа. Иначе и быть не могло. До этого момента Марфа имела на сына огромное влияние. Жила она в Вознесенском монастыре по-царски. Имела богатый двор и сонм бессловесных монахинь. Любое важное дело царь обсуждал с матерью, она давала ему соответствующие наставления, благословляла или не благословляла те или иные дела его, указывала ему, каких людей (естественно, из рода Салтыковых и их союзников) на какие должности расставлять.

Ее муж, Федор Никитич Романов, «был человек крутого и жесткого нрава», но Марфа отличалась еще более крутым, еще более властным характером. «Достаточно взглянуть на ее портрет, на низко опущенные брови, суровые глаза, крупный, с горбинкой нос, а всего более на насмешливые и вместе с тем повелительные губы, чтобы составить себе понятие об ее уме, сильном характере и воле, но эти признаки мало говорят о мягкости и доброте»[1].

Жизнь не баловала Марфу. Гонения, которым подверглась семья Федора Никитича Романова (Филарета), ужесточили ее нрав.

Как сильная, незаслуженно обижаемая женщина, насильно постриженная к тому же, она вполне могла мечтать о мести. Но мстить в открытую, как совсем недавно спокойно делали приближенные к трону и сами венценосцы, ни Марфа, ни кто-либо в Русском государстве при постоянно действующем Земском соборе не могли, хотя, естественно, мстить-то они мстили и порою не менее жестоко, чем во времена оные.

А тут пришла пора жениться ее сыну.

По древнему обычаю в Кремль собрали всех девиц на выданье. Боярыньки и дворяночки, робкие и смелые, нежные и суровые, все как на подбор статные, красивые, выстроились в ряд. «Каравай-каравай, кого хочешь выбирай!» Михаил был однолюбом, выбрал среди множества претенденток свою подругу детства Марию, дочь незнатного дворянина Ивана Хлопова. Выбрал, во всеуслышание заявил — делать нечего, надо соблюдать обычаи, на них Русь стояла веками, на них ни великие князья, ни цари не посягали. Марию Хлопову тут же взяли в теремные хоромы цариц, нарекли ее по воле царя Анастасией, приказали всем оказывать ей царские почести. Из дворяночек да в царицы? Нет, пока лишь в невесты царя молодого, неженатого.

Неожиданное возвышение бедного рода Хлоповых Салтыковым не понравилось: своих что ли мало!

Михаил Федорович, как человек тихий и сосредоточенный, мог — и этого очень боялись Салтыковы, — женившись, полностью сосредоточиться на Марии Хлоповой, и в этом состоянии полного сосредоточения он, естественно, стал бы менее зависим от инокини Марфы. А там, гля-

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 377.

дишь, и дети у дворяночки пойдут — совсем плохо будет Салтыковым жить при дворе.

Брат Ивана Хлопова Гаврила слабо разбирался в кремлевской жизни, был он человеком прямым и в прямоте своей неосторожным. Салтыковы некоторое время приглядывались к нему и к Ивану, будто бы приноравливались: а может быть, и с Хлоповыми в Кремле жизнь будет не хуже? Нет, хуже.

Как-то отправился царь на экскурсию в Оружейную палату. Любил он посмотреть на красивое оружие. Сам-то Михаил Федорович был человеком невоинственным, старался держаться от военного дела подальше, но на оружие любил смотреть. Особенно нравились ему сабли.

Михаил Салтыков, желая потрафить венценосцу, показал ему турецкую саблю — красавицу, глаз не оторвешь, как от невесты. «Хорошая сабля!» — восхитился царь, а Салтыков ему в ответ: «У нас тоже могут такую сделать, даже лучше». Михаил Федорович пожал плечами и спросил у стоявшего рядом Гаврилы Хлопова: «Неужто у нас такие умельцы есть?» Гаврила по простоте души своей возьми и ляпни: «Такую не сделают». Михаил Салтыков оскорбился и крикнул: «Не говори, чего не знаешь!» Не обращая внимания на царя, они стали орать друг на друга, разошлись врагами. Салтыковы, узнав об этом, решили расстроить свадьбу. Средства для этого важного для себя дела они использовали самые разные, благо при невесте постоянно находились люди Салтыковых.

Анастасия Хлопова, которую поминали в молитвах во всех церквах государства, в которую заочно уже стал влюбляться доверчивый народ, вдруг занемогла странною болезнью: ее постоянно рвало. Хлоповы подумали, что это от сладкого. Анастасия очень любила сладкое. Царь знал это с детства. Став женихом и невестой, Мария-Анастасия и Михаил Федорович ездили вместе на гулянье в село Покровское. Царь захватил с собой красивый расписной ларец с сахарными леденцами и заедками, подарил сладости сластене. Анастасия на радостях съела чуть ли не все содержимое ларца, не догадываясь, что некоторые заедки и леденцы были отравлены подкупленными женщинами. Вернулась она из Покровского очень счастливая: и сладостей объелась, и с женихом погуляла, и на людей посмотрела, и люди на нее посмотрели — что еще надобно царской невесте для полного счастья?

Ночью Анастасии стало дурно, разболелся желудок, появилась сильная постоянная рвота. Двор переполошился. Иван Хлопов закручинился, догадываясь, к чему идет дело. По дворцу побежали грозные слухи: «Черная немочь у невесты! Черная немочь!» Иван запретил дочери есть сладкое, через некоторое время болезнь утихла, но не успели друзья Хлоповых порадоваться, как рвота вновь стала мучить бедняжку.

Салтыковы были тут как тут. Они доложили царю о чрезвычайном происшествии в теремных хоромах царицы. Михаил-однолюб взволновался, приказал позвать к Анастасии доктора из иностранцев, тот осмотрел невесту и доложил, что у нее обыкновенное расстройство желудка, что это никак не отразится на здоровье невесты, что рожать она будет исправно.

Царь успокоился, но Салтыковы нашли другого врача, помоложе возрастом и поменьше рангом. Молодой, но, впрочем, опытный в дворцовых интригах врач обнаружил у Анастасии желтуху. Салтыковы, проявляя удивительное рвение, сами взялись отслеживать процесс лечения Хлоповой. Михаил Салтыков передал больной через Гаврилу какую-то водку, обещая, что это лекарство обязательно вылечит невесту.

Давали Хлоповой святую воду с мощей, камень безуй, и перепуганная девица стала поправляться.

Салтыковы, однако, не дремали. Они доложили царю о разговоре с молодым врачом, который утверждал, что невеста неизлечима. И тут-то за дело взялась сама инокиня Марфа. «Зачем же нам такая невеста, которая обязательно умрет?! — искренне удивлялась она. — В Угличе, как говорят, одна девица так же болела, а через год умерла». Марфа упорно повторяла, что Хлопову нужно удалить из дворца. Сделать это было непросто. С влюбленным сыном инокиня разобралась: что же это за сын, если он мать не слушается! Труднее обстояло дело с русскими людьми, уже признавшими Анастасию. Тут без Собора обойтись было невозможно даже всесильной Марфе. Все-то она могла решить сама и всего-то могла потребовать от сына, но Земский собор был ей неподвластен. Его необходимо было созвать.

Марфа и здесь нашла выход: по ее совету, то есть приказу, созвали Собор из одних бояр, людей хоть и шумных порою, но в меру. Естественно, перед заседанием хорошо поработал Михайло Салтыков с товарищами. Когда пришло время говорить Гавриле Хлопову, дяде невесты, бояре уже знали, какое решение им нужно принять. А дворянин Гаврила в тот день был хорош! Он за племянницу свою несчастную стоял, убеждал бояр в том, что болезнь-то ее совсем обычная, не страшная для здоровья ее и царских ребятишек.

Понимал Гаврила Хлопов ситуацию: или племяннице его быть царицей, или не быть ей никем, а лишь вечной затворницей. Жалел он о том дне, когда увидел Михаил Федорович дочь его брата, раскрасавицу, когда влюбился царь в Марию. Зачем все это придумала судьба? Выдал бы Иван дочку свою замуж за ровню — дворянина или купца, а то и воеводу, ну уж и за боярина можно было выдать такую красу-девицу. И жил бы преспокойно, внуков бы дождался, а то, глядишь, и правнуков. Чем плоха такая жизнь? Почему так равнодушны бояре? Неужели, люди добрые, вы не понимаете, что такое может случиться с любой сластеной, вошедшей в царские хоромы? Она очень сладкое любит. Она будет рожать крепких и здоровых детей. Не приговаривайте ее к изгнанию.

Хоть и не прирожденный оратор, но говорил Гаврила в тот день пламенно, с такой силой убеждения, что и Демосфен, и Цицерон позавидовали бы ему. Ну уж поаплодировали бы точно.

Бояре выслушали его речь молча, спокойно, может быть, потому что ничего не знали о Цицероне. И вынесли жестокий приговор: невеста «к царской радости непрочна» и свадьбы той быть не должно.

«Ограниченная монархия» всем хороша, когда приходит ее время. Не хороша она для самих монархов, которые, оказавшись в тисках всевоз-

можных ограничений, обязаны жить ограниченно, даже любить ограниченно.

Ничего не зная о борьбе в Боярской думе, во дворце вовсю готовились к свадьбе. Да так и не подготовились: Хлопову «разжаловали», она покинула богатые хоромы, а через десять дней ее отправили, красивую, навек испорченную словом Салтыковых, в Тобольск... Там она провела грустные четыре года. Затем царь приказал перевести ее в Верхотурье. Здесь подруге детства Михаила Романова выделили хорошее помещение в богатом доме воеводы, но особой радости Хлопова Мария не испытывала.

* * *

В начале 1617 года переговоры со Швецией завершились, между противоборствующими сторонами 17 февраля был подписан договор о вечном мире. Русские отдавали западному соседу Иван-город, Ям, Копорье, Орешек и Корелу, обязались уплатить противнику 20 тысяч рублей.

В 1618 году начались боевые действия с Польшей. Король Владислав в августе отправился в поход на Москву, рассылая по Русской земле послания, в которых он напоминал русским людям об избрании его на московский трон, о бедах народа при русских царях и о том, как хорошо будут жить русские люди, если он, Владислав, воссядет на престол. Он был очень щедрым в своих обещаниях. Иной раз такая щедрость подкупает людей.

Царь всея Руси Михаил Федорович Романов по привычке созвал 9 сентября Земский собор «всех чинов людей Московского государства», спросил их мнение. Многие из заседавших читали послания Владислава, видели, как тяжело русскому царю дается дело царское, как много беспорядка творится на Руси. И мнение они высказали единодушное: будут они биться с врагами, не щадя живота своего, а если битву проиграют, то будут в осаде сидеть до последнего, буквально до последнего живого человека русского. Это было мнение русского народа, весьма немалодушного.

Владислав проиграл ту войну. 1 декабря 1618 года между двумя государствами было заключено так называемое Деулинское перемирие сроком на 14 лет и 6 месяцев. Вновь Русь, как и в случае со Швецией, теряла некоторые территории, поэтому договор этот может показаться унизительным, но современники так не считали. Сложной была внутриполитическая ситуация, и Деулинское перемирие давало возможность совсем не стремительно, очень плавно выйти государству из смертельного пике Смутного времени.

Летом 1619 года в Москву прибыл Филарет, отец Михаила Федоровича, — Федор Никитич Романов. В июне он был посвящен в патриархи.

Филарет отличался от своего венценосного сына. В молодости он был первым в Москве красавцем и щеголем, законодателем мод. Обычно такие люди с большим трудом переносят невзгоды. С Федором Никитичем Романовым этого не произошло. Насильное пострижение в монахи, тюрьма, унижения от Тушинского вора, польский плен... не каждому даже очень сильному человеку удается, испытав подобное, сохранить в себе волю к жизни и к победам, ум, способный мыслить категориями

государственными, душу, способную руководствоваться не только личными, часто мелковатыми, интересами, энергию.

Первым делом Филарет разобрался с Салтыковым, учинившим интрижку в деле Хлоповых. По настоянию патриарха Салтыковы были выпровождены из Москвы в ссылку в свои имения. Мать их заключили в монастырь. Поместья и вотчины передали в казну.

Гаврилу Хлопова вернули из ссылки, а Марию нет. Всесилен был патриарх Филарет, но и он не был сказочным волшебником. Инокиня Марфа, жена Филарета в миру, решительно воспротивилась ее возвращению. Марфа прекрасно понимала, что здоровье у Филарета не богатырское, что, оставшись одна, она (если бы Мария стала-таки женой Михаила) претерпела бы от молодой царицы немало горя. В данном случае инокиня Марфа, запрещавшая сыну жениться на Марии, готовила себе на старость прочный щит. По-видимому, Филарет и Михаил тоже понимали это и не хотели отнимать у самого близкого человека, у матери и жены, надежду на спокойную старость.

Марию Хлопову перевели в Верхотурье, где она жила недолго, а потом — в Нижний Новгород, и поселили в доме умершего незадолго до того Кузьмы Минина. Царь в то время до того расхрабрился, что послал вместе с указом о переводе Марии в Нижний Новгород письмо к ней и подарки. Бывшая невеста и этому была рада. Вскоре в Нижний приехал боярин Шереметев, объявивший Хлопову Ивану, что царь отказался жениться на его дочери, что повелел он Хлоповым жить в Нижнем Новгороде, что из казны будет им поступать ежегодное жалованье, и немалое.

Михаил Федорович обещание свое исполнил. Жалованье действительно приходило крупное и вовремя, но Мария Хлопова, кроткая, миловидная, угасала на глазах и вскоре умерла. Жители Нижнего, близкие люди проводили подругу детства Михаила Романова в последний путь и долго с грустью вспоминали о ней.

Двоевластие

После посвящения в патриархи Филарета Михаил Федорович заявил, что его отцу должна быть оказываема такая же честь, как и ему. В стране наступило двоевластие. Полный государь в церковных делах, патриарх стал не только первым советником и наставником царя, но и фактическим соправителем Русского государства. Все грамоты они подписывали оба: впереди стояла подпись Михаила Федоровича, затем — Филарета, которому, как и царю, присвоили титул «великого государя».

Жесткую политику патриарха быстро почувствовали все. Царя оставили в покое «временщики», присосавшиеся к кремлевским богатствам, как вампиры. «В новом великом государе Москва, — по мнению С. Ф. Платонова, — сделала большое приобретение, она получила то, в чем более всего нуждалась: умного администратора с определенными целями. Даже в сфере церковной Филарет был скорее администратором, чем учителем и наставником церкви»[1].

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 378.

Уже в июне 1619 года Земский собор разрешает поставленный Филаретом вопрос о путанице в финансовых делах. В приговоре Собора «резко выделяются две черты: прямо рисуется неудовлетворительное экономическое положение податных классов и уклонение от податей, а затем неудовлетворительное же состояние администрации с ее злоупотреблениями, о которых свидетельствовали столь частые челобитные про «обиды сильных людей». Все последующие внутренние распоряжения правительства Михаила Федоровича и клонились именно к тому, чтобы 1) улучшить администрацию и 2) поднять платежные и служебные силы страны»[1].

Следует напомнить, что Русское государство еще со времен Ивана IV Грозного фактически стало превращаться в державу имперского типа, в империю. Это болезненное для любого государства превращение не могло быть остановлено Смутой, она лишь замедлила этот объективный процесс. Цари XVII века, хотели они того или нет, просто обязаны были в своих административных решениях исходить именно из упрямого движения Московской Руси к Российской империи, что очень хорошо можно увидеть по изменению всего центрального управления при Михаиле Федоровиче.

В Москве после Смутного времени вновь восстанавливались старые институты власти — приказы.

Романовым ничего не нужно было придумывать, изобретать, механизм государственной машины, подходящий для решения стоящих перед страной задач, был уже создан. Они и не изобретали, занимаясь конкретной жизнью державы. Не спеша занимаясь, надо сказать. Некоторые историки даже обвиняют их в том, что в XVII веке русские люди слишком уж увлеклись стариной. Но, может быть, тягу к размеренному образу жизни после бурь Смутного времени можно извинить?

Старина, безусловно, мудра. И забывать ее не следует. Приказы восстановить как некую систему центрального управления нужно было, в этом вряд ли кто-то сомневается.

Но есть другой аспект, напрямую связанный с русской стариной, и о нем-то первые цари династии Романовых, увлекшись решением административных задач и по мере сил и возможностей решая проблему повышения благосостояния народа, не думали.

Старина!..

В далекую старину, еще во времена Владимира Святославича, на Русь прибывали из Византийской империи зодчие, иконописцы, другие мастера. Русские люди быстро переняли у них все секреты и стали создавать свои великие творения. После нашествия Батыя русское искусство пришло в упадок. И возродить его без знаний иностранных мастеров было сложно. И дело тут не в степени гениальности, не в степени одаренности новгородцев, москвичей и, скажем, византийцев или итальянцев, а в технологических секретах мастерства, на добывание которых уходят столетия размеренной жизни. Забыли русские люди в XIV веке очень многое. Баскаки им выбили память.

---

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 382.

На рубеже XIV — XV веков у русских людей появилась-таки возможность вспомнить самих себя, но уже Иван III не смог построить родной Кремль без иностранных мастеров. Опять понадобились иностранцы, чтобы научить русских людей возводить соборы да стены крепостные. Только-только обрели русские мастера уверенность в своих силах, как Смута нагрянула, погибло много людей — опять драгоценный опыт был забыт. Напрочь.

И долго было им не до новаторства, не до творчества, нужно было обустроить жизнь, и побыстрее. А быстро это сделать можно было, лишь организовав жизнь по-старинному, по проверенному веками порядку.

Но ведь и все самое ценное в старинной жизни было когда-то новым, создавалось великими мастерами, мечтавшими о том, чтобы их знания и опыт, их мудрость переняли потомки и приумножили.

Об этом обыватели не думали. Им простительно. Но правителям об этом забывать нельзя никогда.

До Смуты Годунов, тоже невесть какой генератор идей, собирался открыть в Москве университет, профессиональные школы. После Смуты Романовы об этом забыли. Привело это упорное нежелание учиться самим и обучать народ к тому, что в Русском государстве стало катастрофически не хватать специалистов-оружейников, инженеров, в том числе и военных, других профессионалов.

Впрочем, существуют иные мнения об итогах царствования Михаила Федоровича. «Возвращаясь к старине, возвращая весь старый механизм управления, московские люди не думали что-либо менять и вместе с тем изменили многое. Такого рода перемены произошли, например, в областном управлении, где правительство более или менее систематически вводило воевод, так что воеводская власть из власти временной становится постоянной и вместе с тем гражданской властью. Далее, держась по-старому поместной системы, торопясь привести в порядок поместные дела, упорядочить службу, правительство все более и более прикрепляет крестьян, «чего при старых великих государях не было». С другой стороны, давая первенствующее значение служилому классу, все более и более обеспечивая его положение, мало-помалу приходят к сознанию неудобства и несостоятельности дворянских ополчений, ввиду чего и заводится иноземный ратный строй, солдатские и рейтарские полки. В войске Шеина в 1632 г. под Смоленском было 15 000 регулярного войска, устроенного по иноземному образцу. Этих примеров совершенно достаточно для доказательства того, что деятельность правительства Михаила Федоровича, будучи по идее консервативной, на деле, по своим результатам, была, если только уместно это слово, реформационной»[1].

Царь и Земский собор

В 1623 году закончилось дело Марии-Анастасии Хлоповой, а в следующем году, 19 сентября, Михаил Федорович Романов вынужден был

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 390.

жениться на Марии Долгоруковой, дочери князя Владимира Тимофеевича Долгорукова. Странный это был брак. Против воли женили царя. Долго отказывался он. Да дело царское такое: хочешь не хочешь, а жениться надо и надо дать стране наследника престола. Согласился Михаил Федорович, смирился с судьбой, пошел под венец, забыл Марию-Анастасию Хлопову, но на следующий день после свадьбы жена его законная заболела и через три с половиной месяца, 6 января 1625 года, умерла. Ходили по Москве слухи, будто лихие люди извели дочь князя Долгорукова, но кто они такие были, какие злобные цели преследовали и существовали ли они в действительности — неизвестно.

Через год с небольшим, 29 января, Михаил Федорович женился во второй раз — на Евдокии Лукьяновне Стрешневой, дочери дворянина. Чтобы с ней ничего непредвиденного не случилось, дело держали в тайне, невесту доставили во дворец за три дня до свадьбы. Евдокии Стрешневой повезло. Она прожила с мужем девятнадцать лет и умерла через месяц после смерти Михаила Федоровича.

В 1631 году закончился срок долгого перемирия с Польшей, и русские люди стали готовиться к новой войне с ней. В апреле 1632 года польский король Сигизмунд скончался. Царь созвал Земский собор, на котором было принято единогласное решение воевать с Польшей, отнять у нее все русские земли. На Соборе избрали и главных начальников русского войска — боярина Михаила Борисовича Шеина и окольничего Артемия Измайлова. Они должны были отвоевать у противника Смоленск. Шеин известен был еще со Смутного времени как организатор героического сопротивления жителей Смоленска. После сдачи города он попал в плен к полякам. Человек он был в военных делах опытный и очень гордый, считал себя просто обязанным взять Смоленск. Покидая Москву с крупным, хорошо оснащенным войском, он с презрением отозвался при царе о боярах, которые всегда, когда он воевал за Отчизну, «за печью сидели и сыскать их нельзя было». Такой дерзости бояре никому бы не простили. Даже победителю. Они доказывали это не раз, например, когда вынудили царя отдать Дмитрия Пожарского «головой» Борису Салтыкову. Шеин знал об этом. Он обязан был взять Смоленск.

Но новый король Польши Владислав вовремя пришел на помощь осажденным, окружил русское войско и вынудил его просить пощады. Шеин с разрешения царя вышел на переговоры, добился почетных условий: Владислав пропустил его людей с личным оружием в Москву. Итак, еще одно поражение потерпели русские от поляков, и винить в той беде нельзя было одного лишь Шеина. Плохо сработали поставщики продовольствия, русское войско никто не подстраховал, на высоте положения оказался Владислав. Но бояр это не интересовало.

В октябре 1633 года умер Филарет. Шеин, вернувшийся в Москву в начале 1634 года, остался без поддержки. Его ждала в столице жестокая расправа. Бояре набросились на него как свора псов. Они обвинили его в измене и 23 апреля 1634 года приговорили Михаила Шеина, Артемия Измайлова и сына его Василия Измайлова к смертной казни.

Царь прекрасно понимал, что многие обвинения ничего общего с истиной не имеют, но ничего не мог (да, видимо, и не очень хотел) предпринять в защиту приговоренных. 27 апреля им троим отрубили головы.

Владиславу все же не удалось развить успех, время успехов для Польши вообще приближалось к концу. В 1634 году между двумя государствами был заключен мир, в который уж раз невыгодный для Москвы.

А еще через три года на юге произошло знаменательное, хотя и оставшееся незамеченным в правление Михаила Федоровича событие: донские казаки самостоятельно взяли город Азов, принадлежавший Османской империи.

Турки владели Азовом давно. Здесь они вели выгодную торговлю, в том числе и торговлю русскими людьми, которые высоко ценились на рынках Азии и Европы. Московские великие князья, а затем и цари «всея Руси» мечтали выбить османов из Азова, получить тем самым выход к морю. Но другие важные дела отвлекали царей. Донские казаки сами, без разрешения и согласия Михаила Федоровича, взяли штурмом Азов в 1637 году. Надоело казакам терпеть. Царь далеко, за тысячу верст, а они здесь по соседству живут с крымцами да турками. У донских казаков дети пропадают бесследно, они вынуждены вести с турками невыгодную торговлю. Надоела казакам такая канитель. Взяли они Азов. Четыре года жили «кум королю», горя не знали, горя ждали, потому что царь Михаил Федорович не обрадовался их подвигу. С Османской империей воевать не пришла еще пора. Но и у султанов дела были неважные: еще не закончилась ирано-турецкая война, продолжавшаяся с 1578-го по 1639 год и отнявшая у турок много сил.

Четыре года готовились турки к ответной операции, собрали армию в 250 тысяч человек, явились к Азову. 250 тысяч человек! И много это, и мало. Бывало, и по полмиллиона воинов водили султаны в разные страны. Под Азов привели они «всего» 250 тысяч, уверенные, что этого вполне хватит для штурма крепости, в которой находился гарнизон в 5 тысяч 500 казаков! Очень большой перевес в живой силе и технике был у турок — в 45 раз! В истории человечества таких случаев можно пересчитать по пальцам. И редко кто из полководцев, оказавшихся в столь тяжком положении, решался давать бой, а если и решался, то, конечно же, его проигрывал.

Донскими казаками командовал Наум Васильев, помогал ему есаул Федор Порошин. Военную историю они знали слабо, в делах царя разбирались плохо, может быть, поэтому они и все казаки решили драться с турками и победить их.

Первые отряды врага появились 24 июня 1641 года ближе к полудню. Степь словно лесом покрылась густым, непроходимым. Как начали турки и их союзники — в основном люд кочевой, дерзкий, разбойный, среди которого попадались, правда, немцы-наемники, прекрасные артиллеристы — шатры да палатки ставить, словно горы белые выросли на полях перед Азовом.

Чтобы посильнее запугать казаков, затрубили турки в трубы, резким криком, резким гомоном голосов наполнили полдневную тишину, стали палить из пушек и мушкетов, огнем и дымом ясный воздух испоганили, солнце затмили. А затем забарабанили сотни барабанов: не видели никогда русские казаки ада кромешного — теперь увидели. Но не испугались. Удивились только.

Вечером пожаловали к ним турки-толмачи, долго говорили о силе и могуществе султана, предлагали сдаться подобру-поздорову, обещали, что султан «пожалует их за это честью великой». Может быть, добрые попались турки, раз при перевесе почти в пятьдесят раз они разговоры ведут? Нет, хотели они взять крепость без штурма и все пять с половиной тысяч казачков в рабство продать по выгодной цене. Не хотели драться турки. Миром думали дело уладить. Русские от предложения отказались.

Очень оскорбились турецкие толмачи, вернулись к своим полководцам, доложили. Разозлился не на шутку паша. Затрубили разом все трубы, зашумели дробно барабаны, завыли жуткую песнь рога, заскулили жалобно цебылги (цимбалы), и увидели казаки с крепостных стен, как споро строятся вражеские отряды под пестрыми полотнищами знамен.

Четыре года ждали в Азове этой грозной минуты, но не сидели сложа руки, а готовились к смертной схватке, тщательно готовились.

И вот турки пошли на штурм. Казаки молча наблюдали за шествием колонн. Передовые части врага приблизились к стенам, вот уже по лестницам взбираются они наверх, удивляются: почему русские молчат? Почему не стреляют? Уж не перепугались ли насмерть?

Нет-нет, не испугались казаки. Они четыре года ждали — дождались! Наум Васильев дал сигнал, и началась стрельба, заговорили пушки, громко затрещали пищали и аркебузы, и вдруг... тяжко охнула в нескольких местах земля, провалилась словно бы от тяжести человеческих тел и, будто бы озлившись за что-то на турок, кашлянула огнем.

Наум Васильев все предусмотрел, все учел! Досконально изучил он подступы к крепости, точно вычислил маршруты наступающих колонн, заблаговременно, в строжайшей тайне соорудил подкопы, набил подвалы дробом сеченым и порохом... Были у турок прекрасные специалисты осадного дела: шведы, датчане, немцы, но и те не догадались, что ждет их под стенами Азова «смертельный сюрприз». Погибло в подкопах много солдат. И стрельбой из пушек и пищалей русские нанесли огромный ущерб врагу. Турки в смятении заметались вокруг крепости. Наум Васильев точно уловил момент и атаковал неприятеля. Большое знамя турецкого паши захватили казаки, вернулись в крепость. Сил-то у них было не слишком много, чтобы одним ударом разгромить противника.

Зато уж первый бой выиграли они славно — сотни, тысячи убитыми оставил под стенами Азова враг.

Утром турки прислали в город толмачей. Лицом они заметно поблекли. Спесь куда-то делась. Предложили они русским откуп: «за всякую убитую яныческу голову по золотому червонцу, а за полковы головы по сто талеров». Богатый народ турки. И казачки могли разом разбогатеть.

Отказались они от «мертвого» богатства, так сказали толмачам: «Не продаем мы трупу мертваго, но дорога нам слава вечная».

Не было в тот день войны под Азовом. Хотя и мира не было. Похороны. Святой для любого народа день. Молчали пушки, скребли лопаты о сухую землю. Общую могилу для солдат копали турки. Три версты ров получился у них. Глубокий ров, кровью сдобренный, потом солдатским политый.

Наработались османы лопатами и, будто бы понравилось им это дело, решили огромный вал соорудить, выше Азова, чтобы оттуда по городу из пушек да из пищалей палить. Быстро рос вал земляной, приближался к стенам. Нравилось это дело туркам. Русским — совсем не нравилось. Три дня смотрели они на дело рук турецких, на четвертый Наум Васильев послал казаков в бой. В лобовой атаке побеждает смелый. Но то была даже не смелость. Слишком много лбов турецких, слишком мало — русских. Османы просто поверить не могли, что противник осмелится их атаковать! Русским, однако, делать было нечего. Их большое количество турецких лбов не напугало — им очень нужен был турецкий порох. С иконой Иоанна Предтечи, покровителя донских казаков, с яростным криком: «С нами Бог!» ринулись они в атаку, опрокинули с рукотворного холма неприятеля, захватили 16 знамен, 28 бочек пороха и в спешном порядке отошли назад. Турки лишь за головы схватились: у них ведь тоже Бог есть, да, видно, на этот раз он другими делами занимался...

А русские, не медля ни секунды, отнесли аккуратно бочки с порохом в подкоп — под земляной вал. Турки не успели очухаться от казацкой дерзости, собрались на валу продолжать работы и подбирать-хоронить убитых, как раздался страшный взрыв! Турецким же порохом сгубило многие тысячи турок, а тысячу пятьсот янычар подбросило в воздух и живыми (!) отнесло взрывной волной в город.

Турецкий полководец упорный был человек. Он приказал соорудить с противоположной от разрушенного вала стороны громадный холм шириною в два броска камня (это около 150 метров будет по современному исчислению), а длиною в три полета стрелы (а это и на километр потянет, если не больше). Со злостью и невиданным даже для турок упрямством принялись чужеземцы за дело, соорудили гору, установили на ней пушки, привели на вершину пехотинцев с ружьями, и 16 дней и ночей бомбили и расстреливали турки Азов, не прекращая канонаду ни на минуту. Разрушили они в городе все дома и здания, церковь Иоанна Предтечи, крепостные стены... Казалось, ни единой души не должно было остаться здесь в живых. Нет. Все казаки Наума Васильева были живы. Они сделали подкопы под турецкую гору, соорудили под землей прекрасные покои и, слушая жестокую канонаду, продолжали копать, копать: 28 подкопов провели они под табор турецкий! Ну очень трудолюбивые казачки.

Ночью, когда часть турецкого войска палила по городу из пушек и ружей, а часть отдыхала, русские напали из подкопа на сонные таборы и нанесли врагу жесточайший урон.

Турецкий полководец терял людей, но не терял самообладания. Даже после ночной атаки он остался с виду спокойным. Паша решил отказаться

от «наземной войны», попытался победить казаков их же оружием, приказал провести от своих таборов семь подкопов в сторону Азова. Но казаки подземное дело знали лучше, ориентировались под землей, как кроты. Догадавшись о намерениях врага, они дали возможность врагу повозиться в глубинах земли, прокопать ходы, но как только турки приготовились атаковать и собрались в подкопах, опять раздался очередной взрыв, похоронивший очень много живой силы противника. Паша отказался от подземных промыслов. Людей у него было еще достаточно, и он продолжал штурмовать Азов.

Ядрами, «огнем чиненными», бомбили турки город — выстояли казаки, прячась в ямах. Паша решил измором взять отряд Васильева. Ясным утром он отправил в бой 10 тысяч бойцов. Весь день шел бой. Вечером следующие 10 тысяч солдат сменили своих уставших товарищей по оружию. Ночью в атаку пошли еще 10 тысяч янычар.

То было испытанное средство! Сколько раз огромные армии, таким образом организованные, буквально сводили с ума упрямцев. Бессонница, недоедание, усталость, раны — и бой, бой, бой... Можно выдержать день, два, три, три с половиной. Кто-то выдерживал чуть больше, кто-то — чуть меньше, но сдавались после такой карусели практически все. До битвы под Азовом.

Наум Васильев сделал все что мог. Ни один царь не осмелился бы потребовать от него большего. Ни один, даже самый жестокий повелитель, не решился бы сурово наказать отважных бойцов, если бы Васильев и все его казаки подняли белый флаг и сдались на милость победителя. Впрочем, о милости в отряде Васильева не думали.

Казаки отбивали атаку за атакой, ни на что уже не надеясь. Состояние, очень близкое к сумасшествию. И они бы все сошли с ума, если бы врагу удалось взять верх. Но отлетали раз за разом турки; стояли полусонные, изможденные казаки. И не было у турок ни одного шанса победить, а у русских — выстоять! У казаков был лишь один шанс — умереть. Или вновь, с Богом, пойти в отчаянную атаку. С чудотворными иконами Иоанна Предтечи и Николая Угодника полуживые от усталости воины пошли в атаку. «С нами Бог!» С ними был Бог, с ними была великая сила людей несгибаемых, могучих духом. Таким только и помогает в подобных ситуациях Бог.

Атака казаков была неудержима. Турки отошли с большими потерями и... устали воевать. Не хватило им самой малости. Не хватило. Но почему? Продукты и боезапас в армии османов подошли к концу. Союзникам надоела эта возня. Устали за 93 дня осады и полководцы, и воины. Да и капризная осень спешила к Азову, и болеть стали янычары и союзники. Турецкий паша пытался уговорить русских сдаться, но гарнизон Азова упорно стоял на своем.

И враг ушел.

Казаки порадовались невиданному успеху, да недолго радовались они. Порох в крепости кончился, сами они устали и еле волочили ноги, крепость требовала денег и людей для ремонта. Что делать?

Отправились Наум Васильев, Федор Порошин и еще несколько казаков в Москву. В январе 1642 года собрался Земский собор, где и решался

вопрос об Азове. Здесь же Федор Порошин написал свою «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков», рассказал все честь по чести. Не историком он был и не писателем, а лишь есаулом, но правду написал. Земский собор, боясь серьезной войны с Турцией, отказался от Азова. Царь щедро наградил всех, кого привел в Москву Васильев. А Федора Порошина сослал почему-то в Сибирь.

Никто не знает, почему.

Может быть, потому что слово неосторожное сказал монарху есаул, недовольный решением Собора? А может быть, за правду-матку, с которой Порошин поведал о величайшем подвиге русского воина, подвиге, оказавшемся ненужным ни царю, ни Отечеству?

В Сибирь отправили Порошина, мечтавшего после страшной битвы (как и многие его товарищи по оружию) о том, чтобы прожить остаток дней в монастырской келье, рядом с Богом. О такой жизни мечтают те, кому выпадают тяжкие испытания, и часто мечты подобных людей сбываются. Но Порошину в этом не повезло. В монастырь не попал — в Сибири свой век окончил...

Послу турецкого султана Чилибею объявили о воле Земского собора и царя всея Руси, казакам было приказано оставить Азов, а в 1643 году Михаил Федорович отправил в Константинополь послов. Они везли с собой богатые дары обиженному султану — меха сибирские, а русским героям в Азов — две тысячи рублей жалованья, а также вино, продукты и сукно, чтобы казачки приоделись по случаю выхода из Азова.

Невеселые герои, народ ушлый, поделили по справедливости царские дары и заодно перехватили людей с царской грамотой, в которой Михаил Федорович обзывал своих подданных ворами, говорил, что если турецкий султан повелит этих воров несчастных побить, то русский царь не будет из-за этого печалиться.

Прочитав грамоту, казаки поначалу гонор свой решили показать, собрались на сход, пошумели от обиды незаслуженной, задумали даже уйти с Дона на Яик, откуда можно было ходить в Персию, грабить богатые караваны. Царь, узнав об этом от верных людей, повелел укрепить крепость на Яике.

Со своими казаками он вел себя гораздо строже, чем с королями и султанами.

Азовская история ценна для Русского государства тем, что она показала царю и Земскому собору слабость Османской империи, не осилившей пять тысяч человек, засевших в крепости. Конечно, правы те, кто оспаривает указанные в «Повести об Азовском осадном сидении...» цифры. Вряд ли турки и крымцы имели там 250 тысяч воинов, хотя такой вариант не исключается. Но даже если султан и хан послали под Азов в общей сложности 50 тысяч человек, даже если 40 тысяч, 30 тысяч, перевес у осаждающих был очень велик... На спад пошли дела у Османской империи.

Но это не значит, что стратегически царь и Земский собор поступили неверно. Русское государство не могло вести долгую войну ни с одним серьезным противником. Порошин и все герои-казаки этого не понимали.

А царь и раздувшиеся от гордости, спеси и сибирских денег бояре не понимали, что пренебрежительное отношение к своим подданным, к казакам, обязательно породит в среде решительных, незаслуженно обижаемых вольных людей какого-нибудь Стеньку Разина. Кстати сказать, ему во время азовского осадного сидения было около десяти лет — очень впечатлительный возраст.

В первые годы царствования Михаила Федоровича в Москве вместо сгоревшего во время Смуты деревянного города в качестве крепостного сооружения был возведен земляной вал. Строительство его велось долгие восемь лет, что говорит о не слишком богатой казне и множестве других забот.

Но как бы то ни было, а столице первый царь из рода Романовых уделял большое внимание. При нем сооружено водозаборное устройство, поставлявшее воду на царский двор из Москвы-реки, построено много церквей, а старые подновлены. Он «создал в своем дворе палату, зело причудну, сыну своему царевичу Алексею (Теремной двор); колокольню большому колоколу (деревянную); на Фроловских воротах верх надстроил зело хитро; соорудил каменную, Мытоимницу, яже есть Таможня и Гостиный двор (в 1641 году) каменный, в нем палаты двукровные и трикровные, а на вратах Двора повелел свое царскаго величества имя написать златыми письмены, а вверху постави свое царское знамя — орел позлощен. При нем же создали у Спаса на Новом и у Пречистыя в Симонове — ограды каменные». Все это было построено в 1630-х годах.

В начале 1640-х годов царь «повелел соорудить дом преукрашен и в нем палаты двукровные и трикровные на душеполезное книжное печатное дело в похвалу своему царскому имени; и полату превелику создал, где большое оружие делаху, еже есть пушки, и на ней постави своего царского величества знамя — орел позлощен. При нем же многие святые церкви каменные воздвигнуты и от боголюбивых муж»[1].

К середине XVII века обветшали стены Московского Кремля, но сил и средств, а также мастеров для очень трудоемких восстановительных работ у Михаила Федоровича, а затем и долгое время у Алексея Михайловича не хватало.

В 1643 году из Страсбурга в Москву прибыл палатный мастер Анце Яковсен (Яган Кристлер) с дядей своим Иваном Яковлевым Кристлером. Они начали строительство первого в Москве каменного моста. Работы закончились в 1687 году. До этого в Москве все мосты были деревянные, из плотов. В периоды весеннего и осеннего половодья они разбирались[2]. Закончил строительство каменных дел мастер старец Филарет. На это сооружение было потрачено так много денег из казны, что родилась поговорка: «Дороже каменного моста».

В 1643 году царь Михаил Федорович приказал соорудить на печатном дворе на Никольской улице двухэтажные каменные палаты. Жизнь продолжалась.

---

[1] *Забелин И. Е.* История города Москвы. М.: Наука, 1995. С. 164 — 165.

[2] *Пыляев М. И.* Старая Москва. М.: Московский рабочий, 1990. С. 255.

В 1641 году у Михаила Федоровича, царя, отца счастливого семейства, появилась еще одна серьезная задача: задумал он выдать замуж дочь Ирину обязательно за какого-нибудь принца иностранного. Выбор его пал на двадцатидвухлетнего принца датского Вольдемара.

Король богатой Дании узнал об этом и обрадовался. Во-первых, ему давно уже хотелось сбагрить упрямца сына, во-вторых, Русское государство представляло собой прекрасный рынок сбыта, кроме того, через Московию можно было попасть в Персию... Сам Вольдемар большого интереса к женитьбе на Ирине не проявлял. Но в конце концов королю удалось уговорить его, и сын отправился в Москву свататься.

И здесь началась комедия. Вольдемару предложили не только жену — Ирину, но выставили и главное условие женитьбы — сменить веру. А этого принц датский делать никак не хотел. Начались бесконечные переговоры, религиозные диспуты, взаимные обиды и даже попытки к бегству.

Это странное сватовство закончилось ничем. После смерти Михаила Федоровича принц Вольдемар уехал на родину.

Но еще не закончилось дело упорного Вольдемара, как до Москвы из Польши дошли совсем уж странные слухи о том, будто сын Марины Мнишек, «воренок», удавленный ровно тридцать лет назад, жив!

В Кремле заволновались. История с «лжеворенком» была явно выдуманной. Но почти все лжецари в истории, в том числе и в русской истории, начинали с подобных дерзких обманов...

Согласно слухам, в тот год, когда в Москву привезли Марину Мнишек с ее сыном, некий поляк Белинский, проживавший в столице, решил спасти «воренка», заменив его другим мальчиком, безродным. Сделать этого он не смог. Но прославиться ему очень хотелось, он увез в Польшу «подмену», сына поляка Лубы, убитого во время Смуты, и стал его воспитывать, называя царем Иваном Дмитриевичем.

Лев Сапега, узнав о новом лжецаре, сыне лжецаря, обрадовался очередному случаю насолить русским, назначил сыну Лубы крупную ежегодную сумму. Сам Луба, человек очень небогатый, был этому очень рад.

Король Сигизмунд относился к идее нового русского лжецаря с пониманием. Но времена изменились, и король Владислав, заключив мир с русскими, запретил эту игру с Лубой.

В 1644 году московские послы потребовали от поляков передать им человека, который называет себя Иваном Дмитриевичем. Началась борьба за Лубу. Поляки терпеливо объясняли русским, что этот человек, узнав о себе все, больше не называет себя царем. Послы царя упрямо твердили свое: сейчас не называет, потом назовет. Тогда поляки показали им Лубу, он лично подтвердил, что никогда больше не назовет себя Иваном Дмитриевичем, что ему вполне достаточно быть Лубой. Отчаявшись, сын бедного поляка изъявил желание уйти в ксендзы, на что у послов царя нашелся свой ответ: Лжедмитрий I был пострижен, однако это не остановило его.

Переубедить русских не удалось. Они упорно стояли на своем: выдайте нам Лубу на казнь. И поляки сдались — Лубу отправили в Москву.

Дело, однако, затянулось. Земский собор, бояре, духовенство долго думали-решали, как же быть. А тем временем серьезно заболел Михаил Федорович. Более полугода болезнь мучила его, и 12 июня 1645 года он умер.

На русский престол вступил Алексей Михайлович Романов. Он повелел отпустить Лубу в Польшу, и на Руси начались счастливые времена.

Основные события жизни царя Михаила Федоровича Романова

1596 год. В семье Федора Никитича и Ксении Ивановны Романовых родился сын Михаил.

1601 год. Казначей боярина Александра Никитича Романова, подкупленный Семеном Годуновым, припрятал на складе хозяина мешки с кореньями, донес на Романовых, обвинив их в том, что они изготавливали из кореньев колдовские ядовитые зелья, пытались отравить ими Бориса Годунова. Все Романовы были жестоко наказаны по этому ложному обвинению.

Александра Никитича сослали на Белое море, в Усоль-Луду, где он был удавлен. Василий и Михаил Никитичи погибли в темницах. Василий погиб в Пелыме от жестокого обращения с ним. Михаила держали в землянке в Ныробской области неподалеку от Чердыни, закованного в тяжелые цепи...

Федор Никитич вместе с шестилетним сыном Михаилом и дочерью был сослан на Белоозеро. Федор Никитич был насильственно пострижен в Сийском монастыре.

1602 год. Борис Годунов несколько смягчил наказание для Романовых и всех их родственников, на что, видимо, повлияло недовольство этой расправой в самых широких слоях населения, но к опальному иноку Филарету, самому умному из Романовых, по-прежнему никого не допускали.

1605 год. До Филарета дошли слухи об успехах Лжедмитрия в борьбе против Годунова, и пленник стал дерзким и смелым по отношению к монахам, следящим за ним.

После воцарения Лжедмитрия оставшиеся в живых братья Романовы вновь стали знатными людьми в государстве. Ивана Романова возвели в сан боярина, а Филарета — в сан Ростовского митрополита.

1608 год. Люди Тушинского вора силой привезли Филарета из Ростова в Тушино, где Лжедмитрий II «нарек его патриархом».

1610 год. Филарет вместе с Василием Васильевичем Голицыным и Даниилом Мезецким отправились послами в Польшу просить Сигизмунда дать русским в цари королевича Владислава.

1613 год. 7 февраля Земский собор решил избрать на московский престол Михаила Федоровича Романова. Во все города страны были посланы гонцы узнать мнение людей об избрании на царство сына Филарета.

21 февраля на торжественном заседании в Успенском соборе было принято единогласное решение об избрании Михаила Федоровича, а также была дана присяга новому царю.

1614 — 1615 годы. Дума и новый царь вели упорную борьбу с остатками казацких шаек, отрядов.

1614 — 1618 годы. Русское войско вело трудную борьбу с польским войском Лисовского.

1616 год. Сватовство к Марии, дочери дворянина Ивана Хлопова, которое закончилось неудачно из-за решительного сопротивления матери царя.

Польский королевич Владислав, издав «окружную грамоту», напомнил русским людям о том, что его когда-то избрали на московский трон... Это был своего рода призыв к войне.

1617 год. 27 февраля в деревне Столбово был заключен Столбовский мир между Швецией и Русским государством. Вернув Новгород, Старую Руссу, другие территории, Москва потеряла города Корелу, Копорье, Орешек, Ям, Иван-город.

1618 год. Владислав вместе с двадцатитысячным войском днепровских казаков, возглавляемых гетманом Сагайдачным, вторгся в пределы Русского государства и 20 сентября уже был под Москвой.

Русское войско одержало победу в битве против поляков и казаков, и Владислав вынужден был заключить с русскими перемирие на 14 лет и 6 месяцев. Состоялся обмен пленными.

1619 год. 14 июня в Москву вернулся из польского плена Филарет.

24 июня патриарх Иерусалимский Феофан по просьбе русского царя возвел Филарета в чин патриарха Московского.

1624 год. 19 сентября Михаил Федорович женился по настоянию матери на Марии Долгоруковой, дочери князя Владимира Тимофеевича.

1625 год. 6 января Мария Долгорукова скончалась.

1626 год. 29 января царь женился на дочери незнатного дворянина Евдокии Лукьяновне Стрешневой.

1631 год. Умерла инокиня Марфа Ивановна, мать царя Михаила Федоровича.

1632 год. Умер польский король Сигизмунд.

На созванном царем Земском соборе решено было начать боевые действия против Польши. Воеводы Шеин и Измайлов отправлены с крупным войском в Смоленск.

1633 год. После восьмимесячной осады Смоленска на помощь полякам пришел Владислав с войском в двадцать три тысячи человек, а союзные ему казаки напали на русские города. Шеин сам оказался в осаде.

В октябре умер патриарх Филарет.

1634 год. 28 января царь опять собрал Земский собор. Шеин прислал царю просьбу выйти на переговоры с Владиславом и получил разрешение. Польский король пропустил русское войско домой.

27 апреля были казнены Михаил Борисович Шеин и Артемий Измайлов с сыном Василием.

Между Польшей и Русским государством заключен крайне невыгодный для Москвы мир.

Переводчик Захария Николаев отправлен в Германию нанимать мастеров медно-плавильного дела.

1635 год. Основанием города Тамбова начался новый период в деле укрепления южных границ Русского государства.

1637 год. 18 июня русские казаки взяли Азов.

1638 год. Гамбуржец Марселис получил право на оптовую торговлю на севере Русского государства и в Москве.

Иностранцам разрешено строить мельницы, предприятия по выделке лосиных кож на территории Русского государства.

1641 год. С 7 июня по 26 сентября продолжалось азовское осадное сидение. Небольшой отряд казаков выиграл войну против османского крупного войска, подкрепленного крымскими татарами.

1642 год. На Земском соборе было постановлено оставить Азов.

1644 год. Голландец Филимон Акем и гамбуржец Марселис получили разрешение строить по рекам Шексне, Костроме, Ваге и в других районах железные заводы.

Подьячий Полуэкт Зверев отправлен в Астрахань для изучения арабского, татарского и персидского языков.

1645 год. 12 июня Михаил Федорович Романов умер.

Алексей Михайлович Романов

(1629 — 1676)

Родился Алексей Михайлович в благополучной царской семье. Как и было положено в хороших русских семьях, до пяти лет его кормили, нянчили, ласкали, холили царские мамки. Затем они передали Алексея, по обычаю, дядьке — боярину Борису Ивановичу Морозову. Под его приглядом царевич читал церковные книги, овладел в семь лет письмом, а в девять лет стал учиться церковному пению.

Военному делу его не обучали, как это делали в некоторых иностранных державах, государственную науку не преподавали — было что-то естественное, глубоко невоинственное и спокойное в его воспитании. Правильно ли это? Век-то XVII не отличался спокойствием, а люди — кротостью нравов. Вокруг государства Московского все воевали. Швеция, Польша, Османская империя, Кавказ, Персия, а далеко на Востоке — захваченный маньчжурами Китай, а в самом Русском государстве казаки да разные бунтари — все воевали.

Может быть, не прав был Морозов? Может быть, неверно воспитывал он будущего русского царя?

Резонно напомнить, что Алексей Михайлович сам тянулся к книгам с раннего детства, был предрасположен к душевному спокойствию. В одиннадцатилетнем возрасте у него уже была небольшая библиотека, а «в числе предметов «детской потехи» будущего царя встречаются конь и детские латы «немецкого дела», музыкальные инструменты, немецкие карты и «печатные листы» (картинки)[1]. Морозов, видимо, не без одобрения Михаила Федоровича, разрабатывал план обучения будущего монарха и следил за его исполнением.

В тринадцать лет, по заведенному с давних пор обычаю, царевича «объявили» народу. А еще через два года умер его отец, и Алексей воссел на русский престол. Первые два года он во всем доверял своему учителю и воспитателю и, похоже, не тяготился опекой Бориса Ивановича Морозова.

В 1646 году указом молодого царя ввели новую пошлину на соль, что, по словам учителя, должно было упорядочить торговлю этим важным продуктом, лишить многих проходимцев возможности наживаться на соли. Но эффект был прямо противоположный. Стоимость важнейшего продукта подскочила в полтора раза.

---

[1] *Брокгауз и Ефрон.* Энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 1991. С. 197.



Это ударило по карману не только непосредственных потребителей, розничных покупателей, но и, например, торговцев соленой рыбой, которая являлась одним из основных продуктов питания русских людей той эпохи.

«Рыбосолы», не желая терять прибыль, стали хитрить, недосаливать продукт. Но малосоленая рыба — это не малосоленые огурцы! Люди перестали покупать рыбу. Торговцы понесли большие убытки, стали хорошо солить свой товар, но намного повысили его в цене. Круг опять замкнулся на розничном покупателе. И народ сначала обиделся, потом быстро озлился и рассвирепел, обвинив во всем боярина Морозова, который вдобавок ко всему уговорил царя разрешить русским людям употреблять табак! Получилось так: рыбу — основной продукт! — есть нельзя, а травить себя иностранной гадостью можно.

При Михаиле-то Федоровиче за употребление табака наказывали ой как строго: носы резали любителям, чтобы все видели и всем неповадно было приучаться к иноземному баловству. Хорошо известно, что к Алексею Михайловичу, да и к его отцу, ходоки валом не ходили с просьбами: «Разреши, царь-батюшка, понюхать табачок, жуть как чихать охота!» Многие русские люди с пониманием относились к запрету табака.

Но баловство это чужеземное уже нашло себе яростных сторонников на Руси. Морозов знал, что продажа табака может дать казне хорошую прибыль. О казне он пекся, не о личной наживе. Но люди поняли все на свой лад: мало того, что соль повысил в цене, да еще на табачке решил разжиться. А кто же, как не он да его ближайшие помощники, погреет руки на продаже «богомерзкой травки»?

Злился народ, свирепел, но до поры до времени не бунтовал. Может быть, потому что во дворце праздничное настроение было у всех: в начале 1647 года Алексей Михайлович решил жениться! В такой важный для государства момент бунтовать нельзя. Обзаведется царь семьей, степеннее станет, мудрее, тогда и разберется, кто ему друг, а кто враг, кому вся прибыль достанется от нововведений царских. Успокоились люди, ожидая.

А во дворец тем временем доставили из разных концов страны девиц-красавиц числом две тысячи. Одна другой краше, румянее, белее, стройнее и так далее. После первого «тура» этого, говоря современным языком, конкурса красоты осталось всего шесть кандидатур. Их и привели к царю на смотрины.

Алексей Михайлович оглядел победительниц со всех сторон и сказал слово царское, непреклонное: «Выбираю я в жены Евфимию Федоровну Всеволжскую, очень она мне по сердцу». Вот такая награда для победительницы всерусского конкурса красоты! Дочь касимовского помещика — да в царицы!

Обрадовалась Евфимия Федоровна и все ее касимовские родственники, но виду не подала, гордо себя держала. Отец ее тоже обрадовался — счастье-то свалилось какое!

Невесту отправили в Теремной дворец наряжаться. Опытные женщины встретили ее ласково, стали примерять одежды богатые, жемчугами да самоцветами осыпанные, добрые слова при этом говорили. Девушка им и доверилась во всем, глупая, неопытная — касимовская. Женщины вились вокруг нее покорными кошечками (вот только не мяукали), одевали ее, наряжали, румянами да белилами ее накрашивали, косы заплетали и что-то приговаривали при этом. Евфимия Федоровна от счастья свалившегося просто не в себе была! Они ей сказали, что очень у нее косы красивые, что надо потуже затянуть, так еще красивее. Ей больно стало, она робко улыбнулась: «У меня же не так крепко были стянуты волосы, и то он меня выбрал. Зачем так крепко?» — «Так надо, глупая. Мы тебе плохого не посоветуем, ты же теперь наша повелительница! Спасибо еще скажешь!» И то верно. Надо доверять опытным женщинам.

Вышла Евфимия Федоровна к царю, и все ахнули: такая красавица! Но вдруг помутилась у невесты голова, крепко стянутая ее же собственными волосами, и упала избранница Алексея Михайловича в обморок.

Опытные женщины работали в Кремле. На все-то они были способны, все умели. Увидев на полу невесту, Морозов объявил, что это припадок падучей болезни. И тут же последовала опала касимовского помещика. Его со всей семьей отправили в Тюмень. Чуть позже, сразу после женитьбы Алексея Михайловича на Милославской, Всеволжских простили, вернули их в свое имение, запретив, правда, выезжать из Касимова куда-либо.

Касимовская природа неброская. Места эти расположены на высоком левом берегу Оки, живописно изрезанном оврагами, при впадении в нее речки с женским веселым названием Бабенка. Бабенки в этих краях до сих пор красивые. Масть что ли такая: ока-бабенская. Сюда хорошо

наезжать в минуты напряженные, когда нужно успокоиться, угомонить волнения души.

Евфимия Федоровна здесь жила несколько лет. Край родной, люди вокруг все добрые, миролюбивые. Казалось, вполне можно успокоиться. Но ей это сделать не удалось. Часто вспоминала она тот день, когда отец (да не по доброй воле, а по воле царской) отвез ее в Кремль, когда приглянулась она царю, когда люди так зло надсмеялись над ней. Конечно, она хотела замуж, как и все восемнадцатилетние дочери царей, бояр, дворян, помещиков, смердов, холопов, рабов. В этом нет ничего удивительного. Удивительны люди, которым чужое счастье не дает покоя. Не смогла успокоиться Евфимия Федоровна, умерла она в 1657 году в возрасте двадцати восьми неполных лет. Не успокоилась и не поняла, почему случилось с ней все это.

Опытные сенные женщины больше так крепко не перевязывали царских невест — приказа не было.

Как спасти Морозова?

Алексей Михайлович очень переживал, отправив приглянувшуюся ему девицу в Тюмень. Несколько дней царь всея Руси ничего не ел, худел, а все придворные ходили с опущенными головами, делая вид, что им тоже очень грустно. Неизвестно, сколько бы продолжалась эта явно затянувшаяся меланхолия, если бы не Морозов.

В эти дни он увлек Алексея Михайловича на охоту за медведями и волками. Охота удалась на славу. Свежий ветер весеннего Подмосковья, заливистый лай собак, надрывный голос загнанного зверя, страстная динамика охоты разгорячили царя, он стал забывать печальные глаза красавицы Евфимии и белое лицо ее обморочное.

Почувствовав перемену в доброй душе воспитанника, Морозов продолжал тешить царя разными забавами, отвлекая его от государственных проблем. Такой заботливый Морозов! Правитель при все еще грустном царе, Тишайшем. Крепкий, небескорыстный «кадровик», он собрал в Кремле верных себе людей, отправил недругов на периферию, а то и в ссылку. Даже родного дядю царя по матери, Стрешнева, он обвинил в колдовстве и сослал в Вологду.

С колдунами в тот век не церемонились нигде, особенно в Европе, особенно — в Западной. Русским колдунам еще повезло. Над ними не устраивали такие «опыты», какие над их коллегами по колдовскому цеху творила западноевропейская инквизиция. Но Стрешневу было обидно: все-таки он из ближайших родственников царя.

О колдунах можно было и не говорить в рассказах о городе Москве, скажет читатель. Вклад их в историю столицы Русского государства очень незначительный. Но, странно, почему же обитатели Боровицкого холма так боялись колдовства и колдунов? Почему считали их самыми опасными врагами не только Кремля, но и всего русского народа? Не является ли этот страх косвенным доказательством существования этих самых колдунов?

Алексей Михайлович, увлеченный чередой непрерывных веселых забав, не задавал себе подобных вопросов, полностью доверяясь воспи-

тателю. А тот работал в те дни и месяцы очень напряженно. Прекрасно зная главную печаль-заботу Алексеева сердца, он искал ему подходящую невесту, не забывая при этом свои личные интересы.

У дворянина Ильи Даниловича Милославского, человека, преданного Морозову, выросли две дочки. Обе красивые, как раз то, о чем и мечтал воспитатель, человек уже не первой молодости, но еще не растерявший желания жить, побеждать, властвовать.

Для этой триединой цели он и выбрал дочек Милославского, стал на все лады расхваливать их царю. Алексей Михайлович по женской части совсем ничего в то время не понимал. Ну девушка, ну волосы густые, глаза голубые, нос не репка, и все остальное вроде бы на месте. А Морозов ему такое о женщине вообще и дочках Милославского в частности поведал, что захотелось Алексею Михайловичу самому посмотреть на них, но так, чтобы они ни о чем не догадались.

Морозов организовал просмотр Милославских «скрытым глазом»: в Успенском соборе, пока девушки молились, царь внимательно осмотрел обеих претенденток, выбрал из них Марию Ильиничну, приказал привести сестер во дворец и там, еще внимательнее рассмотрев их, назвал Марию Милославскую своей невестой. Свадьбу сыграли 16 января 1648 года. Выбор царя оказался удачным, жили царь с царицей счастливо, о Евфимии Алексей Михайлович больше не вспоминал.

Боярин Морозов, дабы завершить дело, позже женился на сестре Марии, Анне. Брак этот был неравным во всех отношениях, и не принес он радости ни старому боярину, ни юной супруге его. Ревновал ее Морозов, как могут ревновать только властолюбивые старики, бил ни за что ни про что тяжкой кожаной плетью в палец толщиной, но ревность свою утолить той плеткой не мог...

Породнившись с царем, боярин полностью завладел властью в Кремле. Он расставил на ключевые и самые денежные посты в государстве родственников царицы, выдвинул из них Леонтия Степановича Плещеева и Петра Тихоновича Траханиотова, дав первому Земский приказ, а второму — Пушкарский. Люди небогатые, но алчные, они обирали всех, никого не стыдясь. Деньги, только деньги решали все. Плещеев дошел до того, что нанял большую группу доносчиков, дающих на честных людей ложные показания. Обвиненных вызывали в суд, и без взятки оттуда выйти было невозможно. Траханиотов обирал даже своих подчиненных. Ему нужны были деньги, но денег у людей было ограниченное количество, и потому недолго терпели они этот откровенный, разнузданный грабеж. Последней каплей, переполнившей чашу их терпения, явилось изобретение Милославскими казенного аршина с клеймом в виде орла. Его должны были приобрести за баснословные деньги все торговцы. Все жалобы и обращения возмущенных поборами людей до царя не доходили: слуги Морозова работали хорошо. У народа осталось последнее средство отстоять свои права — собраться всем и в присутственном месте принародно изложить царю свои беды.

В конце мая царь с супругой в благодушном настроении возвращался из Троице-Сергиевой лавры. Внезапно благость покинула чело его — он увидел толпу озверелого люда и вздрогнул от испуга. Какой-то смельчак

схватил за узду его коня, а люди наперебой стали пересказывать ему злодеяния Плещеева, просили царя заменить злодея другим чиновником.

Алексей Михайлович, стараясь не выдать себя, не показать людям дикий свой страх, тихим и очень спокойным голосом пообещал обязательно разобраться с Плещеевым. Народ возликовал. Вот он — настоящий царь-батюшка! Сейчас приедет в Кремль, сам лично учинит правый суд над обидчиком народа, и всем тут же станет хорошо. Спасибо тебе, Алексей Михайлович, многие лета тебе!

Народ расслабился, из окружения царя в толпу кинулись с криками слуги. Они, опытные, подбегали к тем, кто громче всех жаловался царю. Руки у слуг Морозова были сильные: плетки со свистом взлетали над спинами крикунов. Но усмирить толпу не удалось даже этим свистом. Наоборот! В обидчиков полетели камни — бессменное орудие толпы еще с допотопных времен. Слуги Плещеева и Морозова не выдержали напора разгневанного люда, бежали с поля боя в Кремль, едва успели спастись за крепостными стенами.

Так начался первый бунт тишайшего царствования.

Стрельцы не пустили народ во дворец, это разозлило его пуще прежнего. «Плещеева на казнь!» — кричали люди все громче. Морозов пытался спасти родственника жены, вышел к людям, но не успел сказать и полслова, как толпа вновь взревела недобро: «И Морозова на казнь!»

Боярин попятился назад.

Толпа тоже отхлынула назад, устремилась вон из Кремля к дому Морозова — там кремлевских стен и здоровенных стрельцов не было, там была лишь его молодая жена. Люди трогать ее, перепуганную, не стали: «Царицыну сестру трогать не смеем, не разбойники же мы в самом деле! Мы за справедливость, за царя и только против кровопийц». Это очень по-русски, по-народному: безгранично верить царю, а с его зарвавшимися слугами разбираться самостоятельно. Это понятно и даже логично. Без веры жить невозможно. Царь и в этом отношении объект для идеализации, и к Богу ближе всех...

«Что вы делаете?!» — слуга Морозова попытался остановить толпу, но тут же пулей вылетел из окна высокого дома и разбился насмерть. Не мешай толпе.

Дом Морозова был разграблен в момент. Особенно понравилось грабить винный погреб: некоторые из этой толпы присосались к бочкам с медом и винами прямо там же и только смерть оторвала их от этого занятия. Одного дома показалось толпе явно недостаточно: дома Плещеева, Траханиотова, Одоевского, Львова, Чистова скоро подвергнутся такому же опустошению. Может быть, хватит крушить? Нет.

Думный дьяк Чистов догадался, что толпа ворвется к нему. Это он, думали люди, озверевшие от обид и поборов, уговорил царя установить соляную пошлину. Алексей Михайлович ее уже отменил, но злая память народная не отменила еще желание отомстить дьяку. Чистов забрался под большую кучу веников, приказал слуге положить поверх веников свиные окорока. Прямо Чингисхан какой-то неудачливый. Забыл дьяк Чистов, что слуга его — из той же толпы родом, что спасать хозяина у него нет особой нужды.

Слуга взял со стола несколько червонцев, выбежал в родную свою толпу радостно, как лошадь, вырвавшаяся на волю в табун, и крикнул: «Он под свиными окороками! Гы-гы-гы!»

Чистова забили палками, но смерть дьяка лишь разожгла огонь страстей. Толпа вновь ринулась к Кремлю.

«Плещеева! — шумел народ. — Плещеева!»

Алексей Михайлович отправил на переговоры к бунтовщикам Никиту Ивановича Романова. К нему люди претензий не имели. Скромный он был человек, добродушный.

«Плещеева! Морозова! Траханиотова!!!» — ревела дикая толпа, не желая никаких переговоров.

Романов вернулся в Кремль. Боярская одежда надежно скрывала легкую дрожь в коленках, но по грустным глазам его царь понял, что настала критическая минута.

В Древней Индии существовал такой обычай: если семья понимала, что до следующего урожая ей не дожить, то первыми покидали сей мир старики; те, кто уже не способен продолжить род. Если этого не хватало, то вслед за стариками отправлялись дети, не способные дожить до того момента, когда они могут продолжить род. Подобные обычаи существовали в других уголках Земли, например в той же древней Японии, о чем блистательно поведано в «Легенде о Нараяне». Это — закон сохранения жизни.

«Плещеева!!» — рычала толпа. Критическая масса злобы приближалась к опасной отметке.

«Отдайте палачам Плещеева. Пусть они его казнят на виду у толпы. Ей хочется крови!» — повелел Алексей Михайлович, повторяя слова своего учителя.

Плещеев, видимо, на чудо надеялся, вышел из Кремля спокойно, не дергался, не сопротивлялся, хотя лицо его было бледным, как бахрома редких облаков, не спеша гулявших над Кремлем. Палач вел его к лобному месту, но не довел. Люди выхватили из сильных рук палача быстро обмякшего Плещеева, и в дело пошли палки — проверенное орудие толпы, дешевое и в ближнем бою меткое.

С хрустом треснула голова приговоренного. Он еще не успел осесть, упасть умирая, как по голове его, некрепкой, пришлось еще несколько ударов, голова раскололась, как перезревший арбуз, и оттуда брызнули фонтаном мозги.

Довольная толпа разбрелась по Москве. Нужно было осмыслить случившееся, порадоваться, нужно было допить мед и вина из погребов разграбленных домов, нужно было похоронить опившихся соратников...

На следующий день толпа вновь надвинулась на Кремль.

«Морозова! Траханиотова!!» — Ей, как взбесившемуся вампиру, крови было мало и мало.

Морозов еще рано утром хотел сбежать из Москвы. Москва его не выпустила. Ямщики, хоть народ и негрубый, где-то даже степенный, — но ведь они тоже из толпы, — узнали боярина, и едва ноги от них унес совсем недавно всесильный правитель.

«Морозова! Траханиотова!»

Царю очень жаль было Морозова, но Траханиотову удалось сбежать из Москвы, из «своей очереди». Алексей Михайлович послал князя Пожарского к народу. Князь обещал людям разыскать беглеца, и толпа ему поверила на время. Чудом удалось схватить Траханиотова возле Троице-Сергиевой лавры. Несчастного разбогатевшего родственника Милославских привезли в Кремль, надели ему на шею колоду, повели по городу.

Народ был доволен сим действом. Особенно понравилась людям работа опытного палача, снявшего с плеч нагулявшегося боярина колоду, ударившего топором по крепкой, еще совсем не старой шее. Гул одобрения тревожной дрожью пролетел над толпой: «Молодец, хорошо головы рубишь!»

Палач перед толпой не ответчик: как учили, так и рублю. Но в тот день ему приятно было собственное мастерство: все-таки угодил народу, это видно было по жестам гордого обладателя тяжелого, для казней предназначенного топора.

В Кремле несколько минут тоже радовались казни Траханиотова, надеясь, что хоть его кровь насытит разбушевавшегося вампира. Но вдруг в гуле над лобным местом исчезли одобрительные нотки, и Морозов понял, что пришла его очередь. Вел он себя, надо сказать, спокойно, хоть жить ему еще очень хотелось. В самом деле, много он, человек талантливый и неглупый, не доделал в своей жизни. Властью недонасытился, золотишка недобрал, погреба недоукомплектовал. Нет, много дел еще нужно было совершить боярину Морозову. Нельзя ему было помирать.

А кому же черед умирать, если толпа, насладившись видом отрубленной головы Траханиотова, уже заурчала злобно: «Морозова!» Если не дать ей боярина на расправу, то... она совсем с ума сойдет, она в Кремль ворвется, она... нет-нет, русская толпа в середине XVII века царя-батюшку ни за что бы не тронула. Такой у нее был идеал. Алексей Михайлович догадывался об этом, но все же душа его робкая тревожилась.

«Морозова!» — зрел голос толпы у лобного места, и тут, на счастье царского учителя, на Дмитровке вспыхнул пожар, огонь быстро перелетел на другие улицы. Он отвлек людей от злых мыслей, но ненадолго.

Бояре и сам царь после тушения пожара угощали народ медом и вином, пытались с помощью духовенства успокоить людей. Приняты были и административные меры: многие чиновники лишились выгодных мест. Но все эти меры лишь слегка пригасили огонь страстей. В любую минуту бунт мог вспыхнуть с новой силой. Морозов был жив, это не нравилось толпе.

И тогда царь совершил поступок, на который способны немногие. Однажды после крестного хода он вышел к народу, дождался, когда утихнет шум многочисленного люда, и сказал очень простые, совсем не царские слова. Он не корил людей за разбой и грабеж, казалось, даже был на их стороне, «отчитался о проделанной работе»: Плещеева и Траханиотова казнили, многих корыстолюбцев лишили должностей, в ближайшем будущем царь обещал сделать все, чтобы подданным жилось намного лучше. Люди добрые, толпа вдруг резко подобрела, слушали его, боясь пошевельнуться, ушам своим не верили.

А затем царь всея Руси попросил своих подданных даровать жизнь Морозову, который стал Алексею Михайловичу вторым отцом. «Мое сердце не вынесет его гибели», — сказал царь со слезами на глазах, и люди поняли его. «Многие лета великому царю! Делай так, как Богу и тебе будет угодно». Морозов был спасен.

Его отправили в Кирилло-Белозерский монастырь, подальше от толпы, через некоторое время он вернулся в Москву, но никогда больше не занимал высокие посты в Кремле, старался делать добро людям...

Соборное уложение 1648 — 1649 гг.

В середине 1648 года Алексей Михайлович исполнил данное народу обещание уравнять в Русском государстве всех жителей перед законом, повелел группе бояр вместе с духовенством и Боярской думой упорядочить все существующие законодательные акты, указы прежних царей и создать новое законодательство, новую правовую базу страны. Этим важнейшим делом занимались князья Никита Иванович Одоевский, Семен Васильевич Прозоровский, Федор Федорович Волконский и дьяки Гаврила Леонтьев и Федор Грибоедов.

Комиссия приступила к работе, а царь тем временем запретил продажу табака, даже повелел предать огню весь табак, бывший в казне и предназначенный для продажи.

Алексей Михайлович, казалось, делал все, чтобы удовлетворить желания народа, исполнить данные ему обещания. Но удивительное время досталось этому доброму человеку: народ, чуя послабление и думая, что совестится государь за вины ему одному известные, не очень вникал в суть деяний царя, да и мало что знал об этом. Волна бунтов все равно покатилась по стране.

Земский собор, созванный в октябре 1648 года, утвердил подготовленное компетентной комиссией Уложение, на Руси появился новый свод жизненных правил. О Соборном уложении 1648 — 1649 годов достаточно емко и кратко написал в своем курсе лекций по русской истории С. Ф. Платонов:

«Рассматривая этот кодекс... мы замечаем, что это, во-первых, не Судебник, т. е. не законодательство исключительно о суде, а кодекс всех законодательных норм, выражение действующего права государственного, гражданского и уголовного. Уложение обнимает собой все сферы государственной жизни...

Во-вторых, Уложение представляет собой не механический свод старого материала, а его переработку; оно содержит в себе многие новые законоположения... новые статьи Уложения не всегда служат дополнением или исправлением частностей прежнего законодательства; они, напротив, часто имеют характер крупных общественных реформ и служат ответом на общественные нужды того времени.

Так, Уложение отменяет урочные лета для сыска беглых крестьян и тем окончательно прикрепляет их к земле. Отвечая этим настоятельной нужде служилого сословия, Уложение проводит тем самым крупную реформу одной из сторон общественной жизни.

Далее, оно запрещает духовенству приобретать вотчины...

Духовенство, обходя... постановления (1580 — 1584 годов. — *А. Т.*), продолжало собирать значительные земли в своих руках. Неудовольствие на это служилого сословия прорывается в XVII веке массой челобитных, направленных против земледельческих привилегий и злоупотреблений духовенства вообще и монастырей в частности. Уложение удовлетворяет этим челобитным... Вторым пунктом неудовольствия против духовенства были различные судебные привилегии. И здесь новый законодательный сборник удовлетворил желанию населения: им учреждается Монастырский приказ, которому с этих пор делается подсудным в общем порядке духовное сословие, и ограничиваются прочие судебные льготы духовенства.

Далее, Уложение... закрепляет и обособляет посадское население, обращая его в замкнутый класс: так посадские становятся прикрепленными к посаду. Из посада теперь нельзя уйти, зато в посад нельзя войти никому постороннему и чуждому тяглой общине.

...Все крупнейшие новизны Уложения возникли по коллективным челобитьям выборных людей, по их инициативе... выборные принимали участие в составлении таких частей Уложения, которые существенно их интересов не касались...

...Насколько Уложение было реформой общественной, настолько оно в своей программе и направлении вышло из земских челобитий и программ. В нем служилые классы достигли большего, чем прежде, обладания крестьянским трудом и успели установить дальнейший выход вотчин из служилого оборота. Тяглые посадские общины успели добиться обособления и защищали себя от вторжения в посад высших классов и от уклонений от тягла со стороны своих членов. Посадские люди этим самым достигли облегчения тягла, по крайней мере в будущем. Вообще же вся земщина достигла некоторых улучшений в деле суда с боярством и духовенством и в отношениях к администрации. Торговые люди на том же соборе значительно ослабили конкуренцию иностранных купцов через уничтожение некоторых их льгот. Таким образом, велико ли было значение выборных 1648 года, решить нетрудно: если судить по результатам, оно было очень велико»[1].

Высокое мнение о Соборном уложении 1648 — 1649 гг. известного русского историка разделяют и другие историки, многие специалисты в области государства и права. Труд, проделанный авторами Уложения, воистину огромный. Спору нет.

Но зачем Алексей Михайлович созвал людей на Земский собор? Какова была конечная цель царя и авторов Уложения? Какова конечная цель законодательства в любой стране? Сделать жизнь сограждан справедливой, сытой, тихой, спокойной, стабильной. В Москве об этом узнали первыми. Казалось, жители столицы должны были успокоиться, но нет.

В самой Москве в январе 1649 года подстрекаемый буйными людьми народ вновь изготовился к драке. На этот раз слуги царя сработали грамотно: вовремя выявили зачинщиков, схватили их и казнили.

---

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 399 - 401.

В 1649 году царь издал указ об уничтожении нескольких английских торговых компаний — исполнилась вековая мечта русских купцов! Алексей Михайлович еще раз подтвердил, что вся его деятельность направлена на благо народа.

Неглупый русский народ отблагодарил его... мощными бунтами в Новгороде и Пскове.

Оба бунта были подавлены. И с этих пор Алексей Михайлович резко изменился. По-прежнему внешне спокойный, добродушный, мягкий, он стал чрезвычайно осторожным, недоверчивым. До мании преследования дело не дошло, но царь был близок к этому. Он окружил царский дворец решеткой, у которой постоянно дежурили вооруженные до зубов воины, назначил специальных чиновников, принимавших жалобы и челобитные от народа. Никто не смел приблизиться не только к самому царю, но даже к решетке вокруг его дворца.

В летописях и в работах таких историков, как Н. И. Костомаров и С. Ф. Платонов, в трудах современников тех событий Григория Котошихина, иностранца Яна Стрейса ничего не говорится о том, что лично царю грозила опасность физической расправы, что готовились и были раскрыты заговоры лично против царя. Вполне возможно, что заинтересованные по каким-либо причинам лица умалчивали об этом. Но из дошедших до наших дней источников ясно совершенно другое: народ доверял царю, обвиняя во всех бедах его ближайшее окружение.

Конечно, как человек добрый и внимательный, он обязан был сделать все от него зависящее для абсолютной безопасности своего ближайшего окружения, но принимаемые им меры говорят о большой озабоченности царя своей персоной. Он волновался. Он боялся. Особенно выезжая из Кремля.

Однажды, по свидетельству иностранца, царь с перепугу убил человека! Алексей Михайлович сидел в крытой богатой царской повозке, когда к ней протиснулся неосторожный проситель, чтобы передать царю жалобу на какого-то чиновника. Тишайший услышал, что кто-то скребется к нему, испугался, ткнул острым жезлом туда, откуда доносился шорох, и бедный проситель упал замертво. Нечаянный убийца долго переживал, страдал, жалел невинно убиенного.

А затем он издал указ об основании нового учреждения в стране — Приказа тайных дел, то есть тайной полиции. За несколько лет до этого в Соборное уложение ввели статью «Страшное государево слово и дело». Любой человек, случайный или не случайный «хранитель» какого-либо важного государственного секрета, мог, даже с лобного места, крикнуть: «Имею государево слово и дело», и его обязаны были выслушать.

Обычно этим пользовались доносчики. Уличив кого-нибудь в измене или в других страшных грехах, они говорили знаменитую фразу, их сведения тщательно отрабатывались, людей пытали, если обвинение не подтверждалось, то начинали пытать доносчиков. После введения в русский обиход «государева слова и дела» криминальная ситуация в лучшую сторону не изменилась, зато доносов стало больше. И тогда царь принял мудрое решение о создании Приказа тайных дел. Теперь в стране

появились не только доносчики (их еще иной раз называют стукачами, дятлами), но и шпионы, состоящие на службе нового приказа. Сколько платили шпионам, смог ли кто-нибудь из них разбогатеть, выбиться в бояре, неизвестно, на то она и тайная полиция, чтобы не становилось явным то, чему явным быть не положено. Так или иначе, но Алексей Михайлович, с виду тишайший, был так напуган разгулом разъяренной толпы в начале своего царствования, что очень большое внимание уделял потом созданию полицейского аппарата.

Войны с Польшей и Швецией

Война Русского государства с Польшей была неизбежна. Это в Европе понимали все. Но мало кто из крупных политиков XVII века предугадывал ход предстоящей войны.

Алексей Михайлович созвал Земский собор, на котором 1 октября 1653 года было принято решение объявить Польше войну. Через несколько месяцев, 8 января 1654 г., гетман Украины Богдан Хмельницкий провозгласил на Переяславской раде воссоединение Украины с Россией, и это должно было усилить Московское государство.

Война и в самом деле началась для русского войска очень удачно. Сам Алексей Михайлович участвовал в военных походах, хотя лично не отличился ни как полководец, ни как воин. Да в этом и нужды не было. Царю вполне хватает забот царских. Но свою царскую роль в войне с Польшей он выполнил плохо, просто не учел многое, не принял во внимание.

Во-первых, отношение к ней многих воевод, бояр и людей рангом пониже. 23 апреля 1653 года во время торжественного богослужения в Успенском соборе было сказано много пышных фраз о Родине, о том, что пришла пора русским людям вернуть свои земли, отторгнутые от страны Витовтом, другими литовскими великими князьями и польскими королями. Собравшиеся в храме люди были единодушны в своих стремлениях. Это радовало Алексея Михайловича.

Но начались боевые действия, и настроение в войске изменилось. Царь жаловался по этому поводу боярину Алексею Петровичу Трубецкому, главному воеводе, в своем письме: «С нами едут не единодушием, наипаче двоедушием как есть оболока: овогда благопотребным воздухом и благонадежным и уповательным явятся, овогда паче зноем и яростью и ненастием всяким злохитренным обычаем московским явятся... Мне уже Бог свидетель, каково двоедушие, того отнюдь упования нет... все врозь, а сверх того сами знаете обычаи их».

Да, с таким войском, с такими «двоедушными» воинами отправляться в поход опасно. С ними можно одержать несколько красивых побед, но долгую, изнурительную, требующую великого самопожертвования войну выиграть, имея в войске «двоедушных» ратников и полководцев, чрезвычайно сложно. Алексей Михайлович, благодушный человек, видимо, надеялся, что проповедей и пышных фраз достаточно для укрепления единодушия в русских людях, о которых еще Михалон Литвин писал: «Род москвитян хитрый и лживый...» Нет, не хватило одной проповеди, и десяти проповедей не хватило бы.

В том же 1653 году царь издал указ, заметно облегчивший жизнь московских дворян. Все они, служилые люди, до этого обязаны были постоянно жить в Москве. За нарушение этого закона их наказывали нещадно. Царь повелел организовать их службу в четыре смены: по три месяца в год.

Любой труд должен быть вознагражден. Воинский труд — особенно. Это понимали многие русские повелители. Это понимал Михаил Федорович, отец Алексея. Во время борьбы с Лисовским, ворвавшимся с мобильным крупным корпусом поляков на территорию Русского государства, царь внимательно следил за тем, чтобы все герои русские не остались без наград, о чем свидетельствует «Книга сеунчей 1613 — 1619 годов», в которой содержатся документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского.

«...И дано государева жалования: Федору Волынскому шуба отлас турецкий, по лазоревой земле шелк вишнев бел золотом, на соболях, пуговицы золочены, цен сто семь рублев и 23 алтына 2 деньги, кубок серебрян, золочен, с покрышкою, весу 6 гривенок 9 золотников; Осипу Хлопову шуба отлас турецкий, по червчатой земле, на соболях, цена 96 рублев 20 алтын 4 деньги, ковш серебрян, весу гривенка 35 золотников; Ондрею Толбузину шуба камка бурская, по червчатой земле, на соболях, цена 96 рублев 20 алтын 4 деньги, ковш серебрян, весу гривенка 32 золотника»[1].

Подобных «жалований» в «Книге сеунчей» только за несколько месяцев 1615 года выдано Михаилом Федоровичем немало. Но ведь борьба с Лисовским велась на территории, принадлежащей Русскому государству, патриотический порыв воинов, дравшихся с налетчиками, был чрезвычайно высок. И это не мешало царю расплачиваться с героями по самому крупному счету.

«На чужой территории существуют другие формы оплаты ратного труда», — может возразить недалекий скептик. Но в том-то и состояла сложность русско-польской войны, начавшейся в 1654 году, что территория, освобождаемая царем от поляков, была не чужой и не своей в полном смысле этого слова. Грабить в этой войне русским никто бы безнаказанно не дал, как «двоедушным», так и «единодушным». Здесь нужна была тонкая, хорошо продуманная политика по отношению к местному, освобождаемому населению и к своим воинам.

Надо помнить еще и о том, что великие князья литовские, а также короли польские правили в завоеванных ими русских землях мудро, не уничтожая русских людей, хотя иной раз пытались силой (или настойчивыми уговорами) крестить их по обряду Римской церкви. Проблем во взаимоотношениях между коренными жителями отторгнутых от Русского государства земель и победителями было немало. Но нельзя сказать, что войско Алексея Михайловича местные обитатели встречали, как родных отца с матерью. Об этом русский царь, и бояре, и духовенство не догадывались во время торжественного богослужения 24 апреля 1654 года.

---

[1] Памятники истории Восточной Европы. Источники XV — XVII вв. Том первый. Москва — Варшава: Археографический центр, 1995. С. 95.

К серьезной долгой войне они не готовились, хотя следует подчеркнуть, что «сибирского золота» в Москве хватало, чтобы действовать по методу Михаила Федоровича.

Не учел Алексей Михайлович коварства природы. В 1654 году она ниспослала в очередной раз на русский род чуму. Триста лет эта страшная болезнь налетала периодически на Восточную Европу. То ли чему-то учила людей, да так ничему и не научила, то ли сгубить хотела, извести русских, да так и не сладила с ними, то ли издевалась, злобствовала по привычке — кто знает? Так или иначе, но ясно одно: русские люди за триста лет борьбы с чумой действительно не научились бороться с ней даже организационными способами. Об этом говорят печальные факты:

«В Чудове монастыре умерло 182 монаха, в живых осталось лишь 26 человек.

В Вознесенском монастыре скончалось 90 монахинь, спаслось 38.

В Боярских дворах у Бориса Морозова умерло 343 человека, осталось 19...»[1]

Обвинять Алексея Михайловича в гибели от чумы даже одного подданного было бы абсурдно, впрочем... так ли уж абсурдно?! Хорошо известно, на каком примитивном уровне находилась русская медицина в XVI — XVII веках: окончательно оторвавшись от медицины языческой, заклеймив знатоков лечебных трав, знахарей, волхвов, приписав им колдовскую силу, русские люди еще не освоили западноевропейскую медицину и оказались один на один со всеми болезнями. В Кремле, правда, служили медики из Германии, других стран. Но, во-первых, они вряд ли знали искусство Гиппократа и Галена лучше митрополита Алексия, излечившего в свое время глазную болезнь Тайдулы, а во-вторых, обслуживали они лишь несколько десятков человек. Жители русской столицы, а тем более граждане огромной державы, рассчитывать на медицинскую помощь не могли.

Именно поэтому так много было жертв каждый раз, когда на Русь налетала чума. Три года она буйствовала в Восточной Европе. За три года сильно ослабила эпидемия ввязавшуюся несколько преждевременно в сложную войну с Польшей страну.

Но русские все же дрались с поляками, побеждали их, отвоевывали исконно русские земли. «Польше, по-видимому, приходил конец. Вся Литва покорилась царю; Алексей Михайлович титуловался великим князем литовским... Вековая распря Руси с Польшею тогда разрешалась»[2]. Но не разрешилась окончательно.

Победы русских напугали их соседей, в первую очередь монархов Западной Европы, для которых успехи Алексея Михайловича явились полной и очень неприятной неожиданностью. Русское государство (такой прекрасный склад, такая чудесная скатерть-самобранка, такая удобная территория для международной торговли) вдруг заявило о себе во весь голос, придвинулось к Западу, усилилось, стало опасным! Разве могли

---

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. II. С. 44.

[2] *Там же.* С. 105.

допустить это турки, мечтавшие об экспансии на северных своих границах? Разве понравилось это папе римскому с его упрямой идеей всеобщей католизации населения Земли? Разве поляки были еще так слабы, чтобы сложить оружие, признать поражение? Разве шведы, познавшие вкус побед в Тридцатилетней войне, уже забыли о воинских подвигах Густава Адольфа? Нет.

Шведы первыми вмешались в русско-польские дела, и король Карл-Густав сначала завоевал все коренные польские земли, а затем гетман литовский Януш Радзивилл объявил себя подданным шведского короля в обмен на обещание вернуть ему завоеванные русскими земли.

До начала русско-польской войны Швеция была еще союзником Москвы, после ее окончания, позорного весьма, она вновь заключила с Москвой вечный мир в обмен на добытые русскими в тяжелых боях города Ливонии. Всего этого Алексей Михайлович перед торжествами в Успенском соборе не предусмотрел, хотя обязан был продумать ситуацию на три-четыре года вперед, тем более что закончившаяся в 1648 году Тридцатилетняя война в Европе была еще свежа в памяти у всех серьезных политиков. Но русский царь, похоже, об этой войне не думал вообще. Монархи, полководцы, военные инженеры исследовали все перипетии прошедших боевых действий, меняли организационные структуры своих войск, добивались идеальной связи войска со страной, разрабатывали проекты новых крепостных сооружений, меняли стратегические концепции ведения боевых действий на огромных территориях и в течение длительного периода, что требовало улучшения тактико-технических данных огнестрельного оружия — европейская военная мысль бурлила! Швеция за годы Тридцатилетней войны даже опередила в военном искусстве многие страны Европы.

А русский царь, помолившись в Успенском соборе, пошел воевать, ни о чем вышесказанном даже не подумав. И, естественно, для него и для его дипломатов было полной неожиданностью вмешательство австрийского императора и папы римского в русско-польские дела, причем на стороне Польши. А война со Швецией вообще не была запланирована в Кремле.

Не предугадал царь и поведения гетманов Украины, рассчитывал на них как на союзников. В 1660 году, когда положение русских в войне с Польшей резко ухудшилось, гетман Юрий Богданович Хмельницкий разорвал союз с Москвой и подписал с Польшей Слободищенский трактат. И Русское государство в который уже раз оказалось в полном одиночестве в борьбе сразу с несколькими противниками.

Поляки пошли в наступление, одержали в 1660 году великолепные победы над русскими, и только чудо спасло Москву от большого позора. Нужно было принимать экстренные меры. В казне катастрофически не хватало средств. Московское правительство вынуждено было в 1661 году заключить в Кардиссе вечный мир со Швецией, по которому уступило ей ливонские города.

Чтобы хоть как-то поправить финансовые дела, правительство Москвы наложило на купцов и промышленников дополнительный налог, так называемую пятую деньгу. Это отрицательно сказалось на экономике

страны. Затем, надеясь скопить в казне серебро для выплаты жалованья воинам, правительство решило пустить в оборот медные монеты, издав указ о том, чтобы медные монеты шли по той же цене, что и серебряные.

Это было странной мерой улучшения экономического положения. Естественно, медные деньги, а ими расплачивались первое время с воинами и с государственными чиновниками, купцы старались не брать за свой товар. Это привело к обесцениванию медных монет. Кроме того, в Москве появились фальшивомонетчики, выпустившие в общей сложности монет на 620 тысяч рублей. В 1661 году за рубль серебряный давали два рубля медных. В 1662 году — восемь рублей медных.

Приказу тайных дел удалось схватить несколько фальшивомонетчиков. Им отсекали руки, заливали горячим оловом глотки, а отсеченные руки прибивали к стене денежного двора — Приказ тайных дел работал напряженно. Но по недоверчивому к любым царским начинаниям городу пошли гулять слухи и письма о том, что Милославский, тесть царя, вместе со своими подчиненными за крупные взятки отпускал фальшивомонетчиков. Кто порождал эти взрывоопасные слухи? Кто писал подметные письма и прибивал их к стенам домов? Так начался на Москве медный бунт.

25 июля 1662 года, когда Алексей Михайлович отдыхал в селе Коломенском, пять тысяч человек собралось неподалеку от Фроловских ворот. Разгоряченные люди читали подметные письма о грязных делах царского тестя. Затем толпа разделилась: самые предприимчивые и наглые стали грабить богатые дома, а те, кто посмелее, отправились прямо к царю, в село Коломенское.

«Милославского! Матюшина!» — быстро крепли голоса людей.

Царь, узнав о волнениях в городе, повелел тестю и его другу спрятаться в покоях царицы — туда толпа ворваться не рискнула бы, а сам отправился на богослужение. В тишине небольшого уютного храма священник отслужил обедню. Алексей Михайлович, на вид спокойный, не спеша вышел из церкви и увидел бежавших прямо к нему громкоголосых людей. Нет, они не должны были напасть на него. Им нужны были Милославский и Матюшин. Толпа приблизилась к царю.

«Милославского! Матюшина!» — услышал монарх грозное требование и стал голосом тихим, мирным говорить людям уже ставшие для него привычными фразы. Сыск учиним. Во всем разберемся. Всех виновных накажем. Люди с недоверием относились к его обещаниям, нервничали, хватали за пуговицы царской одежды. Люди устали ждать возмездия за манипуляции, им непонятные, с деньгами, им хотелось, чтобы пришло оно побыстрее.

Царь дал им клятвенное обещание во всем разобраться и протянул людям руку. Народу этот жест понравился, и толпа, возбужденная, гордая, все еще злая, но уже не кровожадная, отправилась в Москву.

По пути настроение людей изменилось. Им захотелось принять участие в грабежах. Дом чиновника Шорина, собиравшего с народа пятую деньгу, они разграбили вмиг, схватили сына его пятнадцатилетнего. Тот заблаговременно переоделся в одежду простолюдина, хотел обмануть толпу, выжить. Возраст у него был такой, когда уж очень жить хочется,

когда человек начинает понимать ценность бытия, и это прозрение уже делает любого страстным жизнелюбом. Сына Шорина многолюдная толпа узнала. Юношу схватили.

На счастье подоспел посланный царем князь Иван Андреевич Хованский. «Не берите грех на душу, не губите парня!» — просил он, а толпа ему отвечала на это шумно: «Ты человек добрый. Нам до тебя дела нет. Скажи царю, чтобы он поскорее учинил сыск и выдал нам виновных!»

Князь Хованский уехал в Коломенское, толпа с сыном Шорина направилась туда же. «Ты не реви, как младенец, и не дрожи, — говорили люди пленнику. — Мы тебя не убьем. Сейчас скажешь царю-батюшке, что вытворял твой отец, и будешь жить!» Сыну жить очень хотелось.

Толпа встретилась с такой же толпой, возвращавшейся из села Коломенского. Вожаки, схватившие сына Шорина, уговорили возвращавшихся повернуть назад. Мол, у нас есть доказательства, зачем ждать, пока царь учинит сыск? Мы ему поможем. Усилившись, толпа хлынула к царю, не понимая, что Алексей Михайлович без дела эти грозные часы не сидел. Выходя из города, люди даже не обратили внимания на то, что за ними вдруг закрыли ворота: знак тревожный, но толпу не встревоживший. В Москве в это время уже вовсю работали бояре во главе с князем Куракиным, а к Коломенскому спешили три тысячи вооруженных стрельцов. Готовилась расправа. Толпа этого не замечала.

Она ворвалась на царский двор. Алексей Михайлович, проявив исключительное самообладание, спокойно выслушал бредовый лепет сына Шорина, повелел взять юношу под стражу.

«Если не выдашь бояр, — рявкнул кто-то из толпы, — то мы сами схватим их и вышибем палками из них мозги!»

И в этот момент царь отдал приказ подоспевшим стрельцам: «Хватайте бунтовщиков!»

Хорошо организованный отряд воинов принялся за привычную для себя работу. Толпа с ревом разбежалась, но более ста пятидесяти человек, стремясь спастись, утонуло в Москве-реке и еще больше было убито стрельцами. В Москве Куракин тоже старался вовсю: его слуги схватили около двухсот грабителей.

Затем началась расправа.

Почти сто пятьдесят бунтовщиков повесили неподалеку от Коломенского. Многих пытали, отрубали руки, ноги. Кому-то повезло чуть больше: их клеймили буквой «б» — бунтовщик — и отправляли с семьями на вечное поселение в отдаленные уголки страны: в Сибирь, на Терек. Медные деньги, однако, были в обороте еще год. Когда серебряный рубль стал стоить пятнадцать медных рублей, царь наконец отменил медные деньги.

Внутренняя неурядица вынудила Алексея Михайловича забыть о продолжении войны с Польшей. Три последующих года русские дипломаты пытались найти общий язык с поляками. С трудом удалось заключить перемирие до июня 1665 года. И лишь 12 января 1667 года Русское государство и Польша подписали договор о перемирии до июня 1680 года. Андрусовский договор вернул Москве многие земли, но некоторые историки считают, что русский царь, успешно начавший

войну в 1654 году, мог взять у поляков больше. Мог. Если бы у него было чем брать, если бы страну не трясло изнутри.

Андрусовский мир был заключен очень своевременно: на юге Русского государства зарождалось восстание Степана Разина. Можно с уверенностью сказать о том, что если бы польские дипломаты предвидели, какой ущерб нанесет Москве этот лихой атаман, то вряд ли итоги перемирия 1667 года были бы столь же выгодными для русского царя.

Восстание Степана Разина

У Москвы, как когда-то у Рима, были свои галлы в лице шведов, литовцев и поляков; Москва имела своего яростного и непримиримого Ганнибала в лице сразу нескольких крымских ханов — Менгли-Гирея, Девлет-Гирея, Казы-Гирея... У Москвы были свои этруски в лице великих киевских князей... Москве не хватало только собственного Спартака. И он появился (хотя, конечно, говорить о параллелях в истории двух классических империй — Римской и Российской — можно лишь с оговорками).

Московский Спартак даже имя имел очень созвучное с римским — Стенька Разин, Степка Разин, Спартак. Жизненные пути их, воинские подвиги, личностные качества, отношение к людям, зверства имеют много уникального, как уникальна в своих деталях история Апеннинского полуострова, Средиземного моря, Москвы, Московского пространства, Восточной Европы, как уникальна и неповторима жизнь любого человека на Земле. И все же есть у того и другого вождей восстаний и нечто общее.

Они явились на свет Божий, они возглавили голытьбу (один — гладиаторов, другой — вольных казачков) в тот момент истории государств, когда обе державы окончательно превращались в империи. Случайно ли это совпадение? Случайно ли на Апеннинах в середине I века до новой эры и в Восточной Европе во второй половине XVII века появилось много сильных, талантливых, тщеславных людей, готовых драться не на жизнь, а на смерть с властью, с теми, кто считал их людьми третьего сорта?

О Степане Разине написано достаточное количество художественных произведений, научных исследований, хотя до сих пор в его судьбе много спорного. Но вот что пишет о нем очевидец тех событий, голландский парусный мастер Ян Стрейс, в своей замечательной (в некоторых главах, впрочем, компилятивной) книге «Три достопамятных и исполненных многих превратностей путешествия по Италии, Греции, Лифляндии, Московии, Татарии, Мидии, Персии, Ост-Индии, Японии и различным другим странам...»: «Из казаков происходит Стенька Разин, который... осмелился дерзко восстать против царя Алексея Михайловича. Он сам объявил причину своего ослушания — месть за брата, погубленного боярином, князем Юрием Алексеевичем Долгоруким в 1665 году. Тот был в походе против поляков с отрядом донских казаков, состоявших на царской службе. С наступлением осени, когда его верная служба в походе окончилась, он попросил у названного князя отпустить его со своим отрядом; но князь, которому нелегко было отказаться от его службы, не

дал на это согласия, после чего казаки, не получив отпуска, ушли домой по приказу брата Стеньки, на что полководец рассердился и тотчас повелел схватить Разина как зачинщика и повесить. Это принято считать причиной его недовольства, или, вернее, поводом к его варварским жестокостям. Но это неверно, что следует из того, что он выступает с оружием не только против царя, но и против шаха персидского, который не причинил ему ни вреда, ни несправедливости, так что настоящую причину и основание его жестокого и злонамеренного поведения приходится искать в нем самом»[1].

Именно в самой личности Степана Разина и его ближайших помощников искать нужно причину бесчинств, которые всегда сопровождают русский бунт. «Человек — творец своей судьбы», сильный человек является одновременно истцом и ответчиком перед самим же собой за все свои добрые и злые дела. Это так. Это не всем удается: спрашивать с самого себя и отвечать перед самим же собой по самому крупному счету. Степан Разин обладал этим качеством. Само по себе это свойство сильных людей симпатично: умел бунтовать, умей и отвечать. Но... какая радость от этого двойного умения тем, кто был невольной, невинной жертвой изуверов и разбойников Разина?

Коротко о ходе событий восстания можно сказать следующее. Степан Разин возглавил крупную шайку казаков, среди которых очень много было беглых крестьян, недовольных царской политикой закрепощения, стал гулять по Волге, грабя купцов, как русских, так и чужеземных, в 1669 году совершил отчаянный и очень успешный грабительский поход в Персию, вернулся на Волгу, затем перешел на Дон.

Слава о нем быстро распространилась по стране. К нему со всех сторон стекалась голытьба, «голутвенные» люди. Деваться им некуда было! Сбежав из центральных областей Русского государства в степь, они порвали и с жизнью честной, трудовой, осталось им только жить разбоем на большой дороге. Но у Степана собралась не просто шайка разбойников, а целое разбойничье войско.

Он повел его с Дона вновь на Волгу и летом 1670 года взял Астрахань. Сначала он разграбил город, устроил там резню бояр, не пощадил даже священнослужителей, а затем организовал такую же жизнь, как в казачьем круге. После взятия Астрахани громадное войско Разина двинулось вверх по Волге.

Постепенно бунт перерастал в восстание, а затем — и в крестьянскую войну. Почувствовав за собой защитника, на борьбу против бояр поднялась земщина, взволновались инородцы. Территория, объятая огнем войны, быстро увеличивалась. Войско Разина постепенно, поднимаясь по Волге на север, подошло к Симбирску, по дороге захватывая города.

России срочно нужен был свой Красс. И он нашелся. Князь Барятинский, стоявший во главе обученного по западным стандартам войска, разгромил под Симбирском Степана Разина, и тот, как нашкодивший отрок, бежал с казаками на Дон, оставив часть своих соратников, среди

---

[1] *Стрейс Я. Я.* Три достопамятных и исполненных многих превратностей путешествия по Италии, Греции, Лифляндии, Московии... М.: ОГИЗ — СОЦЭГИЗ, 1935. С. 198.

которых было много волжских крестьян, без своего твердого водительства.

Утром крестьяне увидели, что казаки их предали, тогда они тоже оставили позиции и побежали к Волге, где стояли казацкие струги. Но Барятинский действовал четко. Его люди опередили беглецов, многих расстреляли, еще больше взяли в плен. И на чудесном берегу великой реки появились сотни виселиц.

Поражение Степана Разина спасло страну от огромной беды. Уже перед сражением под Симбирском восстание охватило многие важнейшие области. Каждая удача Разина увеличивала его войско, а также число разбойничьих банд. Но бегство Степана развенчало атамана, теперь люди слегка протрезвели. Известие о виселицах на берегу Волги приглушило порывы страстей у готовых в любую минуту покинуть родные очаги и уйти искать Разина.

Это поражение и, главное, бегство Степана Тимофеевича поставили крест на его дальнейшей разбойничьей карьере. Казаки предателей не любят. Жизнь у казаков суровая, в степи и без того проблем хватает. Атаман Корнило Яковлев начал собирать вокруг себя донцов, настраивал их против Разина. Степан Тимофеевич известен был своей крутостью, расправлялся со своими противниками так жестоко, как не расправлялся с боярами астраханскими. Но хваленая жестокость атамана не помогла на сей раз, не испугала, да и не могла помочь человеку, оставившему своих людей в беде. Степан Разин уже понимал причину, по которой его отторгает Дон, и попытался взять столицу казаков Яковлева Черкасск. Попытка не удалась. Атаман отошел в свой город Кагальник, никому внешне не показывая, как ему плохо. Он умел держать себя в руках, умел держать в руках людей. Всего лишь один раз он совершил ошибку — но какую! — и теперь ему уже было не удержать ситуацию в руках. Народ к нему не шел. А без людей он не мог продолжить борьбу, не мог загладить вину перед погибшими по его малодушию сотоварищами.

Казаки напали на Кагальник, одержали победу над войском Разина, взяли атамана и брата его, Фролку, в плен, передали всех царскому правительству. Атаман казаков Корнило Яковлев сделал это. Он и провожал арестованных братьев в Москву.

Был ли Корнило предателем? Нет. Не был. Он передал царю человека, который в силу своих великих организаторских способностей, гениальной удачливости выходил за рамки личностей, необходимых Дону в качестве атаманов и даже в качестве гетманов — Днепру. Степан Разин был гораздо больше, чем атаман, и этим-то был опасен, казакам вполне хватало атаманов. Корнило Яковлев — прекрасный атаман, на большее не способный, к другим высотам не рвущийся, — опасался Разина, как боялись его Дон, степь, Каспий, а ведь Степану Тимофеевичу и этого было мало!

О демонических возможностях многих великих часто рассуждают биографы, историки, сплетники. Степан Разин был именно такой личностью — демонической, обладающей к тому же мощной энергетикой и задатками могучего йогина, о чем в первую очередь свидетельствуют последние дни его жизни.

Еще в Черкасске Корнило Яковлев повелел приковать его большой цепью к притвору церкви. Это было сделано неспроста. По Дону, по Волге давно ходили слухи о том, что Степан Разин — волшебник. Действительно, некоторые его победы иначе как волшебством не объяснишь. С волшебниками и колдунами, как хорошо известно, могли управиться только Бог и его верные слуги на земле. Корнило Яковлев это хорошо понимал.

Так, на цепи, повезли Степана и Фролку в Москву. Младший Разин не сдавался, жить хотел, печалился, обвинял старшего: «Ты во всем виноват!» А Степан, уже смирившись с судьбой, давно смирившись, еще с тех пор, когда стали от него уходить казаки, высокомерно ухмылялся: «Не распускай слюни! Нас примут самые большие люди, бояре. Вся Москва выйдет смотреть на нас!» Приблизительно так же думают некоторые незанятые дамочки перед выходом в свет: на базар, например, на праздничное гулянье, в другие общественные места, где и на людей можно посмотреть, и себя показать.

Степан Разин к женскому полу относился с суровой непочтительностью, о чем говорит эпизод с персидской княжной, некоторыми учеными не признающийся за реальный, а Яном Стрейсом описанный в его книге.

Москва готовилась к встрече страшного гостя. Для большего эффекта (а может быть, и страховки ради) из города навстречу казакам была отправлена прочно сколоченная телега с виселицей, а также человек с устной инструкцией, как ею пользоваться. Сначала Разина переодели в лохмотья, затем шею Степана обмотали цепью, привязанной к перекладине виселицы, руки-ноги прикрепили другими, такими же прочными цепями к телеге. Смотреть в общем-то было не на что. Но атаман не опечалился или не подал вида.

Цепью помельче обвязали Фролку, прицепив его к телеге сзади. Он совсем разгрустился: бреди теперь за телегой несколько верст да на брата смотри.

Москва была уже совсем рядом. Столичный люд высыпал на улицу. Степан заметно ободрился. Эгоистом он был знатным. Ему нравилось внимание толпы, ее неравнодушное отношение к его персоне. Брат шлепал босиком по июльской пыли, всхлипывал, старался вызвать жалость в людях: ему это удавалось. Степан был горд.

Начались пытки — своего рода комиссия по приему на тот свет. Принять-то все одно примут, иначе нельзя, но зачем в таком случае пытки?

Степану связали сзади руки, подняли их вверх, затем связали ноги ремнем. Дюжий палач тянул за ремень, тело Разина медленно вытягивалось в струну, руки выходили из суставов, струна напряглась до предела, но не звенела, терпела. Палач брал кнут и с оттяжечкой, со свистом бил Разина по спине, по животу, по ногам, рукам. Около сотни ударов выдержал палач, устал. Степан не пикнул. Вокруг лобного места собралась большая толпа, люди, пришедшие посмотреть, удивлялись: как он терпит?! А он чувствовал себя на лобном месте, как на арене Колизея или какого-нибудь цирка, он завершал турне по жизни сложнейшим показательным выступлением, даже не думая о вознаграждении.

Его положили на горящие угли, запах паленого, но еще живого тела ударил в ноздри толпе. Она смущенно засопела. Разин услышал это и опять промолчал. Его перевернули на живот. Сопение толпы стало громче. Степан молчал.

Ну надо же, какой терпеливый! Хоть и атаман. Потому-то и терпеливый, что атаман. Степан не слышал эти комментарии толпы, но чувствовал их, и это давало ему силы выдерживать пытки молча.

Палач взял раскаленный докрасна металлический прут из костра, показал его толпе. Она вздохнула не без робости. Палач взял другой прут — этот раскалился добела. По подпаленному с обеих сторон телу было проведено несколько раз белым шипящим прутом, пока он не покраснел. Люди лишь удивленно качали головами: такого молчуна они еще не видели на лобном месте!

Видимо, и сам палач слегка удивился: что за человек! Стараешься, стараешься, выдумываешь разные пытки, а он даже не пикнет. Может быть, он уже того... на тот свет отправился? Нет, глаза жизнью горят, грудь могуче колышется.

Опытный палач дал передохнуть Степану, взялся за Фролку. Тот — не успели его пару разочков стегануть кнутом — закричал так, будто это не разбойник, а какая-то избалованная принцесса уколола пальчик колючкой.

Степан так ему и сказал: «Ты что визжишь, как баба, иглою уколотая?! Люди же смотрят. Терпи. Мы со славой жили, со славой и умереть должны!» Он уже смирился со всем, потому и терпел, а толпа ему хорошо ассистировала.

Но Фролке умирать еще не хотелось. Не нужна ему была никакая слава. Он пожить мечтал! Пусть вообще без славы — только бы пожить, просто — пожить. И кричал он, и визжал, и в этом визге было такое огромное желание жить, просто жить, что у некоторых зрителей выступили слезы на глазах. Так иногда ветер безмолвный шалит, никчемную слезу из глаз выбивает. Так голос Фролки разжалобил людей.

Палач, очень обстоятельный человек, вспомнил о Степане, велел помощникам побрить его буйну голову. Атаману понравилась эта процедура, он сказал шутя: «Так ученых людей в попы постригают. И нас, брат, постригли!»

Зачем он говорил эти бодрые слова? Брату хотел помочь осилить пытку? Себя показать? Голос его был равнодушным к смерти. Так не ведут себя живые существа. Все они чувствуют дыхание смерти, все — каждое существо по-своему — реагируют на приближение смерти. Даже у молчаливого барана, которого ведут под нож, глаза быстро грустнеют, ноги слабеют. Даже коровы чуют беду — смерть, еще только приближающуюся к воротам коровника! — и начинают они тревожно мычать, то ли прощаясь, то ли сострадая, то ли что-то вспоминая.

Степан Разин был равнодушен.

Его посадили на скамью, над которой высился сосуд с холодной водой, и началась «китайская пытка». Капля за каплей с интервалом в две-три секунды слетала в одну точку лысой головы Степана. Он молчал. «Китайскую пытку» применяли в Поднебесной со времен учителя Конфуция.

За две с лишним тысячи лет не было ни одного случая, чтобы кто-то выдержал эту пытку. Кому-то хватало двадцати — тридцати капель, и начинал он говорить, причитать. Кто-то сопротивлялся пять минут, кто-то — двадцать. Иной раз и час, а то и полтора держались люди, терпели.

Степан будто бы не реагировал на капли! Он молча смотрел на людей, они с тревогой смотрели на него. Палач понял, что Разина капли не расшевелят, и велел с тоски бить его палками по ногам. Степан молчал.

Показательные пытки закончились.

Через день, 6 июня 1671 года, Степана и Фролку Разиных вывели на лобное место. Был зачитан длинный список преступлений осужденных, а затем и приговор. Степан, выслушав приговор, повернулся к церкви, осенил себя крестным знамением, затем чинно так, степенно поклонился на четыре стороны и сказал людям: «Простите!»

Некоторые его простили сразу же. Кто-то не прощает ему злодеяний по сей день и не простит никогда. Палач, не вникая в подобные рассуждения, велел помощникам положить приговоренного между двух досок, затем отрубил Степану Разину правую руку по локоть, а левую ногу по колено. Атаман и на это внешне никак не отреагировал. Зато взбесился вдруг Фролка, еще мечтавший пожить, крикнул: «Я имею государево слово и дело!»

«Молчи, собака!» — грозно рыкнул Разин, но палач не стал дожидаться перебранки двух братьев и отрубил Степану Разину голову, теперь уже безопасную для всех.

Фролку на лобное место не отправили. По закону его обязаны были выслушать, проверить истину его слов, а уж потом решать — стоило ли его «государево слово и дело» жизни, пусть даже очень простой.

Фролка рассказал слугам Алексея Михайловича о каком-то кладе, якобы очень большом и ценном. О богатствах Степана Разина знали многие, но... никто, даже брат его, не знал о том, где спрятаны сокровища атамана. Несколько раз искали клад по наводке Фролки, но неудачно. Брат Степана Разина нервничал, искренне удивлялся: куда подевался клад? И мечтал о жизни. Царь сжалился над ним, заменил смертный приговор пожизненным заключением, еще целых пять лет Фролка просто жил.

Последние годы Алексея Михайловича

В самый критический момент жизни царя, когда, с одной стороны, осложнились внешнеполитические дела Русского государства, с другой стороны, расширялось восстание Степана Разина на юге, когда экономическое состояние державы было плачевным и никто из монархов Европы даже не обещал помочь русскому царю, стряслась у него беда великая — семейная. 2 марта после родов умерла царица Мария Ильинична. Алексей Михайлович не успел оплакать любимую супругу, как через два дня умерла новорожденная дочь. А еще через три месяца скончался царевич Симеон. А еще через несколько месяцев — царевич Алексей. Судьба нещадно била русского царя, Тишайшего. Многие люди после таких ударов менялись до неузнаваемости. Алексей Михайлович остался самим собой.

В это время он сблизился с Артамоном Сергеевичем Матвеевым, человеком эрудированным, любившим книгу, понимавшим искусство. Артамон Матвеев был начальником Посольского приказа и сумел сделать это административное учреждение своего рода научным центром. Здесь переводились иностранные и писались русские книги. Женатый на шотландке, Артамон Сергеевич первым на Руси осознал превосходство многих иностранных обычаев над доморощенными и, главное, понял великую пользу просвещения и образования на Руси, заметно отставшей в этом отношении от европейских государств.

Подобные же мысли приходили не раз в голову и самому царю. На почве просвещения, понимания его необходимости на Руси произошло столь тесное сближение этого прогрессивных взглядов боярина и русского царя, уже готового к культурному переустройству державы.

Перемены во дворце и в Москве начались с женитьбы Алексея Михайловича на Наталье Кирилловне Нарышкиной. Об этой свадьбе, о самих Нарышкиных сочинено много красивых легенд, передаваемых историками разных поколений. Одну из них цитирует по «Историческому, политическому и статистическому журналу», вышедшему в 1827 году, М. И. Пыляев в своем труде «Старая Москва». Согласно этой легенде Артамон Сергеевич Матвеев проезжал однажды мимо селения Киркино, что в двадцати пяти верстах от города Михайлова, и увидел одиннадцатилетнюю девицу, безутешно рыдавшую у своего дома. Боярин спросил о причине ее горя у соседей. Оказалось, юная девица оплакивала свою девку, «самовольно удавившуюся». Артамон Сергеевич взял плачущую к себе на воспитание и, как впоследствии оказалось, сделал огромнейшую услугу не только доброй девице, но и Алексею Михайловичу, и всему Русскому государству. В селе Киркино еще в XIX веке люди гордо говорили: «Если бы не удавилась девка в Киркине, не быть бы на свете Петру».

По другим данным, признаваемым всеми учеными, Матвеев взял в жены шотландку Гамильтон из Немецкой слободы, при крещении принявшей имя Авдотьи Григорьевны. Он служил «в иноземных полках», стал рейтарским полковником, а по жене «находился в родстве с родом Нарышкиных: это были старинные рязанские дворяне, происходившие от одного крымского выходца в XV столетии. В XVII веке Нарышкины были наделены поместьями в Тарусе»[1].

Таруса, Рязань, Михайлов расположены не так далеко друг от друга, и вполне возможно, что Матвеев оказался в Киркине не случайно, а приехал специально либо проведать родственников жены (Федор Полуэктович Нарышкин «был женат на племяннице жены Матвеева», а у брата Федора, Кирилла Полуэктовича, была дочка Наталья, которая «с одиннадцати-двенадцати лет воспитывалась в доме Матвеева»).

В 1669 году Алексей Михайлович, сорокалетний, еще весьма видный мужчина, к тому же царь, решил жениться во второй раз. Назначили смотрины. Жениху приглянулась Наталья Кирилловна Нарышкина. Но смотрины еще продолжались, и борьба родственников претенденток

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. II. С. 122.

накалилась до предела. Кроме того, Матвеева в Москве боялись и ненавидели многие бояре. Нарышкину ненавидели дочери Алексея Михайловича — почти ровесницы будущей мачехи. Тетки русского царя — «богомольные хранительницы старых порядков» — не раз высказывали отрицательные суждения в адрес Матвеева еще задолго до решения племянника жениться. Старым девам очень не нравились взгляды Артамона Сергеевича, его симпатии ко всему иностранному, променявшего русскую красавицу на какую-то Гамильтон. Когда же Алексей Михайлович остановил свой выбор на Нарышкиной, известной своим доброжелательным отношением к зарубежным веяниям, тетки царя просто обезумели от страха.

Но Тишайший проявил в те трудные месяцы завидное хладнокровие и упорство. Почти два года он присматривался к Наталье Кирилловне, наблюдал за суетой в Кремле, выслушивал родных, и 22 января 1671 года женился на ней.

Боярин Матвеев — теперь уже не только единомышленник, но и родственник царя — стал ему еще и близким другом. В тех случаях, когда Артамон Сергеевич покидал по делам Кремль, царь писал ему добрые письма: «Приезжай скорее, дети мои и я без тебя осиротели. За детьми присмотреть некому...»[1]

30 мая 1672 года Наталья Кирилловна родила сына Петра. Алексей Михайлович был очень рад, это было всем заметно по тому, как усилилось влияние супруги на царя.

Царица смело крушила старые обычаи, ездила по городу в открытой карете, внесла перемены в кремлевский быт. Рядом с ней менялся и сам Алексей Михайлович: около двадцати иностранных газет и журналов начало поступать в Москву, если раньше любимым «развлечением» души его были церковные торжества, крестные ходы, то теперь он при дворе завел театр — дело неслыханное для Руси. В селе Преображенском была сооружена «комедийная хоромина», а потом и в Кремле «комедийная палата». Это была сцена в виде полукружия, с декорациями, занавесом, оркестром, состоявшим из органа, труб, флейт, скрипки, барабанов и литавр. Царское место, обитое красным сукном, находилось на возвышении, за ним была галерея с решеткой для царского семейства и места в виде полукружия для бояр, а боковые места предназначались для прочих зрителей. Директор театра, по царскому приказанию, набирал детей из Новомещанской слободы, заселенной преимущественно малороссами, и обучал их в особой театральной школе, устроенной в Немецкой слободе»[2]. Театральные представления очень нравились царю, царице и боярину Матвееву. Репертуар был самый разнообразный. Уже в 1675 году во время масленицы на театре даже давали балет. Главным действующим лицом спектакля был Орфей. Балет. Масленица. Орфей.

Россия, сдерживаемая до сих пор всем ходом внутренних и внешних событий, прорывалась из средневековой Московской Руси в Российскую империю нового времени. Что нужно ей было для резкого, стреми-

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. II. С. 123.
[2] *Там же.*

тельного ускорения? Раскованность, свойственная гениям балета. Удаль уверенного в себе человека, которая на Руси очень хорошо видна в глазах подгулявших на масленице людей. И идея, не Орфеева, конечно, а своя — но столь же мощная.

Думал ли об этом царь на просмотре спектакля, от которого у яростных сторонников русской старины сводило от злобы скулы, сказать трудно. Но предприятие его — открытие театра в Москве, в Кремле, неподалеку от Успенского собора — явление из ряда вон выходящее даже с точки зрения многих сторонников преобразований, которые горой стояли за всевозможные промышленные перевороты и революции.

Кроме театра выстроили при Алексее Михайловиче, еще в 1664 году, в Китай-городе Большой Гостиный двор. Пытался он обновить и обветшалые стены Кремля. Для этого известному печнику Куземке Кондратьеву повелели в 1647 году построить кирпичный завод. Мастер соорудил за Даниловским монастырем в сараях печь для обжига кирпича по немецким образцам, но работы по ремонту стен Кремля начались лишь в 1658 году. А еще через восемь лет «стены и башни снова обветшали». Этот факт, между прочим, говорит о том, что русские мастера плохо справились со своей задачей. То ли денег у них не хватило, то ли мастерства.

В 1666 году по городам страны из Кремля отправились гонцы с государевыми грамотами, в которых всем каменщикам приказано было явиться в столицу. Царь задумал провести восстановительные работы в Кремле, в Китай-городе и в Белом городе. Он издал указ о том, что на территории Кремля, Китай-города и Белого города разрешается возводить только каменные здания и постройки. Кирпич на строительство выдавали из Приказа Большого дворца, деньги за него хозяева выплачивали в казну с рассрочкой, в течение десяти лет. Те, кто не имел возможности возводить дорогостоящие кирпичные дома, обязаны были ограждать свои дворы каменными оградами.

«Форма деревянных домов в старину была четвероугольная; особенность русского двора была та, что дома строились рядом с воротами, а посредине от главных ворот пролегала к жилью дорога. Вместо того, чтобы строить большой дом или делать к нему пристройки, на дворе сооружали несколько жилых строений, которые носили название хором, постройки были жилые, служебные или кладовые, носили наименование: избы, горницы, повалуши, сенники.

Изба была общее название жилого строения. Горница, как показывает само слово, было строение горное, или верхнее, надстроенное над нижним, обыкновенно парадное, чистое, светлое, служившее для приема гостей; повалуши в старину служили для хранения вещей; сенником называлась комната холодная, часто надстроенная над конюшнями и амбарами; служила она летним покоем, необходимым во время свадебных обрядов.

В зажиточных домах окна делали большие и малые; первые назывались красными, а в каменных зданиях они были меньше, чем в деревянных. Изнутри окна заслонялись втулками, обитыми красными материями, а с наружной стороны закрывались на ночь железными ставнями,

особенно в каменных домах; вместо стекол употребляли чаще слюду; стекла исключительно доставлялись из-за границы и для окон преимущественно употреблялись цветные.

Внутреннее расположение боярского дома старого времени, как и убранство горниц, было крайне неприхотливое; все стены, кроме капитальных, рубились деревянные, мебель самая простая: широкие лавки по стенам, постланные у богатых азиатскими коврами, большой дубовый стол, такие же передвижные скамьи, поставец с посудою, кровать с пологом, наконец выложенная затейливыми узорами печь с лежанкою, топившаяся из сеней и развалисто выдвигавшаяся на первый план горницы; ни зеркала, ни картины не украшали горниц до половины XVII века; первые зеркала явились в Москве у боярина Артамона Сергеевича Матвеева в 1665 году; картины гравированные и живописные явились в тех же годах»[1].

«Московский двор никогда не был так пышен, как в век тишайшего царя. Царь окружен был величайшим блеском во всех придворных выходах и торжественных появлениях пред народом...»[2]

Столица тех времен и ее окрестности еще славились своими садами и питомниками плодовых деревьев, а в родовой вотчине Романовых, селе Измайлове, сад состоял сплошь из лекарственных и хозяйственных растений.

«По берегу речки Серебровки, против деревянного дворца... на тридцать три сажени простирался регулярный сад, от которого и теперь, — как пишет М. И. Пыляев, — остались еще следы — кустарники шиповника, барбариса, крыжовника и сирени. Позади дворца был посажен царем Алексеем Михайловичем виноградный сад на пространстве целой версты, где разводились лозы виноградные, а также росли разных сортов яблони, груши, дули, сливы, вишни и другие заморские деревья»[3].

Согласно легендам, сам Алексей Михайлович посадил здесь липовую аллею, по которой позже любил гулять со своими наставниками и воспитателями царевич Петр.

Историки считают, что в царствование Алексея Михайловича жили в Москве гораздо свободнее, чем прежде.

Иностранные писатели тоже оставили о нем благоприятные отзывы:

«Нрав его истинно царский: он всегда важен, великодушен, милостив, благочестив, в делах государственных сведущ и весьма точно понимает выгоды и желания иностранцев.

Большую часть дня употребляет он на дела государственные, немало также занимается благочестивыми размышлениями и даже ночью встает славословит Господа песнопениями; на охоте и в лагере бывает редко, посты, установленные церковью, соблюдает строго.

В напитках очень воздержан и имеет такое странное обоняние, что даже не может подойти к тому, кто пил водку. Благотворительность царя распростирается до того, что бедные почти каждый день собираются ко дворцу и получают деньги целыми горстями, а в большие праздники

[1] *Пыляев М. И.* Указ. соч. С. 256 — 257.
[2] *Там же.* С. 266.
[3] *Там же.* С. 158.

преступники освобождаются из темниц и сверх того еще получают деньги»[1].

«Истинно достойно удивления, — продолжает М. И. Пыляев, — то, что облеченный высшею неограниченной властью над народом, преобыкшем безмолвно повиноваться воле своего владетеля и всяким действиям оной, царь сей никогда не позволял себе оскорблять кого-либо из своих подданных как лично, так и в имуществе или чести их. Хотя, подобно всем великим людям с живыми чувствами, он подвержен иногда порывам гнева, но и тогда изъявление оного ограничивается несколькими ударами или толчками».

Это качество подмечают в царе почти все историки. «Алексей Михайлович принадлежал к тем благодушным натурам, которые более всего хотят, чтобы у них на душе и вокруг них было светло: он не способен был к затаенной злобе, продолжительной ненависти и потому, рассердившись на кого-нибудь, по вспыльчивости мог легко наделать ему оскорблений, но скоро успокаивался и старался примириться с тем, кого оскорбил в припадке гнева»[2].

По-видимому, стране в тот бунташный век действительно больше подходил царь Тишайший, чем, скажем, Грозный, Гордый или, например, Бунташный...

Первого сентября 1674 года в Успенском соборе царь «объявил» народу своим наследником царевича Федора. По этому случаю были знатный пир и богатые дары и щедрые пожалования.

А 29 января 1676 года Алексей Михайлович умер.

Основные события жизни Алексея Михайловича Романова

1629 год. 10 марта у царя Михаила Федоровича и Евдокии Лукьяновны Стрешневой родился сын Алексей.

1634 год. До пятилетнего возраста Алексей находился «на попечении у царских мам». После этого его воспитателем и учителем стал Б. И. Морозов.

1636 год. Алексей Михайлович научился писать.

1638 год. Царевич Алексей стал обучаться церковному пению.

1643 год. Четырнадцатилетнего Алексея Михайловича «торжественно объявили народу».

1645 год. 13 июня после смерти отца Алексей Михайлович воссел на московский престол.

1646 год. Указом царя и постановлением бояр 7 февраля в стране была установлена новая пошлина на соль с целью упорядочить торговлю этим важным продуктом. Результат оказался неожиданный: соль подорожала в полтора раза.

1647 год. В Москве издан перевод немецкой книги «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей».

---

[1] Воспоминания Рейтенфельса в кн.: *Пыляев М. И.* Старая Москва. М.: Московский рабочий, 1990. С. 299 — 300.

[2] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. II. С. 81.

Алексей Михайлович решил жениться. Избранницей его стала дочь Рафа Всеволжского. Но вскоре царь отказался от нее, видимо, не без влияния Морозова.

1648 год. 16 января царь женился на Марии Ильиничне Милославской, а Морозов — чуть позже — на ее сестре Анне Ильиничне.

25 мая вспыхнул так называемый соляной бунт в Москве. Новая пошлина в том же году была отменена.

В октябре в столице был созван Земский собор, утвердивший новое Уложение.

1649 год. Правительство уничтожило на радость русским купцам английские компании, разрешило англичанам торговать только через Архангельск и при условии выплат торговых пошлин.

1650 год. В феврале вспыхнул бунт в Пскове.

В марте вспыхнул бунт в Новгороде.

Восстание в Новгороде было подавлено. В Пскове дело обстояло гораздо сложнее: посланный в Псков князь Хованский с войском не смог миром успокоить людей.

26 июля в Москве был созван Земский собор, на котором решалась псковская проблема. Только после того, как бунтовщики поняли, что Земский собор обвиняет их, хотя и стоит за мирные средства решения спорных вопросов, ситуация в Пскове стала нормализоваться. Большую роль в усмирении мятежников сыграл Никон, в то время митрополит Новгородский.

1652 год. 25 апреля Никон был посвящен в патриархи, с тех пор он стал оказывать большое влияние на государственные дела.

Все иноземцы, проживавшие в Москве, были выселены в Иноземную, или Немецкую, слободу.

1653 год. Богдан Хмельницкий, проигравший войну с Польшей, обратился за помощью в Москву.

1 октября в Москве созван Земский собор, постановивший принять в подданство казаков.

На Земском соборе была объявлена война Польше.

1654 год. Алексей Михайлович, помолившись в Троице, 18 мая во главе войска отправился в поход на Смоленск. Война для русских началась более чем успешно. Поляки сдали Смоленск, «вся Литва покорилась царю; Алексей Михайлович титулован великим князем литовским», Польша была на краю пропасти. Выручили ее западные державы и Швеция.

1655 год. Весной царь вновь отправился в польский поход, и вновь были победы. Но Польшу частично представлял теперь шведский король Карл X, захвативший Познань, Варшаву и Краков, что усилило военный потенциал поляков.

Власть Москвы признали калмыки.

1656 год. В середине июля Алексей Михайлович пошел с войском в Ливонию, взял несколько городов, осадил Ригу, но 26 августа снял осаду, узнав о возможном продвижении Карла X в Ливонию.

24 октября между Польшей и Русским государством заключено перемирие.

Нехватка серебра вынудила правительство выпустить медные деньги. Из-за обесценивания денег и деятельности фальшивомонетчиков вспыхнул так называемый медный бунт.

1657 год. После смерти Богдана Хмельницкого гетманом Украины стал Иван Выговской, изменивший Москве. Казаки вскоре изгнали Ивана, поставили на его место Юрия Хмельницкого. Но тот, не выдержав борьбы, постригся.

1658 год. Издан закон, согласно которому приговаривались к смертной казни вышедшие из посада. Такими вот методами приходилось прикреплять к посадам городской люд.

Никон покинул патриарший престол.

1659 год. Польша объявила Москве войну, нанесла русским настолько серьезные поражения, что Алексей Михайлович подумывает об отъезде в Нижний Новгород.

1662 год. Безуспешно закончились переговоры с курляндским правительством о разрешении построить московские гавани в курляндских землях.

1664 год. В начале года поляки потерпели поражение в сражении при Глухове.

1666 год. В Москве Земский собор, рассмотревший взаимоотношения светской и церковной властей, признал безусловное главенство первой.

1667 год. 13 января в деревне Андрусово заключено перемирие между Польшей и Русским государством на тринадцать лет. Москва приобрела Смоленск, Северскую землю, Левобережную Украину и на два года Киев.

Побывав во время войны в разных городах, Алексей Михайлович, вернувшись в Москву, стал менять обстановку в Кремле. В покоях дворца появились обои (золотые кожи), немецкая и польская мебель и одежда.

На Дону началось восстание Степана Разина. Казаки осуществили поход на Волгу и Яик.

Издан новоторговый устав, «составленный в интересах высшего московского купечества».

1668 год. Осажден Соловецкий монастырь, монахи которого отказались вводить новшества, навязываемые реформой Никона. Осада продолжалась около восьми лет.

1668 — 1669 годы. Степан Разин ходил по Каспийскому морю в Персию.

1669 год. В селе Дединово Коломенского уезда голландцы построили для русских корабль «Орел». На следующий год его сжег Разин.

4 марта умерла М. И. Милославская.

1670 год. Весной казаки захватили власть на Дону.

Степан Разин в октябре потерпел поражение под Симбирском, бежал на Дон, где его приняли с прохладцей, а вскоре сами казаки, согласно некоторым легендам, выдали атамана.

В Москве появился театр.

1671 год. Восстание перекинулось на Среднее Поволжье, Заволжье, на Тамбовщину, Слободскую Украину.

6 июня Степан Разин казнен в Москве.

22 января Алексей Михайлович женился на Наталье Кирилловне Нарышкиной.

1674 год. 1 сентября в селе Преображенском царь «объявил» сына Федора народу как наследника московского престола.

1676 год. 29 января Алексей Михайлович скончался.

Патриарх Никон

В мае 1605 года в небольшом селе Альеминове неподалеку от Нижнего Новгорода в семье крестьянина Мины родился сын Никита. Мать новорожденного вскоре умерла, отец женился во второй раз, в дом Мины вошла мачеха с детьми от первого брака, и началась для мальчика Никиты суровая жизнь. Если верить написанному Шушерой Житию патриарха Никона, то мачеха была из той породы женщин, о которых даже самые грозные мужчины ни думать, ни тем более писать не могут без внутренней робости и тщательно скрываемой радости: «Как хорошо, что меня миновала участь сия!» Никиту судьба «наградила» лютой мачехой. Она часто била мальчика до крови, кормила его одним хлебом, всячески выгораживала своих детей, баловала их лакомыми кусочками... То была мачеха!

Мина знал, как сурова и несправедлива вторая жена к Никите. Мальчик не раз в отчаянии жаловался отцу. Тот, человек по натуре добрый, ругал жену, та по-бабьи отфыркивалась, супила брови, ждала момент, дожидалась и била Никиту без жалости. Мина, не сдержавшись иной раз, тоже бил жену. Она выла под крепким мужским кулаком и мечтала о мести. Мстить мужу в открытую баба опасалась: хоть и незлой был Мина человек, но в сильном раздражении он мог крепкой рукой и душу из нее выбить.

Стерпев побои, мачеха отыгрывалась на Никите. Однажды он подошел к погребу, хотел забраться туда да поесть что-нибудь. Есть хотелось Никите постоянно, он полез в погреб не за чужим добром — за своим, за отцовским. Но мачеха подбежала к нему и с силой, по-бабьи наотмашь ударила голодного пасынка, и тот свалился в погреб, ушибся головой, потерял сознание, едва выжил. Мина колотил ее, да не слишком сильно — не потеряла она сознание, лишь выла да взвизгивала, терпела, ждала.

Несколько месяцев ждала она, терпела. Зима пришла снежная, лютая. Детям — радость, да не всем! Никита почти не выходил на улицу: одежда была у него плохонькая, старая. Не держала она тепло.

Однажды мальчик залез от холода в печь погреться. Вернулась в избу мачеха, догадалась, где находится пасынок, наложила в печку дров, зажгла огонь. Никита закричал что есть силы, а мачеха будто оглохла — ничего не слышит. Спасла его в тот день бабушка. Пришла она в избу, услышала отчаянный крик, извлекла дрова из печи.

Вскоре отец отдал Никиту учиться грамоте. Мальчик оказался способным и любознательным. Он быстро научился читать, но этого ему

показалось мало, и Никита ушел в монастырь Макария Желтоводского, где под руководством одного мудрого старца стал изучать книги Священного писания.

В житии Никона сказано, что однажды известный в окрестностях монастыря гадатель сказал ему, простолюдину, что он будет великим государем Российского царства. Сам Никита о царствах в те годы не думал. Он продолжал усердно читать книги и мечтал о скромном служении церкви. Прошло несколько лет. Однажды в монастырь прибыл человек и сказал Никите, что его ждет отец, что бабушка его тяжело больна. Никита отправился домой, а там его ждали сразу два горя: сначала умерла бабушка, затем — уставший от жизни суровой и отец его, к тому времени уже дважды вдовец. Никита, видный юноша, по сельским меркам, небедный человек, женился, был посвящен в приходские священники. Службу он знал прекрасно, жена досталась ему добрая — казалось, судьба изменила свое отношение к этому незлому, упорному, талантливому двадцатилетнему юноше.

О начитанности священника Никиты узнали московские купцы, предложили ему перебраться в Москву. Никита согласился. Счастливая семейка переехала в столицу, которая могла стать для молодого служителя церкви золотой рыбкой или палочкой-выручалочкой, доброй феей или волшебной щукой...

Но Москва стала для этого человека пожизненным испытанием. Она испытывала его смертью и властью, золотом и опалой, лестью и презрением, дружбой и изменой, славой и временем.

Время патриарха Никона

В 1613 году, когда Никите, сыну Мины, было всего восемь лет, в России воцарилась династия Романовых и начался период в истории страны, который кто-то называет бунташным веком, кто-то — боярским веком, кто-то — временем первых Романовых.

С некоторыми оговорками период истории России с 1613-го по 1682 год вполне можно назвать и патриаршим: уж очень заметно было влияние Филарета и Никона на внутреннюю и внешнюю политику монархов. Какая же из сил — народно-бунтарская, боярская, монаршая или патриаршая — была доминирующей в те сложные десятилетия?

Динамика и энергетическая насыщенность событий того времени говорят о том, что таковой силы не было, что время Никона именно тем и отличается от предыдущей и последующей истории Русского государства, что движущей силой являлась сила сложная, представляющая собой сумму всех вышеперечисленных сил: народа, уже окончательно поверившего в царя-батюшку, боярства, мечтавшего ограничить всевластие монарха, духовенства, наконец-то всерьез решившего реализовать мощный экономический, моральный, духовный потенциал православной церкви, и монархов, получивших у всего народа огромный кредит доверия, но оказавшихся между двух могучих сил — боярства и духовенства. Эти две силы упорно сдерживали исторически объективное движение России к империи, которая могла существовать только в виде абсолютной монархии.

Если рассматривать жизнь и дело Никона с политической точки зрения (а он был прежде всего политиком), то станет очевидной его попытка вывести Русскую православную церковь к вершинам власти, то есть создать по примеру Римской Священную Русскую империю во главе с патриархом Московским, под руководством которого православная церковь начала бы играть в светской жизни главную роль, стала бы регламентировать духовную жизнь частных лиц и определять внешнюю и внутреннюю политику страны.

Но логика развития Русского государства в XVII веке была несколько иной, чем она представлялась Никону-политику.



Первое серьезное решение

Москва испытала Никиту смертью. Умер первый его ребенок. Оплакали, отпели, похоронили, помянули. Чувствительный священник смирился с судьбой: Бог дал, Бог взял. Вскоре умер второй ребенок Никиты... Бог дал, Бог взял, ему виднее. Никита и эту незаживающую боль души стерпел, но и третий ребенок его умер! Оплакали, отпели, похоронили, помянули. Бог взял. Смерть третья заставила священника призадуматься. Никите показалось, что Бог повелевает ему покинуть людей с их мирскими заботами и уйти в монастырь. Получив откровение свыше, он рассказал о нем жене, уговорил ее постричься. Она, убитая горем, легко поверила, что там будет лучше.

Муж дал за нее в московский Алексеевский монастырь вклад, она постриглась, а сам он, тридцатилетний, сильный, волевой, ушел в Анзерский скит, что на далеком Белом озере. Остров пустынный был, лишь несколько крохотных изб встречалось изредка то там, то здесь.

Священник Никита постригся в Анзерском ските и принял имя Никона. В избушке ютился он, по субботам ходил молиться в церковь. Царь присылал монахам скита ежегодное небольшое жалованье, рыбаки выделяли им часть улова. Бедно жили монахи, но на судьбу не жаловались — сами избрали себе долю свою.

Старец Елиазар, главный в ските, взял с собой в Москву Никона — задумал старец собрать милостыню для новой церкви. Много денег собрали они. Деньги и рассорили Елиазара с Никоном. Появилось между ними недоверие, оно росло... и Никон однажды покинул скит, перебрался на небольшом судне, забредшем в эти края, в Кожеозерскую пустынь. Жизнь на островах Кожеозера еще суровее была. Никон отдал в монастырь последнее свое богатство — две священные книги, поселился на самом отдаленном острове, подальше от людей, поближе к Богу.

Рыбу он ловил, рыбой питался да хлебом, да Богу молился и был доволен жизнью своею, успокоился вдали от людей. Но люди вдруг вспомнили о нем, явились на отдаленный остров, попросили Никона быть игуменом Кожеозерской пустыни. И он согласился. Было ему в то время тридцать восемь лет. Возраст серьезный. Особенно для монаха, бежавшего от мирских соблазнов, от всего людского к Богу.

Шаг ответственный и труднообъяснимый. Быть может, вспомнил Никон предсказания сельского гадателя и захотелось ему славы? Зачем, в самом деле, монаху, отрешившемуся от мира, власть, пусть небольшая, но все же? Любая власть — даже над монахами — это дело мирское. С бытовыми дрязгами, с борьбой. Зачем монаху Кожеозерской пустыни борьба?

В 1646 году Никон прибыл, как того требовал этикет и обычай, в Москву на поклон к новому царю Алексею Михайловичу, и с этого момента начался его стремительный взлет. Молодому царю очень понравился игумен, он оставил его в столице и повелел патриарху Иосифу посвятить Никона в архимандриты Новоспасского монастыря.

Алексей Михайлович часто вызывал к себе во дворец Никона, подолгу беседовал с ним. Никон много знал, мог проникновенно и искренне говорить о волнующих его проблемах. Добросердечный царь умиленно слушал его, не замечая и не желая замечать, как быстро растет авторитет архимандрита, власть его над ним, монархом. О дружбе Никона и Алексея Михайловича слух понесся по Москве. К бывшему пустыннику шли люди с просьбами, и он охотно передавал их царю. Тот столь же охотно исполнял его просьбы. Слава о Никоне, добром защитнике обиженных, распространилась далеко за пределами Москвы.

В 1648 году, когда скончался новгородский митрополит Афанасий, царь Алексей Михайлович возжелал видеть в этом сане, втором по значению в Русской церкви, своего любимца Никона, которого иерусалимский патриарх Паисий, оказавшийся по случаю в Москве, и рукоположил.

Полностью доверяя новому новгородскому митрополиту, монарх поручал ему заниматься помимо церковных дел еще и делами мирскими. Данный факт русской истории можно объяснить лишь неосведомленностью молодого царя в истории взаимоотношений светской и духовной властей в Русском государстве.

Они после поездки во Флоренцию митрополита Исидора, сторонника унии с папской церковью, в тридцатые годы XV века обострились. Великий князь московский Василий II Васильевич некоторое время поддер-

живал политику Исидора, считая, что уния даст возможность Русской церкви освободиться от навязчивой опеки константинопольского патриарха. Он устроил митрополиту торжественные, пышные проводы, не пожалел при этом богатых подарков для папы римского. Посланник вернулся из поездки и зачитал Василию II папскую грамоту — своего рода призыв к великому князю московскому быть митрополиту всея Руси «помощником усердным всею мышцею» за скромную награду в виде «папского благословения и хвалы и славы от людей»[1].

Тут-то прозрел сердцем Василий II Васильевич! Под пятою у Исидора, у любого другого митрополита всея Руси ему, потомку Владимира Мономаха, Ивана Калиты и Дмитрия Донского, быть не хотелось. Исидора объявили «неистовым и дерзновенным» еретиком, сместили с должности митрополита всея Руси. С еретиком в те века не церемонились. Исидор, понимая это, вовремя сбежал от жестокой расправы в Литву. Светская власть в лице Василия II продемонстрировала твердое намерение управлять Русской церковью. В дальнейшем соперничестве между князьями и митрополитами, царями и патриархами неуклонно росло преимущество представителей светской власти.

Вскоре после опалы Исидора константинопольский патриарх принял унию. В Москве называли сей акт отступлением от веры, иномудрствованием и приближением к латинянам. Василий II, однако, написал патриарху очень дипломатичное письмо с просьбой разрешить «свободно нам сотворить в нашей земле поставление митрополита». Ответа князь не дождался, но отступать от поставленной цели он не мог. Василий II повелел епископам поставить митрополитом всея Руси Иону, созвал в 1448 году Собор в Москве. На этом важном форуме лишь два человека, епископ Боровский Пафнутий и боярин Василий Кутузов, указали на незаконность задуманного акта. По повелению Василия II их заключили в «оковы». Больше желающих очутиться в темнице не нашлось. Иону единогласно избрали митрополитом. А через одиннадцать лет, в 1459 году, созванный великим князем московским Собор узаконил и закрепил соборной клятвой этот порядок избрания митрополита всея Руси. Василий II перехватил инициативу у духовной власти, но, как говорилось выше, она была еще очень сильна, материально подкреплена и авторитетна, чтобы считать эту проблему разрешенной, а борьбу между светской и духовной властями законченной.

Надо отдать должное представителям той и другой сторон: боролись они за свои идеи решительно, но при этом не предавая высшие интересы государства, а многие ставленники московских князей и царей верой и правдой служили им, преследовали, как, например Иона, «всеми мерами церковной репрессии крамольных князей и бояр, анафемствовали их и требовали от епархиальных епископов строгого проведения анафемы». Хотя были и такие, как новгородский владыка Евфимий, который «отказался применить репрессии против крамольного и отлученного от церкви Шемяки, скрывшегося в Новгороде»[2].

---

[1] *Никольский Н. М.* История Русской церкви. М.: Политиздат, 1983. С. 109.
[2] *Там же.* С. 110 — 111.

Мощный удар по экономическому потенциалу Православной русской церкви нанес, как говорилось выше, Иван IV Васильевич. А если посмотреть внимательнее, то и Грозный царь, и все другие российские монархи всеми способами старались приподнять авторитет Русской православной церкви в глазах соотечественников и чужеземцев. Естественно, как церкви, подчиненной самодержцу. В 1588 году константинопольский патриарх Иоаким лично прибыл в Москву, чтобы учредить Московскую патриархию, признав тем самым Русскую церковь автокефальной. А в 1589 году был избран первый патриарх всея Руси Иов.

«Московская церковь стала национальной, со своим независимым от греков главою, со своими святыми, со своим культом, значительно отличавшимся от греческого, даже своей догматикой, установленной на Стоглавом соборе»[1]. К этому следует добавить, что Русская церковь в течение многих веков проводила богослужения по рукописным книгам — переводам с древнегреческих книг, исполненных разными авторами. Эта последняя, казалось, незначительная уникальность Русской церкви сыграла в XVII веке огромную роль в жизни Российского государства, став поводом к драматическому явлению русской жизни — церковному расколу. Но о расколе — чуть позже. После сокрушительных ударов Грозного по материальной базе духовенства, постановления московского правительства в 1580 году, запретившего монастырям давать «вотчины на помин души и предписывалось вместо этого делать денежные вклады, а также вообще запрещалось церковным лицам и учреждениям покупать и брать в залог земли»[2], победа светской власти над властью духовной была близка.

Но наступило время правления Федора Ивановича при фактическом правлении Бориса Годунова, который в жестоком политическом цейтноте не мог четко отслеживать исполнение вышеупомянутого закона. Затем наступило Смутное время, а затем — царствование Михаила Федоровича при фактическом правлении его матушки, а позже — патриарха Филарета. В эти годы постановление 1580 года бездействовало, а значит, церковь продолжала укреплять свои экономические позиции.

Боярство и царь постоянно держали под контролем патриарха, но до середины XVII века церковь еще могла стать самостоятельной силой, неподвластной боярам и самому царю, и вряд ли полностью справедливо мнение академика Н. М. Никольского, утверждавшего, что, «приобретя новый, более ослепительный, чем раньше, внешний блеск, церковь в области управления и даже культа превратилась, в сущности, в один из московских приказов»[3]. Если бы это было так, то в 1649 году при составлении Соборного уложения не нужно было бы уделять столь огромного внимания церковным делам и постановлять в главе XVII, ст. 42: «Патриарху и митрополитом и архиепископом и епископом, и в монастыри ни у кого родовых, и выслуженных и купленных вотчин не покупати, и в заклад не имати, и за собою не держати, и по душам в вечный поминок

---

[1] *Никольский Н. М.* Указ. соч. С. 110.
[2] *Там же.* С. 115.
[3] *Там же.* С. 114.

не имати никоторыми делы; и в поместном приказе за патриархом и за митрополиты, и за архиепископы, и епископы, и за монастыри таких вотчин не записывати; а вотченником никому вотчин в монастырь не давати; а кто и напишет вотчину в монастырь в духовной, и тех вотчин в монастыри по духовным не давати, а дати в монастырь родителем (родственникам) их деньги, чего та вотчина стоит или что умерший вотчине цену напишет в духовной; а буде кто с сего уложения вотчину всю родовую или выслуженную, или купленную продаст или заложит, или по душе отдаст патриарху, или митрополиту, или архиепископу, или епископу, или в который монастырь, и ту вотчину взяти на государя безденежно и отдать в раздачу челобитчиком, кто о той вотчине государю учнет бить челом»[1].

Это хорошо, что до наших дней дошли законы Хаммурапи и законы хеттов, Синайское законодательство и законы Ману. Законы — путеводители не только для тех, кому они адресованы, своего рода правила движения жизни, но и богатейшая информация для размышляющих людей. Почему в Соборном уложении 1649 года дана эта статья? Потому что все, что в ней запрещалось, имело место на практике. А подобная практика, нужно еще раз подчеркнуть, материально усиливала церковь. Поэтому бояре и царь решили секвестировать доходы своего политического (очень серьезного!) оппонента. А значит, утверждение М. Н. Никольского о церкви в XVII веке, мягко говоря, не состоятельно. Если бы церковь являлась по своему статусу одним из московских приказов, то хватило бы вполне двух-трех словесных или письменных повелений монарха, чтобы урезать и материальное положение этого приказа, и его влияние на жизнь страны, а то и просто ликвидировать этот приказ за ненадобностью. Но церковь приказом не была и быть не могла! Она являлась одной из трех ветвей власти. Она мечтала о большем. Эти мечты имели под собой мощное основание, реальную опору. Именно поэтому в Соборном уложении 1649 года вышли статьи, конечной целью которых было размывание этой опоры.

Приведенная статья Соборного уложения говорит еще и о том, как мудро относились русские законодатели к двум основным богатствам страны: к земле и к народу. Деньги церковь могла собирать с населения. Но ей строжайше запрещалось собирать земли и людей, обрабатывающих землю. В этом законе, кроме всего прочего, предусмотрительно установили «в качестве общей меры для всех клириков, не только монастырских, но и всех прочих, одинаковую подсудность со всеми остальными людьми по всем недуховным делам»[2], что, естественно, уменьшило доходы церкви. Более того, в 1650 году был создан Монастырский приказ, составленный из светских людей.

Митрополит Новгородский Никон отнесся к Соборному уложению отрицательно, назвав его с присущей ему прямотой «бесовским».

В 1649 году он в Новгороде помогал нищим одолеть голод, выделил в своем митрополичьем дворе отдельное помещение, где ежедневно

[1] *Никольский Н. М.* Указ. соч. С. 116.
[2] *Там же.*

кормили обездоленных, а один блаженный выдавал кроме этого нищим по куску хлеба. В воскресные дни он от имени митрополита выдавал каждому нищему деньги.

Слава о Никоне-нищелюбце разошлась по всей Новгородской земле. Люди были благодарны ему. И не было среди нищих у Никона врагов. Память нищих не только крепкая и прочная во времени, она имеет чудесное свойство пронизывать невидимыми нитями всех людей — богатых и бедных. И удивительного в этом ничего нет. От сумы и от тюрьмы не зарекались во все времена и во всех странах мира. И на Руси тоже. В глубинах душ людских таился и таится, и не исчезнет во веки веков этот подспудный страх: не тюрьмы бы, да не сумы бы — а все остальное притерпится, сможется, выдюжится. Никон был искренен, помогая нищим. О славе он в тот год не думал, но слава его уже родилась, и не почувствовать ее он не мог.

Узнав о Соборном уложении 1649 года, Никон сделал, быть может, первый крупный, серьезный политический шаг, назвав по сути выдающийся документ «бесовским». Друг царя не мог так называть дело, в котором Алексей Михайлович был чрезвычайно заинтересован. Но Никон поступился дружбой, дружеским расположением к себе монарха, который, однако, внешне не отреагировал на «грубость» митрополита.

Впрочем, уже в тот год в Новгороде, да и в Москве, у Никона были серьезные враги — потомственные, связанные местническими обычаями бояре, которым очень не нравилось резкое возвышение бывшего кожеозерского монаха, его неземная тяга заниматься помимо церковных делами мирскими, давать царю советы.

Уже в Новгороде стало ясно, что Никона не любят подчиненные. Слишком уж строг был митрополит. Странно он вел себя. Нищих привечал, и они, благодарные, разносили по Новгородской земле, по Русскому государству о нем добрые вести. Вести нищих. Подчиненных не миловал, заставляя исполнять богослужение со всей строгостью. Может быть, поэтому у него были замечательные певчие, которых он возил в Москву. Их слушал Алексей Михайлович, и слезы умиления согревали душу русского царя.

В 1650 году в Новгороде взбунтовался люд. Такое часто случалось в этом краю и раньше. По-разному гасились взрывы недовольства. Никон, слишком уверенный в себе, наложил проклятье на всех горожан, проявив в этом деле полную политическую беспомощность. Ни один бунт, ни одно, даже самое массовое, восстание не втягивает в свои водовороты весь народ, лишь часть его. Это Никону нужно было учитывать. Он учитывал только желание своего искреннего разума, холодного, упрямого. Узнав о незаслуженном проклятии, взбунтовался уже весь город. А что же не бунтовать — все одно прокляли!

Бунтовщики избрали себе в главари некоего Жеглова, которого Никон отправил из своих приказных людей в опалу. Это говорит о том, что новгородцы наотрез отказали в доверии царскому любимцу.

В Москву прибыли письма от противоборствующих сторон. Бунтовщики обвиняли Никона в жестокости, мздоимстве, пытках. Тот писал о том, что мятежники избили его, он харкает кровью, лежит и в ожидании

смерти даже соборовался. Царь принял сторону митрополита. Бунт не затихал. И наконец Никон, получив великолепный политический урок, посоветовал Алексею Михайловичу простить новгородцев.

Бой с жителями великого города он проиграл, но это обстоятельство не повлияло на отношение всего русского народа к нищелюбивому митрополиту. Ведь, оказывая помощь голодным, Никон как бы помогал всей русской нищей братии, а накладывая проклятье на всех бунтовщиков, митрополит боролся лишь с новгородцами, о которых по Руси издавна ходила недобрая слава мятежного вольного люда. В глазах всего русского народа Никон себя не скомпрометировал. И авторитет его в глазах царя продолжал расти.

В 1651 году Никон, оказавшийся по случаю в Москве, посоветовал монарху перенести мощи митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в столицу. С одной стороны, дело могло показаться обычным. В конце концов не так давно до этого совета в Москву из Польши был доставлен гроб Василия Шуйского. Но дело, предложенное царю Никоном, обычным не было. «Оно должно было внушить в народе мысль о первенстве церкви и о правоте ее, а вместе с тем обличить неправду светской власти, произвольно посягнувшую на власть церковную»[1]. Молодой царь не испугался этого, Никон отправился в Соловецкий монастырь с грамотой, в которой «живущий на земле царь обращался к «небесному жителю».

Во время путешествия Никона в Москве скончался патриарх Иосиф. Алексей Михайлович не видел в своем окружении верного духовного деятеля, способного возглавить патриаршую кафедру, кроме своего любимца. Тот долго отказывался от предложенной ему чести. Царь в Успенском соборе при большом стечении народа стал низко кланяться Никону, умолял со слезами на глазах принять патриарший сан. Но Никон был строг и сдержан. Он уже поверил в правдивость предсказания сельского гадателя в далеком детстве. Он хотел стать российским царем. Алексей Михайлович, не зная о грандиозных замыслах Никона, лил горькие слезы, просил его.

«Будут ли меня почитать как архипастыря и отца верховнейшего и дадут ли мне устроить церковь?» — грозно спросил молодого царя пожилой уже митрополит. Все в Успенском соборе низко поклонились ему: все-то мы сделаем, как ты хочешь, только не откажи, друг царя добрый, стань, пожалуйста, патриархом!

Никон совершил в тот день грубейшую, неисправляемую временем ошибку: он вынудил русского самодержца прилюдно лить слезы и унижаться перед митрополитом. В те суровые века даже суровые мужи любили всплакнуть при случае, но слезы в Успенском соборе не очищали грешника, не успокаивали злобных, не сдерживали грубые порывы отчаянных сердец, не призывали к отдохновению и миру — только такие слезы можно оправдать в глазах суровых мужей суровых веков. Слезы Алексея Михайловича, хоть и несурового человека, но ведь царя, таковыми не были! Никон этого не заметил. Впрочем, в те отчаянные

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. II. С. 130.

(а для будущего патриарха роковые!) минуты и сам Алексей Михайлович не догадывался об этом. С виду он был искренним. Искренние царские слезы.

Никон строго смотрел на людей. Царь, бояре, духовенство дали клятву. Он поверил в нее, в ее искренность и непорочность, запамятовав о том, как мало на Руси было выполненных клятв. 25 июля 1652 года Никон стал патриархом всея Руси.

По старому обычаю он первым делом занялся строительством своего монастыря, расположенного неподалеку от Валдайского озера и названного Иверским в честь Иверской иконы Божией Матери, скопированной по заказу патриарха с одноименной иконы на Афоне. С этим делом Никон справился быстро.

Второе дело было сложнее. Еще во времена Максима Грека священнослужители обратили внимание на разночтения в русских церковных книгах, на отличие их от греческих оригиналов. И обряды Русской церкви отличались от обрядов Византийской церкви. «В тексте церковных книг была масса описок и опечаток, мелких недосмотров и разногласий в переводах одних и тех же молитв. Так, в одной и той же книге одна и та же молитва читается разно: то «смертию смерть наступил», то «смертию смерть поправ». Из этой массы несущественных погрешностей более вызывали споров и более значительными считались следующие: 1) Лишнее слово в VIII числе Символа Веры», — «и в Духа Св. Господа истиннаго и животворящаго...» <...>

Наиболее выдающиеся отступления нашей церкви от Восточной в обрядах были таковы: 1) проскомидия совершалась на 7 просфорах вместо 5; 2) пели сугубую аллилуйя, т. е. два раза вместо трех, вместо трегубой; 3) совершали хождение по-солон, вместо того, чтобы ходить против солнца; 4) отпуск после часов священник говорил из царских врат, что теперь не делается; 5) крестились двумя перстами, а не тремя, как крестились на Востоке, и т. д.»[1].

С. Ф. Платонов и другие историки считали, что отступления Русской церкви от Восточной не восходили к догматам, были внешними, обрядовыми. Православная церковь с такими несоответствиями мириться уже не хотела. Патриарх Паисий Иерусалимский в 1649 году, митрополит Назаретский Гавриил в 1651 году, патриарх Константинопольский в 1652 году, побывав в Москве, ознакомившись с церковными книгами, указывали на то, что в русских церковных книгах и в литургии есть требующие исправлений неточности. Посланный на Восток Арсений Суханов после четырехлетнего путешествия вернулся в Москву и в сочинении «проскинитарий» подтвердил обоснованность претензий столпов Православной церкви.

Сам Никон инициатором реформ не был, но, став патриархом, отыскал в патриаршей библиотеке грамоту об утверждении патриаршества, в которой, кроме прочего, было сказано о необходимости исправления текстов и обрядов Русской церкви по образцам Византийской церкви. То есть проблема данная назревала давно, и ее нужно было разрешать.

---

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 424.

Это понимали многие. И, вполне вероятно, что одной из причин, побудивших Алексея Михайловича вознести Никона, человека без роду без племени, на вершину духовной власти, было... именно рядовое происхождение бывшего кожеозерского монаха. Очень часто такие люди проявляют нетерпимое рвение в конкретных делах, нуждающихся в смелых, упорных исполнителях.

В 1653 году Никон начал проводить реформу, заменил в одной из молитв двенадцать поклонов на четыре земных поклона. Это небольшое нововведение было сделано будто бы для того, чтобы посмотреть на реакцию возможных оппонентов. Она последовала тут же. Многие московские священники во главе со Стефаном Вонифатьевым, Иваном Нероновым, Аввакумом, влияние которого на дела в царском дворце при патриархе Иосифе было большим, а с приходом Никона было потеряно, объявили нововведение Никона еретическим и даже осмелились подать челобитную царю на его любимца. Алексей Михайлович поддержал патриарха. Борьба Никона с его противниками быстро разгорелась, хотя раскола еще не было и о нем патриарх Московский пока не догадывался.

В 1653 году на духовном Соборе протопоп Неронов вступился за незаслуженно оговоренного по доносу Логгина. Защищая его, он не сдержался и честно сказал все, что думает о Никоне. Дерзость была тут же наказана. Неронова сослали в монастырь. Аввакум, человек потрясающей силы духа и такого же несговорчивого нрава, переругался со священнослужителями Казанского собора и отправился молиться в небольшой сарай, громко повторяя по пути, что иной раз и конюшня лучше церкви. Его сослали в Тобольск.

Никон, неплохой тактик, понял, что одними личными приказами задуманное дело он не завершит, а лишь наживет себе врагов. Поэтому он решил созвать в Москве в 1654 году духовный Собор. Алексей Михайлович и в этом полностью поддержал его. Собор постановил послать в Константинополь 26 вопросов по интересующей Москву проблематике.

Патриарх Паисий ответил ему: «Не следует и ныне думать, будто наша православная вера развращается от того, если один говорит свое следование немного различно от другого в несущественных вещах, лишь бы только согласовался в важнейших, свойственных соборной церкви»[1]. Но далее следовало строгое поучение московского адресата, в котором патриарх Константинопольский отчитывал патриарха Московского за многочисленные нарушения, допускаемые в православных русских церквях, требовал, «чтобы все это исправилось».

Никон, прочитав нравоучения Паисия, созвал Собор, пригласив участвовать в нем антиохийского патриарха Макария, сербского Михаила и молдаванского и никейского митрополитов, которые прекрасно воспользовались предоставленной возможностью указать русским православным на их серьезные ошибки и возвысить тем самым себя лично над русскими священнослужителями. Особенно выделялся в хоре важных учителей голос антиохийского патриарха Макария. Он решительно заявил

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. II. С. 139.

на Соборе о том, что «мы приняли предание изначала веры от св. апостол и св. Отец и семи соборов творить знамение честного креста тремя первыми перстами десной руки, и кто из христиан православных не творит крестного знамения по преданию восточной церкви, сохраняемого от начала веры до сих пор, тот еретик и подражатель арменов; того ради, мы считаем такового отлученным от Отца и Сына и Св. Духа и проклятым». Никейский митрополит был еще строже, но сказал, что на тех, кто крестится двумя перстами, а не тремя, «пребудет проклятие трехсот восьмидесяти св. Отец, собиравшихся в Никее и прочих соборов»[1].

К этому же времени в Москву прибыл вторично посланный на Восток Арсений Суханов. Он доставил в столицу России около 500 древних фолиантов, и Никон, официально поддержанный Византийской церковью, организовал из киевских и греческих священнослужителей группу по исправлению книг.

Казалось, он все делал верно, и тактически, и стратегически. В 1655 году вышла первая исправленная книга — «Служебник». Никон и здесь подстраховал себя: работу зачитали на специально созванном Соборе, ее одобрили патриарх Антиохийский Макарий и митрополит Сербский Гавриил.

В следующем году Никон занялся исправлением обрядов. В Москву к этому времени дошла волна слухов о том, что многие русские люди недовольны нововведениями патриарха, полностью поддерживаемого царем. Никон никак не реагировал на эти тревожные вести. Он продолжал реформы с присущим ему упорством, упрямством и по привычной схеме: по любому сколько-нибудь значительному вопросу созывались соборы, патриарх Московский умело руководил ими, направлял в нужное русло. Авторитет Никона, его воля делали свое дело: с 1653-го по 1658 год серьезных противников нововведений в Русской церкви у патриарха Московского не было за исключением разве что протопопа Неронова. После суда его сослали в Спасо-Каменский монастырь, но он не прекратил борьбу, восстанавливая людей на севере против патриарха. Вскоре ссыльному протопопу удалось бежать из монастыря, он прибыл в Москву, чтобы продолжить борьбу, скрывался у надежных людей.

В 1656 году Собор осудил Неронова, предал его анафеме. Некоторые специалисты по проблеме раскола в Русской православной церкви считают сей акт собора 1656 года началом раскола. Как бы то ни было, но Неронов вскоре после сурового приговора добровольно прибыл к Никону, патриарх простил его, состоялось примирение, правда, чисто внешнее. Быть может, именно этот ход Неронова ввел в заблуждение патриарха Московского, может быть, нет, но он не проанализировал складывающуюся ситуацию и продолжил реформы по заведенному уже порядку.

Поддержанный Восточной церковью и даже папой римским Никон, видимо, был абсолютно уверен не только в правильности избранного им пути, но и в конечной победе реформ. Только этим можно объяснить непростительное для крупного политика пренебрежительное отношение

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. II. С. 140.

к своим противникам, которые, следует помнить, появились у Никона еще в 1653 году, когда московские священники подали царю челобитную «против Никона в защиту двоеперстия, хотя двоеперстие стало возбраняться лишь с 1655 — 1656 годов»[1]. Да и ропот «снизу» — от прихожан — должен был насторожить Никона, заставить его подкорректировать свои действия...

Впрочем, оценивая деятельность Никона-реформатора и последствия его деятельности на этом поприще, необходимо помнить о том, что серьезные религиозные реформы во всех странах и во все времена сопровождались крупными социальными волнениями. Египетский фараон в 1419 — 1400 годах до н. э. Аменхотеп IV пытался осуществить религиозную реформу, ввел новый государственный культ бога Атона, сделал столицей государства город Ахетатон, сам принял имя Эхнатон («угодный богу»). Конечной целью фараона было усиление светской власти, снижение роли фиванских жрецов, представлявших могущественную силу и фактически руководивших фараонами и всем Египтом. Эхнатон сделал все, как ему хотелось, то есть он дал Египту новую религию. Прошло несколько лет после его смерти, и от реформ фараона ничего не осталось, город Ахетатон был безжалостно разрушен, а по отрывочным сведениям можно сделать вывод, что возврат к старым порядкам сопровождался жестокостями и кровопролитиями.

В XV веке н. э. во многих странах Европы началась так называемая реформация. Ян Гус (1371 — 1415) — ректор Пражского (Карлова) университета был идеологом чешской реформации. Он выступал против торговли индульгенциями, за возвращение к принципам раннего христианства, за уравнивание в правах мирян с духовенством. Церковный собор в Констанце осудил Яна Гуса, объявил его еретиком, ректора Карлова университета сожгли на костре, а спустя четыре года в Чехии вспыхнули религиозные, так называемые Гуситские войны, продолжавшиеся с 1419-го по 1437 год.

Ульрик Цвингли (1484 — 1531), активный деятель реформации в Швейцарии, погиб в войне между католическими и протестантскими кантонами. Русский раскол начался примерно тогда, когда процесс реформации церкви во многих странах Западной Европы еще не утратил прежней остроты.

В 1655 — 1656 годах Никон повел борьбу с двоеперстием. В Москве отреагировали на это не то чтобы спокойно, но без лишнего волнения. Поклонники старинной обрядности считали нововведения Никона ересями, патриарх Московский в свою очередь называл еретиками своих противников. У обеих противоборствующих сторон были союзники и доброжелатели во всех слоях общества. Сочувствовала сторонникам старых обрядов царица Мария Ильинична Милославская.

Немало противников нововведений было и в других городах России: во Владимире, в Нижнем Новгороде, Муроме. Но на открытое возмущение не решался при Никоне никто. Лишь монахи Соловецкого монастыря в 1657 году высказались против реформы в церкви, но ни патриарх

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 428.

Московский, ни царь Алексей Михайлович в тот год не подумали даже о том, какую мощь несет в себе протест монахов Соловецкого монастыря, какую роль сыграет эта обитель в деле раскола. Впрочем, царь в 1657 году думал больше о своих взаимоотношениях с Никоном, чем о последствиях начавшейся реформы в Православной церкви.

Патриарх Московский в последние годы приобрел не без помощи самого царя громадную власть. Сначала Алексей Михайлович, а затем все приближенные и весь народ стали называть «Никона не «великим господином», как обыкновенно величали патриарха, а «великим государем», каковым титулом пользовался только патриарх Филарет как отец государя»[1]. Никону нравилось это отношение к себе. В своих грамотах он вскоре сам стал величать себя «великим государем». С каждым днем самомнение и гордость Никона росли. В Служебнике 1655 года он уже в открытую сравнивал себя с царем следующей фразой: «Да даст же Господь им государям (т. е. Алексею Михайловичу и патриарху Никону. — *А. Т.*) <...> желание сердце их». Эти и подобные примеры высокомерия и заносчивости не могли не подействовать на царя. Он был моложе Никона почти на 25 лет. Он обязан был этому человеку многим. В конце концов Никон был для Алексея Михайловича старшим мудрым другом. Но дружба дружбой, а власть делить с Никоном (а то и отдавать ее Никону) царь не хотел, не мог. Да ему это сделать не дали бы бояре!

Они не раз говорили царю о чрезмерном возвышении Никона, который еще в 1653 году на Соборе в Москве резко ответил Неронову, требующему призвать на важный форум царя: «Мне и царская помощь не годна и не надобна!»

Алексей Михайлович долго терпел подобные высказывания и надменное поведение патриарха Московского, в 1656 году он еще во многом, если не полностью, доверял своему другу. Некоторые историки считают, например, что по инициативе Никона царь объявил войну Швеции, неудачную для России. И в 1657 году отношения между «государями» были нормальными, иначе не объяснить тот факт, что патриарх начал возводить монастырь в сорока километрах от Москвы на берегу Истры. Алексей Михайлович присутствовал на освящении небольшой деревянной церкви, с которой началось строительство новой обители, ему очень понравилось выбранное его лучшим другом место. «Как Иерусалим!» — воскликнул чувствительный царь, осмотрев окрестности будущего монастыря. И не нашелся бы в тот миг человек, который рискнул бы сказать, что через год дружбе царя и патриарха придет конец.

Летом 1658 года Алексей Михайлович давал большой обед по случаю приезда в Москву грузинского царевича Теймураза. Всегда ранее на все подобные мероприятия Никон приглашался в первую очередь. Он к этому привык. Он даже подумать не мог о том, что друг-«государь» не пригласит его, своего друга-«государя», на обед! Он был ошеломлен случившимся — так неожиданно его не пригласили в царские покои. Он очень хорошо знал мягкого Алексея Михайловича, чтобы предусмотреть

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 435.

этот ход царя. Он не мог поверить в то, что его друга-«государя» может кто-то из приближенных бояр «перехватить» у Никона и «повести» так же, как Никон до лета 1658 года водил по сцене жизни русского монарха. Самоуверенность, чрезмерно завышенная самооценка подвели Никона в тот ответственнейший момент его жизни. Он не понял важности этого момента. Он не догадался, что те, кто «перехватил» у него из рук царя, взяли самого Никона в крепкие руки и, пользуясь слабостями его, повели патриарха от одной беды к другой, от одного поражения к другому. Удивительно! Всевластный Никон, прошедший, казалось бы, через все испытания, зарекомендовавший себя как истинный патриот православной веры, борец за ее чистоту, умелый организатор, требовательный руководитель, вдруг стал делать шаги, которые свойственны разве что избалованным роскошью и безраздельным вниманием юным созданиям.

Никон не мог перенести такой несправедливости и обиды. Он послал своего боярина Дмитрия во дворец якобы по срочному, не связанному с приемом церковному делу. Грузинский царевич важно шествовал сквозь толпу, дорогу в которой расчищал для важного гостя окольничий Хитрово. Он бесцеремонно бил направо-налево палкой, не обращая внимания на саны и чины. Досталось и патриаршему боярину. Тот возмутился и громко сказал окольничему: «Я патриарший человек, иду во дворец по делу! Напрасно бьешь меня, Богдан Матвеевич!» Из этой реплики ясно, что окольничий и патриарший боярин прекрасно знали друг друга, да иначе просто быть не могло! Хитрово, однако, повел себя напористо. «Не дорожись!» — грубо крикнул он и ударил Дмитрия палкой по лбу.

Незаслуженно обиженный на виду всего честного люда боярин заплакал горькими слезами и поспешил к патриарху. Тот выслушал его и, не понимая, что же произошло, написал царю письмо с жалобой на Хитрово. Но разве окольничий без ведома на то царя мог бы так себя вести по отношению к патриаршему боярину, князю Дмитрию? Вряд ли! Этого не понял Никон, не мог понять. Слишком он был уверен в себе, в своем друге — царе Алексее Михайловиче. Не знал он, что у царей настоящая дружба (когда все пополам, когда для друга ничего не жалко, кроме, естественно, любимой женщины) может быть только с царями, что даже если и существует в природе, в человеческом обществе мифическая возможность дружбы на равных, то только не с царями. Не знал он, человек искренний во всех своих делах, что и у настоящей дружбы есть ограничения, что даже самый верный, самый лучший в мире друг не поделится с другом своей любимой (или своим любимым) и своей властью. Друг может поделиться с другом табачком, куском хлеба, друг может спасти друга ценой собственной жизни, но свою любимую и свою власть он не отдаст другу. Потому что любовь неизмеримо выше дружбы в шкале жизненных ценностей. А власть влюбляет в себя и притягивает к себе своих возлюбленных покрепче, чем любовь юных и доверчивых сердец. Искренне веривший в дружбу с царем Никон об этом не знал, а если и знал, то проигнорировал эту особенность дружбы с царем.

Алексей Михайлович прочитал письмо с просьбой судить окольничего за оскорбление патриаршего боярина и лично ответил своему другу,

что, когда время позволит, он свидится с Никоном и обсудит возникшую проблему. Прошло несколько дней. Дел у Алексея Михайловича было много, времени (а лучше сказать, желания) заниматься разбирательством инцидента между царским окольничим и патриаршим боярином у него не было.

Восьмого июля, на праздник иконы Казанской Богородицы царь не прибыл в храм Казанской Божией Матери, где по обыкновению патриарх служил со всем собором, а еще через два дня Алексей Михайлович не явился в Успенский собор, где Никон служил по случаю праздника ризы Господней. Патриарх посылал людей к царю узнать, что же случилось. С ответом из царских покоев явился спальник, князь Юрий Ромодановский. Он объявил, что царь гневен на патриарха. Тот, не скрывая удивления, спросил о причинах гнева царского. Искренние люди, даже если они очень суровые, часто бывают наивны.

Из состоявшейся перепалки между спальником и патриархом любому человеку было бы ясно, что царь Алексей Михайлович наконец-то решил стать полноправным самодержцем российским, что он созрел для этой роли, что его поддерживают бояре — значительная сила! — что у Никона не было ни одного шанса победить в неравной схватке... Ромодановский поставил точку в том споре, громогласно заявив: «Отныне не пишись и не называйся великим государем, почитать тебя впредь не будем».

Никон был оскорблен, унижен, обижен... лучшим своим другом! Все его последующие действия говорят, во-первых, о том, что он такого удара не ожидал; во-вторых, что он действительно серьезно мечтал о концентрации в своих руках полной власти в стране; в-третьих, что даже важнейшие для государства церковные реформы он проводил до размолвки с царем, ведомый своими тщеславными надеждами. В самом деле, если бы Никон мечтал только о делах церковных, о завершении начатой им реформы в церкви, то он легко бы смирился с положением, какое занимал до него тот же патриарх Иосиф, никогда не стремившийся в дружеские царские объятия, а также другие патриархи, естественно, кроме Филарета.

Проведение реформ от этого не пострадало бы, скорее наоборот — выиграло, если учесть, что Алексей Михайлович полностью поддерживал все инициативы Никона, касающиеся нововведений.

Но реформы нужны были патриарху не как цель, но как средство.

Несколько часов он обдумывал ситуацию и вдруг решил отречься от патриаршей кафедры. Патриарший дьяк Каликин, боярин Зюзин, друг Никона, уговаривали его, просили не делать этого, не гневить царя. Патриарх был упрям.

Слова близких и верных ему людей (мало было верных людей у сурового Никона даже среди священнослужителей!) на некоторое время заставили призадуматься патриарха. Но слишком он был наивным и искренним, чтобы в тот миг взвесить все «за» и «против», чтобы найти верное политическое решение не очень уж сложной политической задачи. Он разорвал в мелкие клочья начатое было письмо царю, грозно сказал: «Иду!» и пошел в Успенский собор.

Отслужив литургию, Никон повелел народу не расходиться, прочитал собравшемуся люду несколько отрывков из Златоуста и вдруг сказал: «Ленив я стал, не гожусь быть патриархом, окоростевел от лени и вы окоростевели от моего неучения. Называли меня еретиком, иконоборцем, что я новые книги завел, камнями хотели меня побить; с этих пор я вам не патриарх...»

В Успенском соборе зашумел народ, не зная, как реагировать на отречение патриарха. А он продолжал говорить гневные слова. Не все его слышали. Но все понимали, что без государева указа дело это решенным быть не может. Никон совсем вошел в роль, переоделся в ризнице, написал царю письмо и вышел к народу в мантии и черном клобуке, сел на последней ступени амвона.

Царь узнал о случившемся, но в Успенский собор не явился, чтобы утешить друга своего, а может быть, и помочь ему в трудную минуту разобраться с самим собой, со своими амбициями, со своими ошибками. Алексей Михайлович послал к Никону князя Трубецкого и Родиона Стрешнева, тем самым еще раз дав понять патриарху, кто есть в Российской державе государь и самодержец.

Началась между ними словесная перепалка. Никон злился, отрицал предъявленные ему второй раз обвинения в том, что он по собственной воле стал называть себя великим государем, что — опять же по собственной воле — он занимается царскими делами... Несправедливы были обвинения, несправедливы! И Никон, если бы он не мечтал о политической победе, имел право оскорбляться, возмущаться, перечить царским посланникам. Но ругаясь с боярами, он опускался в глазах собравшихся до уровня бояр — впрочем, все присутствующие в Успенском соборе относились к этому как к должному! А Никон этого упорно не замечал!

Он даже не думал защищаться, отступать. Он нападал. Неумело. Необдуманно. С этакой воинствующей, непримиримой обидой. Закончив уже привычный после разговора с Ромодановским словесный пассаж, Никон вдруг попросил у царя келью. Ему на это ответили совершенно справедливо, что келий в патриаршем дворе много — выбирай любую и не мешай царю.

Проиграв и эту схватку, Никон отправился пешком на подворье Воскресенского монастыря, ждал там два дня доброй весточки от своего младшего (но бывшего!) друга-царя, не дождался, отписал Алексею Михайловичу письмецо, естественно, в тонах обиженных и отбыл в Воскресенский монастырь.

Через некоторое время туда же прибыл боярин Трубецкой. Он передал Никону просьбу царя дать всей царской семье благословение, а также благословить крутицкого митрополита ведать Русской церковью до избрания патриарха. Никон, будто бы смирившись со своей долей, исполнил просьбу царя, и целых два года после этого он мирно занимался устройством монастыря. Царь в эти первые годы размолвки относился к Никону с добрым чувством: жаловал Воскресенской обители щедрые подношения, передал ему через верного боярина прощение, могло показаться, что у этих двух людей вновь появилась возможность дружить, пусть скромной, пусть не настоящей в полном смысле этого слова дружбой,

которая не требует от друзей великих подвигов, самопожертвования, самоистязания. Бывает и такая дружба — скромная. Впрочем, некоторые очень уж дотошные люди называют ее не дружбой, а приятельством, и, видимо, они правы. С приятелем приятно проводить досуг, встречаться время от времени, обсуждать разные проблемы, прекрасно понимая, что ни одну из них им не придется разрешать вместе. Так иной раз приятельствуют музыканты с художниками, поэты с учеными, политики со спортсменами.

У Никона и Алексея Михайловича вполне могли сложиться подобные отношения, если бы Никон не мечтал о власти. Он мечтал о ней всегда. Даже в те два года в Воскресенском монастыре, когда дни его были заполнены организаторско-административными заботами.

Весной 1659 года Никон узнал, что крутицкий митрополит совершил обряд, который мог совершать исключительно патриарх, тут же написал царю строгое нравоучительное письмо. Царские бояре были начеку. Они намекнули Алексею Михайловичу (уже не юноше, но опытному мужу!), что Никон опять занимается не своим делом. Российский монарх намек понял верно и приказал обыскать бумаги отрекшегося патриарха. Никон узнал об этом и написал царю резкое письмо, после которого отношения между ними стали еще хуже.

Никона удалили в Крестный монастырь на Белом море, а в 1660 году в Москве на Соборе было решено избрать другого патриарха и лишить бывшего главу Русской православной церкви архиерейства и священства. Это был суровый приговор! Даже сам Алексей Михайлович понял, что судьи явно перестарались, и передал дело Никона греческим священнослужителям, оказавшимся по случаю (они любили такие случаи) в Москве. Надежда царя на нейтральность новых судей не оправдалась. Греки подтвердили приговор. И лишь один Епифаний Славинецкий встал на защиту Никона. Этот ученый киевский старец в обстоятельной записке царю привел такие веские аргументы, доказывающие несостоятельность приговора и тех и других, что Алексей Михайлович вынужден был вернуть Никона в Воскресенский монастырь до продолжения разбирательства сложного дела.

Никон прибыл в Воскресенский монастырь, но здесь его ждали неприятности чисто житейские, к которым вчерашний «великий государь» был абсолютно не готов. Узнав о том, что Собор лишил Никона патриаршества, окольничий Боборыкин затеял с ним тяжбу из-за земель в окрестностях монастыря. Бывший патриарх, все еще надеясь на дружеское расположение к себе царя, написал ему по этому поводу письмо, в котором он... обвинял не столько Боборыкина, сколько царя. Не нашел он общего языка и с Питиримом, подозревая его в том, что он якобы подослал в Крестный монастырь на Белом море дьякона Феодосия с заданием отравить Никона. Правда, никаких доказательств в пользу этого серьезного обвинения бывший патриарх привести не мог. Два года, проведенные Никоном в Воскресенском монастыре, были для него сущим адом. Боборыкин и другие бояре, Питирим и многие священнослужители, отвечавшие на резкие выпады Никона, а то и сами нападавшие на него, часто выводили из равновесия этого потерявшего над собой контроль

человека. Два года сплошной нервотрепки на фоне постоянного ожидания то ли чего-то очень радостного, то ли неотвратимо-печального. Впрочем, радостные надежды с каждым месяцем таяли, а предчувствие надвигающейся беды усиливалось.

Никон понимал, что его противники готовятся к решительному бою, он уже не хотел и в глубине души боялся борьбы. Он боялся Собора, он знал, что ему не выстоять в одиночку против ученых мужей Восточной церкви и против своих врагов, готовых растоптать его, унизить, как унижал его Боборыкин своими тяжбами.

И случилось худшее.

В 1662 году в Москву прибыл Паисий Лигарид. Этого образованнейшего человека недавно отставили от должности Газского митрополита, и он мечтал проявить себя в столице России, угодить богатому царю. Началась откровенная травля бывшего патриарха: Паисий Лигарид, отвечая на 30 вопросов, составленных от имени боярина Стрешнева, обвинил Никона по всем статьям.

Сын крестьянина Мины ознакомился с обвинениями греческого отставного митрополита и целый год писал книгу возражений и оправданий. Литературно-полемическим мастерством Никон владел отменно. Родись он в Древней Греции времен Демосфена, мир получил бы еще одного великого творца ораторского искусства, но судьба поместила этого человека в другой точке пространственно-временного поля и поставила перед ним задачи совсем иного рода, нежели те, которые решали риторы Эллады. Оправдываясь перед Лигаридом, бывший патриарх Московский нападал на всех своих обидчиков, не сдаваясь, не признавая поражения, не признавая обвинения.

Алексей Михайлович вынужден был созвать в конце 1662 года еще один Собор, чтобы сокрушить на нем бывшего своего друга. Никон, окруженный со всех сторон сворой врагов, прекрасно понимал, как трудно ему будет бороться на Соборе за свою правду, за свою честь. Он посылал царю письма, в которых просил Алексея Михайловича помириться с ним, но то ли его послания не доходили по русскому обыкновению до монарших очей, то ли царь невнимательно читал их, то ли, и это вероятнее всего, у него окончательно созрело решение уничтожить Никона как политического, государственного и религиозного деятеля — ожидаемой реакции из Кремля затворник Воскресенского монастыря не дождался . Зато до него дошли слухи о том, что царь приказал архиепископу Рязанскому Иллариону составить полный список всех обвинений против Никона, призвать на Собор восточных патриархов. Эти действия Алексея Михайловича полностью и убедительно опровергают утверждения некоторых ученых о том, что окончательный разрыв между сыном Мины и сыном Федора Михайловича Романова наступил по вине первого летом 1663 года, когда затравленный Никон огрызнулся и произнес знаменитую анафему Боборыкину. До нее еще было полгода! Еще теплилась в груди бывшего патриарха искусительница-надежда, последняя надежда на друга своего.

Перед Рождеством 1662 года Никон в строгой тайне покинул Воскресенский монастырь и отправился в Москву. Он хотел встретиться с

Алексеем Михайловичем и крепко надеялся, что ему удастся примириться с великим государем российским. Это был его последний шанс избегнуть избиения на Соборе. Холодной рождественской ночью прибыл Никон в Москву, праздничной ночью. Но подарка от судьбы он в ту ночь не дождался. Верные люди известили его о том, что царь не будет встречаться с ним. Кому служили эти люди верой и правдой, сказать трудно. Вполне возможно, что среди них были действительно верные друзья Никона, искренне желавшие ему добра. Быть может, кому-то из них удалось подействовать на царя, и тот обещал им принять опального патриарха, а значит, тайная поездка воскресенского пленника в столицу и впрямь давала какой-то шанс Никону. Быть может, противники примирения двух друзей вовремя узнали о грозящей опасности и ликвидировали ее в самый критический момент. Но если отбросить эти и другие гипотетические «может быть» в том темном деле, слабо освещенном современниками тех событий и позднейшими исследователями, и предположить, что рождественская поездка была одним из актов широкомасштабной травли Никона, предпринятой ближайшим окружением царя, то можно себе представить состояние нечаянного московского гостя, оказавшегося в Светлый день Рождества Христова перед царскими хоромами, где хитромудрые организаторы «встречи» под свет праздничных свечей медпиво пили, о своей победе говорили да Никона хулили. Невеселое настроение было у Никона в ночь под Рождество Христово. Последняя попытка поладить с царем закончилась унизительным поражением, и хорошо, что над Москвой стояла холодная ночь и никто не видел бывшего патриарха, человека, слишком высоко взлетевшего над миром и теперь низринувшегося с вершины и больно ударившегося о землю заледенело-твердую.

В ту же ночь нечаянный гость покинул столицу и отправился в свою обитель.

Люди, организовавшие эту «встречу», прекрасно знали характер Никона. Он не мог простить подобное унижение никому. Он не мог спокойно обдумать сложившуюся ситуацию, понять, кто и зачем травит его, он не попытался даже найти контрмеры, точные ходы, он остался самим собой, он был слишком искренним и наивным, чтобы даже в этом положении измениться, приспособиться к противнику, найти его слабые места, научиться обыгрывать его теми же способами (хитростью, коварством, лестью, показным смирением, неожиданными ударами исподтишка), которыми враги владели великолепно.

Искренность и наивность порождали в душе опального Никона дерзость. Не успел он пережить, перестрадать события печальной рождественской ночи, не успел написать свои язвительные ответы греку Лигариду, как ему вновь стал докучать назойливый и злой, словно осенняя муха, боярин Боборыкин. С осенними мухами у ловких людей с хорошей реакцией один разговор: мухобойкой по стенке или резким махом руки в кулак ее, а затем кусачую на пол или на землю и ногою топ! С людьми типа Боборыкина подобные средства не помогут. Эти люди любят сердиться, когда чувствуют за собой покровителей, и тихо отмалчиваются, ждут, упорно ждут, когда покровителей у них нет. Очень сложно судить-

ся с такими терпеливыми людьми — дождавшимися своего часа. Особенно сложно, когда их покровители являются твоими противниками. Никону не повезло с Боборыкиным вдвойне. Люди этого боярина занимали земли патриарших крестьян, устраивали, чувствуя силу за собой, побоища, а Никон никак не мог доказать судьям, что эти земли принадлежат ему по праву, что даже сам царь Алексей Михайлович одобрил решение патриарха поставить в этих краях подмосковный монастырь. Судьи не принимали доказательства Никона, и он взорвался, не выдержал.

Летом 1663 года он предал Боборыкина такой двусмысленной анафеме, что ее можно было применить и к Алексею Михайловичу со всем его большим семейством.

Боборыкин, желая выслужиться в очередной раз, поспешил к царю и донес ему об анафеме. Богопослушный Алексей Михайлович срочно созвал архиереев, рассказал обо всем и, обливаясь горючими слезами, воскликнул: «Пусть я грешен; но чем виновата жена моя и любезные дети мои и весь двор мой, чтобы подвергать такой клятве?»

Архиерей с трудом успокоил царя, после чего активная подготовка к Собору продолжилась с еще большим рвением.

В мае 1664 года в Москву поступили письма от восточных патриархов, которые не смогли приехать по приглашению великого государя России на Собор, зато ответили подробно и обстоятельно на все вопросы, касающиеся дела Никона. Поведение бывшего патриарха Московского восточные патриархи резко осудили, известив царя о том, что русский Поместный собор имеет право своей властью решить все вопросы, возникшие в Русской церкви.

Но Алексею Михайловичу хотелось большего. Он знал, что авторитет Никона стал расти в народе и среди священнослужителей. Кроме того, царь вполне обоснованно сомневался в безусловной победе своих союзников на предстоящем Соборе. Он, не жалея времени и средств, вновь отправил на Восток послов с убедительной просьбой уговорить патриархов прибыть в Москву. Никаких денег не жалел Алексей Михайлович для столь важного дела: Никона нужно было уничтожить!

Некоторые историки почему-то называют Алексея Михайловича человеком нерешительным, склонным к полумерам. Но одно только долговременное, продолжающееся несколько лет мероприятие по подготовке и проведению Собора по делу Никона говорит о том, что второй царь династии Романовых мог решать сложнейшие задачи и никакими полумерами в принципиальных вопросах он не довольствовался, и не бояре были главной тому причиной, а он сам, потому что последнее решение всегда оставалось за ним. Упрямое желание призвать на Собор восточных патриархов говорит еще и о том, что Алексей Михайлович в полной мере не доверял и своим союзникам в деле против Никона — боярам и духовенству, что, призывая патриархов, предшественники которых являлись в былые века патриархами Византийской империи и которые своими советами и, главное, ответами и постановлениями, касающимися проблем Русского государства, оказывали русским монархам неоценимую помощь в становлении державы имперского типа, царь

московский уже в те годы решал задачи, определяемые именно таким типом государства.

Еще в рассказе об Иване IV Грозном говорилось, что Русское государство, присоединив к своим территориям Казанское и Астраханское ханства, де-факто превратилось в империю, небольшую, не мировую, но империю. Но от де-факто до де-юре путь большой, сложный, неравномерный. Какие-то процессы внутри государства проходят быстрее, какие-то медленнее. Например, Москва как столица державы по своей административной структуре превратилась к середине XVII века именно в столицу небольшой, но быстро растущей империи. А законодательные процессы явно отставали от требований момента, да и динамичное соединство светской, боярской и духовной властей где-то со второй половины шестидесятых годов XVII столетия стало давать сбои, о чем дело Никона и свидетельствует, о чем свидетельствуют позднейшие события, о которых речь пойдет ниже.

Недооценивать роль Алексея Михайловича в сложном процессе движения русской державы от национального государства к империи, приуменьшать его значение в русской истории только из-за того, что он был человеком некрутого нрава, было бы несправедливо.

Алексей Михайлович упорно ждал восточных патриархов не только из-за дела Никона, который, не понимая стратегического (если не эпохального) значения момента, совсем загрустил, занервничал, а в ноябре 1664 года даже поддался на уговоры боярина Зюзина и решил вернуться в Москву... патриархом! Доводы боярина были так слабо аргументированы, что поверить в них мог разве что ребенок. Или утопающий, хватающийся за соломинку. Наивный Никон, как и все наивные люди, был вечным ребенком. К тому же бурный поток жизни тянул его ко дну. Тут и Зюзину поверишь.

Первого декабря Никон явился в Успенский собор, участвовал в богослужении как патриарх и отправил в царский двор человека с сообщением для государя о своем приходе. Ну разве мог здравомыслящий человек в нормальном состоянии пойти на подобный шаг после всего случившегося! Ну разве мог царь прибыть к Никону в Успенский собор 1 декабря 1664 года?! Да нет, конечно! Но загнанный, затравленный Никон не был в те дни и не мог быть человеком здравомыслящим... Царь не вышел к нему. Никон покинул Москву. Наконец-то он понял, что опала его окончательна, что возврата к прошлому нет и не будет.

Зюзина пытали, приговорили к смертной казни, но царь отменил приговор боярского суда, и Зюзина сослали в Казань. Не очень суровое наказание! Впрочем, не наказание Зюзина странно в этом деле, а то, как удалось Никону со свитою монахов Воскресенского монастыря незамеченными проехать несколько десятков километров, явиться в Успенский собор. Любой здравомыслящий противник низвергнутого патриарха наверняка бы выставил охрану у ворот монастыря, лазутчиков, осведомителей. Наверняка так и было, особенно если учесть, что люди Боборыкина постоянно отслеживали все перемещения в Воскресенской обители Никона. Незамеченным он бы не смог проехать от берегов Истры к Боровицкому холму, и последующие события косвенным образом под-

утверждают это. А значит, царь наверняка знал о поездке Никона с того момента, как карета опального владыки выехала из монастыря. Почему же он не остановил это действо в самом начале? Может быть, потому, что последующая сцена в Успенском соборе была спланирована союзниками Алексея Михайловича и санкционирована самим царем, пусть и Тишайшим, но здравомыслящим, неглупым и неплохим политическим деятелем.

Никон вернулся в Воскресенский монастырь опустошенным, разбитым. Теперь ему оставалось только одно: покорно ждать Собора и надеяться лишь на Бога. Больше ему надеяться было не на кого. Он даже на себя, на свое полемическое мастерство не мог положиться, зная, что серьезной полемики на Соборе не будет, будет судилище!

Не зная, к кому обратиться за помощью, кого взять себе в союзники, Никон совершил еще одну грубую ошибку. Он написал пространное письмо патриарху Дионисию о своей распре с царем и боярами, раскритиковал Уложение 1649 года, осудил внутреннюю экономическую политику царя, изложив свое весьма нелицеприятное мнение о Паисии Лигариде... Это письмо, написанное в духе князя Андрея Курбского, не просто выносило сор из избы, но обвиняло царя, бояр, священнослужителей — и Паисия Лигарида, и всех восточных патриархов, не отреагировавших на приезд опального греческого митрополита в Москву. Оно наверняка не понравилось бы патриарху Дионисию, и Никон обязан был знать это.

Но утопающий хватается за соломинку. Воскресенский пленник передал письмо одному своему родственнику, но тот был схвачен людьми царя, зорко следившими за монастырем. Содержание письма возмутило царя, но он даже после этого не рискнул созвать Собор. Ему не нужны были полумеры, он мечтал не только о полной победе над Никоном, но еще об одной важной победе, о которой, быть может, не догадывались ни его союзники-бояре, ни священнослужители.

Затянувшееся дело Никона самым непосредственным образом сказалось на расколе в Русской православной церкви. Противники нововведений в обрядах и исправлений в книгах почувствовали слабину со стороны церкви, надолго лишенной патриарха, и все смелее стали проявлять недовольство как в Москве, так и в других городах России. Казалось бы, царь должен был обратить на данный факт внимание, забыть обиды, вернуть на патриаршую кафедру Никона, который активно начал реформы и, учитывая его упорство и суровую волю, мог довести их до логического завершения, не допустив в России того, что произошло в других странах Европы, где реформационные процессы в церкви сопровождались братоубийственными войнами и гибелью сотен тысяч людей.

Алексей Михайлович не мог не знать о событиях недавнего прошлого в странах Западной Европы. Он обязан был знать, что у него под носом, в столице России расширяется раскол, что к недовольным реформой Никона стали примыкать некоторые иерархи, члены известных боярских семей, что раскольникам симпатизировали даже в царской большой семье! Царь наверняка знал об этом. Никон наверняка надеялся на то, что Алексей Михайлович призовет его к себе, как, например, призвал

когда-то к себе в минуту, опасную для государства, император Византийской империи Юстиниан полководца Велизария, и тот разгромил аваров, прорвавшихся к стенам Константинополя.

Но великий государь российский обратился не к Никону, а к созванному весной 1666 года Собору.

Этот религиозный форум признал реформу Никона правильной, а раскольников осудил. Более того, Собор 1666 года осудил самих знаменитых приверженцев раскола, лишил их священных санов. Сразу после Собора все осужденные, кроме протопопа Аввакума и дьякона Федора, покаялись и были прощены. Эта победа сторонников реформы Никона пользы ему самому не принесла. Данный факт является лишним доказательством того, что не гении выбирают и делают историю, а история выбирает и пестует гениев.

На весеннем Соборе 1666 года дело Никона по вполне понятным причинам не разбиралось, союзники Алексея Михайловича, что называется, копили силы. Осенью того же года в Москву прибыли патриарх Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий. Патриархи Константинопольский и Иерусалимский прислали в столицу письма, в которых выразили полное доверие двум своим коллегам и согласие на суд над Никоном.

Великий Собор церковный начал работу в ноябре 1666 года. Он одобрил реформу патриарха Никона, а затем занялся делом Никона. В роли обвинителя выступал сам Алексей Михайлович. Со слезами на глазах он перечислил все нанесенные ему, Православной церкви и государству «обиды». Никон защищался яростно и грубо. Досталось в его высказываниях всем, особенно восточным патриархам. «Ходите по всей земле за милостыней!» — сурово повторял обвиняемый. Многие присутствующие на Соборе относились к приезду восточных патриархов и митрополитов с иронией, но держали эту иронию в себе. Никона на Великом соборе не держали никакие тормоза. Он говорил резко, и в этой часто не оправданной моментом резкости была его слабость, слабость затравленного собаками медведя.

Собор единодушно снял с него патриаршество, священство и отправил осужденного в ссылку в Ферапонтовский Белозерский монастырь.

Но на этом Великий собор церковный не закончил свою работу. Единодушие в оценке деятельности Никона у многих поколебалось после того, как был зачитан составленный греческими патриархами приговор. В нем совершенно четко и ясно была прописана идея о безоговорочном приоритете светской власти над церковной. Заезжие греки прекрасно понимали, зачем они прибыли сюда, почему царь московский так долго и упорно ждал их. И они не подвели Алексея Михайловича.

Против столь явного возвышения светской власти над духовной воспротестовали некоторые иерархи Русской церкви, причем — вот удивительно! — все они являлись яростными и откровенными врагами Никона. Осудив своего противника, предпринявшего отчаянную попытку возвысить церковь над государством, они сказали «А». Но когда их попросили сказать «Б», они вдруг заартачились, не понимая, что весь глубинный

смысл хорошо продуманного сценария Великого собора церковного 1666 — 1667 годов как раз и состоял в разгроме тех, кому грезилась идея создания православной священной Русской империи.

Великий собор осудил несогласных с тем, что светская власть должна стоять над церковной, а «Никон потому и пал, что историческое течение нашей жизни не давало места его мечтам, и осуществлял он их, будучи патриархом, лишь постольку, поскольку ему это позволяло расположение царя»[1].

Но сам опальный патриарх, если судить по дальнейшей его судьбе, этого не понимал и не хотел понять. Когда его, низверженного, в монашеском клобуке, вывели на улицу, он сел в сани и громко сказал:

— Никон! Никон! Все это тебе сталось за то: не говори правды, не теряй дружбы! Если бы ты устраивал дорогие трапезы, да вечерял с ними, то этого бы не случилось![2]

На публику играл в данном эпизоде Никон или впрямь так считал, трудно сказать. Только ошибался он в своем причинно-следственном анализе произошедшего с ним. Впрочем, публике-то этот анализ и не нужен был. Ей вполне хватало изреченного опальным патриархом, он ей понравился, она стала жалеть Никона — разве этого мало для опального?

Он был доставлен на патриарший двор. Здесь к нему явился Родион Стрешнев с деньгами и запасом мехов от царя. Никон отказался от царской подачки. Стрешнев передал ему, что царь просит у него прощения и благословения. Никон строго изрек: «Будем ждать суда Божия!»

Уже выехав за пределы города, он не отказался принять теплую одежду и двадцать рублей денег от простой и, по всему видать, небогатой вдовы. Сопровождал его отряд в двести стрельцов. В Ферапонтовом монастыре ему запретили писать и получать письма. Несмотря на это, царь неоднократно пытался примириться с Никоном. Не был Алексей Михайлович злым человеком, но был он царем крупнейшей державы. Дорог ему был Никон как человек, но не как крупный политический деятель, способный возвыситься над ним. А Никон от примирения не отказывался, но и прощения царю не давал, «не разрешал его совершенно», выставляя перед царем условие: когда вернешь, тогда и прощу, и благословлю.

Но куда ж такого матерого политика возвращать? В Москву? На патриаршую кафедру?! На это царь не решался. А верные Алексею Михайловичу люди в 1668 году донесли о том, что к Никону являлись казаки с Дона и будто бы они хотели вызволить пленника из неволи. После этого, естественно, были приняты меры предосторожности, усилена и без того надежная охрана отрешенного патриарха.

Двадцать стрельцов с тяжелыми дубинами постоянно дежурили у кельи Никона, хватали всех, кто оказывался рядом по случаю, пытали, отпускали.

---

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 443.

[2] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. II. С. 70.

После смерти царицы Марии Ильиничны царь вновь вспомнил о своем бывшем друге, послал к нему все того же Стрешнева с деньгами. Никон от денег отказался.

Он держался несколько лет. Но в 1671 году Никон сдался. Заточение в келье Ферапонтова монастыря сделало свое дело, надломило волю старика. Не железным он был человеком, хоть и упрямым. Железным был протопоп Аввакум. Но таких людей во все времена и во всех странах можно пересчитать по пальцам. Никон был мягче, обыкновеннее. И, между прочим, в этой обыкновенности и сокрыта тайна его силы, притягательности, авторитета.

В 1671 году он написал царю примирительное письмо, полное жалости к самому себе: «Сижу в келье затворен четвертый год... цинга напала, ноги пухнут, из зубов кровь идет, глаза болят от чада... ослабь меня хоть немного!»[1] В это же время Алексею Михайловичу донесли о том, что Никон посылал к Стеньке Разину своего доверенного человека, но ссыльный наотрез отрицал это. Алексей Михайлович поверил ему, но перевести его в Иверский или в Воскресенский монастырь не решился, повелев ослабить режим заточения Никону в Ферапонтовом монастыре и часто посылая туда обильные подарки.

К этому времени противостояние противников и сторонников никоновских нововведений достигло взрывоопасного напряжения. И грянул новый взрыв. В 1667 году монахи Соловецкого монастыря, не согласные с реформой низложенного патриарха, послали царю письмо с просьбой разрешить им отправлять богослужение по старым книгам. Царь дал категорический отрицательный ответ. После бесполезной и недолгой переписки с монахами царь послал в Соловки войско. Монахи взялись за оружие. Соловецкий монастырь, возведенный Филиппом Колычевым, представлял собой хорошую крепость. На стенах защитники установили 90 пушек, запасов продовольствия здесь было собрано на несколько лет, на помощь монахам набежало со всех концов страны, в том числе и с Дона, много разбойного люда — не так-то просто было взять эту крепость.

Царские люди осаждали Соловецкий монастырь несколько лет. Сменяли друг друга воеводы, увеличивалось количество воинов в их войсках, какими только приемами и средствами не пользовались стоявшие под стенами Соловков военачальники, монастырь взять они не могли. В таких случаях очень часто дела решают предатели. Нашелся такой и в Соловках. В январе 1676 года монастырь был взят.

С раскольниками расправились сурово. Пустозерск и Кола — обители для приговоренных к медленной голодной смерти — ждали самых непокорных из них. А тех, кто просил прощения, отрекся от своих убеждений, царь простил и оставил их в Соловецком монастыре.

Войну с монахами царское войско выиграло, но не выиграл ее царь и русский народ, потому что огонь пушек со стен Соловецкого монастыря воспламенил сердца людские, и раскол быстро, степным пожаром распространился по Руси.

---

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. II. С. 170.

В Москве за эти годы сменились три патриарха: Иосиф, Питирим, Иоаким. Все они побаивались Никона, делали все, чтобы Алексей Михайлович не выпустил его из Ферапонтова монастыря.

В 1676 году скончался царь Тишайший. На российский трон воссел Федор Алексеевич. Ему потребовалось пять лет, чтобы патриарх Иоаким и созванный Собор благословили царя вернуть из ссылки Никона, совсем уж больного. Теперь действительно его можно было возвращать в столицу России. Теперь он был никому не опасен. Ни царю, ни Иоакиму, которого когда-то Никон выписал из Киева в Москву, назначил келарем в Чудов монастырь и который предал своего благодетеля...

Теперь Никон был тяжело болен.

Дьяк Чепелев приехал в Ферапонтов монастырь за Никоном. Затем его, едва передвигавшего ноги, привезли на берег реки Шексны. Освобожденный патриарх попросил ехать через Ярославль. Его посадили в быстрый струг, и побежали перед глазами живописные русские берега, сплошь усеянные простым народом.

Быстрее реки бежала молва, гораздо быстрее! Люди стояли на берегах и молча смотрели на струг, в котором сидел седой старец. Никон чувствовал их взгляды и радовался. Ему удалось прожить жизнь честную. Для человека наивного и искреннего это немало. Иной раз он подымал усталую голову, смотрел на левый берег, затем на правый, видел, а скорее чувствовал колыхание дерев и трав, пышных по августу, видел, а скорее чувствовал патриарх Никон людские глаза, пристально и молча глядевшие с берега на струг.

Никон думал о смерти.

Струг достиг Толгского монастыря неподалеку от Ярославля. Здесь к Никону подошел архимандрит Сергий. Когда-то он издевался над поверженным патриархом, теперь поклонился ему в ноги и попросил прощения, честно сказал, что хотел угодить Собору. Старец простил Сергия, и тот на следующий день с лицом просветленным, с душой прощенной сопровождал Никона. Струг с Волги вошел в реку Которость. И здесь встречал Никона народ — вытащили струг на берег, стали целовать патриарху руку, а он уже так устал (да не ехать, а жить!), что лишь робко и бессловесно поворачивал голову туда-сюда.

Вечером Никон услышал благовест к вечере, оправил волосы, бороду, одежду. Архимандрит Никита понял, куда собирается старец, прочитал отходную. Никон послушно сложил руки на груди и умер.

Патриарх Иоаким наотрез отказал царю Федору Алексеевичу в просьбе отправиться в Воскресенский монастырь на погребение Никона и величать умершего патриархом, но разрешил сделать это новгородскому митрополиту Корнилию. Этот протест можно трактовать по-разному. Патриарх Иоаким, опытный царедворец и политик, прекрасно знал, что Федор Алексеевич долго не протянет, а как отнесется новый царь всея Руси к тому, что он назвал бы Никона в гробу патриархом, предсказать не мог никто! Зачем же рисковать головой?!

Федор Алексеевич присутствовал на погребении, целовал руку умершего. Вернувшись в Москву, царь попросил Иоакима поминать покойного именем патриарха, отослав патриарху митру Никона. И вновь повелитель

Российской державы получил отказ. Иоаким и от богатой митры отказался. Упрямый был человек. А может быть, очень правильный, приученный жить строго по правилам. А может быть, Иоаким своими протестами напоминал царю о том, что разговор о приоритетах светской и духовной властей еще не закончен?

Мудрый Федор Алексеевич, однако, не стал с ним спорить, время драгоценное терять, а направил послание восточным патриархам с просьбой разрешить причислить Никона к лику патриархов. Через некоторое время в Москву пришел положительный ответ на просьбу русского царя. Федора Алексеевича уже не было в живых, и Иоакиму все-таки пришлось поминать Никона патриархом.

Федор Алексеевич

(1661 — 1682)

Со здоровьем Федору Алексеевичу Романову не повезло — совсем слабый был он телом. В детстве его, и без того болезненного, переехали санями, к тому же цинга мучила беспрестанно. Но Бог наградил его ясным умом, светлой душой и добрым сердцем, и Алексей Михайлович решил дать ему, как и другим, здоровым, детям, как и старшему сыну Алексею, хорошее образование, за которое отвечал Семен Полоцкий, монах из Белой России. И решение это было очень верным, потому что Алексей, к великому сожалению царской семьи, умер в 1671 году; был у царя еще один сын от первой жены, Иван, слабый не только телом — цинга его мучила еще хуже, чем Федора, да еще страдал он от болезни глаз, но и умом, совсем не способен был править государством, вдобавок был он моложе Федора.

Семен Полоцкий преподавал своим подопечным основы стихосложения. Царевичу Федору приписывают рифмованные переводы псалмов на русский язык. Поэзия для него могла бы стать делом жизни, но дело у него было другое.

1 сентября 1674 года Алексей Михайлович вывел сына на Лобное место и объявил его перед собравшимся людом Москвы наследником престола. Федор Алексеевич в ответ сказал цветистую речь. Из него получился бы неплохой оратор. Но здоровье не позволяло ему долго баловать публику своим искусством. Трудно было ему ходить, стоять, сидеть. Боярин Ф. Ф. Куракин и окольничий И. Б. Хитрово, ответственные за воспитание наследника, стояли бок о бок с ним, на всякий случай.

В тот день радостные чиновники получили прибавку к жалованью. Досталось и народу. Алексей Михайлович не поскупился: пусть веселится и радуется люд московский, не каждый день такое событие случается.

Перед смертью царь призвал к себе слабого телом Федора и без тени тревоги, без тени сомнения передал в его некрепкие руки святой крест и скипетр и сказал: «Благословляю тебя, сын, на царство!» Алексей Михайлович был мудрым человеком. Он знал, что боярин А. С. Матвеев и все Нарышкины, которых царь уважал, ценил и любил, мечтали о воцарении четырехлетнего крепкого и смышленого не по годам сына его Петра. Он знал также, что при царе Федоре Нарышкиным будет несладко. А уж как он любил Наталью Кирилловну, о том и говорить не стоит!

Но царство он передал Федору Алексеевичу, совсем юному, доверчивому, именно по юности своей. Почему же так поступил царь, которого ни в корысти, ни в глупости обвинить было нельзя?

Во-первых, обычай вынудил его передать власть старшему сыну, и события 1682 года, о которых речь пойдет в рассказе о Софье Алексеевне, лишний раз доказывают, что против обычая идти было опасно даже царю.

Во-вторых, сам Федор Алексеевич, слабый телом, но не слабый умом и волей, видимо, внушал отцу доверие.

После смерти Алексея Михайловича во дворце полыхнула ссора между Милославскими и Нарышкиными, за которых стоял недавно всесильный Матвеев. По нему-то и нанесли первый удар союзники шестерых сестер Федора Алексеевича. Матвеев лишился должности надзирателя за аптекою якобы за то, что не допивал, как положено, лекарства после царя.

Артамон Сергеевич не успел перевести дух от поражения, как противники нанесли еще один удар. Они обвинили его в неуплате 500 рублей за вино голландцу Монсу Гею, отняли у него Посольский приказ и отправили воеводой в Верхотурье. Матвеев смирился с судьбой, поехал к месту назначения, но его догнали, остановили, предъявили новое, страшное, обвинение в колдовстве, в чтении «черных книг». Боярин сопротивлялся как мог, но от жизни ему больше ничего хорошего ждать не приходилось. Время его прошло.

Он выслушал обвинения, приговор, слезно выпросил судей разрешить ему взять с собой в ссылку сына и отправился в Пустозерск, в такое гнилое место, которое может свести с ума даже очень сильного человека, а тем более такого, который долгое время обитал в Кремле, занимая высшие государственные должности. Артамон Сергеевич не зря уговаривал судей оставить с ним десятилетнего сына Андрея. Только сын мог спасти его в те тяжелые годы. Сын! Его, десятилетнего мальчика, нужно было выручать из беды, ради него нужно было писать царю-батюшке жалкие, жалостливые письма.

Городок Пустозерск находился в низовьях Печоры, неподалеку от озера Пустое. В 1666 — 1667 годах сюда был сослан протопоп Аввакум, глава и идеолог русского раскола. Он был сильным человеком. Он мог жить в столь невыносимых условиях.

Первую челобитную Матвеев написал в июне 1677 года еще в Казани, где состоялся суд над ним, попросил врагов своих передать ее царю. Его просьбу не удовлетворили, а через некоторое время после утомительного путешествия он увидел Пустозерск и ужаснулся — жить здесь было невозможно.

В июне того же года в ссылку в Ряжск были отправлены «за подстрекательство к убийству царя» братья царицы Натальи Кирилловны — Иван и Афанасий Нарышкины. Милославские со своими союзниками мечтали нанести решительный удар по царице и по Петру. Но на это сил у них не хватило: совсем немощный, едва передвигающийся на ногах, с трудом выносивший любые длительные поездки, часто недомогавший Федор Алексеевич царицу и царевича в обиду не дал. Г. Ф. Миллер в очерке «История жизни Федора Алексеевича» пишет так: «Но Федору при вос-

питании внушены были обязанности детей к родителям, и, хотя Наталия была ему только мачеха, она никогда не имела причины на него жаловаться. Федор уважал ее, старался предупреждать все ее желания, оставил при ней прежний хорошо устроенный придворный штат. Федор любил Петра и сам направлял его воспитание и учение, смотрел на него как на своего наследника, хотя имел ближайшего брата Иоанна, который был еще слабее здоровьем, нежели он сам, и пред которым Петр имел чрезвычайно много преимуществ, как телесных, так и душевных»[1].



К этому следует добавить лишь следующее: царевне Софье, ее многочисленным сестрам, а также всем Милославским и их союзникам в борьбе с Нарышкиными тоже при воспитании внушали «обязанности детей к родителям», тоже внушали, что обвинять невиновных — грех тяжкий, но сие внушение слабо подействовало на них.

Федор Алексеевич, по матери родственник всех Милославских, был выше клановых амбиций, и, может быть, понимая это, спокойно умирал его отец, Алексей Михайлович. Царская власть может с наибольшей пользой исполнить предназначенные ей функции только в одном случае: если она не будет действовать по принципу «разделяй и властвуй». Царская власть должна соединять и властвовать. Это гораздо сложнее, чем властвовать разделяя, это удается только самым мужественным и счастливым царям, да и то в кратчайшие периоды истории. Федору Алексеевичу в полной мере это сделать не удалось, но он, хоть и не смог властвовать объединяя, не пытался разделять свой народ, своих бояр — тоже достижение немалое.

В 1679 году семнадцатилетний царь приблизил к себе Ивана Максимовича Языкова, сделав его постельничим, и Алексея Тимофеевича Лихачева. С этого времени начинает действовать московское правительство. Оно издало целый ряд распоряжений, постановлений с целью упорядочить власть на местах и в центре, упростить управление и «избавить народ от содержания многих должностных лиц».

В 1680 году весной, перед началом полевых работ было проведено межевание вотчинных и помещичьих земель, что ослабило постоянно возникавшие «пограничные» споры и недоразумения, сократило число

[1] *Миллер Г. Ф.* Сочинения из истории России. М.: Наука, 1996.



Царица Наталья Кирилловна

жестоких стычек между крестьянами, иной раз приводивших к убийствам.

В то же лето царь Федор Алексеевич влюбился в девицу Агафью, дочь Семена Федоровича Грушецкого, и 18 июля сочетался с ней законным браком, чтобы не откладывать дело в долгий ящик. Некогда было откладывать такие важные дела царю, болезнь постоянно торопила его, урезала ему срок жизни.

Этой свадьбой был недоволен Милославский. Он делал все, чтобы очернить в глазах царя незнатную родом невесту, вдобавок полячку, не понимая, что такие люди, как Федор Алексеевич, могут проявлять в подобных делах несгибаемое упорство. Милославский не добился своего, был отстранен от влиятельных должностей в Кремле, где, похоже, сменилась «партия власти», как во времена женитьбы Алексея Михайловича на Наталье Кирилловне.

Теперь польская мода поразила царский двор. Этому, в частности, сопутствовало польское происхождение Семена Полоцкого, учителя и воспитателя юного царя, знавшего польский язык. В Кремле произошли «кадровые перестановки», в должностях были повышены Языков и Лихачев, царь приблизил к себе Василия Васильевича Голицына.

В 1680 году правительство утвердило составленный за год до этого закон об отмене жестоких приговоров: отменялось отсечение рук и ног у приговоренных, эти бесчеловечные зверства были заменены ссылкой в Сибирь.

В 1681 году закончилась русско-турецкая война, начавшаяся знаменитым Чигиринским походом в 1677 году. Русские отстояли Левобережную Украину, но война была продолжительной, утомительной и наносила казне огромный ущерб.

Из Пустозерска, наконец, дошли до царя челобитные боярина Матвеева. Он писал письма всем, в том числе и врагам своим, в надежде на милосердие. Враги безмолвствовали. Лишь патриарх всея Руси пытался помочь Матвееву, но помощь пришла, как часто бывает в подобных случаях, от женщины: от Агафьи, невесты, а затем жены царя.

Как ей удалось воздействовать на мужа — не о том речь, но Федор Алексеевич наконец прочитал письмо из Пустозерска: «Я в такое место послан, — писал Матвеев, — что и имя его настоящее Пу́стозерск: ни

мяса, ни калача купить нельзя; хлеба на две денежки не добудешь; один борщ едят да муки ржаной по горсточке прибавляют, и так делают только достаточные люди; не то, что купить, именем Божьим милостыни выпросить не у кого, да и нечего. А у меня, что по милости государя не было отнято, то все водами, горами, и переволоками потоплено, растеряно, раскрадено, рассыпано, выточено...»[1] Совсем было плохо Матвееву в Пустозерске. Царь сжалился над ним, повелел перевести его вместе с сыном в Мезень, для сына повелел он прислать туда учителя — поляка Поборского, а чтобы опальный вспомнил, что был он не так давно боярином, дали ему 30 слуг, 156 рублей жалованья, а кроме этого кое-каких продуктов. Зажил Матвеев в Мезени. А в Пустозерске остался в келье протопоп Аввакум, человек несгибаемой воли. Он прожил в этих суровейших местах пятнадцать лет. Его пытались угомонить цари, патриархи, люди попроще — сделать это было невозможно. Протопоп Аввакум остался верен себе. Его не сломил даже Пустозерск. Царь не знал, что делать с этим человеком.

Боярин Матвеев уже обживался в Мезени, надеясь на дальнейшее улучшение своих взаимоотношений с царем, а в это время другой опальный — бывший патриарх Никон — уже готовился к путешествию из ссылки в основанный им Воскресенский монастырь на реке Истре. Еще в 1676 году он был переведен из Ферапонтова монастыря в Белозерском уезде, где жил простым монахом, в Кирилловскую Белозерскую пустынь. Федор Алексеевич хорошо относился к Никону. Так хорошо, что несколько раз он отправлял к восточным патриархам гонцов с заданием получить грамоту, разрешающую Никону вторично занять патриарший престол.

В июле 1681 года в Кремле с волнением ожидали рождения ребенка в царской семье. Агафья родила мальчика. Его назвали в крещении Ильей, но порадоваться счастью Федор Алексеевич не успел. От родов умерла жена его, Агафья, а чуть позже умер и сын, Илья. Царь перенес тяжелую потерю стоически.

В январе 1682 года в Москве был созван Собор служилых людей. На этом Соборе решали миром проблемы реформирования армии, искали новые способы организации армии разросшейся империи. Собор служилых людей высказался за ликвидацию местничества, за использование в военном деле опыта европейских стран.

Царь благосклонно отнесся к этим решениям и приказал сжечь разрядные книги. Приказ был исполнен быстро и точно. Вместе с разрядными книгами сгорело не только местничество, но целый пласт истории.

Грамота восточных патриархов, разрешающая Никону вторично занять патриарший престол, уже отправилась в Москву, Аввакум продолжал упорствовать, огонь костра, на котором сгорели разрядные книги, теребил гневные души бояр, теряющих свои привилегии. Добрый Федор Алексеевич старался гнать от себя гнев на них.

---

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. I. С. 378.

В январе 1682 года царю приглянулась Марфа Апраксина, крестница Артамона Сергеевича Матвеева. После обычных формальностей он объявил ее своей невестой, а в Мезень отправился капитан Лишуков со счастливой вестью о том, что царь признает невиновность Матвеева. Опальному боярину возвратили все имения и вотчины, возместили убытки.

Матвеева крестница, Марфа Апраксина, имела на царя огромное влияние. По сведениям некоторых современников, она примирила супруга с Натальей Кирилловной Нарышкиной и с ее сыном Петром, «с которыми... у него были «неукротимые несогласия»[1]. О взаимоотношениях Федора Алексеевича с Нарышкиными Г. Ф. Миллер и другие ученые имеют иное мнение, хотя вполне вероятно, что их отношения менялись.

Слабый телом, Федор Алексеевич был человеком повышенного жизнелюбия. Он мечтал вновь о детях — о царевичах, наследниках престола! О том же наверняка мечтала и Марфа: какой нормальной женщине не хочется родить мужу, да еще царю, наследников! Это желание могло породить «неукротимые несогласия» между царствующей семьей и царицей Натальей Кирилловной с ее сыном Петром, хотя все они, неукротимо-несогласные, судя по дошедшим до нас источникам, люди были незлобные, всех их соединяло нечто слишком человеческое. Но власть всех их разъединяла.

27 апреля 1682 года Федор Алексеевич Романов умер в возрасте двадцати лет.

О его правлении, о его личности у разных ученых разные мнения. Но нужно помнить о том, что он за три года с небольшим самостоятельного правления сделал немало. Его внутренняя политика привела к стабилизации положения в стране, законодательная деятельность упорядочила жизнь самых разных слоев населения. Будучи самодержцем, он исповедовал ценности — политические, экономические, моральные, духовные и этические — боярского века, он не мог и не хотел отрываться от принципов боярского правления, созывал соборы для решения важнейших проблем, и в этом он, казалось бы, весь семнадцативековый.

Но таковым Федор Алексеевич все же не был! Ему крупно не повезло с физическим здоровьем и с временем; временем потребителей, прожигающих жизнь, состояния, додумывающих чужие мысли, осуществляющих чужие идеи, как Борис Федорович Годунов, промотавший созданное за несколько десятилетий русскими людьми богатство, человек момента, пусть гениальный, но четко ограниченный этим самым моментом (что и явилось главной причиной его личного краха и трагедии его семьи). Федор Алексеевич отличался от него именно тем, что совсем не свойственно ни времени потребителей, ни самим потребителям: первое — разумной бережливостью; второе — перспективным государственным мышлением, о чем свидетельствует прежде всего законодательная деятельность его правительства и особенно деятельность созываемых им соборов.

---

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. II. С. 379.

Быть может, Федор Алексеевич не знал о существовании описанной в данной работе версии циклического развития общества от генераторов государственных идей к производителям, затем накопителям и потребителям. Быть может, он совсем по-иному представлял себе движение русской истории от царя Василия Ивановича Шуйского, в годы правления которого окончательно оформилась идея боярского правления, к Михаилу Федоровичу, патриарху Филарету — кропотливому производителю-реализатору, и далее — к Алексею Михайловичу — заботливому накопителю, и далее — к себе самому, Федору Алексеевичу, обязанному быть потребителем, транжирщиком.

Церковный Собор 1681 года. Решаются организационные вопросы.

Собор служилых людей 1682 года. Ликвидируя местничество, он замахивается на институт боярства. Признание необходимости реорганизовать армию по европейским образцам говорит о многом. В армиях Европы проходило мощное перевооружение на базе нового огнестрельного оружия. Многие специалисты военного дела, инженеры прекрасно понимали, что это только начало, что стремительное улучшение тактико-технических данных пушек, пищалей, аркебузов будет постоянно менять тактику и стратегию сражений и войн, а также отношение правительств к военному делу вообще, к техническому обеспечению армий в частности. Понимали это и русские люди, в том числе и цари Алексей Михайлович и Федор Алексеевич. Боярская система власти обеспечить эту начавшуюся в Европе гонку за постоянно меняющимся лидером не могла.

Федор Алексеевич велик именно тем, что, созвав Собор служилых людей, как бы предложил им самим высказать, пусть и не в столь откровенной форме, эту мысль. Служилые люди ее и высказали.

Не останавливаясь на достигнутом, царь еще в декабре 1681 года издает указ о созыве в Москве выборных торговых людей. Нет, потребителем он не был.

К сожалению, смерть, настигшая его 27.04.1682 года, остановила деятельность одного из мудрейших русских царей, попытавшегося создать законодательную базу, на основе которой могла развиваться страна в будущем. Но если встать на его место, то можно представить себе следующие ходы Федора Алексеевича.

На Соборе торговых людей были бы предложены меры, направленные на повышение эффективности купеческого дела, а значит, и на повышение роли купцов в жизни страны. Сам факт созыва Собора торговых людей — явление для страны бояр уникальное!

Следующим ходом Федора Алексеевича мог стать созыв Собора промышленных людей. Они вместе с торговыми людьми уже заждались перемен, чуть позже они станут мощнейшей опорой Петра Великого. Он мчался по жизни на быстрых скоростях именно потому, что Федору Алексеевичу не удалось пожить подольше и своей строго выдержанной политикой, благоприятствующей правовому переходу из одной государственной системы в другую, подготовить экономическую, правовую, организационную базу для великого преобразователя.

Смерть поставила все на свои места. После кончины Федора Алексеевича восторжествовали потребители во главе с Софьей.

Основные события жизни Федора Алексеевича

1661 год. В июне у Марии Ильиничны, первой супруги царя Алексея Михайловича, родился второй сын, Федор.

1671 год. 17 января скончался старший брат Федора, царевич Алексей.

1674 год. 1 сентября (в первый день Нового года по тем временам) царь Алексей Михайлович представил народу сына Федора, которого он «объявлял» наследником престола.

1676 год. 8 июня Федор Алексеевич воссел на русский престол.

4 июля начались гонения на Артамона Сергеевича Матвеева. Его обвинили в том, что он будто бы не выплатил из казны 500 рублей за вино датчанину Монсу Гею, отправили его воеводой в Верхотурье.

В декабре по пути в Верхотурье Матвееву предъявили новое обвинение.

Началась русско-турецкая война, вызванная агрессией Османской империи против Украины.

С первых дней царствования Федор Алексеевич уделял большое внимание наведению внутреннего порядка в Москве, где по ночам совершались грабежи, нападения и убийства.

31 января царь запретил жителям Москвы носить по ночам оружие кроме дубин, гулять по столице после четырех часов ночи.

Дабы упорядочить работу правительства, в частности высшего Тайного приказа, царь 4 августа повелел каждому приказу присылать доклады в строго назначенные дни. «Приятно слышать, — пишет по этому поводу Г. Ф. Миллер, — что за сто лет были подобные повеления, которые пришедши в забвение, возобновились ныне умом и попечительностью величайшей императрицы» (Екатерины Великой. — *А. Т.*)[1].

1677 год. 11 июня Артамону Сергеевичу зачитали приказ царя о лишении его боярства, изъятии в казну всех его имений. Матвеев вместе с десятилетним сыном Андреем был сослан в Пустозерск.

Сразу после ссылки Матвеева опале подверглись братья царицы Натальи Кирилловны, Иван и Афанасий Нарышкины, которых сначала приговорили к казни, а затем царь отменил казнь и сослал их навечно в Ряжск.

28 августа русско-украинская армия во главе с Г. Г. Ромодановским и гетманом И. С. Самойловичем отправилась в поход против турок, осаждавших крепость Чигирин. Русские одержали победу над авангардом противника в сражении под Бужином, и турецкий полководец Ибрахим-паша снял осаду.

В ссоре между калмыками и донскими казаками царское правительство приняло сторону калмыков. Калмыцкий хан (тайша) Аюка признал в очередной раз, что его народ является подданным московского царя. Однако нестабильность в этом регионе оставалась. Аюка вел двойную игру, впрочем, вынужденную: донцы тревожили калмыков.

Царь Федор Алексеевич произвел Венедикта Андреевича Змиева в генерал-аншефы. (Этот русский полководец первым в Московии полу-

[1] *Миллер Г. Ф.* Указ. соч. С. 339.

чил генеральский чин — в 1657 году от царя Алексея Михайловича.) Чуть позже генералом стал Аггей Шепелев, думный дворянин. Третьим русским генералом, согласно сведениям того же Миллера, стал Григорий Иванович Косагов.

1678 год. Русско-украинское войско Г. Г. Ромодановского и И. С. Самойловича во втором походе к Чигирину (турки на этот раз взяли город после месячной осады) остановило продвижение турецко-татарского войска во главе с Кара-Мустафой.

14 сентября в Москву вернулся Николай Спафарий. Главной цели своей поездки — прекращение споров между казаками и китайцами из-за реки Амур — он не достиг по независящим от него причинам.

1679 год. В Москве ожидали крупного вторжения османов и крымцев. Вторжение не состоялось.

Ставший совершеннолетним Федор Алексеевич приблизил к себе Ивана Максимовича Языкова и Алексея Тимофеевича Лихачева.

В ноябре были упразднены звания губных старост и целовальников (правительство развернуло работу по упрощению местного управления, чтобы избавить народ от излишних расходов на содержание огромного аппарата).

Был составлен закон о прекращении членовредительства на казнях (отсечение рук, ног), изуверства заменялись ссылкой в Сибирь. В 1680 году новый закон подтвержден и принят.

1680 год. Федор Алексеевич 18 июля сочетался с Агафьей Грушецкой браком.

А. С. Матвеева перевели из Пустозерска в Мезень, дали ему тридцать человек прислуги, жалованье и продукты питания.

Было осуществлено межевание вотчинных и помещичьих земель. Это сократило количество споров из-за рубежей.

1681 год. В мае издано постановление, целью которого было распространение христианства среди мусульман. Согласно этому постановлению, у татарских мурз, не принявших христианство, отнимались крестьяне православной веры.

В мае издан закон о наказании тех владельцев земель, которые подстрекают своих людей на драки за спорные территории.

В июле были уничтожены откупы на винную продажу и на таможенные сборы.

14 июля умерла царица Агафья во время родов. Новорожденный сын ее Илья скончался через несколько дней.

Был созван Церковный собор. На нем рассматривались разные вопросы, в том числе организационные, а также касающиеся проблемы раскола в церкви. Церковь передала дело, касающееся раскола, в ведение светской власти.

В ноябре царь издал указ о создании Собора служилых людей для «устроения и управления ратного дела».

17 августа по пути в Воскресенский монастырь неподалеку от Ярославля умер Никон (грамота от восточных патриархов, удовлетворявшая просьбу Федора Алексеевича, прибыла в Москву 20 сентября 1682 года, когда ни царя, ни Никона уже не было в живых).

13 января был заключен Бахчисарайский мир с Османской империей, признавшей факт воссоединения Левобережной Украины с Русским государством.

1682 год. Собор служилых людей был созван в Москве. Он сыграл выдающуюся роль в деле реорганизации русского войска. В первые же дни заседаний Собора выборные высказались за необходимость реформы армии по образцу европейских стран, за ликвидацию местничества...

В январе царь назвал своей невестой Марфу Апраксину.

В январе же Федор Алексеевич объявил А. С. Матвееву и его сыну о том, что он признает их невиновными, возвращает из ссылки, а также возвращает им все их «вотчины и пожитки».

15 февраля состоялось бракосочетание Марфы Апраксиной и Федора Алексеевича Романова.

27 апреля царь Федор Алексеевич Романов скончался в возрасте двадцати лет.

Царевна Софья

(1657 — 1704)

Сразу после смерти Федора Москва услышала призывный голос колокола: «Бояре — в Кремль!» Сознавая серьезность момента, бояре собрались быстро. Патриарх Иоаким после короткой строгой речи спросил бояр, кого они желают иметь царем: слабоумного Ивана или малолетнего Петра? Подавляющее большинство собравшихся высказалось за избрание Петра. Но некоторые бояре вполне разумно и обоснованно заявили, что у Ивана Алексеевича есть право первородства. Пренебречь этим правом бояре самостоятельно не решились. Патриарх Иоаким предложил воспользоваться удобным случаем — в Москве находились еще люди, созванные по приказу царя Федора на Земский собор «для уравнения людей всякого чина в платеже податей и в отправлении выборной службы».

Через несколько часов у Красного крыльца собрались представители многих русских городов, представители Великой, Малой и Белой Руси. Патриарх повторил им сказанное боярам и задал тот же самый вопрос: кому быть русским царем? «Царевичу Петру Алексеевичу!» — дружно крикнули почти все выборные.

Когда шум сотен голосов утих, в толпе раздались недружные голоса: «Царевичу Ивану Алексеевичу!»

Громче всех кричал дворянин Максим Исаевич Сумбулов. Он пытался доказать, что по обычаям первородства престол должен принадлежать старшему сыну Федора. Выборные это и сами знали. Но знали они и другое: печально известное правление блаженного тезки Федора Алексеевича — сына Ивана IV Васильевича Федора. Ситуация в стране менялась: соборы последних лет, созываемые по инициативе больного телом, но здорового духом и крепкого умом Федора Алексеевича, породили у выборных людей надежду на близкие перемены. Их ждали разные слои населения: боярское правление, боярская вольница исчерпали себя уже давно.

И в этой ситуации отдавать страну в управление новому слабоумному царю, а значит, боярам Милославским и их союзникам, на неизвестное время было по меньшей мере неразумно. Между прочим, почивший царь Федор Алексеевич это тоже понимал, иначе не созывал бы соборы.

Патриарх выждал немного и снова спросил людей: «Кому быть государем русским?»

«Царевичу Петру Алексеевичу!» — Голос выборных, по сути — голос земли Русской, был мощным и дерзким.



После воссоединения Малой, Белой и Великой Руси Московское царство, Русское государство преобразилось в Россию. Правда, официально его Российской империей не называли, для этого нужно было сделать еще один шажок — объявить царя императором.

Яростные сторонники старины до сих пор недоуменно пожимают плечами и спрашивают себя и своих оппонентов: «Ну зачем нужно было становиться Российской империей, кому нужны были нововведения Петра и за какие такие великие дела его назвали Великим?»

Любые, даже самые логичные и обоснованные ответы ученых, мыслителей не удовлетворяли и никогда не удовлетворят этих любителей московской старины точно так же, как заядлого бородача никакие доводы не убедят сбрить бороду. Но время бежит. Бежит по замысловатым своим маршрутам. Может быть, когда-нибудь все повторится, и в Московской земле восторжествуют времена боярского правления, и обитатели Кремля наденут цветастые балахоны до пят и будут править царством Московским.

Но в 1682 году времена боярского правления окончились. Все, кто слышал о крепком, здоровом, энергичном, подвижном Петре Алексеевиче, знали, что лучше подождать шесть-семь лет до его совершеннолетия и терпеть эти годы любое правительство (пусть и боярское!), чем посадить еще одного блаженного на царство, а при нем обязательно появится новый Годунов, а затем жди очередной смуты.

«Петра Алексеевича на царство!» — решило земство.

И Петр стал царем, законно избранным представителями городов России. Патриарх Иоаким посадил его на трон, и все его избиратели стали подходить к нему и целовать его руку.

Царевна Софья подошла к нему. В глазах ее радости не было, была вынужденная покорность, временная.

На следующий день во время похорон Софья покорность забыла. Она, нарушая обычай, смело шла за гробом рядом с законно избранным царем. Десятилетний мальчик-царь не мог поставить ее на место, наказать. В тот день сил для борьбы у него не было. Еще при Федоре властолюбивая, неглупая, по отзывам современников, Софья постоянно вертелась у трона, помогала больному брату, приучала приближенных к себе, приучала бояр, думных дворян, священнослужителей, иностранцев видеть женщину у власти. Милославские относились к этому спокойно: лучше женщина, чем ненавистные им Нарышкины.

Женщина шла рядом с царем за гробом. Слабая женщина, чувствительная. В момент погребения Софья вдруг заголосила срывающимся голосом. Она жалела брата? Нет. Она ненавидела Нарышкиных и воцарившегося Петра. Она бросила победителям вызов. Она начала с ними жестокую борьбу. У гроба брата, у его могилы.

Возвращаясь во дворец, Софья громко, с повизгиваниями, кричала, выла по-бабьи: «Рано, царь наш, брат наш Федор, покинул ты нас, отравою врагов изведенный! Пожалейте нас, люди добрые! Осиротели мы... Брат наш, Иван, не избран на царство! Отпустите нас живых к христианским королям!»

Был бы Петр постарше, имел бы в Кремле побольше людей верных и влиятельных, что бы он сделал с Софьей, разрыдавшейся и в бабьем своем крике обвинившей всю Русскую землю, всех прибывших по воле ее брата Федора на Собор людей в том, что избрали они на царство Петра незаконно, что Федора враги отравили?.. Первым делом Петр должен был бы назначить следствие по делу, а затем, если следствие обвинило бы царевну в сговоре, в подстрекательстве к борьбе с царем, отправить ее в монастырь.

Но Петр в 1682 году сделать этого не мог. Он был еще очень слаб. И политически, и даже физически. Он не выдержал утомительного обряда погребения, простился с телом Федора и ушел.

Вернувшись во дворец, Софья через сестер-монахинь (не сама — она была опытным интриганом) сделала внушение царице Наталье, которая была по положению при дворе выше царевны. Мать царя, не скрывая раздражения, ответила монахиням: «Ребенок давно не ел, устал». Софью это вполне удовлетворило. Она сделала еще один, чисто женский, но верный ход. Царица хоть и раздраженно, но оправдывалась перед ней. И Софью никто не поставил на место! Реплика Ивана Нарышкина, оказавшегося по случаю рядом: «Кто умер, тот пусть лежит, а царь не умер», выглядит абсолютно бестолковой, и никого на место она не поставила — с мужчинами такое случается.

Явившись во дворец из ссылки, самый молодой из Нарышкиных, Иван, возомнил себя правителем, ходил по Кремлю гордый, надменный. Боярам это не нравилось. Софья действовала тактически точнее.

Нарышкины упустили инициативу уже из-за того, что разрешили отпустить домой выборных Малой, Белой и Великой Руси — единственную свою поддержку. Почему они это сделали? Потому, что оставались боярами. Они не могли понять (Софья это понимала), что избрание Собором Петра противоречит не только устремлениям Милославских — с ними-то Нарышкины во главе с Матвеевым, уже прибывшим в Москву, справились бы, но и устремлениям стрельцов, на которых боярство во главе с боярскими царями опиралось весь XVII век.

Стрельцы, может быть, не осознавали, но чувствовали интуитивно, что в стране грядут большие перемены, что вместе с монархией, ограниченной Боярской думой, сгинет, канет в Лету и стрелецкое войско, наделенное привилегиями. Об их привилегиях, кстати, упоминалось в некоторых постановлениях предыдущего Собора в Москве — Собора служилых людей, на котором, как говорилось в рассказе о Федоре Алексеевиче,

было решено организовать военное дело по образцу западноевропейских стран. Именно это постановление Собора служилых людей пугало стрельцов.

Если бы Собор пожелал создать новое войско по принципу турецких янычар и египетских мамелюков, тогда стрельцы были бы этому очень рады. Но Собор ориентировал военное дело на Европу, в этом случае они оказывались не у дел.

Так или иначе, но Софья и Милославские, распустив выборных людей, дали возможность стрельцам побороться за свои права. А вот Нарышкины не воспользовались выборными людьми, не созвали (уже собранный) Собор, на котором они могли бы решить одну стратегическую и тактическую задачу: официально, всей Русской землей, выбрать и утвердить правителя до совершеннолетия царевича Петра! Вернувшийся из ссылки Матвеев справился бы с этой задачей великолепно. Нарышкины этого не сделали. Инициатива перешла к Милославским, к Софье.

За всю историю человечества женщины не породили ни одной серьезной государственной идеи. Они могут быть великолепными реализаторами государственных концепций, о чем говорит деятельность Маргарет Тэтчер, среди женщин есть блистательные накопители, и биография Екатерины Великой тому яркое подтверждение. О женщинах-потребителях можно вообще не говорить: этим качеством обладают буквально все представительницы слабого пола.

Говоря о потенциальных возможностях женщин в деле государственного правления, не следует все же забывать о том, что начальный период истории человечества прошел в недрах матриархата, память о котором надежно сохранилась в тайниках женского генофонда. И хотя в изменившемся с тех пор мире женщине чаще всего не по силам бразды правления, но периодически в прелестных созданиях воскресает страстное, а иной раз страшное желание править племенами, государствами, империями и всей планетой в целом. Бывает, и нередко, что эти страстные желания вполне оправданны внешними и внутренними качествами претенденток, и они, взяв власть, правят на радость людям.

Была ли таковой Софья?

Нарышкины не обратили внимания на поведение царевны, занялись решением своих внутренних проблем, а именно: кто же из них будет главным при малолетнем царе, но не успели их решить — голос подали стрельцы.

Еще при Федоре Алексеевиче они писали жалобы на своих полковников. Иван Максимович Языков тогда повелел сурово наказать челобитчиков. Их хорошенько отстегали кнутом, выдворили из Кремля. Перед самой смертью Федора Алексеевича стрельцы целым полком били челом царю на своего начальника. На этот раз Языков не осмелился отдать приказ пороть весь полк, разобрал дело, наказал полковника.

Теперь, по воцарении мальчика Петра в Кремль явились стрельцы с челобитной на всех своих начальников, числом шестнадцать. Бояре с

перепугу пошли стрельцам на уступки. Полковников приговорили к суровому наказанию и правежу. Стрельцы остались довольны. В их присутствии, под их «руководством» двое палачей в течение восьми дней били батогами бывших военачальников стрельцов. Непростительная глупость! Расправа прилюдная над полковниками породила в душах вояк чванство и неутолимое чувство вседозволенности.

Артамон Сергеевич Матвеев, прибывший в Москву, сказал с грустью, узнав об этом: «Если дать им хоть немного поблажки, то они дойдут до крайности». Но поблажку им уже дали, и немалую. Матвеев опоздал. Нарышкины совершили в первые несколько дней правления Петра грубейшие ошибки.

Ими воспользовалась властолюбивая Софья. Ее люди ходили к стрельцам, говорили о том, что Петра избрали на царство незаконно, что он не даст им ни денег, ни корма, что отправят их, несчастных, на тяжелые работы, а православную веру искоренят... Тем же маршрутом ходила некая Федора. Она раздавала стрельцам деньги от Софьи Алексеевны и нашептывала всякие небылицы, одна нелепее другой.

Стрельцы поверили им. Почему? Может быть, в России пришло время «солдатских императоров», как в Риме? Нет, стрельцы почувствовали слабинку в действиях Нарышкиных, увидели денежки (пока еще маленькие), поняли — это они поняли наверняка! — что в Москве им равных нет, что, поддержав Софью, они получат гораздо больше, и решили действовать.

Милославские в эти дни действовали взвешенно, продуманно. Боярин Иван Михайлович из дома не выходил. К нему тайком наведывались новые полковники, выслушивали его, возвращались к стрельцам и говорили им о том, что Нарышкины готовят расправу над челобитчиками, хотят разослать всех стрельцов по отдаленным городам.

И стрельцы верили Милославскому, и ненависть к Нарышкиным быстро росла. 14 мая стрельцам сообщили «страшную новость», будто бы Иван Нарышкин в царском одеянии воссел на трон, надел на себя венец и стал громко кричать: «Это место, эта одежда и царский венец мне подходят лучше, чем кому бы то ни было». Вдова царя Федора, Иван Алексеевич и, конечно же, Софья стали, мол, бранить его за это. Нарышкин, согласно «страшной новости», вдруг бросился на Ивана и стал его душить. На крик о помощи прибежали воины и спасли несчастного царевича.

Стрельцы и этой сплетне поверили. Спали они в ту роковую ночь мало. А в полдень 15 мая кто-то в толпе стрельцов крикнул: «Нарышкин задушил царевича Ивана!» И толпа взорвалась. С оружием в руках стрельцы бросились в Кремль. Кто-то, тяжело дыша, вспомнил: «Царевича Дмитрия сгубили 15 мая и царевича Ивана!» Это лишь подлило масла в огонь. Стрельцы бежали шумно, их провожал набатный звон колоколов, барабанный бой; москвичи в страхе перед неизвестным бросались в стороны от бегущего на штурм Кремля воинства. И шорох боевых знамен, созвучный дыханию людей, сопровождал стрельцов.

Ворота в Кремле закрыть не успели. Там мирно стояли кареты бояр, собравшихся обсудить сложившееся положение. Бояре в подобных случаях всегда опаздывают.

«Нарышкиных!» — яростной нотой взвыл воздух, и полетели вверх колесами кареты, а вместе с ними и кучера. Бояре в ужасе забегали по дворцу: «Что же делать?! Что же делать?!»

Делать им теперь было нечего. Теперь пришло время стрельцов, время краткое и потому очень страшное.

«Иван Нарышкин задушил Ивана Алексеевича! — безжалостен был голос сотен людей. — Отдайте нам губителей Нарышкиных!»

Ловко сработала Софья — смелая девица, нечего сказать. В такие игры с буйным воинством играть не решались даже самые бесшабашные мужчины. А тут на тебе — царевна Софья возбудила дикие, живодерские инстинкты в регулярном войске.

Некоторые бояре, самые везучие, выбежали из Кремля. Другим осталось лишь искать себе укромные местечки — расправы боялись все.

Царица Наталья по совету Матвеева и Иоакима взяла за руки Петра и Ивана Алексеевичей и вышла на Красное крыльцо.

«Вот они перед вами, оба царевича. Их никто не думал убивать». Стрельцы на мгновение опешили. Они зашли уже слишком далеко. Злоба их распалила. Не поверили они, спросили: «Ты точно и есть прямой царевич Иван?» Иван Алексеевич спокойным голосом ответил им: «Да, я Иван, сын Алексея Михайловича. Никто меня не собирался убивать. И врагов у меня нет».

Могли стрельцы здесь поставить точку? Нет. И причина их готовности крушить все — в решениях уже упоминавшегося Собора служилых людей, объявившего, что стране нужны новая армия, новые взаимоотношения между царем и армией. Стрельцы — а в них было очень много от казацкой вольницы! — России больше были не нужны. И они с этим смириться не могли. Они пытались что-то предпринять, Софья предложила им шанс отличиться. Они, не подумав, куда заведет их эта авантюристка (почему-то ее так редко называют, хотя все ее действия — чистой воды авантюра), ринулись в бой.

«Пусть Петр отдаст царский венец старшему брату! — кричали стрельцы. — Выдайте нам всех изменников! Выдайте нам Нарышкиных; мы весь их корень истребим! Царица Наталья пусть идет в монастырь!»[1]

Это был бунт, возглавляемый Софьей Алексеевной Романовой, но справиться с ним Нарышкины не могли.

Смелое решение принял патриарх — он сделал несколько шагов вниз по ступеням Красного крыльца, пытался вразумить стрельцов. «Не нуждаемся в советах! Пришло наше время! Мы сами разберемся, кого ставить на престол!» — крикнули стрельцы и рванулись на Красное крыльцо. Начался самосуд.

Начальник Стрелецкого приказа подал было голос, пригрозил стрельцам виселицей и полетел за эту угрозу на копья. Уже мертвого, его из-

[1] *Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. II. С. 386.

рубили на куски. Рядом с царицей Натальей и Петром стоял Артамон Сергеевич. Если судить по тем сведениям, которые дошли до сего дня, то можно сказать определенно: зла он людям не желал, знал людей хорошо, но в тот момент, когда Софья пошла в решительную атаку на Нарышкиных, он не имел возможности, говоря военным языком, организовать оборону.

Стрельцы схватили его. Князь Черкасский вырвал боярина из их рук, накрыл своим телом. Воины, еще не совсем озверев, Черкасского убивать не стали, лишь избили князя, сорвали с него одежду, подняли Матвеева и бросили его на копья. Тяжелую жизнь прожил Артамон Сергеевич. Но даже в Пустозерске ему не было так тяжело, как на копьях стрельцов. Впрочем, одно из них, острое, быстро нашло сердце мудрого старца, и на копьях он мучился недолго.

Сорок шесть человек погибло в тот день в Кремле. Обиднее всего им было умирать потому, что у стрельцов, несчастных исполнителей, были в руках списки. Об этом пишут в своих трудах все историки. Списки составили руководители бунта, руководители государственного переворота, то есть царевна Софья и боярин Милославский. И этот список Петр Великий почему-то не вспомнит царевне в 1689 и в 1698 годах. Почему? Может быть, потому, что в тех списках не значился сам Петр, его мать, царица Наталья? Ответить на данный вопрос очень сложно.

Кровь, крики, мольбы о помощи, топот ног по широким коридорам дворца как будто переродили воинов, превратили их в извергов, изуверов... Да нет, нет такого слова ни в одном языке мира, которым можно было бы обозначить поведение тех, кто носился 15 мая 1682 года по Кремлю в поисках жертв.

«Любо ли? Любо ли?» — кричали стрельцы после очередного изощренного убийства.

«Любо! Ох, как любо!» — визжали в ответ те, кто выискивал новую жертву, указанную в списке.

То был шабаш убийц. То была дикая пляска смерти. Она прервалась поздним вечером. А утром стрельцы вновь явились к Красному крыльцу: «Ивана Нарышкина!»

Он спрятался в чулане. Постельница Натальи Кирилловны забросала его подушками. Подушек было много, перекидать их поленились, тыкали в них копьями. Иван пожил еще чуток.

Озлившись вконец, они рыскали с отупелыми мордами по Кремлю, сгубили несколько невинных душ не по списку, пожалели отца Натальи, но про Ивана не забыли. Видно, очень жирными буквами вывел имя Ивана составитель списка. Сначала царевна Софья, а затем боярин Яков Одоевский сказали Наталье: «Не спасешь ты брата. Отдай его, да поскорее. А то мы тут все погибнем». Царица так и сделала — другого выхода у нее не было. Список закончился.

Правительница

С 16 мая 1682 года началось правление Софьи Алексеевны. В тот день были произведены важные назначения. Князь Василий Васильевич Голицын стал начальником Посольского приказа, князь Иван



Иоанн, Петр Алексеевич и Софья

Андреевич Хованский — Стрелецкого, боярин Иван Михайлович Милославский — начальником Иноземного, Рейтарского и Пушкарского приказов.

В дни мятежа стрельцов возмутилась московская беднота. «Были разграблены правительственные архивы и сожжены бумаги, относящиеся к крестьянским делам»[1].

Но Софья с помощью стрельцов быстро погасила волнения в народе — она полностью контролировала ситуацию в столице. Все родственники Натальи Кирилловны либо были убиты, либо чудом сбежали из Москвы. Отца ее, Кирилла Полуэктовича, по требованию стрельцов постригли в монахи указом великого государя. Мать Петра оказалась изолированной от всех, кто мог бы ей помочь советом и делом.

Правительница хорошо наградила стрельцов за оказанную услугу. Она повелела им выплатить сверх жалованья по 10 рублей каждому,

[1] *Брикнер А. Г.* История Петра Великого. М.: Терра, 1991. С. 32.

а также приказала устроить распродажу только для стрельцов по самым низким ценам «животы боярские и остатки опальные». Стрельцы были довольны.

Софья приказала им очистить улицы Москвы от трупов, они сделали это беспрекословно. Она наградила стрелецкое войско почетным названием Надворной пехоты.

Но Петр еще оставался единодержавным правителем. В любую минуту власть Софьи могла поколебаться, как это не раз случалось полтора века назад — во времена детства Ивана IV Васильевича. Понимая это, правительница через князя Хованского, первые несколько недель преданного ей, договорилась со стрельцами еще об одной сделке, и 23 мая победители и «многие чины Московского государства» (которые за неделю просто физически не могли быть опрошены из-за дальности расстояний между городами) «пожелали», чтобы на престоле восседали оба брата, Петр и Иван. Челобитная, врученная Хованским Софье, заканчивалась грозно: «Если же кто воспротивится тому, они придут опять с оружием и будет мятеж немалый». Стрельцы раззадорились, расхрабрились настолько, что, казалось, они и впрямь могли еще раз взять список и ружья в руки и поставить по своему хотению стрелецкого царя.

Царевна выслушала Хованского, собрала в Грановитой палате высших чиновников государства и коротко предложила им требование стрельцов. Бояре, думные дворяне и думные дьяки, окольничие покорно закивали головами: «Согласны! Согласны!»

Софья без промедления созвала Собор. На Соборе, однако, произошла нежелательная для нее заминка: нашлись люди, которые посчитали, что двоевластие ничего хорошего стране не даст. В ответ на это сторонники многовластия развили на Соборе целую теорию о пользе и выгоде такого способа государственного правления. В самом деле, одному царю очень трудно управлять большой страной. Двум — гораздо легче! Один, например, идет с войском в поход, а другой остается править государством. Как удобно! Да и примеров в истории много. А в Древнем Риме вообще двух консулов выбирали. Очень мудрое решение придумали стрельцы!

Жаль, в то время в Москве не было знатоков метода математической индукции. А то бы на том Соборе кто-нибудь в угоду стрельцам мог бы вывести потрясающую теорию многоцарствия, по которой выходило бы, что если двум царям править легче, чем одному, то трем — легче, чем двум, а четырем — легче, чем трем. И так далее до бесконечности, до самого последнего жителя данной страны.

Один царь ведет войско в поход, другой принимает иностранных гостей, третий по какой-нибудь надобности отправляется за границу, четвертый издает законы, пятый на их основе пишет приказы и постановления, шестой организует строительство... Да мало ли царских дел в такой стране, как Россия! Только бы стрельцы приказали, а уж за Собором дело не станет. И за хорошими плотниками.

Они сразу, как только на Соборе утвердили решение «быть обоим братьям на престоле», тут же сконструировали и сделали очень красивый

и прочный двойной престол. А могли бы и тройной престол соорудить... только бы стрельцы приказали.

Софья и на этом не остановилась.

Через пару дней стрельцы потребовали, чтобы Ивана сделали первым царем, а Петра — вторым. 26 мая опять созвали Собор, и требование воинов было полностью удовлетворено. Нет, это перестало быть похожим на римские события времен «солдатских императоров» или на турецкие и арабские события, когда решала все воля янычар и мамелюков. Это был какой-то бесконечный Софьин спектакль. Она вела себя странно. Судьба подарила ей золотую рыбку в виде удачного бунта стрельцов, и она, получив в руки удачу, не знала, что с ней делать.

Уже 29 мая стрельцы вновь явились с очередным требованием, чтобы «правительство, ради юных лет обоих государей, вручить сестре их». Поженски глупую ошибку совершила мудрая, как ее называют некоторые историки, Софья. Разве можно было ей, царевне, унижать двор, потомственных бояр, патриарха, царей, царицу, которые, получив от стрельцов суровый наказ, вынуждены были просить, умолять Софью Алексеевну принять правление?!

Она держала в руках удачу, но удача, попади она в неумелые руки, может довести до многих бед.

Софья жеманилась, не соглашалась, играла столь привычный в царских делах спектакль, а ее упрашивали чуть ли не со слезами на глазах — еще бы, две недели не прошло после шабаша стрельцов в Кремле. Накокетничавшись, она наконец-то согласилась.

«Для совершеннаго же всем утверждения и постоянной крепости» она повелела во всех указах имя свое писать вместе с именами царей, не требуя другого титула, кроме «великой государыни, благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны»[1].

Стрельцы, совершенно не чувствуя меры, потребовали от Софьи морального вознаграждения за их великие зверства и за услуги. И она не смогла отказать бравым воинам. 6 июня Софья вручила стрельцам жалованную грамоту, скрепленную красной печатью, подписями первого царя Ивана и второго царя Петра, в которой бунт 15 — 16 мая 1682 года называли «побиением за дом Пресвятые Богородицы». В честь «славного подвига» стрелецкого войска было приказано установить неподалеку от лобного места каменный столб с длинным списком преступлений невинно убиенных стрельцами. На этом же монументе смерти было строжайше указано — не называть стрельцов разными нехорошими словами.

Софья поручила ответственное дело двум расторопным полковникам, они быстро исполнили приказ. Каменный столб установили. На него прикрепили жестяные доски с надписями. Стрельцы были довольны. И Софья тоже.

Она стала единолично править страной. Гордая, надменная, властная, по-русски статная, полюбившаяся стрельцам за частые угощения, Софья

[1] *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 36.

производила впечатление уверенной в себе, всесильной регентши. Но величие это было обманчивым!

Уже в июне подняли головы раскольники. Среди стрельцов их было немало. Хованский стал заигрывать со стрельцами-раскольниками, часто вспоминая при этом свою родословную, которая велась якобы от самого Гедимина.

Софья, побаиваясь воинов, не смогла решительно пресечь попытки раскольников вернуть старые порядки и обряды в церкви. Дело дошло до того, что единомышленнику знаменитого Аввакума, Никите Пустосвяту, удалось навязать Софье идею короновать Ивана и Петра по старым обрядам. Трудолюбивый Никита Пустосвят напек просфоры и 25 июня гордо понес их к Успенскому собору, куда со всей Москвы и ближних ее окрестностей спешили люди. «Наша взяла!» — было написано в счастливых глазах раскольника. Но вдруг он оказался в плотном непробиваемом заторе перед Красной площадью. Пробиться к Успенскому собору Никита Пустосвят не смог.

Эта обидная осечка лишь раздразнила староверов. Ничего страшного. Можно будет перекороновать царей.

В Москве собирались раскольники. Хованский играл с ними в ту же игру, в которую совсем недавно Софья играла со стрельцами. Потомков Гедимина уважали во всей Европе. Старообрядцы могли сослужить ему хорошую службу. Софья, нуждаясь в военной силе, не отказала раскольникам, за которых просил сам Хованский, в их просьбе устроить в Грановитой палате диспут о вере и религии, потребовав, видимо, из каких-то чисто женских соображений, от начальника Стрелецкого приказа, чтобы эта важная акция проходила в ее присутствии: «Я лучше знаю вопросы веры, проблемы власти, и я направлю спор в нужное русло».

5 июня в Грановитой палате состоялся диспут о вере и религии. Строго говоря, никакого диспута в тот день не было и быть не могло. Раскольники и сторонники Никона договориться между собой не смогут никогда. Софья этого не понимала. Ее не интересовали проблемы раскольников. Ее интересовала проблема власти.

Она попыталась навязать свою волю собравшимся, но Никита Пустосвят ловко увернулся от ее вопроса: «Зачем они (раскольники) так дерзко и нагло пришли во дворец?» — и стал спорить с патриархом и архиепископом Холмогорским Афанасием, с которым в конце концов он чуть не подрался. Стрельцы были на месте. Затем Никита, не обращая внимания на резкие внушения Софьи, грубо отозвался о Семене Полоцком, учителе детей Алексея Михайловича. Правительница и в этот раз резко осадила его. Пустосвят, упорно продолжая свое дело, сказал, что еретик Никон поколебал душу царя Алексея Михайловича.

Тут уж Софья (она твердо стояла на позициях официальной, признанной в мире Православной церкви) совсем разгорячилась, всплакнула от нахлынувших чувств и ляпнула, не подумав: «Нам нужно оставить царство и отправиться к христианским королям!»

Из толпы раскольников раздался злорадно-довольный голос: «Вам, государыня, давно пора в монастырь. Полно царство мутить. Для нас

двух царей достаточно, были бы они здоровы да крепки умом. А без вас в государстве пусто не будет!»

Правительница готова была разрыдаться, но бояре и выборные стрельцы горой встали на защиту Софьи, окружили ее, суровым мужским словом успокоили, уговорили занять свое место. Диспут не получился.

В последующие дни Софья — надо отдать ей должное! — обласкала выборных стрельцов, угостила их медом да винами из царских погребов, обещала награды, увеличение жалованья. Стрельцы поняли ее с полуслова и твердо сказали: «Мы против старой веры. Это дело церковное, нас не касаемое. Государыню в обиду не дадим».

А за сим начались казни раскольников. Удар по ним нанесли страшный. Многие раскольники убегали либо на север, в Сибирь, либо на запад, покидали Россию.

А во второй половине лета 1682 года Софья почувствовала серьезную опасность со стороны князя Хованского. По Москве ходили упорные слухи о том, что «потомок Гедимина» настраивает стрельцов на еще более решительные действия: на мятеж против бояр. Первым забеспокоился осторожный Иван Милославский: он выехал из Москвы и кочевал по своим подмосковным имениям, нигде не оставаясь подолгу, никому не говоря, где он будет завтра утром.

Стрельцам тоже мирно не жилось. Азарт борьбы у них уже поиссяк. Его нужно было постоянно поддерживать. Но чем? Почти все стрельцы имели в Москве семьи. Это обстоятельство накладывало отпечаток на все дела, на моральный дух стрельцов. В домашней обстановке человек меняется — это не воинский лагерь, не казарма. Люди Хованского, понимая, что для крупного взрыва злости нужна столь же мощная идеологическая подготовка, говорили воинам о готовящемся в Кремле плане уничтожения стрельцов.

В Кремле тоже было неспокойно. Сюда Бог весть откуда (может быть, от тех же людей Хованского) поступали тревожные сведения о намерении стрельцов взбунтоваться.

В конце августа Софья вместе со всем царским семейством переехала в село Коломенское. Стрельцы с испугу прислали к Софье людей, которые убедительно уверяли царевну в своей преданности. Но царевна была начеку. Уверения уверениями, а поведение Хованского, начальника над всем стрелецким войском, любимца стрельцов, ей не нравилось. Он приехал в Коломенское, сообщил, видимо, надеясь напугать царскую семью, о подготовке в Новгороде войска для похода на Москву. Софья потребовала пригласить в Коломенское Стремянной полк. Хованский этого не сделал. Она повторила еще несколько раз свое повеление, прежде чем князь выполнил его. Он явно что-то замышлял.

Правительница решила действовать на опережение. Она заманила его вместе с сыновьями в ловушку, Хованских схватили бояре, предъявили им какие-то обвинения, быстренько казнили. Только младший сын Хованского Иван случайно вырвался из ловушки, помчался в Москву, поднял стрельцов. Софья в это время была уже в Троицком монастыре.

Князь Василий Васильевич Голицын, не теряя ни минуты, организовал работы по укреплению монастыря, призвал на помощь специалистов военного дела из Немецкой слободы. Стрельцы, увидев, как слаженно работают люди в Троицком монастыре, испугались, прислали к царевне выборных людей вместе с плахой и топором: руби наши головы, Софья Алексеевна! Правительница не стала на этот раз увлекаться наказаниями, она предъявила стрельцам выполнимые требования, и они согласились на них.

Опытный военачальник и государственный деятель мог бы без особого труда определить, что стрельцы после всего случившегося с ними с мая по сентябрь 1682 года уже не представляют собой серьезной военной силы. Испачкав руки в крови соотечественников, погрязнув в дворцовых интригах, они, гордые и чванливые, серьезного врага давненько уже не видели, а моральный надрыв превратил их в эдаких дряхлых спесивых стариков.

Стрельцы обещали не преследовать раскольников, в дела государственные не лезть, в том числе не доискиваться причин казни Хованского. Через несколько дней они даже принесли Софье челобитную, в которой просили... сломать столб со списком возле лобного места — свидетеля их «подвигов».

Можно себе представить, как смеялись москвичи над стрельцами! После такого морального потрясения стрелецкое войско можно было спокойно расформировывать и отправлять по домам, в семьи.

В 1683 году Софья издала указ, в котором запрещалось под страхом смерти хвалить события 1682 года. Для полной безопасности ей нужно было издать указ о памяти, категорически запрещающий вспоминать и думать об этих страшных событиях.

Правление Софьи

О необходимости коренных преобразований в России догадывался еще Борис Годунов. Но со времени его правления прошел почти век, а воз, как говорится, был и поныне там. В конце царствования Алексея Михайловича даже сам Тишайший понял, что, находясь по соседству с быстро развивающимися странами Запада, жить по старинке, в старорусской системе духовных, моральных, материальных, социальных ценностей несолидно, невыгодно, опасно.

Федор Алексеевич попытался изменить внутреннюю политику. Созывая выборных людей на соборы, он слушал голос родной земли, давал возможность своим подданным высказывать предложения о необходимых преобразованиях жизни в государстве. Но, к великому сожалению, Федор Алексеевич жил и правил очень мало, и его сестра Софья Алексеевна не поняла историческую суть этих соборов, правительница проигнорировала опыт брата, положившись сначала на силу вооруженного и обученного воевать мужичья, а затем — на Василия Васильевича Голицына, человека увлеченного, эрудированного, опытного, прогрессивного, но безвольного, а потому для вершения государственных дел непригодного.

Он родился в 1643 году, занимал высокие посты еще при Алексее Михайловиче, а в царствование Федора Алексеевича принимал участие в Чигиринских походах.

В его великолепном доме «находились разные астрономические снаряды, прекрасные гравюры, портреты русских и иностранных государей, зеркала в черепаховых рамах, географические карты, статуи, резная мебель, стулья, обитые золотыми кожами, кресла, обитые бархатом, часы боевые и столовые, шкатулки со множеством выдвижных ящиков, чернильницы янтарные... Книги латинские, польские и немецкие, сочинения, относящиеся к государственным наукам, богословию, церковной истории, драматургии, ветеринарному искусству, географии и пр., «Рукопись Юрия Сербинина». Нет сомнения, что это было одно из сочинений Крижанича, проектировавшего за несколько лет до царствования Петра целую систему реформ и отличавшегося громадною ученостью, начитанностью и необычайным знакомством с учреждением и бытом Западной Европы»[1].

Иностранцы, знакомые с Голицыным, были чрезвычайно высокого мнения о нем. Но то ли он сделал неверный выбор, поставив на Софью, у которой, надо признаться, не хватило ни сил, ни воли, ни ума начать серьезные преобразования, то ли были у него какие-то личные мотивы... Но во время правления дочери Алексея Михайловича Россия продолжала топтаться на месте.

Обвинять в этом начальника Посольского приказа нельзя. Он честно исполнял свои обязанности, он делал все, чтобы стабилизировать положение в стране и укрепить положение Софьи в Кремле. Василию Васильевичу Голицыну просто не повезло. Такие люди нужны были Петру. Но жизнь поставила его рядом с Софьей, и отказаться от Посольского приказа, от Софьи в конце концов этот глубоко порядочный человек не мог.

Следует напомнить, что, находясь «в близкой связи с царевной Софьею» еще во времена Федора Алексеевича, Василий Голицын в событиях 15 — 16 мая не участвовал, хотя сразу же, как только царевна взяла бразды правления страной, он занял один из важнейших постов.

Влияние Василия Васильевича Голицына на жизнь страны в те годы было благотворным. Москва преображалась на глазах.

В 1683 году в сентябре над Тайницкими воротами Кремля были возведены два храма. Храм Черниговских чудотворцев освятили 16 сентября, а храм Александра Невского — 1 октября. Строительство обеих церквей велось два года.

М. И. Пыляев в книге «Старая Москва» пишет о московских делах начальника Посольского приказа времен Софьи Алексеевны:

«Кому обязана старая допетровская Москва украшением улиц, постройками и первыми мостовыми, это князю Василию Васильевичу Голицыну, боярину, прозванному иностранцами великим Голицыным. По образованию Голицын в свое время был первый в России; он говорил по латыни, как на родном языке <...>

[1] *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 58.

...Голицын построил в Кремле здание для Посольского приказа по образцу своего дома и затем великолепные каменные палаты для присутственных мест; потом каменный мост на Москве-реке о двенадцати арках и поделал деревянные мостовые на всех улицах в Москве.

Подражая ему, жители Москвы украсили в его время эту столицу каменными домами. Голицын выписал из-за границы двадцать докторов и множество редких книг; он убеждал бояр, чтобы они обучали своих детей, отправляя их за границу и приглашая к себе иностранных посланников. Голицын любил беседовать с иезуитами, которых изгнали из Москвы на другой день после его падения <...> Голицын велел отыскать кратчайшую дорогу в Сибирь, и при нем были построены от Москвы до Тобольска избы для крестьян, ряд первых станционных почтовых дворов, на каждых пятидесяти верстах, с предоставлением крестьянам смежных земель; при этом каждый хозяин получил по три лошади с условием, чтобы их содержал всегда в том же комплекте, взимая с проезжающих, исключая отправляемых по казенной надобности, за десять верст по три копейки за лошадь...»[1]

В 1687 году в Москве не без поддержки князя Голицына создана Славянско-греко-латинская академия.

В ближайшем окружении Софьи, кроме Голицына, выделялись Николай Спафарий, монах Сильвестр Медведев и думный дьяк Шакловитый. К иностранцам Немецкой слободы она обращаться по каким-либо делам не желала, хотя, как показало ближайшее будущее, они многое могли бы ей подсказать.

Коротко о ее правлении можно сказать, цитируя А. Г. Брикнера: «Характер внешней политики в правлении Софьи, именно война с татарами на юге, а также программа преобразований, приписываемая Василию Васильевичу Голицыну, вполне соответствует тому направлению, в котором впоследствии шел Петр и относительно Восточного вопроса, и относительно реформ в духе западно-европейского просвещения»[2].

И если согласиться с процитированным, то возникает вполне резонный вопрос: почему же у Софьи не получилось то, что получилось у Петра? Может быть, у нее времени не хватило? Или людей типа Меншикова, Шереметева, Репнина?.. Почему же Россия за семь лет правления Софьи осталась на отметке 1682 года?

Потому, что она не могла не только генерировать идеи, но даже воспринять их у кого бы то ни было, у того же Василия Васильевича Голицына например. Не смогла она и запустить в жизнь, сдвинуть с места застоявшуюся на отметке «Боярское правление» державу, потому что была Софья пусть и одаренной, как некоторые историки считают, но всего лишь потребительницей: пользовалась лишь тем, что наработано было ее братом, отцом, дедом. И в этом была ее беда. Ни на что большее не способная, не обладающая даром политического шахматиста, так и не рискнувшая (и слава Богу!) сделать то, что делала

[1] *Пыляев М. И.* Указ. соч. С. 279 – 280.
[2] *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 54.

иной раз солдатня в других странах (вырезать всех Нарышкиных под корень, например, и установить диктатуру Милославских), она смогла сделать лишь одно полезное для страны дело: нейтрализовала Хованского, который, вероятнее всего, натворил бы со своим войском убийц немало бед в Москве.

Софья во всех случаях действовала как потребитель. Она даже власть взяла, как разбушевавшийся потребитель: «Мое! Отдай!» И стрельцов она использовала именно как потребитель: кто-то «подготовил» стрельцов, обидел их, она оказалась тут как тут... Не повезло при Софье таким людям, как Василий Голицын.

Ничего интересного, нового не совершила она и в международных делах. В 1684 году поляки и русские в Андрусове после тридцати девяти бесед уполномоченных с обеих сторон так и не решили поставленных перед ними задач. Польша отказалась вернуть навечно русским Киев, а русские, в свою очередь, отказались воевать с турками и крымцами, периодически налетавшими на польские земли.

В 1686 году переговоры возобновились. С русской стороны их вел Голицын. С польской — воевода Познани Гримультовский и канцлер Литвы Огинский. Голицын проявил исключительное дипломатическое искусство на переговорах, продолжавшихся семь недель, и в результате 21 апреля был заключен вечный мир. Россия вернула наконец Киев, обязалась воевать с султаном и ханом, а Софья (она и в этом случае съела пирог, заботливо испеченный для нее русскими людьми, в том числе и русскими царями, великими князьями, воеводами, воинами, бившимися, не щадя живота своего, за матерь городов русских, как называли Киев в Московском царстве, с поляками) заявила народу: «Никогда еще при наших предках Россия не заключала столь прибыльного мира, как ныне...» — и далее после потока хвалебных словес было гордо сказано: «Преименитая держава Российскаго царства гремит со славой во все концы мира!»[1] Естественно, о том пункте договора, в котором русские обязались воевать с могучими османами, в данном обращении ничего сказано не было.

Дело с договором Софья закончила опять же как потребитель, приказав величать себя самодержицею.

Но как бы она себя ни называла, а дело-то нужно было делать: войско в Крым готовить. А вот конкретные дела у Софьи явно не получались! Первый поход в Крым провалился. Климат, видите ли, помешал, жара, безводье, трудности с питанием, с кормом для лошадей.

Софья встретила возглавлявшего крайне неудачный поход князя Голицына как великого победителя! Не скупясь, наградила многих военачальников, особенно главнокомандующего.

В первом походе русских погибло, по оценке шведа Кохена, до пятидесяти тысяч человек.

На следующий год началась подготовка к новому походу, а крымцы осуществили очередной набег на земли северного Причерноморья, за-

[1] *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 72.

хватили шестьдесят тысяч пленных и благополучно вернулись на полуостров.

Эти цифры (быть может, слегка завышенные) были известны многим в Кремле. Положение Голицына пошатнулось. Хотя он никогда не мечтал о воинских лаврах Македонского, Цезаря и других полководцев, был кабинетным человеком, хорошим дипломатом, царедворцем, Софья решила сделать из него заправского вояку.

Голицын собирался во второй поход неохотно, предчувствовал беду. Над ним уже висела мрачная туча. Однажды зимой в его сани бросился человек с ножом, хотел его зарезать. Слуги едва спасли князя от смерти. За несколько дней до второго похода к воротам голицынского двора подбросили гроб. В нем нашли записку, суровую, предупреждающую: «Если второй поход будет таким же, как первый, тебя, князь, ждет гроб». Некоторые иностранцы в донесениях своим правительствам говорили о том, что Россия находится на грани бунта, что поводом для него может стать неудача во втором Крымском походе.

Голицын прекрасно знал об этом, но он знал и о другом: в конце января 1689 года Петр сочетался браком с Евдокией Федоровной Лопухиной и стал, по законам старины, совершеннолетним, а значит, надобность в регентше отпала.

О жизни Петра наслышана была вся Москва. Царевич, как молодой сильный медведь, пошел напролом по густому лесу к цели, о которой мечтали в России уже многие прогрессивно настроенные люди. Василий Голицын был в их числе и предугадывал, что может выйти из потешных полков Петровых и его флотских увлечений.

Софья приказала Голицыну заняться не своим делом, и он покорно исполнил ее повеление, повел войско во второй Крымский поход, повел без радости, постоянно думая о Москве, о царевне, которая мечтала сочетаться браком с удачливым завоевателем Крыма.

Еще в августе 1687 года она в беседе с Шакловитым попросила его узнать, что скажут стрельцы, если она решит венчаться на царство. Шакловитый принес ей неутешительный ответ. Стрельцы отказались подавать челобитную по этому поводу. Но Софья (если верить позднейшим признаниям Шакловитого) остановиться уже не могла. Несколько раз она заводила с ним откровенные беседы на тему «А не убить ли нам царевича Петра?». О подобных разговорах Шакловитого с некоторыми людьми свидетельствовал, например, Филипп Сапогов. Но достоверность этих показаний нельзя проверить...

Отправляясь в поход, Голицын наверняка знал об этих поползновениях царевны — она с ним была предельно откровенна. Знал он и о другом: сил у Софьи в борьбе против молодого Петра было недостаточно! Именно поэтому он часто грустил в том походе, мечтая поскорее вырваться в Москву.

Русское войско на этот раз добрело до Крыма, но штурмовать Перекоп Голицын не решился, вышел втайне от своих полководцев, среди которых были опытные военачальники, на переговоры с ханом, о чем-то с ним договорился (может быть, о том, чтобы крымцы дали спокойно добрести русским до Москвы?) и повел войско обратно, зная, что неудача

похода равносильна падению Софьи. Потеряли во втором Крымском походе русские двадцать тысяч человек, пятнадцать тысяч было взято ханом в плен.

Эта военная неудача поставила точку в политической карьере Василия Васильевича Голицына. С этой неудачи началось падение Софьи Алексеевны Романовой.

О дальнейших событиях ее жизни речь пойдет в рассказе о деятельности Петра.

Основные события жизни Софьи Алексеевны

1657 год. 17 сентября царица Мария Ильинична родила дочь Софью.

1682 год. 27 апреля умер брат Софьи, царь Федор Алексеевич. На похоронах брата Федора Алексеевича царевна Софья заняла неподобающее для женщины место рядом с царевичем Петром.

В тот же день патриарх всея Руси по совету собравшихся во дворце бояр вышел на крыльцо и спросил у собравшегося народа, кому быть на царстве: царевичу Петру или царевичу Ивану? Народ ответил: «Петру Алексеевичу!» Лишь Сумбулов крикнул: «Иван Алексеевич по старшинству более достоин царствовать!» Чуть позже ему это зачтется. Сначала Софьей, затем... Петром.

15 мая в Москве вспыхнул бунт стрельцов. В результате сорок шесть человек в Кремле, в том числе и боярин Артамон Сергеевич Матвеев, были растерзаны.

19 мая стрельцы потребовали двести сорок тысяч жалованья от Софьи, своего рода гонорар за бунт. Возглавил стрелецкое войско Иван Андреевич Хованский.

23 мая Собор утвердил желание стрельцов: «Быть обоим братьям на престоле».

26 мая. Вновь созванный Собор по требованию стрельцов объявил Ивана первым царем, Петра — вторым.

29 мая стрельцы объявили боярам, чтобы... правление вручить сестре малолетних государей — Софье.

6 июня царевна Софья издала жалованную грамоту, в которой были перечислены заслуги стрельцов. Близ лобного места воздвигли каменный столб; на нем были написаны все «преступления» несчастных жертв бунта; строго запрещалось обзывать стрельцов изменниками и мятежниками.

25 июня состоялось венчание на царство Ивана и Петра.

5 июля при содействии Хованского раскольники явились в Грановитую палату, где в присутствии Софьи состоялся спор между старообрядцами и архиереями. Царевна встала на защиту официальной Православной церкви. Староверов стали подвергать преследованию.

В конце сентября царевна Софья расправилась с Хованским.

В ноябре по всем городам были разосланы царские грамоты, в которых архиереям было приказано организовать сыск раскольников, суды над ними.

2 ноября столб у лобного места был сломан.

6 ноября царский двор, покинувший Москву еще в августе из-за опасения мятежа во главе с Хованским, вернулся в Москву.

В Малороссии в связи со стрелецким бунтом в Москве тайные атаманы Польши, недовольные Андрусовским договором, вели «подрывную работу», распространяли подметные письма, «прелестные письма», а также инструкции, содержащие указания, как распространять мятежные настроения.

1683 год. В мае правительство издало указ, в котором под страхом смерти запрещалось хвалить бунтовщиков 1682 года.

19 октября Василий Васильевич Голицын получил звание «Царственные большие печати и государственных великих дел оберегателя». Софья поручила ему вести все иностранные дела.

1684 год. Крымцы осуществляли налеты на окрестности Киева, сожгли Умань, в те годы польский город.

Император австрийский Леопольд и польский король Ян Собесский решили пригласить русских царей участвовать в войне против Османской империи.

Продолжились переговоры по Андрусовскому договору. Поляки не отдали русским Киев, русские не стали воевать с крымцами и Османской империей.

1686 год. 21 апреля был заключен мир с Польшей после неудач поляков в войне с турками. Киев вернулся в состав Русского государства. Навсегда.

1687 год. Русские во главе с Голицыным осуществили неудачный поход в Крым.

Царевна Софья стала восстанавливать отношения со стрельцами.

1688 год. Крымцы осуществили налет на русскую территорию, увели в плен шестьдесят тысяч человек.

Москва поделилась, как писал очевидец тех событий Гордон, на две партии: сторонников Петра и сторонников Софьи.

В январе Петр участвует в заседании Боярской думы. Сторонники Петра готовились к решительной схватке.

1689 год. Софья во второй раз послала Голицына в Крым, и его вновь постигла неудача, что резко понизило авторитет Софьи.

8 июля Петр повелел Софье, чтобы она не ходила на крестный ход по случаю праздника Божьей Матери. Софья ослушалась царя. Петр уехал из Москвы.

26 июля Петр отказался наградить полководцев и военачальников за Крымский поход. Борьба между сестрой и братом перешла в решающую фазу.

27 августа Софью, отправившуюся к брату в Троице-Сергиев монастырь, остановили в десяти верстах от цели путешествия. Она вернулась в Москву.

Петр I указом лишил В. В. Голицына и его сына чести, боярства и сослал их с семьями в Каргополь.

Софья удалилась по воле Петра I в Новодевичий монастырь.

1693 год. По ложному доносу было возобновлено следствие по делу Голицына, и положение его еще более ухудшилось.

1698 год. Вспыхнул новый стрелецкий бунт. Его подавили Патрик Гордон и воевода Шеин.

Вернувшийся из поездки по Европе Петр I организовал следствие, пытаясь отыскать с помощью пыток сведения об участии в мятеже Софьи. Таковых улик он не нашел. Стрельцы сохранили тайну Софьи.

Софья была пострижена в монахини. Стрельцы большей частью казнены, остальные расселены по посадам разных городов. Им строго запретили вступать в войско. Ослушавшихся ссылали на каторгу.

1704 год. 3 июля Софья Алексеевна, после пострижения Сусанна, умерла.

Петр Великий
(1672 — 1727)

Село Преображенское

Он еще не был великим преобразователем, но судьба уже забросила его в село со знаменательным названием — Преображенское. Почему именно в Преображенское, а не в Коломенское, Воробьево? Разве мало было тихих, красивых сел под Москвой на рубеже XVII — XVIII веков? Почему будущий преобразователь страны попадает именно в Преображенское село, которое сделает скоро действительно эпицентром преобразований? Что это: шутка истории или некий ее знак, символ?

После стрелецкого бунта 15 — 16 мая 1682 года Нарышкины оказались в опале. Наталья Кирилловна с сыном поселилась в селе Преображенском. От Петра удалили Никиту Моисеевича Зотова, который пять лет до этого учил царевича грамоте, рассказывал ему события из русской истории. Другого учителя младшему брату Софья не дала. Образованная, ученица Семена Полоцкого, она решила, что не царское это дело — учеба, и оставила ему для потех боярских и дворянских детей, с которыми мальчик играл в военные игры с трех лет. Замысел Софьи понятен: ей хотелось, чтобы на ее фоне Петр выглядел недотепой, мужланом неотесанным.

Но военные игры усложнялись с каждым месяцем, с каждым годом, поскольку Петр приглашал к себе воинов — соседей-преображенцев и офицеров-иностранцев — и следовал их советам. Софья относилась к увлечению брата равнодушно: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не мешало. А дитя-то не тешилось. Петр в этих играх учился многому: подчиняться, повелевать, руководить, понимать людей — серьезная наука для царя!

В своих потехах в селе Преображенском Петр очень напоминал Кира Великого, основателя Персидской державы, который начинал свой поход в историю с организации отряда энергичных и преданных ему юношей. Подобные примеры (естественно, с оговорками) в мировой истории нередки. Но Софья из-за собственной невнимательности не поняла, какую могучую силу представляют собой мальчишки, а затем юноши села Преображенского.

Вскоре Петр сформировал из сверстников два батальона потешных войск. Из них в скором будущем выкристаллизуются Преображенский и Семеновский полки, которые станут гордостью российской армии, эта-



лоном боевой выучки, образцом храбрости. Софья, когда до нее доходили слухи о делах в Преображенском, лишь посмеивалась над потехами Петра: у нее были стрельцы, шестнадцать полков в Москве. Скажи им только — и они сотрут с лица земли все потешные крепости в Преображенском. Царевна была уверена в своих воинах.

А Петр уже сформировал бомбардирскую роту, привлек иноземных офицеров, прошел под их руководством полный курс молодого бойца. Начав с барабанщика, он освоил затем все воинские профессии. Офицеры из Немецкой слободы помогли Петру освоить азы арифметики, геометрии, фортификации.

В 1687 году правительница наконец поняла, какую серьезную опасность представляет для нее дерзкий, неугомонный Петр, и перешла к активным действиям.

После неудачных бесед с Шакловитым она через верных людей стала распространять по Москве слухи о готовящемся Натальей Кирилловной заговоре против Софьи, Василия Васильевича Голицына и даже патриарха. Софью интересовало, как отреагируют на эти слухи обыватели и, главное, стрельцы. Надо отдать должное воинам, они не поддались, не дали себя спровоцировать (но Петр потом, гораздо позже, им это не зачтет).

Софья стала вести переговоры с Шакловитым (показания опять же даны под пыткой) об организации покушения на царя Петра, хотя прекрасно понимала, что в случае раскрытия заговора или провала ее ждет монастырь. Охочих на это грязное дело не нашлось.

В конце 1687 года Петр стал, пока еще несмело, осваивать государственное дело. По свидетельству некоторых иностранцев, именно с этого

времени Голицын обязан был докладывать Петру о важнейших делах, а в январе 1688 года царь принял участие в заседании Боярской думы.

Это обрадовало Наталью Кирилловну. Ее пугали потешные игры. Она мечтала видеть сына степенным, мудрым, деловитым царем, умело руководящим страной, расставляющим на ключевые посты обиженных Нарышкиных и их союзников. О реформах (в виде косметических преобразований) она тоже мечтала — об этом говорилось в рассказе о последних годах жизни Алексея Михайловича. Но Петра влекло гораздо дальше.

В 1688 году, исследуя заброшенные амбары Льняного двора в селе Измайлово, он наткнулся на старый английский бот. Это что за диво на окраине Москвы? Откуда здесь английское судно, да такое красивое, хоть и старое? Когда-то это английское чудо кораблестроительной техники приобрел Никита Иванович Романов, двоюродный брат Михаила Федоровича, увлекающаяся натура, которой в те годы еще не нашлось применения в Московии.

Никита Иванович умер, но люди не пустили бот на дрова, упрятали в старый амбар, будто знали, что появится когда-нибудь человек, которого эта диковина поразит и подвигнет — кто знает — на большие дела... Появился.

Юный царь приказал отремонтировать бот. В Москве в те годы проживал голландец Христиан Брандт, знавший толк в корабельном искусстве. Он выполнил поручение Петра, спустил отремонтированное судно на речку Яузу. Английскому боту в ней было тесновато. Как ни старался Христиан Брандт, как ни хотелось ему продемонстрировать возможности судна, которое может ходить даже против ветра, ничего у него не получилось. Ветра-то ему московского вполне хватало, да воды было маловато. Бот с трудом разворачивался в узкой реке, бился то и дело в берега, должного эффекта на публику не произвел. Голландец видел равнодушные лица людей... но горевать ему Петр не дал! Глаза царя горели азартом. Он приказал перенести бот на Просяной пруд в Измайлово. Там парусам было чуть привольнее, но только чуть-чуть.

Петр, будто завороженный фигурами несложных парусов, в тот же день узнал о Плещеевом озере длиной в 9, шириной в 6 километров, отпросился у матушки, съездил в Переяславль, понял, что здесь можно начать дело великое, и вернулся возбужденный в Москву, сказал Наталье Кирилловне: «Надо строить флот!»

У матушки другое было на уме: «Надо поскорее женить сына!» Этим она бы убила сразу трех зайцев: женившись, Петр, согласно обычаям, стал бы совершеннолетним, что остепенило бы его, отвлекло от потех, позволило отодвинуть от престола Софью, строившую против них козни.

«Надо строить флот!» — упрямо повторял сын, и мать не могла отказать, разрешила ему отправиться в Переяславль, где он в том же году заложил на реке Трубеж, впадающей в Плещеево озеро, верфь.

Софья шла своим путем. Мечтая воцариться на российском престоле и уже не скрывая мечту свою ни от кого, она повелела написать свой портрет в короне, с державой и скипетром в руке и с надписью «Самодержица». Портрет получился на славу. Но Шакловитому и Медведеву этого показалось мало. Они повелели украсить работу аллегорическими изображениями семи добродетелей Софьи: разума, целомудрия, правды,

надежды, благочестия, щедроты, великодушия. Каждой добродетели царевны были посвящены вирши.

Оттиски с портрета по приказу правительницы печатались на атласе, тафте, объяри, бумаге, и царевна вручала свое драгоценное изображение самым преданным и достойным людям.

Один оттиск она отправила в Амстердам, где по ее просьбе сделали еще более сотни оттисков с надписями на латинском языке, с переводами виршей, чтобы во всех странах знали полное имя и титул Софьи Алексеевны и полюбили российскую «самодержицу» за ее добродетели и суровый округлый лик.

Тем временем Наталья Кирилловна нашла наконец достойную пару своему неугомонному сыну, и 27 января 1689 года Петр женился на Евдокии Федоровне Лопухиной, дочери окольничего Федора Абрамовича Лопухина. Мать была рада, уверенная, что женитьба остепенит Петра.

Но ему, как боту в Яузе, было тесно в семье, в Преображенском, в Кремле, куда он иной раз наведывался в Боярскую думу, в Москве. Он с нетерпением ждал весны и, как только начали вскрываться реки, бросил все мирское, суетное, поехал в Переяславль.

Летом 1689 года вернулся из второго Крымского похода Василий Васильевич Голицын. 8 июля по случаю праздника Казанской Божьей Матери Петр и все царское семейство прибыли на крестный ход. Естественно, что рядом с царем находилась «самодержица» вместе со всеми семью добродетелями. По окончании службы Петр потребовал от Софьи, чтобы на крестный ход она с ним не ходила. «Самодержица» ослушалась царя, взяла образ и вышла к народу. Царь разозлился, не принял участия в обряде, уехал из Москвы.

В начале августа борьба между Софьей и Петром перешла в решающую фазу. В Преображенском собралось «потешное» войско. К Кремлю, к Софье стекались стрельцы. Казалось, ни у кого не могла вызвать сомнение победа царевны. 9 августа Петр через слуг поинтересовался у сестры, с какой целью она собирает в Кремле крупное войско.

Софья ответила, что хочет сходить на богомолье в монастырь (какой, не сказала), а для этого ей очень нужно войско. Ответ не удовлетворил Петра. В ту же ночь из Кремля прибыло несколько стрельцов, доложивших сонному царю, что на него готовится покушение.

Петр перепугался, вскочил с постели, побежал без сапог на конюшню, приказал седлать коня и поскакал в постельном белье в ближайший лес. Он помнил бешеные лица стрельцов, бросавших пять лет назад его самых близких людей на копья, и дрожал от страха, и конь скакал в ночи, чудом находя дорогу. В лесу дрожь стихла. Конь остановился. Подоспели люди. Петр оделся и поспешил в Троице-Сергиев монастырь.

В шесть часов утра он прибыл, напуганный, в лавру. Совсем еще юный, семнадцатилетний, чудом спасшийся, Петр даже с коня не смог сам слезть — так устал. Ему помогли слуги. Он почувствовал себя в безопасности и тут-то заплакал горькими слезами чуть было не убитого юноши. Царь рассказал о своей беде настоятелю, попросил защиты.

Троице-Сергиев монастырь был одной из лучших в России крепостей. Это поняли восемьдесят лет назад поляки. Взять его штурмом было

сложно. Но обитель Сергия Радонежского являлась еще и духовной крепостью России, и это понимали все в стране. Рыдающий, испуганный Петр сделал верный ход, сбежав сюда из села Преображенского. Монахи и настоятели монастыря просто не могли не принять человека, которого пять лет назад вся Россия признала своим царем.

И теперь любое движение Софьи, любая ее попытка занять престол означали бы преступление перед законом и перед помазанником Божьим. Некоторое время правительница хорохорилась, но время — каждый день, каждый час — работало против нее.

В эти августовские дни в Москве вновь происходили своеобразные выборы: Петр посылал в столицу грамоты, в которых призывал в лавру стрельцов. Софья перехватывала его гонцов, надеялась собрать в Кремле всех, способных постоять за «самодержицу». Стрельцам предстояло сделать выбор.

В Троице-Сергиев монастырь, наперекор требованию Голицына не покидать Москву, явился Патрик Гордон. Патриарх Иоаким, посланный Софьей на переговоры, остался в лавре. 27 августа к Петру перешли несколько полковников и несколько сот стрельцов. У Софьи оставался лишь один шанс: поднять на Петра землю Русскую, но та и в 1682 году не поддержала ее, а уж теперь-то и подавно надеяться на это не приходилось.

Софья Алексеевна проиграла решающую схватку с Петром, и ее отправили отдыхать от тяжких государственных дел в Новодевичий монастырь. Стрельцов наказали, но еще не очень сильно, щадя, а может быть, побаиваясь. И началась эпоха Петра Великого.

Начало

Некоторое время Петр I словно бы присматривался, приобщался к делам государственным, предоставив возможность Нарышкиным управлять Россией. Могло показаться, что он все еще в плену потешных забав.

Но то были не потешные забавы, не игра великовозрастного дитяти в пушки и кораблики. То был вынужденный простой. Вокруг Петра в 1689 году не было мудрых и опытных людей для того, чтобы взять власть, не номинальную власть — я царь, а вы мои подчиненные, — а власть над всеми ключевыми областями жизни государства. Ведь люди эти, сподвижники и помощники, росли вместе с ним. Они просто еще не выросли. Управлять же государством по подсказке матушки, как бы он ее ни уважал, ни любил, ни ценил, Петр не мог.

Наталья Кирилловна оказала ему неоценимую услугу, переложив на себя, на своих людей бремя власти, предоставив сыну возможность идти по тому непонятному ей пути, по которому пошел он еще в селе Преображенском...

В 1689 — 1691 годах окружение царя составляли смелые, напористые, думающие люди, ставшие его опорой, «движителями» всех начинаний преобразователя. Вместе с царем они служили в «потешном» войске, работали топором на верфях, изучали секреты военного дела.

В 1691 году Петр лично спустил на реку Яузу яхту, управлял ею. В том же году юный монарх заложил ботик на Плещеевом озере. А еще

через два года, после поездки в Архангельск, он заказал голландским мастерам большой военный корабль.

Осенью 1693 года, вернувшись с севера, Петр I провел крупные военные игры под Москвой, в Кожухове, с участием тридцати тысяч воинов. Некоторые специалисты считают, что это были первые в Европе военные маневры. Провели их со всей серьезностью. Они многому научили русских. В этих играх «погибло» 24 человека и «было ранено» 50 человек. Даже недалеким людям стало ясно, что Петр готовится к великим делам.

В январе 1694 года умерла Наталья Кирилловна Нарышкина. Царь переживал, плакал, не находил себе места. Он любил матушку, но траур его длился недолго. Оказавшись в центре мощного круговорота дел, Петр не мог из него вырваться даже на некоторое время. В апреле он уже готовится к новой поездке в Архангельск. В конце месяца перед поездкой Лефорт дает у себя роскошный прощальный пир. Мед, вино там лились рекой. Играла музыка, били барабаны. Не было только танцев (траур еще не кончился).

Петр I любил подобные загульные пиры в Немецкой слободе, особенно у Лефорта, закадычного друга. Именно Лефорт познакомил его с семейством Монсов, с Анной Монс, в которую впечатлительный монарх влюбился, к которой привязался на несколько лет и благодаря которой быстро и навсегда охладел к своей законной жене и к семье.

Поездка в Архангельск прошла бурно. Много пировали, радуясь уже спущенному на воду построенному голландцами кораблю. Затем поплыли на яхте «Святой Петр» в Соловки под новым российским красно-сине-белым флагом: попали в жуткий шторм, стали причащаться Святых Тайн, но нашелся опытный лоцман, «Сумской веси крестьян Антип Панов», он привел судно в тихую Унскую губу.

Вернувшись из Архангельска, Петр I занялся первым серьезным делом: подготовкой к Азовскому походу. Детские игры для него и всего его окружения кончились. Теперь Петру I на деле предстояло доказать, что он есть царь Российской державы, способный решать в том числе и военные задачи. В начале 1695 года он объявил о начале похода; тогда же был разработан план.

Азовские походы

Тридцатитысячное войско было поделено на две равные части. Одна колонна продвигалась на юг по суше, другая — водным путем по Москве-реке, Оке, Волге вплоть до Царицына. Во второй колонне в звании бомбардира служил Петр I. Эта не совсем высокая должность в русской армии позволяла царю и поучиться многому у простого солдатика, и посмотреть на мир его, часто голодными, усталыми глазами. В Москве Петру I казалось, что поход разработан безукоризненно: определены маршруты, подрядчики, обязавшиеся доставлять в срок в определенные пункты все необходимое для армии, уплачены деньги, и немалые, учтены погодные условия, даже планы штурмов проработаны...

И вот поход! И все-то шло в нем не так, как было предусмотрено планом! Подрядчики даже солью не обеспечили армию, не говоря уж о других продуктах, фураже, лошадях. От Дона до Азова уже соединенная

русская армия шла очень медленно. Пушки приходилось тащить собственными руками. Уставали руки, злился Петр Алексеевич, опыта набирался, учился у Головина и Лефорта — начальников колонны — командовать людьми.

В другой колонне — генерала Гордона — дела обстояли не лучше. На переход от Тамбова до Черкасска вместо запланированных трех недель войско потратило целых два месяца.

И все же русские собрались у Азова и попытались взять крепость, вспоминая о том, как сделали это в 1637 году казаки Войска Донского. Да не тут-то было! Турки укрепили стены, построили новые башни-каланчи — по-современному, оборудовали важный стратегический пункт. Несколько попыток штурмовать Азов провалилось. В сентябре Петр I назначил еще один штурм, с сюрпризом: саперы сделали подкоп под крепость! Но взрыв прогремел неожиданно, при этом погибло много русских людей, штурм вновь не удался, и 27 сентября 1695 года царь повелел снять осаду и повел армию обратно на север.

Но неудачи еще только начинались! Войско подошло к Дону — река под тяжестью нежданных проливных осенних дождей на севере разлилась, расползлась, будто в весеннее половодье. Переправу организовали плохо. Много воинов погибло в широкой воде. Остатки войска побрели по безлюдной, голой степи на Валуйск. И здесь Петр I увидел страдания людей, на всю жизнь запавшие в его чувствительную душу. Ранняя зима навалилась на степь, на одетое по-летнему войско. Падали русские солдаты, умирали от холода-голода, разбегались кто куда: разве удержишь?

Но не сник, не сдался, не раздумал драться за Азов Петр Алексеевич. Он быстро мудрел, учился на своих и чужих ошибках.

29 января 1696 года царь прибыл в Воронеж, где на верфях, заложенных еще Алексеем Михайловичем, строились большие и малые суда. А уже 3 мая флотилия из множества военных кораблей отправилась на юг. Турки были ошеломлены: как удалось в кратчайшие сроки русскому царю залечить раны прошлогоднего неудачного похода, построить так много судов, собрать армию? Они бы еще больше удивились, если бы знали все дела молодого русского царя.

По плану Гордона Азов окружили земляным валом. Турки несколько раз пытались сорвать инженерные работы неприятеля, русские действовали четко. Азов оказался в кольце войска Петра. Корабли турецкого султана не могли прорваться к своим: путь им преграждали боевые суда, сошедшие с воронежских верфей.

17 июля 1696 года Петр I послал на штурм малороссийских и донских казаков — пора настала кончать с этим делом, другие задачи были у царя. Турки отразили натиск, но на следующий день они сдались. Это была важная победа перед войной со шведами, к которой Петр Алексеевич готовился очень тщательно.

Стрельцы

Петр Великий отличался от многих великих правителей и полководцев всех времен и эпох одним удивительным, требующим огромной внутренней самоотдачи качеством: он все хотел узнать, прочувствовать

сам, прежде чем принимать какие-либо решения, отдавать приказы и следить за их выполнением.

В марте 1697 года в страны Западной Европы из Москвы отправилось Великое посольство из 300 человек. В него входили дипломаты, молодые волонтеры, свита. Петр I о такой поездке мечтал давно, но, связанный союзными договорами с монархами Европы, он обязан был сначала воевать с Турцией, доказать тем самым и силу свою, и готовность выполнить принятые на себя обязательства. Теперь русский царь получил возможность лично договориться с союзниками о стратегии и деталях предстоящей войны со Швецией.

Если говорить коротко, Великое посольство выполнило поставленные перед ним задачи: дипломаты — Ф. Лефорт, Ф. Головин, П. Возницын — на своем уровне, царь — на своем, волонтеры — на своем.

Петр I научился в Бранденбурге стрелять из пушек и получил аттестат «огнестрельного мастера», в Саардате и Амстердаме — плотничать на верфях, в Англии — строить корабли. В любую свободную минуту русский царь ходил по улицам голландских и английских городов, внимательно осматривал мастерские, верфи, мануфактуры, общественные и медицинские учреждения, госпитали и воспитательные дома. Как далеко ушла Европа от патриархальной России, как много хотелось узнать о достижениях западных соседей!

Из Англии через Амстердам Петр I прибыл в Вену, но его путешествие прервали вести с родины, где вспыхнул мятеж стрельцов.

После падения Софьи в 1689 году стрельцам жилось худо. Как это ни покажется странным, конкретных виновников трагедии «русских янычар» нет. Можно во всех грехах обвинить Софью Алексеевну, которую стрельцы уважали и любили и которую, как будет ясно чуть позже, они не предали. Можно назвать виновным во всех бедах стрельцов Петра Великого, не приласкавшего их после 1689 года. В конце концов и Шакловитый сыграл в трагедии стрельцов не последнюю роль, и другие подстрекатели и полковники стрелецкого войска. Повинны и сами воины! Не раз на военных пирах они проигрывали «потешному» войску, но это бы ладно, с кем не бывает! Но надо признать, что новая армия, создаваемая Петром I накануне уже запланированной царем войны со Швецией, во-первых, была более послушна, дисциплинированна, а во-вторых, отличалась от «русских янычар» высочайшей степенью обучаемости. Одно это могло бы гарантировать будущие успехи российской армии, вступавшей в свой золотой век — век величайших побед российского оружия.

Это не игра в громкие слова. Это — история.

Для Петра Великого истории XVIII века в 1697 году еще не существовало, хотя он, вероятнее всего, предвидел ее и готовил страну к будущим победам, людей, способных побеждать, людей не только крепких физически, хорошо подготовленных в военном отношении, обладающих моральным настроем на победы, духовной крепостью, но и способных быстро и постоянно переучиваться: таких требовало время.

Начиная с Тридцатилетней войны, военное дело приобрело одно новое качество — способность к стремительному обновлению самых разных видов огнестрельного оружия, к улучшению тактико-технических дан-

ных пушек, бомбард, пищалей, ружей, мушкетов. Любое изменение, например прицельной дальности стрельбы пушек, влекло за собой изменение тактики ведения боя, следовательно, быстро менялись оперативно-тактические и стратегические методы ведения войн.

Стрелецкое войско этими качествами не обладало. Стрелецкая вольница была малообучаема и плохо управляема.

Отправляясь в Европу, Петр I послал четыре стрелецких полка в Азов. Они там укрепляли город (не стрелецкое это дело — лопатами ворочать!), несли боевую службу. Затем им на смену было послано еще четыре полка, а из Азова повелели идти не в Москву, к женам под бочок, а в Великие Луки, на российско-литовскую границу. Им-то хотелось к женам, а их — воинов — послали охранять границу. Вот тут-то стрельцы и проявили недовольство. Сто семьдесят пять человек при оружии покинули боевой пост и явились в Москву бить челом, просить царя или его людей отпустить их, очень уставших, изнемогших, в Москву, к родным очагам и женам.

Бояре проявили мягкотелость, впрочем, оправданную: свежи были в памяти стрелецкие бунты и расправы. Они арестовали только четверых стрельцов, но и тех стрельцы отбили, а потом начали буянить. Их с трудом утихомирили, уговорили отправиться к месту несения службы.

«Во время бунта 1698 года стрельцами были высказаны, между прочим, следующие жалобы: «...будучи под Азовом, умышлением еретика-иноземца, Францка Лефорта, чтобы благочестию великое препятствие учинить, чин их, московских стрельцов, подвел он, Францко, под стену безвременно, и, ставя в самых нужных в крови местах, побито их множество; его же умышлением делан под их шанцы, и тем подкопом он их же побил человек с 300 и больше...»[1]

Это очень важное, показательное письмо! Стрельцы ругают в нем любимца Петра I, еретика-иноземца, ни словом не вспоминая любимчика царевны Софьи — князя Василия Васильевича Голицына, который оба Крымских похода провел крайне неудачно. Да, некоторые специалисты считают, что походы Голицына «достигли цели», показали османам готовность Москвы воевать, но эта демонстрация силы погубила несколько десятков тысяч обученных воинов (тех же стрельцов, кстати). Почему же стрельцы забыли два Крымских похода и обиделись на руководителей Азовских походов?

Петру I так и не удалось отыскать переписку Софьи со стрельцами, а говорить о том, что царевна являлась руководителем заговора и мятежа, нельзя. Но косвенные улики показывают, что все нити бунта 1698 года ведут в Новодевичий монастырь, где находилась на «почетном отдыхе» Софья, и одной из косвенных улик является письмо, выдержка из которого приведена выше.

Стрельцы в этом письме не просто жаловались царю-батюшке на худое свое житье-бытье, они говорили ему (не напрямую, но эдак вскользь), что Лефорта он зря в дружки свои записал и что Азовские походы не такие уж удачные. А это обстоятельство можно было выдавать как повод к

[1] *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 276.

неповиновению. Но все же следствие показало, что двое стрельцов побывали в гостях у Софьи, хотя прямых улик против нее так и не было добыто.

В те же дни по столице прошел страшный слух о том, что Петр I в Европе умер. Бояре запаниковали. Из-за весенней распутицы почта в Москву долго не поступала, это обстоятельство еще более встревожило бояр. Как бы то ни было, а весной 1698 года со стрельцами удалось договориться.

Но Петра I такой исход дела не порадовал. Он писал Ромодановскому Федору Юрьевичу, возглавлявшему Преображенский приказ (ведал делами по политическим преступлениям): «В том же письме объявлен бунт от стрельцов, и что вашим правительством и службою солдат усмирен. Зело радуемся, только зело мне печально и досадно на тебя, для чего ты сего дела в розыск не вступил. Бог тебя судит! Не так было говорено на загородном дворце в сенях. А буде думаете, что мы пропали (для того, что почты задерживались) и для того боясь, и в дело не вступаешь; воистину скорее бы почта весть была; только, слава Богу, ни один не умер: все живы. Я не знаю, откуда на вас такой страх бабий! Мало ль живет, что почты пропадают?.. Неколи ничего ожидать с такою трусостью! Пожалуй, не осердись: воистину от болезни сердца писал»[1].

Петр все прекрасно понял: и цели заговора, и очаг, откуда распространялся огонь, и причину «страха бабьего» у бояр. Он уже знал, что нужно делать. Но Ромодановский еще сомневался. В конце мая в Москве был издан указ всем стрельцам оставаться на своих местах, а тех, кто покинет службу и вернется в столицу, посылать в Малороссию на вечное житье. Жить там, тем более вечно, в тот век было несладко.

Стрельцы указ выслушали, но не подчинились ему. В Москву с литовской границы сбежали 50 стрельцов, их арестовали, но соратники выручили своих друзей. Маслов, один из стрельцов, зачитал письмо от Софьи. В нем царевна уговаривала воинов явиться в Москву, разбить лагерь неподалеку от Новодевичьего монастыря. А если, было написано далее в письме, стрельцов не пустят в столицу воины Петра, то нужно будет разгромить их.

За такое письмо, если бы его нашли, Софье грозила бы смертная казнь. Маслов зачитал соратникам обращение царевны, стрельцы решили на сходе идти на Москву, быстро собрались в поход.

Столица всполошилась. Из города по деревням потянулись со своим имуществом разные люди, бедные и богатые. События 1682 года помнили многие. Никому не хотелось оказаться в заложниках у пьяной озверелой солдатни.

Бояре доверили московское войско Шеину, в помощники ему назначили Гордона и князя Кольцова-Масальского.

Стрельцы еще на сходе решили уничтожить Немецкую слободу, и поэтому Гордону сам Бог велел воевать с ними. Сподвижник Петра, его учитель, друг, Гордон уже в 1689 году решительно встал на сторону царя и сейчас руководил всеми действиями московского войска.

Начал он с того, что перекрыл подходы к Воскресенскому монастырю, куда устремились мятежники. Стрельцы, понимавшие толк в военном

[1] *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 280.

деле, увидели перед собой силу, спесь их слегка поугасла. Слегка. Гордон не хотел кровопролития. Несколько раз он выходил на переговоры к стрельцам, пытался миром окончить дело. Стрельцы стояли на своем: нас незаслуженно обижают, посылают в самые трудные места, не дают нам отдохнуть, увидеть жен, стариков родителей.

Гордон проявил терпение и выдержку. Он не спешил, за время переговоров немецкий артиллерист полковник Крагге оценивал достоинства местности, исследовал позиции противника и расставил пушки так, что весь лагерь стрельцов оказался под перекрестным огнем.

Утром 18 июня Гордон вновь пытался договориться со стрельцами. Они же заявили, что либо войдут в Москву, либо погибнут в бою. Им так хотелось обнять своих жен и детей? А может быть, им хотелось освободить из Новодевичьего монастыря царевну Софью, привести ее в Кремль и устроить в Москве очередной шабаш смерти?

Гордон вернулся на свои позиции, и московские пушки дали залп — снаряды полетели над головами стрельцов, принявших бой на свою беду. Следующие четыре залпа сгубили много стрельцов, они не смогли дать достойный отпор опытному Гордону. Сражение продолжалось недолго. Бунтовщиков переловили и отправили в темницы Воскресенского монастыря. Начался розыск. Царю послали очередное письмо, которое застало его в Вене. Петр, не мешкая, уехал в Россию.

Пока его не было, бояре повесили пятьдесят шесть зачинщиков бунта. Розыск и дознание они вели по всем правилам тогдашней «пыточной науки», искали письмо Софьи, которое зачитывал соратникам Маслов. Но стрельцы не дали показаний против своей царевны: самые жестокие пытки выдержали они, ни намеком, ни полсловом не обмолвились о письме. Упрямо твердили одно и то же: нас обижали, мы давно не видели жен и детей, мы хотели отдохнуть. Бояр их ответы устроили. Они повелели повесить «всего» пятьдесят шесть человек, остальных заключили в темницы разных монастырей. По сведениям Гордона, воевода Шеин, руководивший дознанием, приказал повесить около ста тридцати человек, отправить в монастыри тысячу восемьсот сорок пять человек, из которых впоследствии сбежало, на свое счастье, сто девять.

В конце августа в столицу явился Петр. На следующий день, 26 августа, в селе Преображенском он собрал бояр и лично начал обрезать им бороды, укорачивать длинные их одежды. Это обновление длилось две недели. Стрельцы, борцы за русскую старину, две недели молча наблюдали за происходящим. Они боялись худшего, и худшее пришло.

В середине сентября царь приказал свезти в Москву и ближайшее Подмосковье провинившихся стрельцов, и началось новое страшное следствие. В селе Преображенском Федор Юрьевич Ромодановский, получивший нагоняй от Петра, теперь исправлял свою ошибку. В четырнадцати специально оборудованных камерах производились пытки стрельцов. Их руки со спины привязывали к перекладине и били кнутом «до крови на виске». Если пытуемый держал удары кнута хорошо и не сдавался, не наговаривал на себя, его выводили на улицу, где постоянно горели около тридцати костров: один, например, горел ярким пламенем, «заготавливая» в огне угли, а на другом в углях уже жарился стрелец

молчаливый. Многие пытку углями не выносили, кричали так, что даже у пытавших что-то вздрагивало внутри, но даже в диком крике своем стрельцы не указывали на Софью как на организатора заговора. Не руководила она заговором и мятежом, и все. Некоторые воины пыток не выдерживали, «сознавались»: мы хотели перебить иностранцев в Немецкой слободе и посадить на русский престол Софью. Но даже в полуобморочном состоянии, истекающие кровью, стрельцы упрямо твердили: она не участвовала в мятеже. Петр повелел пытать еще изощреннее.

И тогда те, что были послабее, не вынесли. Оказывается, стрелец Васька Тума получил письмо Софьино от нищенки, привез его товарищам. Нищую вскоре нашли. Васька Тума признал ее. Только она не признала его, не созналась ни в чем. Я нищая, хожу по миру, прошу милостыню, просила и у Софьи. Никаких писем ее никогда никому не передавала. Я нищая. Мне хватает милостыни для полного счастья.

Никто в этот лепет нищенки не верил. Ее пытали. Она, тихонько шевеля губами, читала молитву. Глаза ее были добры и спокойны. Она умерла тихо. От боли. Люди Ромодановского очень старались. Сам царь иной раз — на что уж занятой человек был! — присутствовал на пытках. На допросы и пытки брали слуг царевны, а также сестру ее Марфу. Ничего нового они не сказали.

Следствие зашло в тупик. Пора было кончать со стрельцами. В последний день сентября перед воротами Белого города плотники установили виселицы. Патриарх попытался приостановить расправу. Петр I обошелся с ним сурово. Монарху не нужны были патриархи, царь разговаривал с владыкой, как с мальчишкой. Остановить Петра не смог бы никто. Если верить некоторым данным, сын Тишайшего собственноручно отрубил головы пятерым стрельцам перед тем, как длинная вереница телег потянулась из Преображенского к виселицам, аккуратно расставленным перед воротами Белого города.

На каждой телеге со свечами в руках сидели, угрюмо озираясь, по два приговоренных. За телегами шли их жены и дети. И стоял бабий вой над Москвой. В первый день повесили 201 стрельца.

Затем был устроен перерыв на одиннадцать дней. Царь, видимо, решил, что казнь двухсот одного человека научит неразговорчивых стрельцов, и они расскажут ему об участии Софьи в заговоре. Пытки продолжились.

Впрочем, дело было не столько в Софье, сколько в преобразованиях, которые собирался вернувшийся из Европы царь начать в России и которые он начал в селе Преображенском обрезанием боярских бород. Петр пошел напролом. Остановить его было невозможно. Он решительно крушил все старое, беспощадно расправлялся с теми, кто мешал ему. Софья и стрельцы, как и бороды боярские, тянули Россию назад, связывали его. Они подвернулись под руку не вовремя и уже за это были достойны сурового наказания.

С 11 по 21 октября в Москве ежедневно казнили изменников, колесовали, вешали, рубили головы. На Красной площади, в Преображенском, у ворот Белого города, неподалеку от Новодевичьего монастыря. Перед окнами кельи, где проживала Софья, повесили сто девяносто пять человек. В феврале казнили сто семьдесят семь человек. (К делу стрель-

цов царь возвращался еще не раз, вплоть до 1707 года, когда казнили наконец-то Маслова, читавшего «письмо Софьи» соратникам.)

Избежавших казни воинов разбросали по тюрьмам, были и те, кому «повезло» больше: сослали в приграничные города на каторжные работы. Некоторые добросердечные люди обвиняют Петра в неоправданной жестокости. А Петр руководствовался в этих расследованиях не только соображениями государственной необходимости, но и личными впечатлениями детства, да и настоящее касалось его лично. «Стрелец Жукова полка Кривой, содержащийся в Вологодской тюрьме, со зверским бешенством кричал перед другими колодниками и посторонними людьми: «Ныне нашу братию, стрельцов, прирубили, а остальных посылают в Сибирь: только нашей братии во всех странах и в Сибири осталось много. И в Москве у нас зубы есть, будет в наших руках и тот, кто нас пластал и вешал. Самому ему торчать на коле»[1].

На коле торчать охочих мало. Петр I знал о настроениях стрельцов, иллюзий на их счет у него не было, и в бедах этих защитников боярского века, «бунташного века» повинны в большей степени они сами да царевна Софья, чем ее великий брат. Это она раздразнила стрельцов своими советами подавать челобитные в Кремль и требовать от Боярской думы, от правительства принятия государственных решений в свою пользу. Вся политика несостоявшейся самодержицы опиралась на силу стрелецких полков, она развратила воинов подачками, они начали выбирать, чьим приказам подчиняться, а чьим — нет. Такое войско не нужно ни в одном государстве.

Два года перед Северной войной

Уверенная и чрезвычайно смелая расправа над стрельцами, напугавшая даже некоторых европейских дипломатов и политиков, показала всем, что из шумного, увлекающегося мальчика, неугомонного юноши, подчиняющегося только матушке, Петр I превратился в решительного государственного деятеля. Цели российского монарха к тому времени уже определились: обновление снизу доверху всех сфер жизни страны, реформа государственного управления в центре — в Москве, на местах — во всех городах, создание светского образования, реорганизация армии, изменение взаимоотношений государства и церкви, развитие промышленности, кораблестроения, вплоть до перехода на европейское летосчисление.

По глубине и всеохватности его преобразования не с чем сравнить даже в мировой истории. Он был одержим идеей коренных реформ, все старое было его личным врагом, и расправлялся он с ним так же решительно, как со стрельцами.

В сентябре 1698 года Петр отправил Евдокию Федоровну в суздальский Покровский монастырь. Она не верила, что он охладел к ней навсегда. А у него к ней, может быть, и не было никогда никаких, даже дружеских, чувств. Женился он по воле матушки, а теперь, когда Натальи Кирилловны не стало, Петр I потянулся к другим женщинам, любви искал, не обращая внимания на старые обычаи, на церковные обряды и законы. Я — царь! Не нравятся мне русские боярыни-толстушки. Немка

[1] *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 288.

мне нравится, Анна Монс. Имею я право немку любить? Нет, ты царь народа православного, ты пример всем русским людям, а Евдокия Федоровна, мать наследника российского престола, перед Богом и тобой, царем, чиста. А мне Анна Монс нравится, и пусть Евдокия идет в монастырь. Я приказываю ее постричь!

Архимандрит суздальского Покровского монастыря отказался творить незаконное богопротивное дело, и его отправили в Преображенский приказ — на пытки.

Еще стрельцов всех не перевешали, а Петр уже в Воронеж уехал, чтобы лично проследить, как там строят суда. В это время из Турции пришла весть о том, что русский дипломат Возницын заключил с Османской империей не очень выгодное перемирие всего на два года. Маловато! Петру нужен был прочный мир с южным соседом перед войной со Швецией. Уже в 1698 — 1699 годах монарх знал, что эта война за год-два не закончится.

Петр, увидев построенные в Воронеже корабли, решил продолжить переговоры с турками.

Еще Евдокия сопротивлялась, не желала постригаться добровольно, надеялась на то, что угомонится ее муж, набегается по немкам да в семью вернется, еще любила она жизнь светскую, а уж царь, вернувшись из Воронежа, новое дело задумал: издал указ об учреждении Бурмистерской палаты. «Он дает право самоуправления тяглым общинам посредством выборных Бурмистерских палат. Эти палаты (а за ними и все тяглые люди) изъяты из ведения воевод и подчинены московской Бурмистерской палате, также выборной».

Воеводы после этого указа лишились права «заведовать» торговыми людьми, а значит, и возможности наживаться за счет купцов, особенно приезжих. Теперь за этим следили выборные бурмистры из среды самих купцов. Местные органы самоуправления зависели от московской Бурмистерской палаты и могли судить воевод за притеснения купцов. Цель этим указом Петр преследовал двойную — «избавить торговое и промышленное сословие от тех утеснений, какие оно терпело от приказов и воевод» и повысить на местах сборы в казну. Идею этой реформы Петр I заимствовал в европейском муниципальном городском строе.

Не успели люди понять, что же им даст эта реформа, а царь уже снарядил «дипломатический флот» в Турцию. Еще русские не прибыли в Константинополь, а уж в Российской державе новые важные перемены грянули: Петр I отменил празднование Нового года 1 сентября, перенес начало года на 1 января. Чтобы у москвичей не возникло никаких сомнений по поводу этого нововведения, царь приказал праздновать новый, 1700 год аж семь дней.

Погулять-то русские люди, особенно в Новый год, да целых семь дней кряду, да под фейерверки, да под пушечную стрельбу, да с мохнатыми елочками, выставленными по указу царя перед воротами домов, ни в жизнь бы не отказались! Гуляли они и радовались. И невдомек им было: почему же царь Новый год перенес? Какая с этого выгода, кроме того, что теперь русский государь всем Европам мог гордо сказать: «И мы точно так Новый год справляем». Но главная причина была в том,

что разнообразнее становилась жизнь, не была теперь она привязана только к сбору урожаев, потому и логичней было начинать новый год с новым прибавлением светового дня.

Еще не привыкли русские люди отмечать Новый год зимой, а на их старомодные головы посыпались один за другим указы: о бородах и одежде, свадьбах и женитьбе (родители теперь не имели права принуждать детей вступать в брак), о запрещении носить острые ножи и заниматься всем, кому ни захочется, врачеванием...

В это же время Петр проводит дипломатическую подготовку к войне со Швецией. Осенью в селе Преображенском, а не в Кремле, следует подчеркнуть, Петр I в строгой тайне провел переговоры с Паткулем, посланником польского короля Августа. После переговоров заключили договор, по которому Москва обязалась поддержать Польшу в войне против Швеции, но только после подписания договора о мире между Россией и Турцией.

Дания начала военные действия против герцогства Голштейн-Готторпское, союзника Швеции, а польское войско осадило Ригу. Швеция на рубеже XVII — XVIII веков значительно усилилась. Но датчане и поляки смело вступили в войну против этого государства, рассчитывая на молодость и неопытность восемнадцатилетнего короля Швеции Карла XII — любителя охоты и пиров. Мальчишеские забавы отвлекали короля от государственных дел, и казалось, он так и останется до старости страстным охотником и гулякой.

Но мальчишка вмиг преобразился. Узнав о неожиданном нападении сразу двух врагов, Карл XII втайне от всех прибыл в войско и переправился с ним в Данию. Противника он застал врасплох — Дания вышла из войны, заключив со Швецией мир 8 августа 1700 года.

Слухи о Северном Александре Македонском, как теперь стали называть вчерашнего любителя охоты, еще не достигли России, и Петр, получив 18 августа вести о мире с Турцией, на следующий же день объявил Швеции войну, а еще через три дня выступил в поход на Нарву.

Северная война. От Нарвы до Полтавы

В конце августа 1700 года русские подошли к Нарве, осадили крепость. Петр I доверил большую, численностью до сорока тысяч человек, армию генерал-фельдмаршалу Головину. Тот предложил коменданту крепости Горну сдаться. Горн отделался язвительной усмешкой. Русские не спеша стали готовиться к боевым действиям. Но через два дня до Головина дошел слух о том, что Карл XII, разгромив датчан, совершил с отборным войском быстрый бросок по морю, высадился в Пернау и двинулся к Нарве на помощь осажденным.

Петр I укрепил русское войско полком князя Репнина, казаками, назначил главнокомандующим герцога де Круа. Не доверил Петр войско русскому полководцу. Русский монарх знал, что его военачальники могут быть героями, готовыми погибнуть в битве, но не верил он в них, в русских военачальников, как в полководцев. Героев на Руси всегда хватало с лихвой. Мастеров военного дела в 1700 году было маловато.

Де Круа, известный в Европе военачальник, умел воевать и побеждать. За семнадцать лет службы у римского кесаря в Дании он не раз

доказал это. Но однажды удача изменила ему. Армия, которой он командовал, после неудачной осады Белграда отступила с большими потерями. Для честолюбивого генерала удар был настолько сильным, что он надолго оставил службу. И все-таки, когда император Леопольд рекомендовал его Петру I, он не смог сидеть дома, охотно принял приглашение русского царя, захватил с собой, согласно договору, немалое число немецких офицеров, прибыл в Нарву... и тут же загрустил.

Петр I, не догадываясь о причине плохого настроения герцога, взял его вместе с генералом Алартом осматривать Нарву. Герцог согласился, кажется, даже повеселел, ехал в красном мундире, не боялся пуль. Царь с трудом уговорил его надеть серый плащ. Осмотрев крепость, де Круа ушел в палатку, сел на скамью и долго о чем-то думал. Переживал.

Шведов он знал давно — прекрасные воины, великолепные военачальники. А тут еще Карл удивил своим военным талантом... Справиться с такой армией очень сложно. Не только русским. Петр I герцогу понравился сразу. Напористый человек, мыслит смело, организатор незаурядный. Очень крупная личность. В Европе о нем говорили много. Но... русские... Разве это войско? Толпа мужиков, вчера ходивших за сохой.

Царь посылал за ним слугу семь раз. Герцог ссылался на головную боль, думал, как поступить. Тогда Петр сам явился к нему, уговорил его принять армию, и герцог занялся осадными работами.

Петр отправился в тыл, де Круа остался с армией. Борис Петрович Шереметев, руководивший нерегулярной конницей, предложил ему интересный план действий: оставить часть войска под крепостью, а с отборными частями выдвинуться вперед, встретить противника в выгодной для себя местности и дать бой. Де Круа грустно вздохнул, но промолчал, не стал обижать достойнейшего человека, который совсем недавно осуществил по заданию Петра «дипломатический вояж» по странам Европы, произвел изысканными манерами, тонким пониманием любой сложнейшей ситуации, великолепным знанием истории, чувством такта хорошее впечатление на императора Леопольда и папу римского, дожа Венецианской республики и великого магистра Мальтийского ордена. Уважаемый в Европе вельможа. Начальник нерегулярной конницы. Разве может он понять, что такое современная армия? Разве можно объяснить ему, кто такой Карл XII?!

Де Круа не представлял себе, насколько удобной должна быть позиция, где бы русский необученный сброд мог одержать победу над шведами. Он даже не предполагал, что перед ним стоит человек, который в скором времени, буквально через несколько месяцев, будет бить хваленых шведов и на суше, и на море. Де Круа не верил в русского воина, в русских генералов, но делал все зависящее, чтобы встретить серьезного противника подобающим образом.

Карл XII в лучших традициях Александра Македонского провел войско из Пернау до Нарвы, утром воспользовался туманом, неожиданно напал на противника и устроил русским такую трепку, которую они запомнили надолго. Запомнили, чтобы научиться так же бить шведов. Де Круа проиграл то сражение подчистую. Не помогли ему и немецкие

офицеры. Их крикливые команды русские не понимали. Осознав бесполезность сопротивления, все они, де Круа и его офицеры, сдались шведам.

Но русские сдаваться не любили никогда. Они, оставшись без общего руководства, дрались до самого вечера. Ничего у русских не было: ни штаба, ни командующего, ни опыта, ни пушек — разрывались старые пушки, губили прислугу, ни ружей — выходили из строя старые ружья, ни царя-батюшки. Ничего. Но они не сдались. Особенно хорошо дрались Преображенский, Семеновский и Лефортовский полки, они выстояли, не дали смять себя. Де Круа, уже отведенный от места сражения на приличное расстояние, слышал грохот снарядов и не верил: неужели русских еще не уничтожили?!

И никто в Европе не верил, что русские, отставшие от европейских держав в военно-техническом отношении, пережившие мятеж стрельцов, уничтожившие цвет своего войска, что русские, у которых нет ни одного учебного заведения, в котором воспитывались бы военные кадры, военные инженеры, могут выиграть войну у Швеции. Но русский царь верил в это.

Он мог бы, узнав о выходе из войны Дании, пойти на мировую с Карлом, вплотную заняться внутренними проблемами, развить в стране промышленность, снабдить армию современным вооружением, подготовить военспецов, а затем объявить войну хоть шведам, хоть туркам.

Так поступил бы любой степенный русский человек или, скажем, немецкий политик. Дом начинается с фундамента, заканчивается коньком. Нельзя на ходу подковать скакуна. Нельзя в течение нескольких лет изменить психологию народа, его обычаи, привязанности. Нельзя рассчитывать на долговременные успехи в войне, не обеспечив прочного тыла. Дом на песке долго не простоит, если не поставить его на высоких сваях, уходящих в глубь земли до камня, до твердого основания. Ко всему великому нужно тщательно готовиться.

Нет, сказал всему миру Петр I, Россия готова к великим преобразованиям, я знаю. Я сменю подковы скакуна на ходу. Я буду воевать со шведами и одновременно проводить в стране реформы.

Справедливости ради стоит напомнить, что после трепки под Нарвой у Петра появилась мысль закончить дело миром. Он даже стал искать в Европе посредников, но таковых не нашлось. За границей весть о поражении русских приняли подобающим образом. В периодической печати западноевропейских стран откровенно издевались над Москвой, над Петром. «Была пущена в обращение медаль, изображавшая с одной стороны осаду Нарвы и Петра, греющегося при пушечном огне (подпись взята из Библии: «бе же Петр стоя и греяся»), а с другой стороны — Петра и русских, позорно бегущих от Нарвы (подпись оттуда же: «исшед вон плакася горько»)»[1].

Это поражение свело на нет успехи русской дипломатии в 1697 — 1699 годы. В Россию, в Петра перестали верить. Не верил в Россию, и совершенно напрасно, сам победитель, слава о котором гремела по всей Европе. Под Нарвой он не стал добивать русских, разрешил им уйти с

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 554.

оружием и знаменами, затем вообще покинул Россию, отказался от мысли идти на Москву и двинулся на Запад — побеждать.

Петр I остался один. Не сник. Использовал данный ему Карлом XII шанс наилучшим образом. Он объявил рекрутские наборы со всех сословий, поручил немцу Виниусу отливать по шведским образцам пушки, разрешил использовать на это дело медь церковных колоколов. Не отдыхая ни минуты, Петр за кратчайший срок создал новую армию, оснастил ее всем необходимым, в том числе тремястами пушками.

В летние месяцы 1701 года русские продолжили боевые действия против шведов в Польше, где они помогали войскам короля Августа, и в районе Финского залива.

О Северной войне историками и военными специалистами написано много книг. Нет смысла пересказывать ее перипетии. Важно, что война и реформы управления и хозяйствования велись Петром I одновременно.

Чтобы по достоинству оценить дела этого человека, лучше всего исследовать его жизнь в хронологическом порядке.

Петр I упраздняет Боярскую думу, заменяет ее канцелярией государя, в ней иногда заседают бояре.

В октябре 1700 года скончался патриарх Адриан. Петр I решает отменить патриаршество, не боясь осуждения духовенства. 16 декабря он ликвидировал Патриарший приказ, назначив блюстителем духовных дел митрополита Рязанского Стефана Яворского.

Нововведения царя не понравились священнослужителям. Многие из них откровенно ненавидели Петра. В 1700 году Григорий Талицкий, книгописец, написал труд, в котором предрекал наступление конца света, явление в мир антихриста — царя Петра. Было проведено следствие по этому делу. Страшные пытки, нечеловеческие страдания вынуждали привлеченных к следствию людей давать показания друг на друга. В ноябре 1701 года был оглашен суровый приговор. Шесть человек вместе с Талицким поплатились жизнью за свои убеждения, их жены отправлены в Сибирь. Тамбовский архиерей Игнатий лишился сана и навечно оказался в тюрьме. Семерым осужденным крупно повезло: за то, что они слышали богохульные речи и не донесли, их отстегали кнутом и отправили в Сибирь.

Петр видел, как негодуют русские люди (особенно из бояр, духовенства и дворян) по поводу указов о брадобритии, о немецком платье. И все же в 1701 году он подтверждает этот указ, ужесточая его!

В 1701 году Б. П. Шереметев одержал под Эрестфером победу над шведами, возглавляемыми Шлиппенбахом. Петр I, радуясь первой победе русских войск, встретился в феврале этого года с польским королем Августом, договорился с ним продолжать войну. В Москве в том же году открылось первое в России светское учебное заведение: школа математики и навигационных наук (в Сухаревой башне), а затем артиллерийская школа — первое военное учебное заведение.

В 1702 году по указу Петра I губные старосты заменены воеводами, которые управляли вместе с выборными от уездов дворянами.

В 1702 году Шереметев выиграл бой у Гуммельсдорфа, Петр I в Архангельске организовал оборону от возможного нападения шведов с моря.

Затем из Архангельска прорубил просеку до Ладожского озера сквозь болотистые леса и вышел с кораблями и корпусом Апраксина к истокам Невы, взял крепость Нотебург, назвал ее по-своему — Шлиссельбург, «ключ от моря». Передав «ключ» русским, Петр I едет в Москву — следит за ходом работ по укреплению города, отправляется в Воронеж — проверяет боеспособность флота на случай войны с турками.

На рубеже 1702 — 1703 годов Петр I приказал соорудить на Красной площади неподалеку от Никольской башни первый русский публичный театр — «Комедийную храмину» — на 500 человек.

Весной 1703 года он вновь на Неве. Берет с войском Шереметева Ниеншанц, в мае основывает гавань Петербург.

В 1704 году сам Петр взял город Дерпт. Тут же без промедления он заводит в Финский залив русский флот, приглашает в новый порт иностранцев; начинается торговля русских со странами Европы по Балтике...

Карл XII тем временем одержал блистательные победы над королем Августом, сместил его с престола, сделал королем Польши Станислава Лещинского. В Польше началась междоусобица. Карл XII продолжал побеждать своих противников. В 1707 году был подписан Альтранштадтский мир. Карл XII вошел в Польшу и стал распоряжаться здесь, как в своей Швеции. В декабре 1707 года он перешел в наступление на востоке, занял Гродно.

В 1708 году, когда противостояние между Швецией и Россией приблизилось к высшей точке, когда, казалось, нужно было все силы и средства, энергию всех слоев населения направить на решение военной задачи, русский царь издает указ о разделении России на губернии, а губерний, в свою очередь, на уезды.

Крупнейшее мероприятие задумал Петр I в самый ответственный момент борьбы со шведским королем. Подобные реформы проводили в своих империях многие самодержцы. Например, Дарий I разделил многонациональную державу персов на сатрапии, да и римские провинции (внеиталийские области) имеют нечто общее с губерниями, хотя, конечно, этот пример менее подходит для сравнения... Петр I, проводя данную реформу, исходил именно из того, что Россия — империя, что в империи все должно быть организовано по-имперски. Ничего нового и оригинального в данном вопросе он не сделал. Но тот же Дарий I «структурировал» свою державу в годы спокойные, относительно мирные. Петру I мира ждать было некогда, да и не от кого. Он был один. Никто в Европе после Нарвы, вплоть до Полтавской битвы, всерьез его не принимал, хотя победа у деревни Лесной изменила отношение к русским некоторых военных специалистов на Западе.

Петр I тем-то и отличался от других государственных деятелей мировой истории, что он взялся за решение множественной, комплексной задачи и решил ее.

Второй этап реформы местного управления совпал, как уже сказано выше, с решающими событиями в Северной войне, которые начались вторжением Карла XII на территорию России и закончились Полтавской битвой.

Коротко об этих насыщенных и драматических событиях можно сказать следующее. Петр I на военном совете в Жолкеве принял идею, предложенную Шереметевым. Она была известна со времен Кира Великого, которого, как гласят легенды, скифская царица Тамирис заманила, постоянно отступая, в ловушку и разгромила...

Победить шведов таким же образом можно было лишь в том случае, если народы Белой и Малой Руси, на территории которых должны были развиваться основные события предстоящей многоходовой операции, не встанут на сторону шведского короля. Царь прекрасно это понимал. Он знал, что его реформы, его упрямая энергичная политика обновления жизни нравятся далеко не всем. Вести о расправе над стрельцами в Москве, Астрахани, жестокое наказание участников булавинского восстания должны были насторожить не только Запорожскую Сечь, но и многих в Белой и Малой Руси.

Очень рискованное решение принял Петр I на совете в Жолкеве, но, как оказалось, верное. Карл XII продвигался по территории России, как по пустыне: люди покидали свои жилища, расположенные вблизи от больших дорог, прятали или уничтожали продукты, не верили воззваниям Карла XII, не принимали его. Он терял лучших воинов, несколько раз пытался прорваться на восток и осуществить бросок на Москву, но туда его не пускали русские. Войско шведов попало в студеную зиму, едва выжило, дожило до весны, чуток передохнуло, более двух месяцев штурмовало Полтаву, обороной которой руководил замечательный человек полковник Келин, но так и не взяло город.

И настал час Полтавской битвы. Русское войско одержало победу. Карлу XII удалось бежать. Война еще продолжалась, но конечный исход ее уже ни у кого не вызывал сомнений. Шведского короля перестали называть Северным Александром Македонским.

В следующем, 1710 году Москва получила первого губернатора: им стал Стрешнев. А еще через два года Петр I повелел российскому правительству переехать из Москвы в Санкт-Петербург.

На этом, однако, история Москвы — столицы Российского государства — не прекратилась, потому что город с центром на Боровицком холме остался духовным, культурным, научным, да и промышленным центром державы, передав юному городу административные функции.

Жизнь Петра I, бурная, напряженная, насыщенная, после 1712 года была сориентирована на Санкт-Петербург, но и о Москве он никогда не забывал, более того, первопрестольная с воцарением Петра I, покончив, по словам И. Е. Забелина, со стариной, начала новую жизнь.

След Петров в Москве

В 1701 году Петр «произвел точный и подробный счет всякой наличности по всем ведомствам Управления с их доходами и расходами», а Земский приказ «составил точный счет всех обывательских домов». «...В этом счете в Кремле числилось патриарших, архиерейских и монастырских подворий 9, дворов соборного и приходского и духовного чина — 29, боярских — 3, кравчего — 1 и стольничьих — 1, всего 43 обывательских двора.

В других частях города считалось: в Китае-городе — 272, в Белом — 2532, в Земляном — 7394, за Земляным — 6117, всего и с Кремлевскими 16 358 дворов»[1].

«Это был город не только деревянный, но и вполне деревенский. Это был город, подъезжая к которому, благочестивые немцы говаривали, что это Иерусалим, и потом, въехавши в его деревенские улицы, убеждались, что это скорее Вифлеем, или простее сказать — громадная деревня, отличавшаяся всеми качествами настоящей великорусской деревни, ибо тысячи дворов на самом деле состояли из простых крестьянских изб повсюду с немощеными переулками и только большие улицы назывались мостовыми, потому что покрыты были деревянными мостами из отесанных и даже неотесанных бревен, перекрытых только на царских путях байдашными барочными досками»[2].

Нет, не зря Петр I бежал из Москвы в Петербург! Здесь ему управлять по-своему, по-европейски было бы очень сложно. Здесь он чувствовал себя, как в паутине, в паутине переулков, улиц, шестисотлетних традиций, обычаев, московского упрямства (сам упрям был по-московски, знал, что это такое!). В первопрестольной дух витал древний. Петр боялся его. Точно так же боялся Москвы Иван IV Васильевич Грозный, бежав из столицы в Александровскую слободу.

Петр пошел дальше. Решая крупномасштабные имперские задачи, он не мог ждать десятилетия, пока Москва смирится с ним, покорится ему. Не было у него этих десятилетий. Он построил на Неве каменную шкатулку огромных размеров, стал быстро расширять Санкт-Петербург, поражая людей прямолинейностью своих градостроительных идей. Город на Неве получился воистину изящный, грациозный, несмотря на некоторую тяжеловесность невской природы и строительного камня. Здесь все было внове. Здесь легко было руководить обновленной державой.

К тому же строительством новой столицы на Неве Петр решил задачу укрепления западных рубежей. В древней Москве, как сказано было выше, в 1701 году насчитывалось около семнадцати тысяч дворов. В Санкт-Петербурге уже в 1714 году, согласно переписи, — тридцать четыре тысячи пятьсот дворов. Соответственно, и число жителей в городе на Неве было немалое. Первоначально задуманный как крепость для борьбы со шведами Санкт-Петербург стал крупнейшим городом России, столицей, организующим центром громадного края, куда Петр переселял со всех концов страны людей.

Шведы, да и все в Европе, быстро поняли, что Петр I взял устье Невы и прибрежные территории Финского залива навсегда. И, между прочим, с этим «навсегда» многие быстро смирились, наблюдая за тем, как осваивает новые земли российский император.

А что же Москва?

«Деревенский характер города еще больше запечатлевался множеством больших и малых садов и огородов, существовавших почти у

---

[1] *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 168.

[2] *Там же.* С. 170.

каждого, даже и малого двора, не упоминая о садах в несколько десятин пространства»[1].

Ах, хороша была Москва в начале «своей новой истории»! Посмотришь на нее с колокольни Ивана Великого в майскую пору и про политику напрочь забудешь: садовая страна, вся бело-зеленая, исчерченная небрежными линиями рек, накрытая куполом неба, куда из деревянных изб (среди них немало курных на окраинах) тянутся дымовые струи. Даже представить себе трудно, какой красавицей была Москва. Даже думать не хочется о том, как не любил первопрестольную Петр I — онемеченный, в худых немок влюбчивый, московских барынек не терпящий. Чем они ему не нравились — это уж его личное дело, но в Санкт-Петербург он сбежал не от хорошей жизни.

Не лежала у него душа к Москве, хотя не уважать свою родину он не мог.

В 1701 году в Кремле пожар спалил все деревянные здания, очистил место для «новой истории». Петр I воспользовался трагедией и 12 ноября приказал построить между Никольскими и Троицкими воротами Оружейный дом — Цейхгауз.

В том же году в Москве произошло еще одно знаменательное событие: в Сухаревой башне открылась школа математических и навигационных наук, положившая начало светскому образованию в России. А за год до этого в городе появилась первая булыжная мостовая (впрочем, по некоторым сведениям, это произошло еще в 1692 году).

Вслед за навигационной открылась артиллерийская школа, затем (уже в 1707 году) — медицинское училище, а в 1712 году — инженерная школа. Петр I делал все, чтобы поскорее превратить тихую садовую страну — Москву-город — в современный столичный бург.

В 1701 году Петр I учредил около шестидесяти богаделен при московских церквях, куда поступали больные и увечные, а также малолетние до десятилетнего возраста.

В 1702 году царь приказал открыть в Москве два публичных театра. Для этого на Красной площади возвели, как уже упоминалось, большое здание на пятьсот человек для «Комедийной храмины». А второй театр открылся в Немецкой слободе в роскошном доме любимца царя — генерала Франца Яковлевича Лефорта.

Входные билеты печатались на толстой бумаге и назывались ярлыками. В 1703 году сбор с комедий составил четыреста шесть рублей, в следующем году сбор был еще больше.

На новый, 1703 год в Москве стали справлять роскошные триумфальные торжества по случаю побед над шведами. Эти празднества продолжались вплоть до 1710 года.

В 1703 году была напечатана «Арифметика» Ивана Магницкого.

Дела Российской империи отвлекали Петра Великого от первопрестольной. Император вспомнил о Москве в 1722 году, когда решил короновать свою супругу Екатерину I. Конечно же, это нужно было сделать только в Успенском соборе Московского Кремля. Петр для приема гостей

[1] *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 170.

повелел строителю Арсенала Христофору Конраду описать Кремлевский дворец, заброшенный после пожара 1701 года. Архитектор исполнил повеление, составил смету ремонтных работ на сумму 53 000 рублей. Таких денег Петр выделить не мог, поэтому строители восстановили лишь Грановитую и Столовую палаты, а также жилой корпус Теремного дворца.

7 мая 1724 года церемония коронования состоялась, ее пышно отпраздновали, и Кремлевский дворец был вновь надолго покинут людьми.

Москва относилась к реформам Петра, к его чудачествам спокойно, без лишней экспрессии.

Впрочем, оказавшись официально на долгое время в роли вице-столицы Российской империи, Москва не потеряла своего значения города-солнца для жителей Московского пространства, то есть Московской губернии с 1710 года, и для жителей, по-современному говоря, Золотого кольца, а также сопредельных с этим кольцом областей и более отдаленных территорий Российской державы.

* * *

Мы уже упоминали во вступлении, что ни один правитель Москвы даже не пытался опередить время, обогнать его, как будто знали они, что подобные попытки обычно оканчиваются печально для слишком быстрых бегунов.

...Софья Алексеевна тоже не стала спорить со временем. Но она совершила другую грубую ошибку: предложила жителям столицы новый, неизведанный доселе и очень опасный для любой страны способ избрания монархов с помощью воинов. Подобные методы широко практиковались, например, в Римской империи во II — III веках, когда власть в государстве менялась очень часто, а победители в борьбе за трон великой державы обычно опирались на преторианские когорты. В III веке легионерам понравилась игра в политику. «Солдатские императоры» с 235-го по 284 год менялись очень часто. Это приводило к гражданским войнам, что, в свою очередь, явилось одной из причин, ускоривших гибель Римской империи.

Софья Алексеевна, женщина образованная, о чем пишут практически все специалисты той эпохи, может быть, и знала этот показательный эпизод из мировой истории, но не обратила на него внимания. Она стала стрелецкой царицей, но ненадолго.

У Петра Алексеевича были иные политические ориентиры и цели. Он желал культурного, промышленного взлета России и опирался на тех, кто мог этому способствовать. За Петром было будущее, и поэтому победила его политическая концепция.

Петр Великий одержал в своей жизни много побед. Ему удалось сделать почти невозможное — обогнать время! Он задал развитию России такое ускорение, что вплоть до Крымской кампании великая держава не знала поражений в войнах, быстро развивалась экономически и политически.

Петр не справился лишь с одним наследием ненавистной ему старины — с самой Москвой! Она не могла и не хотела превращаться в Москвабург. Она чисто по-московски уступила политическое первенство

Санкт-Петербургу и не конфликтовала по мелочам с юным, сильным, напористым детищем Петровым.

После 1712 года Москва именовалась первопрестольной, сохранила привилегию короновать монархов в Успенском соборе Кремля, что было знаком незыблемости основ жизни на Руси. Иначе с Москвой Петр поступить просто не мог.

Причину его терпимости по отношению к Москве, несмотря на спор императора с ней, нужно искать в истории города и народа, в самой сути их сложной судьбы. Москва появилась на свет не по прихоти какого-нибудь реформатора, сверхэнергичного гения или баловня судьбы — город на Боровицком холме вынянчила и воспитала Московская земля, он развивался вместе с ней как организующее ядро большой территории, которой суждено было стать организующим центром громадной державы. И даже Петр смирился с этим и оставил ей все московское, все исконно русское.

Основные события жизни Петра Великого

1672 год. 30 мая у царя Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны Нарышкиной родился сын Петр.

1675 год. Петр приохотился играть со своими сверстниками в военные игры. Обучением детского полка юного царевича занимался по поручению царя Алексея Михайловича шотландец Павел Гаврилович Менниус.

1677 год. 12 марта дьяк Никита Моисеевич Зотов стал обучать Петра грамоте, рассказывая ему русскую историю.

1682 год. 27 апреля, после смерти царя Федора Алексеевича, Собор избирает царем Петра Алексеевича.

15 мая в Москве вспыхнул стрелецкий бунт. В результате царями были объявлены Иван и Петр, а царевна Софья стала правительницей.

Десятилетний Петр в Преображенском создает потешные полки.

1683 год. 30 мая в Воробьеве немецкий офицер устроил в честь дня рождения Петра потешную огнестрельную стрельбу.

1684 год. Австрия, Польша, Венеция образовали против Османской империи Священную Лигу.

1685 год. В Преображенском возведена крепость Потешный городок для обучения «потешного» войска юного царя стрельбе из ружей, пушек, навыкам военного искусства.

1687 год. Солдатские игры Петра приняли большие размеры, в этот год были сформированы Преображенский и Семеновский полки.

1688 год. С этого года Петр стал часто обращаться за помощью к генералу Гордону по военным вопросам, в частности по проблемам укомплектования своего «потешного» войска.

Петр нашел в заброшенном сарае старый бот, решил научиться строить и водить корабли, способные ходить против ветра.

XVII век. Во второй половине столетия многие страны Западной Европы проводят перевооружение армий с учетом последних достижений техники, меняют стратегию и тактику ведения войны. Россия вплоть до Азовских походов Петра словно бы не замечала этого.

В сентябре, по свидетельству Патрика Гордона, в Москве уже существовали партии Софьи и Петра. Отношения между ними были натянутыми.

Петр начинает участвовать в заседаниях Думы.

Яков Долгорукий привез из Франции астролябию. Царь приблизил к себе голландца Франца Тиммермана из Немецкой слободы, стал учиться у него арифметике, геометрии и фортификации.

1689 год. 27 января Петр женился по воле матери на Евдокии Федоровне Лопухиной и, по обычаям тех времен, стал совершеннолетним.

Софья проиграла Петру борьбу за власть и оказалась в Новодевичьем монастыре.

1690 год. В сражении между потешными войсками получил ранение сам генерал Гордон.

1691 год. Петр спустил на реку Яузу построенную собственными руками при участии своих потешных вояк яхту.

В конце лета Петр заложил в Переяславле первый военный корабль, поручив его постройку Федору Юрьевичу Ромодановскому.

Петр серьезно заболел. Друзья и близкие ему люди собирались даже бежать из России. Но Петр выжил.

1692 год. Петр познакомился с немкой Анной Монс и стал чураться семьи.

1693 год. Петр заказал в Голландии большой корабль, а также заложил корабль на верфи в Архангельске.

Петр принял участие в военной игре под Москвой, в Кожухове. Некоторые специалисты считают, что это были первые военные маневры в Европе.

1694 год. В январе умерла Наталья Кирилловна Нарышкина.

1695 год. Русское войско под руководством Петра I осуществило неудачный поход под Азов.

1696 год. Весной на воронежских верфях было спущено на воду два больших корабля, двадцать три галеры, четыре брандера, с помощью которых русские в том же году взяли Азов.

Петр заселяет Азов русскими. В ноябре он собрал в Преображенском Думу. Она постановила: всем жителям Московского государства участвовать в строительстве судов.

1697 год. В марте в Западную Европу отправилось Великое посольство из двухсот пятидесяти человек, среди которых был «урядник Петр Михайлов».

1698 год. Петр в Вене узнал о новом мятеже стрельцов в Москве и уехал в Россию.

Первая жена Петра I Евдокия Федоровна Лопухина была отправлена в суздальский Покровский монастырь и насильно пострижена под именем Елены. Иноческое платье она носила лишь полгода, после чего стала жить в монастыре мирянкой.

1699 год. Петр I заключил военный союз с Саксонией и Данией против Швеции.

Царь объявил набор добровольцев и «даточных людей» в армию.

Петр I отправил экспедиции к берегам Каспийского моря с целью изучения особенностей местности.

В январе был издан указ об учреждении Бурмистерской палаты. Петр начал активное переустройство государственного аппарата на европейский лад.

Из Воронежа в Стамбул прибыл 46-пушечный корабль-крепость с русскими послами на борту. Турок поразила предприимчивость соседей, они подписали с Россией мир.

10 марта Петр учредил орден Андрея Первозванного.

1700 год. Осадой Нарвы русские начали боевые действия в Северной войне, потерпели здесь 19 ноября сокрушительное поражение от подоспевшего на помощь к своим войскам Карла XII.

16 октября умер патриарх Адриан.

16 декабря Петр I уничтожил Патриарший приказ. Духовные дела были временно поручены Стефану Яворскому, получившему титул экзарха патриаршего престола.

В феврале в последний раз упоминается в русских источниках Боярская дума. Некоторые думцы перешли в ближнюю канцелярию — переходное от Думы к Сенату учреждение.

1702 год. Папский унций сообщил русскому дипломату Голицыну о том, что «папа готов признавать царя восточным императором «за царя ориентальского», однако не всем повелителям Европы понравилось признание Всероссийской империи.

В конце года стала выходить первая в стране периодическая газета «Ведомости» — «Куранты о всяких делах Московского государства и окрестных государств».

1703 год. В ноябре в только что основанный город на Неве прибыл первый голландский купеческий корабль. Петр сам провел его в гавань.

В апреле Петр I определил место — Заячий остров — для строительства русской крепости Святого Петра.

1707 год. Карл XII с войском в пятьдесят тысяч человек перешел из Саксонии к границам России, в январе 1708 года занял город Гродно.

1708 год. Войско шведов под руководством Карла XII в июне форсировало Березину, нанесло поражение дивизии А. И. Репнина, через четыре дня заняло Могилев.

1709 год. 27 июня русское войско одержало блистательную победу под Полтавой над войском короля Швеции.

1710 год. 10 февраля жителю Амстердама Иоганну Тессингу была дана от Петра I привилегия открыть в своем родном городе типографию и печатать в ней книги для России.

1711 год. 22 февраля, в день объявления Россией войны Османской империи, вышел указ о создании правительственного Сената для управления страной во время отлучек царя. В него входило 9 человек.

1712 год. Российское правительство переехало из Москвы в Санкт-Петербург.

Экстремальные природные явления, эпидемии, катастрофы, отмеченные в русских летописях (1613 — 1712 гг.)

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
1626	Москва	Полярное сияние 5 февраля: «...ино был столп огненной и от земли до небеси и стоял четверть часа и почал гинуть сверху и сгиб весь от небеси»	ПСРЛ, т. 34, с. 220
		Очень большой пожар: «...загорелося на Москве городе Китае между Варварской улицей и Ильинской... от того же пожару выгорело все без остатку: дворы и ряды и лавки каменные и полаты и церкви деревянные и каменные, и лавки, в городе кровля и зубцы. И от того же пожару загорелось на высокой каменной церкви лоб под железом... и от того лба, загорелося на городе на Кремле кровля, и перекинулся з города огонь в Кремль... И не бывал такой пожар над Московским государством николи»	ПСРЛ, т. 14, с. 152; т. 34, с. 267
1629	Москва	В Москве и в «иных многих местах были пожары великия». «Паки того лета бысть вихор велик, и дождь презелен, и гром престрашен, и молния преужасна; и со многих церквей главы и кресты буря срывала и храмины многие разлома и с места на место принесе»	ПСРЛ, т. 31, с. 160
	Москва и земли южнее ее	Сильные грозы, ветры, дожди. Неблагоприятные условия погоды привели к неурожаю. Из-за «хлебного недорода» раздавался взаймы хлеб «стрелоцким и желецким людям». Голодный год	ПСРЛ, т. 31, с. 160; МАМЮ, кн. 12, с. 31
	Москва	Сильные дожди и бури: «...вихру великому и дождю	ПСРЛ, т. 14, с. 154

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
		и грому и молнию бывшим велию». Со многих церквей сорвало купола, разрушило много домов, некоторые постройки перенесло с одного места на другое	
1631	Москва	«Был в Москве великий пожар, что едва не вся Москва выгорела». Сильные грозы и бури	ЛХ, с. 353
1633	Москва	Сильный пожар 28 мая, сгорела часть Китай-города	ЛХ, с. 292
1650	Москва	Сильная гроза: «Великий гром бысть»	Новгородский хронограф, XVII в., с. 291
1652	Москва	«14 декабря в ночи прошла Москва-река»	ПСРЛ, т. 31, с. 169
1655	Москва	Эпидемия: «...мор бысть велик в Москве и по окрестным селам». От эпидемии погибло «множество и многие тысячи, о том несть числено»	ПСРЛ, т. 31, с. 179
1657	Москва	15 — 16 января стояли морозные дни и ночи. Ночью 29 января поднялся ветер. На следующий день после обеда наступила оттепель. 31 января в течение суток «шел снег и ветр был же». Потепление со снегопадами продолжалось до 12 февраля, когда сияло солнце, а ночью был мороз с ветром. 17 февраля снова потеплело. В следующую ночь начались морозы, но 21 и 22 февраля «в ночи было тепло», затем были заморозки, 26 февраля днем было тепло и на кровлях таял снег. Шел мокрый снег. В последний день февраля «шел дождик невелик днем, а на утренней заре снег мокрый невелик». Следующей ночью похолодало.	Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы, с. 220 — 222

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
		2 марта был солнечный день и непомерно лютый мороз ночью. Ясная погода продолжалась 10 дней. Постепенно морозы ослабли. 12 марта снова потеплело. Шел небольшой дождь. Такая погода продолжалась несколько суток. В ночь на 18 марта был большой снегопад. Снегу выпало более 20 см. Вёдро в течение недели сопровождалось, как правило, небольшими морозами. 26 марта начались дожди. Порой было холодно, а иногда, особенно в начале апреля, шел «снег с перемешкою». 6 апреля отмечен «великий ветер». Последний снежок выпал 11 апреля, затем потеплело. 19 апреля на утренней заре был мороз. До конца месяца перемежались вёдро и дожди. Было тепло. 1 мая был солнечный день, а ночью выпала холодная роса. 2 — 5 мая дни были солнечные, а ночи теплые. 6 мая нашли тучи, пошел дождь. Затем похолодало, 9, 12, 13 мая ночью был мороз. К вечеру 14 мая потеплело, прогремел гром и полил дождь. Затем стояла в основном солнечная погода. Ночи, как правило, были теплые. Ночью 24 мая шел «великий дождь». До конца месяца в основном стояла солнечная погода, дожди выпадали изредка. 31 мая был гром, молния и сильный дождь. Летом часто отмечались дожди, нередко очень сильные. Во время жатвы дожди шли почти каждый день. В течение первой половины августа отмечено восемь сильных дождей (2, 4, 5, 9, 10, 11, 12, 14 августа).	

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
1661	Москва	«Холодная осень». 21 сентября был мороз и сильный ветер. Выпал снег	ПСРЛ, т. 37, с. 178 — 199
1662	Москва	Первый осенний мороз был отмечен 26 сентября. На следующий день выпал снег, а ночью был «мороз велик»	Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы, с. 154
1663	Москва	Небольшой мороз 3 мая. Засушливые весна и начало лета: «...ведренные и красные дни»	*Там же,* с. 179
1666	Москва	22 мая было пасмурно и шел небольшой дождь, ночью было холодно и морозно. 1 июня «в день после полудня шел дождь большой с градом и был гром велик». 30 июля была холодная ночь. Следующей ночью отмечен мороз. 1 и 2 августа были ясные дни, а ночью — холодно и морозно.	*Там же,* с. 219 — 222, 238, 239, 252, 254; МАМЮ, кн. 15, с. 380
		14 августа шел дождь и град. 2 сентября было ясно, а ночью холодно и был мороз. Мороз отмечен и ночью 13 сентября. Возврат холодов в конце весны и раннее наступление морозов, по-видимому, привели к гибели урожая как в Москве, так и к югу от нее. Неурожай был в Харькове, Белгороде, Ахтыре и других местах. По случаю недорода выдавался хлеб из государственных житниц. Голодный год	
1668	Москва	27 апреля был «мороз велик». 19 мая шел небольшой снег. 22 августа большие пожары в Москве	Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы, с. 281; МАМЮ, кн. 13, с. 618

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
1672	Москва	28 сентября шел снег и дожди. В землях к югу от Москвы по причине сильных дождей имел место недород	*Там же,* с. 284; МАМЮ, кн. 13, с. 719
1673	Москва	Дождливый, пасмурный август, изо дня в день отмечаются дожди, начиная с 3 августа — непрерывное ненастье. Лишь 13 августа был погожий день	*Там же,* с. 307 — 311
1675	Москва	Большой пожар 9 июня. «Загорелося на Москве в Белом городе на Петровке и выгорело до Земляного города, да по Тверскую и по Неглинну. А людей сгорело у Петровских ворот 370 человек, а иных и невесть сколько»	ЛХ (284), с. 293
1684	Москва	«Божьим всемогуществом христианские нивы хлебом со многим удовольствием милосердно угобзиша, ибо в Москве четверть ржи покупали тогда ценою по 4 алтына, овса по 7 копеек»	ПСРЛ, т. 37, с. 199
1696	Русское государство	На Москве в январе были оттепели. На Украине была бесснежная зима. Снег выпал только 25 марта (перед Благовещением). Западная Двина замерзла. Весной и летом горели леса. Осенью при походе в степи войско было застигнуто «великим хладом». Поскольку солдаты и офицеры были «в летнем платье», то от мороза погибло 3 тысячи человек	Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы, с. 158 — 159
1698	Москва	Сильная оттепель на Богоявление. Неурожай: «...хлеба недород велик». Была дороговизна в Москве, Ржеве, Великих Луках на все припасы. Лето сухое, а затем был и «великий» неурожай, вызвавший голод, особенно тяжелый на Украине, оттуда часть населения ушла в русские земли	МАМЮ, кн. 17, с. 2038, 2386

Годы	*Территория*	*События*	*Источники*
1702	Москва	Необычайно высокое половодье на Москве-реке. Многие улицы столицы были затоплены. «Апрель начался такой резкой теплотой, что лед и снег быстро исчезли. Москва-река от такой внезапной перемены, продолжавшейся сутки, поднялась так высоко, как и не запомнят старожилы...»	К истории наводнений Москвы-реки // Зап. ГГИ, 1933, № 10, с. 101
1703	Россия	Чрезвычайно холодная и малоснежная зима в центральных и северных областях России. На юге, напротив, зима мягкая и почти бесснежная. Сильное половодье на Москве-реке. Весна была дружной, теплой. Засуха на Украине и в Европе. «Великое бездождье» на юге России. Сильные пожары по причине «суши великой» как на Украине, так и в Западной Европе. Голодный год на юге России и в Западной Европе	Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы, с. 104
1704	Россия	Возврат холодов в конце весны: «Мая в 20 день в нощи был великий мраз. И от того побита рожь в Заоцких городах по Севск и по Брянск, и по Москву, а инде побито и за Москвою». Голодный год: «И глад бысть по деревням великим в семенах и в ячменях. Купили четверть в полтора рубли и по 60 алтын. А из сел и деревень многие помещики и вотченники людей своих и крестьян отпущали кормиться в Украинные города, а иные отпускали и вовся. А хлеб яровой в то время родился весьма хорош, никогда такого не бывало». Эпидемия на юге России	*Там же*, с. 213

Список сокращений к своду экстремальных природных явлений

ВЭО — Вольное экономическое общество
ВПЛ — Вологодско-Пермские летописцы XV века
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЖМГИ — Журнал Министерства государственных имуществ
ИЛ — Иосафовская летопись
КМЛИ — Краткий Московский летописец из Ивановского краеведческого музея
ЛС — Литературный сборник
ЛПС — Летописец Переяславля-Суздальского
ЛХ — Летописи и хроники
МАМЮ — Описание бумаг Московского архива Министерства юстиции
МВ — Метеорологический вестник
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ОЛ — Острожский летописец
ПВ — Правительственный вестник
ПЛ — Псковский летописец
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
РЛ — Радзивилловская летопись
СЛ — Соликамский летописец
СхиЛ — Сельское хозяйство и лесоводство
ТЛ — Троицкая летопись
УЛС — Устюжский летописный свод

Города вокруг Москвы

Таблица № 1. Города к северу от Москвы

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
1	**Долгопрудный**, 20 км С XVII века здесь известно село Виноградово на Долгих прудах. В 1951 году — поселок. В 1957 году — город	Дачное место до XX века. В городе много заводов, а также знаменитый Физико-технический институт, научные учреждения
2	**Лобня**, 28 км В 1902 году образовался пристанционный поселок. В 1961 году — город	В селе Красная Поляна в XIX веке построена бумагопрядильная фабрика купцов Крестовниковых. В 1920-х годах возникают промышленные предприятия. В городе и окрестностях много архитектурных памятников XVI — XIX веков
3	**Яхрома**, 55 км В 1841 году возник рабочий поселок. В 1940 году — город	Фабрики и заводы
4	**Дмитров**, 65 км 1154 год	Юрий Долгорукий (на месте бывших славянских поселений). В начале XIII века отошел к Переяславлю. В 1301 году здесь состоялся съезд князей. С 1364 года в составе Московского княжества
5	**Талдом**, 110 км В 1677 году деревня Талдом. В 1680 году — село. В 1918 году — город	Село Талдом было перевалочным пунктом на Кашинском тракте. Торговля, извоз, кустарное производство. В 1860 — 1870-х годах — производство обуви. Предприятия обувной, швейной промышленности, заводы металлоконструкций и т. д.
6	**Дубна**, 115 км Основан в 1956 году	Центр фундаментальных исследований в области физики

Таблица № 2. Города к северо-востоку от Москвы

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
1	**Мытищи**, 19 км 1631 — 1633 годы	Первые поселения возникли в XI — XII веках. Здесь кончался волок, соединявший торговые пути по рекам Клязьме и Москве. Здесь с торговцев собирали «мыт» — пошлину. В XIV веке волок заброшен. В XVII веке часть села Большие Мытищи, возникшего в XV в., входила в царскую вотчину. В XVII веке Екатерина II повелела провести из Мытищ в Москву водопровод. В 1804 году он подал городу воду
2	**Щелково**, 35 км Деревня Щелково известна с 1521 — 1522 годов, город — с 1925 года	Деревней владел Троице-Сергиев монастырь, позже окольничий Б. Я. Бельский. Здесь развивались шелкоткачество и хлопчатобумажная промышленность. Крупный промышленный центр современного Подмосковья
3	**Пушкино**, 43 км Село Пушкино известно с 1499 года, город — с 1925 года	Владение московских митрополитов. В XVI — XVIII веках жители села Пушкино в основном обслуживали дорогу. Позже окрестности села стали одним из культурных центров Подмосковья, дачным местом. Расположено на тракте, связывающем Москву с Троице-Сергиевой лаврой, а также с городами Ярославлем и Вологдой
4	**Хотьково**, 60 км 1308 год	Поселение Хотьково сложилось вокруг Покровского Хотькова монастыря. Во времена Петра I монахини монастыря, обученные голландскими мастерами, пряли тончайшие нити, плели кружева. С XIX века здесь начинают возникать промышленные предприятия

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
5	**Сергиев Посад**, 71 км 1345 год	Сергий Радонежский. Духовный и культурный центр Московского княжества, а затем и Русского государства. В 1380 году Сергий благословил Дмитрия Донского на борьбу с Ордой. В XVI веке окружен мощной крепостной стеной и включен в систему оборонительных сооружений на подступах к Москве
6	**Александров**, 120 км XIV век	Упоминается в грамоте Ивана Калиты как Александровская Слобода. В 1564 — 1581 годах — резиденция Ивана Грозного, экономический и культурный центр Русского государства, центр опричнины. Военной роли для Москвы не играл. С 1778 года — уездный город во Владимирском, вновь образованном, наместничестве
7	**Переславль-Залесский**, 160 км (первое название города — Переяславль) 1152 год	Юрий Долгорукий. Создан как укрепленный пункт Суздальского княжества. В 1175 — 1302 годах являлся центром Переяславского княжества (Залесского). В 1302 году вошел в состав Московского княжества

Таблица № 3. Города к востоку от Москвы

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
1	**Реутов**, 12 км Деревня Реутово известна с 1576 — 1578 годов. Город — с 1940 года	В XIX веке здесь строится хлопкопрядильная фабрика купца С. А. Мазурина. В окрестностях города много памятников архитектуры, в том числе усадьба генерал-фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайского

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
2	**Балашиха**, 20 км До 1830 года — местечко Балашиха. Город — с 1957 года	В 1830 году в имении князя Н. И. Трубецкого построена суконная фабрика. В окрестностях города много памятников архитектуры
3	**Железнодорожный**, 21 км 1952 год, образовался из нескольких сел и деревень. Село Кучино известно с 1573 года как пустошь	В XIX веке здесь производили красный кирпич. Строительная промышленность, памятники архитектуры
4	**Электросталь**, 60 км До 1916 года здесь находилось урочище Затишье	В 1916 году промышленник Н. А. Второв начал возводить здесь электрометаллургический завод. Центр тяжелой промышленности
5	**Ногинск**, 68 км С 1389 года — село Рогожи (Рогоже). С 1506 года — ямская слобода (Старый Рогожский Ям). В 1781 году — уездный город Богородск	В 1842 году З. С. Морозов основал в окрестностях Богородска крупное текстильное предприятие. С 1930 года — Ногинск в честь В. А. Ногина. Крупный промышленный и научный центр
6	**Павловский Посад**, 68 км Конец XVI века. В 1328 году на месте города была деревня Павлово, или Вохна	О деревне Вохне в средние века сведений нет. Промышленный центр
7	**Орехово-Зуево**, 89 км XVII — XVIII века. Возник в результате слияния двух деревень: Орехово (XVII в.) и Зуево (XVIII в.)	Деревня Зуево известна как Волочек на Клязьме, Волочек Зуевский. В 1797 году зуевский крестьянин основал здесь мануфактуру. Военного значения для обороны подступов к Москве не имел
8	**Шатура**, 124 км 1918 год	Город возник на месте деревни Торбеевка в связи со строительством ГРЭС, работающей на местном торфе. Промышленный центр, добыча торфа
9	**Владимир**, 190 км 1108 год	Владимир Мономах. Город возник как крепость для обороны границ Ростовско-Суздальского княжества с юго-востока. С 1157

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
		года — столица Владимиро-Суздальского княжества. С 1299 года — резиденция русских митрополитов. В 1326 году митрополит Петр перенес резиденцию митрополитов Русской православной церкви в Москву

Таблица № 4. Города к юго-востоку от Москвы

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
1	**Люберцы**, 20 км С 1621 года известна небольшая деревня Либерицы. С 1632 года — село. Город — с 1925 г.	С 1705 года село Либерицы принадлежало А. Д. Меншикову. Жители обслуживали Рязанский и Касимовский тракты. В XIX веке здесь появилось много дачных поселков. В настоящее время — крупный промышленный центр. В окрестностях много архитектурных памятников
2	**Жуковский**, 32 км 1947 год. Образован из районного поселка Стаханово	Назван в честь Н. Е. Жуковского, основателя аэродинамики. В окрестностях города архитектурные памятники XIX века
3	**Раменское**, 46 км С 1926 г. — город	Местность Раменье с XIV века принадлежала московским великим князьям и царям
4	**Бронницы**, 52 км 1453 год	Упоминается как великокняжеское, затем царское село Броничи. Может быть, здесь производили броню, а может быть, в этих местах часто происходили сражения (брани). С XVII века здесь крупный царский конный завод. С 1781 года — уездный город Московской губернии
5	**Воскресенск**, 88 км Образован в 1862 году из поселка и близлежащих деревень	Производство минудобрений. В городе и окрестностях много памятников XVIII — XIX веков

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
6	**Куровское**, 92 км В 1656 году в Переписной книге упоминается деревня Куровская. Город с 1952 года	С 1710 года принадлежала А. Д. Меншикову. Развивались кустарные промыслы, а позже ткацкая и отделочная промышленность. В окрестностях города есть архитектурные памятники
7	**Коломна**, 113 км 1177 год (Лаврентьевская летопись)	Возник на древнем городище как пограничный город Рязанского княжества. В 1380 году здесь собиралось войско в поход на Куликово поле. В 1552 году Иван IV Васильевич собирал здесь войско для похода на Казань. В 1301 году присоединен к Москве. В 1356 году отошел к Дмитрию Донскому
8	**Озеры**, 155 км В XVII веке здесь была деревня Озерки, с 1851 года — село, город — с 1925 года	В 1689 году село принадлежало А. С. Шеину. Текстильная промышленность. В городе и окрестностях много памятников XIX века
9	**Зарайск**, 162 км (древнее название — Красный Новогородок на Осетре, городок Николы Заразского на Осетре) XIII век	Основатель не известен. В 1528 — 1531 годах укреплен каменной стеной. В 1533, 1541, 1570 годах здесь были разгромлены войска татар. Являлся пограничным городом на границе Московского государства
10	**Скопин**, Ок. 200 км (первоначальное название — Лихаревское городище). XII век	В XIII — XVI веках город превращен в крепость. До XIII века здесь занимались хлебопашеством, ремеслом, другими мирными делами. Город защищал подступы к Москве с юго-востока

Таблица № 5. Города к югу от Москвы

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
1	**Видное**, 23 км В 1949 году — рабочий поселок. В 1965 году — город	Промышленный город. Памятники XVIII — XIX веков в окрестностях города

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
2	**Домодедово**, 37 км В 1900 году — рабочий поселок. В 1947 году — город	Неподалеку от города находилось село Домодедово, бывшая царская вотчина, известная с 1410 года. Промышленный город. В окрестностях много архитектурных памятников XVII — XIX веков. В 12 км от города — одноименный аэропорт
3	**Подольск**, 43 км Село Подол известно с 1627 — 1628 годов. Вотчина московского Данилова монастыря. С 1781 года — город	В XVIII веке жители города занимались торговлей, извозом, добывали белый камень. Крупнейший промышленный центр Подмосковья. Архитектурные памятники XVII — XIX веков
4	**Чехов**, 77 км До XIX века здесь было несколько деревень, известных с 1401 по 1628 год. В XIX веке — село Лопасня. В 1951 году — рабочий поселок Лопасня. С 1954 года — город Чехов	В имении Мелихово неподалеку от Лопасни жил А. П. Чехов. Лопасня была расположена на Серпуховском тракте, связывавшем Москву с югом Руси. Промышленный город. Памятники XVII — XIX веков
5	**Ступино**, 110 км 1511 год	Возник как починок Ступинский Троицкого Белопесоцкого монастыря. Монастырь служил в XV — XVII веках форпостом в борьбе против татар. В 1708 году приписан к Московской губернии
6	**Таруса**, 110 км В XI — XII вв. В 1246 — город	Крупный опорный пункт на Оке, владение князя Юрия, сына черниговского князя Михаила Всеволодовича. В 1380 году тарусская дружина погибла в битве на Куликовом поле. В 1521, 1571, 1591 годах и позже подвергалась нападениям крымских татар. В конце XIV века Таруса вошла в состав Московского Великого княжества. В XVI — XVII веках являлась важным пунктом так называемой береговой защиты на Оке

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
7	**Кашира**, 115 км В 1356 году упоминается в духовной грамоте Ивана Калиты как село. Город с 1531 г.	Город возник как крепость для защиты подступов к Москве. В XV веке село не раз жаловалось в «кормление» бывшим казанским ханам. Нашествие Девлет-Гирея в 1571-м, чума, а также голод вынудили людей перенести Каширу на правый берег Оки. В XVII веке Кашира перестала играть оборонное значение для Москвы, а в 1708 году приписана к Московской губернии
8	**Серпухов** 1328 год. Упоминается в завещании Ивана Калиты	Название получил от речки Серпейки, впадающей в Нару. В 1341 — 1456 годах являлся центром Серпуховского удельного княжества. Во второй половине XIV века город укреплен форпостами — монастырями и деревянным кремлем. В 1360 году серпуховской князь Владимир Андреевич с дружиной сражался на Куликовом поле. Не раз Серпухов сдерживал натиск врага. В 1456 году вошел в состав Московского государства. В 1556 году Иван Грозный повелел построить каменный кремль. В 1618 году Серпухов выдержал осаду войск гетмана П. К. Сагайдачного
9	**Алексин**, 150 км В 1348 году упоминается в Никоновской летописи. Основан, по всей вероятности, в XIII в.	Возник как деревянная крепость на границе Тарусского княжества. В 1472 году сожжен татарами, но быстро восстановлен. В XV — XVII веках представлял собой мощную крепость. В начале XV века вошел в состав Московского княжества

Таблица № 6. Города к юго-западу от Москвы

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
1	**Апрелевка**, 42 км В конце XIX века — рабочий пристанционный поселок. В 1961 году — город	В XIX — XX веках развивалось кустарное производство. В 1910 году здесь открылась фабрика грампластинок «Метрополь-Рекорд». Крупный промышленный город. В окрестностях памятники XVII — XIX веков
2	**Наро-Фоминск**, 70 км 1864 год. Образован из двух поселений. Село Фоминское известно с 1328 года, деревня Малая Нара — с XVII века	Село Фоминское в XIV — XVI веках играло важную роль в качестве оборонительного форпоста на подступах к Москве. Деревня Малая Нара в XVII — XVIII веках была вотчиной Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря. Оборонительное укрепление
3	**Боровск**, 80 км. 1356 год (в духовной грамоте великого князя Ивана II)	Принадлежал черниговским наместникам, затем Рязанскому княжеству. В 1386 году отдан серпуховскому князю Владимиру Андреевичу Храброму, до 1456 года был центром удельного Серпуховского-Боровского княжества. В 1392 году вошел в состав Московского княжества
4	**Малоярославец**, 120 км (Ярославец). XIV век	Основан князем Владимиром Андреевичем Серпуховским и назван в честь его сына. В 1508 году город был отдан князю М. Л. Глинскому. Во время Смуты был разорен. С 1776 года стал уездным городом Калужского наместничества. В 1485 году присоединен к Московскому княжеству
5	**Калуга**, 188 км XIV век (в 1371 году упоминался в грамоте литовского князя Ольгерда)	Основан во времена правления Симеона Гордого как пограничная крепость Московского княжества. В 1389 году Калуга вошла в состав удельного Можайского княжества. До XVI века яв-

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
		лялась крепостью береговой системы обороны Московского княжества (Пояс Богородицы). Воеводы назначались из Москвы. В 1512 году Калуга после опустошения ее татарами перенесена на новое, стратегически более выгодное место. Князь Дмитрий Донской завещал Калугу своему сыну в 1389 году

Таблица № 7. Города к западу от Москвы

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
1	**Красногорск,** 23 км Село Павшино известно с 1462 года, другие села — с XVII века. В 1929 году — поселок Красная Горка. В 1940 году — город	В XIX веке вокруг села Губайлово (известно с 1620 года) стали строить писчебумажную и другие фабрики. Промышленный город. В окрестностях много архитектурных памятников XVII — XIX веков
2	**Одинцово,** 24 км Село Одинцово — с 1627 года. В 1870 году — станционный поселок. В 1939-м — рабочий поселок. В 1957 году — город	В XIX — XX веках — дачное место. Промышленный город. Много памятников XVI — XIX веков
3	**Дедовск,** 28 км Рабочий поселок возник на месте села Дедово в 1911 году. В 1940 году — город	В окрестностях города много памятников архитектуры XVII — XIX веков
4	**Звенигород,** 46 км 1152 — 1328 годы (в духовной грамоте Ивана Калиты в 1328 — 1329 гг.). Предположительно город основал Юрий Долгорукий в 1152 году	В XIV веке Звенигород представлял собой крепость на высоком берегу реки Москвы (Городок). В XIV — XVI веках — важный сторожевой пункт. С 1339-го по 1492 годы — центр Звенигородского удельного княжества. В 1382 году разорен Тохтамышем. С 1492 года вошел в состав Московского княжества

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
5	**Истра**, 56 км Село Сафатово известно до 1589 года, когда оно было переименовано в село Воскресенское. Город Воскресенск — с 1781 года. С 1930 года — город Истра	В 1656 году патриарх Никон основал Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. С 1658-го по 1667 год Никон жил здесь в опале. Уничтоженный почти полностью фашистами город, а также знаменитый Новоиерусалимский храм почти полностью восстановлены
6	**Можайск**, 110 км 1231 год (Никоновская летопись)	Являлся уделом Черниговского, затем Смоленского княжеств. В 1293 году был сожжен татаро-монголами. В 1368 году Ольгерд, князь Литовский, потерпел здесь неудачу — не взял город. В 1382 году Можайск захватили отряды хана Тохтамыша. С 1389-го по 1493 год — центр удельного княжества. В 1408 и 1413 годах для усиления Можайска построены монастыри: Лужецкий и Колочский. В 1541 году по указу Ивана Грозного Можайск укреплен бревенчатыми и каменными стенами. В 1303 году вошел в состав Московского княжества как крепость. В 1493 году вошел в состав Московского княжества
7	**Руза**, 110 км 1328 год (в духовной грамоте Ивана Калиты 1328 г. либо 1339 г.)	Принадлежал Звенигородскому удельному княжеству. В 1462 — 1504 годах принадлежал Волоколамскому княжеству. В 1504 — 1533 годах входил в удел дмитровского князя Юрия Ивановича. Деревянный кремль на левом берегу Рузы был уже в XII веке. С 1533 года — в составе Московского княжества. Руза была важной крепостью на подступах к Москве еще в XII веке

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
8	**Зубцов**, 200 км 1216 г. Упоминается в летописи	Входил в состав Тверского княжества. В XIII — XIV веках испытал военное давление со стороны литовцев. В 1485 году вошел в состав Московского Великого княжества
9	**Ржев**, 220 км Известен с XI века	В XII веке Ржев входил в Смоленское княжество. Ржев был важным пунктом на водном пути между Новгородом и Киевом. В 1216 году вошел в Торопецкое княжество. С 1225 года — центр удельного княжества. В XIV веке присоединен к Московскому княжеству

Таблица № 8. Города к северо-западу от Москвы

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
1	**Химки** Возник в 1850 году как пристанционный поселок на месте сел, известных с XVI — XVIII веков. В 1937 году — рабочий поселок. В 1939 году — город	До основания поселка здесь было дачное место. В современном городе много научно-производственных объединений, промышленных предприятий
2	**Зеленоград**, 50 км Город-спутник, строительство началось в 1960 году, тогда город назывался Крюково. Зеленоградом город стал называться в 1963 году	Предприятия электронной промышленности
3	**Солнечногорск**, 69 км В начале XVIII века — село Гомзино, затем — Солнечная гора. В 1928 году — поселок. В 1938 году — город	Ямской промысел. В XIX веке — ткацкая и бисерная фабрики, другие предприятия. Промышленный город. В окрестностях — Дом творчества Союза художников, архитектурные памятники XVII — XIX веков

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
4	**Клин**, 89 км 1317 год (Никоновская летопись)	Возник как крепость в системе тверских крепостей на притоках Волги. До 1482 года входил в Тверское княжество. Родовое имение Романовых. С 1492 года входил в состав Московского княжества
5	**Высоковск**, 101 км В 1883 году — рабочий поселок. В 1940 году — город	Промышленный город
6	**Волоколамск**, 130 км (Волок на Ламе, Волок Ламский). 1135 год	Основан новгородцами на пути из Новгорода в Волго-Донской бассейн в месте волока судов из реки Ламы в Волошню, впадающую в Рузу. В 1462 — 1513 годах являлся центром удельного Волоцкого княжества. Играл в основном роль важного торгового центра. С XV века входил в состав Московского Великого княжества. В 1781-м город стал уездным городом Московской губернии
7	**Тверь**, 167 км XII век (упоминается в разных источниках под 1164 годом)	Возник в результате слияния ремесленно-торговых поселений, расположенных около монастыря близ реки Тверца. Первоначально принадлежал Новгороду. С 1209 года входил в состав Владимиро-Суздальского княжества. В 1238 году взят и разорен Батыем. С середины XIII века являлся столицей Великого Тверского княжества, которое организовало сопротивление татаро-монгольским завоевателям. Был главным соперником Москвы в долгой борьбе за объединение Руси. В 1485 году Тверь присоединена к Московскому княжеству

№	*Название, расстояние от Москвы, дата основания*	*Основатель, знаменательные события, историческая связь с Москвой*
8	**Кашин**, 170 км XII — XIII века (в 1328 году упоминается в Никоновской летописи)	В XII — XIII веках входил во Владимиро-Суздальское княжество. В 1239 году взят войском хана Батыя. С 1247 года в составе Тверского княжества. В 1485 году вошел в состав Московского княжества
9	**Торжок**, 220 км 1139 г.	Основан новгородцами на месте славянских поселений, существовавших здесь с IX — X веков. В XII — XV веках был пограничным пунктом владений Великого Новгорода. В начале XIII века в Торжке собиралось до 2 тысяч купцов. В 1238 году жители города две недели сдерживали осаду монголов, тем самым спасли Новгород. С 1478 года Торжок вошел в состав Московского Великого княжества

Литература

1. *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988.

2. *Брикнер А. Г.* История Петра Великого. Репринтное воспроизведение с издания А. С. Суворина. М.: Терра, 1991.

3. *Брокгауз и Ефрон.* Энциклопедический словарь. Биографии. Т. I. М.: Советская энциклопедия, 1991; Т. III. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.

4. *Верещагин В. П.* История государства Российского в изображении державных его правителей с кратким пояснительным текстом. Спб., 1891.

5. *Градовский А. Д.* История местного самоуправления в России. Т. I. Спб., 1868.

6. *Забелин И. Е.* История города Москвы. Репринтное воспроизведение издания 1905 года с дополнениями. М.: Наука, 1995.

7. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. I — XII. Калуга: Золотая аллея, 1995.

8. *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. I. М.: Мысль, 1993.

9. *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. I — III. Выпуски первый — седьмой. Калуга: Золотая аллея, 1995.

10. *Литвин Михалон.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Наука, 1964.

11. *Миллер Г. Ф.* Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука, 1996.

12. Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1909.

13. *Назаревский В.* Из истории Москвы. 1147 — 1703 гг. Очерки. М., 1896.

14. *Никольский Н. М.* История Русской церкви. М.: Политиздат, 1983.

15. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV — XVII вв. Т. I. Книга сеунчей 1613 — 1619 гг. Документы разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень — зима 1615 года). Москва — Варшава: Археографический центр, 1995.

16. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1981.

17. *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. Петроград. Сенатская типография, 1917 год. СПб.: Кристалл, 1997.

18. Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

19. *Пыляев М. И.* Старая Москва. М.: Московский рабочий, 1990.

20. *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. II. М.: Воениздат, 1957.

21. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. I (т. I — II). М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959; Кн. II (т. III — IV). М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960.

22. Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. Собрал *Петр Паламарчук*. В 4 т. Т. II. М.: АО «Книга и бизнес», АО «Кром», 1994.

23. *Стрейс Я. Я.* Три достопамятных и исполненных многих превратностей путешествия по Италии, Греции, Лифляндии, Московии... М.: ОГИЗ-СОЦЭГИЗ, 1935.

24. *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. XII — XV вв. М.: МГУ, 1947.

25. *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва. М.: Книжный сад, 1997.

26. *Транквилл Гай Светоний.* Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1964.

27. *Хара-Даван Эренжен.* Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII — XIV вв. 2-е изд. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991.

28. *Шукшин В.* «Я пришел дать вам волю». Бунташный век. (Из сочинений Григория Котошихина). М.: Молодая гвардия, 1983.

29. *Яновский А. М.* Юрий Долгорукий. М.: Московский рабочий, 1955.

Содержание

Вступление 4

Часть первая. Основатели 7

Долетописная история Москвы 9
Долгорукий Юрий Владимирович 17
Боголюбский Андрей Юрьевич 44

Часть вторая. Удел или крепость? 59

Часть третья. Московское княжество 73

Противостояние 75
Даниил Московский 80
Юрий Данилович 86
Митрополит Петр 94
Иван Данилович Калита 98
Семен (Симеон) Иванович Гордый 110
Иван II Иванович Красный 119

Часть четвертая. Возвышение Москвы 129

Дорога к полю Куликову 131
Митрополит Алексий 153
Дмитрий Донской 158
Василий Дмитриевич 183
Василий II Васильевич Темный 202

Часть пятая. Русское государство 227

Между трех огней 229
Иван III Васильевич 237
Василий III Иванович 286
Иван IV Васильевич Грозный 306

Федор Иванович 382
Борис Федорович Годунов 409
Конец Годуновых 423
Лжедмитрий I 427
Василий Шуйский 431
Минин и Пожарский 444

Часть шестая. Век боярского правления 465
Почему устояло Русское государство? 467
Михаил Федорович Романов 476
Алексей Михайлович Романов 500
Патриарх Никон 531
Федор Алексеевич 559
Царевна Софья 569
Петр Великий 589

Список сокращений к своду экстремальных природных явлений 621

Города вокруг Москвы 622

Литература 636

Scan, processing, ocr: waleriy; 2015

Руководитель проекта *М. Полятыкин*
Корректоры: *И. Баринская, С. Калужская, Г. Морозова, В. Шабаршина*
Верстка *А. Канищев*
Исполнительный редактор *А. Полятыкина*
Оформление обложки *Г. Еремеев*
Набор, верстка, вывод на пленку — издательство «Тверская, 13»

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 040747 от 12 марта 1996 г.

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, часть 1; 953000 — книги, брошюры

Формат 60x90/16.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 40.
Тираж 8000 экз. Зак. № 2749.

Редакция еженедельника «Тверская, 13»
121872, Москва, Новый Арбат, 21

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства «Тверская, 13»
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате
детской литературы им. 50-летия СССР Государственного комитета
Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

ISBN 5-89328-012-1

9 785893 280128 >

По вопросам приобретения книги просьба обращаться
в издательство «Тверская, 13»
Тел.: 290-63-34, 201-45-87.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТВЕРСКАЯ, 13